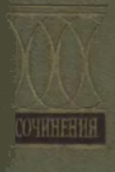
Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

12

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

* * *

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМА I—XVII

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • ЛЕНИНГРАД
1975

Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ

ТОМ ДВЕНАДЦАТЫЙ

БЕСЫ

Рукописные редакции

НАБРОСКИ 1870—1872

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • ЛЕНИНГРАД
1975

Д $\frac{70301-506}{042\ (02)\ -75}$ Подписное

НАБРОСКИ И ПЛАНЫ

1870—1872

⟨1⟩

16/28 февраля ⟨18⟩70.

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ МЫСЛЬ. ИМЕТЬ В ВИДУ

Идея романа.

Романист (писатель). В старости, а главное от припадков, впал в отупение способностей и затем в нищету. Сознавая свои недостатки, предпочитает перестать писать и принимает на бедность. Жена и дочь. Всю жизнь писал на заказ. Теперь уже он не считает себя равным своему прежнему обществу, а в обязанностях перед ними. Критики, которым он, однако, про себя говорит «*подлецам*» (ниже всех будто бы; в результате же выше всех). Эпизоды из своей бывшей жизни, как бы в назидание детям и проч. Публичные лекции. О том, как он много идей выдумал, и литературных, и всяких. Тон как будто насмешки над собой, но про себя: «А ведь это так». Как его и дети, и жены, и М⟨илюко⟩вы ⟨?⟩ считают за ничто. Как подают ему Т⟨ургене⟩в, Гончар⟨ов⟩, Плещеев, Аксаков, поругался с С⟨алтыковы⟩м ⟨?⟩. Как про себя вдруг написал превосходное произведение. Слава и деньги. И проч., и проч. NB. Тема богатая.[1] — Ну, положим, с графом Л. Толстым или с г⟨осподином⟩ Тургеневым (NB. никогда с просто Тургеневым без г⟨осподина⟩) не равняю; *даже* с другим графом Толстым не равняю, но реалист Писемский — это другое дело! Ибо это водевиль французский, который выдают нам за русский реализм.

NB. О скоротечности жизни и рассказы — поэтическое представление вроде «Сна Обломова», о Христе (и про себя потом: это стоит по 200 руб. с листа, а я им это даром, а они думают, что мне благодетельствуют).

О направлениях и идеях, бывших в литературе.

---

[1] Тема богатая. *обведено рамкой.*

⟨2⟩

МЫСЛЬ НА ЛЕТУ. В губернский город приезжает фельдмаршал с беременной любовницей. Прельстить опять мужа. Муж с правилами, самосовершенствование, подкидные дети. Не пленяется, но ровен и любит. Входя в желание обольстить мужа, она обольщается сама. Князь — потерянный человек. Желает она бежать наконец от обольщения, ибо поддалась, князя выводит из себя, тот ревнует к мужу, бьет его по лицу, убивает (но не убил). (NB. Она убить подзадорила, но не говорила словами, а разжигала ревность.) Когда же тот выстрелил в мужа — бросила князя и окончательно отдалась мужу. Князь убил себя? NB. Муж принял, но только что принял, так она и соскучилась. С гимназистом, с губернатором.

Пустынник — Мария Египетская.

Князя заставляет оскорбить свою мать. (Эксперименты над князем поминутно.)

NB) Соблазняет мужа до того, что отдается ему.

NB) Она из-за границы, ей хочется посмотреть на нигилиста. Приезжает один учитель-нигилист. (Убийство мужа; князь входит в дружбу и подговаривает ⟨?⟩ нигилистов убить.)

Была на казни Тропмана. Описание казни. О том, что он был прелестен.

NB. Или учитель ее отвергает, т. е. не отвергает, но не прельщается (хоть, может быть, и имел). Тогда она мстит ему, и когда отмщает (убивает), тогда плачет.

Князь — трагическая фигура. (В нем *зерно* приключений и происшествий романа.)

Жена, бывшая на содержании у фельдмаршала, отданная им с вознаграждением мужу-учителю, кружит ему голову, заставляет его оскорбить его [1] мать, убивает фельдмаршала, заставляет мужа драться на дуэли с оскорбителем (одним молодым князем, любовником ее на минутку), переворачивает всю губернию, умирает наконец при рыдающем муже.[2]

⟨3⟩

МЫСЛИ НОВЫХ ПОВЕСТЕЙ

Настасья — высокая дворовая девушка, даже рябая, тихая, приехал помещик, жил, прижил ребенка, Григорий и Федосья, женился, умерла в родах.

---

[1] *Было:* свою

[2] Жена ∾ рыдающем муже. *вписано на полях.*

Новыя повѣсти.

1)

Самоубійство. Чиновникъ или кто-нибудь, бесталанный, дрянной, которому ничего не удается. Самъ знаетъ, что онъ дрянь. Самолюбіе и самомнѣніе до сумасшествія. Въ знатномъ домѣ, куда онъ ходитъ по дѣлу, надъ нимъ смѣются. Его презираютъ, считаютъ за ничто. Дочь генерала выходитъ замужъ. Онъ не то, что влюбленъ въ невѣсту, но онъ завидуетъ. Онъ хотѣлъ бы застрѣлиться, но вдругъ мысль: похитить дочь генерала, невѣсту, наканунѣ свадьбы, завезти и обезчестить. Ходитъ въ какой-то клоакъ (вродѣ фонъ Зона). Случайно замѣшался. Наединѣ съ дочерью. Сцена, разсвѣтъ и т. д. ([illegible] Пик. дама.)

2)

Дѣти братъ и сестра маленькіе убѣжали отъ отчима. Странствовали по Петербургу, погибаютъ. (Отчимъ, характеръ сообщилъ Мих. Н-чъ [illegible].)

Новые повести. Неосуществленный замысел. Черновой автограф. 1872 г.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).

⟨4⟩

НОВЫЕ ПОВЕСТИ

1)

Самоубийства. Чиновник или кто-нибудь, бесталанный, дрянной, которому ничего не удается. Сам знает, что он дрянь. Самолюбие и самомнение до сумасшествия. В знатном доме, куда он ходит по делу, над ним смеются. Его презирают, считают за ничто. Дочь генерала выходит замуж. Он не то что влюблен в невесту, но он завидует. Он хотел было застрелиться, но вдруг мысль: похитить дочь генерала, невесту, накануне свадьбы, завести и обесчестить. Ходил в какой-то клоак (вроде фон Зона). Случайно заманил. Наедине [1] с дочерью. Сцена, развить и т. д. (фантастический колорит, «Пик⟨овая⟩ дама»).

2)

Дети, брат и сестра, маленькие, убежали от отчима. Странствования по Петербургу. Погибают. (Отчим, характер сообщить с Мих⟨аила⟩ Н⟨иколаев⟩ича ⟨?⟩. Англичанин.

⟨5⟩

ИДЕЯ

Чиновник, скучно, «а не поджечь ли?»
Ему дали пощечину. Он поджег (в воображении).
Он убил. Страшные впечатления. Занялся.
Мечты об острове на Балтийском море.
(Пружанская.)

Пустота души нынешнего самоубийцы.[2]

---

[1] *Было:* Один
[2] *Фраза:* Пустота ∾ самоубийцы. — *вписана на полях.*

ВАРИАНТЫ

БЕСЫ

(Том X, стр. 5)

Варианты чернового автографа (ЧА)

Часть третья (продолжение, Главы III—VIII)

⟨9⟩

Стр. 411.

7–8 оба шли / они оба шли ◇
8 спеша / почти спеша ◇
8 словно полоумные / как полоумные
8–11 Они направлялись ∾ не попадался / Маврикий Николаевич направился [однако] на самый короткий путь, прямо к Заречью, в сторону пожара; он всё не терял надежды встретить хоть какую-нибудь телегу, но никто не попадался ◇ *Далее было вписано:* Он изо всех сил поддерживал Лизу, наполовину нес ее
11 тонкий дождь / тонкий как туман дождь
13–14 а казалось / но казалось ◇
14 *После:* не рассвело. — Не могу же я отвечать за фантастичность [картины], да и всего чаще действительность [не] представляется нам невероятною, а между тем предстоит описать нечто еще фантастичнее... Первая вскрикнула и узнала Лиза.
15 вырезалась / вдруг вырезалась
15 им / *а.* путникам *б.* нашим путникам
15–16 *После:* навстречу. — Воображая теперь, думаю, что я бы не поверил, если б был даже на месте Лизаветы Николаевны. А между тем она первой вскрикнула и узнала.
19 Это был Степан Трофимович / И, однако же, это был он
19 каким / и каким
20 безумная / эта безумная ◇
20–21 о том впереди. / *а. Начато:* о том психологическое объяснение *б.* о том впереди в особой главе «О странствованиях Степана Т⟨рофимови⟩ча».
21–24 Упомяну лишь, ∾ кабинетной неопытности. / *а.* Теперь же [одно] замечу лишь об одном: он провел всю ночь в лихорадке. За ознобом наступил жар [и теперь даже ⟨*1 нрзб.*⟩], сохранившийся даже и теперь при встрече, но Ст⟨епан⟩ Т⟨рофимови⟩ч и не подумал о нем. Он твердо шагал по мокрой земле. Но [это] [тут] это была лишь инерция тела, принявшего [толчок] грозный толчок. И если бы в двадцати шагах его ждала смерть и он знал это, он все-таки не воротился бы. Это именно бывает раз в жизни с характером высочайшей слабости, хотя, впрочем, раз в жизни и не более как на

один порыв. *б*. Теперь же замечу лишь то, что он [был] ночь провел в лихорадке. За ознобом к утру последовал жар. Но и это не удержало его, он все-таки бежал. Это была лишь инерция тела, принявшего грозный толчок. Если бы впереди его ждала смерть и он знал это, он все-таки не воротился бы. Увы. Это именно [совер′шается⟩] может случиться раз в жизни с характером, но при непременном условии высочайшей слабости, хотя бы на один порыв. *в*. Скажу лишь, что в момент этой встречи он был в сильной лихорадке, но она не остановила его: он твердо шагал по мокрой земле. По-видимому, он всё сильно обдумал, несмотря на [бред и] безумие предприятия. ◇

23–31 *Против текста:* обдумал предприятие ∾ гарусный шарф, — *на полях наброски: 1.* — У меня с собой мой вид *2.* — Ce marchand *3.* — Зачем становитесь на колени? —
— Прощаюсь с юностью. *4.* — Мы несчастны. *5.* Зонтик.

24–33 Одет был «по-дорожному», ∾ довершали костюм. / Он был одет в шинели в рукава и подпоясан кожаным новым поясом с пряжкой, при этом высокие новые сапоги [и панталоны в голенища] [и в которых он не умел ходить] [очевидно уже давно припасенные] [в которых он]. Панталоны в голенищах. [Шляпа и палка обыкновенные]. Шея обмотана белым теплым гарусным шарфом [а в руках], а в левой руке чрезвычайно маленький, но ужасно туго набитый саквояж [о содержании которого [впрочем после] впереди. Кабинетный человек собрался и в дорогу по-кабинетному]. Почему он так собрался? Почему не поехал на лошадях? ◇

33 Вдобавок, в той же правой руке / И вдобавок ◇

35 очень неловко / ужасно неловко

35 а со второй и тяжело / *а.* а на вторую и тяжело. Но он бы не остановился. Это не могло его остановить. [Прошел] Он уже [слишком] прошел всю первую версту и все шагал, шагал... *б*. На второй версте стало тяжело ◇

36–38 — Неужто это в самом деле вы? ∾ радости. / *а.* С⟨тепан⟩ Трофимович, неужели это вы? — [вскрикнула] вскричала Лиза, сама, впрочем [уже], почти как в бреду кажется, и может быть [даже] уже не соображая ясно дела. — Скажите, где же мы теперь *б.* Ст⟨епан⟩ Трофимович, неужто это вы? — узнала его тотчас Лиза. ◇ Неуж⟨то⟩

39–40 — Lise! — вскричал ∾ в бреду. / Lise [Lise!], — вскричал [Ст⟨епан⟩ Т⟨рофимович⟩] он, бросаясь к ней в каком-то восторге, разглядев. — Неужели это вы, Lise, в это⟨м⟩ ⟨*не закончено*⟩

40–41 — Chère ∾ в таком тумане? / Chère, chère (прибавлю, что он в эту минуту был в полной, в настоящей лихорадке) и вы... в [этом] тумане? [в зареве] О боже [я всему теперь верю], что же происходит? ◇

41 *Слов:* Видите: зарево! — *нет.*

41 Вижу / Я вижу

42 но не расспрашивайте / не расспрашивайте ◇

43 *После:* malheureux — и довольно! ◇

44–45 и будем свободны навеки ∾ et pardonner / *а.* Я [именно] [только что] думал сейчас идя: где спокойствие? И вот встретил вас [Pardonnes, Lise. В прощении спокойствие] Будем несчастны, но спокойны. В прощении спокойствие. *б.* Chère, chère ◇ ⟨Дорогая, дорогая (*франц.*)⟩

Стр. 412.

1 — Но зачем вы становитесь на колени? / *а.* Но зачем же вы становитесь на колени, так мокро? *б.* Боже мой, зачем вы становитесь на колени, голубчик Ст⟨епан⟩ Т⟨рофимови⟩ч? ◇

2–4 Затем, что, прощаясь ∾ глазам. / — Lise, — схватил он [ее обе] обе ее руки и поднес к плачущим глазам своим, — Lise, прощаясь с вами, я прощаюсь [в вашем образе] и со всем моим прошлым! ◇

4–8 Становлюсь на колена ∾ гувернер / Я становлюсь [перед] на колени перед всем, что было прекрасного в моей жизни [ces vingt deux ans ⟨эти двадцать два года — *франц.*⟩ и], такого же прекрасного как вы, ангел ребенок, встретившийся мне в райское время [моей] жизни! Увы, я отряс весь этот прах с моих ног и разбил себя надвое, здесь — безумец, гордо и радостно мечтавший о небе] ⟨*незачеркнутый вариант:* долетавший до неба, 22 ans⟩ [там старик], там — убитый и озябший старик-гувернер ◇

9–12 вскричал он, ∾ и в таком поле... / *а. Начато:* заметил *б. Начато:* закр⟨ичал⟩ *в.* вскричал он, почувствовав, что промокли [и] его колени на мокрой земле и вскочивши. Боже, как промокли ваши [ноги] башмаки! Как же вы пешком? Но вы умрете! ◇

12 *Слов:* Vous êtes malheureuse? — *нет.*

12 Ба, я что-то / Я что-то ◇

13–15 Но откуда же вы теперь ∾ l'heure qu'il est? / *а. Начато:* О боже *б.* Но... откуда же вы? *в.* Но... откуда же вы? — прибавил он боязливо, разглядывая Маврикия Николаевича. ◇

16–17 слышали вы ∾ Правда? / правда ли, что там зарезаны эти люди?.. ◇ *Далее было:* вы оттуда

18 *После:* деяний — из моих окон ◇

19 кончить / закончить ◇

19 (Глаза его вновь засверкали.) *вписано.*

20 *После:* la Russie? — Бегу туда, откуда бы я мог простить, всё простить, начиная с себя [Я только что шел и спрашивал себя... где спокойствие? и вдруг встречаю вас] О, лишь в прощении спокойствие! Но возьмите мой зонтик? ◇

20–21 Bah, c'est vous, cher capitaine! / Bah, c'est vous, cher capitaine? ⟨Ба, это вы, дорогой капитан (*франц.*)⟩ [(он уже за⟨метил⟩] обратился он к Мавр⟨икию⟩ Н⟨иколаеви⟩чу, уже встав с колен. ◇

21 Никогда / Никогда я ◇

22–26 при высоком подвиге ∾ incognito. / при высоком и благородном подвиге! Vous, Lise..., Lise, Lise, но что с вами! Я же вижу по глазам... [Но] И... почему вы пешком? Ради бога, возьмите мой зонтик [и]... Я думаю, на большой дороге не ходят [с зонтиками, Lise] с зонтиком! Но я найму экипаж. Я вижу, что на большой дороге. ◇

27–29 Я не знаю, там в «Голосе» ∾ тут и разбойник? / Впрочем хоть и пишут в «Голосе». Но вряд ли разбойники. Уж так будто непременно на всякой большой дороге разбойники! ◇

29–30 что кто-то кого-то убил / что кого-то зарезали ◇

31–34 — Идем, идем! ∾ дайте я вас перекрещу. / *а. Начато:* Нет, нет, прощайтесь со мной и помолитесь за меня *б.* — Маврикий Николаевич, не оставляйте меня [крикну⟨ла⟩]. Постойте, постойте, Ст⟨епан⟩ Т⟨рофимови⟩ч. И она бросилась было опять бежать как безумная через поле, но вдруг вернулась назад *в.* Подождите, дайте я вас перекрещу. Она уже рванулась вперед, но быстро воротилась [положив свою] *г.* Постойте, [подождите] бедный ребенок, дайте я вас перекрещу. И она набожно перекрестила его [трижды] три раза и поцеловала в лоб. ◇

34–35 Может быть, вас бы лучше связать, ∾ перекрещу / *а.* Я вас как ребенка... Ну прощайте *б.* Может быть, вас нужно связать, но я вас лучше перекрещу ◇

35–36 Помолитесь и вы ∾ очень. / Ну помолитесь и вы за вашу бедную Лизу, так, немножко, а если переживете, припомните. ◇

37 отдайте этому ребенку ∾ непременно. / отдайте ему зонтик. [Пойдемте, пойдемте] Непременно, непременно ◇ *Далее на обороте листа наброски: 1.* ее увлекал вихрь... *2.* Я сказал тогда, что мещанин размахивал. *3.* Я прямо не виню его, ибо не могу представить доказательств. *4.* (Но известие, что она ставрогинская, быстро распространилось.)

Стр. 413.

38–40 *Глава четвертая.* Последнее решение. I / Глава седьмая

41–42 В это утро ∾ состоянии. / *а. Начато.* Уж конечно П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч хлопотал в этот день. Его очень *б.* Уж конечно он хлопотал в этот день как каторжный. Его очень многие видели в городе. ◇ *После:* в городе — Увольняю себя заранее от описания нашего города [сейчас] после всех этих приключившихся и описанных катастроф; задача эта невозможная. Всё хаос, всё верх [1] дном: Лембке больной, начальство другое, временное, робкое и озадаченное; [рапорт] очи всех устремлены на Петербург; Юлия М⟨ихайлов⟩на затворившаяся и всеми оставленная, дом ее вроде чумного места. Страх и тревога, вопросы и ответы, испуг и цинизм, междуцарствие мысли — и так недели с три, вплоть до того времени, когда в наши дела ввязалась новая грозная сила, давно всеми ожидаемая и про себя призываемая.

Но о П⟨етре⟩ С⟨тепанови⟩че я по возможности собрал справки. Во-первых, его видели у Гаганова, прибывшего в город из деревни еще накануне праздника. В это утро перебывало у него много оживленных посетителей. (Иные не видали его с самого поединка.) Главное у Гаганова надеялись узнать что-нибудь о Ставрогине. Собственно о пожаре всем уже было известно (хотя никто не знал откуда ⟨*к слову:* откуда — *незачеркнутый вариант:* из каких источников⟩), что Заречье жгли шпигулинские. В то утро это было дело решенное. Но оказались несгоревшие трупы, какая-то дичь [о браке] о жене Ставрогина и колоссальная история Лизы. Все спрашивали, глядя друг на друга, разводя руками, а многие так и очень хмурились. ◇

Стр. 413—414.

42–35 *Текста:* В два часа пополудни ∾ останавливал...» — *нет.*

Стр. 414.

36–41 Около двух часов ∾ выпустить?» / И вот, во втором часу, распространилось вдруг известие, что Ставрогин уехал с полуденным поездом в Петербург. «Да кто ж его мог пустить?» *После:* пустить — заголосили одни. «А кто ж его мог не пустить?» — отвечали другие. «А зарезанная жена [и убитый], если только это жена?» — ввязывались третьи. Но оказывалось через четвертых, что еще [третьего] три дня тому назад он [дал] будто бы сообщил все надлежащие сведения о жене своей куда следует, мало того, что будто бы сегодня оставил деньги на погребение и совершенно всех удовлетворил своими показаниями [мало того, заявил, что будто бы подозревает [разб⟨ойника⟩] бродягу Федьку], но какими? Это было неизвестно. Слышали только, что [будто] заявил, будто бы подозревает в убийстве бродягу Федьку. — Но [что он] зачем он в Петербург и зачем именно теперь? — волновались любопытные и дальновидные. «И кто таков, наконец, Ставрогин?» Конечно, сын В⟨арвары⟩ П⟨етров⟩ны но... вот и В⟨арвара⟩ П⟨етров⟩на заперлась и никого не принимает, а на мостовой перед домом опять солома разбросана.

Рассказывают, что П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч явился у Гаганова уже в три часа, в состоянии возбужденном и раздражительном. Об отъезде С⟨таврогин⟩а он уже слышал. Говорил П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч много, больше всех, и всех, говорят, «заговорил». Впрочем, наши крепкие головы, даже и в последнее время, то есть во время фавора его в губернаторском доме, всё продолжали считать его за [болтливого] болтуна из «новейших», с дырой в голове [Но на это]. Так и теперь, в это утро: никто из слушавших не мог определить потом: о чем он положительно утверждал и что, собственно, хотел вывести? Тем не менее

[1] *Так в рукописи.*

все очень [слушали] прислушивались, потому что говорил он на самую любопытную тему, именно о Юлии Михайловне.

Во-первых, он дал ужасно много новых сведений и интереснейших маленьких анекдотов за последний месяц. Нечаянно выяснил очень много из личных отношений Юлии Мих⟨айлов⟩ны к иным из слушателей, — много им еще неизвестного, кольнул самолюбия, возбудил гнев. Сам очень горячился. [Он систематически] Он старался выявить систематически необходимость помешательства ф⟨он⟩ Лембке от самовластной жены, сбивался ужасно, особенно когда выводил ее жажду власти, глупость обстановки и демократических проб [примирения мальчишек с], жажду демократического влияния и аристократических связей. У него проскользнуло, наконец, что [Юлия Михайловна совершенно знала] Юлии Михайловне была совершенно известна вся тайна Ставрогина и что она всю интригу вела. Она же его, П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча, и подвела, потому что он сам влюблен был в эту несчастную Лизу, а между тем его так подвели, что он же потом принужден был ее проводить в карете к Ставрогину, и если б только он знал, что это тем кончится! Тут уж просто засмеялись. Вообще все эти рассказы были бессвязны и бестолковы, но — любопытны и на многое наводили. [Вообще ему] [Ему замечали, впрочем] Слушатели посерьезнее заметили ему, что он хватил далеко, а один так прямо выразился, что он ел, пил и спал в доме, а теперь Юлию М⟨ихайлов⟩ну первый чернит и что это вовсе [некрасиво] не так красиво.

— Я ел и пил не потому, что у меня не было денег, а потому, что меня [самого] приглашали, — возразил он тотчас же, — а что касается до того, что я будто бы спал в доме, то, во-первых [это случалось редко, а во-вторых уж], не утверждая факта, позвольте мне уж самому рассудить, насколько мне быть за то благодарным или совсем не быть.

Это рассмешило. Да и вообще он произвел впечатление в свою пользу, даже выказал простодушие. «Пусть он малый легкомысленный и, конечно, пустой, но чем же он-то виноват во всем том, что Ю⟨лия⟩ М⟨ихайлов⟩на напрокудила? Напротив, выходит, что он же ее и останавливал. А что до интимности связи, то ведь эта интимность связи молодого человека с модною заносчивою дамой может и в самом деле заключаться в тех особых причинах [о которых], на которые он намекает, „не утверждая факта", и уж конечно ему самому решать, насколько ему тут быть благодарным». ◇

41 *Фразы:* Он тотчас убежал от Гаганова. — *нет.*

41–42 Однако же ∾ домах / Кроме Гаганова, его видели еще в двух-трех домах, куда он забежал в это утро и забежал с неменьшим успехом ◇

43–45 Около сумерек ∾ принять его / Но он нашел возможным проникнуть [в су⟨мерках⟩] уже около сумерек и к Юлии М⟨ихайлов⟩не, хотя и с величайшим трудом и для всех incognito ◇

45–46 Только три недели ∾ пред выездом / Я, например, только месяц спустя узнал об этом обстоятельстве от нее же самой, перед самым выездом ◇

47 подробностей / подробностей свидания ◇

47 *После:* заметила — лишь ◇

48 *Слова:* тогда — *нет.*

Стр. 414—415.

48–2 что он просто ∾ «говорить» / что просто напугал ее разными полуоткрытиями и [намеками] угрозой сообщничества в случае, если б ей [потом] вздумалось «говорить» ◇

Стр. 415.

2–6 попугать ∾ негодования... / Необходимость же хорошенько ее, раз навсегда, попугать ⟨*незачеркнутый вариант:* испугать⟩, уж конечно связывалась с его дальнейшими тогдашними замыслами, о которых

она еще знать не знала, и только потом, дней пять спустя, догадалась, почему он [не], в ту минуту, не рассчитывал на ее молчание и так опасался взрыва ее негодования. ◇

⟨11⟩

Стр. 413.

38–40 *Глава четвертая.* Последнее решение. I / Глава седьмая. Последние шаги П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча ◇

41–42 В это утро ∾ возбужденном состоянии / *а.* Петра Степановича в это утро многие видели. Упомнили [припомнили] потом, что он был в чрезвычайно возбужденном состоянии *б.* Петра Степановича в это утро многие видели. Надо думать, он очень много хлопотал в этот день. Видевшие упомнили потом [Потом упомнили], что он был в чрезвычайно возбужденном состоянии ◇

Стр. 413—414.

42–2 В два часа пополудни ∾ себя слушать / *а.* У Гаганова (прибывшего всего за день в город из деревни) он очень много говорил и заставил себя слушать *б. Начато:* у Гаганова перебывало в то утро [много] несколько оживленных посетителей [и к которому соб⟨ралось⟩], много и горячо говоривших о только что происшедших событиях *в.* Он был [поутру] в два часа у Гаганова, прибывшего из деревни. Тут П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч и заставил себя слушать. *г.* Он забегал в два часа пополудни к Гаганову, всего день как прибывшему из деревни. У Гаганова перебывало в то утро несколько оживленных посетителей. П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч говорил больше всех и заставил себя слушать ◇

Стр. 414.

2–5 Его всегда считали ∾ захватывающая / Правда, его всегда считали у нас за «болтливого студента с дырой в голове», но он говорил о Юлии Михайловне, а при всеобщей суматохе в это утро тема была интересная

5–9 Он сообщил о ней ∾ самолюбия / *а.* Он сообщил о Ю⟨лии⟩ М⟨ихайлов⟩не много [чр⟨езвычайно⟩] весьма новых и интимных подробностей, выяснил очень много из личных отношений ее к разным лицам, кольнул самолюбия, возбудил негодование *б.* Он сообщил о ней много весьма новых [анекдотов] подробностей, нечаянно и почти неосторожно в горячке разговора выяснил из неизвестного в личных ее отношениях к разным известным лицам за последние две недели, чем и кольнул самолюбия *в.* Он сообщил о Ю⟨лии⟩ М⟨ихайлов⟩не много весьма новых подробностей, нечаянно и неосторожно рассказал [очень много] несколько совсем неизвестных подробностей, касавшихся ее личных отзывов о всем известных в городе лицах, чем очень кольнул самолюбия ◇

9–13 Выходило у него неясно ∾ чем кончить / *а.* Говорил он неясно и сбивчиво, как человек, который сам не знает, с чего начать и чем кончить (любимый маневр его, когда он прикидывался простяком), но он говорил [почти] с негодованием о всех «ее глупостях» и «к чему это теперь повело» *б.* Всё это было неясно и сбивчиво, как у человека, которому [предстоит высказать] необходимо [объяснить] разъяснить целую гору [сведений] фактов и который сам не знает, с чего начать и чем кончить (любимый маневр его, когда он прикидывался простяком), но, главное, он говорил с негодованием о всех «этих глупостях» и «к чему это теперь привело» *в.* Выходило у него неясно и сбивчиво, как у человека нехитрого, которому необходимо объяснить разом целую гору недоумений и который сам не знает, с чего начать и чем кончить ◇

13–15 Довольно тоже неосторожно ∾ всю интригу / *а.* У него проскользнуло, что Юлии М⟨ихайлов⟩не была известна вся тайна Ставрогина

и что она же всю интригу вела *б.* Довольно неосторожно проскользнуло, наконец, у него (всё в горячке [разговора] негодования, разумеется), что Юлии М⟨ихайловне⟩ была известна вся тайна Ставрогина и что она всю интригу вела ◇

16 Она-де и / *а.* Она же его *б.* Она же и его ◇

16–17 был влюблен / влюблен был ◇

18–20 *почти* проводил ∾ заключил он. / *а. почти* провожал ее в карете к С⟨таврогин⟩у — и если б только он знал, чем кончится! *б. почти* и проводил ее в карете к С⟨таврогин⟩у. — Общий хохот. — Да, да, господа, хорошо вам, но если б [он] я только знал, чем всё это кончится! ◇

21–22 катастрофа с Лебядкиным / катастрофа с Лебядкиными ◇

22 *Слов:* по его мнению — *нет.*

23 *После:* деньги — *вписано:* не более ◇

23–24 Он это особенно хорошо разъяснил / *а.* Впрочем, уже везде в городе называли убийцу [Федьку] и, несмотря на то что в городе всё ходило вверх дном и наступило полное междуцарствие мысли *б.* Он это особенно ловко разъяснил

24–27 Один из слушателей ∾ как он полагает / *а.* [Кто-то] Какой-то господин у Гаганова прямо заметил П⟨етру⟩ С⟨тепанови⟩чу, что он ел, пил и, пожалуй, спал в доме у Юл⟨ии⟩ М⟨ихайлов⟩ны, а теперь первый чернит ее и что это вовсе не так красиво *б.* Один из слушателей как-то заметил ему, что он напрасно прикидывается, здесь не дурачки, что он ел, пил и, пожалуй, спал у Ю⟨лии⟩ М⟨ихайлов⟩ны, а теперь первый ее и чернит и что это вовсе не так красиво, как он полагает ◇

28 тотчас же защитил себя / тут же отбрил его ◇

29 туда *вписано.*

29 *После:* приглашали — *а.* а что касается до того, что я спал [у них], то, [не под⟨тверждая⟩] «не утверждая факта», уж позвольте мне самому рассудить, насколько [мне] быть за то благодарным *б.* есть и пить. *в.* а что касается до того, что я спал, то уж позвольте мне самому оставаться за то благодарным. ◇

32–35 Вообще впечатление осталось ∾ останавливал...» / Это рассмешило. Да и вообще [он произвел... некоторое] впечатление было в его пользу: «Пусть он малый легкомысленный и, конечно, пустой [говорили слушавшие], но ведь чем же он виноват в глупостях Юл⟨ии⟩ Мих⟨айловны⟩? Напротив, выходит, что он же ее и „останавливал“, да и сам, говорит, пострадал». Таково было составившееся мнение. ◇

36–37 разнеслось вдруг известие ∾ речей / вдруг разнеслось известие, многих заинтересовавшее: именно, что Ставрогин, о котором теперь столько речи

38 Это очень заинтересовало; многие нахмурились / Это многих заинтересовало, а иные так и очень нахмурились ◇

39–41 Петр Степанович ∾ выпустить / *а. Начато:* Вспомнили потом, что П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч был точно поражен, изменился в лице и вскричал: да кто же *б.* П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч был так поражен, что даже переменился в лице и вскричал (может быть, нечаянно): да кто же мог его выпустить

41–42 Однако же его видели ∾ домах. / *а.* И однако же, его видели в нескольких домах. Вообще хлопотал и суетился... Я, впрочем, увольняю себя от описания нашего города и настроения умов в нашем [городе] обществе за то время, особенно в тот день. Задача эта невозможная. Это был почти хаос: Лембке больной, начальство [другое] временное, робкое и озадаченное. Ю⟨лия⟩ М⟨ихайлов⟩на, затворившаяся и всеми оставленная, дом ее вроде чумного места, сплетни и тревога, и так недели три, вплоть до того времени, когда в наши дела ввязалась новая, грозная сила, давно всеми ожидаемая и многими, про себя, призываемая. *б.* И однако же его видели еще в двух или трех домах. Вообще суетился...

Я, впрочем, увольняю себя от описания нашего города и настроения умов, и особенно в то утро. Задача невозможная: Лембке больной, начальство временное, робкое и озадаченное. Ю⟨лия⟩ М⟨ихайлов⟩на, затворившаяся и всеми оставленная, дом ее вроде чумного места, сплетни и тревога. Самые фантастические предположения и самый фантастический страх... и в этом роде недели с три, вплоть до того времени, когда в наши дела ввязалась новая, грозная сила, давно всеми предчувствуемая и многими, про себя, призываемая *в*. И однако же, его видели еще в двух или трех домах. Вообще суетился... ◇

43 он / П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч

45 принять его / его принять

45 три недели спустя / месяц спустя ◇

Стр. 415.

1–2 напугал ее ∾ «говорить» / *а*. испугал ее некоторыми намеками и угрозой сообщничества *б*. испугал ее угрозой сообщничества в случае, если б ей вздумалось «говорить» ◇

4 догадалась она / она догадалась

4–6 почему он так сомневался ∾ негодования... / *а*. почему он не рассчитывал на ее молчание и так опасался взрыва ее негодования. *б*. почему он так подозрительно сомневался в ее молчании и так опасался взрыва ее негодования. ◇

7–9 когда уже совсем стемнело ∾ в квартире прапорщика / когда уже совершенно стемнело, на краю города, в [Калачевом] Фоминном переулке, в маленьком покривившемся домике [у прапорщика Эркеля] [двух глухих старух-мещанок] в квартире [нанимавшего у них] прапорщика ◇

10 Общее собрание назначено было тут / Свидание было условное и назначено

12–14 Этот прапорщик Эркель ∾ пред собою / *а*. Каким образом прапорщик присоединился к [пятерке] обществу — трудно сказать. Всего вероятнее, что его и не присоединяли и даже ничего ему и не сообщали [об известной сети, покрывшей всю Россию] о главном плане, так что он и не знал может быть до самого конца, что вот эти-то пятеро и есть [звенья этой сети и] [та самая пятерка — одна из бесчисленных] звено всей необъятной сети пятерок, уже накрывшей Россию. Это был тот самый офицерик, который у наших просидел весь вечер с карандашом в руках и с записною книжкой перед *б*. Прапорщик Эркель хоть и не принадлежал к пятерке, но [знали] [предполагалось] члены знали, что он [откуда-то повыше] имеет какое-то особое назначение. Знали, но и не расспрашивали. Это было не в правилах. Это был *в*. *Начато:* Этот прапорщик *г*. Прапорщик Эркель был тот самый заезжий офицерик, который [у наших] на вечере у В⟨иргинско⟩го просидел весь вечер с карандашом в руках и с записною книжкой перед собою ◇

14–21 В город он прибыл недавно ∾ и слушая. / *а*. Наши хитрецы, как Липутин, Лямшин или господин, славившийся знанием народа и посещавший для того кабаки, не могли усумниться, глядя на крайнюю молодость этого мальчика, потому что он поражал и внушал одним своим свойством — именно молчаливостью. Он мог просидеть десять вечеров сряду и не сказать ни словечка, а во всё это время с чрезвычайным вниманием, ровным и невозмутимым, глядеть своими тихими, ясными глазами и слушать. Если б лопнула вдруг подле него бомба, он бы, кажется, не смутился, а только бы внимательно посмотрел на нее. Если его спрашивали, он отвечал односложно, хотя, впрочем, охотно. *б*. Наши хитрецы, как Липутин, Лямшин или господин, славившийся знанием народа и посещавший для того кабаки, не могли усумниться, глядя на крайнюю молодость этого мальчика, потому что он даже их поразил своим видом (он мог просидеть десять вечеров сряду и не сказать ни словечка), а во всё это время с чрезвы-

чайным вниманием, ровным и невозмутимым, глядеть своими тихими, детскими глазами и слушать [всё слушать]. Если б лопнула вдруг подле него бомба, он бы, кажется, и тогда только внимательно посмотрел и опять [начал] стал слушать. [Если его о чем-нибудь спрашивали, он отвечал односложно, хотя, впрочем, довольно охотно] *в.* Собрались же у него, должно быть, потому, что его никто не знал в городе, а жил он уединенно, у двух глухих сестер старух-мещанок [По крайней мере так распу⟨*не закончено*⟩ сам] и скоро должен был уехать. Этот мальчик даже наших хитрецов, как Липутин, Лямшин или господин, славившийся знанием народа и посещавший для того кабаки, мог поразить своим странным видом: он мог сидеть десять вечеров сряду, в шумной компании, и при самых необыкновенных словопрениях, и сам промолчать и не сказать ни слова напротив, и всё время *г.* Собрались у него, конечно, потому, что его мало кто в городе знал, он жил уединенно, в глухом месте, у двух глухих сестер старух-мещанок, и приехал недавно, и скоро должен был уехать опять. Этот мальчик был молчалив феноменальной молчаливостью: он мог просидеть десять вечеров сряду, в шумной компании, и при самых необыкновенных разговорах сам не говоря [ни] слова, а напротив, с чрезвычайным вниманием, ровным и невозмутимым, глядеть своими тихими, детскими глазами и слушать. *д.* Собираться у него было всего неприметнее. Этот мальчик поразил [наших] своею молчаливостью. *е. Начато:* Знакомство по указанию П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча *ж.* В городе [его мало кто знал] [он поселился] его знали мало. Приехал он недавно, остановился уединенно в глухом переулке у двух сестер старух-мещанок и скоро должен был уехать. ◇

22 Лицо у него было прехорошенькое ∽ умное / *а. Начато:* Лицо его было умное, прекрасное и кроткое и даже *б.* Лицо у него было прехорошенькое и кроткое, даже как будто умное ◇

22–24 К пятерке он не принадлежал; ∽ части / Наши не расспрашивали, потому что это было не в правилах, но предполагали, что он имел какое-то особое поручение из «центра» или откуда-то «чисто по исполнительской части» ◇ с соблюден⟨ием⟩

25–26 что у него не было ∽ свое положение / *а.* что этот бедный мальчик не имел ровно никаких поручений, да и вряд ли, кажется, сам не понимал своего положения *б.* что у него не было никаких поручений и вряд ли сам он не понимал своего положения ◇ *Вместо вписанного на полях:* Наши не расспрашивали ∽ своего положения — *было: а.* Такому можно было действительно дать какое-нибудь секретное поручение, не боясь за секрет *б.* И почему же он не мог иметь какого-нибудь поручения, чисто по исполнительской части [что] [при], где нужен был особый секрет? [не боясь за секрет] [Так рассудили наши] Так предполагали наши.

26 Он только преклонился / Но он не имел никакого поручения; он

27–32 Если б он встретился ∽ и послушался / *а. Начато:* Если б П⟨оло⟩зов *б.* Если б он встретился с каким-нибудь господином П⟨олозовым⟩ и тот подбил [бы] его убить ямщика, то он [так] наверно первый бы и спустил курок по первому приказанию [Он был именно из таких] *в. Начато:* Если б он встретился с каким *Над этой фразой вписано:* Ну, да если сплошь такие дураки, как вы *г.* Если б какой-нибудь преждевременно развращенный монстр, один из тех, которых у нас теперь в судах сплошь оправдают, и тот под каким-нибудь слезливо-романтическим предлогом подбил его основать с ним разбойничью шайку и для пробы велел ему убить и ограбить первого встречного мужика, то он непременно бы согласился и рабски слушался ◇

34–35 за нее, как молилась о ней! / *а.* за нее, как молилась о ней! [Говорят] Я слышал, что у него был очень строгий и сумасшедший отец; он же был уже православный, по матери, и вряд ли хорошо знал по-немецки. *б.* за него, как молилась о нем. Говорят, что покойный отец его был человек строгий и сумасшедший. ◇

35 распространяюсь / распространился ◇
36 *После:* жаль. — Собрались же у него, конечно
37 возбуждены / очень возбуждены
37–40 прошлой ночи ∾ неожиданно. / *а.* этой ночи их поразили, а присмотревшись и наслушавшись в продолжение дня разных мнений, они, кажется, струсили... *б.* Я полагаю, что они ужасно тогда струсили да и сами потом в этом признались. Но они были раздражены против Петра Степановича. *в.* этой ночи их поразили и, кажется, они струсили, даже Лямшин. ◇ *Далее было:* Простой хотя и систематический скандал, в котором они так усердно до сих пор принимали участие [вот уже столько времени], развязался для них несколько неожиданно.
40–41 убийство Лебядкиных *вписано.*
41 буйство / и буйство ◇
41–44 всё это были такие сюрпризы ∾ и неоткровенности. / *а. Начато:* всё это вошло в программу событий для них неожиданно, по крайней мере они, кажется, не знали, что тем должно кончиться, хотя сами же начали. Но [простой] систематический скандал, в котором они так охотно принимали уже столько времени участие *б.* всё это вовсе не входило в расчет и было для них уже слишком *в.* всё это было для них сюрпризом. Они совсем, кажется, не знали, что этим должно кончиться, и обвиняли двигавшую ими руку в деспотизме и неоткровенности. Такой сюрприз был неприятен. *г.* всё это было для них неожиданно. Они с жаром обвиняли двигавшую ими руку в деспотизме и неоткровенности. ◇ *Далее было:* Если так продолжать, то можно и самому разбить лоб. О, и они готовы разбивать [себ⟨е⟩] свои лбы, если только для общего дела. Но будь же с ними откровенен заране, действуй с общего совета, с предварительного согласия. Иначе оно унизительно и — опасно. *Он* может сглупить, а с общего совета всегда вернее. И, наконец, если б они видели цель.
44–46 пока ждали ∾ спросить у него / *а.* они знали, для чего их собрали, но решительно хотели потребовать окончательных объяснений и в случае, если П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч и на этот раз откажется, разорвать пятерку и составить новое общество «пропаганды *б.* они, пока ждали П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча, так настроили себя взаимно, что решились окончательно просить у него *в.* пока ждали П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча, так себя настроили взаимно, что опять решились окончательно просить у П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча ◇
47 и было / и было однажды ◇

Стр. 416.

1 *К слову:* демократических — *незачеркнутый вариант:* никого не обижающих
2 Липутин / И хоть это было лишь предположение, Липутин
2 *Фамилии:* Шигалев — *нет.*
3 *После:* мысль — так внезапно явившуюся ◇
5 но тот / который ◇
6 такая / Эта ◇
6 еще больше подлила яду / подливала яду ◇
7–9 лишь подать чаю ∾ служанки / *а.* лишь о подаче чаю, который и подал сам в стаканах на подносе, не внося самовара *б.* лишь подать чай, который и принес от хозяев собственноручно в стаканах и на подносе и не внося самовара ◇
10 в половине девятого / в четверть девятого
10 *После:* девятого. — *было: а.* Он не был зол и строг. Отъезд (побег) Ставрогина ошеломил его. Он не того ожидал, не мог сообразить и, кажется, уже порешил немедленно скакать в Петербург, окончив у нас самое необходимое и наведя [самые] поточнее справки. *б.* Он не был зол и строг. Отъезд Ставрогина ошеломил его [и он все ещё не р⟨ешился?⟩] [Он не мог] [Он вовсе] [Он предчувствовал необ⟨ходимость?⟩] Он тотчас же решил немедленно скакать за ним в Петер-

бург, наскоро окончив у нас необходимое и наведя последние справки. *в.* Он не был зол и особенно строг. Отъезд Ставрогина ошеломил его. Он не того ожидал. Впрочем [он] уже принял решение тотчас же скакать за беглецом в Петербург. *г.* Он не был зол и особенно строг. Внезапный отъезд Ставрогина ошеломил его.

10-27 *Текст:* Петр Степанович явился ∾ Общая поддержка.) — *зачеркнут. Против него на полях наброски: 1.* Липутин *2.* Он был зол и строг, но наши приступили прямо. Липутин *3.* обидно глядя на физион⟨омии⟩ *4.* действительно, они имели эту идею, но от идеи до исполнения далеко. Так же далеко, как искра, которую броси⟨ть?⟩ в порох *5.* — Мы совсем не понимаем, а может быть, и знать не хотим, что такое Ставр⟨огин⟩. Пусть он там в центре и имеет значение, — мы центра не хотим трогать — если только он есть (дерзкая фраза), но близкие шаги пусть им всегда объясняют. Какое соотношение с общим делом и с любовницами для Ставрогина? Вы можете попасться, тогда и мы попадемся.

— Что вы врете? Какое такое дело Ставрогина? Убил мошенник Федька. Это⟨т⟩ случай нечаянный, в котором почти вы же и виноваты.

— Как так-с?

10-13 Быстрыми шагами ∾ высокомерный / Вошел он скорыми шагами и, ни слова не говоря, уселся к круглому столу перед диваном, за которым [уж сидели все] уже все сидели в ожидании и молча, шапку не выпускал из рук, чаю пить не стал

14 тотчас же ∾ «бунтуют». / *а.* он по лицам сразу узнал, что бунтуют. *б.* он сразу узнал по лицам, что бунтуют.

15 *После:* свое — сказал он

16-17 заметил он ∾ физиономии. / *а.* сказал он [оглядев], бегло оглядев компанию. *б.* сказал он, поглядывая на физиономии. Только прошу скорее [пожалуйста скорее], и без вас много дела.

18-19 начал «от лица всех» ∾ заявил / начал было с достоинством, но сейчас же и раздражился. «Я от лица всех» предупредил он и вздрагивавшим от обиды голосом разъяснил

22-24 А потому пусть ∾ звуков.) / *а. Начато:* А коли так, то пусть *б.* Пусть же будут и с ними откровенны, чтоб они [знали заранее] заранее знали (опять шевеление и несколько гортанных звуков.) Действовать надо не так, а с общего совета [непременно], с предварительного согласия (да, да, бесконечно да!) А то что же это будет? ([сильное шевеление] да, да!)

24 Так ∾ опасно / Действовать иначе унизительно и опасно

24-27 Мы вовсе не потому, ∾ поддержка.) / *а.* Они совсем не боятся, совсем не боятся, а только про то, что если двигает один, а остальные лишь пешки, то один может ошибиться, а если все, то [вернее] будет вернее. *б. Начато:* Разумеется, мы не боимся *в.* Мы не потому, что боимся, а только про то, что если двигает один, а остальные только пешки, то один может ошибиться, а если все, то уж никак-с [не ошибутся]. Тем более что до всех касается... и т. д. и т. д.

28 чего же вам надо? / что вам надо? *Далее начато:* А почему мы, — вскипел Липутин.

⟨12⟩

Стр. 425.

1 III / *а.* 2 *б.* 3

3 диване / стуле

3-4 Он не привстал навстречу ∾ на входивших / *а.* Пристально и не совсем спокойно вгляделся он в П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча, не привстав, впрочем, с места *б.* Пристально и не совсем спокойно устремился он своим взглядом навстречу входившим *в.* Он не привстал с места навстречу входившим, но как-то вскинулся и [беспокойно] вопросительно глядел на П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча *г.* Он не привстал навстречу

входившим, но как-то весь вскинулся и вопросительно взглянул на П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча ◇

5 сказал Петр Степанович, — я / *а.* сказал тот, — мы *б.* сказал П⟨етр⟩ С⟨тепанович⟩, — я *в.* многозначительно произнес П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч, — я *г.* многозначительно сказал тот, — я ◇

9–11 И он поспешно подсел к столу, ∾ по-всегдашнему. / *а. Начато:* Петр С⟨тепанови⟩ч пристально глядел на Кириллова, присаживаясь к столу, *б. Начато:* Он *в.* П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч подсел к столу, зорко всматриваясь в физиономию Кириллова [Его мгновенное беспокойство при их входе не укрылось от него], а тот уже был невозмутим и безразличен [как] по-всегдашнему. Липутин поместился [на стуле] в сторонке, под портретом архиерея. Разыгравшаяся злоба его разом угомонилась после окрика [и он], он мрачно думал о завтрашнем дне, каждую секунду ощущая его в своем сердце. Одна отчаянная мысль всё более и более овладевала его умом. [Но, войдя к Кириллову и увидав его, он вдруг ощутил как бы новое беспокойство [и странно], похожее даже на страх — несмотря на то что уже давно знал теорию Кириллова, сам возражал ему и смеялся над ней]. Но после окрика П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча [он стал странно] он вдруг стал необыкновенно молчалив и угрюм. *г.* Он подсел к столу и не спускал глаз с расхаживавшего Кириллова. Его беспокойство при их входе неприятно поразило его. Впрочем, Кириллов уже сидел опять невозмутимый и безразличный по-всегдашнему. *д.* И П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч поспешно и с некоторым беспокойством подсел к столу. Удивление [того] Кириллова при их входе неприятно его поразило. Впрочем, Кириллов [был уже] [глядел] сидел опять совершенно спокойный, по-всегдашнему. ◇ *Текст: г. и д. вписан на полях.*

12 *После:* Липутина? — спросил П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч. ◇

15 хотел / хотел быть

18 Мне / А мне ◇

19 Мне / Мне вот видите

19 человеком / человечком ◇

21–23 *Слов:* Липутин поместился ∾ его умом. — *нет.*

23 Кириллов почти не замечал его. / *а.* Он как бы не замечал Липутина. Они уже давненько не видались. *б.* Он не замечал его. ◇ *в. Начато:* Липутин будто *г. Начато:* Кириллов будто

24–25 Липутин знал ∾ вокруг себя. / *а.* Липутин отчасти знал теорию Кириллова и давно уже смеялся над нею. *б.* Липутин отчасти знал теорию Кириллова еще прежде и всегда смеялся над ним. Но теперь [поглядывал на него даже с беспокойством] [стал угрюм] [он вдруг стал до] молчал и неприятно на него поглядывал. ◇

27 *После* — чай застать. — Вы всегда ведь потчевали.

29–30 кисловато заметил Петр Степанович. / *а.* угрюмо заметил П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч, наливая себе чай. *б.* заметил П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч, принимаясь за чай. *в.* заметил П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч. ◇

32 не могу / не стану, — отозвался Липутин

33 Не хочу ∾ быстро обернулся / *а.* Вы-то почему? — обернулся к нему *б.* Почему? — обернулся к нему *в.* Не хочу или не могу? — быстро обернулся к нему ◇

34 Я у них не стану-с / Я у них не могу

36 Пахнет мистицизмом; ∾ за люди! / *а.* Вы уж не с предрассудками ли? Как-то некстати... *б.* Вы уж не с какими-то предрассудками? *в.* Это пахнет каким-то мистицизмом. Черт вас знает, что вы все за люди!

37 Никто ему не ответил; ∾ минуту / *а.* Липутин промолчал. Молчали с минуту *б.* Липутин промолчал. Он ужасно стал молчалив после окрика на улице *в.* Никто не ответил. Молчали целую минуту ◇

38–40 Но я знаю одно, ∾ обязанность / *а.* Я знаю одно, — резко проговорил П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч, — что никакие предрассудки не остановят каждого исполнить свою обязанность ◇ *б.* Я знаю одно, — резко прибавил П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч через минуту, — что никакие предрас-

судкп не остановят каждого исполнить свою обязанность ◇ *Далее было вписано:* Он [оглянул] [поглядел] сверкнул глазами на обоих [с негодованием] и вдруг принялся пить чай.
44 сверкнул было / опять было сверкнул
45–46 лишь бы каждый ∾ слово / *а.* сказал он по-видимому спокойно, — но вы — вы должны сдержать свое слово *б. Начато:* тихо и твердо ск⟨азал⟩ *в. Начато:* угрюмо отозвался он

Стр. 426.

2 как независимый и прогрессивный / *а.* как честный и благородный *б.* как независимый и передовой ◇
3 А вы смешны / Вы мне смешны
4 рассмешить / угодить ◇
6–7 застрелил себя, ∾ нет? / *а.* застрелился — бойтесь, если вдруг нет. *б.* застрелил себя, но и бойтесь, если вдруг нет. ◇
9 предприняли / предприняли и сделали
10 не могли бы / не можете
13 а мы ничто *вписано.*
14 эта полная ваша воля / она
15 должен буду ∾ мерзости? / И я должен буду признаться [в ваших] во всех убийствах?

— Ну не всё ли вам равно?

— Мне только одно очень скверно, что в ту минуту буду подле гада, как вы.

16 не трусите ли / не трусите ◇
17 объявите сейчас же / скажите заранее
18 Я не трушу / Нет не трушу
19 Я потому, ∾ спрашиваете / Вы что-то очень уж много спрашиваете, тогда как вам бы всё равно
20 Скоро вы уйдете? / *Начато:* Послушайте
21 Опять спрашиваете? / *а.* Опять? Уединение, чтоб сосредоточиться? Это тоже опасно. *б.* Опять спрашиваете? Опасные признаки. ◇
22 оглядел его / смотрел на него ◇
23 Вот, видите ли / *Начато:* Нет
23–26 *Текст:* продолжал ∾ для вас же первого. — *вписан на полях.*
24 тона / тону ◇
26 но всё это ∾ первого / Всё это опасные признаки — для вас же, для вас же первого — я ведь для вас же ◇
27 По-моему, лучше бы не думать / Оно бы лучше не думать
28 И вы, право, меня беспокоите / Вообще вы меня беспокоите ◇
29–30 будет подле меня гадина, как вы / буду подле гада, как вы ◇
31–34 Ну это-то всё равно. ∾ человек. / *а.* Ну не всё ли вам равно? *б.* Ну не всё ли вам равно? Я, пожалуй, выйду на крыльцо. Предположите, что я ничего не понимаю и что я безмерно ниже вас человек. Стоит только не обращать на меня внимания. ◇
35 но очень / но вправду
37–38 очень рад ∾ в такую минуту / *а.* очень рад. На вас теперь нельзя сердиться... [вы знаете]. И, главное, рад доставить [удовольствие] [веселье] развлечение... *б.* очень рад. На вас теперь нельзя сердиться [прорывался мелкой злобой П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч]. И, главное, рад доставить развлечение в такое время... (прорывался мелкой злобой П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч), несмотря на явную для себя невыгоду) *в.* очень рад, — прорывался мелкой злобой П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч. И, главное, рад доставить развлечение в такую минуту ◇
40 *После:* с уважением — предупреждаю вас.
41–43 вы даже теперь ∾ захочу / *а. Начато:* вы даже злобы прятать не можете. А хоть вам и не выгодно показать. Надо бы *б.* Вы даже теперь [маленькой] мелкой злобы спрятать не можете, хоть вам и не выгодно показать. [И знаете:] Вот как: вы меня разозлите и я вдруг [не] захочу ◇
43 *После:* полгода — рассмеялся.

— А, смеетесь. Значит, шутили.

44 Петр Степанович / он

45–46 — Я ничего никогда не понимал ∾ исполните / *а.* — Видите ли, я ничего никогда не понимал [вашу] в вашей теории, но знал, что вы не для нас ее выдумали, стало быть, исполните *б. Начато:* — Видите ли, — рассмеялся он тоже *в.* — Я ничего никогда не понимал в вашей теории, — сказал он, значительно приподняв брови, — но знал, что вы не для нас ее выдумали, стало быть [без нас], всё равно исполните ◇

48 и не отложите / не отложите ◇

Стр. 427.

1 Как? / Уверены? Как? Как?

3 *После:* Это хорошо. — *вписано: а.* Это хорошо. *б.* У вас есть маленький ум. ◇

5–6 И прекрасно, ∾ вы гордились / И прекрасно ◇

7 вы допили, уходите / [уйдите] вы допили, уйдите ◇

8–9 привстал ∾ все-таки рано / *а.* встал П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч. Одно только скверно, что рано... что рано *б.* поднялся П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч. Однако [то скверно], все-таки рано ◇

10 понимаете? Или и она наврала / иль [нет] и она наврала ◇

11 *Слов:* потому что — *нет.*

12 *После:* где? — встрепенулся П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч.

14–15 Да как он смел? ∾ обязан был / Как он смел? Да ведь он обязан был

16–17 Уходит и не воротится / *а. Начато:* Уходит, говорит *б.* Уходит сам *в.* Совсем уходит и не воротится

19 что я / что я его ◇

20 *После:* в кухне? — А где кухня?

22–24 прямо в ту ∾ кухаркина кровать / *а. Начато:* только *б. Начато:* но с другого конца, прямо за кухонную перегородку, которая разделяла кухню на две неравные половины, где в каморке *в. Начато:* и попадали прямо в каморку, где стояла обыкновенно кухаркина кровать и где *г.* и попадали прямо в ту часть, где помещалась прежде кухарка и стояла ее кровать ◇

24 под образами / под образом ◇

25 непокрытым *вписано.*

25–27 На столе пред ним ∾ с картофелем / *а.* На столе стояли полуштоф, рюмка, хлеб и в глиняной чашке холодная говядина *б.* На столе были полуштоф, чайная чашка без блюдечка, хлеб и на глиняной сковородке ⟨*незачеркнутый вариант:* в деревянной посудине⟩ кусок холодной говядины с картофелем ◇

28–29 и был уже вполпьяна, ∾ совсем готовый в поход / *а.* тоже выжидая своего часу. Сам же был в тулупе и, очевидно, готовый в поход *б.* и был уже вполпьяна, но сидел в тулупе и, очевидно, готовый в поход ◇ *Далее было:* выжидая только часу

29–32 За перегородкой ∾ по ночам-с» / *а.* За перегородкой в кухне закипал самовар, но не для Федьки, а Федька обязательно раздувал и наставлял его для [Кириллова] «Алексея Нилыча-с, ибо очинно пьют чай по ночам-с» *б. Начато:* В кухне *в.* Рядом, в самой кухне, закипал самовар, но не для Федьки, а Федька обязательно раздувал и наставлял его вот уже [дней] с неделю каждую ночь для «Алексея Нилыча-с, ибо очинно привыкли, чтоб чай по ночам-с» ◇

32–34 *Фраза:* Я сильно думаю, ∾ Кириллов. — *вписана на полях.*

33–34 *Слов:* для Федьки еще с утра — *нет.*

35–38 вкатился вниз ∾ Федька приосанился. / *а.* быстро и гневно заговорил П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч [под⟨саживаясь?⟩], быстро сойдя три ступени и садясь к столу на скамейку. Почему не ждал, где [ск⟨азано⟩] приказано? *б. Начато:* крикнул *в.* завопил П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч, соскочив со ступеней и присаживаясь к столу на скамейку. Почему не ждал, — стукнул он по столу, — где приказано? ◇

³⁹⁻⁴³ Ты постой, Петр Степанович, ∾ образованный ум / Ты постой, постой, П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч, — быстро и осанисто заговорил Федька, чуть-чуть приподняв руку и как бы отстраняя нападение, — ты [во-первых] первым делом должен [прежде всего] понимать, что ты здесь на [великатном] визите у господина Кириллова Алексея Нилыча, у которого [если не знаешь того] всегда сапоги чистить можешь, потому он перед тобой [философ] ум ◇

44 отплевался / отплюнулся ◇

44 в сторону сухим плевком *вписано.*

44–46 Видна была надменность ∾ до первого взрыва. / *а.* Пьян он был только чуть-чуть и видимо раздражен; решимость и спокойное резонерство не без вызова слышались в каждом его слове [виде⟨лось?⟩], замечались в каждом жесте. *б.* Какая-то надменность, решимость и напускное спокойное резонерство слышались в каждом его слове, замечались в каждом жесте. Он был довольно опасен. *в.* Надменность, решимость и некоторое, весьма опасное, напускное спокойное резонерство до первого взрыва ◇ ⟨*не закончено*⟩

Стр. 427—428.

47–1 уже некогда было ∾ закружили... / *а. Начато:* некогда было замечать; он был страшно нетерпелив в этом. Он и сам был раздражен и всё хотел взять наскоком, дошел до совершенного состояния *б.* уже некогда было замечать опасность. Он стал как-то страшно брезглив и [нетерпелив] всё хотел взять наскоком *в.* уже некогда было замечать опасность. [У него] Кажется, голова его закружилась, он всё хотел взять наскоком *г.* уже некогда было замечать опасность, да и не сходилось с его взглядом на вещи. Происшествия и неудачи дня потрясли его и закружили. ◇ *Текст:* опасность ∾ закружили. — *вписан на полях.*

Стр. 428.

1–2 Липутин ∾ из темной каморки / Липутин с любопытством [посм⟨атривал⟩] выглядывал вниз из темной каморки [Кириллов же остался в комнате]

6–7 зачал обманывать, ∾ подлец / *а.* начал обманывать, потому как ты настоящий подлец *б.* стал обманывать, [как ско⟨та⟩] ровно скота, потому как ты всегдашний подлец *в.* зачал обманывать, потому как ты выходишь настоящий подлец ◇

7–8 *Фраза:* Всё равно ∾ почитаю. — *вписана на полях.*

8 *После:* почитаю. — Потому ты есть безбожный атеист. ◇

8 *После:* кровь — первым делом

10–11 ни одной каплей / ни одной копейкой ◇

12 что уже и нам / *а.* что доподлинно стало *б.* что уже и нам всем

13 сызнова / опять

14 А я сумлеваюсь в уме / *а.* А я умом моим вижу, что в Пет⟨ербург⟩ *б.* А я же сумлеваюсь в уме ◇

16 чем ни на есть ∾ легковерие / *а.* чем отомстить *б.* чем ни на есть по злобе твоей отомстить, надеясь на мое легковерие ◇

17 *К слову:* убивец — *знаком отнесена фраза с полей, первоначально предназначенная в другой контекст:* Всё равно как поганая человеческая вошь, — вот я тебя за кого почитаю. Потому ты есть безбожный атеист.

17–26 чего стал достоин ∾ атеист... / *а.* чего достоин уже потому за свой атеизм, ибо ты есть атеист [Госп⟨один⟩ Кири⟨ллов⟩]? Алексей Нилыч, будучи философ, тебе истинного бога творца-создателя многократно объяснили и сотворение мира, равно и будущих судеб и преображение всякой твари и всякого зверя из книги Апокалипса достаточно вывели, но ты как [злодей] убивец... *б.* Алексей Нилыч, будучи просвещенный философ, тебе истинного бога творца-создателя многократно объяснили и сотворение мира, равно и будущих судеб и пре-

ображение всякой твари и всякого зверя из книги Апокалипса вывели, но ты словно бессловесная скотина... чего стал достоин уже тем одним, что ты атеист? *в.* чего стал достоин уже тем одним, что атеист? Всё одно, что идолопоклонник и на одной линии с татарином али с мордвой состоишь? А ты знаешь ли, как ему имя? В нашего бога творца истинного перестал по разврату своему веровать. Всё одно, что ⟨*не закончено*⟩ Как безмолвный идол упорствуешь и прапорщика Эркелева к тому же самому соблазнил. ◇ *Текст:* всё одно ∾ соблазнил. — *вписан на полях.*

27–28 Ах ты, пьяная харя! ∾ проповедует! / *а.* Черт тебя дери, пьяная харя, сама образа обдираешь да о боге говоришь. *б.* Ах ты, пьяная харя, образа обдирает, а [в бога верует] богу молится. ◇ *в. Незачеркнутый вариант:* Ах ты, пьяная харя, образа обдирает, а туда же, бога проповедует.

29–33 Я, видишь, ∾ пристанища. / *а.* Я, видишь, как ты есть подлец, говорю тебе верно, что обдирал, но я только зенчуг поснимал, и почем ты знаешь, помолясь ли и с воздыханием? *б.* Я, видишь, П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч, говорю тебе это верно, что обдирал, но я только зенчуг поснимал, и почем ты знаешь, может, моя слеза перед горнилом всевышнего ⟨*незачеркнутый вариант:* перед господом богом⟩ [тут пролилась] в одну и ту же минуту за обиду мою пролилась, так как есть [одно что сир⟨ота⟩] точь-в-точь самая сия сирота, не имея насущного даже пристанища — а не то, что богатств. ◇

33–40 Ты знаешь ли по книгам, ∾ записать. / *а.* Знаешь ли ты по книгам, что некогда в древние времена один даже Святой с воздыханием и молитвою [перл] у пресвятой богородицы с сияния перл похитил, по нужде и по бедности, и потом всенародно с коленопреклонением всю сумму к самому подножию возвратил, и Матерь-Заступница перед богом и перед людьми осенила его, ибо по этому предмету даже чудо великое произошло и [в книгу записано] [книги записано] [самим царем] начальством в книгу велено записать. *б.* Знаешь ли по книгам, что некогда в древние времена даже [один] некоторый Святой с воздыханием и молитвою у пресвятой богородицы с сияния перл похитил и потом всенародно с коленопреклонением всю сумму к самому подножию возвратил, и Матерь-Заступница перед всеми людьми его пеленой осенила, ибо по этому предмету даже в ту пору неслыханное чудо вышло и по монаршему повелению тогда же в книги записано. ◇ *К словам:* его пеленой осенила — *незачеркнутый вариант:* его осенила *в. Начато:* Ты знаешь, один

41 надругался над самым божиим / всё равно что над божиим

41–44 природный мой господин, ∾ не сходя! / *а.* мой природный господин [сын природного моего господ⟨ина⟩], и не принадлежи я Ст⟨епану⟩ Т⟨рофимови⟩чу, родителю твоему как [природный] их дворовый человек, то как есть тебя бы, как вот сего клопа, порешил, так как всего-то за тебя две пятницы молока не пить по Своду законов положено. *б.* природный мой господин, которого я, уже отроком бывши, на руках наших нашивал, то как есть тебя порешил бы теперь же, с места сего не сходя. Вот тебе от Федора Федоровича последний сказ. ◇

45 в чрезмерный гнев: / в чрезмерный гнев, и не за ругательства: еще [важнее того] важное дело ускользало из рук его, еще лопалось предприятие.

46 *После:* Говори, — *было начато:* Успе⟨л⟩

46 *После:* со Ставрогиным? — или нет? ◇

Стр. 428—429.

47–1 меня чтобы допрашивать. ∾ участвовал / меня [такими словами] таким манером допрашивать. Г⟨осподи⟩н Ставрогин в удивлении перед тобою стоят и ниже [по] желанием своим участвовали ◇

Стр. 429.

3 и две тысячи / и двести рублей ◇

5–6 мне тебя ∾ ум / *а.* мне на тебя, какой ты, можно сказать, мальчишка *б.* мне тебя даже видать, какой ты [есть] выходишь мальчишка *в.* мне тебя даже видать, какой ты есть передо мной *г.* Мне тебя даже видать, какой ты есть глупый ум

6–9 пред тобою ∾ почитают. / *а.* перед тобою стоят как на лествице, а ты на них снизу как глупая собачонка тявкаешь [и у них], тогда как они на тебя сверху плюют и улыбаются. Уж па что я низкий и богу виноватый преступник, да и я перед тобой возвышаться могу. Ибо истинный убивец суть ты, окромя того, что ты же меня и дерзнул. *б.* как высокий господин, перед тобою помещаются как на лествице, а ты на них снизу как глупая собачонка тявкаешь, тогда как они на тебя сверху плюют [и презирают тебя], и больше ничего *в.* перед тобою как па лествице состоят, а ты на них снизу как глупая собачонка тявкаешь, тогда как они [на тебя] сверху и плюнуть-то на тебя не хотят *г.* перед тобою как на лествице состоят, а ты на них снизу как глупая собачонка тявкаешь, тогда как они сверху и плюнуть-то за большую честь для тебя почитают. ◇

10–15 остервенился ∾ сцена: / *а.* что я тебя, мерзавца, ни шагу отсюда не выпущу и тебя прямо в полицию передам? *б.* вдруг вскочил П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч, — что я тебя, мерзавца, ни шагу отсюда не выпущу и тебя прямо в полицию передам? Федька быстро вскочил и [с таким сверк⟨нувшим⟩] яростно сверкнул своими глазами. [И П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч отскочил на шаг назад и выхватил револьвер.] Тут произошла быстрая и отвратительная сцепа. *б.* вдруг вскочил П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч, — что я тебя, мерзавца, ни шагу отсюда не выпущу. И П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч вдруг схватил револьвер. Федька встал на ноги и яростно засверкал глазами.

Тут произошла быстрая и отвратительная сцена. ◇

⟨13⟩

Стр. 429.

14 быстрая / *а. Как в тексте. б.* мгновенная

17 его / П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча

17–18 В тот же миг ∾ по щеке / *а.* Удар был ужасный, но в тот же миг последовал другой ужасный удар по щеке *б.* В тот же миг последовал другой ужасный удар, за ним третий, четвертый ◇

18 ошалел, выпучил глаза / *а.* покачнулся *б.* закачался *в. Начато:* вып⟨учил⟩

18–19 ошалел ∾ на пол / ошалел на месте и выпучил глаза, как бы потеряв сознание, и закачался на месте. Последний удар кулаком по голове и... и... и грохнулся со всего росту на пол и захрипел *б.* ошалел, выпучил глаза, что-то забормотал, закачался и грохнулся со всего росту па пол ◇

20 с победоносным вывертом / *а. Как в тексте. б.* победоносно и с вывертом ◇

20 крикнул / *а.* крикнул *б.* сказал *в.* крикнул *г.* указал на него ◇

21 мигом / *а.* Затем мигом *б.* Мигом ◇

22 Петр Степанович хрипел в беспамятстве / *а.* Он был в обмороке *б.* Петр Степанович хрипел в беспамятстве ◇

22–23 Липутин ∾ убийство / *а. Начато:* Липутин думал, что совершилось убийство, и стоял, не двигаясь с места. В голове его *б.* Липутин даже подумал, что совершилось убийство, и ждал как прикованный к месту ◇

23 *Слова:* опрометью — *нет.*

24 Водой его / Водой его, из ведра

24–25 вскрикнул он ∾ на голову / вскрикнул и тотчас же исполнил, зачерпнул железный ковш воды, вылил ему на голову, затем в другой раз ковш

24 железным ковшом / железный ковш ◇
25 Петр Степанович пошевелился / Тот, наконец, пошевелился
26 приподнял голову, ∾ пред собою / приподнял голову и сел на полу, бессмысленно смотря перед собою
27 Ну, каково / *а.* Каково вам *б.* Так каково *в.* Каково ◇
28–30 Тот, пристально ∾ с полу револьвер / *а.* П⟨етр⟩ С⟨тепанович⟩ пристально, всё еще как бы не узнавая, поглядел на него, обернулся и, увидав выставившегося Липутина, улыбнулся своей гадкой улыбкой [и мигом] [Тотчас же всё сообразил и припомнив, он схватил револьвер и вскочил]. Затем быстро вскочил на ноги и выхватил револьвер *б.* Тот пристально, всё еще не узнавая, глядел на него, но вдруг быстро обернулся и, увидав выставившегося из кухни Липутина, улыбнулся своей гадкой улыбкой. Затем быстро вскочил на ноги и снова схватил с полу револьвер ◇
31–34 завтра убежать, ∾ понимаете! / *а.* улизнуть завтра, как Ставрогин, — оборотился он к Кириллову, еще весь бледный и неточно [произно⟨ся⟩] выговаривая слова [то я вас найду], но дрожа от бешенства, — то я вас на другом конце шара найду, повешу... раздавлю... поняли? *б.* завтра убежать как подлец Ставрогин [закричал], исступленно [обратился] набросился он на Кириллова, весь бледный и еще неточно выговаривая слова, — то я вас на другом конце шара [сыщу, поняли?] повешу как муху... раздавлю [как муху] ... поняли? ◇
35 И он наставил / *а.* Он поднял револьвер и *б.* И [как] точно помешанный он вдруг наставил ◇
35–37 но почти в ту же минуту ∾ ни слова / *а. Начато:* Но тотчас опомнился. — Ну, смотрите же, — кив⟨нул⟩ *б. Начато:* Затем *в.* Но вдруг, почти тотчас опомнившись, совершенно отдернул назад руку [спрятав], сунув в карман револьвер и не сказав более ни слова ◇
38 Вылезли в прежнюю / *Начато:* Оба по-прежнему вылезли в [от⟨кос?⟩]
38 и опять / и по-прежнему ◇
40 быстро зашагал / *а. Начато:* шагал ск⟨орым⟩ *б.* зашагал скорым шагом
40 едва / едва за ним ◇
42 Ну? ∾ к Липутину / *а.* Вы что думаете? — с вызовом спросил П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч *б. Начато:* Ну? быстро обернулся к нему вдруг и *в.* Ну? — с вызовом повернулся к нему П⟨етр⟩ Ст⟨епанович⟩ ◇
43 трепетал / дрожал ◇
44 но ответ / но слова вдруг
44–45 как-то сам ∾ языка: / как-то сам соскочил вдруг и неудержимо слетел с его языка, так что [много] потом он и сам удивлялся.
46 *Слов:* я думаю — *нет.*
48 А видели ∾ на кухне / *а.* Вы помните, что тот делал, в кухне *б.* А видели вы, что пил Федька в кухне? *в.* Видели, что пил Федька в кухне ◇

Стр. 430.

1 Что пил? *вписано.*
2 Ну так знайте / *а.* Ну так припомните потом *б.* Ну так знайте и запомните ◇
3 Рекомендую ∾ соображений / *а.* Помните *б.* Запомните
3–5 А теперь убирайтесь ∾ не глупить! / *а.* А теперь убирайтесь [прочь], до завтра вы мне не нужны. ◇ *б.* К черту, вы до завтра не нужны... Но смотрите: не глупить! — грозно протянул он, грозя пальцем. ◇ *После:* пальцем — *а.* И он с тою же быстротой пустился по улице *б.* И он пустился далее. ◇
6 Липутин ∾ домой / *а.* Липутин остановился, подождал и направился в улицу налево, прямо к себе домой *б.* Липутин, оставшись один, некоторое время подождал, поразмыслил и бросился к себе домой *в.* Липутин, оставшись один, некоторое время подождал на месте, как бы размышляя и соображая, но вдруг очнувшись, бросился прямо к себе домой ◇ *Далее следуют наброски: 1.* Паспорт на самый отда-

ленный фантастический случай. *2.* Он бросился справиться и узнал, что П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч ночевал на своей квартире.

7 *Знака главки:* IV — *нет.*

8 У него / У Липутина

9–13 аккуратный человечек, ∾ случай / *а. Начато:* аккурат⟨ный⟩ капиталист, человек, скупец, гроза и тиран семьи, чиновник (правда, фурьерист) — но прежде всего капиталист и собственник, давно уже возымел фантазию припасти *на всякий случай б.* аккуратный и рассудительный человечек, мелкий тиран своей собственной семьи, чиновник во всяком случае (правда, фурьерист), — и, наконец, прежде всего капиталист и собственник и [самый ярый] процентщик, давным-давно уже возымел про себя фантастическую мысль припасти *на всякий случай* ◇

14 *После: если!* — Впрочем, я так думаю, что он хоть и припас паспорт ввиду какого-нибудь уж очень фантастического [случая] будущего события, но про себя был совершенно и постоянно уверен до последнего дня, что никогда не придется [им] этим паспортом воспользоваться [Конечно, он-таки порядочно окомпрометировал себя за последнее время] — [но если бы даже и все узнали], даже несмотря на то, что он-таки порядочно успел окомпрометировать себя за последнее время...

14–16 хотя, конечно, ∾ *если...* / Да и что могло означать у него это *если?* ◇

17–18 Но теперь оно ∾ роде / Теперь [же] оно вдруг [зажглось в уме его] обозначилось в другом только роде ◇

18 Та отчаянная идея / Та самая его отчаянная идея ◇ *Далее было:* та самая идея

19 *После:* Петра Степановича — Идея была — бежать. ◇

20 *Слов:* чем свет — *нет.*

21–25 Кто не поверит ∾ более ничего / До того фантастические вещи случаются у нас в самой обыденной действительности. Кто не верит, пусть справится с биографиями всех русских эмигрантов за границей; ни один не убежал умнее и реальнее. Всё то же необузданное царство фантазий и более ничего — и ничего больше ◇

26–29 он начал с того, ∾ ни часу / *а.* Он пришел домой [в несомн⟨енном⟩] решившись, заперся, достал сак и даже начал доставать белье, всё думая о деньгах и о том, сколько и как он *их* успеет спасти *б.* Прибежав домой, Липутин заперся, достал сак и даже начал доставать белье, главное думая о деньгах и о том, сколько и как он *их* успеет спасти, ибо, по понятиям его, медлить нельзя было ни часу ◇

31 он смутно решился / и решился ◇

32 большой станции / станции ◇

32–33 до нее же добраться хоть и пешком / до которой [тоже] как-нибудь добраться пешком ◇ *После:* пешком — *а. Начато:* Он хо⟨лодел⟩ *б.* Спина и ноги его холодели, но пот смачивал виски. ◇

33 *Слов:* Таким образом, — *нет.*

34 *После:* в голове, — беспрестанно забывая и начиная опять

34 и — вдруг / Вдруг ◇

36 Ясно почувствовал / вдруг понял

36 что / что он

38–39 что теперь он ∾ масса / что он только тело, какая-то инерционная масса ◇

40–43 и что хоть у него ∾ *после* Шатова / и что он, хоть и имеет паспорт, хоть и мог бы бежать и именно бежать *от Шатова* (а иначе для чего же [бежать] ему, наконец, так торопиться), но что бежит он не *до* [Шатова], а [непременно] именно после ◇ *Далее было:* Шатова.

44 тоске / *а.* борьбе с собою *б.* нерешительности ◇ *После:* нерешительности — преданный вихрю самых несносных мыслей, в которых фантастическое так неестественно и [ежеминутно] досадно сливалось с действительностью ◇

44 ежеминутно трепеща / ужасаясь и как бы ежеминутно трепеща

Стр. 430—431.

45-11 на самого себя ∾ узнал / *а.* своему положению, — он в нестерпимой тоске, дожив кое-как до одиннадцати часов утра следующего дня, но всё еще колеблясь, всё еще не решаясь, всё еще озираясь и ожидая последнего толчка и молил кого-то, чтобы он последовал скорее. И вот в одиннадцать часов утра действительно последовало нечто вроде толчка: до него достигло известие, как и до многих в городе *б.* на себя самого, он кое-как прожил до 11-ти часов утра следующего дня. В одиннадцать часов действительно последовало нечто вроде этого толчка: до него вдруг достигло известие, уже пронесшееся по городу ◇

Стр. 431.

5 что разбойник / что беглый разбойник
8 в семи верстах / на седьмой версте
9 к Захарьину / на Захарьинский проселок
9-10 *Слов:* и что о том говорит уже весь город — *нет.*
10-11 Тотчас же ∾ подробности / *а. Начато:* Липутин бросился *б.* Узнав [1] от своих же домашних и как безумный бросился из дому узнавать подробности ◇
12 найденный / поднятый
13 *После:* ограблен — что [даже] старый кожаный зеленый бумажник [его], раскрытый и даже разорванный, валялся подле него ◇
14 заключить / чтобы заключить
14-15 убийцей его был / убийца был ◇
15 *Слова:* несомненно — *нет.*
16-18 и что ссора ∾ у Лебядкина / и что это не всё [и дело конечно вышло из-за денег] [Преступление] Дело именно вышло из-за дележа денег, награбленных у Лебядкина и будто бы [наход⟨ившихся⟩] утаенных Федькой от участника Фомки ◇
18-22 Липутин пробежал ∾ до восьми часов / [Вне себя кинулся] Липутин побежал в квартиру, занимаемую П⟨етром⟩ С⟨тепанови⟩чем, и хоть и был вне себя, но [забежал] с заднего крыльца успел потаенно и ловко узнать, что П⟨етр⟩ С⟨тепанович⟩ хоть и воротился домой этак уже [в первом часу] около полночи, но всю ночь преспокойно изволил почивать чуть не до девяти часов ◇
22-23 Разумеется, ∾ сомнения / Спору не было
24-25 таковые развязки ∾ карьерах / такая развязка [его карьеры] [его судьбы] именно всего чаще случается [в подобной карьере] при подобных карьерах ◇
26 «что Федька / он ◇
27 до того / так
28 *К слову:* дан — *относится запись на полях:* Не то, чтоб он за себя испугался; он испугался могущества; явился новый факт, новая идея...
29-30 он молча / он молча и машинально ◇
30 в назначенный / *а.* в условленный *б. Начато:* в извес⟨тный⟩
31 из всех явился / побежал
31-32 на условленное место для встречи Шатова / на условное место
32 с своим паспортом / с паспортом ◇

⟨14⟩

33-35 *Глава пятая.* Путешественница. ! / Глава 8 (7?)
36 Катастрофа с Лизой и смерть Марьи Тимофеевны / *а.* Смерть Лизы и Марьи Тимофеевны *б.* Смерть Лизы, умершей ввечеру, и смерть Марьи Тимофеевны

---

[1] *Так в рукописи.*

«Бесы». Страница чернового автографа II главы третьей части. 1872 г.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).

37 Я уже упоминал, что *вписано.*
38–39 он показался мне ∾ уме / *а.* он был как безумный *б.* он был почти обезумевшим
39 Между прочим, сообщил / И вот тут-то он и сообщил мне
39 *После:* накануне — по моим словам ◇
41 поутру взглянуть на трупы / *а.* и на трупы *б.* поутру на трупы ◇
41 в то утро *вписано.*
42 нигде *вписано.*

Стр. 432.

1–2 был такой момент ∾ всё / *а.* он уже хотел идти и объявить всё. *б.* что в сумерки он уже хотел идти и объявить всё
2–8 Что такое было это *всё* ∾ его слова / *а. Начато:* Удержало его лишь одно *б. Начато:* Кажется, его удержало лишь одно *в.* Может быть, его задержала (но лишь на время, я в том убежден) недостаточность обвинений *г.* как бы ни были нелепы и недостаточны его обвинения. Он уже не [рассуждал] думал и о том, что предаст и самого себя [не думал]: главное «раздавить бы этих мерзавцев» (собственные его слова) *д.* Что такое было это всё — это уже он сам знал. Разумеется, компрометировал бы только себя, а главной цели бы не достиг нисколько бы. Он не имел никакой возможности обличить и доказать только что совершившиеся злодеяния. Он и сам-то имел об них лишь одни смутные догадки, только для него одного равнявшиеся полному убеждению. [Но он уже не] Тем не менее он готов был предать самого себя, лишь бы начать дело и «раздавить мерзавцев» — его собственные слова *е.* Что такое было это всё — про то он сам знал. Разумеется, ничего бы не достиг, а предал бы только себя, а главной цели нисколько бы не достиг. У него не было никаких доказательств, чтобы обличить только что совершившиеся злодеяния. Да и сам он имел об них один лишь смутные догадки, только для него одного равнявшиеся полному убеждению, а они-то его и понуждали [пойти, хотя бы прежде всего пришлось пожертвовать самим собою, собственной участью] идти. Но он готов был погубить себя, лишь бы только «раздавить мерзавцев» — собственные его слова. *Текст:* Что такое было это всё ∾ слова — *вписан на полях.*
8–18 отчасти верно предугадал ∾ обстоятельство / *а.* вполне верно предугадал этот порыв и сам знал, что сильно рисковал, откладывая [де⟨ло?⟩] исполнение нового замысла до «послезавтра[го]». Но спасло «мерзавцев» еще на малое время одно совершенно неожиданное обстоятельство *б.* верно предугадал в нем этот порыв и сам знал, что сильно рискует, откладывая исполнение своего нового ужасного замысла до послезавтра. Тут было и много самонадеянности. Он надеялся не упустить Шатова из виду и всегда суметь пересечь ему путь *в.* верно предугадал в нем этот порыв и сам знал, что сильно рискует, откладывая исполнение своего нового ужасного замысла до послезавтра. С его стороны тут было много обычной самонадеянности и презрения к другим «людишкам» [особливо] и к Шатову в особенности. Он презирал его за «плаксивое идиотство», как выражался он еще за границей. Он, впрочем же, твердо надеялся не упускать его в эти [двое] сутки из виду и всегда суметь пересечь ему путь. ⟨*Текст:* С его стороны ∾ путь — *вписан*⟩. И, однако, спасло «мерзавцев» еще на малое время одно совершенно неожиданное и непредвиденное обстоятельство ◇
21 и в легком ознобе / и с легким ознобом в спине ◇
23–25 никак не мог ∾ не поведет / знал, что решится, и с проклятием предчувствовал, что всё это ни к чему не поведет. Но вставать с постели [он] все-таки медлил ◇
25–26 Мало-помалу он забылся ∾ кошмар; / *а.* К величайшему своему, последовавшему потом удивлению, он забылся на миг легким сном и видел во сне какой-то безобразный и мучительный [бред] [сон]

бред: *б*. Мало-помалу он забылся на миг легким сном и видел мучительное сновидение: ◇

27 опутан / перевяз⟨ан⟩

29 во флигеле у Кириллова *вписано*.

30–31 но мучительный / но ужасный

31 призывает его / зовет его

31–32 и приподнялся / вскочил и сел ◇

32 К удивлению, удары в ворота / К удивлению его, удары в забор

34 *После:* упорные — *было:* и нетерпеливые

35 а, напротив, нетерпеливо и раздражительно — *вписано*.

36 всё / всё еще ◇

36 внизу / тут же

36 с чьим-то / с каким-то

37 обыкновенным / *а*. смирным *б*. простым

37 *После:* голосом. — *а*. Страшный испуг в один миг как бы придавил его: раздражительный голос был так страшен и знаменателен. *б*. Испуг, почти мистический, почти как бы испуг при виде привидения в один миг придавил его; он сидел и не хотел верить: этот раздражительный голос, голос живой, был слишком, слишком знаком ему [и никогда]. Никогда бы он не мог предположить его появления. *в*. Этот раздражительный голос, голос живой, был слишком, слишком знаком ему. Никогда бы он не мог предположить его появления. Испуг, почти мистический, как бы при виде привидения, в один миг придавил его. ◇

37–38 Он вскочил, отворил форточку / Вдруг он вскочил с кровати, отворил форточку ◇

39 буквально коченея от испуга / *а*. замирая от волнения *б*. замирая от страха ◇

41 объявить / сказать

41–42 согласны ли вы впустить меня / отопрете вы мне ворота

43 *Слов:* Так и есть ∾ голос! — *нет*.

46 более не могу / не могу более

47 Сейчас... я только ∾ прокричал / *а*. *Начато:* Шатов сломя голову *б*. Сейчас... сейчас! всё еще задых⟨аясь?⟩ прокричал *в*. Сейчас... я только свечу... всё еще задых⟨аясь?⟩ — слабо прокричал

Стр. 432—433.

48–4 Затем бросился искать ∾ калитку / *а*. Затем, разумеется, бросился искать спичек, которые, разумеется, не находились; затем уронил подсвечник со свечой на пол, и когда снизу вдруг опять послышался какой-то звук ужасного голоса, бросил всё и сломя голову сбежал в темноте по лестнице к воротам и отворил калитку *б*. Затем бросился искать спичек. Спички, разумеется, не отыскивались; уронил подсвечник со свечой на пол, и только что снизу опять послышался нетерпеливый голос, бросил всё и сломя голову побежал вниз по своей крутой лестнице к воротам отворять калитку ◇

Стр. 433.

5–9 Сделайте одолжение, ∾ на извозчика / *а*. Сделайте одолжение, подержите сак, если не в труд, пока я разделаюсь с этим болваном, — проговорила m-me Шатова, передавая мужу довольно легкий и весьма небольшой сак из парусины с бронзовыми гвоздиками, дрезденской работы, и раздражительно обернулась к извозчику: *б*. Если не в труд [возьмите], подержите сак, пока я разделаюсь с этим болваном, — встретили его первые слова внизу, и госпожа Марья Шатова тотчас сунула ему в руки довольно легонький, дешевый ручной сак, из парусины с бронзовыми гвоздиками, дрезденской работы; [затем] а сама раздражительно накинулась на извозчика

10–14 Если вы протаскали ∾ не получите. / *а*. Если вы возили меня полчаса по вашим грязным улицам, так вина ваша же — вы не знали, где

Богоявленская улица и этот дом. Вот тридцать копеек, как рядились, и ничего больше! *б.* Если вы [возили] провозили меня целый лишний час по вашим грязным переулкам, так виноваты вы же, потому что сами, оказывается, не знали, где эта глупая улица и этот дурацкий дом. Извольте принять ваши тридцать копеек и убедиться, что ничего больше не получите. ◇

15–17 Эх, барынька ∽ запарили. / *а.* Эх, барыня, только сама же ты говорила Вознесенскую улицу, а эта Богоявленска, Вознесенской-то проулок эвона где отселева, кабы видал, в такую грязь *б.* Эх, барынька, сама же тыкала на Вознесенску улицу, а эта Богоявленска, Вознесенской-то проулок эвона где отселева, только мерина с тобой даром парили.

18–23 все эти глупые названия ∽ в покое. / *а.* все эти глупые названия вам больше моего известны, я же вам говорила про дом Филиппова... как хотите. Можете на мне искать завтра у мирового судьи, а теперь берите ваши тридцать копеек и ни копейки больше, будьте уверены, что ничего не прибавлю.

— Эх, барынька [с то⟨бой⟩], только мерина приморили *б.* все эти глупые имена вам больше моего должны быть известны, я же вам прежде всего заявляла про дом Филиппова... а вы именно [утверждали] подтвердили, что его знаете. ◇

24–25 стремительно выхватил ∽ свой пятак / *а.* выхватил из кармана панталон Шатов *б.* стремительно выхватил из кармана панталон Шатов ◇

26 Сделайте одолжение / — Какая глупость! Сделайте одолжение ◇

28 схватив ее за руку, повлек в ворота / *а.* схватив ее руку, повел в ворота *б.* схватив ее за руку, стремительно повлек в ворота

29 *После:* скорей — *было:* ты так устала

29–30 и — как ты измокла *вписано.*

30–31 лестница крутая / тут лестница крутая

33 еще долго не отыскивались / всё еще не находились. Прошло с полминуты

34–35 молча и не шевелясь / *а.* не шевелясь *б.* молча, не шевелясь ◇

36–37 наконец-то! ∽ осветив каморку / *а.* наконец-то, проклятые! — крикнул Шатов и осветил комнату *б.* наконец-то [нашлись проклятые]! — радостно крикнул Шатов и осветил комнату ◇

37 Марья Шатова ∽ помещение / Пока он зажигал [свечу], Марья Шатова бегло обозрела каморку ◇

39 брезгливо произнесла / произнесла

40–41 присела она ∽ постель / *а.* опустилась она почти без силы на жесткую постель Шатова *б.* присела она с бессильным видом на его жесткую [кровать] постель ◇

41 сядьте сами на стул / садитесь на стул ◇

42 *Слов:* вы торчите на глазах — *нет.*

42–43 Я у вас ∽ приищу работу / *а.* Я у вас, разумеется, на время *б.* Я у вас, разумеется, на время, пока достану какую-нибудь работу

44–46 Но если ∽ честный человек / Но если стесняю вас, сделайте одолжение, заявите сейчас же

47–48 извольте меня проводить ∽ устала! / вы меня проводите сами сегодня же [сейчас же] [теперь же]. Только я устала...

Стр. 434.

2 Какая / И какая

3 Зачем, зачем? / Живи сколько хочешь! Зачем! Зачем! Напрасно, совсем напрасно!

4 Он, умоляя, сложил руки. *вписано.*

5–6 Ну, если можно обойтись ∽ дело / *а.* Если так, то все-таки надо разъяснить *б.* Ну, если не надо, то все-таки необходимо разъяснить дело ◇

7 и несколько дней *вписано.*

7 вот / и вот ◇

9–10 что-нибудь возобновлять ∽ глупостей / возобновлять супружество

10 в этот город / сюда
13–14 О Marie! ∾ бормотал Шатов / О Marie, Marie! [тревожно] напрасно, совсем напрасно! — тревожно и неясно пробормотал Шатов ◇
15–16 коли вы настолько развиты ∾ понять, *вписано.*
16 прибавить / сказать вам
17 и пришла в вашу квартиру *вписано.*
17 то отчасти и потому / то все-таки потому ◇
20–21 она много перенесла кое-чего ∾ «мерзавцев» / *а.* она была сильно обижена какими-нибудь мерзавцами *б.* она только что перенесла какую-нибудь очень сильную обиду от каких-нибудь мерзавцев ◇
20–21 *Текст:* Глаза ее засверкали ∾ «мерзавцев» — *вписан.*
21 *После:* «мерзавцев» — Marie!.. — пробормотал опять Шатов с дрожанием в голосе. ◇
22 И, пожалуйста / О, пожалуйста ◇
22–23 не смеялась сейчас, заявляя вам / *а.* не смеюсь, говоря вам *б.* не смеялась сейчас, говоря вам ◇
23–24 Я говорила прямо, ∾ не могу / *а.* Я прямо говорю *б.* Я говорила прямо, без финтифлюшек. Да и теперь не могу ◇
24 Однако / Впрочем
25 не надоедать / чтоб не надоедать ◇
27–28 И она поглядела ∾ взглядом / *а.* И она в первый раз поглядела на него прямо своим длинным, усталым взглядом *б.* И она поглядела на него своим длинным, измученным, ужасно усталым взглядом ◇ *Далее было вписано: а.* Она была даже почти больна *б.* И она была почти больна.
28–30 и робко, ∾ ее слушал / *а.* и тоже в первый раз осмелился поднять на нее прямо глаза. Лицо его зарделось и глаза засверкали и робко, но как бы обновленно глядел па нее *б.* робко опустив глаза и тоже в первый раз вдруг осмелился поднять на нее прямо глаза. Лицо его зарделось и глаза от нее засверкали и робко, но как-то обновленно, чуть не с сиянием в лице глядел на нее *в.* от нее и робко, но как-то обновленно глядел на нее ◇
30–31 постоянно шерстью вверх *вписано.*
31 и просветлел / *а.* пронизался ⟨?⟩ *б. Начато:* весь трепетал, из глаз *в.* и оробев, просветлел
31–32 В душе его задрожало ∾ неожиданное / *а.* в душе дрожало, а из глаз просились слезы. Он еще не рассматривал ее, он только еще созерцал *б.* В душе его [что-то] дрожало что-то новое ◇
27–33 *Против текста:* И она поглядела на него ∾ ничего. — *на полях наброски: 1.* Смягчился и пронизался ⟨?⟩ весь *2.* и кто знает — любил, стало быть, всегда, о которой мечтал, о которой слышал, берег слухи... таил про себя
33 *После:* ничего — *было:* каждый день он мечтал об ней.
34 в эти три года / в эти годы разлуки ◇ *вписано.*
34 *После:* о ней — *было начато:* об этом дорогом
35 *После:* «люблю». — и вероятнее всего никогда его не любившем. ◇
37 могла сказать / хоть когда-нибудь сказала
38 и стыдлив до дикости / и ужасно стыдлив
39 *После:* характер — до проклятия ◇
39 *После:* себя — *было начато:* вроде
40 к какому-то / к какому-нибудь
40–41 лишь на ярмарках / только на ярмонках ◇
41 Вследствие всего этого *вписано.*
42 а убеждениям своим предавался / единственно, что осталось ему
42–43 был мрачен ∾ несловоохотлив / именно, может быть, от постоянно уединенного, глубоко и гордо запрятанного в душе целомудренного и, конечно, ошибочного стыда за свою личность и свою наружность ◇ *Далее было начато:* Страшно
43 Но вот / И вот ◇
46 понимание / сознание

Стр. 434—435.

48–1 так что выходило по его / по которому постоянно выходило

Стр. 435.

1 *К слову:* виноват — *на полях вставка:* да и никогда, никогда он на нее не жаловался, никогда ни с кем не говорил о ней и не поверял никому своих тайн! ◇

1–3 эта женщина ∾ понять! / *а.* и вот это существо, эта Марья Шатова, опять перед ним! О да, она много переменилась. [Это лицо было больное, усталое] Давно уже исчез с этого усталого лица блеск первой молодости. *б.* и вот эта женщина, эта Марья Шатова, вдруг опять в его доме, опять перед ним! ◇ *Далее было:* Он так был поражен, в этой идее было столько мучения и счастья.

4 чего-то страшного / потрясающего, столько чего-то чуть не страшного ◇

5 *После:* что — *было:* душа его замерла как в оковах, а ум оцепенел

5–6 не желал, боялся / и боялся ◇

6 Это был сон / *а.* Всё это казалось таким сном *б.* Всё это было как сон ◇

6–8 Но когда она поглядела ∾ обижено / *а.* Но вот он вдруг понял, что это столь любимое существо [пер⟨еменилось⟩] [сильно должно быть мучилось] в эти три года сильно переменилось *б.* Но теперь, когда она поглядела на него таким измученным взглядом, он вдруг понял, что это столь любимое существо сильно, должно быть, измучилось в эти три года, сильно переменилось ◇

8–9 *Слов:* Сердце его замерло ∾ в ее черты — *нет.*

10–15 Правда, она всё еще была ∾ лихорадочным блеском.) / *а.* Правда, она всё еще была хороша (а для Шатова и по-прежнему красавица), с темно-русыми довольно пышными волосами, с бледным лицом, большие темные глаза, теперь сверкавшие каким-то лихорадочным блеском, довольно сильное сложение, рост выше среднего (и выше Шатова) *б.* Правда, она всё еще была [недурна собою] хороша собою (в глазах Шатова как и всегда, как и прежде красавица). Это была женщина лет 24-х, довольно сильного сложения, росту выше среднего (выше Шатова), с темно-русыми довольно пышными волосами, с алыми губами ⟨*К словам:* с алыми губами — *незачеркнутый вариант:* с бледным овальным лицом⟩, большие темные глаза, теперь сверкавшие каким-то лихорадочным блеском ⟨*не закончено*⟩ *Текст:* Правда, она всё еще была ∾ блеском — *вписан на полях.*

15–20 Но легкомысленная, ∾ вдруг подошел / *а.* Легкомысленная, но наивная и простодушная энергия сменилась [какою] раздражительностию, разочарованием, как бы цинизмом, к которому она еще не привыкла. Сердце Шатова сжалось от боли. Когда она вскрикнула: Ох, устала! — он вдруг шагнул к ней, преодолев свою робость. *б.* Легкомысленная, но [прежняя] наивная и простодушная прежняя энергия [уже] сменилась в ней какою-то раздражительностию, разочарованием, как бы цинизмом, но к которому она еще не привыкла и которым сама тяготилась: она казалась больною. Когда она вскрикнула: Ох устала! — сердце его сжалось от боли. Он шагнул к ней ◇

22–23 ради бога, не сердись / *а.* и измокла, Marie *б.* ради бога, не рассердись ◇

23 хоть чаю / чаю

24 подкрепляет, а / подкрепляет, а? а

24 Если бы ты согласилась!.. *вписано.*

25–26 Чего тут согласилась, ∾ дайте. / *а.* — О да, пожалуй чаю... Я бы очень хотела... Если можете... О, как у вас холодно. *б.* Чего тут согласилась, разумеется, соглашусь... [какой вздор. Дайте чаю] о, давно бы надо [какой вы дитя], что вы за ребенок. Если можете [то], дайте чаю, ◇

28–30 дрова у меня есть! ∾ фуражку / *а.* весь загорелся и заходил Шатов, — я дров сейчас, но... и чаю сейчас. — Он схватил фуражку *б.* весь

заходил Шатов, — я дров сейчас, но... впрочем и чаю сейчас, — махнул он рукой как бы с отчаянною решимостию и схватил фуражку ◇
31 нет дома чаю? / *а.* у вас нет дома чаю? Вы бежите его покупать *б.* у вас нет дома чаю ◇
32 Он / И он ◇
35–36 вот мои деньги ∾ нет ничего / вот все мои деньги
36–37 тут восемь гривен, ∾ в помешанном доме. / *а.* восемь гривен. Только всё это долго. Куда же вы? *б.* тут восемь гривен, кажется, все. Точно в помешанном доме. ◇
38–39 Не надо ∾ я и без револьвера... / *а.* Сейчас, я в один миг, — кинулся из дверей Шатов. *б.* Не надо, не надо твоих денег, Marie, я сейчас в один миг, я без револьвера. Сейчас! ◇
40 И он ∾ к Кириллову. / *а.* Он бросился к Кириллову... ◇ *Над этими словами было вписано: а.* прямо во флигель. *б.* Он бросился из дому прямо во флигель к Кириллову.
41 *После:* до — *было начато:* нашего пос⟨ещения⟩
42–43 почти не видались друг с другом / *а. Начато:* почт⟨и⟩ *б. Начато:* давно уже не видались друг с другом, да и преж⟨де⟩ вст⟨речались⟩ *в.* весьма редко видались друг с другом *г.* почти не видали друг друга ◇
44 слишком долго ∾ в Америке / впрочем, вероятно сами не знали почему ◇
45 *После:* самовар — *а.* вскричал Шатов, внезапно вбегая с взволнованным, красным лицом. *б.* вбежал Шатов с взволнованным, красным лицом. *в. На полях вариант:* влетел Шатов с красным лицом.
47–48 посмотрел / уставился

Стр. 435—436.

48–2 *К тексту:* Кириллов, ходивший по комнате ∾ просто. — *на полях вариант:* Кириллов поглядел молча, секунды три, но без большого удивления. — Чай есть и самовар есть, но самовар не надо. Садитесь пейте. Горячий.
45–11 *Рядом с текстом:* Кириллов, у вас всегда чай; ∾ тоже хорошо. — *на полях набросок:* Прошло часа два или три, первый час, я думаю. Я не знаю, может быть и начинается

Стр. 436.

2 чай горячий ∾ просто. / Садитесь и пейте. Горячий.
3 Ко мне / Кириллов, ко мне
4 Я... / Чаю нет. Я... я...
5 Если жена, то надо самовар. / Самовар надо.
5–6 У меня два / *а.* У меня два; вы один *б.* У меня два; я поставлю вам один ◇
6 А теперь ∾ чайник / *а.* А теперь берите чайник *б.* А теперь без самовара, берите чайник
9 завтра! Ах, Кириллов / завтра [же] ! Ах Кириллов! Ах Кириллов
16–17 Это хорошо, если после Швейцарии / Это хорошо. Любите
17–20 Приходите всю ночь, ∾ о вашей жене. / *а.* Я тут самовар в четверть часа, приходите. Берите деньги. Ступайте, я буду думать об вас и об вашей жене. Это хорошо. *б.* Приходите всю ночь, за всем. Я не сплю. За всем. Самовар будет. Берите рубль, вот. Ступайте [скорей] к жене, я останусь и буду думать об вас и об вашей жене. ◇ *К тексту:* Денег рубль ∾ об вашей жене — *на полях вариант:* Денег рубль, хотите? — Кириллов, какой бы вы были превосходи⟨ый⟩ человек, если б не ваши убежденья. Почувствуйте бога, просить проще⟨ния?⟩

— Ступайте к вашей жене и несите чай, а я буду думать о вас и вашей жене. Долго; всю ночь. Очень хорошо.
22–23 не понадобилось / не приш⟨лось⟩
27 робко около нее ухаживая / ухаживавший около нее
31 слышала / слыхала
32–34 Знаю, что сумасшедший ∾ в Париж писал / *а.* Какой-то сумасшедший,

но довольно об нем, пожалуйста. Надоело. Сделайте одолжение, сядьте *б.* Знаю, что сумасшедший, довольно, пожалуйста. Мало дураков-то. Так вы были в Америке? [Знаю] Слышала, вы писали. [Ох]. — Да, я [писал в Париж] в Париж писал ◇

37 стал / я стал

40 А вы / *а. Как в тексте. б.* Вы ◇

41 Нет, не русский / Нет ◇

42–43 Ну, всё это глупости. ∾ в бреду? / *а.* Ничего не понимаю. Глупости. Ох, скучно. Да сядьте же наконец, прошу вас. Что вы всё туда-сюда. Коробку разломаете.

— Ко... коробку?

— Да, ваша комната коробка, а не комната. А вы думали, я в бреду? Да, может быть, буду в бреду. *б.* Ну, всё это глупости. — Да сядьте же наконец, прошу вас. Что вы всё туда-сюда. Коробку разломаете.

— Ко... коробку?

— Да, ваша комната коробка, а не комната. Вы думали, я в бреду? Может быть, и буду в бреду. ◇

45 Двое... внизу... / Пока двое, случайно, внизу жил... — Кто жил?

46 И всё / Всё

46 *Слов:* Вы сказали внизу? — *нет.*

47 *После:* ничего. — Мы с Кирилловым.

Стр. 437.

1–2 Я только хотел сказать ∾ жили Лебядкины... / Нет, ничего, я так. Я хотел сказать, что мы пока двое случайно, а внизу прежде жили... — Кто? — Тут Лебядкины жили...

4 *После:* вдруг. — Да. ◇

4–5 Слышала ∾ пожар / *а.* Я слышала. У нас ночью был пожар *б.* Слышала. Только что приехала, слышала. Был пожар

7 что прощаю подлецов / прощаю это

8 подняв / подымая

8–10 *Текст:* подняв вверх руки ∾ а не слушала — *вписан.*

9–10 Она слушала ответы рассеянно; она / она слушала рассеянно,

11–13 делаются. ∾ опустилась / *а.* делаются. О боже, как это всё подло! Да сядьте же, прошу вас. О, как вы меня раздражаете вашей шагистикой, — вскричала она, в изнеможении опускаясь *б.* делаются [раздражительно], — злобно проговорила она. — О, как это всё подло и [какие они подлецы!] какие вы все подлецы! Да сядьте же, прошу вас. О, как вы меня раздражаете. И в изнеможении она опустилась ◇

16 *После:* не ответила — *начато:* и закрыл⟨а⟩

17 стало / было

18 посмотрел еще раз / посмотрел на нее

19 крепко сжал пред собой руки / крепко, крепко сложил пред собой руки ◇ *вписано. Далее следует набросок:* на верх лестницы, уперся лицом в угол и простоял так десять минут.

20 На верху лестницы ∾ в угол / Он остановился на верху лестницы, уперся лицом в темный угол ◇

21–22 Простоял бы и дольше ∾ тихие, осторожные / Он простоял бы, может, целый час, если бы вдруг внизу не послышались тихие и осторожные

22 тихие, осторожные / тихие и осторожные ◇

23 вверх. / *а.* наверх. *б. Начато:* по *в.* в темноте по лестнице.

23 вспомнил / вдруг вспомнил

23 что забыл / что он забыл ◇

25 шепотом / тихо, почти шепотом

26 *После:* не отвечая — в темноте нельзя было рассмотреть его.

27 остановился / он остановился

28 вдруг послышался ∾ вопрос / *а.* но вдруг послышался его осторожный голос *б.* послышался осторожный вопрос ◇

29 Иван Шатов / Где Иван Шатов

30–32 Шатов назвал себя. ∾ страшному гаду / *а.* Я, Иван Шатов, — отвечал [хозяин] тот и протянул руку, чтоб остановить незнакомца; но в тот же миг рука незнакомца очутилась в его руке. Шатов вздрогнул с отвращением, как бы прикоснувшись к гаду *б.* Шатов назвал себя, но протянул руку, чтоб остановить незнакомца, которого он никак не мог в темноте разглядеть; но тот схватил сам его за руку, и Шатов вздрогнул, как бы прикоснувшись к какому-то страшному гаду ◇

33 не входите *вписано.*

34 принять. Ко мне ∾ Я вынесу свечу / *а.* принять у себя... Я сейчас вынесу свечу *б.* принять в комнате... У меня, у меня моя жена. Я вынесу свечу

35 Когда он ∾ молоденький / *а.* Он воротился в комнату на цыпочках, поспешно и внимательно посмотрел на спящую. Спала она крепко и ничего не слыхала. Он захватил свечу и вынес в сени. Стоял какой-то [офицер⟨ик⟩] молоденький *б.* Он вернулся в комнату на цыпочках и пугливо [взглянул] оглядел спящую. Спала она крепко и стало быть ничего не слыхала. Захватил свечу и [опять вышел] [воротился] поскорей вышел в сени. Стоял какой-то молоденький ◇

36 *После:* видел — он это помнил.

40 подступая к нему / *а.* подступив к Эркелю *б. Как в тексте. в.* подступая к Эркелю

41 сейчас *вписано.*

41 знак рукой / знак

42 знайте / знайте, что

42 на все эти знаки / на эти знаки ◇

42–43 Я не признаю... не хочу / Я не хочу... Я не признаю... я плюю

43 сейчас *вписано.*

45–47 Нет, я этого ничего ∾ ответил гость / *а.* Я этого ничего не знаю, и не знаю, за что вы сердитесь, — ужасно простодушно и тоже совсем шепотом ответил гость *б.* Нет, я... ничего не знаю, и не знаю, за что вы так рассердились, — простодушно и незлобиво отвечал гость ◇

47 нечто *вписано.*

48 главное не желая терять времени *вписано на полях.*

Стр. 437—438.

48–1 У вас станок ∾ знаете сами / *а.* У вас станок и букв⟨ы⟩ *б.* У вас наш станок *в.* У вас станок, в котором вы обязаны отчетом *г.* У вас станок, вам не принадлежащий и в котором вы обязаны отчетом ◇

Стр. 438.

2 потребовать от вас / просить вас

3 Липутину / одному лицу

3 сообщить / вам сообщить ◇

4 ничего / уже ничего ◇

5 Ничего? — Совершенно ничего. *вписано.*

6–7 *Слов:* Ваша просьба исполняется, ∾ сообщить. — *нет.*

8 — Кто велел сообщить? / — А кто поручил вам всё это? ◇

9 — Те, которые передали мне знак / *а.* — Мне за границей поручили, — те, которые передали мне и знак *б.* Вы сами знаете *в.* Те самые, которые мне и знак передали ◇

11 Это... это, ∾ безразлично / *а.* Да, я из-за границы *б.* Да, я ездил за границу *в.* Это... это, я думаю, для вас всё равно ◇

11 *После:* безразлично. — И Липутина вам из-за границы поручили?

— Нет, на Липутина указал уже здесь Верховенский.

— Э, черт. Черт возьми, наплевать [мне на всю эту вашу путаницу...] [Глупость] Шуты, шуты! Смешно слушать! ◇ *Далее было:* знак!

12 если вам велено / коли вам поручено ◇

13–14 *Слов:* и был не один. ∾ не один. — *нет.*

14–15 А зачем Липутин сам не пришел? / *а.* Какому лицу? — Вы сами увидите. Вам, может быть, даже и незнакомому. *б.* Липутину? Зачем же не он пришел? ◇ *Далее было:* Потому что мне поручили вам передать, а ему принять.

16 явлюсь / приду ◇

17 *После:* не будет. — Вы согласны? ◇

18 Верховенский / Он

19–20 его не будет. ∾ в одиннадцать часов. / *а. Начато:* Нет, господин Верховенский *б.* Нет; хотя он и не назначен присутствовать, но мы просили его. Он [отвечал, что завтра утром] отклонился.

21 бешено прошептал / вскричал

22 бежал, каналья! / *а.* — Это он вам объявил о месте, где спрятано? [— Не знаю] — Нет, мне объявил Липутин.

— Так Липутин знает о месте? Стало быть, от В⟨ерховенского⟩.

— Я об этом ничего не могу [узнать] сказать, впрочем [может и он] [кажется и он], должно быть он, я тоже это заметил. *б.* — Это он вам объявил о месте, где спрятано? Э, черт, да больше ведь и некому.

23–24 Он взволнованно задумался. ∾ ждал. *вписано.*

25 Как же / *а.* Но как же *б.* Гм, впрочем *в.* — Ну, черт вас дери. Как же ◇

27 не нужно будет / не нужно

27–28 Вы только укажете ∾ зарыто / *а.* Вы только укажете место *б. Начато:* Вы только укажете место, чтоб у⟨достовериться⟩ *в.* Вы только укажете место, а мы только удостоверимся, что действительно тут закопано, а выкопаем уже после ◇

29 *После:* не знаем. — Знаете вы один.

29–30 А вы разве ∾ место? / *а.* А вы указывали кому?

— Нет [не указы⟨вал⟩], и он еще не знает в точности.

— Ну так и он не знает. *б.* А вы разве указывали еще кому-нибудь место?

— У [Липутина впрочем] нас, знаете, будет заступ [он], так Липутин хочет. Я ведь как свидетель только, мне всё равно. ◇ *Далее было:* Так, стало быть, не вы поручили Липутину принять?

— Нет, не я, и не знаю, кто поручил, но должно быть В⟨ерховенск⟩ий. Мы В⟨ерховенско⟩му предлагали не уезжать еще день и присутствовать как свидетелю, но, к сожалению, он не согласился.

— И черт с ним. Я разве о нем [говорю?] [тут ругаюсь] сожалею? [Но он бежал, бежал]

— А я думал, вы сожалеете.

— Это он нарочно тянул сдачу до отъезда. — Эркель смолчал. — Он хотел [хотел] тоже из меня сок выжать. Только теперь [знать] у самого пятки зачесались [бежать]. Бежал! Бежал, каналья, бежал.

Он закусил губы и опять потупился. Эркель всё стоял [по-преж⟨нему⟩] в ожидании [по-прежнему]. Шатов стоял [нахмурившись] потупившись и раздумывая. Разумеется, он мог бы и теперь задержать отъезд Верховенского, и к *Текст:* тоже из меня сок выжать ∾ [по-прежнему] — *вписан на полях. Против текста:* Так, стало быть, не вы поручили ∾ как свидетелю — *на полях вписано:* Я имел инструкцию передать В⟨ерховенско⟩му, а тот кому назначит принять. Потому что ведь я тоже уезжаю и сам принять не могу.

33–34 Э, да им и надо этакого соку! / Э, да им того-то и надо, вот этакого-то соку. ◇

36 смотрел ясно ∾ не понимал / бараньим взглядом смотрел на него, не понимая ◇

39 не уехал / он не уехал

40 мягко и убедительно / ясно и почти приветливо

40 *После:* заметил Эркель — Э-эх [дурачок] вы дурачок, — махнул рукой Шатов. ◇

41 в качестве / как

41–46 к нему ∾ жалеть-то» / и даже настаивал, потому что к нему моя вся и инструкция была, но он, к сожалению, с этим не согласился, под предлогом отъезда! ◇

47–48 а теперь ∾ марш! / Убирайтесь, марш! ◇

Стр. 439.

1–2 Итак, я ровно в шесть часов, ∾ пошел / Итак, я явлюсь [вовремя] завтра ровно в шесть часов [за вами], — сказал Эркель, вежливо поклонился и пошел ◇ *Далее на полях наброски: 1.* он имел вид слабого, жалкого, незащищенного мальчика — Ш⟨атов⟩ воротился и сел раздумывать. — Донести? Но — она! С другой стороны, свобода. Сдать и конец. *2.* Эркель был так простодушен. *3.* Не усумнился, главное, потому, что так совпадало с собственными догадками, а главное, они развязывали его кстати. Вот именно теперь начать новую жизнь. *4.* — Вы давно здесь, почему же вы раньше не приходили?

— Мне велено было передать В⟨ерховенско⟩му и ждать. Я ведь могу и не находиться. Но В⟨ерховенски⟩й *особенно* поручил мне, чтобы нас было по крайней мере трое — вы, Липутин и я как свидетель.

— Это он нарочно тянул — он чего-то всё ждал от меня до своего отъезда, но он бежал, бежал.

— Да он еще здесь, — наивно сказал Эркель, — он только завтра уедет.

— Приду, — оборвал Шатов. *5.* И притом, г⟨осподь⟩ знает, может быть и тут обманет —

3 ему вслед / ему еще раз вослед ◇

5 уже снизу / снизу лестницы ◇

6 Ничего / Ничего, проехало

9 «дурачок» / мальчик ◇

10–11 но маленького ∾ до хитрости / *а.* Что же касается до маленького, подчиненного толку, то тут у него был, даже до хитрости *б.* но маленького, подчиненного толку у него было довольно, даже, если надо, до хитрости ◇

11–15 Фанатически, младенчески преданный ∾ на завтра / *а.* Преданный «общему делу», [т. е.] в сущности Верховенскому, он действовал толково и ловко по его инструкции, данной ему в то время, когда в заседании у наших условились на завтра и распределили роли *б.* Преданный фанатически и младенчески общему делу, а в сущности Верховенскому, он действовал по его инструкции, данной ему в то время, когда в заседании у наших условились на завтра и распределили роли ◇ *в. На полях вписано:* Эркель был хороший посланник, его выбрал и настроил сам Верховенский, когда условились и распределили роли. У него не было только высшего соображения, но хитрости, бесчувственности — мальчик был очень чувствительный, но тут уж он служил фанатически «общему делу».

15–16 назначая ему роль ∾ в сторонке. / *а.* Успел поговорить с ним минут десять в сторонке. *б. Начато:* отправляя его, назначил ему *в.* назначая роль, успел поговорить с ним минут десять в сторонке и верно угадал, что никому [лучше] удачнее не может поручить такой роли. ◇ *Далее было:* действовать

16–22 Исполнительная часть ∾ эту идею. / *а.* Этот совершенно наивный мальчик мог быть хитрецом единственно лишь по исполнительной части. Исполнительная же часть была его потребностью или, другими словами, подчинения другой высшей воле ради общего дела и не иначе как ради общего дела, что, впрочем, было всё равно, ибо есть натуры, которые никак не могут понять служения идее, иначе как слив ее с самим лицом, провозгласившим эту идею. *б.* Исполнительная часть была потребностью [его натуры] этой маленькой, вечно жаждущей духовного подчинения натуры или, лучше сказать, под-

чинения другой высшей воле, и так всю жизнь, не иначе как ради общего дела. Но это было всё равно [ибо есть] [ибо есть такие маленькие подчиненные] [ибо есть такие маленькие в своем бесч⟨увствии?⟩ и требующие подчинения, жаждущие подчиниться], ибо эти [подчине⟨нные⟩] исполнительные люди никак не могут понять служения идее, иначе как слив ее с самим лицом, растолковавшим им эту идею. *в.* Исполнительная часть была потребностью этой малорассудочной, вечно жаждущей подчинения другой высшей воле натуры или, лучше сказать, подчинения другой высшей воле, конечно не иначе как ради какого-нибудь общего «великого» дела, но это было всё равно, ибо эти крошечные фанатики никак не могут понять служения идее, иначе как слив ее с самим лицом, по их понятиям выражающим эту идею. ◇

23 быть может, был / был, может быть ◇

23–25 из убийц ∾ при его убиении / *а.* из всех собравшихся на Шатова и безо всякого угрызения совести, не смигнув глазом, присутствовал бы при его гибели, безо всякой личной ненависти, а единственно по своей фанатически-деятельной подчиненности В⟨ерховенско⟩му *б.* из всех собравшихся на Шатова и безо всякой личной ненависти, не смигнув глазом, присутствовал бы при его гибели ◇

27 во время исполнения своего поручения *вписано.*

28 Шатов / тот

28 всего вероятнее / даже

29 к нему воротилась жена / у него теперь жена ◇

29–30 у Эркеля тотчас же / у такого неопытного мальчика совершенно

31 любопытства / *а. Начато:* удивл⟨ения⟩ *б.* любопытства насчет жены

31 в уме / в уме его ◇

31 *После:* догадку — тоже инстинктивно

32 воротившейся жены / прибывшей жены ◇

32 большое значение / громадное значение ◇

34–36 один только этот факт ∾ «избавиться» / факт этот имел чрезвычайное значение и спас «мерзавцев» ◇

36–37 он взволновал ∾ отнял от него / *а.* он отнял у него *б.* он отнял у Шатова *в.* он отнял у их жертвы ◇

38–39 безопасности ∾ совсем другим / опасности уже не могла прийти [ему] теперь в голову Шатову ◇

41 *После:* подозрениями! — «наделал злодейств, вот и бежит». ◇

41–42 он опять уселся в угол / он сел в углу на стуле

43 Горькие мысли его мучили... / Горькая мысль его мучила. ◇ *Далее было:* «Вот он бежит, неужели его упустить, неужели не обличить такого злодея!» С другой стороны: «вот она бедная, больная, лежит: неужели же оставить ее одну?» Идти доносить значит [во-первых] прежде всего предать себя, объявить о прежних преступных сношениях с этими людьми, объявить всё... и что, однако, из этого выйдет? Что, в сущности, он докажет? Чего достигнет? Отмстит ли он за Лизу и Марью Тимофеевну? О, в этом и главное дело. Конечно, конечно, честный человек колебаться не может [конечно], но теперь, во-первых, уже поздно, ночь, а во-вторых, можно еще завтра, можно успеть чем свет, до отъезда Верховенского — если только *успеть за ночь решиться,* именно, если только успеть решиться, решиться на решимость... ◇

44–45 вставал ∾ поглядеть / взглядывал на жену, вставал на цыпочки и шел на нее взглянуть ◇

45 разовьется / *а.* может быть *б.* пожалуй, будет *в.* будет ◇

Стр. 440.

1 теперь началась! / и теперь. ◇

1 *После:* простудилась. — *начато:* Она говорит: О

2 к этому ужасному климату / *а.* к нашему климату *б.* к этому климату ◇

2 вагон / *Начато:* до⟨ждь⟩
4–5 *Слов:* И тут-то ∽ без помощи! — *нет.*
6 Бедная, как она / Бедная, бедная и как она
6–8 *Текст:* сколько вынесла! ∽ раздражителен. — *вписан на полях.*
8 Это болезнь ∽ раздражителен. / Это всё нервы, это болезнь — дурак или подлец только не замечает. В болезни и ангел раздражен!
10 однако / однако же ◇
11 как / но как ◇
12 И он / *Начато:* И Ш⟨атов⟩
12 отводил глаза / отворачивал лицо ◇
14 «какие уж тут *надежды!* / помочь изо всех сил, сейчас во что бы ни стало. [Он бы счел] Он считал позором и злодеянием [нвостью взглянуть на нее как... на же⟨ну⟩, всякий помысл... О боже] всякую другую мысль [или], всякую даже *надежду* и с ужасом предчувствовал [что он], что, пожалуй, и [имеет] питает уже какую-то надежду. ◇
15 О, как низок, как подл человек! / О, как [глу⟨п⟩] низок, как подл [и глуп, как глуп] человек, как подл я, именно я, один я! ◇
16 *Слова:* руками — *нет.*
17 *Слов:* и опять мерещились ему надежды — *нет.*
18 припоминал он / раздавались
20 *После:* крошечный! — и там эти гривенники! ◇
21 места искать, — ну что она / места искать, бедная, бедная... Что она ◇
21–22 что они понимают / что она понимает ◇
22 как блажные дети / как дети ◇
22–24 собственные фантазии ∽ мечтаньица! / *а.* фантастическое, самими созданное. И сердятся, бедненькие, зачем не похожа Россия на их [меч⟨таньица⟩] заграничные мечтаньица. *б.* фантастическое, самими созданное. И сердятся, бедненькие, зачем не похожа Россия на их заграничные мечтаньица, на то, что решают там их конгрессики! ◇
21–25 *Текст:* что она понимает в местах ∽ невинные!.. — *вписан на полях.*
25 *После:* невинные!.. — Впрочем, завтра, завтра утром, что-то принесет с собой утро! Завтра еще можно успеть решиться, потому что честный человек не может ни перед чем останавливаться. ◇ *Текст:* Завтра еще можно ∽ останавливаться — *вписан.*
25 И однако, в самом деле здесь / И, однако же, как в самом деле ◇
26–27 Он вспомнил ∽ можно принести, / Он рванулся было затопить печь. Дрова можно принесть. ◇
28 А как решить / А что решить
28–29 может быть / непременно ◇
28–29 Встанет ∽ кушать... *вписано.*
29 Ну, это после / но это после ◇
30–31 Чем бы ее накрыть ∽ ах, холодно!» / Не накрыть ли ее чем-нибудь, она только крепко спит, но ей холодно» ◇
32 на нее посмотреть; / *а.* к ней смотреть. *б.* к ней посмотреть. ◇
33 открылась до колена / до половины чулка открылась
34–36 Он вдруг отвернулся, ∽ место / Он быстро отвернулся, затрепетав точно в страхе, мигом снял с себя теплое пальто и, оставшись в стар採еньком сюртучке, накрыл, стараясь не смотреть, спящую. Потом побежал за дровами ◇
37 Зажигание дров / Дрова, зажигание печки ◇
39 И вот в это-то время / В это время ◇
40 успели / уже успели ◇
40 *После:* Липутин. — *а.* о чем Шатов ничего не слыхал ◇ *б. Незачеркнутый вариант:* о чем мы уже описывали
40–41 и он задремал в углу / *а.* задремал в углу *б.* и он задремал в углу сидя ◇
41 Раздался ее стон; ∽ звала его; / Вдруг раздался ее стон и голос, она пробудилась [он вскочил], она его звала; ◇
43 Ах, какой / ох, какой *Далее внизу листа и на полях наброски: 1.* Марья Тимофеевна *2.* ...И не смейте мне больше говорить об этом.

— Правда ли, что смерть эту можно отнести к злодейству этих людей?

— Не смейте, не смейте мне больше говорить (И тут общие идеи). *9.* Стонет, спрашивает.

— О какой несносный человек. Я рожу,

— Нет, не смейте, лучше ходите. Молчите, ступайте в угол, лягте на кровати, в угол постелите мне. *4.* Корчи

5. — Говорите опять что-нибудь, доктора, нет женщину, бабу, я ей дам 8 гривен. Я могу получить завтра деньги. Начинается

— Что начинается?

— О глупый человек. Рожу.

Разиня рот.

— Рожу, рожу, неужели вы не видите, что я рожу.

— Потуги, что ли

6. — Кириллов, это потуги — потуги... Это называется потуги.

— Возьмите два рубля. Я хотел купить завтра курицу, но мне не надо. *7.* Сантиментальные разбойники, кроме мошенников как Верховенский, враги живой жизни, природы, мертвечина, тухлятина.

. 441.

2 Для вас ∾ постели / У вас нет постели

3 заняла вашу / заняла ее

3 фальшивое / такое

7 Marie, столько нет стульев / *а.* Помилуй, Marie, стульев нет столько *б.* Marie, стульев столько нет ◇

12 опять упала на постель / *а.* упала опять на подушки *б.* упала лицом в подушку *в.* упала опять на постель ◇

12 подбежал / подбежал к ней ◇

-14 но Marie ∾ в своей руке / *а.* она, не подымая лица от подушки, захватила его руку и изо всей силы сжала ее *б.* но Marie, спрятав лицо в подушки, захватила его руку и изо всей силы стала сжимать ее [ломая ее], почти ломая, в своей руке ◇

15 *После:* с минуту. — *а.* Ясно было, что это судорожное сжатие происходило от [боли] мучительной выносимой ею боли *б.* Шатов испугался. ◇

16 Marie / Marie, если надо

-17 тут есть доктор ∾ очень... / здешн⟨ий⟩ доктор, Френцель, мне очень знакомый. ◇

20 могу / сделаю

23 Что ж это? ∾ и испуганно / *а.* Что это такое? — вдруг спросила она, подымая голову и нетерпеливым беспокойным взглядом *б.* Что ж это? — спросила она, подымая голову [и беспокойно] [и почти] и с испуганным видом ◇

24 *Слев:* не понимал Шатов, — *нет.*

-26 извини, что ничего не понимаю. / извини, что не понимаю, совсем как дурак.

— Ничего, вздор, — как бы опомнилась она; — всё вздор. Просто начинается.

— Что начинается, Marie? ◇

27 не ваше дело понимать. Да и / не ваше дело... да и ◇

-30 и не глядите ∾ в пятисотый раз! / пожалуйста, не стойте подле меня и не смотрите на меня, об этом особенно вас прошу в пятисотый раз. Нетерпеливая горькая раздражительность овладевала ею всё более и более ◇

30 об этом ∾ в пятисотый раз! *вписано.*

31 в пол / вниз

32 *К словам:* не взглянуть — *незачеркнутый вариант:* не глядеть

33 Тут / Тут, видишь

33 тут есть / тут есть у Кириллова

35 замахала / махнула

39 удастся / удастся здесь ◇
40 *После:* Marie, — усмехнулся Шатов
43 и здешний житель / здешний житель ◇
43 *Слова:* Marie — *нет.*
44 а кто он / *а.* Кто он *б.* А кто он ◇
46 в духе языка / в народном духе
42-48 Кто он? ∽ переплетать? / Почему не станет?

Стр. 442.

3 веками разумеется, *вписано.*
4 считая за несерьезную вещь / *а.* и считает все-таки за несерьезную вещь *б.* а считая за несерьезное, несмотря на то что даже полюбит читать и ценит прочитанное ◇ *Текст:* а считая ∽ прочитанное. — *вписан.*
4-6 Переплет же ∽ за дело признал / *а.* Переплет [уже] означает уже уважение к книге, то, что он ее за дело признал *б.* Переплет же означает уже [известное] уважение к книге, означает то, что он ее не только читать приучился, но за дело признал, не меньшее, чем всякое другое дело ◇
7 давно переплетает / переплетает ◇
8 по-педантски / педантично ◇
9-10 довольно остроумны / *а.* неглупы *б.* очень остроумны ◇
11 Она / Она, впрочем ◇
11-12 как и все ∽ фразы / как и всё прежнее
12 *После:* фразы. — *а.* Она откинулась головой на постелю несколько вбок и смотрела горевшими воспаленными глазами в потолок; лицо было бледно, губы высохли и запеклись. *б. Начато:* Она лежала на кровати неск⟨олько⟩ *в.* Она лежала [протянувшись на кровати несколько вкось] недвижимо, откинувшись головой на подушку несколько вбок и смотря в потолок утомленным, но горячим взглядом [как в лихорадке]; лицо ее было бледно; губы высохли и запеклись. ◇
13 обратился / воскликнул ◇
17 собственной / своей
18 врагов личности и свободы / и подлецов
19 Что / Это
19 старчество, золотая средина / *а.* старчество, это бессилие, это средина *б.* старчество, паралич, золотая средина ◇
22 *Слова:* сознавал — *нет.*
22 *После:* года... — да, пожалуй, и теперешний.
23 *Слова:* везде — *нет.*
24-25 отрывисто ∽ она / проговорила Marie ◇ *Далее было:* всё не двигаясь и всё смотря в потолок.
25 *После:* протянувшись, — на кровати несколько вкось
26 пошевелиться / шевелиться
25-28 *Текст:* Она лежала ∽ запеклись. — *вписан на полях. Вероятно, эта фраза ошибочно осталась невычеркнутой выше.*
29-31 — Ты сознаешь, ∽ прежняя судорога / *а.* — Много, Marie, много и всё сантиментальные разбойники и, главное, иезуитский прием: «все средства хороши», клевета, клевета, поджигание и развращение детей и всё сантиментальное стадо в руках мошенников, как Петр Верховенский... Что с тобой, Marie? — бросился он к ней опять. С ней сделалась судорога *б.* — Много, Marie, много мерзавцев, и всё сантиментальные разбойники и, главное, везде пошел иезуитский прием: «все средства хороши», клевета, клевета, повсеместная и бесконечная, непрестанная, поджигание к ненависти, ложь и развращение детей, а в конце концов всё сантиментальное стадо в руках таких дураков и подлецов, как Петр Верховенский... Потому что Верховенский дурак, дурак! Что с тобой, Marie? — бросился он к ней опять. С ней опять сделалась как бы судорога ◇
31 Опять она / Она опять ◇

32-33 руку ∾ Шатова / *а.* руку Шатова *б.* его руку ◇
34 Но ведь это ∾ Marie! / похолодел от страха Шатов.
35-38 Молчите... ∾ говорите... / *а.* Молчите, не смейте, не хочу, — повернулась вдруг она опять навзничь, — ходите по комнате, не смейте глядеть на меня. Говорите что-нибудь, говорите же, говорите же! *б.* Молчите, не смейте, я не хочу, не хочу [воскликнула], — восклицала она почти в ярости, повертываясь опять и устремляя снова глаза в потолок, — не смейте глядеть на меня с вашим состраданием. Ходите по комнате. Говорите что-нибудь, говорите же, говорите же.◇ *Далее было:* Но боль прошла наконец [совершенно] так же быстро, как и началась. Она успокоилась.
39 как потерянный ∾ бормотать / *а. Начато:* по приказанию начал было что-то говорить, но она мигом [опять] [тотчас] велела ему молчать. Так прошло несколько минут. Наконец она мало-помалу *б.* как ошеломленный начал было что-то бормотать, но она мигом велела ему опять молчать. Так прошло несколько минут ◇
40 спросила / произнесла
40-41 с брезгливым нетерпением перебивая его / наконец слабым голосом и несколько с одышкой ◇
43 доставать / иметь
45 я так сказал... / я так. ◇
46 Что проповедуете? *вписано.*

Стр. 443.

1 В которого ∾ Этой идеи я / *а.* Вот этой идеи я *б.* В которого сами не веруете. Я этой идеи ◇
3 это потом. / *а.* это потом... Прежде мир духовный. *б.* это потом...◇
8 *После:* Шатов — С минуту помолчали.
9 и болезненно / и с болезненным раздражением
9 прокричала / проговорила ◇
10 больше говорить / более никогда говорить ◇
13 *После:* боли — *начато:* в поду⟨шку⟩
13 в третий / было в третий ◇
13-14 но на этот раз ∾ в крики / Опять она [стисну⟨ла⟩] припала лицом в подушку, но на этот раз стоны были громче, почти крики ◇
15-16 О, нестерпимый человек! ∾ над нею / О, несносный человек! — вскрикивала она, отталкивая стоявшего над нею в смертном страхе ◇
17 *После:* говорить... — но... [ведь я же убежден, что] может быть можно помочь припарками!

[— О какой дурак] — О глупец, глупец, о отвлеченный глупец!

20-21 О, проклятая! О, будь проклято всё заране! *вписано. После:* заране! — Мне говорили, что так начинается. ◇
22-23 — Marie, если б ты ∾ если так? / — Да что, что начинается, Marie? Если бы ты сказала, можно бы было помочь. ◇
24 — Вы отвлеченный / — О идиот, о какой вы отвлеченный ◇ гадкий
24-25 проклято всё на свете! / всё проклято, будь всё проклято! ◇
26-27 — Marie! Marie! ∾ помешательство. / Marie [О Marie], — горестно [восклицал] воскликнул, совсем уж теряясь, Шатов.◇
28 Да неужели вы, ∾ мучаюсь родами, / Да неужели же вы, пустейший человек, не видите, что я рожу! ◇
30 *После:* злобой. — Но Шатов [еще не понимал] решительно не понял и смотрел
30-31 — Будь он заране проклят, этот ребенок! / — Рожу, рожу, я ребенка рожу, ребенка: будь он заране проклят! [восклицала] — воскликнула она [опять] в исступлении, смотря на всё еще ничего не понимавшего Шатова. ◇
32-33 воскликнул Шатов, ∾ в чем дело / пролепетал Шатов, догадавшись наконец совершенно, но всё еще как бы [не одолев все-таки] не в силах одолеть мысль ◇
33 *После:* заране — Marie ◇

34 с энергическою решимостью ∾ фуражку / с энергическим намерением схватил свою шапку
35 *После:* сюда? — *а. Начато:* Я думала *б.* Мне сказали — еще через десять дней... ◇
35–37 к вам? ∾ не смейте! / *а. Начато:* [к му⟨жу⟩] *б.* к вам чужого ребенка родить? Куда вы? Куда вы, не смейте! ◇
38 я продам револьвер / Marie, и револьвер продам ◇
39 теперь деньги / нужны деньги ◇
40 Не смейте ничего / Не смейте ◇
41 в портмоне / всего ◇
42 *После:* тем лучше... — тем лучше...
43 — И баба будет, и старуха будет. / *а.* И баба старуха будет, старуху достану... А револьвер продам... *б.* И баба старуха будет, и бабу старуху сыщу.◇
45 ее одну / одну ◇
45–46 *Слов:* несмотря на всё ее исступление — *нет.*
47 ее стонов / ни стонов ◇
47 восклицаний / восклицаний и запрещений ◇
47 *Слов:* и надеясь на свои ноги, — *нет.*
47–48 пустился / побежал

Стр. **444.**

1 *Вместо знака главки:* III — *черточка.*
3 стоял посреди комнаты / стоявший посреди комнаты, устремил на него задумчивый взгляд
2–3 *К тексту:* Прежде всего ∾ посреди комнаты. — *на полях незачеркнутый вариант:* Но прежде забежал к Кириллову. Был уже час. Кириллов, завидя его, остановил на нем задумчивый взор:
4 *После:* родит — *а.* вскрикнул Шатов. *б.* воскликнул Шатов. ◇
5 То есть как / Как ◇
8 у ней судороги!.. / слушайте.
9–10 У вас было много старух / *а.* Здесь жили старухи *б.* У вас, кажется, здесь были старухи *в.* У вас были старухи ◇
11 Очень жаль, что я — *вписано.*
11–12 Очень жаль ∾ Кириллов / Родить я не умею, — пробормотал Кириллов
12–13 сделать так, чтобы родить / *а.* заставлять родить *б.* сделать так, чтоб другие родили ◇
13 Нет ∾ сказать / *а.* Я не умею это сказать *б.* Нет, черт возьми, я это не умею сказать ◇
14 не про то / говорю
15 старуху, старуху ∾ служанку! / старуху надо, старуху, бабу. Я прошу бабу... ◇
17 я вместо... / я... вместо бабы.◇
18 О, невозможно / О, это невозможно ◇
21–22 с бранью, с богохульством *вписано.*
22 появлении / явлении
23 проклинает его!.. / *а.* проклинает... *б.* его проклинает...
24 Если хотите, я... / — Вздор. Просто потуги.

— Что?

— Потуги, потуги, эти судороги — называются потуги. Если хотите, я вместо бабы.◇

25 Нет, нет / Нет, не то ◇
25 притащу Виргинскую!) / *а.* притащу Виргинскую, за волосы притащу. *б.* притащу Виргинскую силой. ◇
24–25 *Против текста:* Если хотите, ∾ притащу Виргинскую! — *на полях наброски: 1.* Муравьиная улица *2.* Арина Прохоровна

— Бегите к Макшеевой, она [еще] и вам рада будет,

— Это за реку-то? *3.* дева 30 лет.

26–27 прислушивайтесь / слушайте снизу ◇

27 по не смейте / не смейте ◇
27 испугаете / испугаете и рассердите ◇
27–28 ни за что ∾ слушайте / но только слушайте снизу на всякий случай ◇
29 тогда / то уж тогда ◇
30 Понимаю / Хорошо
30 рубль. Вот / рубль вот ◇
37–41 инструкциями ∾ жизни созерцательной / *а.* поручениями, но в последнее время совершенно устранил себя от всяких дел, и прежде всего от «общего дела», и предался жизни преимущественно созерцательной *б.* поручениями очень, впрочем, поверхностными, ибо близко он ни в чем никогда не участвовал, но в последнее же время всё бросил, все поручения и [он] совершенно устранил себя от всяких дел, и прежде всего от «общего дела», и предался жизни по преимуществу созерцательной ◇
42–43 в данный момент *вписано.*
44 не сказал про Шатова / *а.* не сказал о Шатове *б.* не заикнул⟨ся⟩ о Шатове ◇
44 не намекнул / и не намекнул ◇
45 даже и неблагонадежным / *а. Начато:* небл⟨агонадежным⟩ *б.* отчасти неблагонадежным *в.* даже и неблагонадежным вследствие прежней его дружбы к Шатову ◇
46–47 и оставив до завтра, ∾ так рассуждал / *а.* оставляя до завтра, когда уже дело будет сделано и воротить нельзя будет. Тогда, по расчету его, Кириллову уже всё равно [будет жаль] подписаться, хоть и жаль будет Шатова. *б.* таким образом благоразумно оставив до завтра, когда уже дело будет сделано и воротить нельзя будет, так что Кириллову будет уж всё равно. Так по крайней мере рассуждал ◇

Стр. 444—445.

33–1 *Текст:* Кириллов ничего не знал ∾ заметил — *вписан вдоль полей.*

Стр. 445.

1–3 Липутин тоже ∾ чтобы протестовать. / *а. Начато:* Липутин очень заметил, что П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч ни слова не заикнулся *б. Начато:* Липутин заметил, что [он] о Шатове ни слова не было упомянуто, тогда как [он] именно за этим Петр С⟨тепанови⟩ч [его] привел его к Кириллову, чтоб удостоверить в готовности последнего принять известное участие в истории с Шатовым. Но Липутин не протестовал. Напротив [сам смекнул и прежд⟨е⟩] [даже про себя смекнул, что приготовлять Кириллова в этом смы⟨сле?⟩], тоже признал [некоторую] неблагонадежность Кириллова, если действов⟨ать?⟩ предварительно и отдал справедливость полит⟨ическим⟩ способн⟨остям⟩. Впрочем, насчет Кириллова он остался спокоен, рассуждая, как и П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч *в.* Липутин очень заметил, что о Шатове ни слова не было упомянуто. Но он не протестовал, [даже] хоть про себя совершенно сошелся в этом вопросе с Петром С⟨тепанови⟩чем, так что не мог не отдавать некоторой доли справедливости политическим способностям своего ненавистного друга.◇ *К вписанному справа вдоль полей тексту:* О Шатове ни слова не было упомянуто ∾ друга — *относится набросок слева в нижнем углу полей:* [Кириллову] о Шатове [тогда хоть и пригласил], несмотря на то что его, Липутина, только затем и привел, а коснулся лишь вообще об исполнении принятых на себя обязанностей. Но [Липутину] так как и Липутин сообразил, после визита к Кириллову, что говорить заране о Шатове было бы не совсем благонадежно, то он и не протестовал. Напротив даже, про себя [хоть и через] отдал некоторую справедливость политическим способностям П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча [тоже, вероятно, догадавшись о некоторой неблагонадежности Кириллова]. В Кириллове же остался уверен, рассудив, как и П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч, что после дела тому уже будет всё равно. *В середине листа помета:* N3 (Кириллов не знал. Об этом?)

4–5 Как вихрь бежал ∾ конца. / *а.* Это потуги! — как вихрь вертелось в голове Шатова [когда], пока он бежал (буквально) к дому Виргинского. Потуги — оттого и прокляла. А груба она и нахальна оттого, что горда. Гордая душа, почувствовав вину свою, никогда в ней с первого разу не сознается, а скорее тут же с нахальством и [задором] с обидой нападет на другого. Вот почему и она. Я такой же точно, я такой же точно! Но боже, что с ней в эту минуту? Одна. Кириллов отвлеченный человек и никуда не годится. Благороднейшая душа. Но она, она!..

И он хоть и задыхался, хоть и готов был упасть, но ускорял бег. *б.* Это потуги! — как вихрь вертелось в голове Шатова, когда он бежал [по темным улицам] задыхаясь и не прекращая бега в Муравьиную улицу к дому Виргинского. Потуги — оттого и прокляла. А груба она и нахальна оттого, что горда и почувствовала, что она виновата. Гордая, но не выправленная христианством душа, никогда с первого разу не сознается, что она виновата. Напротив, тут-то [она] и [гру⟨бит⟩] станет еще жесточе [тут-то и] [еще ничтожнее] [до несправедливости]. Я такой же точно, я ведь такой же точно! Но боже, что с ней в эту минуту? Кириллов [ничего] не поможет. [Кириллов человек отв⟨леченный⟩ благо⟨родный⟩ человек] Господи, не случилось бы чего!

И он хоть и задыхался, хоть и готов был уже упасть, но бежал, всё бежал [буквально] [не видя конца], проклиная расстоянье, [просто] [в отчаянье ускоряя бег], [как водится] не видя ему конца. ◇ *Против этого текста на полях наброски: 1.* Шатов довольно долго стучал в окно. *2.* К мужу чужого ребенка *3.* — Это потуги! понял ⟨?⟩ Шатов. — Потуги, от этого и проклятия. А груба она и нахальна оттого, что гордая натура, гордый, но не выправленный христианством человек. Я такой же точно, я такой же точно!

6 *К слову:* у Виргинского — *вписано:* было поздно.

6 все давно / все даже

7–8 безо всякой ∾ в ставню / стучал изо всей силы

9 собачий гам / *а. Как в тексте. б.* гам ◇

10 Что вы стучите ∾ угодно? / *а.* Что вы, с ума вы сошли? Что вы стучите? *б.* С ума вы сошли, милостивый государь! *в.* Что вы так стучите? Чего вам угодно? *г.* Что вы стучите? Какой там подлец стучит? ◇

11 мягкий и несоответственный «оскорблению» *вписано. Первоначально было:* мягкий и гораздо менее стро⟨гий⟩

13 Кто там, какой подлец / *а.* Кто там *б.* Кто там, какой дурак ◇

14 *Слова:* оскорблению — *нет.*

16 *К слову:* родит... — *вписано:* Что мне делать?

17 Ну пусть и / Ну и пусть ◇

18 Я за Ариной Прохоровной ∾ Прохоровны! / Я не уйду без Арины Прохоровны, я за ней.◇

19 ко всякому / ко всякому нищему ◇

19–20 *После:* практика... — *вписано:* Она целый день занята.

20 *Слов:* к Макшеевой — *нет.*

21–22 как Виргинский ∾ и не уступала / что Виргинский останавливал и желал вмешаться, но старая дева не уступала ◇ *вписано.*

23 Я не уйду! — прокричал опять Шатов. / Не уйду! окна выломаю, — и Шатов изо всей силы начал бить в ставни.

— Не смейте! Ее дома нет, в деревню уехала, не смейте стучать. Караул, закричу караул! Ступайте к Макшеевой, она и вам будет рада, — провизжала дева.

— Это на другом конце, — продолжал в отчаянии и в удивлении Шатов.◇ *Текст:* Не уйду ∾ Шатов — *вписан на полях.*

24–27 подождите же ∾ ужасно! / *а.* подождите, — останавливал [свою] обозленную родственницу Виргинский. — Шатов, — крикнул он ему в форточку, — подождите на минуту. *б.* подождите, — давно уже умолял родственницу Виргинский, — прошу вас, Шатов, — просунулся он в форточ-

ку, — подождите минуту и пожалуйста не стучите; это ужасно. Я разбужу Арину Прохоровну.
И стук и крики утихли.◇
28 явилась / подошла к окну ◇
28 *После:* Арина Прохоровна — *начато:* Дело в том
29–31 послышался из форточки ∾ и не могла / послышался ее голос, вовсе не злой, а так только по-обыкновенному резкий ◇
31 но Арина Прохоровна иначе и не могла / потому что иначе она и не могла
33 Да, жена, и родит / Да, да, жена и родит. Она родит ◇
35 Да, Марья Игнатьевна ∾ Игнатьевна! / *а.* Да, да, она. *б.* Да, да, Марья Игнатьевна.◇
36 В доме перешептывались / *а.* За окном перешептывались и советовались *б.* В доме перешептывались и советовались ◇
37–38 спросила опять madame Виргинская / *а. Начато:* послышался опять спрос из *б.* послышался опять голос madame Вирг⟨инской⟩ *в.* послышался опять голос ◇
39 *После:* в восемь часов — она родит, родит,◇
40 *Слов:* как будто — *нет.*
41 *После:* не ошибаетесь? — Что с нею такое?
— Потуги, потуги, наступили потуги!
— Ну, многое вы понимаете! ◇
43 *После:* я заплачу —
— Так неужели же даром [провизжал снова обозленный говор родственницы], — не утерпела снова обозленная родственница.
— Ах, молчите, — послышался голос madame Виргинской. ◇
44–46 Я всегда ценила ∾ не помнит меня / *а.* Я сделаю всё для Марьи Игнатьевны, с которой все-таки когда-то встречались *б.* Я потому, что я слишком ценю Марью Игнатьевну ◇
47 Ничего нет / Нет, ничего нет ◇
48 великодушие! / *а. Начато:* хоть капля добро⟨ты⟩ *б.* хотькапля великодушия.◇

Стр. 445—446.

48–1 думал Шатов, направляясь / подумал Шатов, [побежав] бежа теперь

Стр. 446.

2–3 *После:* пред ними!.. — О, как много мы виноваты вообще! ◇
3 Все виноваты, все / Все мы виноваты, все мы ◇
5 пришлось стучать недолго / не пришлось стучать долго ◇
5 к удивлению, он / *а.* Он *б.* К удивлению Шатова, он ◇
6–7 рискуя насморком; / рискуя на насморк. Правда, и Шатов застучал ужасно громко в окно.
7–8 и постоянно заботился о своем здоровье / насчет своего здоровья и очень о нем заботился.◇ *Незачеркнутый вариант:* и что есть силы заботился о своем здоровье.
8–13 Но была особая причина ∾ в окошко!.. / *а.* Но были особые причины такой чуткости Лямшина: он трепетал весь день и не мог заснуть ночью. Он ждал посещения, но совсем не такого. У него тоже были средства улизнуть с паспортом в кармане, и он уже лихорадочно думал об этом. Конечно, всё могло уладиться насчет Шатова (он почему-то верил в это как дважды два). Но до завтра было еще долго, и он трепетал. [Липутин ничего почти не сообщил ему после] Липутина он еще не видал, а Эркель об визите своем и о прибытии жены Шатова рассказал лишь одному Верховенскому. Таким образом, Лямшин ничего не [слыхал] знал о жене. *б. Начато:* Но были особые причины такой чуткости Лямшина: он трепетал весь вечер до сих пор еще и не мог заснуть от [некоторого] волнения и инстинктивно ждал к себе некоторых незваных гостей... Известие о доносе Шатова страшно

его поразило. Конечно у него тоже были средства улизнуть с паспортом в кармане в крайнем случае, и он лихорадочно думал это и... [на подушке с головой в колпаке] [своей смущенной головой в колпаке. но подумал] и вдруг застучали в окно (он ожидал «неожиданного посещения»). Но возвращаясь от Кириллова *в.* Но были особые причины такой чуткости Лямшина: он трепетал весь вечер и до сих пор еще не мог заснуть от волнения и инстинктивно ждал к себе некоторых незваных гостей. Известие о доносе Шатова страшно его поразило. Все [было] вдруг стало так неопределенно и так ужасно. Когда-то еще окончат с Шатовым, до завтра еще, а тем временем он донесет. А что [он] тот донесет, он верил как в дважды два. И вдруг застучали в окно.◇ *Текст:* Всё вдруг стало ∾ дважды два — *вписан на полях.*

14–15 Он до того струсил, ∾ на кровать / *а.* Выглянув в форточку, он до того струсил, увидав Шатова, что язык его в первое мгновение окоченел. Он вдруг запер форточку и [скрылся] [затих] [а сам спрятался] [и спрятался за окном] спрятался *б.* Он до того струсил, увидав Шатова, что, не сказав ни слова, тотчас же захлопнул форточку и убежал на кровать ◇

15–16 стал ∾ кричать / начал неистово стучать и кричать, так что уже минуты две спустя выглянул опять Лямшин

17–18 грозно, ∾ крикнул / *а. Начато:* крикнул он грозно. Чего вы *б. Начато:* отворил опять форточку Лямшин *в. Начато:* отворяя опять форточку и замирая от уж⟨аса⟩

17–18 но замирая от страху *вписано.*

19–20 решившись ∾ пришел один / решив отворить форточку и убедившись, что Шатов один ◇ *Далее было:* — Слушайте, Лямшин.

— Но как вы смеете, нет-с, уж это не так, — что за слушайте? Что за приказание? Вы стучите среди ночи и вдруг приказание.

— Молчите, слушайте.

— Я не обязан молчать и слушать, я в семейном доме нанимаю. У меня чиновник проснулся [(у которого он нанимал)].

— Ваш чиновник пьян по обыкновению.

21 берите обратно / *а.* берите в форточку *б.* берите ◇

23 — Что это, вы пьяны? ∾ простужусь. / *а.* Вы шутите или пьяны. Я [не мо⟨гу⟩] [сейчас плед накину] простужусь. Ради бога, не стучите. *б.* Вы шутите или пьяны. Это разбой. Я только простужусь с вами. ◇

25 давайте / давайте мне ◇

25 *После:* рублей — у вас деньги есть.

25–26 буду стучать ∾ выбью. / *а.* я буду кричать изо всей силы и стучать до зари. Я выбью раму. *б. Начато:* я буду стучать и визжать *в.* я буду кричать изо всей силы до зари. Я раму выбью.◇

27 *После:* возьмут — как пьяницу.

27 А я закричу ∾ возьмут. / И он заколотил опять кулаком в раму. Одно стекло вылетело.

— Вас в полицию возьмут. Я сейчас закричу.

— А вас-то? Вас не возьмут в полицию?

28 А я немой, ∾ караул / *а.* Я немой, что ли *б.* Я немой, я не закричу, что ли ◇

28–29 Кому бояться ∾ мне? / Кому больше бояться полиции, давайте деньги, Лямшин!

30–31 И вы можете ∾ намекаете / [Как] И неужели вы можете питать такие убеждения ◇

32 Помилуйте, у кого деньги ночью / У кого бывают деньги ночью◇

32 Ну зачем / Зачем

34 воротилась / *а.* воротилась. Жена родит *б.* воротилась, деньги нужны ◇

35 берите револьвер, берите сию минуту / *а.* Берите, берите сейчас ваш револьвер назад *б.* Берите ваш револьвер, берите же ◇

36 принял / *а.* взял *б.* и машинально прин⟨ял⟩

37–38 подождал и вдруг ∾ в спине / *а.* Но он ужасно долго молчал, минуты две. Шатов потерял терпение.

— Эй, где вы там?

Лямшин вдруг [опять] выставил из форточки свою голову и остренький носик *б.* Но он ужасно долго молчал, целую минуту. Шатов опять потерял терпение.

— Эй, где вы там?

Тот быстро выставил из форточки свою востроносенькую головку и вдруг с неожиданной смелостью пролепетал, как бы не понимая сам своих слов ◇

39 Вы врете / Вы врете, — сказал он

39–40 это вы просто ∾ убежать / *а. Начато:* Это просто вы хотите бежать! [Лямшин] Шатов не заметил (он был в полном отчаяньи; с ним *б.* это просто вы хотите бежать! Он был в отчаянии (с ним начиналась колика) ◇

41 куда мне бежать? ∾ Верховенский / зачем мне вам врать? Куда мне бежать? Это П⟨етр⟩ В⟨ерховенски⟩й ◇

41–42 куда мне бежать ∾ а не я *вписано.*

43 ко мне прийти / прийти ко мне ◇

43 Жена мучается / [Она] Жена больна и родит ◇

43 *Слова:* Справьтесь — *нет.*

44 нужны / дайте

45 в изворотливом *вписано.*

46–47 но всё еще ∾ рассудить / но всё еще он был как придавлен известием и не мог уверовать ◇

48 ведь вы не живете с женой / если вы не живете с вашей женой столько лет, то как она придет к вам родить... вот ◇ *Далее было: а.* вы врете... — пробормотал он [как идиот] с видом идиота. *б. Начато:* вот видите, что *в.* сами-то видите, видите, как вы врете

Стр. 447.

1 А я вам ∾ вопросы. / *а.* Не смейте мне говорить это. Я вам голову пробью. *б.* А я вам голову пробью, если вы еще раз это скажете. ◇

1–22 *Против текста:* голову пробью ∾ не правда ли? — *на полях наброски: 1.* исступленным, по сумасшедшим словам Кириллова об вековечной гармонии *2.* Здесь время остановилось *3.* Одна радость *4.* — У вас бывают такие моменты?

— Да.

— Смотрите, у вас будет падучая, я вам верно говорю. Я положительно знаю от эпилептика, что она так начинается, этими ощущениями. Это падучая, у вас будет падучая.

— Не успеет.

2–6 Ах, бог мой, ∾ шагу. / *а.* Простите, понимаю, меня так ошеломило... Так неужели Виргинская придет? вероятно ли это? [Какая тут]... [из этого выгода] *б.* Ах, боже мой, простите, понимаю, но теперь я понимаю, меня так ошеломило. Теперь я всё понимаю. Вы сказали, что сейчас к вам придет В⟨иргинска⟩я. Но ведь это невозможно-с. Но... но... Это неправда, воля ваша, это неправда.

— Видите, видите, видите сами, как вы говорите неправду на кажд⟨ом⟩ ша⟨гу⟩.◇

7–8 Она, наверно, ∾ вы глупы / *а.* Вероятно, уже у меня. Идите и смотрите. Не задерживайте меня, Лямшин, подавайте 15 рублей. *б.* В⟨иргинска⟩я наверно уже у меня. Не задерживайте меня, Лямшин, деньги. Я не виноват, что вы так глупы ◇

9 *После:* я не глуп. — Может быть, может быть, но послушайте, Шатов

9 Извините меня, никак не могу... / *а.* я никак не могу дать такую сумму, никак. *б.* Извините меня, я никак не могу.◇ *Далее было:* никак не могу.

10–11 И он, совсем уже ∾ выставился / И он в третий раз стал было запирать форточку, но Шатов так закричал, что он мигом испуганно отворил ее ◇

12-13 Но это совершенное ∾ ну чего, чего / *а.* Помилуйте, Шатов, ведь это разбой, ведь это посягновение на личность. Чего вы от меня требуете? ну чего вы требуете *б.* Помилуйте, чего вы требуете? ведь это посягновение на личность. Чего вы от меня требуете? Ну чего вы требуете ◇

14 среди такой ночи / среди ночи ◇

15 Пятнадцать рублей ∾ голова! / Денег требую, я сказал вам, денег 15 руб⟨лей⟩. ◇

16 Но я, может, вовсе не хочу брать / Но я вовсе, может быть, не хочу [взять] брать ◇

17 и не имеете права / *а.* всё конч⟨ено⟩ *б.* и вы не имеете права ◇

17 *После:* не имеете права — Э, черт, еще толковать!

— Не кричите, ради бога не кричите. Только я не могу, нет уж никак я не могу. [Никак не могу] Уж лучше оставьте, лучше оставьте.

— Слушай, мерзавец, я выбью все стекла и влезу в окно. С подлецами разве можно иначе поступать?

— И будете отвечать, а я никак не могу. ◇

19-20 У тебя всегда ∾ жиденок. / *а.* Подлец, я вам сбавил, но вы известный жиденок. Но я не уйду! *б.* У вас есть деньги всегда. Я вам сбавил, но вы известный жиденок. Я не уйду! Не уйду! ◇

21-22 Приходите послезавтра, ∾ не правда ли? / *а.* Слушайте Шатов, послезавтра, — слышите, послезавтра утром. Я выдам вам, пожалуй, все двадцать пять рублей. Но теперь ничего не могу, ничего не могу. Теперь ночь. У кого ночью деньги? Это разбой *б.* — Слушайте, послезавтра, — слышите, послезавтра утром. Но теперь ничего не могу, согласитесь сами. Теперь ночь. У кого ночью деньги? Это несправедливость! ◇

23-24 Шатов в третий раз ∾ рублей / *а.* А я не уйду! я, я, — неистово завопил Шатов, — не уйду.

— Стойте, не орите. Пятнадцати рублей нет, ей-богу нет, хоть зарежьте, нет.

— Давайте десять *б.* Шатов неистово завопил и застучал в раму:

— Стойте, ах боже мой, стойте, не орите. Ах боже мой.

— Давай десять ◇

25 *После:* не будет — ей-богу, не будет. ◇

26 Лучше ∾ не приходите *вписано на полях.*

27 о подлец! / о мерзавец!

28 — За что же вы так ругаетесь? / *а.* За что вы ругаетесь? *б.* За что же вы так ругаетесь: такими скверными словами и еще ночью. ◇

29 ругается? / выбивает стекла. Я впрочем и без света. ◇ *Далее было:* Впрочем, прошло очень долго. Минуты три.

30 он / Лямшин

33 всё могу / могу, всё могу ◇

33 ничего не могу / *а.* а теперь не могу, не могу! *б.* не могу ◇

34 заревел Шатов / *а.* кричал Шатов в ок⟨но⟩ *б.* в окно влезу, задушу ◇

35 Ну вот берите, ∾ а больше не дам / *а.* Ну вот еще и больше ничего не дам *б.* Ну, хорошо, вот еще две, больше, больше ничего не дам ◇

36-37 ну хоть что ∾ и не дам! / Ну что бы там ни было, не дам, не дам, не дам, не дам. ◇

38 *Слов:* в поту — *нет.*

39 Две / Две другие

39 *Слов:* которые он еще выдал — *нет.*

39-40 Всего ∾ семь рублей / *а.* Всего в руках очутилось 7 рублей *б.* Стало быть, вышло всего 7 рублей ◇

41 с тобой / с вами ◇

42 если не приготовишь восьми рублей / *а.* готовьте 8 рублей *б.* если не приготовишь ◇ *Далее было: а.* Он хотел было уже [убежать] побежать. Но Лямшин [опять] вдруг окрикнул и воротил его:

— Скажите, вы правду сказали, что к вам жена приехала?

— Вот дурак-то, — крикнул Шатов, — зачем ворочать? [И думал было опять бежать] И побежал.

— Нет, нет, я не просто. Я чтоб хороший совет вам дать. *б.* Он побежал, но Ля⟨мшин⟩ вдруг окрикнул и воротил его. — Знаете, зачем вам расходы? Виргинской заплатите после, а посуда и [у Кириллова] внизу у ней же найдется. Ведь корыто только и самовар. Не нанимайте сиделки, не зовите доктора попусту. Разве вы сами не можете быть сиделкой и доктором, оставайтесь при ней, ходите за ней безотлучно и ужасно сократите расходы.

— Так, так останусь, отлучусь только к вам, за восьмью рублями [непременно прибегу] завтра утром. Прибью, Лямшин.

43 быстро подумал / подумал ◇

44 *После:* Лямшин. — *а.* задумываясь: он не врет, что жена, — сообразил он через десять минут, — это славно, славно, непременно сейчас пойду, разузнаю. Впрочем, стоит только к Виргинскому сбегать. Не уйдет от жены до вечера. Виргинская ловкая, не отпустит. Ой, да она затем и пошла. Кирилка ничего не знает. Ловко, ловко. *б.* Он стоял в своей комнате, укутавшись пледом.

— Гм. Коли револьвер продает и за деньгами хочет прийти опять, — значит, не хочет доносить. Кажется так, ведь кажется так.

Мысль его стала сиять, страх уменьшился, почти исчез. Колики проходили.

— А тем временем его Арина Прохоровна до самого вечера и продержит. [Ох, ловко, ловко] Наверно, затем и пошла. Ох, ловко, ловко, ох, ловко, ловко. Только надо справиться, надо справиться.◇

45–48 *Слов:* Стойте, стойте! ∾ домой. — *нет.*

Стр. 448.

1 *Знака главки:* IV — *нет.*

2–22 *Текста:* Замечу, что Арина Прохоровна ∾ Верховенского... — *нет.*

23 Шатов / Он

23–24 возвратясь ∾ у Marie / *а.* Арина Прохоровна подъехала к дому Филиппова ровно в ту минуту, когда и [Шатов] он подбежал к воротам, которые оставались отворенными. Она застала Marie *б.* Арина Прохоровна слово сдер⟨жала⟩. *в.* Арина Прохоровна, когда он возвратился, уже сидела у Marie ◇

24 с презрением прогнала / прогнала с презрением

25 *После:* лестницы — *а.* *Начато:* к Шатову [и слушавшего *б.* и серьезно ждавшего минуты, когда ему надо будет войти *в.* и серьезно убежденного, что ему необходимо будет войти *г.* и подслушивавшего стоны сверху ◇

25 наскоро познакомилась / *а.* Затем познакомилась *б.* Познакомилась ◇

26 за прежнюю знакомую *вписано.*

27 *После:* расстроенною — в муках ◇

28 одержала / *а.* одержала над ней совершенно *б.* одержала *в.* взяла *г.* одержала *д.* взяла

29 над всеми ее возражениями / над пациенткою

30–31 Чего вы наладили ∾ Шатов, / Послушайте, — говорила она ей своим резким тоном, как входил Шатов, — чего вы наладили, что не хотите дорогой акушерки?

32 фальшивые мысли / и я вам докажу

32 от ненормальности / от ненормального ◇

33–35 С помощью простой ∾ акушеркой / Вы сейчас заявили, что родите в первый раз. [С бабой] Судя по вашему виду, я заключаю [что с бабой вам пя⟨тьдесят⟩] [что с помощию одной только бабы вам пятьдесят шансов отправиться на тот свет] [что кончите худо], что с помощию одной только простой какой-нибудь старухи или простонародной бабки вам пятьдесят шансов завтра же умереть. В таком случае [расходы буд⟨ут⟩] хлопот и расходов для Шатова будет еще больше, чем теперь, с дорогой акушеркой ◇

36 Заплатите / Мне заплатите ◇

37–39 а за успех поручусь ∾ тем и дело с концом, / а главное, ребенка

хоть завтра же отправлю в пр⟨иют⟩. А так как всё же Шатову придется вас хоронить, то посудите, каковы ему хлопоты и расходы, так как вы именно обременять его расходами совеститесь? С другой стороны: как бы дешево он вас ни похоронил, все-таки обойдется вдвое дороже родин. Разочтите сами. Если я останусь [то я за вас ручаюсь], то уж поручусь, что не умрете, и не таких видывала. Шатову [я] сделаю кредит, а ребенка хоть завтра же отправлю в приют и его возьмут в деревню на воспитание [и вы можете никогда не знать его], тем и дело с концом.◇

39 А там / Затем ◇

41 за помещение и расходы / за расходы и помещение ◇

42 *После:* велики... — *начато:* — Что вы [всё] кричите, что у вас восемь гривен. В

43 Я не то / У меня восемь гривен

43 *После:* обременять... — О-ох! ◇

44–45 что Шатов ∾ не истратит / что и Шатов истратит разве немного более восьми гривен ◇

46 верных / новейших

46 *После:* идей. — Я уже сказала, что [я] сделаю кредит [и я не об себе], если хотите вам, а не Шатову [разве вы не можете заплатить] [разве вы не можете заплатить, если возьметесь за разумный труд, так что вы ему уж ничем не можете быть обязаны, разве за помещение [но это] и прочие мелочи. Но эти мелочи ничтожны, если сам Шатов их не увеличит фантастическими глупостями. ◇

47 Стоит только не делать глупостей / *а.* Что же касается до остальных [расходов] мелочей, то стоит лишь не делать глупостей *б.* Стоит лишь ◇

Стр. 449.

1 Не держать ∾ к утру / А то он ◇

2 подымет, пожалуй, всех здешних докторов / пожалуй, он подымет всех докторов ◇

3–4 Докторов не надо ∾ за всё. / Зачем [например] звать докторов? Я уже сказала, что я ручаюсь и одна проведу вас через все степени. [Зачем наконец и сиделку?] Разве он сам не может быть на время сиделкой безо всякого оскорбления ваших чувств благодеяниями? ◇

4–5 Старуху ∾ не стоит / *а. Начато:* Сиделку *б.* Старуху, пожалуй, еще можно нанять для прислуги, это ничего не стоит ◇

6–8 *Слов:* не один ∾ благодеяние! — *нет.*

8–9 не он вас привел ∾ положению / *а.* в конце концов не он поставил вас в это положение *б.* не он вас поставил в это положение ◇

9 поссорил вас / *а.* поругался за вас *б.* побранился за вас

9 с тем семейством, где / *а.* с этим дураком-купцом, у которого *б.* с этим семейством, где ◇

10 *После:* жениться — так что вывел историю и [вам отказали и] вы потеряли место? Ведь мы это знаем.

10–11 Ведь мы слышали... / Ведь мы дело знаем. И притом, я уж сказала, вы возвратите ему всё, всё, все расходы и убытки, если возьметесь за разумный труд. Если он думает иначе, то думает глупо, по старой нравственности. Если вы думаете иначе, то думаете непрактично. ◇ *Далее было:* обозначая незрелость развития.

11 сейчас прибежал / *а.* прибежал *б.* прибежал сейчас за мною ◇

12 *После:* улицу. — Я спала. Я по его же просьбе поднялась. У меня и без того куча дела. ◇

12 Я ни к кому / Сама же я

12 и пришла / и пошла

13–14 из принципа, ∾ солидарностью *вписано.*

14 я ему заявила это / *а.* о чем и заявила *б.* и заявила ему ◇

14 Если / *а.* И если *б.* Если *в.* Но если ◇

19–20 не посмела ее отпустить / *а. Начато:* что не посмела *б.* что и не могла

не согласиться — тем более, что ее причины основывались вовсе не на том, об чем толковала madame Виргинская... *в.* не посмела отпустить Виргинскую ◇

20 Но эта женщина стала / Эта женщина сделалась ей вдруг

20 ненавистна / ненавистною

21 *После:* говорила — о чем Marie думала ◇

21 не то было в душе Marie / не те ощущения были в душе у Marie ◇

22 повитухи / акушерки ◇

23 с этой минуты *вписано.*

23–24 еще требовательнее, еще беспощаднее / еще капризнее, требовательнее ◇

24 Дошло наконец до того, / Она до того положительно

24 *После:* ему — например, стоять

25–26 Мучения становились сильнее / Боли становились всё чаще и сильнее ◇

26 даже / и даже ◇

28 Э, да мы / Да мы ◇

29 на нем / Видите, на нем ◇

30 смешной чудак / *а.* смешной человек *б.* смешной вы чудак ◇

31 не отвечал / *а. Как в тексте. б.* не ответил ◇

31 ничего / ничего ей

32 *После:* случаях — продолжала Виргинская ◇

33 *После:* по крайней мере — хоть... Ну, а вы-то что тут [значите?] На какой ноге?◇

34 Перестаньте / Перестаньте, перестаньте

35 *После:* не хочу! — не хочу!

36 сами / совсем ◇

37 рассудка / разума

37 в этом / в вашем ◇

37–38 По крайней мере / Но по крайней мере ◇

40 *После:* надобно? — с решимостью спросил Шатов.

43–44 до нищенства / почти нищенским

44 *После:* нищенства — Пеленок, свивальников всё это надрала и нарезала тут же сама кое-как из старой шатовской простыни и сказала: «живет». [Потребовала] Но потребовала две салфетки, по крайней мере три полотенца, одну большую тряпку, по крайней мере еще одну подушку, по крайней мере еще одну простыню [хоть какое-нибудь одеяло получше шатов⟨ского⟩, если только возможно], корыто, ведро воды и, когда [надо будет] понадобится, самовар с горячей водой. ◇

45 ему / Шатову

45 *После:* саквояже — *а. Начато:* когда *б.* и ни за что не захотела позволить

45 дрожали / дрожали несколько

47 подскочила / подскочила к саквояжу

48 отнять у него ключ / сменить Шатова, прогнать его

Стр. 450.

2 сак отпирал / *а.* распорядился *б.* сак отворил ◇

3 *После:* вещами — (самоваром, корытом) ◇ *Далее было:* ведром, тряпкой

3 приходилось сбегать / надо было ◇ наведаться

3–4 Чуть ∾ идти / Когда уже он вышел

5 лишь / только

6 разъяснил / объяснил

6 уходит лишь / он идет

7 *После:* воротится. — [«То не смотри и стой лицом к стене] «То выгоняют, то не смей отлучиться. Чего же ей хочется?» — думал Шатов, подымаясь к Кириллову. [Это потуги]. Потуги — это потуги! Но что-то странно [и приятно запыло] отозвалось в сердце его [словно], словно надеждой. Это всё потуги, — думал Шатов. Но что-то мерещилось и другое. «Гордая женщина, вот это что!.. [и что-то странно отозвалось]

3–7 *Против текста:* Чуть только Шатов ∾ воротится. — *на полях наброски: 1.* За иной вещью надо было сходить к Кириллову *2.* [по-види⟨мому⟩ и гнала, но, по-видимому, и хотелось, чтоб оставался. *3.* Старуха. Кириллов обещал старуху к шести часам. Шатов испуганно упросил его попридержать ее у себя на кухне, «потому что там решительно не хотят старуху». Кириллов был странен, как-то слишком сосредоточен, слушал как-то до странности внимательно, и [видно было, мало что понимал] почти половины не слыхал из того, что ему говорили. Шатов посоветовал ему лечь и хотел поскорей вернуться. Но вдруг К⟨ириллов⟩ остановился и заговорил: «Шатов, знаете ли, что есть мгновень⟨я⟩...

9–10 на вас посмотреть / *а.* рожи показывать *б.* своей рожи показывать *в.* глядеть

11 *После:* подумает — рассмеялась Арина Прохоровна

12 смеюсь / шучу

15–16 *Слов:* и не поднял ∾ собак — *нет.*

16 *После текста:* Он у меня раму выбил — *на полях набросок:*

Надо думать, что Marie сильно боялась смерти. Она даже заикнулась спросить

— Говорю вам, ничего, тут от глупостей много зависит, которых вся эта шваль бабки [совсем] не знают. Поверьте, что видала виды. Не бойтесь.

Она знала положения, в которых родильнице легче в тот или другой момент.

16 *После:* раму выбил. — Замечу, что Арина Прохоровна ничего не знала о [принятых] завтрашних намерениях против Шатова. Виргинский, возвратясь из заседания, не осмелился ей объявить [главного], [зато] но был так убит, что не утерпел и [сообщил] открыл ей [первую] половину [1] — то есть всё известие, сообщенное В⟨ерховенски⟩м о [доносе Ш⟨атова⟩] непременном намерении Шатова донести. [Виргинский, впрочем] Причем заявил, что не может совершенно поверить известию [окончательно причем] о непременном намерении Шатова донести.[2] Но и это взволновало Арину Прохоровну ужасно, несмотря на то что В⟨иргински⟩й был замешан лишь в пустяках, говоря сравнительно. Она твердо [была уверена] надеялась, отправляясь к Шатову, что в несколько часов [приглядевшись] присмотревшись к Шатову и его обстановке, разглядит, в [чем дело] каком положении дело [то есть и то, способна ли], и хоть и всегда была уверена, что «такая дрянь как Шатов» способен на гражданскую подлость, особенно с вечера именин (и важна была [то] не способность, а исполнение) Надо было по глазам [разглядеть] увидеть [есть у этого человека], способен ли этот человек из гражданской ненависти на решимость даже предать себя, чтоб предать других [в таком ли он настроении, как смотрит, о чем говорит]. Одним словом, она на себя надеялась. Она всегд⟨а⟩ была увер⟨ена⟩, что [подл⟨ец⟩] такая дрянь как Шатов способен на гражданскую подлость, но прибытие Марьи Игнатьевны составляло совершенно особое обстоятельство. Испуг Шатова, отчаянный тон его просьбы, мольбы его [помочь] о помощи — [предполагали] предъявляли переворот в его чувствах. Человек, решивший даже предать себя, чтоб только предать других, кажется, имел бы другой вид и тон. Всё это Арина П⟨рохоров⟩на решилась рассмотреть [окончательно] сама своими глазами. Вот почему, когда около часу ночи прибежал за ней Шатов, она, несмотря на то [что устала, была утом-

---

[1] *К тексту:* Виргинский ∾ открыл ей половину — *на полях вариант:* В⟨иргински⟩й, возвратясь из заседания ослабевший и полуубитый, [скрыл] не осмелился сообщить ей принятое решение; по [был так убит и до того] не утерпел и открыл половину — [тайна]

[2] *К части фразы:* Причем заявил ∾ донести — *на полях вариант:* донести. Впрочем, тут же заявил, что [мало верит] не доверяет известию.

лена и не спала, возясь с Бирюковой], что была утомлена, промаявшись с одной родильницей всю прошлую ночь, немедленно решилась [идти] пойти. В⟨иргински⟩й [тоже был очень доволен [был], что она согласилась пойти] остался очень доволен, что она согласилась поехать, как будто пять пудов с него сняли, у него возродились надежды, так что он даже заснул...[1] Вид Шатова показался [тоже и ему удивительным и несоответственным] ему совсем несоответственным предположениям В⟨ерховенско⟩го... ◇

17 *Знака главки:* V — *нет.*

18–20 Шатов застал ∾ не понимал. / *а.* Шатов был в таком состоянии ума, что цеплялся мыслию за всё представлявшееся [Это бывает в ужасе, в сильном продолжающемся страхе] и со сладостию отдавался мечтам [Он рад бы был даже помечтать, но поминутно мысль о ней и что теперь будет, обрывала его мечты]. В этот раз [уединенный] Кириллов показался ему слишком [сосредоточенным] и до странности рассеянным. Он ходил по комнате, слушал Шатова, просившего подушку, ведро воды и корыто, и не понимал самых простых вещей; забыл даже, что пришла жена. *б. Начато:* Шатов застал на этот раз Кириллова *в.* Шатов потребовал у Кириллова подушку, ведро и корыто, но тот на этот раз оказался слишком рассеянным, был в каком-то странном состоянии и до того рассеян, что даже забыл о [жене и] приходе жены, слушал и не понимал *в.* Шатов застал Кириллова всё еще ходившего из угла в угол по комнате и до того рассеянного, что тот даже забыл о приходе жены, слушал и не понимал. ◇

20 *После:* не понимал. — *а.* Он стоял посреди комнаты с руками, заложенными за спину, и темные бархатные глаза его без блеску отличались странною неподвижностью взгляда. *б.* Он был очень бледен, и темные бархатные глаза его без блеску отличались необыкновенною неподвижностью взгляда. ◇ *Текст:* Он стоял ∾ неподвижностью взгляда — *вписан.*

21–23 Ах да, ∾ так? / *Начато:* Ах да, — как бы очнулся он, вдруг как бы отрываясь с силою, но только на миг, от увлекавшей его идеи, стоя среди комнаты с руками, заложенными за спиной... — ваша старуха

22–23 *Текст:* да... старуха ∾ так? — *вписан.*

23–25 Помню; ходил ∾ гармонии? / *а.* Я ходил — она придет, через час придет, да... Берите подушку. Что еще; корыто. И он опять зашагал по комнате. Шатов [управ⟨ившись⟩] [захватив], собрав требуемые вещи, хотел уже идти. Вдруг Кириллов остановил его.

— Шатов, бывают с вами минуты вечной гармонии? *б.* да, помню, ходил. — И он опять пошел по комнате... да, старуха — я ходил — придет. Берите подушку. Что еще. Да, постойте, бывают с вами минуты вечной гармонии? ◇ *Против этого текста на полях наброски:* из которого не успела пролиться вода в то время, когда он успел облететь весь рай. Магомет был эпилептик [Смотрите] — Берегитесь, Кириллов.

— Не успею беречься, — судорожно усмехнулся Кириллов. — А знаете, Шатов, у вас сильная лихорадка.

— Да, да, о да, или вы знали, что я ощущаю, Кириллов. Она действительно (описание)

26 *После:* по ночам — слышите?

27 Кириллов очнулся / Спать? что? Кириллов очнулся ◇

27–29 *Текст:* Кириллов очнулся ∾ записал — *вписан.*

30 Есть секунды / Слушай⟨те⟩. Есть секунды

31 и вы вдруг / *а. Как в тексте. б.* и вы ◇

31–32 присутствие ∾ достигнутой / блаженство, совершенно достигнутое ◇

32–34 я не про то, ∾ или умереть. / *а.* не в том смысле, что [это] есть небесное, а в том, что при теперешнем организме человек [их перенести] [нельзя] не в состоянии перенести такой полноты. Это не умиление

[1] *К фразе:* так что ∾ заснул — *незачеркнутый вариант:* так что он в эту ночь даже заснул

[а оттого что полная гармония], а только чувство полной всеобщей гармонии, и вы это видите. *б.* я не про то, что оно небесное, а про то, что человек не может перенести, если не переделается физически. Это не умиление, а только чувство вечной гармонии, и вы это видите. ◇

33 *Слов:* в земном виде — *нет.*

34 Это чувство ясное и неоспоримое / *а.* Чувство ясное и неоспоримое *б.* Чувство ясное, неоспоримое ◇

35 всю природу / природу ◇

35–36 Как будто вдруг ∾ правда / Как будто вы вдруг ощущаете всё и вдруг говорите так: да, это правда, и всё хорошо

36–37 Бог, когда мир создавал, ∾ хорошо» / *а.* Бог, когда мир семь дней создавал, то в конце каждого дня создания говорил так: «Да, это так, это всё хорошо». Ну вот это [нечто похожее] точь-в-точь то же самое *б.* Знаете, бог, когда мир семь дней создавал, то в конце каждого дня создания: «Да, это правда, это всё хорошо» ◇

37–38 *Слов:* Это... это не умиление ∾ радость — *нет.*

38–41 Вы не прощаете ничего ∾ исчезнуть. / *а.* Вы не прощаете, потому что прощать уж нечего, вы не то что любите а так... блаженствуете. Всё стройно и ясно [ужасно. Так ужасно, что кажется]. Так [светло] всё в пропорции, еще несколько секунд — и вы не перенесете. Без сомнения, ибо ⟨*не закончено*⟩ *б.* Вы не прощаете ничего: прощать нечего, вы не то что любите [нет, вы так только], тут выше любви. Всё ясно ужасно, кажется еще несколько секунд и — душа не выдержит, должна умереть. ◇

41–42 я проживаю ∾ мою жизнь / *а.* я проживаю пять лет и, право, отдам всю обыкновен⟨ную⟩ жизнь *б.* я проживаю жизнь, много, много, и за них жизнь отдам ◇

42 *После:* стоит — хоть и всего пять секунд.

43 Чтобы выдержать ∾ надо / *а.* Земной человек не выдержит и, чтоб выдержать эти секунды, должен *б.* Чтоб выдержать не пять, а десять секунд, человек должен ◇

44 Я думаю ∾ родить / *а.* Во-первых, перестать родить *б.* Я думаю, должен перестать родить ◇

45 коли / если

45 *После:* достигнута? — а? ◇

Стр. 450—451.

45–2 В Евангелии сказано ∾ родит / *а.* Басня об рае не басня — она взялась с этих секунд *б.* В Евангелии сказано, что в [зем⟨ном⟩] будущем [раю на земле] тысячелетнем раю на земле человек перестанет родить

Стр. 451.

2 *После:* родит — Шатов спешил. ◇ *Далее вписано:* но он был возбужден и восторжен, ум его цеплялся за всякую представлявшуюся идею.

3 Кириллов, это часто приходит / [Знаете] Кириллов, это часто к вам приходит

7 *После:* будет. — Прощайте.

7 Берегитесь, Кириллов *вписано.*

7–8 *Слова:* именно — *нет.*

9–11 это предварительное ∾ вынести / *а.* точь-в-точь как вы; эти секунды счастья невыносимы, человек не выдерживает и падает в эпилепсию *б.* это [ощущ⟨ение⟩] предварительное ощущение перед припадком, пять секунд, и он назначал и говорил, что более нельзя выдержать, точь-в-точь как вы ◇

11 кувшин / опрокинутый кувшин ◇

12 облетел на коне своем рай. / осматривал рай... ◇

12–13 Кувшин ∾ секунд / *а.* Начато: те же *б.* Пять секунд — те же проливали кувшин

13 слишком напоминает вашу гармонию / *а.* Эта легенда слишком напоминает пять секунд блаженства моего эпилептика *б.* слишком напоминает пять секунд вашего блаженства ◇

14 падучая / у вас будет падучая

15 Не успеет, ∾ Кириллов. / *а.* Не успеет, — проговорил он, тихо усмехаясь, и пошел задумчиво шагать по комнате. *б.* Не успеет, — ответил Кириллов, тихо усмехаясь, но Шатов уже убежал. *в. Начато:* Не успеет, — тихо усмехнулся Кириллов. Шатов, захватив нужное

16 *Знака главки:* VI — *нет.*

17 бранили, призывали / и высылали, бранили и призывали ◇

18–20 за свою жизнь ∾ повторяла она. / *а.* и если б не Арина Прохоровна, было бы плохо. [Без нее] Но муки [по боязнь смерти её все более мучили:] ее измучили: она [вскричала раза два] кричала, что хочет жить, «непременно, непременно», кричала и проклинала. *б.* за свою жизнь. Она кричала, что хочет жить «непременно, непременно!» и боится умереть. «Не надо, не надо», — повторяла она между муками. ◇

21 Мало-помалу она / Но она

22–23 стала слушаться ∾ окрика / слушалась каждого ее слова, каждого [строгого] окрика ◇

23–24 брала строгостью ∾ зато работала / *а.* и работала *б.* действовала скорее строгостью [и на], чем лаской, и работала беспрерывно *в.* брала строгостью, а не лаской, и работала ◇

24 *После:* мастерски. — Все тайны, все варьяции [болезни] дела были ей известны. Она знала тысячу средств, она угадывала, какое нужно дать движение, положение пациентке на каждый момент. ◇

25 вдруг / выгнала Шатова, она вдруг

25 сейчас выбегал / поминутно бегает

25–26 на лестницу и богу молился / *а.* на лестнице сейчас богу молился *б.* на лестницу богу молиться ◇

26 Marie / Marie хоть и в страшной муке

27 точно ей ∾ смеха / *а. Начато:* как бы обр⟨адовавшись⟩ *б.* точно ей от этого легче *в.* точно ей легче было от такого смеха ◇

28 *После:* совсем. — Рассвело. ◇

28 Наступило / Было

28 сырое, холодное / сырое и холодное ◇

28 Он / Шатов

30 *После:* Эркель — и простоял

30 дрожал как лист / он был придавлен и он

31 *После:* во сне. — О, как ему хотелось бы помечтать.

33–35 Из комнаты раздались ∾ упал / Наконец он почувствовал, что не может выносить [ее] ужасные крики [дрожал как лист], упал

34 ужасные, чисто животные крики / а ужасные крики, чисто животные ◇

35–36 бессознательно повторяя / и в бесп⟨амятстве⟩ восклицая

36 После: Marie» — и возвышая свои восклицания до крика, по мере того как усиливались крики из комнаты. *Рядом с этой фразой на полях запись:* Ар⟨ина⟩ Пр⟨охоровна⟩: Ну, батюшка, ничего смешнее вас не видала.

36–38 И вот наконец ∾ надтреснутый. / *а.* И вдруг раздался крик новый, странный крик, как будто совсем неожиданный, крик как бы надтреснутый, маленький и резкий и пронзительный [как совсем], как бы неожиданный... *б.* И вот наконец раздался крик новый [непонятный], крик как бы непонятный, что-то надтреснутое, маленькое, крик, от которого Шатов вздрогнул и вскочил с колен, крик младенца, слабый, надтреснутый. ◇

38 Он / Шатов ◇

39 кричало и копошилось / кричал и копошился младенец [маленький ре⟨бенок⟩]

41 *После:* беспомощное — *начато:* и бед⟨ное⟩

41 *Слов:* как пылинка — *нет.*

41–43 беспомощное ∾ право на жизнь / новый пришелец в эту жизнь, новая личность, новое право, новое бытие

43 *Слов:* самое полное — *нет.*

44 лежала как без чувств / *а.* была как без чувств *б.* была почти без чувств

44–45 но через минуту ∾ на Шатова: / *а.* но слабо, тихо, долго — не то, что с улыбкою, а как-то странно глянула на Шатова... *б.* *Начато:* но через минуту пристально

Стр. 452.

1 понять / определить

1–2 но никогда прежде ∾ взгляда / *а.* *Начато:* это был *б.* Никогда еще так она на него не [смотрела] глядела, не знал и не помнил он у ней такого взгляда *в.* никогда прежде не знал. Сердце его вздрогнуло

3–4 болезненным голосом ∾ Прохоровну. / *а.* спрашивала она Арину Прохоровну. *б.* спросила она его. *Далее было:* Он сначала даже не понял, об чем она спрашивает, и странно, что она спрашивала его, а не Арину Прохоровну.

5 крикнула та ∾ ребенка / *а.* крикнула та в ответ, убирая ребенка *б.* крикнула в ответ Ар⟨ина⟩ Прох⟨оровна⟩, увертывая ребенка ◇

6 его / ребенка

6–7 положить / положить его

7 *Слова:* двумя — *нет,*

8 как-то / как-то робко, конф⟨узясь⟩

8 и как будто / как бы ◇

9 ему / Шатову

9 Тот сейчас понял и / *а.* тот понял *б.* тот вмиг понял и тотчас ◇

11–12 слабо ∾ с улыбкой / *а.* *Начато:* бессильно прошептала *б.* прошептала она и усмехнулась *в.* прошептала она, бессильно, сама собой улыбаясь ◇

14 в лицо / в глаза

14–15 заглянув ∾ лицо! / над Шатовым, всё еще державшим ребенка, а сама энергически суетясь и прибираясь.

13–15 Фу, как он смотрит! ∾ лицо! / *а.* Видала я разных смешных отцов в таком положении, но человека в вашем положении, г⟨осподин⟩ Шатов, еще и в такую минуту, не видывала [Шатов], — распустилась торжествующе Арина Прохоровна [убирая] [и при], обращаясь к Шатову [еще] [всё еще], всё еще суетясь и прибирая [кругом] ребенка, — хоть [и нигилистка, но в⟨се-таки⟩] и стою день и ночь за [женский вопрос] право жены, но смешнее вас, сударь, как вы теперь в эту минуту, ничего равно не [видывала] встречала. Насмешили [вас] меня на всю жизнь, денег с вас не возьму, во сне рассмеюсь *б.* Видала я разных отцов в таком положе⟨нии⟩, но человека в вашем положении еще и не видывала. Я хоть нигилистка и стою за женский вопрос, но, однако ж, смешнее вас, сударь, не видела. Экое ведь лицо у него. Насмешили вы меня на всю жизнь, во сне рассмеюсь. *Текст:* Видала я ∾ рассмеюсь — *вписан на полях.*

16–18 — Веселитесь, ∾ двух слов / *а.* Смейтесь, Арина Прохоровна, такая великая радость... — с идиотски блаженным видом бормотал совсем ослабевший Шатов, просиявший после двух словечек *б.* — Веселитесь, Арина Прохоровна, это великая радость... — с идиотски блаженным видом пробормотал Шатов, просиявший после двух словечек. ◇

19–20 у вас там ∾ как каторжная. / *а.* великая радость? Что в приют-то лишнего придется тащить? Лишним родиться не надо. *б.* у вас там великая радость? ◇

20–23 *Текст:* Арина Прохоровна ∾ не понимаете! — *вписан на полях.*

21 появления / явления

24–26 Шатов бормотал ∾ из души / *а.* Шатов бормотал бессвязно, чадно, восторженно, как бы что-то шаталось в его голове [как бы против воли его] [и как бы прорвав в ней какую-то щелку] и само независимо от него как будто прорывало в ней какую-то щелку, выливая из его души [дрожащей] [ослабевшей, дрожавшей, как будто шевелившейся]

[в нем душу] *б.* Бормотал Шатов бессвязно, чадно, восторженно, как бы что-то шаталось в его голове и само собой, без воли его, выливалось из души ◇
27 *После:* человек — совсем личность ◇
27 цельный / цельный и страшный
28 как не бывает / как нечто новое
29 даже / это даже
30 Эк напорол! *вписано.*
30 Просто / Просто, батюшка
31 *После:* тайны — вечно тайну выдумают
31 *Слов:* искренно и весело — *нет.*
32 *После:* муха — *вписано:* нов⟨ая⟩
32 Но вот что / Нет, вот что-с ◇
33 лишним людям ∾ родиться / лишним бы людям не надо родиться ◇ *Далее было:* Его вот в приют тащ⟨ить⟩
35 *После:* тащить... — вот радость.
36–37 уставившись в пол ∾ Шатов / *а.* я достану денег *б.* засверкал глазами Шатов ◇
38 Усыновляете / *а.* Эге, усыновляете *б.* Усыновляете-с ◇
39 Он и есть мой сын / Чего усыновлять, он и есть... мой сын... он Шатов
40 *Слов:* по закону Шатов, — *нет.*
41 Не могут / нет, не могут
40–41 *Текст:* Конечно ∾ без фраз. — *вписан на полях.*
42 только вот что / вот что ◇
42–43 кончила она наконец прибираться / *а.* кончила, наконец, все прибирательства она *б.* кончила, наконец, Арина Прохоровна ◇
43 идти пора / надо идти
43–44 и вечером приду *вписано. Далее было:* если надо
44–45 благополучно сошло / благополучно ◇ *На полях вписано:* и в случае чего надо, вам всё указано
45 то надо ∾ ожидают / *а.* то мне пора и к другим, ждут, должно быть уж присылали *б.* то и к другим надо, давно ожидают ◇
45–47 Там у вас, ∾ подле / *а. Начато:* Там, Шатов, у вас *б. Начато:* Там, Шатов, *в. Начато:* Там, Шатов, на кухне *г. Начато:* Там, Шатов, у Кириллова на кухне *д.* Там, Шатов, старуха где-то сидит. Старуха [то] старухой, но не оставляйте и [сами] вы, муженек, посидите [тут] подле ◇
48 не прогонит ∾ смеюсь... / не выгонит. ◇

Стр. 453.

1–2 У ворот, куда ∾ одному: / *а.* На лестнице, куда проводил ее Шатов, прибавила: Ну, пора *б.* У ворот, до которых проводил ее Шатов, прибавила: ◇
3–4 вы меня ∾ не видывала / вы меня, сударь, на всю жизнь. Смешнее вас в эту ночь ничего я не видывала, денег с вас не возьму, во сне рассмеюсь ◇
5 ушла / поспешно ушла ◇
5 *После:* довольная — и веселая.
6 что этот человек / что не побежит этот человек сейчас доносить
7 тряпка последней руки *вписано.*
7 *После:* Она — поспешила сообщить
8 *Слов:* хотя прямее ∾ пациентке — *нет.*
9 *После:* Виргинскому. —

— Подайте, подайте его опять... *На полях набросок: 1.* — Marie, я сяду, она не велела спать, я тут у окна посижу... Marie позвала Она брезгливо попросила оправить у ней подушку. И пока он оправлял, сердито смотрела в стену,

— Не так, не так. — Шатов поправил еще.

— Нагнитесь ко мне, — вдруг дико проговорила она [всё смотр ⟨я⟩] Шатов нагнулся.

— Ближе, — слабо проборм⟨отала⟩ и вдруг рук⟨ой⟩ обня⟨ла⟩

⟨15⟩

Стр. 455.

13–15 *Глава шестая*. Многотрудная ночь. I / Глава (8-я)? ◇[1]

17 наверно / наверное ◇

18 родился ребенок / *а. Начато:* родился ребенок, а он в восторге. Зная *б.* родился ребенок, что он сидит подле них ◇

20 Но / Но он ◇

21–22 выслушал это ∾ в глаза; / *а.* выслушал его молча и ясно, смотря ему в глаза, но ничего не ответил. *б.* выслушал его молча, ясно смотря ему в глаза. ◇

22 на прямой же вопрос / На прямой же и настоятельный вопрос ◇

25–26 укутавшись / снова укутавшись

26–28 Вошедшего ∾ оставить его / *а.* Он видимо был испуган посещением В⟨иргинск⟩ого и умолял его оставить *б.* Вошедшего В⟨иргинско⟩го испугался и, только что тот заговорил, вдруг начал, сбросив одеяло и замахав руками, умолять оставить его ◇

28 Однако / Впрочем

29–30 а известием, ∾ поражен / *а.* выслушал и о том, что никого нет дома *б.* поражен был тоже почему-то, что никого не застал дома

31 и сам / и *сам* ◇

32 *После:* того — до остолбенения. И вообще оба они оказались страшно впечатлительны и поражались каждым фактом и намеком. ◇ *Текст:* до остолбенения ∾ намеком. — *вписан.*

32–35 вопрос Виргинского: ∾ в покое»./ *а.* вопрос «надо ли идти или нет?» — проговорил взволнованным шепотом и махая руками: «ничего не знает, ничего, и чтоб поскорее оставили его в покое». *б.* вопрос «надо ли идти или нет?» — опять вдруг начал умолять, махая руками, чтоб оставили его в покое, что «он ничего не знает, что он сторона». ◇

36–43 и сильно встревоженный; ∾ на сборное место. / *а.* положением дела, но с некоторым новым намерением и в большом волнении, часа за два до срока, двинулся на указанное вчера сборное место в Скворешники. Своим дамам он так и не открыл ничего, твердо решившись так поступить еще накануне. Внслоухий родственник его, живший в их доме [поступил точно так же, хотя ровно ничего], тоже промолчал. На лихорадочные же рассказы Виргинского о Шатове, о сердце человеческом и [о то⟨м⟩], на прямой вопрос [Виргинского] его: — Надо ли идти или нет? — отвечал, что он пойдет непременно, но с особою целью. Затем куда-то [из дому] скрылся; но на сборное место явился из первых. *б.* положением и сильно встревоженный и если б не явилось у него [не загорелось в уме его] некоторого нового плана дальнейших действий, то, может быть [тоже забо⟨лел⟩], и он слег бы в постель, как Лямшин. Но этого не случилось. Мало того, он с нетерпением стал ожидать срока и гораздо ранее, чем надо было, двинулся на указанное вчера сборное место в Скворешники. Своим дамам он так и не открыл ничего, твердо решившись так поступить еще накануне. Шигалев, его родственник, квартировавший в их доме, тоже хранил молчание. На лихорадочные же рассказы Виргинского о Шатове, о сердце человеческом и на прямой вопрос: — Надо ли идти или нет? — промолвил, нахмурившись, что он пойдет непременно, но с совершенно

---

[1] *Над знаком главы дата:* 20 октября ⟨18⟩72

особою целью. На сборное место [он тоже явился из первых] он тоже поторопился одним из первых. *в.* положением и сильно встревоженный и если бы не загорелась в жаждущем и алчущем уме его в ту минуту одна новая мысль — некоторый новый план дальнейших действий, порешивший всё, он бы слег в постель, как Лямшин. Но этого не случилось. Мало того, он, вследствие нового плана, с нетерпением стал ожидать срока и гораздо ранее, чем надо было, двинулся на сборное место. ◇

Стр. 456.

1-2 в конце ∾ парка / *а.* особенно в сырой осенний вечер *б.* особенно казался таким в тот сырой осенний вечер *в.* в конце ставрогинского огромного парка ◇

2-3 нарочно ходил ∾ суровый / Я потом ходил туда. Как, должно быть, казалось оно угрюмым, в тот сырой ◇

3-8 Тут начинался ∾ фонари. / *а.* Мрак был такой, что в двух шагах почти нельзя было рассмотреть друг друга, но Петр Ст⟨епанович⟩, Липутин и потом Эркель явились с фонарями. Тут начинался старый заказной лес. Огромные вековые ели и сосны мрачными пятнами [об⟨означались⟩] выдавались перед приучавшимся постепенно к мраку зрением. *б.* Тут начинался старый заказной лес. Огромные вековые сосны мрачными и неясными пятнами обозначались перед глазами. Мрак был такой, что в двух шагах почти нельзя было рассмотреть друг друга, но Петр С⟨тепанович⟩, Липутин и потом Эркель принесли с собой фонари. ◇

8 в незапамятное / с нез⟨апамятных⟩

9 тут / здесь

9-10 из диких ∾ грот / *а.* из огромных камней и обитый дерном грот *б. Начато:* Из огромных камней и довольно смешной по св⟨оему⟩ *в.* из огромных камней [и] какой-то довольно смешной грот ◇

11 оканчивался / начинался

14-15 или даже выстрел мог дойти / выстрел дошел

15 *Слова:* ставрогинского — *нет.*

15-18 и с отбытием ∾ характера / *а.* во всем огромном доме осталось не более пяти или шести голов ⟨?⟩ прислуги обоего пола и характера *б.* и с отбытием Алексея Федоровича и Фомушки во всем огромном доме осталось не более шести или восьми человек обывателей, характера ◇

16 выездом / отъездом

21 вопли / что-нибудь похожее на вопли

21 то возбудили бы лишь страх / *а. Начато:* то ни один из них не *б.* то возбудили бы в них лишь страх и трепет

22 из них не пошевелился бы / *а.* из них не пошевелился *б.* из обитателей когда-то гордого и пышного замка не пошевелился

24-25 *Слов:* командированного за Шатовым — *нет.*

26 он / и

26 *После:* с Толкаченкой. — *а.* Шигалев и Виргинский явились почти вместе с ними *б.* Этот, по-видимому, был очень послушен и предан ему; говорил вслух мало, но [часто] иногда с ним перешептывался. [Вообще] он был нахмурен и озабочен.

27-28 вся напускная ∾ Он почти / но минутами в нем вдруг как бы мелькала какая-то напускная, хвастливая решимость и он высокомерно начинал оглядывать присутствующих. [Впрочем этот] Затем опять вдруг ужасно задумывался, он почти *б.* вдруг ужасно задумывался. Но почти ◇

29-31 вдруг стал ∾ чтоб отвязаться / *а.* вдруг сделался неограниченно предан ему и послушен. Говорил он мало, но иногда перешептывался с Петром Степановичем, который почти не отвечал ему [или борм⟨отал⟩]. Впрочем, он еще был бодрее других *б.* вдруг сделался неограниченно ему предан и послушен. Говорил мало, но часто лез перешеп-

тываться с Петром Степановичем, который почти не отвечал ему или досадливо бормотал что-нибудь, чтоб отвязаться ◇
32–33 даже несколько раньше ∾ его / *а.* поспели почти вместе с ним, но *б.* почти в одно время и ◇
35 Петр Степанович / *а. Как в тексте. б.* Он ◇
35–36 с бесцеремонною ∾ внимательностью / внимательно ◇
36–37 «Хотят говорить», ∾ голове / Он догадался, что они хотят говорить, и тотчас a parte ⟨про себя (*итал.*)⟩ выругался. Вообще он был в сильно ругательном настроении и хотя чувствовал, что надо что-нибудь сказать предварительно, но видимо ощущал к тому отвращение
38 он / он вдруг
38 сказал / говорил
40 — Я здесь, ∾ выходя / *а.* Нет, я здесь, — произнес Лямшин в двух шагах от него, выходя *б.* Нет, я здесь — произнес и Лямшин, вдруг выходя в двух шагах ◇
41–43 был в теплом пальто ∾ с фонарем. / *а.* кроме того, что был в теплом пальто, был туго и плотно укутан в плед, в который прятал свой востренький носик. *б.* был в теплом пальто с меховым воротником и плотно укутан в плед, так что трудно было рассмотреть его даже и с фонарем. ◇
44 только Липутина нет? / *а.* одного Липутина нет?
— Нет, и Липутин давно уже здесь; мы вместе раньше всех пришли.
— Где же он? *б.* одного Липутина нет? ◇
45–46 Петр Степанович ∾ фонарь / *а. Начато:* Довольно *б. Начато:* Петр Ст⟨епанови⟩ч бегло и внимательно *в.* Петр Степанович пытливо оглядел его
47 почему не выходили? / и почему не говорили, что вы пришли?
47 *После:* не выходили? — прежде

Стр. 456—457.

48–2 Я полагаю, ∾ хотел выразить / *а.* Я бы вышел, когда надо *б.* Я полагаю, что мы все сохраняем право свободы... — скрючился было Липутин *в.* Я полагаю, что мы все сохраняем право свободы наших движений, — начал он бормотать, кажется не понимая сам, что хочет сказать, а так, возражая по-казенному ◇

Стр. 457.

3 возвысил / возвысил немного
4 полушепот / шепот
4 *Слов:* что произвело эффект, — *нет.*
5 *После:* размазывать — в разных увещаниях то намерение, с которым здесь собрались, черт возьми, в эту поганую ночь.
6 *Слов:* и пережевано — *нет.*
6–8 как я вижу ∾ поскорее / *а.* кто-нибудь еще хочет сказать *б.* кто-нибудь еще хочет говорить, так говорите же *в.* как я вижу по физиономиям, кто-нибудь хочет что-нибудь заявить, так прошу поскорее ◇
9 привести его / прийти
12–14 Если не ошибаюсь, ∾ вопрос. / *а.* Кажется, сначала будет передача типографии? — спросил Липутин с странным выражением вражды и согласия на всё. *б.* Если не ошибаюсь, сначала произойдет передача типографии? — осведомился Липутин с странным выражением вражды и в то же время решительного согласия на всё что угодно.
15–17 Ну разумеется, ∾ не надо / *а.* Разумеется, не терять [типогра⟨фии⟩] станка, но к чему взаправду принимать *б.* Разумеется, не терять же вещи, но ведь мы вчера же условились, что взаправду принимать [типографии] не будем ◇
17–18 вам точку, ∾ выроем / *а.* точку *б.* точку, чтоб не потерялась вещь ◇
18 это / это зарыто
19 *После:* грота... — Пусть укажет и, только что укажет, мы тотчас выйдем.

19–21 Но черт возьми, ∾ выйдем мы... / *а.* А сначала встретите один вы, Липутин, по вчерашнему уговору. Очень глупо с вашей стороны забывать. *б.* А отзовитесь только вы, Липутин, по вчерашнему уговору. ◇

21–22 что вы спрашиваете ∾ так? / что вы это забыли и опять спрашиваете. ◇

23 промолчал / не ответил ◇

23 Все замолчали / Наступило [угрюмое и упорное] всеобщее молчание ◇

25–26 Я надеюсь, ∾ оборвал / Черт возьми, господа, я надеюсь, что все исполнят свой долг, — с досадой проворчал ◇ *Против фразы* — Черт возьми ∾ проворчал — *на полях вписано:* с необычайною настойчивостью, но со всеми признаками непомерного волнения. *Внизу листа наброски: 1.* как: против *2.* Об этом слишком поздно толковать и только дурак может предлагать такие вопросы.

⟨16⟩

Стр. 461.

5–7 Виргинский хотя и бросился ∾ после выстрела / *а. Начато:* Виргин⟨ский⟩ *б.* Что же до Лямшина и Виргинского, то [оба] и они тоже молча [и как бы в оцепенении] выглядывали: Виргинский из-за плеча Липутина, несколько приподнявшись на цыпочки, а Лямшин сбоку из-за Виргинского. Виргинский хоть и бросился, когда все бросились, но за Шатова не хватался и держать его не помогал, Лямшин же очутился в кучке уже после выстрела *в.* Что же до Лямшина и Виргинского, то Виргинский хоть и бросился, когда все бросились к Шатову, но за Шатова не хватался и держать его не помогал, Лямшин же очутился в кучке уже после выстрела *г.* Но В⟨иргинский⟩ хоть и бросился, когда все бросились к Шатову, но за Шатова руками не хватался и держать его не помогал. Лямшин же примкнул к кучке уже после выстрела ◇ *Над словами:* Виргинский хотя и бросился — *вписано:* после выстрела был [тотчас] точно парализован ◇

8–16 Затем все они ∾ прятался. / *а.* Трудно [представить] угадать мысли этих обоих странных участников во время всей дальнейшей возни с трупом, продолжавшейся, может быть, минут с десять. Но в пристальных, неподвижных их взглядах [казалось, довольно спокой⟨ных⟩, выражалось, по-видимому, больше всего какое-то странное любопытство и удивление] выразилось [однако] прежде всего беспокойство и тревога [какое-то странное любопытство], тупое удивление к трупу. Оба смотрели так, как будто никогда не видали трупа и ждали, что он еще пошевелится, не веря в такую быструю смерть. Смерть они точно проглядели. *б.* Теперь они все трое стояли так: Липутин впереди у самого трупа [пристально], Виргинский сзади него и выглядывая из-за его плеча [с ужасн⟨ым⟩], по-видимому с крайним и как бы с каким-то посторонним любопытством и даже изредка приподымаясь, чтоб разглядеть, на цыпочки. А Лямшин сбоку выглядывал уже из-за Виргинского. Невозможно, конечно, представить себе мыслей и намерений этих трех странных участников во время всей этой дальнейшей возни с трупом, продолжавшейся, может быть, минут с десять. Но в пристальных, неподвижных их взглядах выразилось, по-видимому, прежде всякого беспокойства и тревоги какое-то тупое удивление собственно к трупу. Они смотрели так, как будто никогда не видали трупа, почти не веря в эту смерть. Смерть они точно проглядели. ◇

17–19 приподнялся, ∾ во весь голос / приподнялся, Виргинский вдруг задрожал весь как бы мелкой дрожью, сплеснул руками и [горестно] [странно] горестно, но странно воскликнул ◇

21–22 столь позднему / неясному ◇

22 вдруг / Он

23 и завизжал / и вдруг завизжал

25 не своим голосом / решительно не своим голосом ◇

26 какого / *а.* которого *б.* которого от него

27–28 Лямшин закричал ∽ звериным голосом / Лямшин же прокричал не только не своим, но совсем уже и не человеческим голосом. Это был крик, или лучше сказать визг, какого-то странного, никому не знакомого зверя ◇

29 *После:* Виргинского, — причем ногами ужасно мелко топотал по земле, точно выбивая по ней барабанную дробь ◇

29 *После:* визжал — *а.* вылупив глаза перед соб⟨ой⟩ *б. Начато:* без *в.* изо всей силы *г.* изо всей силы, без умо⟨лку⟩

30 выпучив / вылупив ◇

30 чрезвычайно / уж⟨асно⟩

31–32 *Слов:* а ногами ∽ дробь. — *нет.*

32 испугался / был испуган ◇

33 как безумный, *вписано.*

33 и в каком-то / и сам в каком-то

35–36 царапая ∽ руками / царапая [их] и колотя [его] назад изо всей силы кулаками ◇

36–39 отдернуть Лямшина ∽ уже к нему. / Эркель помог ему наконец [отдернуть], отдернув сзади Лямшина [и], но когда Виргинский отскочил в испуге на десять шагов в сторону, то Лямшин вдруг обернулся и бросился обнимать уже Эркеля. Он мигом сжал его также крепко в объятиях, прижимаясь головой к его груди, как бы желая на ней укрыться, но в то же время продолжая визжать из всей силы. Но Эркелю удалось быстрее вырваться, чем В⟨иргинско⟩му. Тогда [обезумевший] Лямшин [вдруг уви⟨дав⟩] [остановился, мигом обвел всех глазами, примолк, выпучив обезу⟨мевшие глаза⟩ и увидав] остановился и вдруг, увидав Петра Степановича, завопил и бросился к нему тоже с объятиями. ◇

39–41 через труп ∽ головой / на П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча и так крепко [захватил] обхватил его ◇

43 кричал, ругался / *а.* кричал *б.* ругался ◇

44 кое-как вырвавшись / освободившись ◇

45 всё еще вопившего / кричавш⟨его⟩

46 схватили за руки / держали за руки сзади ◇

47 продолжал визжать / всё визжал

Стр. 461—462.

48–2 Наконец Эркель, ∽ концом веревки / Тогда Эркель, скомкав платок, ловко вбил ему его сзади в рот, и крик таким образом прекратился. Между тем Толкаченко связал ему сзади руки оставшейся веревкой

Стр. 462.

1 в рот / сзади в рот ◇

2 ему руки / ему сзади руки ◇

3 Это очень странно / Странно, это очень странно ◇

4 рассматривая сумасшедшего / *а. Начато:* как бы в тревожном удивлении *б.* и тревожно смотр⟨я⟩ *в.* рассматривая ◇

5 *Фразы:* Он видимо был поражен. — *нет.*

6–7 Я думал ∽ в задумчивости / Я совсем думал про него другое ◇

8–9 Пока оставили ∽ и услышать. / *а.* Пока он оставил при нем Эркеля. Надо было спешить поднять труп. *б.* Распорядились так, что покамест оставили при нем Эркеля наблюдать за ним, ибо надо было поспешить с мертвецом. Слишком много уже было крику, так что и в Скворешниках могли бы услышать. ◇

10–11 подняли фонари, ∽ понесли / подхватили [его] мертвеца под голову, Липутин и Виргинский взялись за ноги, подняли и понесли ◇

12 тяжела / очень тяжела

13 Сильнее всех был / Сильнее всех физически, конечно, был ◇

13–14 идти в ногу ∽ пришлось. / *а.* идти не в ногу. Никто не ответил ему, но пошли в ногу. *б.* идти не в ногу, но никто не ответил ему, и все, напротив, пошли в ногу. ◇

15 шел справа / *а.* от него справа *б.* рядом

15–16 и, совсем нагнувшись ∾ камень. / нагнув свою голову совсем под плечо [Шатова] мертвеца, а левой рукой снизу поддерживая камень и его висевшую голову. ◇

17 целую / всю

17 не догадался помочь / не догадывался помочь [ему] ◇

18 камень / голову ◇

19–23 Крик был ∾ голосом / *а.* Впрочем, шли молча, но Липутину два раза послышалось, как рядом с ним шедший и старавшийся изо всех сил Виргинский проговорил [полугромко] один раз полушепотом *б.* Но этот крик был внезапный и одинокий, шли молча и уже только почти [дойдя до пруда] у самого пруда Виргинский, нагибаясь под ношей, воскликнул опять почти громким голосом ◇

25–26 Место ∾ и к которому / *а.* Тот конец этого третьего огромного пруда, к которому *б.* Место, где оканчивался этот третий весь большой скворешниковский пруд и к которому ◇

26 одним / одно

28 Пруд ∾ зарос травой / *а.* Этот третий пруд наполовину почти зарос травой *б.* Пруд в этом конце зарос травой ◇

29 бросили в воду / бросили в то место, где всего гуще росла трава ◇ *Далее начато:* Петр С⟨тепанович⟩

30 *После:* фонарь — рассматривая с любопытством

27–29 *Против текста:* особенно в такое ∾ фонарь — *на полях вписано:* Он теперь не кричит и говорит, что не будет.

30–32 за ним ∾ мертвец; / *а.* рассматривая с любопытством, за ним и все. Труп, по-видимому, совершенно погрузился на неглубокое тинистое дно. *б.* за ним выставились и все, с любопытством высматривая, как погрузился [или] труп. ◇

32–33 тотчас же потонуло / совершенно потонуло

34 *После:* замирали — плесень и грязная вода, казалось, были непроницаемы.

34 Дело было кончено / Дело было «чисто» ◇

35 обратился / обернулся ◇

36 ощущать / ощущать теперь

36 свободную / благородную

37 свободного *вписано.*

39 будете / будете и должны ◇

39–40 когда уже ∾ не ощущать / *а.* когда успокоитесь *б.* когда уже стыдно будет не успокоиться ◇

41 как на бред / как на болезнь ◇

41 вправду / действительно

42–43 свободного / ясного и свободного ◇

43 интересов / защиты

44–45 как мы сделали / *а. Начато:* надо именно так, как мы действовали. Безопасность *б.* а надо было так, как мы действовали ◇

45 что был донос / что мы были правы. О доносе Шатова станет известно и вы увидите ◇

46–47 Что до опасности, ∾ не предвидится / *а. Начато:* Что касается *б.* А что до безопасности, то она совершенно нам всем обеспечена ◇

47–48 кого-нибудь / кого-либо ◇

48 сами сумеете / сумеете ◇

48 повести / вести

Стр. 462—463.

47–25 *Против текста:* Никому и в голову не придет ∾ с толку — *на полях наброски: 1.* Речь. *2.* Молча *3.* — Лямшин донесет.

— Нет, Виргинский опасен. *4.* Виргинский. Эркель с Лямшиным. Толкаченко. *5.* Липутин увозил. *6.* — Нам бы лучше порознь. Я не могу вас вместе к Кириллову. *7.* — Скажите, одна только пятерка?

— Так я и знал — [сказ⟨ал⟩] проборм⟨отал⟩ Липутин. *8.* Петр Ст⟨епанови⟩ч был один. Кириллов (короче)

48–2 так что главное ∾ завтра же. / *а. Начато:* и так *б.* так что главное дело зависит от вас же и от полного убеждения, которое, повторяю опять, надеюсь, вы завтра же получите, когда свободно размыслите. ◇*Вписано.*

Стр. 463.

2 Для того / Для того-то ◇
3–4 свободного собрания / свободной кучки
4 *После:* деле — *начато:* поддержать друг друга, сообщить один
4 разделить / поделиться ◇
5–6 энергию ∾ друг за другом / *а.* энергией, ясным созерцанием, умом и, наконец, наблюдать один за другим *б.* энергией, умом и, если надо, — наблюдать и замечать друг за другом ◇
6 *После:* отчетом. — Вы — надежда [мира] центра, не забывайте того. ◇
7 *После:* завонявшее — *начато:* в поро⟨ках?⟩
7 дело / человечество
7 *После:* дело; — Вы — новая мысль и обновление его ◇
8 Весь ваш шаг / Вся ваша мысль, весь ваш шаг ◇
8–9 чтобы всё рушилось: ∾ нравственность. / чтоб всё провалилось — и форма, и дух ◇
10 предназначившие / органи⟨зовавшие⟩
10 *После:* власти: — что праздно лежит и само на нас рот разевает, то стыдно не взять рукой, если веруешь в свободные убеждения. ◇
11 Этого / и этого ◇
12 Надо перевоспитать поколение / ибо надо их перевоспитать железом и кровью
13 Еще много ∾ Шатовых / Еще будет много тысяч подобных Шатовых ◇
14 направление; / *а.* власть и направление. *б.* направление дела. Эта кровь, — он указал на пруд, — это связь, которая нас сплотит уже наверно и сроднит несмотря на некоторую разность убеждений наших. ◇
14–15 *Слов:* что праздно лежит ∾ рукой. — *нет.*
17 в виде / и в виде ◇
18 Ничего не может быть ∾ комбинации / Ничего нельзя представить себе вероятнее [этой] такой комбинации ◇
18–19 Во-первых, ∾ с Шатовым / *а.* Они враждовали с Шатовым *б.* Он с Шатовым враждовал ◇
19–20 стало быть, имели время / *а. Начато:* стало *б.* значит, было время ◇
20–21 Известно, что Шатов ∾ и боязни / Правительству уже известно, что Шатов [отчасти] изменил убеждения. Значит, у них вражда из убеждений [самая] и из боязни ◇ *вписано.*
22–25 Наконец, упомянется, ∾ с толку. / *а.* В бумагах у губернатора есть документ, намекающий об участии Кириллова в прокламациях. Таким образом, самые прокламации, Шатов и Кириллов, поссорившиеся из-за прокламаций, участие Кириллова (о котором будет известно, что у него квартировал Федька Каторжный), связь этого товарищества с пожарами и проч⟨ее⟩ и проч⟨ее⟩ — одним словом, всё то, об чем говорили вчера — всё это совершенно отдалит от вас всякие подозрения. *б.* В бумагах у губернатора есть документ, намекающий об участии Кириллова в прокламациях. Значит, опять подтверждение. Таким образом, всё это и то, что в доме Филиппова (о котором будет известно, что квартировал Федька Каторжный), где они все-таки жили оба — понимаете? наконец самый характер участников [в убийстве Шатова, шпигулинские] — ну и проч⟨ее⟩. Всё это совершенно отдалит от вас всякие подозрения и, главное, тем, что собьет все эти бараньи головы с толку. ◇
26 Завтра / Назавтра ◇
26 я / Но к тому же, я
27 послезавтра вы / *а.* послезавтра уже *б.* послезавтра вы уже ◇
27 *После:* сообщения — через Липутина
28 просидеть / сидеть ◇
28–29 *После:* по домам — и даже друг с другом не видеться.

29 Теперь / Теперь же
30 заняться / заниматься
31 подействовать / подействовать дорогою ◇
31–32 до какой степени / в какой степени
32 первый / первый же ◇
32–33 В вашем родственнике Шигалеве / В благородстве вашего родственника Шигалева ◇
33–34 я, равно как и в вас, ∾ не донесет. / *а.* я нимало не сомневаюсь. Он не ⟨сколько⟩ погорячился, но не донесет. *б.* я нимало не сомневаюсь. Он не донесет. ◇
35 *После:* общество — *начато:* Итак, господа, скорее
36–37 там хоть ∾ но / *а.* Мы хоть и с дураками воюем, а *б.* Там хоть и бараньи головы, а ◇
37 *После:* не мешает... — *а. Начато:* Разошлись без р⟨азговоров⟩ *б.* Выслушали молча [каждый] и задумчиво; разошлись без разговоров. ◇
38–47 *К тексту:* Эркель, сдавая Лямшина ∾ не донесете — *относятся наброски на полях: 1.* В одну минуту подвел Лямшина. *2.* Раскаивается.

— Толкаченко опасен.

— Виргинский опаснее. Но не беспокойтесь. Никто не донесет.

40 что тот опомнился, раскаивается / что тот раскаивается ◇
40 просит прощения / гов⟨орит⟩
40–41 и даже не помнит ∾ было / *а. Начато:* почти *б.* потому что не помнит что с ним [дело] такое было ◇
43 пути / дороги
43–44 нагнал его / его нагнал ◇
47 И вы не донесете / теперь и вы не донесете

Стр. 464.

1–2 только что шевельнетесь ∾ и / *а.* если вы измените [Впрочем]. Но вы *б.* только что вы шевельнетесь, чтоб изменить, и вы это знаете ◇
3 бежали за мной две версты? / бежали две версты лишних? ◇
4–6 *Текст:* ведь мы, может ∾ взяли? — *вписан.*
8 желаю, чтоб вы убирались / очень желаю, чтобы вы от меня отстали ◇
10–12 *Текст:* Я в высшем смысле ∾ исступлению — *вписан.*
12 исступлению / волнению ◇
15 теперь-то, кажется, вам / теперь-то бы, кажется, вам бы
17 Значит, одна! / это почему всё р⟨авно?⟩
17 *Слов:* вскричал Липутин — *нет.*
18 знал, что одна / знал это
19 не дождавшись другого / не дожидаясь
19–20 повернул ∾ в темноте / *Начато: а.* повернул налево, через городской *б. Начато:* повернул налево, к городскому выгону и побежал *в.* повернул налево и быстро побежал через поле ◇
23 должна остаться / *а.* должна быть *б.* должна пропадать *в.* должна оставаться ◇
23 *После:* я их... — Десять — пятнадцать таких кучек и мне довольно. ◇
24 *Слов:* Экая дрянь народ, однако! — *нет.*
25 *Против знака главки:* II — *на полях набросок:* — Я уж вас давно ожидаю. Насчет Шатова.
26 и аккуратно / и аккуратно, методически ◇
27 в шесть часов / *а.* в четыре часа *б.* в пять часов ◇
28 ранний экстренный / ранний чрезвычайный ◇
28 приходился / отправлялся
29 пока лишь в виде пробы. / *а. Начато:* не более *б.* ровно две недели назад, да и то в виде пробы, так что наши [порядочно], может, о нем и не знали *в.* пока еще в виде пробы ◇
30–32 хотя и предупредили *наших* ∾ другие / *а.* Впрочем, Петр С⟨тепанови⟩ч возвестил, что он [уда⟨ляется⟩] на время удаляется, будто бы в уезд. Но, как оказалось, намерения его были другие *б.* Петр С⟨тепанови⟩ч, как мы видели [уже], предупредил [их] *наших,* что на

время удаляется, будто бы в уезд. Но, как оказалось впоследствии, намерения его уже и тогда были совсем иные ◇

31 жившему близко от вокзала *вписано.*

36 проникнул опять / и проникнул опять-таки

37 Петра Степановича / его ◇

40–41 откуда-то ∾ из Петербурга) / откудова-то (конечно из Петербурга)

41–42 секретное ∾ опасности / *а.* уведомление, как говорят из Петербурга, о некоторой опасности *б.* одно [таинственное] секретное уведомление [как утверждают у нас теперь] об некоторой опасности ◇

42 *После:* ожидающей. — *а. Начато:* Правда, об этом распространяют у нас теперь, в числе многих праздных ⟨*незачеркнутый вариант:* ложных⟩ легенд о [чрезмерной] [дерзкой] чудесной предприимчивости и чрезвычайных, будто бы тайных и могущественных *б. Начато:* Так утверждают у нас теперь, три месяца спустя, когда правда уже о П⟨етре⟩ С⟨тепанови⟩че *в. Начато:* теперь у нас [когда уже] распространилось слишком много всяких анекдотов и даже легенд о П⟨етре⟩ С⟨тепанови⟩че и его товарищах

42–44 Конечно, ∾ известно что-нибудь / Об этом, конечно, если и известно теперь что-нибудь ◇

45–46 в собственном моем ∾ дела / собственно в моем мнении, что у [П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча] него могли быть где-нибудь дела ◇

Стр. 465.

1 так что он ∾ уведомления. *вписано.*

3–5 у него ∾ курьезные / *а.* у П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча могло быть несколько и кроме нашей, конечно, весьма немного, а если не пятерки, то были крепкие связи и сношения и в Москве и особенно в Петербурге *б.* у него могло быть действительно еще две-три кроме нашей, в столицах, напр⟨имер⟩, а если не пятерки, то связи и сношения, и, может быть, даже очень курьезные и характерные ◇

6 *После:* отъезде — (и это-то я знаю наверное)

7 немедленно заарестовать его / к немедленному заарестованию П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча

8 дела / его дела ◇

9 *После:* страха, — *а.* вдруг овладевшего *б.* и всеобщей потерянности

10–12 и упорно дотоле ∾ многознаменательного / и обществом, по открытии в эти три дня таинственного и многозначительного ◇ *После слов:* три дня — *вписано:* обнаружении

13 восполнившего ∾ нелепостей *вписано на полях.*

14 сопровождавших этот случай *вписано.*

14–15 Но приказ / Но столичный приказ ◇

15 уже тогда / уже ◇

16 пронюхав / узнав ◇

17 *После:* за границу... — где и находится до сегодня

17 я ужасно ушел вперед. / всё это еще впереди

19 хотелось, кроме главного дела / *а.* хотелось *б.* надо было в эту минуту *в.* надо было, кроме главного дела, за которым он пришел *г.* хотелось, кроме главного дела, за которым он пришел ◇

20 с Кириллова / с него

20 выместить / немедленно возместить ◇

20–21 как бы обрадовался / *а.* не привстал с дивана, но как будто обрадовался *б.* как будто даже обрадовался ◇

22 его ожидал / ждал его

22–23 бледнее обыкновенного / бледно

23 *После:* черных глаз — без блеску

24–25 тяжело проговорил ∾ навстречу / *а.* проговорил он *б.* встретил он П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча *в.* тяжело проговорил он из угла дивана, откуда, впрочем, не пошевельнулся навстречу гостю ◇ *Слова:* тяжело проговорил ∾ гостю — *вписаны.*

25–27 Петр Степанович ∾ в его лицо. / *а.* Тот остановился перед столом и

пристально осмотрел его: *б.* П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч остановился перед столом и, прежде [ответив] всякого слова, пристально [о]смотрел его: ◇

28–29 не отступим / *а.* не отступаем *б. Как в тексте. в.* не отступились ◇

29 обидно-покровительственною / *а.* как бы покровительственной *б.* почти обидно-покровительственной *в.* обидно, почти покровительственной ◇

30 прибавил ∾ шутливостью / *а.* быстро и веско продолжал он *б.* быстро и почти шутливо продолжал он *е.* прибавил он почти шутливо

31 вам же три часа подарил / *а. Начато:* несколько ми нут⟩ *б.* вам же три часа [лишних] жизни подарил *в.* вам же лишних три часа подарил ◇

32 от вас / твоих

33 дарить мне... / *а.* дарить... *б.* их дарить.

34 *После:* Петр Степанович — выпуча глаза ◇

35 Э, да мы / *а.* Ого, да мы *б.* Эге, да мы

36 *После:* всё — с педантической ясностью

36 высокомерия / покровительства

36 *После:* высокомерия. — *а.* Это не то *б.* Нет, уж это не то *в.* Признак сомнительный: ◇

37 нужно бы скорее / нужно ◇

38 и мной не обижаться *вписано.*

39 рекомендовал / говорил

41 Это что же ∾ и чай / *а.* Ба, и чай *б.* Комплимент. А впрочем, и чай ◇

42 значит, всё вверх дном. / *а.* Вот беспорядки. *б.* Нет, это уже беспорядки. *в.* Беспорядки!

42 Нет, тут происходит нечто / Тут что-то происходит ◇

43 Да я / я ◇

44–45 до сих пор *вписано.*

45 мы находились / мы были ◇

46 что даже / что

47 молчите / довольно

Стр. 466.

1 совсем почти / *а.* я ведь совсем *б.* совсем ◇

4 и чаю / и чайку

5 устроился за столом / уселся за стол

5 *После:* дивана — в некотором расстоянии от Кириллова

5–6 с чрезвычайною жадностью / с чрезвычайным аппети⟨том⟩

7 каждый миг ∾ жертву / *а.* наблюдал и Кириллова *б.* казалось, каждый миг искоса наблюдал Кириллова ◇

7–8 Кириллов с злобным отвращением / *а.* Тот неподвижно и с ужасным отвращением *б.* Тот с злобным отвращением ◇

9–10 продолжая есть *вписано.*

10 о деле-то / и о деле ◇

10 не отступим / не отступаем

11 определил / рассудил

11 Напишу. / Я напишу. *Далее было:* Всё равно.

— Это прекрасно, но [кроме того вы дали] ведь вы дали и обещание.

— Я сдержу обещание.

— И [превосходно] приняли обязательство?

— Всё равно, молчите. Я плюю на обязательство.

— Впрочем, дело не в словах, а в [бумажке] бумаге. Это вы правы, что всё равно.

14 могло бы / может ◇

16 Не твое дело / Это не твое дело ◇

18 разбрасывали ∾ между прочим / вывезли и разбросали прокламации и главное

19 *После:* в вашей квартире — и только

20 пункт / пунктик ◇

20 важный, самый даже / весьма важен. Самый даже ◇

22 Зачем / Зачем же

23 вам-то / да вам-то

25 где он? / Где он? Не знаете?
26 справиться / *а. Как в тексте. б.* справляться
26 Гм, это неладно / *а.* Эк. Это нехорошо *б.* Эк. Да это неладно
27 Пожалуй, опять пришлет *вписано.*
28 *Фразы:* Петр Степанович забеспокоился. — *нет.*
30 не услышит / не услышат ◇ *Далее было: а.* Пистолета? *б.* Выстрела?
30 запереть бы крыльцо / *а.* запереть бы *б.* запереться бы ◇
31 если придет / воротится
33 не придет / не воротится
33–34 за предательство / за прокламации
33–34 поссорились ∾ нынче вечером / *а.* поссорились и причиною его смерти *б.* поссорились за убийство Федькой Лебядкиных и вечером
36–37 *Слов:* или, лучше, ∾ первый час. — *нет.*
38 И я это вчера предвидел! / *а.* О, я это вчера предузнал! *б.* Я это вчера еще видел. ◇
39 не предвидеть / *а.* не предузнать *б.* не заметить ◇
40 показать / чтоб показать ◇
41 а продолжал держать / а держал ◇
42 человек / господин
42 *После:* Кириллов, — продолжал он, опасливо [на него] поглядывая ◇
42–44 ведь вы сами знали, ∾ предвидеть / Ведь вы сами же знали, что этим кончится, чего тут было [предузнавать] предугадывать ◇
44–45 Шатов готовил донос / *Начато:* У Шатова готов б⟨ыл⟩
45–46 дана была инструкция следить / *а.* дана была инструкция вначале следить за ним *б.* по правде, дана была инструкция, чтоб следить ◇
47 тому... / тому что... ◇
48 Молчи! / Я наплевал на инструкцию.

Стр. 467.

5 еще с утра / давно уже
7 свое оружие / свой револьвер
8 что ты взял револьвер потому / вскричал он, — что ты вынул револьвер, предчувствуя, ◇
9–11 *Против текста:* застрелю тебя ∾ примериваясь — *на полях набросок:* — Мне жаль Шатова. — Да и мне, пожалуй, жаль.
10–11 примериваясь / *а.* пробуя *б.* наслаждаясь мыслию
11 от наслаждения / от удовольствия
12 застрелил / сейчас застрелил ◇
15 *К словам:* Но «маньяк» наконец опустил руку, — *незачеркнутый вариант:* Кириллов наконец опустил руку.
15–16 задыхаясь ∾ будучи говорить / Он задыхался [едва] мог говорить и весь дрожал мелкой дрожью ◇
17 Поиграли / Ну поиграли
18–19 что вы играете; ∾ спустить / *а.* Только вы рисковали: я мог опустить *б.* что в шутку. Только вы все-таки рисковали: я ведь мог спустить ◇ *Далее вписано:* Чувство самосохранения, борьба за существование...
20–21 И он довольно спокойно ∾ рукой / *а.* Он опять уселся на диване *б.* Он опять уселся на диване и налил себе чаю ◇
22 на стол / на окно ◇
22 и вперед / и вперед по комнате ◇
23 и... ничего теперь не напишу / *а.* твердо сказал он и... ничего не напишу *б.* проговорил он наконец и... ничего теперь не напишу ◇
24 бумаги / бумажки
25–26 Не будет? — Не будет. / Ничего? Не будет? — Ничего ◇
27–30 и что за глупость ∾ заставил / *а.* что за глупость. Как хотите, однако. Только я не выйду без результата *б.* [страшно разозлился] позеленел от злости П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч, что за глупость. Как хотите, однако! Я, впрочем, это предчувствовал. Знайте, что вы меня не берете врасплох. Если б я мог вас заставить силой, то я бы заставил ◇
30 *После:* подлец, — что не хотите сдержать обязательств. ◇

30–31 *Слов:* всё больше ∾ Петр Степанович. — *нет.*
32 *Слов:* у нас — *нет.*
34 себе лоб раскроите / *а.* застрелитесь *б.* себе револьвером лоб раскроите ◇
37 схватился опять за револьвер / *а.* схватил опять револьвер *б.* приготовил опять револьвер
39–40 деньжонок добыть ∾ заплатят / чтобы опять с кого-нибудь деньги взять ◇
40 Черт вас возьми / Черт возьми ◇
41 Только не беспокойтесь / Не беспокойтесь
42–44 из этого револьвера ∾ черт вас дери! / если вы сами [струсили и отложили] трусите и намерение отложите. ◇
45 и мою кровь / мою смерть ◇
46 Я не по злобе/ Я ведь не по злобе ◇
47 за наше / за общее
48 *Слов:* сами видите. — *нет.*

Стр. 467—468.

48–8 *Текст:* Я ничего не понимаю, ∾ нельзя. — *вписан на полях.*

Стр. 468.

1 еще прежде меня / свободно и раньше всего
1–2 и заявили об этом / Заявили же вы об этом ◇
3–4 никто из них ∾ откровенничать / а сами вы соткровенничали ◇
7–9 уже никак нельзя / уже нельзя ◇ *Далее было:* Сами же вы выскочили.
8 Вы / И вы ◇
9 Если / Ну если вы
9 отправитесь, / пойдете на всех, так как в том ваша прямая выгода?
10–11 нам и невыгодно ∾ думаете? / для нас и невыгодно. Нет. ◇
11 Нет-с, / Нет-с, вы должны умереть.
11 деньги / и деньги ◇
12 отрицать / теперь уж просто для спокойствия
13–14 Петр Степанович ∾ не слушал / *а.* Кириллов не дослушал *б.* Кириллов давно не слушал ◇
14 Он опять в задумчивости шагал / *а.* Он стал опять шагать *б.* Он в задумчивости шагал ◇
15–16 снова ∾ Петром Степановичем / *а.* вдруг опять останавливаясь и смотря на П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча *б.* внезапно останавливаясь перед П⟨етром⟩ С⟨тепанови⟩чем ◇
18–19 сделав ∾ движение / *а.* топоча ногами *б.* сделав недвусмысл⟨енное⟩ движение *в.* сделав страшное недвусмысл⟨енное⟩ движение к П⟨етру⟩ С⟨тепанови⟩чу
20 вовсе не жаль; / не жаль.
21 опасливо привскочил / К чему реветь! опасливо приподнялся ◇
23 зашагал / *а.* стал ходить *б.* зашагал из угла в угол ◇
24 Я не отложу; / Нет, я теперь не отложу, — сказал он вдруг.
24 хочу умертвить / *а.* убью *б.* хочу убить
26 *После:* идея; — одобрительно [и радостно] подхватил П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч.
26 все подлецы / подлецы ◇
28–29 такой подлец ∾ нигде не было / такой же подлец, как и ты [а не пор⟨ядочный⟩], как все, а не порядочный человек. Его никогда и не было ◇
30–31 Наконец-то догадался. ∾ умом / Наконец-то! Кириллов, я теперь серьезно [я не смеюсь], я уж не смеюсь и не злюсь: неужели вы до сих пор не понимали этой идеи ◇
31–32 что все одни и те же ∾ глупее / *а.* человек есть человек, что все одни и те же, всегда до скончания веков *б.* что все одни и те же, что нет ни лучше, ни хуже, а только есть умнее и глупее ◇
33 впрочем / опять-таки

34 *Над словом:* с некоторым — *вписано:* почти
35 посмотрел / посмотрел на него ◇
35 и просто / и просто говоришь ◇
35–36 Неужто ∾ убеждения / *а.* стало быть, и у тебя могут быть убеждения *б.* стало быть, и у тебя есть убеждения *в.* неужели и у тебя убеждения ◇
38 из твердого / ... Тут что-то о боге... [нам] или как там
43 папиросу / папироску ◇
44 *Фразы:* «Кажется ∾ про себя. — *нет.*
46 *После:* о боге... — история почтенная.
47–48 кажется так / так ли

Стр. 469.

4 и интриган / убийца и интриган ◇
6 разогнать гнев / *а.* отвлечь меня от гнева *б.* разогнать мой гнев
6 помирюсь, упросить / помирюсь с вами, вытащить
7 *После:* Шатова — так ли?
11–12 что ж из этого? И оба вдобавок / И оба
14 вы знаете, что / вы знаете же, что ◇
16 не хотел, чтоб это только слова / *а.* не знал этого *б.* не хотел знать, что это только слова ◇
17 *После:* не хотел — *а.* верить в это *б.* верить и знать *в.* верить про слова. ◇
17 Я и теперь ∾ не слова, / *а.* Каждый день надеялся, что не слова только. Я хочу и теперь надеяться. *б.* Я думал дело и надеялся каждый день. И теперь надеюсь. ◇
19 *После:* комфорта; — вы тоже.
19 Чрезвычайно давно известно / *а.* Давно известно *б.* Черт возьми, давно известно
24 Ну, и прекрасно / И прекрасно
26 Это вернее / *а. Как в тексте. б.* Это вернее, я сам так думаю *в.* Ну вот, это вернее и яснее
27–28 с такими двумя ∾ в живых / с этой двойственной [идеей] мыслью нельзя оставаться жить ◇
29 — Застрелиться, что ли / *а.* — Так из-за этого застрелиться, что ли *б.* Что ж, неужели застрелиться из этого ◇
30–31 что из-за этого ∾ застрелить себя / что из-за этого только, из-за этого одного можно, должно и необходимо [убить] застрелить себя ◇
32 *Слов:* один человек ∾ один — *нет.*
33 и не перенесет. / перенести ◇ *Далее было:* такой лжи.
34 кажется / как будто
36–37 *Слов:* не заметил ∾ по комнате. — *нет.*
38–39 Как? — навострил уши ∾ говорил? / *а.* А! Он вам признавался? — с некоторым любопытством спросил П‹етр› С‹тепанови›ч. *б.* Как! ... а? — встрепенулся вдруг П‹етр› С‹тепанови›ч. — Что ж, он вам сам признавался? ◇
40 Нет, я сам угадал / Нет, я угадал
40–41 *Текст:* Ставрогин если верует ∾ не верует. *вписан.*
42–43 сварливо / неохотно и злоб‹но›
44 за оборотом разговора / за разговором
44 и за бледным / и за бледным [расхажив‹авшим›], шагавшим [по комнате] из угла в угол ◇
45–46 всегда предчувствовал; ∾ шваль народ!» / *а.* всё это был только фокус и пустяк, ну эти душонки! *б. Начато:* всегда предчувствовал, хорошо что не *в. Начато:* всегда предчувствовал, людишки прокля‹тые› *г.* всегда предчувствовал мозговой выверт и нервы и более ничего.◇
45–46 *Текст:* Черт возьми ∾ больше ничего *вписан.*

Стр. 469—470.

45–2 «Черт возьми, ∾ снова. / *а.* Стало быть, наверно застрелится, — сообразил он быстро. *б.* Черт возьми, это что же?
5–6 *Против текста:* Ну, пусть я такой ∾ застрелю — *на полях наброски:*

1. — Давай бумагу. Мне так гадко, что я напишу всё. Подписал, Liberté. —А теперь вы ужасно боитесь, что я не застрелю себя.

— Я всегда [уве⟨рен⟩] был убежден, что вы серьезно. Только я не знаю как п

— Ты последний был со мною.

— Вы потому что в бога не веруете.

— Да потому, что в бога не верю. Стоит того.

— Случай. Если есть бог — то воля его. Если нет бога — то воля моя — и я обязан проявить ее.

— Ну так что ж.

— Да вы бы других

— Неужели из-за этого, из-за того только, что бога нет? — Бог есть. Стало быть есть же. Уверуете. Ну а если есть

— Если бог есть — то его вся воля и из воли его я не могу. Я *должен* заявить свою волю.

— Почему же должен?

— Чтоб не быть пигмеем, как ты *2.* в самом высшем божеском ее проявлении

Стр. 470.

4 и всегда / я всегда

7–8 захочу остаться / *а.* хочу оставаться *б.* захочу оставаться ◇

9 Он еще не мог разрешить / *а.* П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч еще не мог решить в своем уме *б.* П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч еще не мог сообразить ◇

9–22 *Против текста:* еще не мог разрешить ∾ меня покорить. — *на полях было: а.* — Знаете, вот вы уверены, а вдруг он там очутится. *б.* — Ты мне, обезьяна, понравился, что дразнишь, а не льстишь мне.

10–11 *После:* обстоятельствам». — Но он был самолюбив и лично раздражителен, чем часто вредил себе, несмотря на свою бесспорную хитрость в сношениях с людьми.◇

11–13 Но тон ∾ больше прежнего / Тон превосходства и нескрываемого презрения с ним Кириллова всегда раздражал и дразнил его, а теперь почему-то всего больше ◇

13–17 Потому ∾ высокомерия. / *а. Начато:* Мысль, что К⟨ириллов⟩, который застрелится, уже не челов⟨ек⟩ *б.* Может быть Кириллов, который через час, может быть, будет ничто, единственно через свое сумасшествие, казался ему в эту минуту чем-то унизившимся вроде получеловека, которого нельзя не презирать. ◇

18 хвастаетесь предо мной / хвалитесь тем ◇

19–20 Я всегда был удивлен ∾ Кириллов / Я всегда дивился, что люди остаются в живых ◇

22 поддакиваешь / поддакиваешь мне ◇

22 *Текст:* Обезьяна ∾ меня покорить. — *вписан.*

23 не поймешь ничего / этого не поймешь ◇

23 *После:* я бог — [разве] по-твоему это можно вынести?

24–25 Вот я никогда ∾ бог / *а.* Я не понимаю, почему вы-то бог *б.* Вот я никогда не мог понять у вас этого пункта: почему именно вы-то бог ◇

26 Если / Если же

27 обязан / должен

27 своеволие / мое своеволие ◇

28 Своеволие? А почему обязаны / *а.* Почему же должны *б.* Ба, почему обязаны ◇

29 Неужели никто / Неужели можно ◇

30–31 не осмелится заявить ∾ пункте / *а.* не осмелится заявить всего своеволия в самом полном [его проявлении] явлении ◇

31–33 Это так, как бедный ∾ владеть / Это так, как бы кто из бедных, получив вдруг наследство, испугался и не осмелился подойти к миллионам, считая себя недостойным того ◇

33–34 Пусть один, но сделаю / пусть я один осмелился, но я заявлю ◇

35 И делайте / *а.* Ну и заявляйте *б.* Заявляйте ◇

36–37 Я обязан ∾ самому. / — Я кончил бога и [поневоле стал бог] по-

тому обязан [быть] стать богом сам... Я [хочу] должен застрелить себя.

[— Так для чего же] — Неужто только [из этого-то. Да почему же] из этого? Видите, вы говорите, что я поддакиваю. Ей-богу, не могу удержаться и говорю вопросы мне невыгодные. Почему вы [должны] обязаны застрелить себя?

— Потому что самое полное [проявление] явление моего своеволия — это лишить себя жизни. Я и сделаю самое полное. ◇ *Далее было:* ибо обязан к тому.

38–41 *Текста:* Да ведь не один же вы ∽ Петра Степановича. — *нет.*

42–46 Знаете что, ∽ Можно сговориться / *а.* Э, да вы лучше убейте другого кого-нибудь *б.* Да вы лучше убивайте других кого-нибудь ◇

Стр. 470—471.

47–1 Убить другого ∽ Петр Степанович. / *а.* — Это самое низшее проявление воли. Это — весь ты. *б.* — Это будет самым низшим проявлением моего своеволия и это — весь ты. А я хочу самое высшее и это весь я. Я обязан к тому.

— Обязаны-то почему, не объясните? ◇

Стр. 471.

2–8 Я обязан неверие заявить ∽ Петр Степанович. / *а. Начато:* Чтоб заявить мое неверие *б.* Чтоб неверие вполне заявить. Для меня нет выше идеи, что бога нет. Если нет, не понимаю, как будет жить человечество [Он должно], если не переродится в другую форму и тело. История за меня. Человек всегда выдумывал бога, чтоб возможно было ему [ужиться ему] [жить] не убить себя. Я один на земле и во всей всемирной истории не хочу бога выдумывать. Не покорюсь. Я убью себя. Пусть узнают. Я [один на земле] не хочу бога выдумывать [как необходимость]. Я знаю, что нет его — и не хочу [лжи, не хочу обмана. Пусть я один, но я не покорюсь. Я не хочу выдумывать бога] лгать в свою очередь. Если нет его, то я бог и убью себя, ибо без бога быть не могу и сам богом быть не могу. Пусть узнают. Непременно... ибо тогда выше меня нет никого на планете. Не может быть. Наука за меня. Я занимаю и наследую прежнее божие место, а стало быть, я [убью] должен убить себя, ибо без бога быть не могу и сам богом быть не могу, если не проявлю всего своеволия, а в прежнего бога полного не верю. Я убью себя, пусть узнают. ◇

9–10 — Кому ∽ что ли? / *а.* Кто же узнает-то? *б.* Кто же узнает-то: тут я да вы. ◇

11–12 — Всем ∽ сказал / *а.* Все, все. Ничего нет тайного, что бы не сделалось явным. Это *Он* сказал *б.* Все. Ничего нет тайного, что бы не сделалось явным; *Он* сказал

13 *Слов:* с лихорадочным восторгом — *нет.*

14 пред / перед ◇

14 *Фразы:* Петр Степанович ∽ озлился. — *нет.*

15–16 — В *Него*-то, ∽ случай?» / *а.* А, в *Него* все-таки веруете? — вскричал П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч, поневоле увлека⟨ясь⟩ *б.* Ну вот, в *Него* же, стало быть, веруете? и лампадка горит? ◇

17–18 *Текста:* Тот промолчал ∽ попа. — *нет.*

19–20 В кого? ∽ пред собой. / *а. Начато:* в *Него*? Слушай: я также не ве⟨рую⟩ *б.* в *Него*? Слушай: Я ровно в той степени не верую в прежнего бога, в которой *Он* веровал. ◇

19–22 Слушай ∽ другому / Был один день на земле и в середине земли стояли три креста. Один на кресте до того веровал, что сказал другому за веру его ◇

24 *Слова:* пошли — *нет.*

24–25 Не оправдывалось сказанное / Сказанное на кресте [было] оказалось ложью ◇

25–26 Слушай: ∽ жить / Этот человек был высший плод земли ◇

26–27 на ней ∽ сумасшествие. / [человечеством] что на ней и со всем, что было и будет, не стоит одного слова этого человека! ◇
28–29 В том и чудо, ∽ никогда / В этом чудо, что не было и не будет подобного ◇
29–32 А если так, ∽ насмешке / *а.* И вот если с этим случилась ложь, то вся планета стоит на лжи *б.* И вот если уж с этим случилась ложь — если законы природы не пожалели его и заставили даже [его] сказать ложь, верить в ложь и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета стоит на лжи и насмешке ◇
32–33 Стало быть, ∽ водевиль. / Стало быть, самый закон планеты есть ложь, а вся жизнь ее — дьяволов водевиль, если б дьявол был. *Далее было:* А если так, так не лучше ли взорвать всё на воздух и закатить ей такого подшлепника, чтоб всё разлетелось. Не хочу жить. И если я бог — застрелю себя.
34 *После:* человек? — Если ты честный человек, если ты серьезен и велик.◇
35–42 *Вместо:* Это другой оборот дела ∽ Я! — Пусть я один сознал, что я бог [Стало быть выдумывать дуракам бога и обманывать всю жизнь дураков для комфорта, чтоб ездить на них верхом, и сидению моему было мягко сидеть — не хочу того] [Пусть я один против всех — не хочу!]. Но если я бог, я хочу быть как прежний бог, я хочу судить планету, изменить безобразную ложь закона ее, и если нельзя — истребить ее. Но так как я [не могу ее] не знаю, как ее изменить, и не могу истребить, то я бог, хочу истребить себя. Это всё, чем я могу заявить мой протест и мою непокорность, мой атрибут своеволия.

— [И] Разве вы один самоубийца?

— Один. Так как я сознал — я один.◇

42–43 как мог ∽ знать / как можно сознать ◇

Стр. 471—472.

44–15 *Вместо:* и не сознать в тот же раз ∽ свободу мою. — и не убить себя — может только [дурак или дрянь] дрянь, не стоящая быть человеком. Нельзя согласиться на десять или пятнадцать лет жизни, чтобы потом уничтожиться и знать, что потом уничтожишься. Я не могу понять. Да еще в эти пятнадцать лет знать, что нет бога [Я соглашусь тогда, когда я сам стану бог] и выдумывать [его] дуракам бога. Сознать, что нет бога, и не сознать, что сам бог, невозможно. А сознал — покажи атрибут. Мой атрибут — своеволие — я застрелюсь, чтоб показать своеволие.◇

Стр. 472.

16–18 *Вместо:* Лицо его ∽ упадет. — Он был как в горячке, он уже не ходил взад и вперед из угла в угол, как прежде, а как-то кружился. Лицо его было неестественно бледно. [П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч опять с беспокойством смотрел на него] [П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч опять с беспокойством его рассматривал] В лице П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча опять выразилось чрезвычайное беспокойство. Он было тронулся посмотреть часы, но удержал себя. Бумагу! Надо было выманить во что бы ни стало бумагу! А может, человек сойдет с ума и кончит белой горячкой.◇
20 в решительном вдохновении / останавливаясь среди комнаты в каком-то вдохновении ◇
20–23 И что Шатова убил ∽ Верую! / Я докажу тебе, что я хоть и подпишу, но всё тайное станет явным [а ложь станет правдой]. Диктуй, говори. Не боюсь. Я напишу, что убил Шатова... ◇ *Далее было начато:* Петр Степанович подал
21 Диктуй ∽ подпишу. / диктуй что угодно, всё подпишу!

⟨17⟩

Стр. 470.

8 в живых. / в живых? ◇
9–11 Он еще не мог ∽ обстоятельствам». / *а.* П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч еще не мог решить, выгодно или невыгодно в такую минуту продолжать

такой разговор. Но он был самолюбив и раздражителен, чем часто вредил себе, несмотря на свою бесспорную хитрость в сношениях с иными людьми. *б.* П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч еще не мог решить, выгодно или невыгодно в такую минуту продолжать такой разговор. Но как молодой человек он был [податлив на] [обидчив] податлив на обиду [и молодо] [слишком по-юношески], а по молодости редко мог вполне удержать себя, чем часто вредил себе, несмотря на свою бесспорную хитрость в сношениях с иными людьми. *в.* П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч еще не мог решить, выгодно или невыгодно в такую минуту продолжать такой разговор.◇

11–12 Но тон превосходства ∾ раздражал его / *а. Начато:* Тон превосходства и нескрываемого к нему всегдашнего презрения Кириллова и прежде раздражал его, иногда до *б.* Но тон превосходства и нескрываемого к нему всегдашнего презрения Кириллова и прежде всегда раздражал его ◇

13–16 Потому, может быть, ∾ что ему уже / *а.* Может быть, потому, что Кириллов [который], которому через час какой-нибудь предстояло умереть, казался ему теперь чем-то вроде получеловека, чем-то [неу ⟨*не закончено*⟩] унизившимся, которому *б.* Потому, может быть, что Кириллов, которому через час какой-нибудь предстояло умереть (все-таки он это имел в виду), казался ему теперь чем-то вроде уже получеловека, чем-то таким ничтожным, которому ◇

18 *Слова:* кажется — *нет.*

19 Я всегда был удивлен, что все / Я всегда дивился, что люди ◇

22 поддакиваешь / поддакиваешь мне ◇

23 ты не поймешь ничего / ты этого не поймешь ◇

23 *После:* я бог. — *а.* По-твоему, это можно вынести? *б.* Что ж, по-твоему, это можно вынести? *в.* Это надо вынести. ◇

27 и я обязан / и, стало быть, я обязан ◇

27 своеволие / мое своеволие

28 Своеволие? А почему обязаны / *а.* Почему обязаны *б.* Почему же так непременно обязаны *в.* Почему обязаны ◇

29 *После:* моя — и я уже ничем не сдержим.

30 своеволие / свое своеволие

30–31 заявить своеволие / всего своеволия ◇

31 в самом полном пункте / *а.* в самом полном явлении его *б.* в полном пункте

31–33 Это так ∾ малосильным владеть / *а.* Это так, как бы кто из бедных, получив вдруг наследство, испугался и не осмелится подойти к миллионам, считая себя малосильным и неспособным ими владеть *б.* Это так, как бы бедный, получив вдруг наследство и испугался [новой жизни] и не смеет подойти к миллиону, почитая себя малосильным и неспособным владеть ◇

33 своеволие. *вписано.*

33–34 Пусть один, но сделаю / *а.* Пусть я один, но я заявлю *б.* Пусть я один, но я сделаю ◇

35 И делайте. / *а.* Заявите *б.* Заявляйте *в.* Делайте

35 *После:* И делайте. — *а.* Я кончил бога и [стал] потому стал обязан быть богом сам. Я обязан теперь застрелить себя.

— Это еще почему? — не вытерпел П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч. — Видите, вы говорите, что я поддакиваю. *б.* — Я кончил бога и потому стал обязан стать богом сам. Я обязан себя застрелить.

— Это еще почему? — [уже] опять не утерпел П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч, хотя и против своего интересу.◇

36–37 Я обязан ∾ убить себя самому. / *а.* Потому что самое полное проявление человеческого своеволия — это лишить себя самому своей жизни. Я и сделаю первый самое полное. *б.* Потому что самый полный пункт моего своеволия — это лишить себя самому своей жизни. Я и сделаю первый.◇

38 Да ведь не один / Не один ◇

39–40 Но безо всякой ∾ один я / *а.* Но без всякой причины, единственно для акта своего своеволия, — покамест один лишь я *б.* Но без всякой причины, а только для своеволия — один [только] я ◇

41 «Не застрелится ∾ у Петра Степановича. *вписано.*

43–44 — Знаете что ∾ а не себя / *а.* — Экая слава! И какая глупость: вы бы лучше, чтоб показать своеволие [убили другого кого-нибудь], убивали других вместо себя *б.* Знаете что, — заметил он раздражительно, — я бы лучше, чтоб показать своеволие, убил другого кого-нибудь ◇

44 стать / быть ◇

44 Я укажу / Я укажу вам

45–46 *Слов:* Тогда, пожалуй, ∾ сговориться. — *нет.*

47–48 — Убить другого ∾ себя убью. / *а. Начато:* Тогда э⟨то⟩ *б.* Убить другого будет самым низшим проявлением моего своеволия — и в этом весь ты. Я хочу высшего, то есть себя. Я убью себя. Я обязан. Я обязан. *в.* Убить другого будет самым низким пунктом моего своеволия — и в этом весь ты. Я не ты. Я хочу [самого высшего заявления пункта] самый высший пункт [и в этом весь я], — и убью себя. ◇

Стр. 471.

1 «Своим умом ∾ Петр Степанович. / *а.* — Противоречие: то без причины, то своеволие, то обязаны.

— Ты не поймешь. *б.* «Своим умом дошел, — злобно проворчал П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч. Он был бы очень раздражен, если б Кириллов оставил свое намерение, и в то же время он почему-то не мог выносить торжества тона Кириллова.◇

2–8 Я обязан неверие заявить ∾ Петр Степанович. / *а.* Обязан себе и обязал себя сам, чтоб неверие заявить. Для меня нет выше идеи, что бога нет. Но если нет — не понимаю, как останется человечество, не [переродившись] переродив себя в другое тело и [форму] вид. История за меня. Человек всегда выдумывал бога, чтоб не убивать себя. Я один на земле и во всей всемирной истории не хочу выдумывать бога [когда узнав, что нет его], узнав что нет его, ибо все выдумывали. А если нет его, то я поневоле бог, непременно, ибо тогда выше меня нет никого на планете [а боять⟨ся⟩], не может быть, наука за меня. А бояться вакантное место занять слишком низко. Я не могу, не хочу и не должен.

— Значит из гордости?

— Нет, не из гордости, а чтоб самому себе мое неверие заявить и... всем. Пусть узнают раз навсегда. *б.* — Обязан себе и обязан себя сам, чтоб неверие заявить, — шагал по комнате Кириллов. — Для меня нет выше идеи, что бога нет. История за меня. Человек только и делал, что выдумывал бога, чтоб иметь возможность жить, не убивая себя. В этом состояла до сих пор вся история — выдумывать разных богов. Я один на земле и во всей всемирной истории не захотел выдумывать бога. «Рассуждает, рассуждает — ни за что не застрелится», — тревожился П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч.

— Гордости много, — подсолил он опять.

— Нет, не из гордости, а чтоб самому себе мое неверие заявить и... всем. Пусть узнают раз навсегда.◇

9 Кому / Да кому

11 Всем узнавать / Всем ◇

12 Вот *Он* сказал / *Он* сказал ◇

13–14 И он ∾ пред которым / И [он] Кириллов с мрачным восторгом указал на образ Спасителя, перед которым ◇

17 *Фразы:* Тот промолчал. — *нет.*

18 Знаете что, ∾ попа. *вписано.*

19–20 В кого? ∾ пред собой. / *а.* В *Него*? Слушай, — остановился [Кир⟨ил-лов⟩] среди комнаты Кириллов, — я ровно в той степени не верую в прежнего бога, в которой *Он* веровал. И не хвалюсь, а несчастлив [от этого] этим. *б.* В *Него*? Слушай, — остановился Кириллов, — ибо

без бога [быть] я не могу и сам богом быть не могу, если не проявлю всего своеволия. *в.* В *Него*? Слушай, — остановился Кириллов, неподвижным исступленным взглядом смотря [на П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча, слушай] перед собою.◇

21 большую идею / идею ◇

21 был на земле один день / Был один день на земле

21 в средине / в середине ◇

22 *После:* веровал — в прежнего бога ◇

22 *После:* другому — за великодушное слово того ◇

24 ни рая, ни воскресения / ни рая, ни бога

24–25 Не оправдывалось сказанное / *а.* Сказанное на кресте оказалось ложью *б.* На кресте была сказана ложь ◇

25 Слушай / Слушай меня ◇

25–26 высший на всей земле, ∾ жить / *а.* высший и главный плод земли, составлял то, для чего она жила, составляя весь разум и всю цель ее бытия *б.* высший плод земли и главный, составлял то, для чего ей жить, составлял разумную нужду и смысл ее бытия ◇

26–27 Вся планета, ∾ сумасшествие / *а.* Вся планета, со всем, что на ней, что было и что будет, если без этого человека — есть одно сумасшествие *б.* Без этого человека вся планета со всем, что на ней, что было и что будет — одно сумасшествие ◇

28–29 *Ему* такого же, ∾ такого же никогда / *а.* подобного и никогда, даже [чудо] до чуда, ибо в том чудо, что не было и не будет подобного никогда *б.* подобного и никогда, даже до чуда. В том и чудо, что не было и не будет подобного ◇

30 и *Этого* / даже и *Этого* ◇

30 даже чудо свое же не пожалели *вписано.*

30–32 и *Его* ∾ глупой насмешке / даже и *Его* сказать ложь [заставили и его], жить [для] во лжи, верить в ложь и за нее умереть [за ложь] — то, стало быть, вся планета стоит па лжи и насмешке ◇

32–33 самые законы ∾ водевиль / самый закон планеты есть ложь, а вся жизнь ее — дьяволов водевиль ◇ *Далее было: а.* если б дьявол был. *б.* и насмешка.

34 *После:* человек? — Если ты серьезный человек?

35–37 *Текст:* Это другой оборот ∾ ну, а если — *вписан на полях.*

36 смешались / *а.* смешаны *б.* смешиваются

36 а это очень / Это очень ◇

36–37 Но позвольте ∾ бог / *а.* Ну а если вы бог *б.* Ну позвольте, ну а если вы бог ◇

40-41 можно же ∾ понял! / *а.* можно понять, если ты даже понял! *б.* можно же понять мою мысль, если ты даже [ты одолел] понял? ◇ *После:* понял — *вписано:* ее

41 для всех / людей

42–44 как мог ∾ сознать / *а.* прежнего атеиста, не понимаю, как мог он сознать *б.* как мог до сих пор атеист сознать ◇

43 *После:* тотчас же? — Сознать, что нет бога и не убить себя тотчас же, может только паршь человеческая, мышь, не стоящая быть человеком. Неужели согласиться на десять-пятнадцать лет какой-то бессмыслицы [жизни] [с тем чтоб по⟨том⟩] [и занять] с тем чтоб потом уничтожиться, да еще так дорожить этой глупостью, чтобы выдумывать какого-то бога [чтоб обманывать им дураков, для того] для дураков с тем, чтобы ездить на них верхом, а сидению моему было мягко сидеть. Не хочу того

44 45 и не сознать в тот же раз ∾ сам / *а.* и не сознать, что сам бог — невозможно *б.* и не сознать, что сам бог — невозможно. Иначе убьешь самого себя ◇

45 ты / тогда ты

46 себя сам / себя ◇

Стр. 471—472.

45-8 *Текст:* Если сознаешь ∾ отворю. — *вписан на полях.*

46-8 жить в самой главной славе. ∾ отворю. / жить вечно и в неслыханной славе, но первый должен убить себя, ибо надо доказать. Я первый и убью себя, ибо я еще бог поневоле. Я поневоле бог, непременно бог [а коли так] и потому я несчастен, ибо обязан заявить своеволие. Все несчастны, все боятся заявлять своеволие. Человек единственно потому всю жизнь на планете был несчастен, что боялся заявлять всю границу своего своеволия. Я [тоже несчастен] ужасно несчастен [ибо боюсь], ибо ужасно боюсь. Страх — это проклятие человека. Но я заявлю своеволие. Я один начну и кончу и дверь [отворю] отворяю. ◇

Стр. 472.

8 *После:* отворю — Вот что я хочу доказать себе. Я хочу доказать себе, что я бог. Доказав себе, докажу и всем.

8 И спасу. *вписано.*

8–11 Только это одно ∾ никак. / Только это спасет человечество и, может быть, в следующем же поколении переродит его в новый вид физически. Ибо в этом виде, сколько я думал, нельзя быть без прежнего бога. Надо только сознать, всем сознать. Я сознал. А сознал — покажи атрибут. ◇

11–12 Я три года искал ∾ нашел / *а. Начато:* Мой атрибут *б.* Я искал атрибут и нашел

13–14 в главном пункте ∾ мою / *а.* всего выше заявить мою непокорность и свободу мою *б.* всего выше заявить непокорность и новую страшную свободу мою

12–14 *Текст:* Это всё, ∾ свободу мою. — *вписан.*

14 *Фразы:* Ибо она очень страшна. — *нет.*

14–15 Я убиваю себя, ∾ свободу мою. / *а.* Я убью себя, чтоб показать своеволие. *б.* Я убиваю себя, чтоб показать [всю границу моего своеволия] своеволие и всю страшную свободу мою.◇ *Далее вписано:* иначе чем же я докажу, что я бог?

16–18 Лицо его было неестественно бледно ∾ упадет. / *а.* Он был как в горячке. Он уже не ходил из угла в угол, взад и вперед, как прежде, а как-то кружился. П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч думал, что он сейчас упадет. Лицо его было неестественно бледно, взгляд нестерпимо тяжелый. Чрезвычайное беспокойство овладело П⟨етром⟩ С⟨тепанови⟩чем [Он опомнился и подосадовал, что заспорил]; он подосадовал, что заспорил с ним. Бумагу! надо было выманить во что бы ни стало бумагу. А то маньяк сойдет с ума и упадет, пожалуй, в белой горячке. А между тем время шло. П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч тронулся было поглядеть на часы, но удержался. *б.* Он был как в горячке. Лицо его было неестественно бледно, взгляд нестерпимо тяжелый. Он уже не ходил из угла в угол, взад и вперед, как прежде, а как-то кружился. П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч подумал было, что он сейчас упадет [П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч] Он осторожно взвел курок револьвера. Что Кириллов не застрелит себя, стало для него аксиомой, а потому он приготовился с ним [расправиться] окончить сам. Время шло, нельзя было медлить. [А между тем маньяк пожалуй тотчас же мог упасть и даже не застрелиться. Главное что время уходило]. Кроме того, он мог упасть сейчас в белой горячке.◇

20 Диктуй, всё / Диктуй что угодно — я всё

21–23 Диктуй, пока мне смешно. ∾ Верую! / *а.* Я хочу. Сам увидишь, что всё тайное станет явным, несмотря на то что я подписал. Диктуй, говорю; мне смешно: не боюсь подлецов и рабов. Презираю... презираю. *б. Начато:* Хочу. Сам увидишь, что всё тайное станет явным. Если нет, если ложь и тут — так стоит ли церемониться. Не хочу церемониться, плюю. Диктуй, говори, мне смешно. Не боюсь подлецов и рабов. Сам увидишь, что всё тайное станет явным [что бы я ни написал], хоть бы я написал. Хоть я и *в.* Хочу. Диктуй, пока мне смешно. Не

боюсь высокомерных рабов. Не боюсь мнений. Сам увидишь, что всё тайное станет явным, а ты будешь раздавлен. Верую, верую! ◇
21–38 схватился с места ∾ Петр Степанович / *а.* П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч мигом [наш⟨ел⟩] подал чернильницу и бумагу. Это много развязывало. Он стал диктовать, торопясь, дрожа за успех и ловя минуту: «...Я, Алексей Кириллов, объявляю...»

— Кому, кому объявляю? — [пр⟨ервал⟩] лихорадочно [тотчас же] прервал Кириллов. Он весь был в лихорадке, внезапной и непостижимой, и трясся. Перо тряслось в его руке. Объявление, которое он писал, казалось, вдруг поглотило его как какой-то новый исход, в который хоть на время бросилась сдавленная [ст⟨рашным⟩] железным кругом ужасной теории [неподвижной идеи], ужасной безысходной теории.

— Кому объявляю, я хочу знать кому?

— Никому, всем; первому, который прочтет, [всему] к чему начальство? К чему определенность? [Миру] Всему миру, а не начальству.

— Браво; именно так. Но я не хочу раскаиваться, я не напишу, что раскаиваюсь!

— Разумеется нет, разумеется нет. *б.* П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч мигом схватился с места и подал чернильницу и бумагу и стал диктовать: «Я, Алексей Кириллов, объявляю...»

— Кому объявляю, кому объявляю? Кириллов трясся как в лихорадке. [Идея] Мысль об объявлении [которое он бросился писать], казалось, вдруг поглотила его всего как какой-то новый исход, в который стремительно и радостно ударился [сдавленный] дух его [сдавленный до предела], измученный [намерением] неизбежностью ужасного решения.

— Кому объявляю, хочу знать, кому?

— Никому, всем, первому, который найдет и прочтет. К чему определенность? Всему миру, а не начальству.

— Всему миру? Браво, браво, я не раскаиваюсь, не надо раскаяния, не напишу, что раскаиваюсь!

— Да нет же, нет. Да пишите же, иначе ведь не кончим. *Против текста:* — Кому объявляю ∾ неизбежностью ужасного решения — *справа на полях заметка:* чтоб поверили, надо не всё сказать. Надо показать вид, что хотел утаить половину. Федька — это пожар. Они станут думать — думать [догадки] и совсем отвлекутся, собьются с дороги. *в.* П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч мигом подал чернильницу и бумагу и стал диктовать: «Я, Алексей Кириллов, объявляю...

— Стой, кому объявляю? кому объявляю?

Кириллов трясся как в лихорадке. Это объявление и какая-то особенная внезапная мысль о нем, казалось, вдруг поглотила его всего. [Как будто какой-то новый исход, в который стремительно ударился [измученный дух его] [дух его] неизбежностью измученный дух его, чтоб хоть на минуту]

— Кому объявляю? Я хочу знать, кому?

— Никому, всем; первому, который найдет и прочтет. К чему определенность? Всему миру! а не начальству.

«Всему миру» — поправился, как и рассчитывал П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч.

— Всему миру? браво! — [вскричал] крикнул Кириллов, — и не надо раскаяния.

— Да нет же, не надо, да пишите же, если вы серьезно!.. [«С маньяком] даже с некоторою строгостью прикрикнул П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч. *г.* П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч схватился с места и мигом подал чернильницу и бумагу и стал диктовать, ловя минуту и трепеща за успех: «Я, Алексей Кириллов, объявляю... — Стой, не хочу, кому объявляю?

Кириллов трясся как в лихорадке. Это объявление и какая-то особенная внезапная мысль о нем, казалось, вдруг поглотила его всего.

— Кому объявляю? Я хочу знать, кому?

— Никому, всем; первому, который найдет и прочтет. К чему определенность? Всему миру!

— Всему миру? Браво! — и не надо раскаяния. Не хочу, чтоб раскаиваться. И не хочу начальству.

— Да нет же, не надо, зачем начальство, да пишите же, если вы серьезно!.. [почти] истерически прикрикнул П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч. Он тоже был немного не в себе. ◇

39 я хочу ∾ языком. / Я хочу [нарисовать] сверху рожу с высунутым языком, или — ах, еще лучше!..

И он быстро [нарисовал] [тремя чертами нарисовал] начертил в фронтиспис один пакостный предмет. ◇

40–41 И без рисунка ∾ выразить / *а.* и в словах можно выразить то же без рисунка *б.* и без рисунка можно выразить то же

42 Тоном ∾ Диктуй тоном / *а.* Именно, именно тоном! диктуй этим тоном *б.* Тоном? Это хорошо. Именно, тоном! Тоном! диктуй этим тоном ◇

44 Кириллова / к Кириллову ◇

45–46 которую тот выводил ∾ Кириллов, *вписано на полях.*

46 сегодня... октября / *а.* сегодня (число) *б.* сегодня 3-го октябр⟨ря⟩ ◇

47 за / за его ◇

Стр. 473.

1 десять дней / *а. Как в тексте. б.* восемь дней *в.* все д⟨ни⟩

5 и с негодованием / *а.* с сожалением и почти с негодованием *б.* и почти с негодованием ◇

5 воскликнул / *а.* прокричал *б.* повернулся к нему

7 махнул / в восторге махнул

8 вырвать / выдернуть

8 у него / из рук Кириллова ◇

9–10 крепко наложил ∾ Федька / вздор всё это. Какой парк, тут нет парка. Чем убил, с кем убил? Зачем Федька

10 *Слова:* стой — *нет.*

11 изругать хочу, тоном, тоном! / *а.* и еще изругать. Написать и изругать, наплевать. А не вздор. *Под словами:* А не вздор — *вписано:* не вздор и не вздор. *б.* и еще изругать. Написать и изругать. А не вздор. Надо тоном, тоном. ◇

14 именно так / именно так, как тут ◇

15 *К слову:* намеками — *отнесена запись на полях:* Коли лгать, берегись подробностей!

16 Всегда сами себе налгут / Тогда сами налгут ◇

17–18 а ведь это ∾ лучше! / *а.* Надо, чтоб на время совсем их сбить с толку... вот что надо. *б.* Вот и наша взяла, ведь это-то и всего лучше, всего лучше. ◇

12–20 — Довольно, Кириллов, ∾ бумагу. / *а.* — Довольно, Кириллов, уверяю вас, что довольно! — почти умолял П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч, трепеща, чтоб [он] маньяк не разодрал бумагу. — [Слу⟨шайте⟩] Чтоб поверили, надо как можно темнее, именно так, как тут. В городе нет парка, стало быть, в ставрогинском. Пока будут решать, пройдет время, искать-то опять время, а того-то и надобно. Надо только, чтоб в главном была правда, а в подробностях путаница невыразимая. Поссорились между прочим за Федьку, а Федька здесь квартировал. Этот факт они скоро проверят: а [ведь] что такое Федька, зачем здесь [тут] жил Федька? Ведь Федька и пожар, и образ, и Лебядкины... Значит, и вы с Шатовым тоже. Значит, всё отсюда, из дому филипповского вышло: это их совсем собьет с толку и отвлечет. Ясным подробностям скорей не поверят, да и мы профальшивим. [А утаишь] [Коли лгать, берегись подробностей, но непременно, чтоб половина правды была] Коли лгать, первым делом половину правды скажи, тогда вторую [половину] верти как хочешь. Начнут думать — думать и совсем собьются с дороги! А того-то и надо! Великолепно, великолепно! Надо, чтоб на время совсем сбить их с толку. Давайте, великолепно и так! давайте, давайте!

И он всё старался вырвать бумажку, на которую Кириллов крепко наложил всю свою левую ладонь. *б.* — Довольно, Кириллов, уверяю вас, что довольно, — почти умолял П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч, трепеща, чтоб он не разодрал бумагу. — Чтоб поверили, надо как можно темнее, именно как тут. Коли лгать, берегись подробностей. Надо только половину несомненной правды, тогда и все начнут думать и сами налгут лучше нашего. Надо правды только уголок показать, ровно настолько, чтоб их раздразнить [Начнут дум⟨ать⟩]. Тогда сами налгут лучше нашего, — болтал он выпучившему глаза и не совсем понимавшему маньяку. — В городе нет парка, стало быть, в ставрогинском, пока будут решать — пройдет время, пока искать — опять время, а того-то и надобно. Кончат тем, что отыщут в пруде — значит, правду [сказал] написал — значит, всё правда. Значит, и про Федьку правда. Это их потрясет. Федька — это пожар, это Лебядкины... Значит, всё отсюда из дому Филипповых. Опять им задача. Эта уж их совсем собьет с толку и [а того-то и надо] отвлечет. [Мне на подробности] Коли лгать, берегись подробностей. Коли первыми делать половину правды ложью, тогда вторую верти как хочешь.

И он всё старался вырвать бумажку, на которую Кириллов крепко наложил всю свою левую ладонь.

20 Кириллов / Он сидел и

21 и как бы старался ∾ переставал / трещавшего над ним П⟨етра⟩ С⟨тепановн⟩ча. Кажется, он перестал

25 пробормотал / бормотал

25–26 однако взял перо / Я непременно

26 и подписался / и подписал ◇

27 и довольно / вот и довольно ◇

28 заревел от восторга Кириллов / заорал в восторге Кириллов, это [еще] лучше, чем изругать ◇

30 не так / не так, не так ◇

30–32 Вот это лучше ∾ имени / написал он с наслаждением под подписью своего имени ◇ *Над словами:* написал он — *незачеркнутый вариант:* Это лучше [чем] всякой похабщины.

30–32 *Против текста:* Liberté ∾ имени — *на полях вписано:* Нет, нет, нет, нет, нашел, всего лучше. «Эврика! gentilhomme russe ⟨русский дворянин (*франц.*)⟩

33 всё повторял Петр Степанович / *а. Начато:* немедля *б. Начато:* сказ⟨ал⟩ *в. Начато:* прибавил *г.* Это лучше ругательства, — повторил Петр Степанович. ◇

34 еще / еще, еще ◇

34 Я, знаешь, подпишу / Я подпишу ◇

34–35 *После:* по-французски: — ведь это лучше всякой похабности, г⟨- - -⟩ еще будет ◇

36 Ха-ха-ха! — залился он хохотом / Ха-ха, лучше всякой виньетки [ведь это ум⟨нее?⟩] [лучше] хуже г⟨- - -⟩. Да давайте же, давайте ◇

36–38 Нет, нет ∾ вскочил он / *а.* Стой, не прибавить ли civilisé? Citoyen du monde civilisé? ⟨цивилизованный. Гражданин цивилизованного мира (*франц.*)⟩ [Нет вздор] Аль не надо? Просто citoyen du monde. ⟨гражданин мира (*франц.*)⟩ Вот, на, бери, — встал он *б.* Стой, стой! Не написать ли séminariste russe, bientenu gentilhomme ⟨русский семинарист, помещик ⟨?⟩, дворянин (*франц.*)⟩, нет уж лучше gentilhomme, шиковатее. Стой, нашел: gentilhomme — séminariste russe, citoyen du monde civilisé ⟨дворянин — русский семинарист, гражданин цивилизованного мира (*франц.*)⟩ Это [всего] лучше. Потому что правда, правда. Лучше похабщины. Ну вот. На, бери! *в.* Стой, еще лучше séminariste russe bientenu ⟨?⟩ gentilhomme, нет уж оставить gentilhomme. Стой нашел: «gentilhomme — séminariste russe, citoyen du monde civilisé». На, бери, бери, — встал он. ◇

38–40 с дивана ∾ притворил / с дивана и вдруг быстрым жестом схватил

с окна револьвер и [вышел] выбежал, не оглянувшись, в другую комнату, плотно притворив ◇

40–41 *После:* Петр Степанович — *было: а. Начато:* внимательно *б.* — Не входить! — крикнул он из

41 *Слов:* глядя на дверь. — *нет.*

Стр. 474.

2 ничего не будет / плохо ◇

3 *Слова:* снова — *нет.*

5 «Чего же / Чего ◇

7 в Скворешниках / в ставрогинском ◇

7 Пока будут доходить / *а. Начато:* Пока *б.* А пока будут решать ◇

7 *После:* время, — а того-то и надо.

9–10 А что такое Федька? ∾ пожар / *а.* А что такое Федька? *б.* Ведь Федька *с.* А Федька ◇

10 *После:* Лебядкины — это копчунство с образом ◇

12 а они-то всё проглядели, ∾ закружит / и проглядели, и просмотрели. Это уж их совсем закружит, собьет с толку. Того и надо

13–14 Шатов ∾ да Лебядкин / а начнут о том

14–15 вот еще им вопросик. / вот еще вопросик для них! ◇

16–17 *Фразы:* Он хоть и читал ∾ озлился. — *нет.*

17–19 Тревожно взглянул ∾ ушел... / *а. Начато:* Он вдруг привскочил и поглядел на часы, было очень поздно. Минут десять, как уж тот ушел. Это его *б.* Он поспеш⟨но⟩ поглядел на часы, было ужасно поздно и минут десять, как он ушел. В один миг это его разозлило. ◇

19 Схватив свечку, он направился / Он схватил свечку и [заметил] [пошел] направился потихоньку ◇

20 затворился / заперся

20 ему как раз / ему ◇

21 что вот / что ◇

21 на исходе / догорает

21 и минут через двадцать / через полчаса

21–22 совсем догорит, а другой нет / догорит наверно, а другой в комнате нет ◇

22–26 Он взялся ∾ мертвая тишина. / Он [тихо] осторожно взялся за руку ⟨*незачеркнутый вариант:* за замок⟩. Из комнаты не слышно было ни малейшего звука. [Он] Отпер дверь и приподнял свечу. Вдруг что-то заревело и бросилось [к нему] на него. Он быстро притворил опять дверь и опять всё утихло за дверью. ◇

27 Долго стоял ∾ со свечой / Он стоял в нерешительности со свечкой ◇

27–31 В ту секунду ∾ раньше Кириллова. / Он стоял в нерешительности со свечкой в руке. В [одну] секунду ту он очень мало отворил и ничего не успел [разглядеть] рассмотреть, но, однако же, видел мельком Кириллова, стоявшего в глубине комнаты у окна, и видел зверскую ярость, загоревшуюся в глазах его, и как он вдруг к нему [только что он успел отворить дверь] бросился. «Ба, да ведь он бросился на меня и заревел», [— мелькнуло в голове П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча и он] — и П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч быстро поставил свечу на стол, взвел курок револьвера и [отошел] отскочил на цыпочках в противуположный угол комнаты, так, чтоб Кириллов, если отворит дверь и первым жестом устремится с револьвером к столу, натурально надеясь найти его там, где [они оба] сидели [давеча], то [П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч] он успеет еще [поднять револьвер] прицелиться и спустить курок прежде Кириллова. ◇

35 В самоубийство ∾ не верил! / *а.* Теперь уж он в самоубийство Кириллова совсем не верил. *б.* В самоубийство Кириллова он уже совсем теперь не верил. ◇

36 проходило, как вихрь / *а.* размышление съест решимость», мелькало *б.* тут уж кончено всё», мелькало ◇

37 страшная комната / комната ◇

39–40 или... или ∾ как бы / или... он обдумывал как ◇

40 Да, ∾ обдумывал... / *а.* Это вернее. *б. Начато:* Второе *в.* Да это так ◇
40–41 Он знает / Он ведь знает ◇
41 не убив его / и убью его
42–43 И опять ∾ даже: / Опять там тишина; подозрительно; ◇
45 Этих / Эти
45 много / их много ◇
45–46 Этих ∾ Сволочь! — *вписано на полях.*
46–47 непременно... Надо кончить ∾ кончить... / *а.* Надо кончать. *б. Начато:* Во что б⟨ы⟩ *в. Начато:* Как-нибудь *г.* Непременно надо кончать. Надо кончить.◇
48 бумагой / бумажкой

Стр. 475.

1–2 Его можно ∾ в руке / *а.* Я его так сложу на полу с разряженным револьвером *б.* Можно его так сложить и приладить его на полу с разряженным револьвером ◇
2–3 Ах черт, как же убить? / *а.* Да, но надо убить. Он так подв⟨едет?⟩ *б.* Да, но как убить? *в. Начато:* Все это так *г.* Да, но как убить? ◇
5–6 Так мучился ∾ нерешительности / *а. Начато:* Трепеща в недоумении *б.* Мучаясь и трепеща *в. Начато:* Трепеща опять от неизбежности и от своей нерешительности
6 Наконец взял свечу / *а.* Взял, однако, свечу *б.* Он взял свечу ◇
7 приподняв и приготовив револьвер / *а.* на всякий случай высоко держа револьвер *б.* на всякий случай приподняв револьвер ◇
8 на ручку замка / на замок
8–9 Но вышло ∾ и скрип / *а.* Но ручка не сейчас подалась, произошел звук и треск *б.* От этого вышло неловко: ручка не сейчас подалась, произошел предупредительный звук ◇
7–12 *Против текста:* левою же рукой ∾ не было — *на полях вписано:* Так как правая рука была с револьвером, то левой, в которой была свеча, он налег на ручку замка. Высоко, неловко: [произошел звук], ручка щелкнула, произошел звук и скрип: ◇
10–12 Изо всей силы ∾ не было / и он быстро [приотворил] толкнул ногой дверь и вмиг поднял над собой свечу и [перед собой] револьвер. [Ни звука, ни крика] Но ни ожидаемого выстрела, ни крика... в комнате никого не было ◇
13 Он / Петр С⟨тепанови⟩ч ◇
13 Компата / Комната, однако
13 *После:* непроходная — он знал это
14 больше / повыше ◇
14–15 вгляделся внимательно / осмотрелся самым внимательным образом
15 Вполголоса он окликнул / Он шагнул [в комнату] через порог и вполголоса окликнул ◇
16 громче / сильнее
17 *После:* убежал?» — мелькнуло у Петра С⟨тепанови⟩ча
18 отворена была / отворена ◇
18 «Нелепость / «Вздор ◇
19 Петр Степанович прошел / Он прошел один
20–21 обернулся / оборотился
21 что-то необычайное сотрясло его / что-то ужасное [вдруг как бы] сотрясло и поразило его
22 У / На
22 стены / стены комнаты ◇
22 от двери / от дверей ◇
22 шкаф / тяжелый большой шкаф
23 *После:* шкафа — *а.* ближе *б.* между шк⟨афом⟩
25 приподняв голову / *а.* прижав голову *б.* поджав голову
26–27 казалось ∾ спрятаться. *вписано на полях.*
27 и спрятаться / спрятаться ◇
27 прятался / спрятался

28 поверить / *а.* поверить тому. Это было странно и почти страшно *б.* поверить тому ◇

29 фигуры / *а.* его фигуры *б.* прятавшегося маньяка *в.* прятавшейся фигуры ◇

30 Он всё еще / *а.* Но он *б.* Но он в первую минуту ◇

30–31 разглядеть всего ∾ биться... / *а.* осмотреть. Он не [мог] решался даже тронуться с места. Прошла минута или две. *б.* осмотреть его всего. *в. Начато:* разом увидеть *г. Начато:* разглядеть всего Кириллова разом *д.* разглядеть всё разом. Сердце его начало сильно биться.

32 И вдруг ∾ бешенство / *а. Как в тексте. б.* И вдруг совершенное бешенство захватило ему дух ◇

33 *Слова:* закричал — *нет.*

33 к страшному месту / к Кириллову

34 как вкопанный / неподвижно

34–35 *Слов:* еще более пораженный ужасом. — *нет.*

34–38 как вкопанный, ∾ восковая. / *а.* как вкопанный, и опять мороз мгновенно [прошел] [пробе⟨жал⟩] пробежал по его спине. [Свечка дрожала] [Подсвечник задрожал в его руке и он ед⟨ва⟩] [Его] Главное, поразило то, что фигура даже не пошевелилась. Это была как бы окаменевшая совсем фигура [или лучше как восковая] — [Несмотря] [от его набега], точно неодушевленная, восковая. В самом деле, совсем как восковая. [1]

Но он опять остановился. Его пор⟨азило⟩ [главное], что тот не сдвинулся с места *б.* Его поражало то, что фигура даже не пошевельнулась, фигура продолжала стоять совершенно неподвижно как неодушевленная, как восковая. ◇

38 *К фразе:* Бледность ∾ неестественная — *на полях незачеркнутый вариант:* Только лицо было очень бледно.

38 лица ее / лица ◇

39 в какую-то / в другую

40–41 *Фразы:* Петр Степанович провел ∾ лицо. — *нет.*

41–43 Он вдруг заметил ∾ наблюдает. / *а. Начато:* Но П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч вдруг заметил, что Кириллов хоть и смотрит перед собою, но искоса видит его и даже, может быть, наблюдает. Он очевидно мог видеть П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча и наблюдал его, но прямо на него не смотрел. Но заговорить или толкнуть он все-таки не решался, он только [В один миг он] [В один миг П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч *б.* И, однако, он вдруг заметил, что тот хоть и смотрит куда-то перед собою, а не на П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча, но искоса видит его и даже, может быть, наблюдает. П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч провел свечой сверху вниз и опять вверх, освещая со всех точек и разгадывая это восковое лицо. ◇ *К фразе:* П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч провел ∾ лицо — *на полях заметка:* не решался спросить, а водил свечой.

43–44 Тут пришла ему мысль ∾ мерзавца» / Ему пришло на мысль поднесть огонь прямо к носу [поджечь его] Кириллова ◇

45 *К слову:* сделает — *относится фраза на полях*: он только начал подносить

46 насмешливая улыбка / улыбка ◇

47–48 Он задрожал ∾ схватил / *а.* Бешенство вновь овладело им. Он крепко схватил *б.* Бешенство вновь внезапно и неудержимо овладело им и вновь злобно и крепко схватил *в.* П⟨етр⟩ С⟨тепанович⟩ вновь злобно и крепко схватил *г. Начато:* П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч задрожал и неистово *д.* П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч задрожал и вдруг крепко схватил ◇

48 *После:* плечо. — Проклятый маньяк!.. ◇ Далее было: *а.* Совсем ты с ума сошел или нет? *б. Начато:* прокричал

---

[1] *К тексту:* как вкопанный, ∾ восковая. — *относятся фразы, начатые на полях:* [Его конечно поразило то] [Он] Несмотря на крик и на бешеный налет ⟨*К слову:* налет — *в левом верхнем углу листа вариант:* наскок⟩ его, Кириллов даже не двинул ни одним членом.

Стр. 476.

1–3 *Слов:* Затем произошло ∽ порядке. — *нет.*

3–6 Едва он дотронулся ∽ своей левой руки. / *а. Начато:* Но он не договорил, — почти в то же мгновение как он дотронулся рукой до Кириллова *б. Начато:* Но он не докричал — только что он дотронулся до плеча Кириллова, как тот *в. Начато:* Но тут случилось вдруг *г.* Почти в то же мгновение как он дотронулся до плеча Кириллова, тот быстро двинул головою и руками вперед; выбитая из рук свеча полетела на пол и мгновенно потухла, и в тот же миг [в темноте] он почувствовал, что Кириллов [изо всей силы] больно укусил ему мизинец левой руки.◇

7–9 Он закричал, ∽ Кириллова / Он [изо всей силы] закричал и [помнил [что] только] вне себя три раза изо всей силы ударил [кулаком] [рукой] револьвером по голове [нагнувшегося и] припавшего к нему Кириллова◇

9–11 Наконец палец ∽ дорогу / *а.* Но палец он как-то все-таки наконец вырвал и бросился бежать как без памяти, ища дорогу в темноте наугад *б.* Наконец палец как-то вырвался и П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч бросился бежать сломя голову, ища в темноте дорогу◇

11–13 Вослед ему ∽ Раз десять. / *а.* страшный троекратный крик Кириллова прозвучал ему вслед. *б.* ему вслед из комнаты Кириллова летели страшные крики: вспомнилось потом, что тот прокричал несколько раз сряду: Сейчас, сейчас, сейчас, сейчас.◇

13–14 Но он всё бежал ∽ выстрел / *а.* Но П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч не понимал. Он уже выбежал в сени и затем на крылечко; но тут [не смотр⟨я⟩], вспомнив вдруг об объявлении, быстро вернулся, сам еще не зная хорошо для чего. И только что переступил порог первой комнаты, где пили чай, вдруг из другой комнаты раздался выстрел *б.* Но П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч не остановился. Он уже выбежал было в сени и на крылечко, как вдруг из комнат раздался выстрел◇

14–16 Тут он остановился ∽ в комнаты / П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч остановился и подумав [с секунду] [воротился] [мигом воротился] [вернулся назад в первую], вернулся назад◇

16 Но надо / Надо ◇

16 Стоило отыскать / Конечно сходить в другую комнату и отыскать◇

18 огарок / его◇

18 В уме его вдруг ∽ воспоминание / В загоревшемся уме П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча [как раз мелькнуло] вдруг промелькнуло одно темное представление◇

19 ему припомнилось, что / *а. Начато:* Ему как *б.* Ему вспомнилось, что *в.* Ему как бы представилось [что] вновь, что *г.* Ему вдруг припомнилось, что ◇

19–20 чтоб наброситься / и набросился◇

20 *После:* Федьку — *начато:* в глаза

20–21 заметил мельком ∽ спичек / видел большую цилиндрическую красную коробку спичек◇ *Далее было:* Она мелькнула перед ним теперь вновь, как и вчера, и хотя вчера он не обратил на нее ни малейшего внимания, но теперь она ярко ему представилась.

22–23 к кухонной ∽ по лестнице / к дверям, отворил их, прошел тесные сенцы и, найдя лестницу [осторожно] [и не торопясь], спустился в кухню◇

24 припомнилось / представилось◇

24 в темноте / рукой◇

25–28 Не зажигая огня ∽ боль. / *а. Начато:* И не зажигая [поспешно вбежал], воротился он на [лестницу] верх, пробежал первую темную комнату и [тут] только [вступив опять] добравшись *б.* Не зажигая, поспешно воротился он наверх, пробежал первую темную комнату, где стоял чай, и только уже вбежал во вторую, уже около шкафа, на том месте, где он бил револьвером Кириллова, он вдруг в первый

раз после бегства ощутил чрезвычайную, нестерпимую боль в своем укушенном левом мизинце.◇

29–31 он кое-как ∾ труп Кириллова. / [он] и кое-как достав из коробки спичку, он засветил ее [и сперва], поднял с полу подсвечник, [аккуратно] зажег огарок и уже тогда осмотрелся [в комнате] кругом. [В правом углу близ окна] Близ окошка ногами в правый угол комнаты лежал [Кириллов] труп Кириллова. [Он подошел и подробно осмотрел его] П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч аккуратно осмотрел его.◇

33 Виднелись / *а.* Мелькнули мозг *б.* кругом виднелись

33–34 Револьвер оставался ∾ самоубийцы / *а.* Пистолет все еще был в руке Кириллова *б.* Револьвер оставался в руке Кириллова◇

34–35 должна была произойти / произошла почти

36 и вышел / вышел◇

38 не может / не могла◇

39–42 Взглянув еще раз ∾ за собою. / Затем взял документ, еще раз [прогля-дел] оглядел его, усмехнулся, положил на стол и всё почему-то на цыпочках вышел из флигеля [и через Федькин ход пролез, раз его не заделал]. Он пролез опять через Федькин ход, но на этот раз для чего-то его не заделал.◇

43 *Знака главки:* III — *нет.*

44 без десяти минут в шесть часов / *а.* без четверти пять *б.* без десяти минуть в пять◇

44 *После:* дороги, — у довольно

Стр. 477.

1 Кладь была сдана / *а.* Чемоданы были сданы *б.* *Начато:* Кладь *в.* Чемодан был уже отдан◇

2 *К слову:* выбранное — *незачеркнутый вариант:* избранное

2–3 уже прозвенел, ждали второго / *а.* уже давно отдан и ожидали второй *б.* уже давно прозвенел и ждали второго◇

3 открыто / смело и открыто

4 пассажиров / и усаживавшихся пассажиров◇ *Далее было:* Народ был деловой

5 не встретилось / не встретил

5–7 всего лишь ∾ отъезжавшему / раза два он кивнул головою сперва одному купцу, которого знал как-то очень отдаленно, и потом одному молоденькому деревенскому священнику, отъезжавшему недалеко◇

8 Эркелю, видимо / По-видимому, Эркелю

8–9 в последние минуты поговорить / в последнюю минуту что-то сказать◇

9–10 поважнее ∾ начать / *а.* поглавнее, но так как он сам хорошо не знал, о чем, то и не начинал *б.* поглавнее, но так как он и сам не знал, о чем именно, то и не смел начать◇

11–12 Ему всё казалось ∾ звонков / *а.* *Начато:* К тому же он слишком ясно замечал, что П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч [ходит с ним несколько] [как будто с ним] *б.* К тому же он с печалью заметил, что П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч чем далее тем более тяготится с ним и с нетерпением ждет звонка◇

13 смотрите / глядите

14 заметил он ∾ предупредить / *а.* предупредил вдруг Эркель *б.* заметил было Эркель◇

15 *После:* прятаться — да и зачем?

15 Рано / Если даже и на худой конец, то слишком рано

16–17 чтобы не наслал ∾ прибежит / чтоб не прибежал Липутин◇

21 *После:* Петр Степанович — все.

22 *После:* Вздор, — с досадою оборвал П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч

24 потеряет / потерял

26 и потому ∾ его рассердило: / но на замечание Эркеля он почти рассердился.

27 и вы, Эркель / *а.* вы, Эркель *б.* и вы◇

27–28 на всех их, надеюсь / на всех [их] надеялся◇

28 *Фразы:* Я теперь увидел, ∾ стоит. — *нет.*

29 сегодня же / завтра же

31 станут способны выслушать / будут способны слушать ◇

32–33 потому что ужасно струсят / струсят ужасно ◇

33 *После:* воск... — *а.* Притихнут и притаятся *б.* Притаятся

34 вы-то / вы-то, вы-то

36 я только / я ◇

37 осторожно / осторожнее

42 так далеко уезжаю / еду

42 не испугать / не испугать их ◇

42–43 *Фразы:* Вы видели сами ∾ были. — *нет.*

45 *Слов:* как полагает какой-нибудь Липутин — *нет.*

46–47 да хотя бы ∾ я пойму / я пойму, хотя бы [вы] и за границу, — с жаром [подхватил] высказывался Эркель, — я ведь понимаю ◇

Стр. 478.

1 У бедного мальчика ∾ голос / У него загорелись глаза и голосок задрожал

1 голос / голосок ◇

2–3 больной палец тронули / *а.* сжали больной палец *б.* больно тронули палец

3 неловко пожал / хотел пожать

3 больной палец / Палец ◇

5 говорю еще раз / говорю ◇

6 всего только / через

6 *После:* сюда. — Если они полагают в чем-нибудь опасность, то я первый во главе пойду разделить ее.

6–7 Воротясь, я / И ◇

7–8 *Фраза:* Если они полагают ∾ разделить ее. — *вписана.*

9 Если же / *а.* Но если *б.* Если, впрочем,

9 то в тот же миг / то немедленно ◇

11 Раздался / Прозвонил

12 всего пять минут / пять минут ◇

13 чтобы ∾ рассыпалась. / чтоб рассыпалась здешняя кучка ◇

13 Я-то не боюсь / Я не боюсь ◇

14–15 *Слов:* этих узлов ∾ дорожить; — *нет.*

15 но и лишний / Но лишний ◇

15–16 *После*: не помешал. — Вы это поймете, Эркель, я вам и говорю, потому что вы один, на которого я могу понаде⟨яться⟩. [Их у меня] Узлов-то много у меня, мне нечего особенно дорожить, но... все-таки... здешней кучки ◇

16 спокоен / лично спокоен ◇

16–17 *Слов:* хотя и оставляю ∾ уродами: ◇ — *нет.*

18 совсем другим, веселым / другим ◇

19 очень / очень знакомому ◇

19 весело подошедшему / *а.* подбежавшему к нему *б.* быстро и весело подошедшему ◇ *Далее было:* к нему знакомиться, маменькину

23 губернии / Т. губернии ◇

23 приходился / был

24 и прогостил / и пробыл ◇

24 около / не более ◇

26–27 Нет, я подальше ∾ предстоит / *а.* Я подальше, я в Р. Часов десять в вагоне пробуду *б.* Нет, мне подальше, я в Р. Часов восемь в вагоне прожить придется ◇

28 предположили / предполагаете

29 *После:* открытее — и веселее, смотря ему в ⟨лицо⟩ ◇

31 вы угадали / *а.* вы правы *б.* угадали ◇ *Далее было начато:* я с письмами от

31 таинственно зашептал ему / с некоторой таинственностью зашептал ◇ [он вдруг]

32 должен там / должен◇
33–34 черт бы их драл ∾ должность / в Петербурге
35 зашептал / *а.* серьезно зашептал *б.* уже сам зашептал
36 Она даже ∾ не пустила; *вписано.*
36–37 по-моему, ей за мужа ∾ ничего; / *а.* чего ей-то за мужа-то бояться? *б.* за мужа бояться нечего.◇
38 на пожаре / тогда на пожаре◇
38 *После:* жизнью — (он засмеялся).◇
39–41 рассмеялся ∾ господа... / засмеялись опять, она [так] боится, что отсюда [напишут] написали... некакие господа и главное С⟨тавроги⟩н — знаете, князь К... видите.◇
42–43 Эх, тут ∾ родственник, / Тут, видите, целая история и я, пожалуй, дорогою вам кое-что... сколько, впрочем, рыцарство позволяет, — засмеялись [они] опять оба. — Это? Это мой родственник.◇
47–48 восемь часов ∾ жребий / восемь часов — ужасно◇
48 Тут уезжает / Тут едет◇

Стр. 478—479.
48–1 пресмешной один / смешной◇

Стр. 479.
1–2 *Слов:* (née de Garine) — *нет.*
2 он / очень
2 *После:* с идеями — и читает. Может быть, встречались.◇
2–3 Пробыл ∾ двое суток / Тут был всего [трое] двое суток◇
3 Отчаянный охотник до ералаша / Но спать не будет, если ералаш◇
3–4 не затеять ли, а? / Не затеять ли?
4–5 наш т-ский купец / *а.* купец наш *б.* наш купец
5 *После:* с бородой — из Т.
5–6 *Слов:* то есть ∾ говорю... — *нет.*
7 хохотать будем / уверяю вас, миллионщик дважды◇

⟨18⟩

Стр. 490.
38 лезу прощать ∾ моих / начинаю прощать всем врагам моим, но

Стр. 491.
1 ведь это очень хорошо-с / *а.* это почти что и хорошо-с *б.* ведь это хорошо-с◇
3–4 и я буду ∾ красивые книжки / и я буду продавать ваши книжки
5 Народ ∾ c'est admis / *а.* Le peuple — il est religieux *б.* Le peuple — il est admis qu'il est religieux tout le monde le dit *в.* Le peuple — il est religieux [et] c'est admis.◇⟨*а.* Народ религиозен (*франц.*) *б.* Народ — он религиозен — это факт (*франц.*) *в.* Народ религиозен — это факт (*франц.*)⟩
6 Я ему изложу его... / Я ему покажу...◇
7–8 можно исправить ∾ уважением. / *а.* их можно исправить, все ошибки евангелия, да, я поправлю к лучшему. *б.* можно исправить все ошибки. Я всегда готов отдать должное, но — я исправлю ошибки этой знаменитой книги, к которой я, разумеется, отношусь с чрезвычайным уважением, но — надо и поправить, и тогда всё будет хорошо.◇
9 Я буду полезен ∾ дороге / *а.* И таким образом, буду полезен даже и на большой дороге *б.* Я буду полезен даже и на большой дороге◇
11 и всегда... ∾ и нам / и тогда... будем надеяться, что... и нас◇
12 Да / Да, да
13 *После:* Все виноваты!.. — *а. Начато:* А мы, может *б. Начато:* А я
14–15 вы очень ∾ сказать-с / очень хорошо вы сказали [-с]◇
16–17 хорошо говорю. ∾ хорошо, / хорошо буду говорить им.
18 и не помню / *а. Начато:* да, вы *б.* и чувствую, что не попадаю◇
18–19 Позволите ли вы мне ∾ с вами / *а.* Но вы... вы — позволите ли вы

мне не расставаться более с вами *б.* Позволите ли вы мне, моя милая, не расставаться более с вами ◇

19 *После:* и — главное ◇

20 вы простодушны / вы просты ◇

20–21 опрокидываете чашку ∾ кусочком / *а.* пьете вприкуску *б.* опрокидываете чашку с обгрызанным кусочком

22 нечто прелестное ∾ чертам... / *а.* нечто высшее, «Vous êtes noble comme une marquise» ⟨Вы благородны как маркиза (*франц.*)⟩ *б.* нечто прелестное, я вижу по вашим глазам. ◇

24 *После:* подле... — Jamais je ne pourrais... ◇ ⟨Никогда я не смогу (*франц.*)⟩

25–26 Я ужасно ∾ хотел сказать. / *а.* Впрочем... Это моя тайна, которая... Впрочем, я сбиваюсь и я почти как на луне. *б.* Впрочем, это моя тайна, которая... Впрочем, я [опять сбиваюсь] ужасно, ужасно сбился... *Далее было:* Не слушайте меня, cherie.

26–27 О, блажен тот ∾ восторге / *а.* *Начато:* Да женщина... Блажен *б.* Да, женщина... блажен кому бог посылает [создание] всегда женщину и... я думаю даже, что я в некотором восторге ◇ *Далее начато:* Стало быть

28 И на большой / О, и на большой ◇

28–29 вот — вот что ∾ не попадал. / вот что ободрило меня, только лишь я узнал действительную жизнь! Присутствие высшей мысли всегда и везде, вот что нужно прежде всего, а я [признаюсь] ощущаю себя даже свободнее и вольнее прежнего... [О, мое прежнее] Vingt ans! ⟨Двадцать лет! (*франц.*)⟩ Но простим, простим. Я точно воскрес. *б.* вот что я хотел сказать — а то я всё сбивался [Это] [Да, это одно]. Вот что ободрило меня *в.* вот что я хотел сказать — вот только теперь я вспомнил, а то я всё не то говорил. ◇

29 *После:* не попадал. — Я как там, dans ce petit livre ⟨в этой книжке (*франц.*)⟩, я пойду сражаться с Голиафами разврата и нового невежества... Я избран. Не избрал бог красивее и выше меня, comme dans ce petit livre, а избрал бедного Степана Трофимовича и я им — расскажу... И cette ingrate ⟨этой неблагодарной (*франц.*)⟩ увидите — Oh, je suis comme dans la lune ⟨О, я как на луне (*франц.*)⟩. И зачем они нас повезли оттуда. Да, я почти как на луне [почти], совсем как на луне. ◇ *Далее было:* И признаюсь, на луне недурно.

30 тоже / так

30–31 а тут ∾ froid. / *а.* Впрочем и Spassof *б.* Ce Spassof *в.* Эти мужики и коровы...

33 и... / et puis... ◇ ⟨и потом (*франц.*)⟩

33 что мне / что мне очень холодно

34 вертится, вертится / вертится и вертится ◇ *Вероятно, к этой фразе относится строка, вписанная внизу листа:* Я всё вижу какую-то челюсть с зубами, которая хочет меня проглотить.

34–35 О, как вы добры / О, какая вы добрая

36 совершенная / настоящая ◇

37 накрыла, а только про деньги-с я бы... / а только деньги-с я бы... ◇

38 О, ради бога / *а.* О, ради бога, ради бога *б.* О, как вы добры. О, ради бога ◇

38 *После:* plus, — *начато:* и в Спасове...

38 *После:* mal — возьмите, возьмите

39 *Слов:* о, как вы добры! — *нет.*

Стр. 492.

1–2 и чрезвычайно скоро ∾ сном / *а.* задумался, задремал и наконец заснул лихорадочным, знобящим ⟨*незачеркнутый вариант:* знобливым⟩ сном *б.* чрезвычайно быстро заснул лихорадочным, знобящим сном ◇

2 Проселок / Дорога

3 не из / не очень

3–4 и экипаж жестоко подталкивало / и часто подталкивало

4–7 часто просыпался ∾ от него. / *а.* иногда быстро просыпался, приподымал голову с маленькой подушки, которую Марья Матвевна[1] просунула ему и уложила его, и начинал говорить. *б.* часто просыпался, быстро приподымался с маленькой подушки, которую просунула ему под голову Марья Матвевна, брал ее за руку и осведомлялся: вы здесь? ◇

7–9 Он уверял ее ∾ противно. / *а.* Он уверял ее, что видит во сне какую-то раскрытую челюсть, человеческую, но огромную и что [кто-то хочет его проглотить] она хочет его укусить. *б.* Он всё уверял ее тоже, что всё видит во сне какую-то раскрытую челюсть, человеческую, но огромную и что это очень противно.

9 *После:* противно. — Затем быстро опять засыпал. Иногда он просто вздрагивал, раскрывал глаза, брал [ее] М⟨арью⟩ М⟨атвевну⟩ за руку и осведомлялся: вы здесь? Точно как будто тревожился, что она уйдет от него. [Марья Матвевна была в беспокойстве за Ст⟨епана⟩ Т⟨рофимовича⟩] [была в беспокойстве за него] [Марья Матвевна наблюдала его с большим беспокойством, не с страхом]. Марья Матвевна была в беспокойстве, но не в страхе. Тихое лицо ее [кажется], казалось, и не могло бы выразить когда-нибудь [испуга] страха. Когда приехали в Устьево — довольно большое село, на берегу довольно большого озера, — то Сте⟨пан⟩ Т⟨рофимови⟩ч даже и не помнил потом, как очутился спачала в [боль⟨шой⟩] доволь⟨но⟩ ⟨боль⟩шой крестьянской комнате, и потом за перегородкой, на широкой, крытой ватным ситцевым одеялом кровати. Он был серьезно болен. Иногда как бы мерещилось ему, что ставят самовар, что его поят чаем, потом, уже гораздо позже, уже ночью, молоком, греют ему чем-то живот, грудь [Он забывал] Он помнил и знал, что с ним началась холерина, что было много возни и что его подымали с постели, что кто-то входил и приходил, выносил и... приносил [но], и каждое мгновение он чувствовал над собою какое-то существо, не спавшее, присутствующее, лелеявшее его, ходившее за ним. [Пере⟨д⟩] После полуночи ему стало гораздо лучше.

— Вы... [Это] вы здесь? — окликнул он уже сознательно свою благодетельницу.

— Вот если б вы теперь заснули, как бы хорошо, — сказала она, вставая рядом со стула и наклоняясь над ним. *Против текста:* Марья Матвевна была в беспокойстве ∾ над ним — *справа на полях наброски:* *1.* Теплота опять его оживила. Самовар тоже. Марья Матвевна отлучилась было на несколько времени к великому его беспокойству,[2] но к чаю успела воротиться и передала ему свои наблюдения, довольно тревожные. Она и прежде бывала в Устьеве. *2.* (И потому хорошо, если завтра придет пароход к своему часу, т. е. к двум пополудни.) *3.* особ⟨ая⟩ комната дорого будет-с. — Непременно особ⟨ая⟩ *4.* целовал ноги

— Что вы, что вы-с. Он чувствовал себя как бы хорошо. Только в голове его как бы шаталось.

Далее позднейший план переработки сцены: Переделать. Устьево. Описание. Хозяин и развитие. Проезжие. Дамы. Такса. Ст⟨епан⟩ Т⟨рофимович⟩ особую комнату. Чай, вранье. — Полноте. Ночь и холерина. Евангелие — Я всё лгал. Раб и свободь. (Это от Павла).

11 Извозчики подвезли / *а.* ... Наконец приехали в Устьево. Извозчики подвезли их *б.* ... Приехали в Устьево. Извозчики подвезли ◇

11 к большой избе / к большой богатой избе ◇

12 и / и еще

12 Проснувшийся / Проснувшись

14–15 Заспанное лицо ∾ выражение. / Лицо его имело выражение хлопотливое. ◇

15 объяснил / объявил ◇

---

[1] *Так далее по всему тексту.*

[2] *К фразе:* Марья Матвевна ∾ беспокойству *помета:* Развитие

16–20 бабе, лет сорока ∾ замахал он / *а.* бабе, лет под сорок, сильной брюнетке и чуть не с усами, что требует всю комнату себе, что заплотит и чтоб [никогда] комнату затворить и чтоб никого более сюда не впускать — parce qu'il a à parler, oui, j'ai beaucoup à vous dire, ma chère et incomparable amie ⟨потому что он должен поговорить, — Да, мне нужно много вам сказать, мой дорогой и несравненный друг (*франц.*)⟩,— обратился он к книгоноше, вошедшей вслед за ним. *б.* бабе с мужицким и недовольным видом, лет сорока, очень черноволосой брюнетке и чуть не с усами, что требует себе всю комнату, что заплотит и чтоб комнату затворить и чтоб никого более сюда не впускать — parce qu'il à parler, oui, j'ai beaucoup à vous dire ma chère amie, — обратился он к книгоноше. — А вам заплачу что угодно, — прибавил он хозяйке. Только принесите поскорее обедать.◇

21 Он хоть и торопился ∾ языком / Всё это он проговорил несколько бессвязно и после сна в бричке еще туго шевеля языком. Et ce vous je payerai ⟨И я заплачу (*франц.*)⟩, я заплачу ◇

22–26 неприветливо ∾ не медля» / *а.* и суровое лицо ее вдруг изменилось в более ласковое, хотя перемена декорации была [очень] грубо заметна *б.* и суровое выражение лица ее изменилось в более ласковое, хотя всё еще очень непривет⟨ливое⟩ ◇

27 Тут баба с усами не вытерпела. / Насчет обеда она сначала как будто не поняла, а потом как будто и разобиделась.◇

28 Здесь вам ∾ господин / Мы ведь не постоялый двор ◇

29 не содержим / не держим

29–30 Раков сварить ∾ будет / *а.* Раков, если хотите, сварить да самовар, а больше ничего ведь и нет *б.* Раков сварить али самовар, а больше ничего у нас нет. Рыба свежая завтра разве будет ◇

31–35 Но Степан Трофимович ∾ одолжение. / *а.* С⟨тепан⟩ Т⟨рофимови⟩ч потребовал яичницу и жареную курицу. Оказалось, что этого нельзя достать. Но Ст⟨епан⟩ Т⟨рофимови⟩ч с нетерпением повторял «je payerai, je payerai», так что хозяйка пошла поискать, но с таким видом, как будто делала необычайное одолжение и трудную вещь *б.* Ст⟨епан⟩ Т⟨рофимови⟩ч потребовал яичницу и жареную курицу ⟨*над словами:* и жареную курицу — *незачеркнутый вариант:* и потом самовар⟩. Оказалось, что и курицы нельзя будто бы никак по деревне достать. Но Ст⟨епан⟩ Т⟨рофимови⟩ч с нетерпением настаивал и повторял «je payerai, je payerai», так что хозяйка пошла наконец искать, но с таким видом, как будто делала необычайное одолжение и исполняла весьма трудную вещь. ◇

36 вышла / ушла

36–37 *После:* на диване — *начато:* Изба была похожа на гор⟨одскую⟩

37 и посадил ∾ Матвеевну. / и тотчас же [посадил] подле себя Марью Матв⟨еевну⟩.

38 но / впрочем

39 *После:* кровать — [была] представляла собою смесь чего-то городского и крестьянского

41 литографиями / запачканными литографиями ◇

42 *После:* мебелью — и простыми тесовыми столами и стульями.◇

43 неприглядную *зачеркнуто.*

43 искони *вписано.*

44–45 Но он даже не взглянул ∾ от избы / *а.* Но Степану Трофимовичу было не до комнаты, он даже не взглянул в окошко на огромное озеро, начинавшееся в десяти саженях от избы. Он спешил и ему было не до того *б.* Но Степан Трофимович даже и не взглянул на это, даже не [полюбопытствовал] поглядел в окошко на огромное озеро, начинавшееся в десяти саженях от избы ◇

Стр. 493.

1 Наконец / Chere amie, наконец ◇

3 Софья Матвеевна / *а.* Но Марья Матвевна *б.* Марья Матвевна

5 улыбнулся / воскликнул

7–8 от Анисима Ивановича ∾ разговаривали / *а. Начато:* Я давеча от Анисима Ивановича слышала, как *б. Начато:* Давеча слышала, как Анисим *в.* Давеча слышала, как вы с прежним вашим слугой говорили *г.* Я давеча от Анисима Ивановича слышала, как выс вашим прежним слугой говорили ◇

8 в чем осмелюсь ∾ стороны / *а.* что вам хотела сказать *б.* что вам желала бы *в.* в чем вас хотела предупредить *г.* в чем осмелюсь с своей стороны ◇

9–10 *Слов:* оглядываясь ∾ не подслушал, — *нет.*

10–13 в этой деревне ∾ вздумается. / *а.* в Устьеве все проезжие жалуются, что постоялого двора [здесь в дер⟨евне⟩] во всей деревне нет, что село это рыбацкое, не проезжее вовсе, и что когда озеро летом ⟨*незачеркнутый вариант:* по весне⟩ [1] обмелеет, то пароход останавливается чуть не в версте на озере, чтоб принять пассажиров из Устьева, и тут они в лодках доставляют пассажиров на пароход и назначают цену за лодку сколько угодно, потому что иначе и на пароход не попадешь. С пассажиров тоже берут за постой сколько угодно.◇ *Далее следует текст:* А коли случится, что пароход за непогодой [если не придет] не придет (а он очень часто не приходит), то тут с пассажиров за ночлег они берут цены, каких и в столице не слыхано, тем и наживаются. Что кроме раков и рыбы здесь нет ничего, а если спросить хоть яиц только, так «ужаснуться можно», что они потом потребуют.

[Но] Ст⟨епан⟩ Т⟨рофимови⟩ч слушал с крайним нетерпением и даже с тоской, вернее, совсем не слушал. Но Марья Матвевна, решившись предупредить [настояла], тем более настаивала.

— Здешние хозяева самые богатые, — продолжала ⟨она⟩, — к ним большой приезд, но и по всей деревне [есть приезжие, теперь еще немного, а завтра к двум часам будет может быть уже много народу] во всех избах стоят, потому что пароход ни вчера, ни ночью не приходил, так что приезжих и теперь уже довольно ◇

13–36 Деревня эта ∾ страдал истинно: / А случается часто осенью, коли пароход дня два али даже три не приходит, то тогда полна деревня [наезжих] проезжих и тут совершенно всем беда, а хозяевам здешним нажива. Того только они и ждут. Но в других избах, пожалуй, и еще хуже, чем здесь. Здешний же хозяин человек богатый [и обходительный], в тысячу рублей свой невод имеет, с пассажирами обходительный и учтивый, а жена его слушается как шелковая, но только уж что до денег, так тут и она перед ним покажется бессреб⟨ре⟩ницею, а она женщина характера прежестокого. Вы вот спросили особую комнату и страшно даже подумать, что заплотите завтра, потому что они вам зачтут всех пассажиров, которых могли бы поместить в этой комнате. Там, в той комнате, уже есть приезжие, один пожилой человек, и один молодой человек, к ночи наберется, может, еще, а к завтраму полна изба, может [будет], наберется до двух часов, потому что пароход уже два дня не приходил. Так за особую комнату, чтоб не очень чувствительно вам было платить...

Марья Матвевна [привела] стала приводить пример, как уже стояла здесь еще летом с одной помещицей в непогоду два дня и что горя натерпелась, но кончилось тем, что Степан Трофимович решительно не хотел [уже] более слушать. ◇

37–41 Assez ∾ за будущее / — Assez, assez, mon enfant, nous avons notre argent et après et après. — ⟨Довольно, довольно, дитя мое, у нас есть деньги... а затем (*франц.*)⟩ все равно. Вот что, mon enfant ◇ ⟨дитя мое (*франц.*)⟩

42–43 Он тотчас же ∾ трудно / Сбивчиво и неясно он начал ей всю свою историю ◇

---

[1] *Против текста:* И она быстро зашептала ∾ по весне — *на полях вписано:* чтоб не услышали за дверью, что здесь беда, что постоял⟨ого⟩ д⟨вора⟩ ⟨*не закончено.*⟩ Мужики в деревне так и ждут

Стр. 494.

1–2 Подавали уху ∾ говорил... / Подавали [обед] яичницу, курицу, подавали уху, подали [чай], наконец, и самовар, а Ст⟨епан⟩ Т⟨рофимови⟩ч всё говорил. ◇

2–3 Несколько странно ∾ болен. / Несколько странно у него выходило ◇ ⟨*не закончено*⟩ *В правом углу листа наброски: 1.* он бежал по полям. *2.* С своих двух женитьб. *3* — Я, впрочем, не посмею смеяться. *4.* Подле него сидела женщина, которую он предызбрал себе

⟨19⟩

Стр. 493.

10 чтобы кто не подслушал / *а.* чтоб не подслушали *б.* чтоб кто-нибудь оттуда не подслушал *в.* чтоб кто-нибудь не подслушал ◇

10 беда-с / *а. Как в тексте. б.* беда ◇

12 *После:* берут — *начато:* всё, что им

13 им вздумается / *а.* вздумается им *б.* вздумают назначить *Над словами:* какую только вздумают — *вписано: а.* что здесь еще лучше, чем в дру⟨гих⟩ *б.* в этой дере⟨вне⟩ цены за постой самые несообразные

13–18 *Вместо вписанного вверху листа текста:* Деревня эта ∾ берут — *было:* Потому что деревня эта не проезжая, а только пароход здесь останавливается, чтоб забрать пассажиров [а пассажиры всегда есть, а иногда так во множестве, чтоб по берегу па лошадях лишнего крюку не делать]. А [так] как пароход не аккуратно приходит и чуть-чуть непогода, ни за что не придет, как вот и сегодня случилось, так пассажиры иной раз по три дня дожидаются и наедет их множество. А когда озеро поздним летом обмелеет, то пароход останавливается чуть не в версте от деревни, и тут они из Устьева в лодках доставляют пассажиров на пароход и назначают[1] цену за лодку сколько угодно, потому что без них довезти некому, и нередко так даже что сядете в лодку, а они уж на озере переменят цену и вдвое спросят, а не захотите, назад везут

14 *После:* останавливается — чтоб забрать пассажиров, не желающих делать крюк.◇ *Далее было:* по берегу

15 потому / потому что

16 народу / *а.* пассажиров *б.* проезжих

16–17 и уж тут все / и все

18 потому за каждый / за каждый ◇

18 *После:* берут, — а за ночлег, за простой гладкий пол, чтоб только на нем полежать, назначают такую плату, какой и в столицах не видано ⟨*незачеркнутый вариант:* не слыхано⟩ и спросить хотя бы только яиц, так ужаснуться можно, что после потребуют...◇

18–20 *Слов:* и хозяин здешний ∾ стоит. — *нет.*

21 *После:* Степан Трофимович — *а.* слушал с крайним нетерпением и даже с тоской. Он пристально и д⟨олго⟩ *б.* впрочем вовсе не слушал. Он

22 Софьи Матвеевны чуть / Марьи Матвевны чуть-чуть ◇

23 жест / жест рукой

23 *После:* остановить ее. — *а. Начато:* Видно было *б.* Вернее, он вовсе не слушал.◇

23 Но она стала / Но Марья Матвевна стала ◇

24–25 с одною ∾ госпожой-с» из города / *а.* с одной почтенной помещицей *б.* с одной почтенной барыней из города ◇

26 два дня-с / *а.* два дня *б.* три дня-с

26–27 вспомнить / вспомнить теперь

27 *После:* страшно — «Голодом сидели, потому ни к чему приступиться нельзя».

---

[1] *Против текста:* А когда озеро ∾ и назначают — *на полях вписано:* И что здесь в этом доме еще лучше, чем в других домах. А коли случится что, как вот [вчера] сегодня было, что пароход не придет, то тут они во всех избах

28 *После:* себя-с... — а знаете, что они завтра зачтут вам всех проезжих, которых могли бы здесь на ночь положить. ◇

28–29 *После:* предупредить-с... — потому вы мне выдали свои деньги-[с], так мне даже боязно.◇

30 да какая-то госпожа с детьми / к ночи, может, еще прибудут, и это уж на ваш счет еще пойдет.◇

33 у них обедать-с / такой обед-с ◇

34–35 и за обиду ∾ не слыхано-с...» / *а.* они с вас столько потребуют-с, что... *б.* и за обиду через вас всем проезжим они столько с вас потребуют-с, что...◇

36 Но он ∾ истинно: / *а.* Ст⟨епан⟩ Т⟨рофимови⟩ч на этом месте прервал [окончательно] и решительно не захотел слушать далее. *б.* Ст⟨епан⟩ Т⟨рофимови⟩ч страдал, страдал истинно. Он был как в истерике, так натерпелся.◇ *Фраза:* Он был ∾ натерпелся — *зачеркнута и восстановлена.*

37–38 Assez ∾ bon Dieu. / *а.* Assez, assez, mon enfant, nous avons notre argent, et après — et après le bon Dieu, comme toujours. *б.* Assez, assez, mon enfant, — замахал он руками, — nous avons notre argent et après — et après le bon Dieu, comme toujours ⟨Довольно, довольно, дитя мое, — у нас есть деньги и затем — и затем бог поможет, как всегда (*франц.*)⟩ и это его назначение.◇

37–41 Assez ∾ за будущее... / *а.* впрочем, я вру, mais assez, assez, mon enfant. Перед нами все наше будущее и мне так надо, так надо вам передать! *б.* впрочем, я вру, mais assez, assez, mon enfant. Вы меня только пугаете. Перед нами все наше будущее, а вы меня пугаете, столько надо вам передать, а вы, вы! ◇

42–43 Он тотчас же ∾ трудно / *а.* Он начал немедленно, сбивчиво, торопливо всю свою историю, сначала до того торопясь, что сперва даже и понять было трудно *б.* И немедленно он стал излагать всю свою историю, до того торопясь, что сначала даже и понять было трудно ◇

Стр. 494.

1 Подавали уху, подавали курицу / Подавали курицу, подавали уху

1–2 а он всё говорил... / но Ст⟨епан⟩ Т⟨рофимови⟩ч всё говорил. ◇

2 и болезненно *вписано.*

3 болен / больной

3–7 Это было ∾ организме. / *а.* *Начато:* Марья Матвевна, конечно [не много], поняла так, что всё это внезапное воодушевление его было *б.* Марья Матвевна, конечно, немного смогла понять. *в.* Это было внезапное напряжение умственных сил, [за] которое, конечно (и это с тоскою предвидела Марья Матвевна во время рассказа), должно было отозваться [потом] при таком болезненном его состоянии тотчас же потом [расстройством всего организма] чрезвычайным [расстройством] упадком [во всем его организме] в расстроенном его организме.◇

8 бежал / бегал

9 и берлинской жизни *вписано.*

9 и / и пожалуй ◇

11 почти борьба / целая борьба

11–12 которую он уже / которую уже ◇ *Далее начато:* так ск⟨азать⟩

12 и спешил / и сильно спешил ◇

15 *После:* преувеличивал — (я не смеюсь и не каламбурю над ней). Я не смею смеяться.◇

15 *Слов:* но он уже избрал ее — *нет.*

15 *Слов:* Он не мог быть без женщины. — *нет.*

16–17 Он сам ∾ капитального. / *а.* *Начато:* Правда, он и сам видел по лицу

с публики за ночлег берут цены, об каких и в столицах не слыхано, за простой гладкий пол, чтобы только [лечь и заснуть] на нем ночью полежать. Что они все сообща прикидываются [что тут кроме раков да] [кроме рыбного], что кроме раков и рыбы нет ничего;

Марьи Матвевны, что она чрезвычайно многого, и даже самого капитального *б. Начато:* Он и [сам замечал] *в.* Он и по лицу ее видел, что она чрезвычайно многого не [могла понять] понимает, и даже самого капитального, *г.* Он и сам по лицу ее ясно видел, что она очень много совершенно не понимает и даже самого капитального.◇

18 «Ce n'est rien, nous attendrons / «Ce n'est rien, ce n'est rien» ⟨Это ничего, это ничего (*франц.*)⟩ думал он раздражительно про себя ◇

18–19 а пока ∾ предчувствием...» / *а.* зато она прочувствует. Она тиха как ангел, и я уверен, [она многое] она так тонко, так тонко может [предчувствовать] [понять одним] понять предчувствием... как ангел. *б.* она может понять и поймет как ангелы понимают — предчувствием. *в.* она может понять предчувствием.◇

20–21 Друг мой ∾ рассказ / *а.* «Chérie, chérie [vous ne] вы и не понимаете, может быть, que vous etes noble comme une marquise ⟨Вы благородны, как маркиза (*франц.*)⟩. А мне только нужно, что благородное сердце *б.* «Chérie, chérie, мне ведь только и нужно одно ваше сердце», — высказывал он ей в неистовом вдохновении ◇

22 смотрите / теперь смотрите

22–23 О, не краснейте / Чего вы краснеете ◇

24 *Слова:* попавшейся — *нет.*

25 когда история ∾ диссертацию / когда шел рассказ или, лучше сказать, диссертация

26 понять Степана Трофимовича / его понять

27 *После:* таланты» — *а.* всю жизнь в тоске и в бездействии. *б.* в тоске и в вынужденном бездействии.◇

27–29 Уж очень было ∾ глаза / *а.* Она с мучением слушала (немного вытаращив глаза) *б.* Опа с мучением слушала (немного вытаращив глаза). «Уж очень было такое всё умное-с [пересказывала она потом с тоскою при одном воспоминании]» передавала она потом с унынием ◇

31 «передовых и господствующих» / «передовых людей и господствующих, ведущих Россию на поводу»

31–32 то она с горя ∾ у ней / *а.* то Марья Матвевна попробовала даже по д⟨оброте⟩ усм⟨ехнуться⟩ вслед за его смехом, ничего, впрочем, не понимая. Но вышло у ней [это так жалко] как-то почти *б.* то с горя она попробовала даже по чрезмерной доброте своей раза два усмехнуться вслед за его озлобленным и глубоким смехом. Но вышло у ней ◇

34 азартом и злобой / жаром и злобою ◇

35 *После:* людей». — Chérie, к чему быть в наше время ученым? — задавал он ей вдруг такие вопросы. — Если человек глуп — пусть идет [идет в ли⟨бералы⟩] в русские либералы. Вы тотчас посту ⟨*не закончено*⟩

35–36 Тут уж он ее ∾ несколько / *а.* Марья Матвевна решительно испугалась. Она отдохнула лишь несколько *б.* Тут уж Марья Матвевна решительно испугалась и отдохнула лишь несколько *в.* Тут уж он даже ее испугал, и отдохнула лишь несколько *г.* Тут уж он даже ее испугал, и отдохнула она лишь несколько ◇

37 Женщина ∾ хоть монахиня / *а.* Женщина с самым чистым и невинным до холодности сердцем всегда [останется] остается женщиной *б.* Увы, женщина всегда женщина, будь хоть монахиня ◇

38–40 очень краснела ∾ прилгнул. / *а.* краснела, приводя тем Ст⟨епана⟩ Т⟨рофимови⟩ча в решительное восхищение и вдохновение, так что он даже много прилгнул. *б.* краснела и потупляла глаза [тем], приводя стыдом своим Ст⟨епана⟩ Т⟨рофимови⟩ча в совершенное восхищение и вдохновение, так что он кое-что и ⟨*незачеркнутый вариант:* много⟩ прилгнул в рассказе: ◇

43 в Севастополе пулей» / севастопольской пулею ◇

43 потому / оттого́ ◇

44 *После:* сопернику — Но она и соперник...

45 «Не смущайтесь / «О, не смущайтесь ◇

46 воскликнул / восклицал ◇

приобрѣтенія и самъ

[illegible]

Но можно было [illegible]

независимость, оставилъ, проценты не позволялъ себѣ и [illegible]

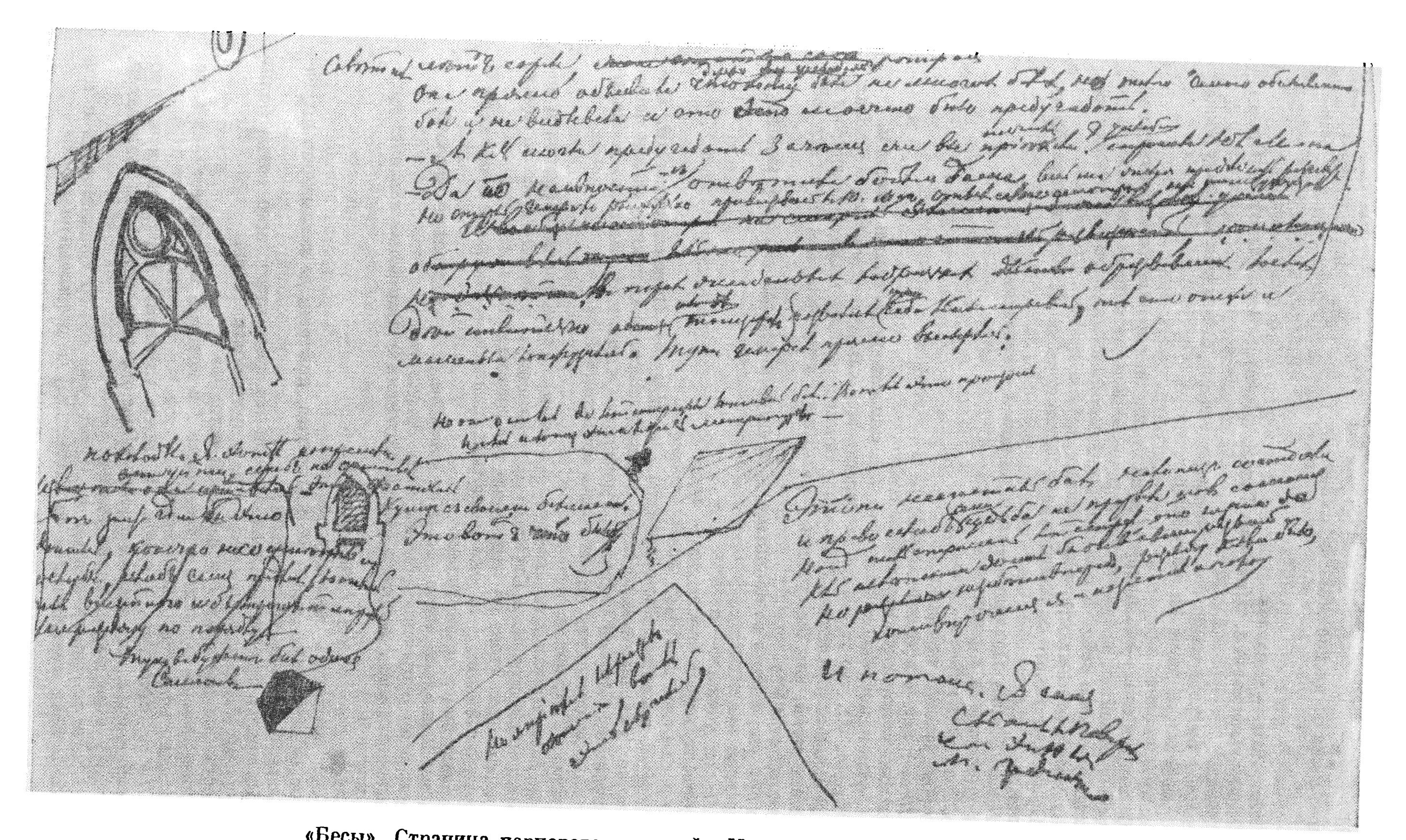
излишней прихоти.

Сердце его угрюмо. Честолюбивъ.

Конечно онъ былъ игрокъ — [illegible]

Но [illegible]

[illegible]

«Бесы». Страница чернового автографа II главы третьей части. 1872 г.
Государственная библиотека СССР им В. И. Ленина (Москва).

Стр. 494—495.

46-1 почти сам ∾ рассказывал *вписано.*

Стр. 495.

1 *После:* сам — в слезах

1 *После:* высшее — *а. Начато:* Тут *б.* Начато: Это б⟨ыло⟩ *в.* Одним словом

2 мы оба ни разу даже / *а.* оба ни разу даже *б.* эти оба ни разу даже *в.* любовники даже ни разу ◇

3 нашу / свою ◇

3 *После:* жизнь». — *а.* нарочно делали вид, что и не знают об взаимной любви своей. *б.* в любви своей и нарочно делали вид, что даже и не подозревают о ней.◇ *К словам:* об взаимной любви своей — *на полях вариант:* взаимных страданий своих друг о друге.

3-4 Причиною такого ∾ блондинка / Причиною же была уже одна блондинка ◇

4 *После:* Дарья Павловна — что, впрочем, невозможно ◇

5 подразумевал / разумел ◇

11 *Слова:* взаимного — *нет.*

11 промолчали / прожили

12 *После:* лет — в одном доме

12 заключившись сами в себя *вписано.*

13-14 в самом искреннем восторге. / с самыми искренними слезами.

12-14 *Фраза:* «О, что это была за страсть ∾ восторге. — *вписана на полях.*

14-15 Я видел ∾ (брюнетки) / Он видел полный расцвет красоты брюнетки ◇

16 мимо меня, как бы стыдясь / мимо него потупясь, как бы стыдилась перед ним ◇

16-17 (Раз он сказал ∾ полноты») / (в другой раз он сказал [стыдилась] «своей полноты»)

17 *После:* убежал — от них

17 бросив весь / бросив всё — весь ◇

17-18 бросив весь ∾ «Vingt ans!» — *вписано.*

19-20 Затем, в каком-то ∾ объяснять / *а. Начато:* Впрочем, ту⟨т⟩ *б. Начато:* Тут, впрочем *в.* Затем пошла [ужасная] путаница почти невыносимая. [Марья] Ст⟨епан⟩ Т⟨рофимови⟩ч [даже] в каком-то воспалительном состоянии [мозга] стал объяснять ◇

22 встала / вскочила

23 он даже сделал / *а. Начато:* Ст⟨епан⟩ Т⟨рофимови⟩ч рвался и доканчивал стоя *б.* а Ст⟨епан⟩ Т⟨рофимови⟩ч, удерживая ее за руку, доканчивал стоя: он несколько раз даже сделал ◇

24 она заплакала / *а.* она даже расплакалась *б.* она даже заплакала ◇ *Далее было:* от смущения.

25 уже несколько часов / *а. Как в тексте. б.* уже столько часов ◇

26 вы меня отпустите / бы вы меня отпустили

26-27 лепетала она / лепетала Марья Матвевна ◇ *Далее было вписано:* потупившись

27 люди подумают-с. / подумают-с... ◇

28 Она вырвалась наконец; *вписано.*

28 он ее отпустил / *а.* Он ее и отпустил, наконец, да и сама она вырвалась *б.* Он сам ее отпустил ◇

29 Прощаясь ∾ болит голова / *а.* он говорил, что у него очень болит голова *б.* он пожаловался, что у него болит голова

30 оставила свой сак / и сак свой оставила

31 намереваясь ночевать с хозяевами / в которой и намеревалась переночевать вместе с хозяевами

32 *После:* отдохнуть — одной. К ночи Ст⟨епан⟩ Т⟨рофимови⟩ч, простившись с ней, дал ей слово сейчас же лечь спать. Он жаловался, что у него жар и болит голова.

33 В ночи ∾ приключился / *а.* И вот уже ночью приключился с ним *б.* В ночи приключился со Ст⟨епаном⟩ Т⟨рофимови⟩чем ◇

35 его потрясений. / сотрясений его.

36–39 Так как ей ∾ браниться / Припадок был сильный. Ст⟨епан⟩ Т⟨рофимови⟩ч был серьезно болен. Так как Марье Матвевне, ухаживая за больным, надо было входить и выходить из дому [то спавшие] через хозяйскую комнату, то спавшие [про⟨езжие⟩] тут проезжие и хозяева ворчали и даже начали под конец [ругаться] браниться...Один лишь хозяин избы, хитрый и богатый мужик, спавший [вместе с прочими] чуть не на голом полу и у которого один невод стоил до тысячи рублей, спокойно молчал [но зато спокойно считал про себя, что за все это] [«покамест» весьма прилично] [отлично] [хорошо], зная [что завтра же], что завтра вознаградит себя при расчете — «не то уж очинно нам обидно станет-с». *Против текста:* Один лишь хозяин ∾ станет-с — *на полях наброски: 1.* noble comme une marquise ⟨благородны как маркиза (*франц.*)⟩ *2.* Но я не лгал, я верил себе.

39–40 когда она вздумала ∾ самовар / когда она поставила самовар *вписано. Над словом:* поставила — *вписано:* вздумала

40 *После:* Степан Трофимович — много и не узнал потом, из подвигов Марьи Матвевны, он был

43 чувствовал / помнил и знал

44 *После:* уходила — выносила и прибирала за ним ◇

46 *После:* легче — она была тут; подле него за перегородкой [наглухо] [подле], где стояла его кровать...

46 привстал / привстал с кровати

тр. 496.

4 Полноте-с ∾ лепетала она / *а.* Полноте, полноте, что с вами, я совсем не стою-с, — плакала над ним Марья Матвевна *б.* Полноте-с, я совсем не стою того-с, — пугливым шепотом [шептала] лепетала Марья Матвевна ◇

6–7 Спасительница ∾ руки / Chérie, — сложил руки Ст⟨епан⟩ Т⟨рофимови⟩ч ◇

7 *После:* marquise! — было: *а.* Ах боже мой [я совсем не стою-с, уж пожалуйста], уж пожалуйста, лягте на кровать.

— Вы...вы — носили — отсюда! А я, я — негодяй, — неистовствовал Ст⟨епан⟩ Т⟨рофимови⟩ч, уже закрывшись одеялом. — А я всю жизнь был виноват перед вами. Я омерзел всем друзьям моим! Я всю жизнь был неблагодарен и неблагороден! О-о! *б.* Вы — вы — носили — отсюда! А я, я — негодяй. О, я всю жизнь был бесчестен.◇

9 Успокойтесь / Успокойтесь, успокойтесь

10–11 Я вам давеча ∾ негодяй! / *а.* Знайте, что я вам давеча всё налгал, для славы, для роскоши, для мерзости — всё, всё до последнего слова, — негодяй, негодяй! О *б.* Я вам давеча всё налгал, для славы, для роскоши, для мерзости, для прельщения — всё, всё, что я говорил ⟨*К словам:* всё, всё, что я говорил — *незачеркнутый вариант:* до последнего слова⟩ — о негодяй! негодяй! ◇ *Рядом с этой фразой на полях вписано:* в душе дремали слезы. Он несколько пугался, как она его встретит, как поглядит на него.

10–26 *Против текста:* Я вам давеча всё налгал ∾ прежде — *на полях наброски: 1.* Много тревог и забот в сердце. Но он [был] хотел лишь опять поцеловать полу ее платья и был счастлив этим желанием [Он опя⟨ть⟩]. Может быть, он [опять] преувеличил Марью Матвевну.

2. — Сказать: мгновение остановись. — О ложь; нет, нет, о нет, есть высшее, есть дальше, есть великая мысль. Но с ней. Я хочу с ней, всю дорогу вместе с ней.

12–14 Холерина перешла ∾ Варваре Петровне / *а.* С ним решительно делался другой припадок, но уже нравственный. Он метался, он плакал *б.* Холерина переходила таким образом в другой припадок — нравственный. Он метался, он плакал [Эти уж⟨асные⟩] [Эти постыдные]. Теперешние постыдные признания его ужасно походили на таковые же

в прежних самообвинительных письмах его к В⟨арваре⟩ П⟨етров⟩не, которые та сохранила в сердце своем ◇

14-15 вдруг о Lise, о вчерашней встрече / *а.* про Lise почти с испугом, про вчерашнюю встречу *б.* вдруг про Lise, про вчерашнюю встречу ◇

16 Я думал только о себе! *вписано.*

17-18 О, что с нею ∾ Софью Матвеевну. / *а.* Не знаете ли вы, что с ней, что с ней, Lise, Lise! *б.* О, что с ней, не знаете ли, что с ней? — умолял он Марью Матвевну.◇

19-20 Потом он клялся ∾ к Варваре Петровне). / *а.* Потом он кричал, что он не изменит, что он к ней воротится — к пей. *б.* Потом он кричал, что не изменит, что он к ней воротится.◇

20-22 «Мы будем подходить ∾ смотреть... / *а.* Мы (то есть всё с Марьей Матвевной) подойдемте когда-нибудь близко к дому, инкогнито, каждый день, когда опа садится в карету для утренней прогулки, и будем смотреть на нее. *б.* Мы будем подходить к ее крыльцу потихоньку каждый день, когда она будет садиться в карету для утренней прогулки.◇

23-24 О, я хочу ∾ livre! / *а.* О [нет, нет], я хочу, чтоб она ударила меня в другую щеку. Я ей подставлю другую щеку, comme dans votre livre, ⟨как в вашей книге (*франц.*)⟩ [и если она, ударив, не простит меня, то я все еще буду целовать следы ее ног, всю жизнь, всегда, каждую минуту] и буду целовать следы ее ног! ◇

24-25 Я теперь, теперь / О, я теперь понял ◇

26 Я никогда не понимал прежде!» / *а.* О, я теперь понимаю. Я теперь многое понимаю. И это вы, вы, chérie. *б.* Я никогда, никогда не понимал этого — а теперь только стал понимать. Я хочу страдать, страдать, страдать. О позорный, позорный разврат; позорный комфорт. Vingt ans, vingt ans! ◇⟨двадцать лет, двадцать лет (франц.)⟩ *Текст:* О, я теперь понял ∾ понимать — *вписан на полях.*

26 *После:* прежде! — Наконец он как-то вдруг затих и к рассвету совсем заснул сладким спокойным исходным сном. ⟨*К фразе:* Наконец ∾ сном — *на полях незачеркнутый вариант:* Кончилось, однако, благополучно. Он к рассвету заснул⟩. Марья Матвевна даже ободрилась и успела немножко [отдохнуть] заснуть. Когда он очнулся, ее не было, *Вместо вписанного на полях:* Когда он очнулся, ее не было — *было:* Когда он очнулся уже в одиннадцать часов несколько ослабевший, но с совершенным и ярким сознанием и яркою тонкостью и [точ⟨ностью⟩] верностью ощущений, каких не было с ни⟨м⟩ (чего не было уже давно) *К этой фразе справа на полях незачеркнутый вариант:* Когда он очнулся [ее пе б⟨ыло⟩], солнце било в окна.

⟨20⟩

Стр. 513.

31-32 Даже вам не всё! / *а.* У меня много преступлений вам неизвестных прежних. *б.* Даже и вам не посмел.

34 пред Лизаветой Николаевной / перед Лизой ◇

34-35 но тут вы ∾ предсказали / *а.* я знал, что я ее не люблю, но... понадеялся, что полюблю. Это было ужасно глупо *б.* я знал, что я ее не люблю, но... понадеялся, что буду любить. Глупость мне не оправдание. *в.* но тут вы знаете; тут вы предсказывали

36 Лучше / Знаете, лучше

37 *После:* вашу жизнь? — Я прямо говорю, что я вас не люблю [так] в том виде, как вы, может быть, ожидаете.

38 при одной / при первой ◇

38-39 при вас ∾ говорить о себе *вписано.*

40-41 к чему столько жертвовать? / *а.* Если вы будете [в то] подле меня, я, может быть, вас [возненавижу] и не полюблю. Бойтесь рисковать. *б.* К чему вам жертвовать?

41-42 *Фразы:* Вникните тоже ∾ жду. — *нет.*

42 и зову и жду / *а.* я вас зову и жду *б.* вас зову и жду *в.* вас и зову и жду

42–44 Во всяком случае ∾ один. / *а.* Что [казало‹сь›] [этого] позорнее? Главное, я не имею стыда. Но все-таки в вашем ответе нуждаюсь, потому что надо уехать. В таком случае уеду один. *б.* Что позорнее? ◇

44 *После:* один. — *а.* Вникните, что я вас не жалею, коли зову. Грубее и трусливее эгоизма не может быть. Всё это я сознаю. А вы вникните. *б.* Вникните тоже, что я вас не жалею, коли зову, и не уважаю, коли жду.◇ *Далее начато:* А м‹ежду›?

45 *После:* еду — коли надо жить.

46 *После:* места — но почти рад тому.

Стр. 514.

2 не любил / не люблю ◇

2 но даже и в ней ∾ возненавидеть! / *а.* *Начато:* Но не любовь, не ненависть *б.* *Начато:* Но эта мысль *в.* Но только все же не люблю. *г.* Я даже и в ней ничего не мог возненавидеть! ◇

3 *После:* это — говоря

4 узнать себя» / узнать себя окончательно» ◇ *Фраза:* Вы мне советовали ∾ окончательно — *вписана.*

4 *После:* показу — она

4–5 как и прежде ∾ она *вписано на полях.*

5 ваших / ваших же ◇

6–7 я признался в браке публично / при вас

7–8 вот чего никогда ∾ теперь / *а.* вот чего не вижу *б.* вот чего не видел, не вижу и теперь, точно так же как прежде. Вы мне дали было несколько надежд

8 *После:* теперь — *вписано:* (Это чтоб не подумали вы, что я еду в Ури с надеждами) ◇

8–13 несмотря ∾ не бывает. / Я могу и теперь пожелать сделать доброе дело и ощущаю [от него] иногда удовольствие; рядом желаю и злого и [иногда] тоже чувствую удовольствие. Но и то и другое чувство всегда слишком мелкое, а очень — никогда и ничего не [могу пожелать] бывает.

13 Мои желания слишком несильны; / *а.* Мои желания мелки. *б.* Мои желания опять же мелки и лимфатичны, как и всегда. ◇

14–16 На бревне ∾ надеждами. / На бревне можно переплыть реку, а на щепке нет, хоть и она тоже не тонет в воде. Я ничего очень не желаю — и вот вся болезнь моя.◇

17 Я по-прежнему никого / Я никого ◇

18 *После:* силы — но ничего не добился.

18 *После:* разврата — [а пробовал через силу] и был равнодушен. Пробовал быть злодеем — но какой я злодей! Теперь буду пробовать мрачное уединение — тоже через силу [Теперь не хочу]. Я еду в Ури. Одна надежда, что возьму привычку механическую и прирасту к тому месту.

19 *После:* следили — я знаю это.

20 к их надеждам / *а.* к ним *б.* к их надеждам, а ◇

21–27 ибо не разделял ничего ∾ метался! / *а.* хоть и со скуки; о чем, впрочем, думал. Бессмысленно старая помещичья идея подражательного социализма с [новой] примесью новой струи семинарской ненависти и зависти — уж очень грязна и смешна! Я смешного бы не испугался, потому что даже и смешного не боюсь. Но я все-таки порядочный человек и для меня это грязно было [и не могу]. *б.* хоть и со скуки, о чем, впрочем, думал. Бессмысленно старая помещичья идея подражательного социализма с примесью новой струи семинарской ненависти — уж очень грязна и смешна! Я смешного не могу испугаться, но я все-таки порядочный человек. *в.* хоть и со скуки, о чем, впрочем, думал. Но если б имел злобы и зависти побольше и покруп-

нее, то, может, и пошел бы [с ними] в товарищи. Но я не мог. *г.* хоть и со скуки, о чем, впрочем, думал. Если б имел злобы и зависти к ним больше, то, может, и пошел бы с ними. Я смешного не могу испугаться. *д.* хоть и со скуки, о чем, впрочем, думал [не потому, что боялся смешного (я смешного не могу испугаться)], но что я все-таки имею привычки порядочного человека и мне мерзило.◇

28 Друг милый / Ангел мой! Найдите мне [цель] то, чтоб я его пожелал, и я вознесу вас до неба! Друг милый ◇

29–31 вы мечтаете ∾ и цель? / *а.* мечтаете дать мне столько любви и излить на меня столько великого из праведной души вашей, что надеетесь тем поставить передо мной цель в вечном [достиже⟨нии⟩] желании достигнуть вашего сердца. [Может быть, оно и возьмет] Не мечтайте, милая. Лучше предположить теперь же, что оно невозможно. Я могу видеть [ваше совершенство и любить вас даже] вашу прелесть и даже любить вас, но всегда останется три четверти существа моего не занятым вами. *б.* вы мечтаете в продолжение многих лет дать мне столько любви и излить на меня столько прекрасного из прекрасной души вашей, что надеетесь тем самым поставить передо мной и цель? Зачем мечтать? ◇

31–32 *Слов:* Нет, лучше ∾ осторожнее — *нет.*

32–33 так же мелка, как и я сам / *а.* мелка, *б.* так же мелка, как я сам ◇

33 *После:* несчастны. — Я [ведь] знаю, что [вы любите меня] вы меня любите: вы сказали мне это.

33–34 Ваш брат ∾ связи / *а.* Шатов говорил — нет корней и связей *б.* Я ни на что не способен. Ваш несчастный брат говорил мне, что если нет корней и связей

35 *После:* цели. — Я сделался лимфой, но не знаю оттого ли!

35–37 Обо всем можно спорить ∾ вяло. / *а.* Из меня вылилось одно отрицание и никаких ни с кем связей. Даже и отрицания-то нет; ведь я ничего не отвергаю, но всё мелко — и отрицание и утверждение. *б.* Из меня вылилось одно отрицание. Даже и отрицания нет; я ничего не отвергаю, но чувствую равнодушие, всю жизнь надеялся, что только болезненное. У меня нет связей и корней ни с чем, я не могу где-нибудь прирасти. *в.* Из меня вылилось одно отрицание, но без всякого великодушия и без всякой силы. Нет связей, нет корней, даже нет и отрицания. Но зачем копаться в себе? Я себя чувствую и без этого. Всё мелко, всё мелко.◇

38 Великодушный / *а.* Великодушный, но глупый бедняк *б.* Великодушный бедняк ◇

38–40 но ведь я вижу ∾ рассудке / Это потому что он был не в рассудке ◇

40–42 потерять рассудок ∾ не могу. / *а.* так [вн⟨имательно?⟩] заняться идеей в той степени, как он — полюбить или возненавидеть ее. Всё мелко и мне скучно. Везде спрашиваю зачем, везде мне кажется, что не стоит. Я очень лимфатичен. *б.* Я никогда не могу поверить идее в той степени, как он. Я даже заняться идеей не могу в такой степени.◇

42 Никогда ∾ застрелиться! / *а.* Я не застрелюсь. *б.* Я не могу никогда застрелиться.◇ *Незачеркнутый вариант:* Нет, я никогда не застрелюсь и не могу ник⟨огда⟩ з⟨астрелиться⟩.

43 надо бы / надо ◇

44–47 ибо боюсь показать ∾ в великодушие? / *а.* боясь показать великодушие. Боюсь перед собой. Заведомо боюсь [еще] обмануть себя. Боюсь, а не стыжусь. Ничего нет смешнее, как делать то, чему не веришь и чего не хочешь. *б.* потому — знаете почему? Я боюсь показать великодушие, ибо знаю, что это будет [великодушный] [только] еще обман [Да что пользы себя обманывать?], последний обман к бесконечному [числу] ряду обманов. Что же пользы и в чем облегчение? ◇

47–48 Негодования ∾ и отчаяния. / *а.* Негодования же во мне никогда быть не может. *б.* *Начато:* Да и

Стр. 515.

1–2 Я опомнился ∽ довольно. / *а.* И десяти строк призыва довольно. Поймете и степень нужды моей в вас и низость мою. *б. Начато:* Десяти строк призыва в сиделки уже довольно. Поймете и степень нужды моей в вас и если так писать *в.* Это нечаянно. Этак ста страниц мало и десяти строк довольно.

2–3 Довольно ∽ «в сиделки». *вписано на полях.*

6 *После:* имя — *начато:* с передачею Н.

9 Дарья Павловна / Прочтя, Дарья Павловна

10 *Слова:* одной — *нет.*

11 но что-то очень скоро / Наконец

12 почти *вписано.*

13 ответила / твердо ответила

14 Едем вместе! / вместе поедем! ◇

17–18 не помешаю. / не помешаю вам.

19 Начали / Стали ◇

19 поспеть / попасть

21 Егорыч / Егорович ◇

21 доложил / объявил ◇

23 не отвечают / не отвечает, [прошел по] что следует

25 доложить / известить ◇

25 их / ихнего ◇

26 Егорыч / Егорович ◇

26 *После:* Егорыч — *начато:* Видно было уже по лицу

27 пронзительно / быстро

32 осторожно *вписано.*

34 а остальные / все же остальные

35 прежде *вписано.*

36 видела и молчала / *а.* заметила это, хоть *б.* и видела, но смолчала *в.* видела и смолчала ◇

37 три / две

37 но ни в одной / *а. Начато:* Летом Николай *б.* Ни в одной

40 *После:* в светелку. — *начато: а.* Дверь отворили *б.* Дверь

40–41 всегда затворенная ∽ настежь. / дверь была отперта и стояла настежь.◇ *Далее было: а.* тогда как всегда стояла запертая, *б.* тогда как до сих пор была заперта.

41–42 приходилось / надо было ◇

45 полезет / пойдет

45–46 ужасно побледнела / бледная

47–48 смотрели на нее и *вписано.*

Стр. 516.

1 Варвара Петровна / *а. Как в тексте. б.* Она

1–2 по лесенке ∽ без чувств. / *а.* по лесенке и дошла до двери. Дверь была приперта. *б.* по лесенке. Дверца была приперта. [Быстро] Она толкнула изо всей силы. Дверь отвор⟨илась⟩ *в.* по лесенке. Дверца была приперта, но не заперта. Она вошла и упала. *г.* по лесенке. Дверца была приперта, но не заперта. Она вошла, закричала и упала [как сноп] без чувств.◇

3 *После:* за дверцей. — *а.* Надо думать, что он висел уже с полчаса *б. Начато:* Надо думать, что самоубийство

5 кусок мыла / и большой гвоздь

6 очевидно / коне⟨чно?⟩

6 *После:* про запас — *а. Начато:* на совершенно *б. Начато:* Совершенно на таком же гвозде *в.* На другом таком же [само⟨м⟩] гвозде [повисал самоубийца] висел самоубийца. Он повесился на крепком шелковом снурке и по приезде следствия *в. Начато:* Крепкий шелковый шнурок, на котором [он повесился] повесился самоубийца [оказалось, что он б⟨ыл⟩], как оказалось по следствию, был крепко намылен. Всё оз⟨начало⟩

7-8 снурок, очевидно ∾ намылен / шнурок, на котором [он] повесился Николай Всеволодович, был жирно намылен ◇

10-11 Наши медики ∾ помешательство / *Начато:* Наши медики, производившие следствие, даже заключили, что [больной] самоубийца находился

11 *После:* помешательство. — После Николая Всеволодовича оказались, говорят, какие-то записки [но никому не изве‹стные›]. Я очень ищу их. [Может быть, и найду и, если возможно будет] Finis.◇

Глава девятая

У ТИХОНА

(Том XI, стр. 5)

Варианты списка А. Г. Достоевской

(Список)

Стр. 10.

7 не в аллегорию / а не в аллегорию ◇

Стр. 12

30-31 *Фраза:* Надо полагать, что он уже многим теперь известен. — *вписана и зачеркнута.*

35-36 на неправильности и даже неясности / на неправильности ◇

37 *После:* не литератор. — *вписано:* Позволю себе и еще замечание, хотя и забегая вперед.

Документ этот, по-моему, — дело болезненное, дело беса, овладевшего этим господином. Похоже на то, когда страдающий острою болью мечется в постели, желая найти положение, чтобы хотя на миг облегчить себя. Даже и не облегчить, а лишь бы только заменить, хотя на минуту, прежнее страдание другим. И тут уже, разумеется, не до красивости или разумности положения. Основная мысль документа — страшная, непритворная потребность кары, потребность креста, всенародной казни. А между тем эта потребность креста — все-таки в человеке, не верующем в крест, — «а уж это одно составляет идею», — как однажды выразился Степан Трофимович в другом, впрочем, случае.

С другой стороны, весь документ в то же время есть нечто буйное и азартное, хотя и написан, по-видимому, с другою целию. Автор объявляет, что он «не мог» не написать, что он был «принужден», и это довольно вероятно: он рад бы миновать эту чашу, если бы мог, но он действительно, кажется, не мог и ухватился лишь за удобный случай к новому буйству. Да, больной мечется в постели и хочет заменить одно страдание другим, — и вот борьба с обществом показалась ему положением легчайшим и он бросает ему вызов. Действительно, в самом факте подобного документа предчувствуется новый, неожиданный и непочтительный вызов обществу. Тут поскорее бы только встретить какого-нибудь врага...

А кто знает, может быть, всё это, то есть эти листки с предназначенною им публикацией, опять-таки не что иное, как то же самое прикушенное губернаторское ухо в другом только виде? Почему это даже мне теперь приходит в голову, когда уже так много объяснилось, — не могу понять. Я и не привожу доказательств и вовсе не утверждаю, что документ фальшивый, то есть совершенно выдуманный и сочиненный. Вероятнее всего, что правды надо искать где-нибудь в средине... А впрочем, я уже слишком забежал вперед; вернее обратиться к самому документу. Вот что прочел Тихон: ◇

Стр. 13.

4 *Слов:* при моих приятелях и при муже — *нет.*
5 большого удовольствия / некоторого удовольствия ◇
6 эту встречу / встречу ◇
11–12 Муж у кого-то был в конторе / Муж, длиннополый и с бородой, где-то служил на конторе ◇
14 что нашила / что нашила, и торговать ◇
15 *Слов:* думаю, лет четырнадцати — *нет.*
16–17 ужасно кричала на нее по-бабьи / громко кричала на нее по-бабьи за всё ◇
19 старый дом сломан, перепродан / старый дом сломан ◇
22–23 Степанидой, кажется, Михайловной ∾ и куда теперь делись / Степанидой; его не помню; куда теперь делись ◇
24 очень начать их искать / начать искать ◇
30–31 кричала на ребенка / кричала на девчонку ◇
31 *Слов:* (я жил просто, и они со мной не церемонились) — *нет.*
32–33 что та ее стащила, и даже отодрала за волосы / что та ее стащила на куклы, и отодрала за волосы ◇
34 в попрек / в попрек, что напрасно наказали ◇
35 Я это заметил ∾ лицо ребенка / Я это заметил, она нарочно не хотела, и запомнил, потому что тут в первый раз разглядел лицо девочки ◇
37 но очень много детского / но в нем было много детского ◇
38–40 не попрекнула за битье даром ∾ мой ножик / не попрекнула, а тут как раз подоспел мой ножик. ◇
43–44 бросилась к венику ∾ на моих глазах / нарвала из веника прутьев и высекла девчонку до рубцов, на моих глазах, несмотря на то что той уже был двенадцатый год ◇
44 *После:* не кричала — конечно потому, что я тут стоял ◇

Стр. 13—14.

47–45 Но прежде того было вот что ∾ никто никогда не узнал. / Когда кончилась экзекуция, я вдруг нашел ножик на постеле, в одеяле, и молча положил его в жилетный карман, а выйдя из дому, выбросил на улицу далеко от дому, с тем чтобы никто не узнал. Я тотчас же почувствовал, что сделал подлость, и при этом некоторое удовольствие, потому что меня вдруг точно железом прожгло одно чувство, и я стал им заниматься. Здесь замечу, что часто разные скверные чувства овладевали мною даже до безрассудства или, лучше сказать, до чрезвычайного упрямства, но никогда до забвения себя. Доходя во мне до совершенного огня, я в то же время мог совершенно одолеть его, даже остановить в верхней точке; только редко хотел останавливать. При этом объявляю, что ни средою, ни болезнями безответственности в преступлениях моих искать не хочу. ◇

Стр. 14.

46 я убежден / убежден ◇

Стр. 14—16.

47–3 Впрочем, наверно, был ∾ Как только кончились три дня / хотя наверно оставался некоторый стыд за то, что ее наказали в таком виде при мне. Но в стыде этом она, как покорный ребенок, винила одну себя. Отмечаю потому, что в рассказе это очень важно... Затем я прожил три дня у себя в номерах на главной моей квартире. В этих многочисленных номерах, обладавших самым дурным запахом пищи, гнездилось много людей, всё чиновников без места или на маленьком месте, докторов с отъездом, разных поляков, всегда около меня юливших. Я всё помню. В этом содоме я жил уединенно, то есть уединенно про себя, но целый день тут окружен был целою ватагою «товарищей», ужасно мне преданных и почти меня обожавших за кошелек. Мы,

я думаю, делали много скверностей, и нас другие жильцы даже опасались, то есть были вежливы, несмотря на шалости и глупости, иногда непозволительные. Говорю опять: я даже вовсе не прочь был тогда от мысли, чтобы меня сослали в Сибирь. Я до того скучал, что, думаю, мог бы повеситься, и если не повесился, то потому, что всё еще чего-то надеялся, так же как и всю жизнь. Я помню, что я тогда очень занимался богословием, и [очень] серьезно. Это несколько развлекало меня, но потом стало еще скучнее. Гражданские же чувства мои состояли в том, чтобы подложить под все четыре угла пороху и взорвать всё разом, если бы только того стоило. Впрочем, без всякой злобы, потому что мне было только скучно и более ничего. Я вовсе не социалист. Я полагаю, что это была болезнь. Доктор Добролюбов, погибавший с семейством в наших номерах без места, на шутливый вопрос мой: «Нет ли каких-нибудь капель для возбуждения гражданской энергии?» — отвечал однажды: «Для гражданской, пожалуй, и нет, а вот для уголовной так, может, найдется» — и остался доволен своим будто бы каламбуром, хотя страшно был беден и сидел с голодною беременною женой и с двумя девчонками. А впрочем, если бы люди не были излишне собой довольны, то никто бы не захотел жить.

Опять через три дня ◇

Стр. 16.

4 не было / не было дома ◇

5 Окна были отперты / Окна (во двор) были отперты ◇

10 *Слов:* и посмотрел, который час — *нет.*

10–11 начинало биться сердце / стало сильно биться сердце ◇

11–12 *Слов:* Но тут я вдруг ∾ что могу. — *нет.*

13 подкрадываться / подходить ◇

14 ужасно ярко светило / очень ярко светило ◇

16 и тихо поцеловал / и поцеловал ◇

17 поцеловал у ней руку / поцеловал ей руку ◇

21 а губы стали дергаться / а губы стали двигаться ◇

22–23 Я опять стал целовать ∾ она вся отдернулась / Я опять поцеловал у ней руку и взял ее к себе на колени. Тут вдруг она вся отдернулась и улыбнулась ◇

24 лицо / лицо ее ◇

25 шептал ей / ей шептал и смеялся ◇

29–48 Я чуть не встал и не ушел ∾ это была минута / Я встал почти в негодовании — так это было мне неприятно в таком маленьком существе — от жалости, которую я вдруг почувствовал...

Тут листок оканчивался и фраза вдруг прерывалась. При этом произошло обстоятельство, о котором нельзя не упомянуть.

Листков всего было пять, один в руках у Тихона, только что им дочитанный и прерывавшийся на полуфразе, а четыре оставались в руках у Ставрогина. На вопросительный взгляд Тихона тот, уже ожидавший, мигом подал ему продолжение.

— Но и тут пропуск? — спросил Тихон, всматриваясь. — Ба! Да это уже третий листок, нужен второй.

— Да, третий, но тот листок... тот второй листок пока под цензурой, — быстро отвечал Ставрогин, неловко усмехаясь. Он сидел в углу дивана и всё время неподвижно и лихорадочно следил за читавшим Тихоном. — Вы получите потом, когда... удостоитесь, — прибавил он с неудавшимся фамильярным жестом. Он смеялся, но на него жалко было смотреть.

— Ведь уже теперь, что второй номер, что третий, — всё одно, — заметил было Тихон.

— Как всё одно? Почему? — азартно и неожиданно рванулся вперед Ставрогин. — Совсем не одно. А! Вам бы сейчас по-монашески, то есть самую что ни на есть мерзость прежде всего заподозрить. Монах был бы самым лучшим уголовным следователем!

Тихон вглядывался молча.

— Успокойтесь. Я не виноват, что девчонка глупа и не так поняла... Ничего не было. Ни-че-го.

— Ну, и слава богу, — перекрестился Тихон.

— Это всё долго объяснять... тут... тут просто психологическое недоразумение...

Он вдруг покраснел. Чувство отвращения, тоски, отчаяния выдавилось в лице его. Он замолчал, точно оборвал. Долго оба не говорили и не глядели друг на друга, больше минуты.

— Знаете что, лучше читайте, — сказал он, машинально отирая пальцами холодный пот со лба. — И... лучше всего не глядите на меня совсем... Мне кажется, что теперь сон... И... не выводите меня из последнего терпения, — прибавил он шепотом.

Тихон быстро отвел глаза, схватился за третий листок и, уже не отрываясь, продолжал чтение до конца. В поданных Ставрогиным трех листочках более перерывов не оказалось. Но третий лист начинался тоже с полуфразы. Помещаю буквально:

... Это была минута ◇

Стр. 17.

2 очень довольна / довольна ◇

4–5 Увидев меня ∾ вверх по лестнице. / а, увидев меня, стрельнула в ужасном страхе вверх по лестнице. Это был даже и не страх, а ужас, немой, окаменяющий. ◇

6–8 ее два раза по щеке за то ∾ ее испуга / ее за то, что вбежала «сломя голову», чем и прикрылась настоящая причина испуга ◇

8–9 и не входила всё время, пока я был / и не выходила всё время, пока я оставался ◇

10–33 К вечеру я опять почувствовал страх ∾ Но, придя на Гороховую / Но к вечеру я опять почувствовал страх, уже несравненно сильнее. Мне главное было в том, что я боялся, что я это сознавал. О, ничего нелепее и ужаснее не знаю! Я никогда не чувствовал страха и, кроме этого случая в моей жизни, ни прежде, ни после, никогда. Но в этот раз я боялся и даже трепетал буквально. Я это сознавал изо всех сил с унижением. Если бы можно, я бы убил себя; но я чувствовал себя недостойным смерти. Впрочем, я не потому не убил себя, а из страху же. Из страху убивают себя, но из страху же и остаются в жизни: человек начинает не сметь убить себя, и самое дело становится немыслимым. Кроме того, вечером, у меня в номерах, я возненавидел ее до того, что решился убить. На рассвете я с тем побежал в Гороховую. Я представлял себе всю дорогу, как буду ее убивать и ругаться над нею. Главная ненависть моя была при воспоминании об ее улыбке: во мне рождалось презрение с непомерною гадливостью за то, как она бросилась ко мне на шею, что-то воображая. Но на Фонтанке мне сделалось дурно. И, кроме того, я ощутил новую мысль, ужасную, и ужасную тем, что сознавал. Воротясь, я лег весь в ознобе, но в такой уже последней степени страха, что перестал даже ненавидеть девочку. Я уже не хотел убивать, и вот это-то и была новая мысль, которую сознал на Фонтанке. Тогда я в первый раз в жизни почувствовал, что страх, если в сильнейшей степени, совершенно прогоняет ненависть, даже чувство мщения к обидчику.

Проснулся около полудня, но сравнительно здоровый, и даже удивился силе вчерашних ощущений. Устыдился за то, что хотел убивать. Однако был в дурном расположении духа и, несмотря на всё отвращение, все-таки принужден был пойти в Гороховую. Помню, что мне ужасно хотелось в ту минуту иметь с кем-нибудь ссору, но только очень серьезную. Но, придя в Гороховую ◇

34–38 ожидала меня. ∾ моя баба хозяйка / меня поджидала. Девушку эту я совсем не любил, так что она пришла сама немного в страхе, не рассержусь ли я за визит. Она всегда так приходила. Но я вдруг

ей очень обрадовался, чем привел ее в восхищение. Она была недурна, но скромна и с теми их манерами, которые так ценит мещанство, так что моя хозяйка ◇

Стр. 17—18.

40-3 В углу их каморки я заметил Матрешу. ∾ об чем она бредит / В углу, в другой комнате, я разглядел Матрешу; она стояла и смотрела на мать и на гостью неподвижно и исподлобья. Когда я вошел, она не спряталась, как тогда, и не убежала; это мне очень запомнилось и несколько поразило. Показалось только с первого взгляда, что она очень похудела и что у нее жар. Я был очень ласков с Ниной, так что она ушла совсем обрадованная. Вышли мы вместе, и я два дня не возвращался в Гороховую. Мне очень надоело, хотя я скучал.

Так что наконец я решился всё разом покончить и лучше уехать из Петербурга: до того дошло! Но когда пришел, чтоб отказаться от квартиры, я застал хозяйку в тревоге и в горе: Матреша была третий день нездорова и каждую ночь бредила. Разумеется, я спросил сейчас, о чем бредит ◇

Стр. 18.

6-7 днем-то выходит, сейчас в лавочку сбегала» / давеча в лавочку сбегала» ◇

9 на Петербургскую / на Петербургскую сторону ◇

9-10 *После:* вечером. — Впрочем, совсем не знал, для чего и что хотел делать. ◇

11 Я пообедал / Пообедал ◇

14 как она выглянула; но я / как выглянула, но ◇

14-15 Все окна были отворены. / Окна были отворены. ◇

15-16 Я походил по комнате / Я походил ◇

17-18 не заговаривать с Матрешей. Я ждал и просидел / не заговаривать с Матрешей, а томить ее, не знаю почему. Я ждал ◇

20 вскочила с кровати / вскочила ◇

21 *После:* в мою комнату. — Я так был низок, что был доволен, что она вышла первая. О, как это всё было низко и как я был унижен! ◇

21 Она глядела на меня молча / Она стояла и глядела молча ◇

21-23 В эти четыре или пять дней ∾ Лицо ее как бы высохло / В эти дни, в которые я с того времени ни разу не видел ее ближе, действительно похудела очень. Лицо ее высохло ◇

25 как бы с тупым любопытством / с тупым любопытством ◇

26-27 Я сидел в углу дивана ∾ опять я почувствовал / Я сидел, смотрел и не трогался. И тут вдруг опять почувствовал ◇

28 что она / что Матреша ◇

29 Но она и в бреду / Но и в бреду ◇

30 *После:* укоряют — наивные и не имеющие манер ◇

31-32 грозить им мне с места / грозить с места ◇

33 я не мог его вынести: я встал и подвинулся к ней / не мог вынести, и я вдруг встал и подвинулся в страхе ◇

34-35 видеть в лице ребенка / видеть в таком маленьком существе ◇

36-37 Я подошел близко ∾ Потом вдруг она / Я осторожно заговорил почти шепотом и ласково от трусости, но тотчас увидел, что она не поймет, и еще более испугался. Но она вдруг ◇

39-41 Я оставил ее ∾ поспешные шаги ее / Я тоже повернулся и сел у окна. Никак не пойму, почему я не ушел тогда же и остался там ждать; верно, в самом деле, чего-то ждал. Я, может быть, посидел бы и потом встал и убил ее, чтобы всё равно покончить в отчаянии. Вскоре опять услышал поспешные ее шаги ◇

Стр. 18—19.

43-1 и я тотчас побежал к моей двери ∾ и заметил время. / я поспешно подошел и успел еще подглядеть, как она вошла в чулан вроде ку-

рятнпка, рядом с другим местом. У окна, когда сел, опять роковая мысль скользнула в моем уме, и до сих пор не пойму, почему она так вдруг первая пришла мне в голову, а не другая; значит, к тому вело. Разумеется, мелькнувшей мысли верить еще было нельзя, «но однако»... Я всё ужасно помню, и сердце билось сильно.

Через минуту я вновь посмотрел на часы и заметил время как можно точнее. Для чего мне нужна была тогда эта точность — не знаю, но вообще в ту минуту я всё хотел замечать; так что всё помню и теперь вижу, как сейчас.◇

Стр. 19.

4 какая-то телега / телега◇

7–11 когда я входил в ворота ∾ и забылся. / когда я проходил в ворота и поднимался по лестнице, то, конечно, не надо, чтобы теперь встретили, когда буду сходить вниз, и я осторожнее отодвинул мой стул от окна и сел так, чтобы меня не могли видеть жильцы. О, как это было подло! Взял книгу, но бросил и стал смотреть на крошечного красненького паучка на листке герани и тут забылся.◇

14 *Слов:* Догадка принимала вид вероятности. — *нет.*

15 еще с четверть часа. Приходило тоже в голову / еще ровно четверть часа. Я задал себе это время. Пришло также в голову◇

18 стало биться сердце / стало опять биться сердце.◇

19 я их высидел / но я все-таки их высидел◇

19–20 Тут-то я встал, накрылся шляпой / Тут я встал, надел шляпу◇

21 *Слов:* всё ли на прежнем месте — *нет.*

22 Стул я придвинул / Стул передвинул◇

22–23 Наконец, тихо отворил дверь, запер / Наконец, отворил дверь, тихо запер◇

24 я знал, что он не запирался / я и знал, что он не запирается◇

25 глядеть в щель / глядеть в верхнюю щелку◇

27 на красного паучка / на красненького паучка◇

30–31 *После:* способностями — а стало быть, не сумасшедший и за всё отвечаю◇

31–34 там было темно ∾ что мне можно уйти, / потому что там было темно, но не совершенно, и наконец я всё разглядел, что было надо. Тогда я решил, что мне можно уйти◇

35 Я никого не встретил / Никого не встретил и никто на меня не мог показать◇

38 Был и Кириллов / Тогда был и Кириллов◇

41–43 Я запомнил ∾ в одиннадцать / Я запомнил это тогда же, стало быть, я был весел, доволен, не хандрил и умно говорил. Но я помню, что я знал тогда совершенно, что я низкий и подлый трус за мою радость освобождения и более никогда не буду благороден — ни здесь, ни после смерти и никогда. И вот что еще: со мной сбылась в ту минуту жидовская поговорка: «Свое дурно, но не пахнет». Ибо хотя я и чувствовал про себя, что подлец, но того не стыдился и вообще мало мучился. Тогда, сидя за чаем и что-то болтая с ними, строго формулировал про себя в первый раз в жизни: что не знаю и не чувствую зла и добра и что не только потерял ощущение, но что и нет зла и добра (и это было мне приятно), а один предрассудок; что я могу быть свободен от всякого предрассудка, но что, если я достигну той свободы, то я погиб. Это было в первый раз сознанное в формуле и именно тогда за чаем, когда я с ними врал и смеялся не знаю о чем. Но зато я всё помню. Старые, всем известные мысли часто представляются вдруг как совсем новые, даже иногда после пятидесяти лет жизни.

Но зато я всё время чего-то ждал. Так и случилось: часов уже в одиннадцать◇

46 зачем посылала за мной / зачем за мной посылала◇

46–48 Она вопила и билась ∾ и ушел / Она вопила и билась очень громко, как и все они в этих случаях. Был народ и полицейские. Я постоял и ушел◇

Стр. 20.

1 не беспокоили / не беспокоили всё время ◇
3 доктора / медика ◇
4 я решительно ничего не мог показать. Спрашивали меня / я ничего не показал. Спрашивали что-то меня ◇
6–7 Про результат ∾ я ничего не слыхал / Тем дело и кончилось ◇
8–9 С неделю я не заходил туда. ∾ чтобы сдать квартиру / Целую неделю я совсем туда не ходил и зашел, чтобы сдать квартиру ◇
17–18 я было совсем забыл / я бы совсем забыл ◇

Стр. 23.

35–36 Во всё это время ∾ неподвижно / Всё это время, с самого перерыва, когда был конфискован второй листок, Ставрогин сидел молча и неподвижно в углу дивана, прижавшись к спинке и видимо выжидая ◇
36–40 *Слов:* Странно ∾ почти достоинства. — *нет.*

Стр. 23.

40–44 и начал первый ∾ в слоге / помедлил и наконец нерешительно глянул на Ставрогина. Тот вздрогнул и весь дернулся вперед ◇

Стр. 24.

1 *После:* предупредить — быстро и резко произнес он ◇
2 моего намерения / намерения ◇
2–3 *После:* отговаривать. — Я публикую.
Он покраснел и замолчал. ◇
4–5 *После:* прежде чтения. — Нечто раздражительное послышалось в тоне Тихона. «Документ» произвел, очевидно, сильное впечатление. Христианское чувство его было уязвлено, а он не всегда в состоянии себя сдерживать. Замечу, чтобы высказать кстати, что он недаром приобрел репутацию человека «неспособного умеючи держать себя с публикой», как говорили о нем монастырские. Несмотря на всё это христианство, решительное негодование послышалось в его голосе. ◇
6 — Всё равно ∾ какова бы ни была / — Всё равно, — резко и не замечая никакой перемены, продолжал Ставрогин. — Какова бы ни была ◇
10–12 прибавил он ∾ улыбнулся своим словам / заключил он, криво усмехнувшись ◇
14 Мысль эта — великая мысль / Мысль ваша — высокая мысль ◇
16 *После:* подвига — казни над самим собою ◇
18 — Если бы что? / — Если? ◇
21–22 — Это, мне кажется, ∾ искренно. / — Тонкости, — пробормотал Ставрогин задумчиво и рассеянно, встал и начал ходить по комнате, решительно не замечая того. ◇
23 хотите / хотели ◇
24 осмеливался / высказывался ◇
25–26 *Фразы:* Очевидно, «документ» произвел на него сильное впечатление.— *нет.*
27–28 — «Представить»? ∾ не «ломался». / «Представить»? Я не «представлялся» и в особенности — не «ломался». «Грубее», что такое «грубее»? — покраснел он опять и тотчас же за то рассердился: я знаю, что это факт мизерный, ползучий и мерзкий, — кивнул он на листки, — но пусть самая низость его послужит к усугублению...

Он вдруг оборвал, как бы стыдясь продолжать и считая унизительным пускаться в объяснения, но в то же время с видимым страданием, хотя и бессознательно, подчиняясь какой-то необходимости остаться, и именно для объяснений. Замечательно, что ни слова о том, что было им давеча высказано в объяснение конфискации второго листка, не было уже более повторено во всё продолжение дальнейших речей, даже как будто и забыто с обеих сторон. Меж тем он остановился у письменного стола и, взяв в руки маленькое распятие из слоновой кости, начал вертеть его в пальцах и вдруг сломал пополам. Очнувшись и

удивившись, он в недоумении посмотрел на Тихона, и вдруг верхняя губа его задрожала, словно от обиды и как бы с горделивым вызовом.

— Я думал, что вы мне что-нибудь в самом деле скажете, для того и пришел, — проговорил он вполголоса, как бы сдерживаясь изо всех сил, и бросил обломки распятия на стол.◇

31 продолжал он / произнес он◇

32 и с необыкновенным жаром / и почти с жаром◇

32 сие есть / это есть◇

33 вас поборовшая, / вас поборовшая. Вас поразило до вопроса жизни и смерти страдание обиженного вами существа: стало быть, в вас есть еще надежда◇

34 *После:* из неслыханных — казнить себя перед целым миром заслуженным вами позором: вы обратились к суду всей церкви, хотя и не веруя в церковь, так ли я понимаю?◇

34-35 ненавидите вперед / ненавидите и презираете◇

36 *После:* в бой. — Я? Зову в бой?◇

36-37 Не стыдясь признаться ∾ покаяния? / Не постыдившись признаться в преступлении, зачем постыдились вы покаяния?

— Я? Стыжусь?

— Стыдитесь и боитесь.

— Боюсь? — судорожно усмехнулся Ставрогин, и снова верхняя губа его как бы вздрогнула.◇

38 *После:* глядеть на них? — Вы уже ждете их злобы, чтоб ответить еще более злобою.◇

40-41 только бы удивить ∾ в вас нет. / чтобы только удивить читателя бесчувственностью и бесстыдством, которых в вас, может, и нет. С другой стороны, дурные страсти и привычки к праздности делают вас действительно бесчувственным и глупым.

— Глупость не порок, — усмехнулся Ставрогин, начиная бледнеть.

— Иногда порок, — непреклонно и страстно продолжал Тихон. — Уязвленный смертельно видением на пороге и измученный им, вы в документе сем как бы сами не видите, в чем собственно главное преступление ваше и чего больше стыдиться вам перед людьми, к которым сами хотите на суд: бесчувственности ли насилия, совершенного вами, или трусости, при том выказанной? В одном месте вы даже как бы спешите уверить читателя вашего, что грозящий жест отроковицы был уже для вас не «смешон», а убийствен. Но неужели он был хоть на мгновение для вас «смешон»? Да, был, я свидетельствую.

Тихон замолк. Он говорил как человек, не желающий себя сдерживать.◇

41-45 *Слов:* Что же это ∾ его бледные щеки. — *нет.*

Стр. 24—25.

46-7 — Оставим это ∾ ушедшая нарочито в мерзость. / — Говорите, говорите, — понудил Ставрогин. — Вы раздражены и... бранитесь; я это люблю от монаха. Но только вот что я вас спрошу: вот уже десять минут, как мы говорим после этого (он кивнул на листки), и хоть вы и бранитесь, а я не вижу в вас никакого особенного выражения гадливости или стыда... Вы, кажется, не брезгливы и говорите со мной точно с равным.

Это он прибавил, совсем понизив голос, а «точно с равным» как бы вылетело у него совсем нечаянно, для него самого неожиданно. Тихон зорко поглядел на него.

— Удивляюсь вам, — произнес он, помолчав, — ибо слова ваши непритворны, я вижу, и в таком случае... Я сам пред вами виновен. Знайте же, что я с вами был и невежлив и брезглив, а вы в жажде самоказни даже того не заметили, хоть и заметили нетерпение мое и назвали его бранью; сами же себя считаете достойным несравненно большего презрения, и слово ваше, что я говорю «как с равным», — хоть и невольное, но прекрасное ваше слово. Я пред вами ничего

не утаю: меня ужаснула великая праздная сила, ушедшая нарочито в мерзость. ◇

Стр. 25.

7 *После:* в мерзость. — Видно, даром иностранцами не делаются. Есть одна казнь, преследующая оторвавшихся от родной земли, — скука и способность к бездельничеству, даже при всем желании дела. Но христианство признает ответственность даже и при всякой среде. Вас умом господь не обделил, рассудите сами: коль скоро вы в силах умственно поставить вопрос: «ответствен я или не ответствен за дела мои?» — значит, непременно уж ответственны: «Невозможно не прийти в мир соблазнам, но горе тому, чрез кого соблазн приходит». ◇

8–13 Что же до самого преступления ∾ в такой степени. / Впрочем, что до самого... проступка вашего, то и многие грешат тем же, но живут с своею совестью в мире и спокойствии, даже считая неизбежными проступками юности. Есть и старцы, от которых уже пахнет могилой и которые грешат тем же, и даже с утешением и с игривостию. Всеми этими ужасами наполнен мир. Вы же, по крайности, почувствовали всю глубину, что очень редко случается в такой степени. ◇

15 *После:* усмехнулся Ставрогин. — Вы... вы, почтенный отче Тихон, — я слышал от других, — в наставники не годитесь, — прибавил он, продолжая улыбаться еще более насильственною и не подходящею улыбкой. — Вас здесь сильно критикуют. Вы, говорят, чуть увидите что-либо искреннее и смиренное в грешнике, тотчас приходите в восторг, каетесь и смиряетесь, а пред грешником забегаете и юлите... ◇

16–18 не буду. ∾ и не может быть. / не буду, но, конечно, правда, что не умею подходить к людям. Я всегда в том чувствовал великий мой недостаток, — со вздохом промолвил Тихон и до того простодушно, что Ставрогин посмотрел на него с улыбкой. — Что же до сего, — продолжал он, глянув на листки, — то более великого и более страшного преступления, как поступок ваш с отроковицей, разумеется, нет и не может быть. ◇

19–27 на аршины. ∾ прервали в Швейцарии / на аршины, — проговорил Ставрогин, помолчав и несколько с досадой. — Я, может быть, вовсе не так страдаю, как здесь написал, и, может быть, действительно много налгал на себя, — заключил он вдруг неожиданно.

Тихон смолчал. Ставрогин задумчиво и понурив голову шагал по комнате.

— А эта девица, — спросил вдруг Тихон, — с которою вы разорвали начавшуюся связь в Швейцарии ◇

32 повторил еще раз Ставрогин / повторил вдруг Ставрогин, — я даже не знаю еще сам... ◇

32–35 Впрочем, что же ∾ будет легче. / Впрочем, что же, я их вызываю грубостию моей исповеди, если вы уже так заметили вызов? Так и надо. Они стоят того. ◇

38–39 — Вы правы ∾ Ведь так? / — Вы правы; я не имею привычки быть откровенным, но уже если начал... с вами... то знайте, что я их всех столько же, совершенно столько же презираю, как и себя, столько же, если не больше; бесконечно больше. Ни один не может быть моим судьей... я написал этот вздор (он кивнул на листки) так, потому что мне это в голову пришло, для бесстыдства... а может быть, просто наврал, преувеличил в минуту фанатическую... — злобно оборвал он и опять покраснел, как давеча, за против воли высказанное. Он обернулся к столу, спиной к Тихону, и опять захватил в руку кусок сломанного распятия. ◇

40–41 — *Слов:* — Конечно, будет ∾ сие намерение? — *нет.*

46–47 — Ответьте на вопрос ∾ (Тихон указал на листки) / Ответьте мне на вопрос, но искренно, мне одному, или как самому себе в темноте ночи, — проникнутым голосом начал Тихон, — если бы кто простил вас за это (он указал на листки) ◇

Стр. 26.

2–3 *После:* всё равно? — Пожалуй, если тяжело самолюбию вашему дать ответ, то и не говорите, а только подумайте про себя. ◇

4 *Слов:* опуская глаза — *нет.*

6–10 неожиданно и полушепотом. ∾ монастырская формула? / быстро и полушепотом, но всё еще не оборачиваясь от стола.

— С тем чтобы и вы меня также.

— За что? — обернулся Ставрогин, — что вы мне сделали? Ах да, это ваша монастырская формула. Дурное смирение. Знаете, эти все ваши монашеские древнейшие формулы даже совсем не изящны. Но вы в самом деле думаете, что они изящны, — фыркнул он раздражительно. — Я не знаю, зачем я здесь, — прибавил он вдруг, оглядываясь. — Да, я у вас сломал... Что, эта штучка рублей двадцать пять стоит?

— Не беспокойтесь, — сказал Тихон.

— Али пятьдесят? Почему мне не беспокоиться? За что я буду у вас ломать, а вы мне прощать убыток? Возьмите, вот вам пятьдесят рублей, — вынул он деньги и положил на стол. — Ну, не хотите взять сами, возьмите на бедных, для церкви... — раздражался он более и более. ◇

11–14 *Слов:* — За вольная и невольная ∾ более вашего. — *нет.*

15–16 Я вам всю правду скажу ∾ ненавидят. / — Слушайте, я вам всю правду скажу: я желаю, чтобы вы меня простили, вместе с вами другой и третий, но все — все непременно пусть ненавидят! — Глаза его засверкали.

17 *Слов:* Но для того желаю, чтобы со смирением перенести... — *нет.*

18 19 с тем же смирением / с смирением ◇

20 Может быть, и не мог бы. / — Не мог бы. Я не хочу всеобщего сожаления, да и не может быть всеобщего сожаления, пустой вопрос. Слушайте, я не хочу ждать, я непременно опубликую... не подъезжайте ко мне... Я не могу ждать, не могу... — прибавил он неистово. ◇

20–25 *Слов:* Вы очень тонко подхватываете ∾ в глаза Ставрогину. — *нет.*

25 28 Я потому только ∾ их ненависти? / Страшно мне за вас, — почти робко произнес Тихон.

— Страшно, что не выдержу? Не выдержу их ненависти?

32 *После:* у Тихона. — Бедный не мог удержаться и начал о том, о чем сам знал, что лучше бы умолчать. ◇

36 *Слов:* несмотря на всю трагедию? — *нет.*

37 45 я ведь и сам предчувствовал. ∾ Справедливая мысль. / я этого ожидал.

Тихон, действительно, как бы сконфузился и стал поскорее объясняться, что, конечно, еще более испортило дело:

— Для таких подвигов потребно нравственное спокойствие духа, даже и при страдании потребно высшее просветление... ныне же нравственного спокойствия нет повсеместно. Всюду идет большой спор. Не понимают друга друга, как во времена разделения вавилонского...

— Это всё очень скучно, я это знаю, тысячу раз переговорено... — перебил Ставрогин.

— Ведь и цели не достигнете, — приступил прямо Тихон: юридически вы почти неуязвимы, вот и это, во-первых, заметят вам с насмешкой. Будет недоумение. Кто поймет истинные причины исповеди? Да нарочно понять не захотят, ибо таких подвигов боятся, встречают их с беспокойством и за них ненавидят и мстят, ибо свет любит скверну свою и не хочет, чтоб ее потрясали; а посему и обратят поскорее в смешное, ибо смешным скорее всего загубить у них можно.

— Говорите точнее, говорите всё, — понуждал Ставрогин.

— Вначале, конечно, выкажут ужас, но более фальшивый, чем искренний, для соблюдения приличий. Я не про чистые души говорю:

те ужаснутся про себя и себя обвинят, но они незаметны будут, потому что будут молчать. Остальные же люди, светские, боязливы лишь пред тем, что прямо угрожает личным их интересам. Те именно, после первого недоумения и условного ужаса, начнут поскорее смеяться. Будет любопытство и к помешанному, ибо вас сочтут за помешанного, хотя и не совсем, но именно настолько за себя отвечающего, чтобы позволительно было усмехнуться над ним. Перенесете ли то? Не исполнится ли сердце ваше враждой такою, что за сим несомненно последует проклятие и погибнете... Вот чего боюсь! ◇

Стр. 27.

1 я более по себе судя сказал / я более по себе судя говорил ◇

3–4 — В самом деле? ∾ что вас / — Да неужто же есть в душе вашей хоть что-нибудь, что и вас ◇

6 я смешон / смешон я ◇

7 Я знаю чем / Я знаю всё, чем ◇

8–9 скажите именно ∾ способны. / потому что вы большой циник... вы, святые люди, ужасные циники; даже и не знаете, как презираете людей!.. Скажите именно со всею искренностью. ◇

10–17 — Даже в форме ∾ будете утешены!.. / — Даже в самом намерении великого покаяния сего заключается уже нечто смешное для света, как бы фальшивое... не говоря уже о форме, нетвердой, смутной, как бы от слабости страха не выдержанной... О, не верьте тому, что не победите! — воскликнул он, вдруг спохватившись, но почти в восторге, — даже сия форма победит (он указал на листки), если только искренно примете заушение и заплевание... если выдержите! Всегда кончалось тем, что наипозорнейший крест становился великою славой и величайшею силой, если искренно было смирение подвига. Но есть ли, есть ли смирение подвига? Будет ли? О, вам нужен не вызов, а непомерное смирение и принижение! Нужно, чтобы вы не презирали судей своих, а искренно уверовали в них, как в великую церковь, тогда вы и их победите, и обратите к себе примером, и сольетесь в любви... О, если бы выдержали! ◇

18–27 Итак, вы в одной форме ∾ слишком уж не изящные... / — Укажите, что всего по-вашему смешнее в листках?

— К чему, к чему забота сия о смешном, к чему такая боязнь ваша! — горестно воскликнул Тихон, качая головой.

— Ну, это пусть, а только вы укажите смешное...

— Убьет некрасивость, — прошептал Тихон, опуская глаза.

— Некрасивость? Какая некрасивость?

— Преступления. Преступление поистине некрасивое. Преступления, каковы бы они ни были, чем более крови, чем более ужаса, тем они, так сказать, картиннее и внушительнее; но есть преступления поистине стыдные, позорные, мимо всякого оправдания ужасом... ◇

29–35 — То есть, — подхватил в волнении Ставрогин ∾ Не перенесу? /

— То есть вы находите весьма смешною фигуру мою, когда у девчонки целовал руки и... и потом трусил и... и... ну, и всё прочее... понимаю. Я вас очень понимаю. И вы думаете, что не перенесу? ◇

37–42 — Да, вы знаете людей ∾ — Слушайте, отец Тихон / Лицо Ставрогина побледнело и как бы перекосилось:

— Теперь догадываюсь, почему вы спросили про барышню из Швейцарии, здесь ли она? — тихо проговорил он как бы про себя.

— Не приготовлены, не закалены, — прибавил Тихон.

— Слушайте меня ◇

44 *После:* с мрачным восторгом в глазах. — Вот вам вся моя исповедь, вся правда, а все прочее ложь. ◇

45–46 сам ищу ∾ меня / сам ищу... Не пугайте же меня, не то погибну в злобе, — прибавил он так, как будто все это опять невольно вырвалось из уст его. Слова эти, казалось, были столь неожиданны для Тихона, что тот в удивлении приподнялся с места. ◇

Стр. 27—28.

47–1 и сего прощения ∾ воскликнул Тихон. / и токмо сего прощения и ищете достигнуть страданием своим, то вы уже во всё веруете! — восторженно воскликнул он.

Стр. 28.

4 ибо / ибо поистине ◇

6–10 — Кстати, Христос ∾ Вот в этой книге / — Мне нет прощения, — мрачно сказал Ставрогин, — в вашей книге сказано, что выше преступления нет, если оскорбить «единого от малых сих», и не может. Вот в этой книге [1]

Стр. 29.

18 *После:* руки — Как болезненно вы это все принимаете и какую даете цену... Впрочем, поверьте, что я сумею оценить, — вежливо, но как бы брюзгливо проговорил Николай Всеволодович.

19–27 — Просто-запросто ∾ не правда ли?/ — Я замечаю, вам очень хочется поставить мне ловушку, — без сомнения, с самою благородною целию, из желания добра и человеколюбия. Вам хотелось бы, чтоб я остепенился просто, без фокусов и без листков, пожалуй, женился бы и кончил жизнь членом здешнего клуба, посещая по праздникам ваш монастырь, не правда ли? А впрочем, вы, как сердцевед и циник, может, и предчувствуете, что это несомненно так и будет и все дело только за тем, чтобы меня теперь хорошенько поупросить для приличия, так как я сам только того и жажду, чтобы быть упрошенным, не правда ли? Бьюсь об заклад, что вы имели тоже в виду мою мать и ее спокойствие... ◇

Варианты правки на корректурных гранках «Русского вестника»

(Правка на гранках)

Стр. 5.

1 Глава девятая / Часть 3-я. Глава I ◇

14 По улице шел / По улице пошел ◇

15 иногда *зачеркнуто.*

24 он *зачеркнуто.*

24 вдруг как бы что-то вспомнил / как бы что-то вспомнил, тревожное и хлопотливое ◇

24 и тревожно *зачеркнуто.*

28 его *зачеркнуто.*

31 его *зачеркнуто.*

Стр. 6.

1 Ставрогин и без того шел за ним / Николай Всеволодович и без того за ним шел ◇

1 все *зачеркнуто.*

17 *После:* успел — *вписано на полях:* и сам мимоходом ◇

20 о нем *зачеркнуто.*

28–29 *После:* богомольного — *вписано на полях:* и такой отзыв ◇

29–30 по крайней мере совершенно бездарное существо *зачеркнуто.*

48 всё / всё, разумеется ◇

Стр. 7.

7–8 сочинения театральные ∾ хуже» / сочинения театральные и романы, «а может быть, и гораздо хуже» ◇

---

[1] *Далее следует текст, включенный в первую редакцию (см. наст. изд., т. XI, стр. 28—29, от слов:* Он указал на Евангелие ∾ сложил пред собой руки).

11 и усадил на диване / и всё как будто спеша усадил на диване ◇
12–13 Николай Всеволодович ∾ волнения / Тут, к удивлению, Николай Всеволодович [как будто] совсем потерялся ◇
14 Похоже было на то, что он решился / Похоже было, что он как бы решался из всех сил ◇
17 он думал ∾ о чем / он задумался, но, может быть, не зная о чем ◇
19–20 и даже ∾ смешной улыбкой / с какой-то совсем ненужной улыбкой ◇
20 отвращение / отвращение и бунт ◇
21 тем более что Тихон, по мнению его, был / по мнению его, Тихон был ◇
25 Ему с чего-то показалось / И вот ему вдруг показалось совсем другое ◇
30 Я так рассеян... / Извините, я так рассеян... ◇
35–36 даже как-то грубо / с какою-то ненужною грубостию ◇
38 *После:* настаивая — *вписано на полях:* с своей стороны ◇
43 что видели / что сами видели ◇

Стр. 8.

3 мало спал... / спал мало...
4–5 снова и внезапно ∾ давешнюю / внезапно впал в какую-то ◇
7 спросил он вдруг / спросил вдруг Ставрогин
14 почему / зачем ◇
15 и вздор *зачеркнуто.*
18 *После:* Не слыхал — *вписано на полях:* (он как бы ужасно встревожился этим фактом) ◇
21 прибавил он вдруг / брякнул он опять ◇
27 времени лишнего / времени слушать ◇
30 Вы очень много здесь слышали. *зачеркнуто.*
37 это недурное изложение / изложение недурное ◇
46 *После:* ответа — *было вписано:* на свой смешной вопрос.
47 как бы нездоровы / как бы не очень здоровы ◇
48 Да, нездоров. / Да, пожалуй. ◇

Стр. 9.

23 были излечены / лечились потом ◇
37–38 а иногда не уверен ∾ не знаю / а иногда не знаю ◇

Стр. 10.

1 что я в беса верую, а под видом / что я в беса-то верую, но под видом ◇
4–5 И знаете ∾ а чтоб удовлетворить / *а. Начато:* Знайте *б.* Ну так знайте, что я вовсе не стыжусь, и чтоб удовлетворить ◇
8 Вы должны быть ужасно рады... *зачеркнуто.*
10 мягким ∾ взглядом / но как бы несколько робким, хотя и мягким взглядом ◇
11 Ставрогин / Николай Всеволодович ◇
14 впрочем, вздор / впрочем, извините меня за вздор ◇
19 за веру в бога / за вашу веру в бога ◇
21 — «Может быть»? ∾ сомневаетесь / *а.* «Может быть». Недурно. Почему же сомневаетесь? *б. Начато:* А впрочем *в.* Ну, и это недурно. Хе-хе! А впрочем, все еще сомневаетесь? ◇
22 Не совершенно верую. / По несовершенству веры моей сомневаюсь. ◇
23 — Как? *вы* не совершенно? не вполне? / Как? И *вы* не совершенно веруете? Вот бы не предположил, на вас глядя? — окинул он вдруг его глазами с [совершен⟨ным⟩] некоторым удивлением, совсем уже прямодушным, что вовсе не гармонировало с [полу]насмешливым тоном предыдущих вопросов. Тон, впрочем ⟨*2—3 нрзб.*⟩, момент ⟨?⟩ был до странности серьезен.
24 — Да... может быть, и не в совершенстве. / — Да... может быть, верую и не в совершенстве, — отвечал Тихон. ◇
25 — Ну! По крайней мере все-таки веруете / Ну, все-таки, однако же, веруете ◇

26 *После:* не мало. — *вписано на полях:* По крайней мере хотите веровать. И гору принимаете буквально. [Значит] Это все-таки много. ◇
27 *После:* под саблей. — *вписано:* Хороший принцип. Я заметил, что передовые из наших левитов сильно наклонны к лютеранству, [а первосвящ⟨енники⟩] [чудо отвергают] [объясняют] и очень готовы объяснять чудеса причинами естественными ⟨*к словам:* очень готовы ∾ естественными — *незачеркнутый вариант:* наклонны к объяснениям естественным⟩. Вы, конечно, и христианин? По крайней мере вы все-таки веруете. ◇
28 *После:* и христианин? — *вписано между строк и на полях:* Ставрогин говорил быстро, слова сыпались, то серьезно, то насмешливо, а может быть, и сам [совершенно] не знал, с какою целью [он] ведет такой разговор, спрашивает, тревожится, [и] любопытствует. Что-то, очевидно, стояло перед его глазами беспрерывно, какая-то другая цель, какая-то мысль, но [казалось, он сопр⟨отивляется?⟩] показалось, что этой мысли, давившей и беспокоившей его, он, казалось, и сам избегает, вертится и бросается в пустую болтовню, чтобы только главного избежать. ◇ *К словам:* Вы конечно и христианин— *наброски на полях:* — Гм, вы, конечно, и христ⟨ианин⟩, — совершен⟨но⟩ серьезно брякнул он вдруг Тихону, ужасно серьезно и простодушно смотря в глаза Тихону, точно сделал самый обыкновен⟨ный⟩ вопрос. Очевидно, какая-то [другая] иная мысль владела им в эту минуту [безвозвратно] неотразимо, захватила весь дух его, всю его силу, давила его, беспокоила, но что сам он избегает ее инстинктивно, бросается в болтовню, ходит около и не хочет даже самому себе в ней признаться. На вид он [как] почти заговаривался.
31 Уголки губ его ∾ быстро. *зачеркнуто.*
32–33 не веруя ∾ Ставрогин / не веруя в бога? — уставился он на Тих⟨она⟩ с некотор⟨ым⟩ любопытством ◇
35 и тоже улыбнулся / и — улыбнулся ◇
37–38 О, поп! ∾ улыбнулся ему. / *а.* громко и будто радостно, бог знает почему, захохотал Ставрогин. *б.* О, левиты! — захохотал вдруг Ставрогин. ◇
40 прибавил он весело и простодушно / по-видимому, весело и простодушно, но в то же время осторожно и с беспокойством всматриваясь в гостя, ответил Тихон. ◇
41 *После:* как — *вписано:* да вы решительно удивляете. ◇
42 *После:* атеист — *вписано:* как хотите, а все-таки ◇
44 никакой / никакой уже ◇
44 *После:* страха — *вписано: а. Начато:* изредка *б.* да и то лишь изредка, если чувствительный человек ◇
45 Однако вы / Гм ◇

Стр. 11.

1 Помните ли вы / Помните ◇
2 Помню. Прелестные слова. / Помню. ◇ [Убийственные слова].
3–4 Прелестные? ∾ вы чудак *зачеркнуто.*
7 Я знаю, знаю место, я помню очень / Я знаю место, помню ◇
18–19 это для середки, это для равнодушных, так ли? *зачеркнуто.*
28 *После:* что я — *вписано:* хотел
36–47 *Против текста:* Все-таки вы чудак и юродивый... ∾ посмотрел на него — *наброски на полях: 1.* Знаете, мне бы уйти, как вы думаете (посмотрел тревожно). Сел с неопределенною улыбкою, бледнея. Тих⟨он⟩ опустил глаза. *2.* Когда я говорю со всеми ними, то я умею ⟨?⟩, а чуть об серьезн⟨ом?⟩ — я сумею ⟨?⟩ *3.* Нездоровы.
41–42 Вы думаете ∾ возвысил он голос / Может быть, вы думаете, я вас боюсь? — возвысил он еще более голос ◇
43 вы совершенно убеждены / может быть, вы теперь совершенно убеждены ◇
46 потому что в вас совсем не нуждаюсь / потому что совершенно могу

без вас обойтись... и что даже и тайны нет никакой... в одном только в моем вообраож⟨ении⟩ ◇

Стр. 12.

1 не хотите / не захотите ◇

3–4 Если так ∾ с чем пришли / Умоляю еще раз, не мучьте себя и скажите всё ◇

6 по лицу *зачеркнуто.*

7–8 *Вместо:* Николай Всеволодович ∾ дрожали — *на полях вписано:* Длинная, длинная улыбка, улыбка [как бы потер⟨янного⟩] придавленного человека, улыбка за минуту до эшафота выдавилась в лице Ставр⟨огина⟩. ◇

9 на Тихона *зачеркнуто.*

12–22 *Против текста:* Вот листки ∾ углубился в чтение. — *между строк и на полях наброски: 1.* Тут рассказана одна мерзость, одна моя мерзость; в моей жизни много мерзостей. Это самая гадкая, самая пакостная, самая мелкая и самая преступная, одним словом, самая смешная, но почему я выбрал именно эту, увидите из листков. *2.* — Что значит «к распространению»? — спросил Тихон почти с испугом.

— Это вы увидите дальше. Я [немножко] как тот архиепископ, который хотел, чтоб плевали на его могилу. Я распространяю эти листки, чтоб себя опозорить, но [увид⟨ите⟩] читайте и увидите, там объяснено.

— Но если я прочту, то вы *3.* Если я понял раз, как я прочту, то вы уже *4.* И если я прочту, то вы уже не скроете и решитесь распространить в публику?

— Да.

— А правда ли то, что здесь написано?

— Посмотрел.

Длинная, длинная улыбка ⟨*не закончено*⟩.

— У вас идея... [и вы мне даете идею] и весьма оригинальная, и — может быть, весьма натуральная...

— Знаете, предположим, что неправда... взглянул на дрожь в его руках.

— Ну что ж, прочтите как литературную вещь, — проговорил Ставрогин.

13 несколько обрывающимся голосом / обрывающимся голосом ◇

15 Я в вас совсем не нуждаюсь / Я в вас... я не нуждаюсь совсем ◇

18–19 *К тексту:* Читать ли? ∾ я давно спокоен, — *набросок на полях:*

— Да.

— Не смею читать. Положил. Подал ему листки.

— Я и без вас распространю, и без вас, да, наверно распр⟨остраню⟩

Прочел. Страшная лихорадка.

— Ну, послушайте, я, может быть, и совсем не распространю.

19 я давно спокоен / я спокоен, и... читайте и потом скажите всё. Я с тем и пришел. Пожалуйста, читайте. Я с тем и пришел. ◇

20 Нет *зачеркнуто.*

22 *После:* на спинку дивана — *вписано:* как будто спрятался ◇

22 Тихон углубился в чтение / Тихон, не смотря на него и высоко держа к свету, углубился в чтение ◇

27 листочки / листки ◇

30–34 Надо полагать ∾ теперь известен / Надо полагать, что он уже некоторым и кроме меня теперь известен ◇

36 и даже неясности *зачеркнуто.*

37 *Против слов:* не литератор — *вписано:* ... одного замечания. Только одного.

44 обе *зачеркнуто.*

Стр. 13.

3–4 *Против слов:* чтобы барыня и девка ∾ при муже — *знак:* (N3_1)
4 при моих приятелях и при муже *зачеркнуто.*
5 от этой глупой шутки / от этой шутки ◇
6 эту встречу / встречу ◇
11 *После:* Муж — *вписано на полях:* длиннополый и с бородой где-то служил
15 думаю, лет четырнадцати *зачеркнуто.*
16–17 ужасно кричала на нее по-бабьи / ужасно кричала на нее по-бабьи за всё ◇
19 старый дом сломан, перепродан / старый дом сломан ◇
23 Чьи они, откуда и куда *зачеркнуто.*
24 очень начать их искать / очень начать искать ◇
31 (я жил просто, и они со мной не церемонились) *зачеркнуто.*
35 ребенка / девочки ◇
43 ребенка / девчонку ◇
44 *После:* на моих глазах — *вписано на полях:* несмотря на то, что ей уже был двенадцатый год. ◇
44 *После:* не кричала — *вписано на полях:* вероятно потому, что я был тут ◇

Стр. 13—14.

47–42 *Текст:* Но прежде того ∾ искать не хочу. — *отчеркнут и против него поставлен знак отмены.*

Стр. 14.

1–2 *К фразе:* Мне тотчас ∾ чтоб ее высекли — *на полях незачеркнутый вариант:* А я не вмешивался и, чтоб не секли, не просил
29–31 *Против текста:* Всё это для того ∾ всё и основывалось! — *на полях набросок:* Здесь замечу, что часто разные скверные чувства
32 *После:* до безрассудства — *вписано на полях:* или, так сказать, до упрямства ◇
37–40 Предаваясь до шестнадцати лет ∾ на семнадцатом году. *зачеркнуто.*
43–45 Когда кончилась экзекуция ∾ не узнал. / *а. Начато:* Когда кончилась экзекуция, я нашел мой нож⟨ик⟩ *б.* Когда закончилась экзекуция, я вдруг нашел ножик, он слетел со стола на постель, в одеяло. *в.* Как только кончилась экзекуция, я положил ножик в жилетный карман и, не сказав ни слова, выйдя из дому, выбросил на улицу, отсюда очень далеко... От этой подлости я почувствовал тогда вроде удовольствие. Это потому, что меня вдруг точно железом прожгло одно чувство, и я стал об нем думать и им очень заниматься. Впрочем, во всем этом наклевывалось хоть что-нибудь новенькое. Я думаю, я очень дурен. Я припоминаю много скверностей. Говорю прямо — я [был] даже не прочь был иногда от мысли, чтоб меня сослали в Сибирь. Главное дело — скука. Я до того скучал, что, думаю, мог бы повеситься [не повесился потому что всё еще чего-то надеялся, как и теперь. Просто нечего было делать]. Я помню, что я очень занимался тогда богословием [чтоб развить в себе фанатизм]. Это,правда, несколько развлекло меня, но фанатизму я не развил. Потом стало еще скучнее. ◇ *Рядом с этими вариантами на полях знак:* N3_2
45 Потом я выждал два дня. / *а.* Выждав два дня в номерах, я опять зашел в Гороховую. *б.* Потом я прожил дня три на другой, на главной моей квартире в номерах. ◇
45–46 Девочка ∾ молчаливее / Матреша, поплакав, стала еще молчаливее и тише ◇

Стр. 14—15.

48–2 она не кричала ∾ и всё видел. *зачеркнуто. Далее на полях вписано:* Отмечаю это, потому что в рассказе важно.

Я жил уединенно в этих углах, где имел товарищей целую ватагу, ужасно мне преданных, так что нас здесь в углах даже боялись.

⟨*К словам:* так ∾ боялись — *незачеркнутый вариант:* другие жильцы даже опасались, то есть были вежливы, несмотря на шалости, иногда непозволительные⟩. Там жили больше чиновники, доктора, разные поляки, которые очень юлили. Я всё помню. С обществом связей никаких.

Стр. 15.

3 5 До сих пор она ∾ очень робка. / Она [кажется] и прежде всегда как-то меня боялась и редко смотрела на меня. ◇ *Далее вписано на полях и между строк:* Гражданские же [понятия] чувства мои были тогда — подложить под все четыре угла [соломы или] пороху, и [зажечь] взорвать, по бесовской злобе, потому что мне было всё равно или, лучше сказать, только скучно, а более ничего, всё разом — если б только того стоило. В том-то и дело, что это, в глазах моих, вовсе не стоило для меня ни усилий, ни даже ненависти. [Я было зажег, да] Я спрашивал себя: зачем, и оставался сложа руки. Тогда еще я был настолько глуп, что спрашивал: зачем. Теперь уж не спрошу, а просто зажгу [если только найду охоту. Но охоту ни за что не найду], сам не зная зачем. Это больше чем лень теперь. Это я не знаю что. Савва Добролюбов, бедный лекарь, погибавший с семейством в нашем номере в одной каморке ⟨*к словам:* погибавший ∾ каморке — *незачеркнутый вариант:* лепившийся у нас в одной каморке с семейством⟩, на вопрос мой: «Нет ли каких-нибудь капель для возбуждения гражданской [деятельности] энергии» — отвечал [мне]: «Для гражданской[-то], пожалуй, и нет, а вот для уголовной [так, если хотите, найдется], так, может, найдется». [Но мне это не надо было. Не нуждался]. Он остался очень доволен своим будто бы каламбуром, хотя страшно был беден и сидел с голодной беременной женой и с двумя маль⟨чиками?⟩ в одной каморке. [Черт знает]. Я ему тогда позавидовал: чем люди бывают доволь⟨ны⟩. ◇

Стр. 16.

3 Как только кончились три дня / Через три дня ◇
4 *Против слов:* мещанина, разумеется, не было — *вписано на полях:* Его никогда не было
11–12 Но тут я вдруг ∾ могу. *зачеркнуто.*
14 подле / подле нее ◇
22–24 Я опять стал целовать ∾ отдернулась и улыбнулась / Я опять поцеловал ей руку и взял ее к себе на колени. Тогда она вдруг вся отдернулась, улыбнулась ◇
25 шептал ей / шептал ей и смеялся ◇
29–31 Я чуть не встал ∾ и остался. / *а.* Я встал и хотел уйти — так это было мне неприятно в маленьком существе, от жалости... *б.* Я встал и чуть не ушел — так это было мне неприятно в таком маленьком существе, от жалости... которую я вдруг почувствовал... ◇ *Против слов:* которую ∾ почувствовал — *на полях вписано:* Тут кончался листок. «— Что же?» — сказал Тихон, ибо здесь вдруг прерывался текст. Ставрогин вдруг подал ему приготовл⟨енные⟩ листки, которые держал в руках.

Стр. 17.

1–2 *Против фразы:* Я был очень весел ∾ очень довольна. — *на полях помета:* Здесь .
5 *После:* вверх по лестнице. — *вписано на полях:* Это был не страх, а ужас, я так понял. ◇
9 был / оставался ◇
10 К вечеру / Но к вечеру ◇
11 *После:* сильнее. — *вписано на полях:* Мне главное было то, что я боялся, что я это сознавал. О, ничего нелепее и гаже не знаю. ◇
11 *От слова:* отпереться — *проведена черта к вставке на полях:* Конечно,

всё было голословно, но главное мучило, что я боялся, я подло испугался.

12 Мне *зачеркнуто.*

14–15 *К словам:* Но в этот раз ∾ испуган — *на полях незачеркнутый вариант:* но в этот раз я трепетал от страху.

16 *После:* почему — *вписано на полях:* ужасное ощущение

16–17 *После:* очень мучительное — *вписано на полях:* и унижающее. Я это сознавал из всех сил. Если б можно я бы убил себя. Но я чувствовал себя недостойным смерти. Впрочем, [не убил] не потому не убил себя, а из страху. Из страху убивают себя, но из страху же и остаются в жизни. Человек начинает не сметь убить себя и самое дело становится немыслимым. О боже, как подло это было. ◇

24–25 Но я уже не ненавидел ∾ не доходило. / Это была сильнейшая степень пароксизма, до того, что я перестал ненавидеть девочку. ◇

28–29 удивился некоторым ∾ Я, однако же, был / удивился силе вчерашних ощущений, однако же, был ◇

28–31 *К тексту:* Проснулся ∾ отвращение — *набросок на полях:* Я встал и побежал на рассвете в Гороховую. Я представлял себе, как буду бить каблуком голову и ругаться над ней [вырвало. Я понял, что болен, и воротился, закутался с ⟨*нрзб.*⟩] На Фонтанке мне сделалось дурно. Я постоял и воротился с новою мыслью, очень странною.

31 *После:* отвращение. — *вписано на полях:* Всё из страху. Он продолжался. ◇

32 в ту минуту / в ту минуту дорогою

47–48 *После:* из Петербурга — *вписано:* Я боялся, я боялся. Я был подлец. И это было невыносимо. ◇

Стр. 18.

4–5 «Я, дескать, бога убила» / «Бога убила» ◇

15 было даже жарко / даже жарко ◇

15–16 Я походил по комнате / Я походил ◇

17–18 не заговаривать с Матрешей. Я ждал и просидел / не заговаривать с Матрешей, а томить ее, не знаю почему. Я ждал ◇

20–21 и она стала на пороге в мою комнату / Я так был низок, что у меня дрогнуло сердце от радости, что выдержал характер и дождался, что она вышла первая. Она стала на пороге в мою комнату ◇

21 Она глядела на меня молча / Она стояла и глядела молча. ◇

21–23 В эти четыре или пять дней ∾ Лицо ее как бы высохло / В эти дни, в которые я с того времени ни разу не видал ее близко, действительно похудела ужасно. Лицо ее высохло ◇

23 как бы *зачеркнуто.*

26–27 Я сидел в углу дивана ∾ я почувствовал / Я сидел, смотрел и не трогался. И тут вдруг опять почувствовал ◇

29 Но она и в бреду / Но и в бреду ◇

30 *После:* укоряют — *вписано на полях:* наивные и не имеющие манер ◇

31–32 грозить им мне с места / грозить с места ◇

33 я не мог его вынести / не мог вынести ◇

33 *После:* к ней — *вписано:* в страхе ◇

36–37 Я подошел близко и осторожно заговорил / Я осторожно заговорил, негромко и ласковее ◇

39 оставил ее *зачеркнуто.*

45–46 Странная мысль блеснула в моем уме. / Очень любопытная мысль блеснула в моем уме и до сих пор не пойму, почему она так вдруг первая пришла мне в голову, значит, к тому вело. ◇

47 и к окну / и опять сел к окну ◇

48–49 (Я всё помню.) / (Я всё помню, и сердце билось сильно) ◇

Стр. 19.

1 и заметил время. / и заметил как можно точнее время. Для чего мне нужна была точность времени, не знаю, но я в силах был это сделать

и вообще в ту минуту я всё хотел замечать. Так что замеченное помню теперь и вижу, как [перед] сейчас. ◇

4 какая-то *зачеркнуто.*

9–10 и я отодвинул стул от окна. Затем взял книгу / и я осторожно отодвинул мой стул от окна и сел так, чтобы меня не могли видеть жильцы. Взял книгу ◇

15 еще с четверть часа / еще ровно четверть часа ◇

18 стало биться сердце / стало опять биться сердце ◇

19–20 Тут-то я встал, накрылся шляпой / Тут я встал, надел шляпу ◇

21 всё ли на прежнем месте *зачеркнуто.*

30–31 *После:* способностями — *вписано:* и за всё отвечаю. ◇

31–34 там было темно ∾ с лестницы. / потому что там было темно, но не совершенно, так что наконец я разглядел, что было мне надо... А затем уже решился уйти. *Далее вписано на полях:* на лестнице. Никто не мог показать. [Это и было, но в то же время] Я знал, что я низкий и подлый трус, и одно мгновение было страшное. Я хотел встать и пойти донести всё-всё. Я пошел по коридору. Проходя мимо Добролюбова ⟨*не закончено*⟩

38 Был и Кириллов / *а.* Помню, что был и Кириллов *б.* Тогда был и Кириллов ◇

42 *К словам:* тогда же — *вписано на полях:* стало быть, я был весел, доволен и не хандрил [Стало быть] [Это] Это с виду. ◇ *Далее вписано:* Но я помню, что я знал, что я низкий и подлый трус совершенно за мою радость освобождения и более никогда не буду благороден, даже если б после смерти я снова начал жить на другой планете (о другой планете именно тогда было в голове), [Теперь] ни здесь, ни после смерти — и никогда. [Теперь] Припоминаю [теперь], что эта мысль была, и странно, она очень мучила [так что я потому и помещаю теперь в воспоминаниях]. И вот что еще: со мной сбылась жидовская поговорка: свое дурно не пахнет. Я чувствовал про себя, что подлец, и того не стыдился. Тогда в первый раз в жизни, сидя за чаем и что-то болтая с ними, строго формулировал про себя, что не знаю и не чувствую зла и добра и что не только потерял ощущение, но нет зла и добра, а один предрассудок, что я могу быть свободен от предрассудка, но что если достигну свободы, то я погиб. Это было в первый раз осознано и именно тогда за чаем, про себя, когда я с ними врал и смеялся не помню о чем. Но зато я всё помню. ◇

46–48 Она вопила и билась ∾ и ушел. / Разумеется, она вопила [как можно] очень громко и билась, много народу, был и полицейский. Я постоял и ушел. ◇

Стр. 20.

1 не беспокоили, впрочем, спросили / не беспокоили всё время, впрочем, только спросили ◇

2–3 в последние дни *зачеркнуто.*

4 я решительно ничего не мог показать. Спрашивали меня / я ничего не показал. Спрашивали что-то меня ◇

6–7 Про результат ∾ я ничего не слыхал. / А про медицинское свидетельство я ничего не слыхал, и любопытно, что даже не справился. Тем дело и кончилось, и более никто ничего не спрашивал. ◇

8–9 С неделю я не заходил ∾ чтобы сдать квартиру. / Потом неделю спустя я решил сдать квартиру. ◇

11 но без большого укора / точно ждала меня, чтоб сказать, и только потому, что сейчас же ⟨*нрзб.*⟩ ◇

16 Мне и вообще ∾ до одури / Главное, мне было скучно жить до одури ◇

19 о том, как я струсил / *а.* кое чего мною *б.* всех обстоятельств ◇

20 В это же время ∾ пришла / *а.* В то время и пришла ◇

21 идея / мысль ◇

23 получше / лучше ◇
28–31 Но не берусь решить ∾ Право, не думаю *зачеркнуто.*
32 *После:* пьяного обеда» — *вписано на полях: а.* Но это было в те дни, это случилось в те дни, и потому понятно *б.* Это было в те дни, в те дни, и я еще не мог забыть, вот что главное
38 объявляю заодно теперь / теперь объявляю заодно ◇
40 потому что было невыносимо *зачеркнуто.*
43 *После:* ниже — *вписано на полях:* а теперь упоминаю для этих листков. ◇

Стр. 21.

13 *После:* почти все — *вписано на полях:* тем более, что оно мне было, как и всё мое, ненавистно. ◇
27 *После:* в этом роде — *вписано на полях:* Да и все сны мои всегда или глупы или страшны. ◇
31 *После:* заметил — *вписано на полях:* Даже нарочно ходил, чтоб на нее посмотреть, и, может быть, для нее только и заезжал в Дрезден. ◇
32 *После:* какая-то быль — *вписано:* Я, впрочем, и не знаю, что мне приснилось. Точно так как и в картине — уголок греческого Архипелага — причем и время как будто перешло за 3000 лет назад — ◇
35 словами не передашь / словами этого не передашь ◇
36 *После:* человечество — *вписано на полях:* и мысль о том как бы наполняла мою душу родною любовью. Здесь был земной рай человечества. Боги [род⟨нились⟩] сходили с небес и роднились с людьми, тут произошли первые сцены из мифологии. ◇
40 *После:* радость — *вписано на полях:* и я [смотря], ощущая это, как бы прозревал в то же время и всю великую их будущую трехтысячелетнюю жизнь, им еще неведомую [и еще] и у меня трепетало сердце от [этой мысли] этих мыслей. О, как я рад был, что у меня трепещет сердце и что их наконец люблю! ◇
42 Чудный сон / О, чудный сон ◇
43 которой / но которой ◇
44 *После:* жертвовало — *вписано на полях:* для которой сохло и мучилось иссыхая ◇
45 пророки / его пророки ◇
47 я не знаю ∾ снилось / повторяю, я не знаю совсем, что мне снилось, мне снилось одно лишь ощущение ◇

Стр. 22.

2 *После:* слезами — *вписано: а.* Я это помню *б.* Я помню слезы, помню, что я был рад и что мне не было стыдно. ◇
3 сквозь сердце / сквозь всё сердце ◇
9 Она принимала какой-то образ / Вот так именно это всё было и с того началось. Эта точка стала вдруг принимать какой-то образ ◇
15 *После:* видение — *вписано на полях:* хоть раз, хоть один раз с тех пор — хоть на миг, хоть на одно мгновение во плоти и опять живую, с которой бы я мог говорить!
18 кулачонок / кулачок ◇
19 десятилетнего *зачеркнуто.*
20–21 мне сделать? / мне сделать, о боже! ◇
24–27 Мне, может быть, не омерзительно ∾ Нет *зачеркнуто.*
27 Нет — мне невыносим / Но мне невыносим ◇
28 *После:* на пороге — *вписано на полях:* именно в то мгновенье, а не раньше и не после ◇
29 кулачонком / маленьким кулачком ◇
29 только / только этот ◇
30 *После:* кивание головой — *вписано на полях:* Я хотел бы теперь объясниться и совершенно ясно [представить] передать, что именно тут было. Этот жест — именно то, что она мне грозила, был уже мне не смешон, а ужасен. Мне стало жалко, жалко до помешательства, и

я отдал бы мое тело на растерзание, чтоб этого тогда не было. Не о преступлении, не о ней, не о смерти ее я жалею, а только того одного мгновения я не могу вынести. Никак, никак, потому что с тех пор оно мне представляется каждый день, и я совершенно знаю, что я осужден. ◇

30–31 Вот чего я не могу выносить ∾ представляется / Вот чего именно я не могу с тех пор выносить [да и прежде не мог выносить], только не знал того, а с тех пор представляется ◇

32 Не само / Не само оно ◇

33 с этим жить / с ним жить ◇

34 *После:* в галлюцинации — *вписано на полях:* Мне бы хотелось, чтоб она опять хоть раз поглядела на меня своими глазами, как тогда, большими и лихорадочными, и поглядела в мои глаза и увидела... [Но этого] Глупая мечта, никогда не будет! ◇

34–40 У меня есть другие старые воспоминания ∾ сообщу.) *зачеркнуто.*

41–42 Но почему ни одно из этих воспоминаний ∾ подобного? / Почему ни одно из воспоминаний моей [подлой] ⟨*нрзб.*⟩ бессильной мутной жизни не возбуждает во мне ничего подобного? А было ведь много воспоминаний, может быть, еще гораздо худших перед судом людей. ◇

43 *После:* положением — *вписано:* возбуждают [эти воспоминания] они во мне ◇

44 *После:* отстранял — *вписано:* [все в] их в массе и был покоен искусственно. ◇

46 девочку / Матрешу ◇

Стр. 23.

1 я уж про это знаю *зачеркнуто.*

3–4 В Швейцарии я смог ∾ такой же страсти / В Швейцарии два месяца спустя, вероятно, как противуположность и как борьбу организма за существование, я ощутил припадок неистовой страсти ◇

7 то есть / именно

9 *После:* во всем — *вписано:* и даже в том, что совсем не люблю [и что кроме желания нет ничего] ту, которую так желал, и что никогда никого не смогу любить. ◇

11–23 *Против текста:* Таким образом я решился ∾ и положение мое понимаю — *вдоль полей набросок:* Я хочу ⟨*незачеркнутый вариант:* чувствую нужду⟩ себя опозорить.

— Такую нужду чувствуете?

16 *После:* за границей — *вписано:* Пусть это не имеет смысла, а я все-таки опубликую (т. е. листки) ◇

23 что я / что я теперь ◇

25 И чем больше их, тем лучше / Я хочу, чтоб на меня все глядели ◇

26 *После:* не знаю — *было вписано:* Но знаю, что это сделаю. *Далее на гранке следуют наброски: 1.* — Злоба вызовет ответную злобу от вас. — Это всё, однако же, в моих руках. *2.* — Вы циник, я не виноват, что девчонка *3.* Вышел *4.* воротился: «Светский человек, я вам докажу... *5.* В 3-ей главе Тихон напирает на буйный вызов.

В правом верхнем углу гранки набросок: №3. *главное.* Тихон не имел достоинства и не умел вести себя: вы как ребенок. Сначала не мог скрыть ненависти. После пристает к человеку, забывая, что это [его] компрометирует его достоинство. Вы как приниженный друг. Для того вас и любят и идут к вам.

34 Чтение / Всё чтение

35–36 Во всё это время ∾ неподвижно / *а. Начато:* Всё время *б.* С самого перерыва, когда был конфискован 2-й листок, Ставрогин сидел молча и неподвижно, забившись в угол дивана. Он выжидал. ◇

36–40 Странно ∾ почти достоинства *зачеркнуто.*

37 нетерпения / будто нетерпения ◇

40 снял / снял наконец ◇

40-44 *Против текста:* и начал первый ∾ Немного бы в слоге — *вписано:* помедлил и поднял наконец на него глаза. Тут Ставрогин вздрогнул [и точно как бы вдруг очнулся]

Стр. 24.

1 *После:* предупредить — *вписано на полях:* [начал] быстро и резко произнес он [придвигаясь], весь дернувшись вперед ◇

2-3 *После:* отговаривать — *вписано:* проговорил Ставрог⟨ин⟩ Я опубликую. Он покраснел и замолчал ◇

6 *После:* Всё равно — *вписано:* резко прервал Ставрогин ◇

10 прибавил он ∾ улыбнулся своим словам *зачеркнуто.*

21 Это, мне кажется, тонкости; не всё ли равно? *зачеркнуто.*

23 *После:* грубее — *вписано:* в сем вашем документе ◇ *К последней фразе относится вписанное на полях:* — И что значит грубее? — покраснел Ставрогин. Я знаю, что это факт мизерный, ползучий и мерзкий, но пусть самая низость его послужит к усугублению. В той смешной низости больше трагического, чем в высоком по-театральному, именно через низость пошлого больше.◇

25 *После:* Тихон — *вписано:* Нечто [недовольное, даже] как бы раздражительное послышалось в тоне Тихона. *Документ* произвел, *очевидно*, сильное впечатление. Замечу, чтоб высказать всё разом, что Тихон недаром приобрел репутацию человека, не умеющего «держать себя». Христианское чувство его было уязвлено, а он не всегда сдерживал свои впечатления и недаром получил репутацию человека, часто не умеющего сдержать себя. Он слишком сильно принимал впечатления и, несмотря на всё свое христианство [был слишком скор на [не⟨годование ?⟩], теперь негодовал. ◇ *Далее начато: а.* Замечательно, что ни слова не было сказано вроде объяснения насчет второго листка, но факт какого-то страшного дела был признан с обеих сторон и Ставрогин, может быть ⟨*2 нрзб.*⟩ пытку *б.* N3 (ни слова о перерыве с обеих сторон, прямо приступили к делу)

27 — «Представить?» ∾ не «ломался» *зачеркнуто.*

31 так ли я понимаю? — продолжал он / Вы обратились к суду всей церкви, хотя и не веруете в церковь. Так ли я понимаю? — произнес он ◇

33 *После:* вас поборовшая — *вписано:* Вас поразило

34 *После:* из неслыханных — *вписано:* казнить себя перед целым светом самоказнию, креста просить добровольно ◇

34-35 ненавидите вперед / ненавидите и презираете ◇

73 *После:* покаяния — *вписано:*

— Стыжусь?

— И стыдитесь и боитесь.

— Боюсь?

— Смертельно.

41-42 *Вместо:* Что же это ∾ от виноватого к судье — *вписано:* Это уже вызов. С другой стороны, дурные страсти и привычка к праздности делают вас и грубым и глупым [и даже] [бесчувственным] [хуже того, бесчувственным даже], бесчувственным, не подозревая того. А это уже признак глупости.

[— Неужто] — Глупость не порок, — усмехнулся Ставрогин.

— Иногда большой. [1] Уязвленный смертельно видением на пороге [чувством] [вы хоть и мучаете себя] вы в документе сем как бы сами [не знаете] вперед не сознаете, в чем преступление ваше и чего более стыдиться: бесчувственности ли насилия, или трусости, вами выказанной. В одном месте вы даже как бы спешите уверить читателя, что грозящий жест девочки был уже для вас не смешон, а убийствен. Неужто он был хоть на мгновение для вас смешон? Да, был, я свидетельствую, до тех пор, пока вы не стали серьезнее от безмерного

---

[1] *Далее следует набросок:* Они (народ) не глупы. (Простота и неведение, а тут грубость, понимания тонкости даже и нет никакого.)

страху. Вот это и вызов. Трудно представить себе иногда грубость так называемых утонченных и праздных классов общества, представителей тонкости и изящного, к которым принадлежите и вы. Я пред вами ничего не утаю, без лишних слов, ибо вижу, что вы затем и пришли.

— Вы демократ? — усмехнулся потрясенный ⟨*незачеркнутый вариант:* бледнея⟩ Ставрогин.

— Не думал, а я лишь видел их много и много слышал их исповедей, подобных вашей.

— Даже «подобных»?

— О, да, подобных!

Стр. 24—25.

46–7 *Вместо:* Оставим это, — резко прекратил Ставрогин ∾ нарочито в мерзость — *вписано:*

— Говорите, говорите, вы раздражены и бранитесь. Я люблю это. Но знаете, отец Тихон, вы не брезгливы.

Тихон пристально поглядел на него.

— Удивляюсь вам, ибо слова ваши непритворны, я вижу, и в таком случае [я виновен] виновен и я. (Тихон после негодования становился усиленно добрее — точно в раскаянии, а иногда случалось как бы прощения прося). В вас есть хорошее. Знайте, что я был и невежлив и брезглив с вами, а вы, в жажде самоказни, при всей тонкости вашего ⟨*нрзб.*⟩ разви⟨тия⟩, даже того не заметили и, стало быть, все-таки требуете еще больше казни. Этого мало, и сами себя считаете достойным несравненно большего презрения. Я удивляюсь, что я говорю точно с равным, у вас это вырвалось невольно, само собой и пове⟨рьте⟩ [— Я хотел вам заметить, что и в вас есть хорошее, я заметил, что вы злобитесь, в негодовании] *К последней фразе внизу гранки набросок:* Характер Тихона: был раздражен и злобился. *Ставр⟨огин⟩* Я люблю это.

Стр. 25.

6–7 ушедшая нарочито в мерзость / оторванная от почвы ◇

8 Что же до самого / А впрочем, что до самого ◇

10–11 которые грешат тем же / от которых уже пахнет могилой и которые тем же грешат ◇

13 *После:* в такой степени — *вписано:* и потребовали казни ◇

16 не буду. Но *зачеркнуто.*

18 *После:* не может быть — *вписано на полях:* (опять как бы сказано без слов после перерыва) ◇

19 *После:* на аршины — *вписано:* Я же, может быть, преувеличил (ваш цинизм). *Против фразы:* Оставим меру на аршины — *вписано:* с досадой

19–20 Меня несколько дивит ∾ преступления *зачеркнуто.*

22 прибавил он / прибавил он вдруг ◇

24–25 Ставрогин и не думал уходить ∾ задумчивость *зачеркнуто.*

26 очень робко начал / начал ◇

32–35 Впрочем, что же, что я их вызываю ∾ будет легче *зачеркнуто.*

33 *После:* вызов — *начато:* Так и надо. Я хочу ◇

36 То есть их ненависть вызовет вашу, и, ненавидя / Тих⟨он⟩. Злоба в вас вызовет и их ответную злобу ◇

39 *После:* ханжой — *вписано:* после документа ◇

39 Ведь так! / Так?

40 и такой отзыв / такой отзыв непременно ◇

41 *После:* намерение? — *вписано:* (холодно и не думая отговаривать, на что, может быть, напрашивался Ставрогин) ◇

42–45 *Против текста:* Сегодня, завтра ∾ их ненавидеть — *на полях знак:* №3 *Вероятно,* к *этому же тексту относится набросок на полях:*

Вид Ставрогина. Бред, ходил по комнате, брал разные вещи. Сломал слоновой кости. Стал склеивать. Потерянно улыбнулся.

— Что же вы ничего мне не скажете? — бросил, и верхняя губа задрожала с безмерною гордостью.

46 мне одному, только мне / между нами или как самому себе в темноте ночи, — проникнуто, совсем другим голосом сказал Тихон.◇

Стр. 26.

2–3 *После:* всё равно — *начато:* Пожалуй, если вам тяжело говорить, то не говорите, а только

4 опуская глаза *зачеркнуто.*

5–6 прибавил он неожиданно и полушепотом / прибавил он, опуская глаза. Вы, вы... я про вас одного.◇

9–10 За что? что вы мне сделали ∾ формула? / Дурное смирение. Знаете, эти монашеские формулы даже совсем неизящны. А ведь они думают, что изящны.◇ *Далее следует набросок:* — Я бог знает чего жду. Заметил сломанную ⟨...⟩ Деньги предлагает (сцену рассказам).

— Это стоит рублей 25

— 50

— Я не знаю, зачем я здесь. Я бог знает чего жду. За что же я буду у вас ломать вещи, ну возьмите на бедных, для церкви... Вынул деньги.

17 *После:* перенести — *вписано:* Это вроде могилы архиерея отцеубийцы у ⟨*нрзб.*⟩

20–21 *Вместо:* Вы очень тонко подхватываете ∾ делаете — *вписано на полях:* Зачем вы... так копаете ⟨?⟩ Слушайте, я не хочу ждать, я не могу ждать. Я опубликую. Да ждать-то чего же? ◇

28–29 Что не выдержу ∾ ненависти / Не выдержу? Не вынесу их ненависти? — встрепенулся Ставрогин ◇

30 Чего же еще / Чего еще ◇

36 несмотря на всю трагедию *зачеркнуто.*

37 я ведь и сам предчувствовал / я этого ожидал

38–40 Ужас будет повсеместный ∾ их интересам / Люди же боязливы лишь перед тем, что прямо угрожает их интересам. [Видимо, ужас] Снаружи [конечно] сделают ужас и, конечно, для соблюдения приличий, а не искренний. Но будет тоже и любопытство к помешанному, ибо вас сочтут за помешанного, хотя и не совсем, именно настолько отвечающего за себя, чтоб можно было [смеяться над ним] усмехнуться. Перенесете ли то? Не исполнится ли сердце ваше вражды такой, что за сим несомненно произойдет проклятие? И погибнете — вот чего боюсь. Я вас должен был предупредить. Вы, сколько могу судить, не готовы. В самом высоком факте *нарочно* отыщут смешное, ибо смешным скорее всего загубить можно.

— Я бы желал, чтоб вы указали смешн⟨ое⟩ ◇

40–41 те ужаснутся / те ужаснутся про себя ◇

41 *После:* незаметны будут — *вписано:* потому что будут молчать. Остальные же, то есть все, те именно подхватят поскорее смешное. [Из ужаса сделают] После первого недоумения начнется смех.◇

43–46 И прибавьте замечание мыслителя ∾ вы-то сами *зачеркнуто.*

Стр. 27.

1 по себе судя сказал / по себе судил ◇

5 *После:* О, может, и есть — *было вписано:* Может, и я виноват перед вами ◇

7 Я знаю чем / Я знаю сам чем ◇

8 искренностью / семинарскою искренностью

9 *После:* чудак — *вписано:* Я верю, что вы не лицемерите, что вы действительно чудак ◇

10 Даже в форме / Даже в самом намерении ◇

11 *После:* смешное — *вписано:* фальшивое более, не говоря о форме ◇
16 уже / же ◇
17 *После:* утешены — *вписано:* Если б выдержали. ◇
18–20 Итак, вы в одной форме ∾ в сущности / — Скажите еще что-нибудь, скажите еще полнее, я не понимаю. Укажите именно на смешное, на то, что всего по-вашему смешнее в этих листках. В слоге, может быть?

— К чему, к чему [вы заботитесь] забота сия о смешном раньше сроку? — прошептал Тихон, качая головой.

— Говорите, говорите. Пусть я слаб, но все-таки скажите.◇

20 Некрасивость убьет / Убьет некрасивость ◇
22 Что-с? некрасивость? чего некрасивость? / Некрасивость? какая некрасивость? ◇
30–32 когда я целовал ногу ∾ понимаю / когда я целовал руки грязной девчонки... и потом... моя трусость... и, наконец, те три слабости ◇
37–38 Да, вы знаете людей ∾ не перенесу *зачеркнуто.*
38 Понимаю / Теперь понимаю ◇
41 *После:* опустив глаза — *вписано:* Оторваны от почвы. Не веруете. ◇
46 *После:* меня — *вписано на полях:* не то погибну во злобе.

Эта искренность от фата была столь неожиданна, что Тихон встал.◇

48 достигнуть, то вы во всё веруете / страданием достигнуть, если такую цель себе поставляете с верою, то вы уже во всё веруете ◇

Стр. 28.

6–8 Кстати, Христос ведь не простит ∾ ведь сказано /

— Кстати, а Христос простит? — с кривой улыбкой и быстро изменяя тон, спросил Ставрогин, и в тоне вопроса послышался легкий оттенок иронии, как давеча, когда приглашал гору сдвинуть. Ведь сказано ◇ *Против текста:* Кстати ∾ больше преступления нет и — *вписано:* Мне нет от вашего бога прощенья. *Вверху 15-й гранки вписано*: Как болезненно вы это всё принимаете и... какую даете цену, [но] впрочем, поверьте, что я сумею оценить [Но] [вежливо [проговор⟨ил⟩] прибавил Ставрогин] [вежливо, но твердо проговорил Ставрогин], — вежливо, но несколько сухо проговорил Ставрогин. [— Выслушайте [же] и меня в последний раз, — твердо проговор⟨ил⟩ Ставр⟨огин⟩. — Мне кажется...] Мне кажется, вам очень хочется [во избежание вообще скандала] поставить мне ловушку, без сомнения, с самою благородною целью... из желания добра и человеколюбия. [Вам очень, может быть ⟨*далее текст поврежден*⟩

Стр. 29

19–31 *Текст:* Просто-запросто ∾ и замечание Ставрогина — *зачеркнут.*
19 не хочется скандала, и вы *зачеркнуто.*
22 *Против слов:* чтоб я остепенился — *вписано:* листков
22 пожалуй, женился / пожалуй бы [без всякого], женился безо всякого скандала
23–24 Ну, эпитимья! / Не правда ли?
27 *После:* Не правда ли? — *вписано:* *а.* Бьюсь об заклад, что вы это для моей матери делаете, которая наверное тут много жертвует, — прибавил он. — Вам бы хотелось [бы] непременно [чтоб я], чтоб я остепенился *б.* Бьюсь об заклад, что вы и для моей матери делаете, одним словом, с самою благородною целью. ◇
28 рассмеялся / усмехнулся ◇
33 *После:* не понять того — *вписано на полях:* продолжал Тихон, как бы и не слыхав сказанного. ◇
34 *После:* о вас всё — *вписано:* Позволите?

39–40 выслушал очень ∾ предложение. / выслушал серьезно. [Он даже покр⟨ылся⟩] Бледные щеки его даже покрылись румянцем. ◇

41 Просто-запросто вы предлагаете / Вы предлагаете ◇

42–48 Как ни уважаю я вас ∾ не приходило в голову *зачеркнуто. Против этого текста на полях было вписано:* Вы знаете, что такое послушн⟨ик⟩ *Далее на полях наброски: 1.* вы знаете *2.* 300 богородиц *3.* болезненный укор *4.* А вы с вашим великим умом и примите 300 богородиц и отдайте поклон.

— Смиренью нужно долго учиться.

— Неужто не знаете, что сия историческим опытом выжитая искра смирения приносила великие плоды — великих светлых людей, доставляла праведников и победителей. О, и не знаете, чего достигли бы.

— Для чего же?

— Овладейте собой. Овладеете воспоминаниями, желаниями и страстями вашими. *5.* Голгофа. *6.* — Зачем я стану добрее, зачем я стану побеждать себя... Зачем не действовать, как хочу. Из выгоды? Да, может, я не хочу жить выгодно, а хочу по-своему... Вздор это всё (обернулся, ушел) *7.* — Отче наш, я подумаю *8.* — Вы рассчитывали на мою подлость. Вышел и воротился джентльменом. Тих⟨он⟩: «Как я рад, что вы вернулись». *9.* Фатская тирада. *10.* Тихон: «Вы обратили внимание, как я рад, что вы вернулись; отложите подвиг».

— Мне кажется, я уже доказал... [я смог...] Мне кажется, я уже смог.

Стр. 30.

4–15 Оставьте, отец Тихон ∾ как в сию минуту! *зачеркнуто.*

8 казалось / показалось ◇

15 к самому ужасному преступлению / *а. Начато:* к самому ужаснейш⟨ему⟩ *б.* к новому и еще [может] к сильнейшему преступлению ◇

16 повторял / упрашивал ◇

17–19 *Вместо:* вы правы ∾ я отложу — *вписано:* я не [опубликую] обнародую листков... успокойтесь ◇

20–21 до обнародования листков / до того обнародования ◇

21 вы / ты ◇

22 *После:* как в исход — *вписано:* на котором теперь с гордынею беса [гов⟨оришь⟩] настаиваешь, и совершишь его единственно ◇

22–23 обнародования / сего обнародования ◇

24 Ставрогин ∾ от испуга *зачеркнуто.*

24–26 *Против текста:* Ставрогин даже задрожал ∾ вышел из кельи — *вписано:* Безмерная гордость изобразил⟨ась⟩ в лице Ставрогина. Губы его дрожали. Он едва почти выговорил *К фразе:* Безмерная гордость ∾ выговорил — *относятся наброски: 1.* Верхняя губа. *2.* Страшно побледнел. *3.* Приподнялась губа от безмерной гордости. И вышел.

БЕСЫ

(Том X, стр. 5)

Варианты журнальной публикации (РВ)

Стр. 7.

2 *Слов:* в трех частях — *нет.*

Стр. 10.

24 кому адресовать / кому бы адресовать

Стр. 11.
11 у грустившего / у грустного

Стр. 12.
9 садился за карты / садится за карты

Стр. 18.
8–9 высокомерное / высокомерное и упрямое

Стр. 20.
16 но оказалось / но вскоре оказалось

Стр. 27.
41 *После:* существ — довольно, впрочем, редких

Стр. 28.
47–48 с спяющими глазами / с сверкающими глазами

Стр. 30.
5 но тут же / но потом же

Стр. 33.
41 проворчал он / ворчал он

Стр. 42.
33 вам родной человек / ваш родной человек

Стр. 45.
26 *После:* фурьериста — но у нас они есть...»

Стр. 48.
12 Этот дьячок / En un mot, этот дьячок

Стр. 49.
9 Юлию Михайловну / Нину Павловну
20 Пятью / Целыми пятью

Стр. 51.
2–3 а есть и умнее нас / а что есть и умнее нас
8 если того хочу / если того не хочу
41 протестовал / протестовал было

Стр. 52.
25–26 в смущении / в большом смущении

Стр. 53.
23 Наконец повернулся / Однажды повернулся

Стр. 55.
26 знаю; вздор / знаю; всё вздор

Стр. 58.
38–39 когда, надевая шаль / когда давеча, надевая шаль

Стр. 59.
33–34 ей было семнадцать лет / ей было почти семнадцать лет

Стр. 77.
34 а это вы глупо сделали / а это глупо, что вы сделали

Стр. 78.

7 а то я забывчив / а то я задумчив
17 я затрудняюсь / и затрудняюсь

Стр. 79.

9 Точно у нас и не может быть негодяя? / Точно у нас уж и не может завестись негодяя?

Стр. 80.

2 повернулся опять / повернулся опять к ним

Стр. 83.

14 пожалуй, и помешан / пожалуй, он и помешан

Стр. 86.

4 *После:* «чужих грехах» — vous comprenez?

Стр. 87.

19 почти лучше правды / почти лучше настоящего

Стр. 94.

7–8 Будет богом человек / Будет бог — человек

Стр. 96.

16–17 к счастью, не расслышала / к счастью, она не расслышала

Стр. 98.

17 ребенок захотел жениться / ребенок задумал жениться

Стр. 100.

20 *После:* ему — сама захотела участвовать в своем создании
31 вычеркнуть из календаря / вычеркнуть из счета
32–33 *После:* soit dit! — И заметьте, мой друг, заметьте, что все-то мы знаем, что всё это совершенный вздор, и вот самые-то умнейшие из нас поминутно произносят такие желания...
35–36 спросил я / вскричал я

Стр. 106.

23 краткую инфузорию / кроткую инфузорию

Стр. 109.

38–39 гостил у нас в городе / гостил в нашем городе

Стр. 111.

8 усмехнулся и Шатов / захохотал вдруг и Шатов

Стр. 113.

14 Я его давеча прибил / А я его давеча прибил

Стр. 117.

9 и на версту дальше / и на три версты дальше

Стр. 119.

15 Точно под розгами / Черт возьми, точно под розгами

Стр. 120.

6–7 оступаясь / оступаясь и чуть не падая

Стр. 122.

13 дама соскочила с дрожек / дама с легкостью соскочила с дрожек

Стр. 124.

17–18 вынула из кармана / выхватила из кармана

Стр. 125.

13 Так, может быть, ваш брат / Так, может, брат ваш

Стр. 126.

12 фантастическая всевластная головка / фантастическая и всевластная головка
13 очаровательно улыбнулась / очаровательно усмехнулась

Стр. 127.

20 и ждали / и не без волнения ждали
27 увлеклась совершенно / увлекалась совершенно

Стр. 128.

7 все чего-то трусят / все что-то трусят

Стр. 129.

10 необычный шум шагов / необычный, стремящийся шум шагов

Стр. 129.

34–35 некоторые странные слухи / какие-то странные слухи

Стр. 131.

16 А вы в пансионе / А вы, мать моя, в пансионе

Стр. 132.

22 Лиза встала с места / Лиза вскочила с места

Стр. 136.

42–43 было припасено / было принесено

Стр. 138.

39 и, вдруг приблизясь / и, вдруг стеснительно приблизясь

Стр. 140.

4 я сама знаю, когда / я сама знаю, где
19 начинает робко / начинает робея

Стр. 141.

34 И потом попал в стакан / И потом в стакан попал

Стр. 142.

34 воспользовались клеветники его / воспользовались клеветники

Стр. 144.

44 торопливо / торопливо и несколько даже испуганно

Стр. 145.

1 об этом мы после / об этом мы после поговорим
5 *После:* Mon enfant! — Но невозможно же быть в таких летах таким ребенком, — скороговоркой сыпал Петруша. (Вся эта сцена произошла чрезвычайно быстро, почти мгновенно).
8 *После:* наконец! — Он вырвался.
10 на мгновение остановился / на мгновение приостановился
40–41 несмотря на необыкновенную твердость души и на значительную долю

рассудка / несмотря на несомненную твердость души и на огромную долю рассудка

44 если позволительно так выразиться / если позволительно выразиться

Стр. 146.

16 и поцеловал / и два раза поцеловал

Стр. 147.

1 сказала она, вздохнув / сказала она, опять ясно смотря на него

13 в лице ее было какое-то судорожное движение / в лице ее было движение

22–23 Варваре Петровне было не до него / Варваре Петровне было некогда слушать

31–32 а только пробормотала что-то, махнув рукой / а пробормотала только, махнув рукой: «Вы всё начали, вы всё выдумали» — или что-то в этом роде, и совсем притихла.

36 в сильном и несомненном испуге / в настоящем испуге

Стр. 148.

7 *После:* вещи. — Так оно и делается обыкновенно.

Стр. 149.

33 при общем смехе / при всеобщем смехе

Стр. 150.

5 всех нас лучше / всех вас лучше

Стр. 151.

18–19 *После:* упомянули — но, заметьте, насмешливости прежде всего над самим собой

Стр. 154.

5 можете себе представить? / можете себе это представить?

34 правда *всё* / правда ли *всё*

Стр. 155.

23 шагнул два шага / шагнув два шага

24 приложил руку / приложив руку

25 и быстро побежал вон / и быстро направился к выходу

27 и так и замер на месте / и так замер на месте

Стр. 156.

8 с этой точки / с этой точки зрения

16 я все-таки помешанный / я все-таки первый помешанный

Стр. 157.

29 *После:* Маврикий Николаевич — Боже, какой моралист!

Стр. 160.

7 обошел нас / обошел нас всех

11 поспешно направился / поспешно извинился и направился

17 Он ушел от окна / Он вырвался от него и ушел от окна

39 с чем же и поздравлять / с чем же и поздравляют

Стр. 161.

24 главное в том, что главного-то не понимаю / главное в том, что ничего не понимаю

40 что женятся / что он женится

Стр. 162.

3 за мое глупое признание / за такое глупое признание

22 *После:* за слог-с... — Согласен; сам себя осудил бы-с. Но ведь если бы вы знали, какой там-то слог! Ну прочтите, ну прочтите сами! Ах, Варвара Петровна, я ведь вот режу, а ведь, может быть, я... любя говорю! Ну, и тут сморозил: дурак я человек, грубый я человек!..

23 вы выведены из терпения / вы просто выведены из терпения

31 я бы так и не узнала / я бы так ничего и не узнала

Стр. 163.

4 что он сподличал / что он несколько сподличал

17–18 как бы спеша предупредить его / не дав ему вымолвить слова

22 всё так же ценю / всё так же ценю вас

39 ведь ты мог бы предположить / ведь ты мог же предположить

43–44 ничего не знал, ничего не слыхал / ничего и не знал, ничего и не слыхал

47–48 такое приключение, которого уж никто не мог ожидать / приключение, которого никто не мог ожидать

Стр. 166.

22 понурив голову / опустив голову

Стр. 170.

33 махать на меня руками / махать на меня руками и ногами

43 выйдя из уединения / выйти из уединения

Стр. 172.

5 Чтобы сделать правду правдоподобнее / Чтобы сделать правду чуть-чуть лишь правдоподобною

21 а иметь идею всего труднее / а явиться с чем-нибудь дельным всего труднее

Стр. 174.

17 успели подглядеть / успели поглядеть

23 холодно заметил / холодно заметил ему

Стр. 175.

14–15 смел подумать, что могу хитрить / смел сказать, что хитрил

Стр. 176.

14 глупее их самих / глупее их всех

15 вижу, что одобряете / вижу, что вы одобряете

24 слово даю / слово даю наконец

Стр. 177.

22 *Слов:* после Шатова — *нет*.

Стр. 179.

6 знаю, вы / знаю, что вы

47 Нет, меня же и привез / О, нет, нет, меня же и привез

Стр. 180.

8–9 *После:* это выработано. — Это чудное явление, наша администрация, как вы думаете?

10 *После:* в этом роде. — Вы одно подумайте: сотни этих Лембков сидят, и всё превосходно идет, даже тем лучше, чтобы всё Лембки сидели; так ведь это уж до щегольства дошли, значит, как вы думаете?

12–13 *После:* натурального и достигнутого — во что переварили весь организм. И кто это у них такую штуку золотую выдумал? Завидно. Ведь эта сеть — опека...

Стр. 183.

39 извилистыми дорожками / зигзагами и кривыми дорожками
41 маленькую дверцу / крошечную деревянную дверцу
44 дверь / калитка

Стр. 184.

11–12 перешагнув в переулок / перешагнув за калитку
16 дверь / калитку
27 долго, с минуту / долго, минуты две
30 сошел вниз / через минуту сошел вниз

Стр. 185.

8 увидев его / увидав его
19 почти залпом / с жадностию, почти залпом

Стр. 187.

38–39 дело здесь до всего того / дело до всего того

Стр. 189.

32 а ей сегодня некогда / а ей некогда
37 Глаза его опять загорелись. Он всё смотрел / Глаза его опять засверкали. Говоря, он смотрел

Стр. 193.

5 вскричал он / вскричал Шатов
44–45 чем мы с вами / чем мы

Стр. 195.

34 познать при этом / познать
41 мне время так дорого / мне время-таки дорого

Стр. 196.

12 не примечая этого сам / не примечая ничего этого сам

Стр. 198.

25 грозно смотреть / грозно и неприветливо смотреть

Стр. 199.

3–4 Никогда не было еще / Никогда еще не было

Стр. 200.

18 *После:* ни звука!.. — Я знаю, что в России убьют Илию и Эноха.. Я знаю и верую...
47 в тело Христово / в новое тело Христово
47–48 *После:* совершится в России... — что в ней убьют Илию и Эноха..

Стр. 202.

5–6 слишком прельстителен / слишком тут прельстителен
23 исступленную злость / обыкновенную злость
25 бросился вслед за ним / вскочил вслед за ним

Стр. 203.

34 шагая / тихо шагая
43 около заборов / около заборов и лачужек

Стр. 204.

30–31 *После:* таким образом — маневр
39 справляя / справлял

Стр. 205.

2 знамши / знавши
9 Петр Степанович / Петр Степаныч
28 человека сам представит себе, да с таким и живет / человека сам сочинит, да с ним и живет

Стр. 209.

31 с тем, с тем, однако, чтобы / с тем, с тем чтобы
45 одно стихотворение / одно последнее стихотворение

Стр. 211.

24 Впрочем, это / Впрочем, всё это
29 бегут / бегают

Стр. 212.

10 о браке / о своем браке

Стр. 213.

6 *Слов:* к тому времени, — *нет.*
26 к Марье Тимофеевне пора / мне к Марье Тимофеевне пора
40 пересластил капитан / пересластил от страху капитан

Стр. 216.

6 зачем в этом самом виде / зачем мне в этом самом виде
46–47 Совсем-таки нет / Совсем-таки даже нет

Стр. 217.

48 *После:* Куда я войду? — отшатнулся на этот раз и Николай Всеволодович

Стр. 218.

16 чтобы жить / чтобы нам жить

Стр. 219.

36–37 она даже больно ударилась / она больно ударилась

Стр. 220.

5 сначала прошел / прошел
7 вдруг поразила мысль / поразила
9 *После:* «Нож, нож». — В этой мысли заключалось для него что-то очень любопытное и опять-таки ужасно смешное. Но вдруг, как бы опомнившись,
13 затих и примолк / друг затих и примолк
39 делового и серьезного / делового и степенного

Стр. 223.

27 надо вести / надо было вести

Стр. 224.

45 когда Кириллов / когда вдруг Кириллов

Стр. 225.

25 чтоб я не попал / чтоб я не попал, Маврикий Николаевич
25 Он топнул опять ногой / Он топал ногами

Стр. 226.

14 Вы ничего не хотели слушать / вы не хотели слушать

Стр. 228.

29 ничтожный характер / слабый характер

30 вы не сильный человек / вы не сильный характер

31 смущенный / смущенный и озабоченный

37–38 уже забыли / уже забыла

41 «отказались по нездоровью / «отказалась по нездоровью

Стр. 229.

35 спросила она / спросила Дарья Павловна

46 я так подл и гадок / я так подл, так слаб и гадок

Стр. 230.

25 *После:* в него вглядываясь. — Я опять его видел, — проговорил Ставрогин почти шепотом, отвертываясь в сторону.

— Боже мой!

— Сначала здесь, в углу, вот тут, у самого шкафа, а потом он сидел всё рядом со мной, всю ночь, до и после моего выхода из дому...

— Не входи, Алексей Егорович! — крикнул он старику, показавшемуся в дверях с подносом в руке.

— Этого уже три месяца с вами не было!

— Да, три месяца; больше. (Беспокойство и тревога всё сильнее и сильнее овладевали им.) Что вы так засматриваете мне в лицо? Теперь начнется ряд его посещений. Вчера он был глуп и дерзок. Это тупой семинарист, самодовольство шестидесятых годов, лакейство мысли, лакейство среды, души, развития, с полным убеждением в непобедимости своей красоты... ничего не могло быть гаже. Я злился, что мой собственный бес мог явиться в такой дрянной маске. Никогда еще он так не приходил. Я, впрочем, всё молчал, нарочно; я не только молчал, я был неподвижен. Он за это ужасно злился, и я очень рад, что он злится. Я теперь даже рад.

Даша в совершенном испуге схватила его за руку.

— Николай Всеволодович, опомнитесь! — вскричала она.

— Что вы? — как бы удивился он ее волнению. — Ведь вы знаете, что у меня такая болезнь. Я вам одной только и открыл про нее на свете, и никто этого не знает. Постойте, неужели я вам не открывал? — смотрел он на нее в недоумении, как бы что-то припоминая. Если так, то я действительно брежу или... с ума сошел, — прибавил он в невыразимой тоске, ожидая ответа.

— Нет, нет, не пугайтесь, вы мне открыли, одной мне, в Швейцарии. Я не того испугалась сейчас, а того, как вы о нем говорили. Вы так говорите, как он в самом деле есть. Боже сохрани вас от этого! — вскричала она в отчаянии.

— О нет, я в него не верю, успокойтесь, — улыбнулся он. — Пока еще не верю. Я знаю, что это я сам в разных видах, двоюсь и говорю сам с собой. Но все-таки он очень злится; ему ужасно хочется быть самостоятельным бесом и чтоб я в него уверовал в самом деле. Он смеялся вчера и уверял, что атеизм тому не мешает.

— В ту минуту как вы уверуете в него, вы погибли!

25–26 *После:* обойтись без меня! — с болью в сердце вскричала Даша. — Слушайте, когда мы будем свободны, я сяду подле вас, и он никогда не придет.

— Знаете его вчерашнюю тему? Он всю ночь утверждал, что я фокусничаю, ищу бремени и неудобоносимых трудов, а сам в них не верую. Но меня что поразило? Представьте, сейчас вдруг Кириллов, в одно слово с семинаристом, говорит то же самое...

Он вдруг захохотал, и это было ужасно нелепо. Дарья Павловна вздрогнула и отшатнулась от него.

— Бесов было ужасно много вчера! — вскричал он хохоча, — ужасно много! Изо всех болот налезли.

27 *Фразы:* Слушайте, Даша ∾ привидения. — *нет.*

27–28 Один бесенок предлагал мне / Один предлагал мне

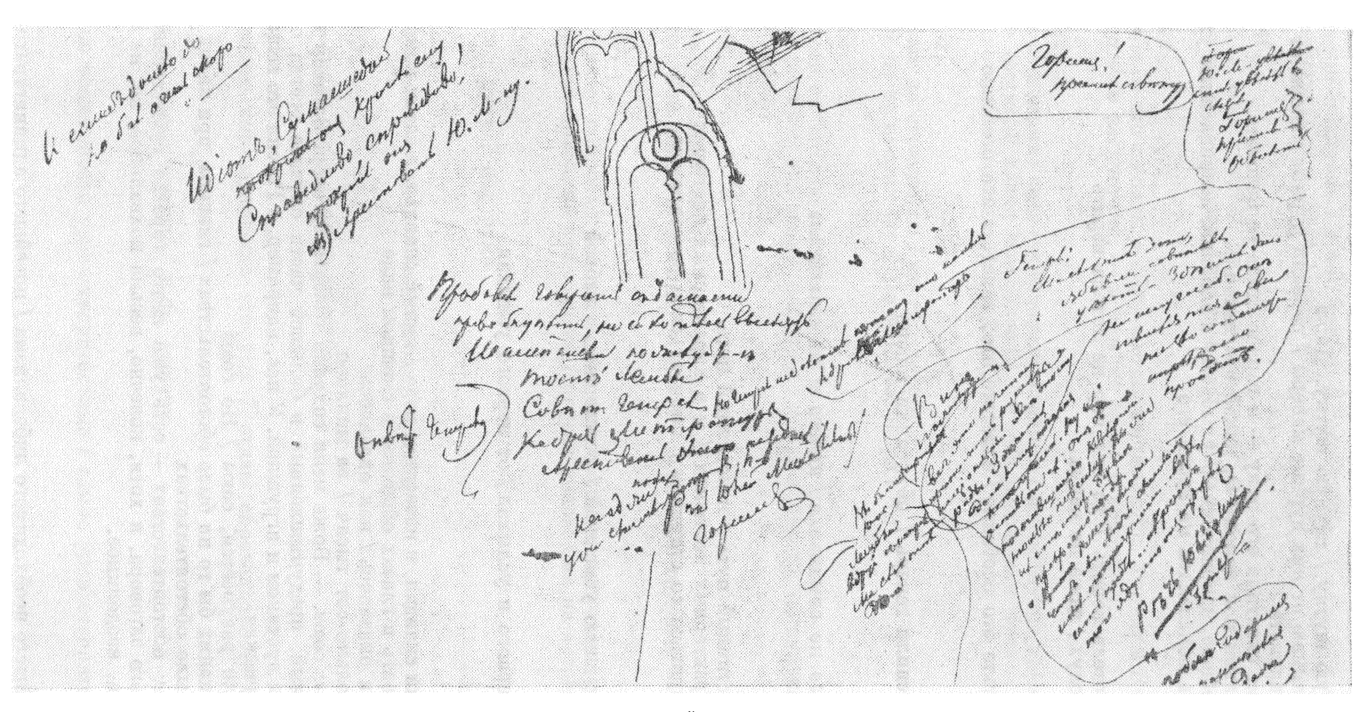
[illegible]

Петерб[illegible]

Пер[illegible]

Тверь [illegible]

Je vous [illegible]

«Бесы». Страница чернового автографа III главы третьей части. 1872 г.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).

Стр. 231.

3 глупую шутку / глупую шутку, Даша
3–4 перенимаю от них дурные манеры / перенял дурные манеры от моего семинариста
8 *После:* схватила его руку — и горячо стала ее целовать.
11 О, какой мой демон / О, какой это демон
16–17 с злобною, искривленною улыбкой / и злобная, искривленная улыбка опять показалась на губах его

Стр. 232.

4 не хотела верить / до сих пор не хотела верить
13 не вслух / даже не вслух

Стр. 233.

44 заметьте это особенно / заметьте это, заметьте это особенно

Стр. 234.

20 объяснили теперь / объясняли теперь

Стр. 235.

25 ничего не слыхивала / ничего и не слыхивала

Стр. 236.

20 на истинный путь / в истинный путь
26 и характерных костюмах / и в характерных костюмах
47 помириться со стариком / помириться и со стариком

Стр. 237.

45 всегдашнею усмешкой / всегдашнею улыбкой

Стр. 240.

34 от первого и услыхал / от первого услыхал

Стр. 241.

13 явный скандал, в известном роде / явный скандал, а затем компрометировать в глазах общества в смешном виде
19 как и оказалось / как оказалось
23 несколько сот тысяч / за миллион
25 *После:* союз. — Боже меня сохрани сказать заговор! Заговор сознательный, предумышленный в большей части случаев всегда оказывался пустяком и игрушкой. У нас, например, в России это вещь фантастическая.
25 И, уж разумеется, союз / Но союз
29–30 при каких бы то ни было обстоятельствах / главное, при каких бы то ни было обстоятельствах
30 *После:* обстоятельствах — есть уже нечто гораздо существеннейшее всякого заговора, и хотя, конечно, весьма похвальное, но, на худой конец, неодолимое.

Стр. 244.

6 новейшего необходимого либерализма / новейшего административного либерализма

Стр. 246.

25 в том и состоит / в том только и состоит
43 чувствую, что готов / чувствую, что я готов

Стр. 247.

14 Для чего двух? / Для чего же двух?
29 когда глаз на глаз / когда остается глаз на глаз

Стр. 248.

3–4 *После:* что сделать. — Для нас же постараются. Увидят в Петербурге, до чего распустили, — к нам же опять и воротятся.

Стр. 249.

25–26 очень многие сначала взапуски хвалили / все взапуски хвалили тогда
35 в гостиной Юлии Михайловны / в губернаторском доме
36 около нее / около Юлии Михайловны

Стр. 252.

32 уже до странности / до странности
34 Я не заговорил бы / Но я не заговорил бы

Стр. 253.

11 хоть не бог знает какая / хоть и не бог знает какая
23–24 после краткого своего поприща / после краткого, но сильного своего поприща

Стр. 254.

32 не уклонялся иногда / не уклонялся
42–43 гурьбой вошли в грязный коридор / гурьбой в грязный коридор

Стр. 256.

7–8 и даже попросил / и даже, сгоряча конечно, попросил
36–37 другой похож на артельщика / другой похож был на артельщика

Стр. 258.

46 под руку / под руки

Стр. 260.

20 обеими руками / обеими своими руками

Стр. 261.

4 подняла руку / подняла кулак

Стр. 265.

31–32 отдаю справедливость его уму / отдаю справедливость и его уму

Стр. 269.

2 в ту самую минуту / в ту минуту

Стр. 270.

1–2 по возможности удовлетворительные / самые удовлетворительные

Стр. 271.

6 из этих официальностей / из этих официальностей-то

Стр. 272.
3 Манеры у меня одни / Манеры у меня свои

Стр. 273.
35 Вы, Андрей Антонович / Вы, добрый мой Андрей Антонович

Стр. 275.
39–40 несколько бараний взгляд / бараний взгляд

Стр. 278.
13–14 и говорил, что рано / и говорил, рано

Стр. 280.
15 Вероятнее всего, что так и есть / Вероятнее всего, что так
44 Да вам же первому и достанется / Да на вас же первого и рассердится

Стр. 281.
18 Долгое житье / Долгое чиновничье житье

Стр. 283.
16 весьма и весьма подозрителен / весьма, весьма подозрителен
20–21 все-таки здесь заметное / все-таки заметное
22–23 и всё манкируем / и всё пропало
46 на цыпочках, расставив / на цыпочках и расставив

Стр. 284.
4–5 самая неожиданная вещь / самая неожиданная глупость

Стр. 288.
32 не замечать его вовсе / совершенно не замечать его

Стр. 289.
36 заключил он / заключил Петр Степанович

Стр. 290.
6 объяснялся / изъяснялся
29 а просто сказал / я просто сказал

Стр. 294.
37–38 брезгливо и раздражительно ухмылялся / брезгливо, раздражительно ухмылялся

Стр. 295.
30 неожиданного гостя / неожидаемого гостя

Стр. 296.
15 и пойдет к вам / и подойдет к вам

Стр. 304.
4 мальчик молчаливый / мальчик молчаливый и даже робкий

Стр. 305.
31 Мне кажется, что всякий / Мне кажется, всякий

Стр. 307.
13 объявляет / объявила

42 потому что я и тогда не мог / потому не мог я и тогда
43 Утром / Но утром
45–46 вера несколько пропадает / вера пропадает

Стр. 316.
7 или на всех парах / или ход на всех парах

Стр. 319.
7 стиснув ее / стиснул ее

Стр. 320.
17–18 крикнул он на Ставрогина. Тот оглядел его / крикнул Петр Степанович. Ставрогин оглядел его

Стр. 323.
21 я думал отдать мир / Я думал было отдать мир

Стр. 324.
25–26 чтоб испытать ощущение, наши / чтобы испытать ощущение, наши, наши
41 О, дайте взрасти поколению / О дайте, дайте взрасти поколению

Стр. 327.
1 *Глава девятая* / Часть третья. Глава первая

Стр. 333.
7 представлял себе в воображении / представлял себя

Стр. 335.
9 *Глава десятая* / Глава вторая

Стр. 336.
16 три дня спустя / дня три спустя

Стр. 339.
38 указать им на новые цели / указать им новые цели

Стр. 352.
29 вовсе не замечал / вовсе не заметил

Стр. 353.
24–25 Энергически приготовлялся / Энергически приготовился
28 в завтрашнее чтение / в завтрашнее чтение о Сикстинской мадонне

32–33 Часть третья. *Глава первая* / Глава третья
41 *После:* настроения общества. — Главное, что все у нас были проникнуты непомерною жаждой злорадного и враждебного ей скандала.

Стр. 354.
13 всё еще была уверена / была уверена
14 всё еще «преданы фанатически» / «преданы фанатически»
47 улизнуть в писаря / уйти в писаря

Стр. 356.
21 осуществление значительного сбора / осуществление огромного сбора

Стр. 357.

41 все остальные барышни / все остальные девицы

Стр. 358.

17–19 стало слишком хорошо известно / было слишком хорошо известно
20 в самое последнее время / за этот месяц
27 то есть в числе двенадцати / то есть двенадцати

Стр. 363.

26 Он, верно, предполагал / Он, верно, думал
29 многие из них / эти многие из них

Стр. 364.

1 начиная лгать и прикидываться несчастным / начиная лгать и прикидываясь несчастным

Стр. 366.

8 маленькую повесть / маленькую шутливую повесть
36–37 русалка запищала / русалка при этом запищала

Стр. 368.

10 он первый / он сам первый
35 я ведь за вас, только хвалите меня / я ведь за вас. Я готов сейчас же продать всю Россию за два пятака, только хвалите меня

Стр. 369.

12 не удержалась даже сама / не удержалась сама
45 Эк скуки натащили / Эк скуки-то натащили

Стр. 370.

10 *После:* чем в моих — хотя и не считаю себя, впрочем, поваром...
20 Да неужели / Да неужто

Стр. 376.

1 *Глава вторая* / Глава четвертая

Стр. 378.

45 надо решиться / надо решаться

Стр. 379.

24 он нам скажет / он скажет нам

Стр. 380.

15 платье испортил / платье испачкал

Стр. 388.

29–30 девочки тоже свежи / девочки свежи

Стр. 389.

10–11 в последнее время / весь последний месяц

Стр. 391.

27–28 почувствовав окончательно / почувствовал окончательно

Стр. 393.

22 невозможно было / невозможно бы было
42 и официально / и даже официально

Стр. 397.
17 дом назначал для кабака / дом назначил для кабака
39 *Глава третья* / Глава пятая

Стр. 399.
25 Вы мстите мне / Вы, может быть, мстите мне

Стр. 402.
30 пугливо посмотрела / боязливо посмотрела
41 и прежде всех / а прежде всех

Стр. 411.
7–8 оба шли / оба шли, шли

Стр. 413.
38 *Глава четвертая* / Глава шестая

Стр. 415.
40 неожиданно / несколько неожиданно

Стр. 420.
22 желает быть полезным / желает быть полезен

Стр. 431.
33 *Глава пятая* / Глава седьмая

Стр. 455.
13 *Глава шестая* / Глава восьмая
29 никого нет дома / никого нету дома

Стр. 460.
41 Толкаченко и Эркель / Тогда Толкаченко и Эркель

Стр. 465.
20–21 как бы обрадовался / как бы радовался

Стр. 466.
33 и вы напишете / и вы напишите

Стр. 467.
17 Поиграли и довольно / Поиграл и довольно
45 Тебе хочется непременно / Тебе непременно хочется

Стр. 468.
34 посмотрел Кириллов / смотрел Кириллов

Стр. 474.
31 поставил свечку / поставил свечу

Стр. 476.
11 страшные крики / странные крики

Стр. 479.
33 *Глава седьмая* / Глава девятая

Стр. 481.
21–22 Беспредметно вздохнул / Беспримерно вздохнул
39–40 il prendra les roubles / il prendra ces roubles

Стр. 482.
27 с прискорбным удивлением / с удивлением

Стр. 484.

5 хошь взвой / хоть взвой

Стр. 486.

9 и, изобразив / и, выказав
10 и поклонилась / и глубоко поклонилась

Стр. 491.

11–12 нам простят / нас простят

Стр. 497.

35 так говорит Аминь / сие глаголет Аминь
38 то извергну тебя / то изблюю тебя

Стр. 503.

9 Расскажи про жизнь / Расскажите про жизнь

Стр. 505.

10–11 с чашкой чая в руках / с чашкой чая в руке

Стр. 507.

12 *Глава восьмая* / Глава десятая

ПРИМЕЧАНИЯ

В двенадцатом томе Полного собрания сочинений печатаются наброски и планы неосуществленных произведений, задуманных в 1870—1872 гг. Здесь же заканчивается публикация рукописных материалов к роману «Бесы» (см. отдел «Варианты»), помещаются варианты и комментарии к окончательному тексту романа, подготовительным материалам к нему, пропущенной главе из этого произведения «У Тихона» и наброскам повести «Картузов», сюжетно связанной с «Бесами» (см. наст. изд., тт. X и XI).

Написанный в 1873 г. рассказ «Бобок» (вошедший в «Дневник писателя» за этот год) будет помещен в соответствии с общим планом Полного собрания сочинений, как и другие рассказы и повести 1876—1877 гг., появившиеся в составе «Дневника писателя», в томах, ему посвященных (XX—XXIV).

Все материалы данного тома в собрание сочинений включаются впервые.

Роман «Бесы» (созданный в 1870—1872 гг. и изданный в 1871—1872 гг.) был воспринят большею частью современников в ряду тогдашних «антинигилистических» романов, написанных с консервативно-охранительных позиций и направленных против русского освободительного движения 1860—1870-х годов. Это на долгое время определило критическое восприятие романа, который М. Горький охарактеризовал как «самую талантливую и самую злую из всех бесчисленных попыток опорочить революционное движение семидесятых годов» (см.: *Горький,* т. XXIV, стр. 475).

Уже в начале 1860-х годов выявилось расхождение Достоевского с русскими революционерами его эпохи. В то время как Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и их единомышленники стремились поднять народ на революционную борьбу с самодержавием, Достоевский после возвращения из Сибири относился к революционному движению скептически. Продолжая страстно мечтать о наступлении «золотого века», который принес бы свободу и счастье не «одной» (как это было в различные эпохи дворянского и буржуазного общества и государства), но и остальным «девяти десятым» человечества, Достоевский возлагал надежды не на изменение экономического и политического строя общества, но на «перемены нравственные».

Продолжавший обостряться на протяжении 1860-х годов конфликт между Достоевским и русскими революционерами получил в «Бесах» свое наиболее прямое, резкое и открытое выражение. Использовав в романе материалы так называемого нечаевского процесса, привлекшего к себе в начале 1870-х годов широкое внимание в России и за рубежом (характеристика его дается ниже, в историко-литературном комментарии к роману), писатель истолковал не-

чаевщину как тревожный симптом общественного разложения, чреватый опасностями не только для русского освободительного движения, но и для всего настоящего и будущего страны. Роман явился, по замыслу автора, одновременно памфлетом против нечаевщины (которую Достоевский в соответствии со своей «почвеннической» философско-исторической концепцией считал своеобразным сгустком отрицательных тенденций, потенциально присущих, с его точки зрения, в более скрытом, менее отчетливом виде как либерально-западническому, так и революционно-демократическому и социалистическому движению его эпохи) и трагическим изображением «дисгармонии» и «хаоса», свойственных всему бытию оторванной от народа дворянско-крепостнической России, ее имущих и образованных классов.

Достоевский сам указывал, комментируя впоследствии свой роман и отвечая его критикам, что он не считал своей задачей изображение *реальной нечаевщины* и что «Бесы» следует рассматривать как роман-предостережение, а не как историческую хронику. Опираясь на материалы нечаевского дела и перенося на страницы своего произведения отдельные его эпизоды, а также некоторые черты психологического облика его участников, романист в соответствии с эстетикой своего «фантастического» реализма по существу лишь отталкивался от нечаевщины как конкретно-исторического явления, создавая картину, в которой сложным образом переплетались непосредственная реальность и вымысел, психологически глубокое и ошибочное, гениальное и реакционное.

Рядовые участники нечаевского дела были во многом типичными представителями разночинной молодежи своего времени. Горячо сочувствуя народу и желая способствовать его освобождению, они в обстановке жесточайшей реакции и отсутствия в России конца 1860-х годов широкой, оформленной революционной организации стали жертвами авантюристической, заговорщицкой программы Нечаева, стремившегося перенести в революционное движение чуждые ему иезуитские лозунги и средства борьбы. Эту свою тяжелую ошибку большинство участников нечаевского дела (в том числе сам Нечаев) искупили годами страданий в тюрьме и на каторге, позднейшей революционной деятельностью.

Достоевский истолковал нечаевское дело по-своему, в значительной мере переосмыслив реальный облик его участников. Со времен превращения русского дворянства в особое сословие, стоящее над народом, и создания в XVIII в. бюрократической, чиновничьей монархии начался, по мнению писателя, болезненный, длительный процесс отрыва образованного русского общества от народной «почвы». Отсюда — те отрицательные тенденции, которые в различной степени характеризовали, в глазах автора «Бесов», и современную ему культуру русского дворянского, и западное буржуазное общество с его холодным рационализмом, утратой живого нравственного чувства, отрывом индивидуалистически настроенной личности от народа, и различных — психологически несходных между собою — представителей нечаевщины.

Поэтому, задумав дать в романе художественно-психологический анализ нечаевского дела и его истоков в прошлой культурной жизни русского общества, Достоевский на деле превратил «Бесы» в широкую картину разложения русского бюрократического государства и русского дворянства,

а центральное место в романе уделил умственным блужданиям индивидуалистически настроенной дворянской и мелкобуржуазной интеллигенции, ее колебаниям между различного рода псевдореволюционными и анархическими идеями и религиозными исканиями.

Это определило позднейшую сложную судьбу романа. Воспринятый передовой критикой конца XIX в. как карикатура на современное писателю освободительное движение, он в начале XX в. оказался в центре внимания русских символистских кругов, большая часть видных представителей которых — А. Л. Волынский, Д. С. Мережковский, В. И. Иванов, Л. Шестов и др. — ощутили свое психологическое сродство с центральными героями «Бесов» и поэтому не случайно восприняли настроения Ставрогина, Кириллова, Шатова и других персонажей романа как близкое отражение *своей* жизненной философии. Позднее, в годы борьбы с фашизмом, для передовой критики и публицистики у нас и за рубежом стало очевидно сродство идей Шигалева, Верховенского-младшего и других «бесов» Достоевского с бредовыми идеями философствующих теоретиков и политических деятелей фашистского типа. История XX в. указала и на другой важный социально-психологический аспект романа — содержащуюся в нем уничтожающую критику различных вариантов мелкобуржуазных идей анархо-индивидуалистического толка.

Вот почему не случайно в последние десятилетия все чаще в литературной науке стали раздаваться голоса, призывающие к пересмотру традиционной в прошлом односторонней трактовки «Бесов» (см. об этом ниже, на стр. 254—255). Справедливо указывают на возросшее значение в исторических условиях XX в. защищаемого автором романа тезиса о нераздельности политики и этики, его выступления против «своеволия и аморализма личности», исходящей из тезиса «цель оправдывает средства», на важность содержащейся в романе «жестокой критики либерализма, идей „сверхчеловека“, всей российской общественной системы» пореформенной эпохи (см.: Б. Л. Сучков. Великий русский писатель. *Достоевский — художник и мыслитель,* стр. 19—20).

История опровергла ту скептическую, враждебную оценку исканий русской революционной молодежи 1860-х годов, возможностей и перспектив тогдашнего освободительного движения, которую Достоевский стремился подтвердить своим анализом нечаевского дела, как опровергла и его критику социализма. Но она же показала, что уроки нечаевщины, критический анализ ее Достоевским в его романе-предостережении, при всей отмеченной Щедриным и другими представителями тогдашней демократической критики пристрастности этого романа, важны не только для прошлого, но и для настоящего, ибо дают возможность глубже понять многие явления общественного распада, характеризующие империалистическую эпоху, помогают в наше время провести разделительную черту между научным социализмом и различными формами мелкобуржуазно-анархических идей и настроений, открыто реакционных или псевдореволюционных, которые по самой своей социальной и идеологической природе глубоко враждебны этике социалистического движения, гуманистическим принципам и идеалам советского общества.

В комментариях, помещенных в настоящем томе, дается очерк мировоззрения Достоевского в годы создания романа, излагается творческая история «Бесов», кратко характеризуются нечаевщина и другие эпизоды русского

общественного движения, получившие в романе сложное идейно-художественное преломление, а также само это преломление.

Тексты произведений, входящих в настоящий том, подготовили и комментарии к ним составили: И. А. Битюгова (наброски и планы 1870—1872 гг.; комментарии к ним и к «Картузову»), Н. Ф. Буданова (комментарии к «Бесам», §§ 1—4, 7—8, а также преамбула и реальный комментарий к подготовительным материалам к роману), Т. И. Орнатская (варианты к «Бесам»; черновые материалы ко второй и третьей частям «Бесов», реальный комментарий к роману) и В. А. Туниманов (комментарии к «Бесам», §§ 5—6, 11—12; §§ 13 и 14 совместно с Н. Л. Сухачевым). §§ 9—10 комментариев к «Бесам» написаны Т. И. Орнатской при участии Н. Ф. Будановой. В текстологическом редактировании тома принимала участие Т. П. Голованова, в редактировании комментариев — Г. М. Фридлендер. Им написана и настоящая вводная заметка. В технической подготовке тома к печати помощь оказала Г. В. Степанова. Редактор XII тома — В. Г. Базанов.

БЕСЫ

(Том X, стр. 5; том XI, стр. 5; том XII, стр. 5)

Источники текста

ПМ — Подготовительные материалы (планы, конспекты, заметки, характеристики персонажей, диалоги, черновой набросок предисловия к отдельному изданию романа ⟨конец 1872 г.⟩ в четырех переплетенных тетрадях; см.: наст. изд., т. XI, стр. 58—308). I — январь ⟨1870⟩ — август 1870 г. Хранится: *ЦГАЛИ,* ф. 212. 1. 8. с. 14, 15, 20—27, 29—38, 44—52; см.: *Описание,* стр. 30. Впервые полностью опубликована: *Коншина,* стр. 44—78; II — январь — март 1870 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93, I. 1. 4, с. 1—6, 29—59, 61—68, 71—77; см.: *Описание,* стр. 30. Впервые полностью опубликована: *Коншина,* стр. 87—95, 108—171; III — апрель 1870 — май 1871 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93, I. 1. 5, с. 1—6, 9—10, 13—42, 44—48, 50—53, 56—108, 110, 114—116, 123—145; см.: *Описание,* стр. 31. Впервые полностью опубликована: *Коншина,* стр. 175—321; IV — 1872 г. Хранится: *ЦГАЛИ,* ф. 212, 1. 9; см.: *Описание,* стр. 31. Впервые полностью опубликована: *Коншина,* стр. 325—343, 349—531.

Первая редакция — Корректурные гранки главы «У Тихона», не вошедшей в окончательный текст романа (см.: наст. изд., т. XI, стр. 5—30). Набраны для декабрьской книжки *РВ* за 1871 г. 15 полос. Отсутствует 15-я по счету гранка. Хранятся: *ЦГАЛИ,* ф. 212. 1. 10; см.: *Описание,* стр. 35—37. Впервые опубликованы: Документы по истории литературы и общественности, вып. 1, Изд. Центрархива, М., 1922, стр. 3—40.

Правка на гранках — разновременная правка на полях *Первой редакции,* частично воспроизведенная при ее публикации. Полностью печатается впервые (наст. том, стр. 119—133).

Список — Незавершенный список рукой А. Г. Достоевской с неизвестного источника, датируемого январем — февралем 1872 г. Хранится: *ИРЛИ,* ф. 100, № 29443, CCXб. 1. Опубликован частично в издании: Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений, т. 8. Изд. 6. СПб., 1904—1906, стр. 617—626; полностью: «Былое», 1922, № 18, стр. 227—252.

$ЧН_1$ — Черновые наброски к части второй, главе IX. 1 лист, 2 страницы (см.: наст. изд., т. XI, стр. 309—312). Датируется 1872 г. Хранятся: *ИРЛИ,* ф. 100, № 29452, CCXб. 8; см.: *Описание,* стр. 31. Впервые опубликованы: *Д, Материалы и исследования,* стр. 405—408.

$ЧН_2$ — Черновые наброски к части третьей, главе IV, главке 2.2 листа, 3 страницы. Датируются 1872 г. Хранятся: *ЦГАЛИ,* ф. 212, 1.8 — а; см.: *Описание,* стр. 31. Публикуются впервые: наст. изд., т. XI, стр. 312—313.

$ЧА_1$ — Праздник. Первая редакция начала главы I третьей части «Я думаю, что если бы даже фон Лембке ∾ в связях с самим министерством»). 1 лист., 2 страницы. Датируется 1872 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93.1.1.3/1; см.: *Описание*, стр. 32. Публикуется впервые: наст. изд., т. XI, стр. 314—319.

$ЧА_2$ — Праздник. Вторая редакция начала главы I третьей части («Праздник состоялся ∾ На то скандалисты и рассчитывали»). 2 листа, 4 страницы. Датируется 1872 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93. 1.1. 3/2; см.: *Описание*, стр. 32. Публикуется впервые: наст. изд., т. XI, стр. 319—331.

$ЧА_3$ — Черновой автограф конца второй — третьей частей романа:

1) фрагмент главы IX второй части («В то же утро произошел ∾ что вы их делаете?» — см.: наст. изд., т. XI, стр. 335—339). 1 лист, 2 страницы. Датируется 1872 г. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29452, ССХб. 8; см.: *Описание*, стр. 32. Впервые опубликован: *Сб. Достоевский, II*, стр. 409—414;

2) фрагмент главки 3 главы X второй части («... она его знает гораздо лучше ∾ и куда-то поехал» — см.: наст. изд., т. XI, стр. 339—342). 1 лист, 2 страницы. Датируется 1872 г. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29452, ССХб. 8; см.: *Описание*, стр. 32. Впервые опубликован: *Сб. Достоевский, II*, стр. 415—419;

3) фрагменты главок 2—4 главы I третьей части («Помещение, впрочем, было достаточное ∾ в чем ее тайна»). 6 листов, 12 страниц. Датируются 1872 г. Хранятся: *ГБЛ*, ф. 93, 1.1.3/3; см.: *Описание*, стр. 32. Публикуются впервые: наст. изд., т. XI, стр. 342—366;

4) фрагмент главки 4 главы I и главок 1—3 главы II третьей части («Я отступил ∾ и не застал начало»). 5 листов, 10 страниц. Датируется 1872 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93, 1.1.3/4; см.: *Описание*, стр. 33. Публикуется впервые: наст. изд., т. XI, стр. 367—394;

5) фрагмент главки 2 главы II третьей части («Здесь я очутился свидетелем ∾ не знал тогда фактов»). 1 лист, 2 страницы. Датируется 1872 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93, 1.1.3/5; см.: *Описание*, стр. 33. Публикуется впервые: наст. изд., т. XI, стр. 394—396;

6) фрагмент главки 2 главы II третьей части («... серьезно остроумным ∾ Заикался я когда-нибудь об нем, или нет?»). 1 лист, 2 страницы. Датируется 1872 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93, 1.1.3/6; см.: *Описание*, стр. 33. Публикуется впервые: наст. изд., т. XI, стр. 397—398;

7) фрагмент главки 3 главы II третьей части («Трудно было бы мне ∾ Горим» — см.: наст. изд., т. XI, стр. 398—402). 1 лист, 2 страницы. Датируется 1872 г. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29452, ССХб. 8; см.: *Описание*, стр. 33. Впервые опубликован: *Д, Материалы и исследования*, стр. 419—428;

8) черновой автограф главки 3 главы II третьей части («Был уже одиннадцатый час ∾ нашей губернии»). 3 листа, 6 страниц. Датируется 1872 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93, 1.1.3/7; см.: *Описание*, стр. 33. Публикуется впервые: наст. изд., т. XI, стр. 402—413;

9) фрагмент главки 3 главы III третьей части («...оба они шли ∾ быстро распространилось»). 1 лист, 2 страницы. Датируется 1872 г. Хранится: *ГБЛ*, ср. 93.1.1.3/8, с оборота; см.: *Описание*, стр. 34. Публикуется впервые;

10) фрагмент главки 1 главы IV третьей части (Глава седьмая. «Уж конечно П⟨етр⟩ С⟨тепанови⟩ч хлопотал ∾ взрыва ее негодования»). 1 лист, 2 страницы. Датируется 1872 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93. 1.1.3/9; см.: *Описание*, стр. 34. Публикуется впервые;

11) фрагмент главки 1 главы IV третьей части (Глава седьмая. «Последние шаги П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча ∾ Как так-с?»). 2 листа, 4 страницы. Датируется 1872 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93, 1.1.3/10; см.: *Описание*, стр. 34. Публикуется впервые;

12) фрагмент главки 3 главы IV третьей части («Кириллов, как всегда в этот час ∾ и выхватил револьвер»). 1 лист, 2 страницы.

Датируется 1872 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 92, I.1.3/8; см.: *Описание*, стр. 34. Публикуется впервые;

13) фрагмент главки 3 главы IV третьей части («...быстрая и отвратительная сцена ∾ в кармане...»). 1 лист, 2 страницы. Датируется 1872 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93. I.1.3/9 продолжение; см. *Описание*, стр. 34. Публикуется впервые;

14) автограф главы V третьей части (Глава 8(7?) «Смерть Лизы и Марьи Тимофеевны ∾ и вдруг ру⟨кой⟩ обня⟨ла⟩»). 11 листов, 19 страниц. Датируется 1872 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93. I.1.3/11; см.: *Описание*, стр. 34. Публикуется впервые;

15) фрагмент главки 1 главы VI третьей части (Глава 8-я. «Виргинский в продолжении дня ∾ такие вопросы»). 2 листа, 3 страницы. Датируется 1872 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93. I.1.3/12; см.: *Описание*, стр. 34. Публикуется впервые;

16) фрагменты главок 1 и 2 главы VI третьей части («[Виргин⟨ский⟩] Что же до Лямшина и Виргинского ∾ Я убью себя, пусть узнают»). 6 листов, 11 страниц. Датируются 1872 г. Хранятся: *ГБЛ*, ф. 93. I.1.3/13; см.: *Описание*, стр. 34—35. Публикуются впервые;

17) фрагменты главок 2 и 3 главы VI третьей части («То есть вы хотите сказать ∾ миллионщик дважды»). 6 листов, 12 страниц. Датируются 1872 г. Хранятся: *ГБЛ*, ф. 93. I.1.3/14; см.: *Описание*, стр. 35. Публикуются впервые;

18—19) фрагменты главки 2 главы VII третьей части («...начинаю прощать всем врагам моим ∾ предызбрал себе»). 4 листа, 8 страниц. Датируются 1872 г. Хранятся: *ГБЛ*, ф. 93. I.1.3/15, 3/16; см.: *Описание*, стр. 35. Публикуются впервые;

20) фрагмент окончания главы VIII третьей части («...физически, а нравственно вы всё знаете ∾ Finis»). 2 листа, 4 страницы. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93. I.1.3/17; см.: *Описание*, стр. 35. Публикуется впервые.

PB — 1871, №№ 1, 2, 4, 7, 9—11; 1872, №№ 11, 12.
1873 — «Бесы». Роман в трех частях. СПб., 1873.

Впервые напечатано в *PB*, 1871, №№ 1, 2, 4, 7, 9—11; 1872, №№ 11, 12, с подписью: Ф. Достоевский.

Печатается по тексту *1873* с устранением явных опечаток и со следующими исправлениями по *PB* и *ЧА* [1]:

Стр. 21, строка 1: «дошло даже до этого» вместо «дошло до этого».

Стр. 38, строка 40; *стр. 39, строки 2, 17, 42—43*; *стр. 44, строка 5:* «Павел Павлович» вместо «Петр Павлович» (в прижизненных изданиях ошибочно употреблены оба имени; исправлено на «Павел» по отчеству другого персонажа романа, Артемия Павловича Гаганова, сына упомянутого выше Павла Павловича).

Стр. 45, строки 36—38: «с покорностию, но, уж конечно, каждый день во все эти три года беспокоилась, тосковала и мечтала» вместо «с покорностию, тосковала и мечтала».

Стр. 48, строка 26: «А делаете ли вы ваш моцион?» вместо «А делаете ли ваш моцион»?

Стр. 57, строка 33: «посмотрела на нее Варвара Петровна» вместо «посмотрела Варвара Петровна».

Стр. 82, строка 43: «и... и всё это» вместо «и... всё это».

Стр. 88, строка 27: «Прасковьи Ивановны» вместо «Прасковьи Петровны» (ошибочно в обоих прижизненных изданиях).

---

[1] Исправления по *ЧА*, внесенные Т. И. Орнатской, отмечены в скобках.

Стр. 89, строка 28: «точно как ножницами, обрезывает» вместо «точно как ножницами, обрезывают».

Стр. 96, строки 22—23: «не сердчишко ли у нас екнуло» вместо «не сердчишко ли у вас екнуло».

Стр. 126, строка 26: «лица некоторых присутствовавших» вместо «лица некоторых присутствующих».

Стр. 133, строка 45: «отвечая на каждый вопрос» вместо «отвечала на каждый вопрос».

Стр. 138, строка 47: «это вовсе не то» вместо «это всё не то».

Стр. 140, строки 33—34: «Лиза была бледненькая» вместо «Лиза была бледненька».

Стр. 143, строка 35: «ничто не может» вместо «ничего не может».

Стр. 200, строки 2—3: «он тотчас же перестает быть великим народом и тотчас же обращается» вместо «он тотчас же обращается».

Стр. 219, строка 44: «в неутолимой» вместо «неутомимой» (опечатка в обоих прижизненных изданиях).

Стр. 248, строка 10: «от фон Блюма» вместо «от фон Блюмера» (ошибочно в обоих прижизненных изданиях).

Стр. 248, строка 11: «вашего Блюма» вместо «вашего Блюмера» (ошибочно в обоих прижизненных изданиях).

Стр. 248, строка 14: «Фон Блюм» вместо «Фон Блюмер» (ошибочно в обоих прижизненных изданиях).

Стр. 253, строка 6—7: «но почему-то прибавляют» вместо «но почему прибавляют» (опечатка в обоих прижизненных изданиях).

Стр. 289, строка 21: «VI» вместо «VII» (ошибочно в обоих прижизненных изданиях).

Стр. 295, строка 10: «VII» вместо «VIII» (ошибочно в обоих прижизненных изданиях).

Стр. 304, строка 28: «и когда захочет» вместо «а когда захочет».

Стр. 305, строки 12—13: «Да дайте» вместо «Да давайте».

Стр. 327, строка 27: «губернаторский чиновник» вместо «губернский чиновник» (по *ЧА*; ошибочно в обоих прижизненных изданиях).

Стр. 331, строки 22—23: «было и умилительно и как-то противно» вместо «было умилительно и как-то противно».

Стр. 336, строка 31: «начала, разумеется, грозно» вместо «начали, разумеется, грозно».

Стр. 371, строка 44: «подделанная из расчета» вместо «поддельная из расчета» (по *ЧА*; опечатка в обоих прижизненных изданиях).

Стр. 380, строки 33—34: «Шутка грубая, ну там сальная» вместо: «Шутка грубая, ну там сильная» (по *ЧА*; опечатка в обоих прижизненных изданиях).

Стр. 395, строки 40—41: «Он тут один, а четыре с половиной им оклеветаны. Он втирается» вместо «Он втирается» (пропуск строки).

Стр. 396, строки 1—2: «Пусть уж само как-нибудь» вместо «Пусть само как-нибудь».

Стр. 405, строка 26: «я именно увидел» вместо «и именно увидел».

Стр. 406, строка 30: «мигом слажу» вместо «мигом смажу» (опечатка в обоих прижизненных изданиях).

Стр. 425, строка 19: «остается с полчаса» вместо «остаться с полчаса» (по *ЧА*; опечатка в обоих прижизненных изданиях).

Стр. 427, строка 30: «наставлял его» вместо «настаивал его» (по *ЧА*; опечатка в обоих прижизненных изданиях).

Стр. 428, строка 25: «прапорщика Эркелева» вместо «прапорщика Эртелева» (опечатка в обоих прижизненных изданиях).

Стр. 443, строка 43: «И бабка» вместо «И баба» (опечатка в обоих прижизненных изданиях).

Стр. 452, строка 45: «то надо и к другим» вместо «то и надо к другим».

Стр. 453, строка 7: «забежала домой» вместо «забежала». (по *ЧА*; ошибочно в обоих прижизненных изданиях).

Стр. 459, строка 4: «ни одной йоты» вместо «ни одной ноты».

Стр. 468, строка 16: «Да ведь и мне» вместо «Да и ведь и мне».
Стр. 471, строки 9—10: «Липутину, что ли?» вместо «Липутин, что ли?»
Стр. 472, строка 46: «ввечеру» вместо «к вечеру».
Стр. 473, строка 1: «тайно квартировал» вместо «также квартировал» (не *ЧА*; опечатка в обоих прижизненных изданиях).
Стр. 484, строка 20: «и какое дело» вместо «и какое мне дело».
Стр. 486, строка 6: «так надоедавшая» вместо «так надоевшая».
Стр. 489, строка 28: «аккуратно придет» вместо «аккуратно прибудет».
Стр. 506, строка 1: «я ... я тут же» вместо «я... тут же».
Стр. 509, строка 35—36: «а потом Эркелю» вместо «а потому Эркелю» (опечатка в обоих прижизненных изданиях).
Стр. 514, строка 8: «ободрения» вместо «одобрения» (по *ЧА*; опечатка в обоих прижизненных изданиях).
Стр. 514, строка 45: «Я знаю, что это будет» вместо «Я знаю, что будет».
Стр. 515, строка 26: «внушительным видом» вместо «внимательным видом» (по *ЧА*; ошибочно в обоих прижизненных изданиях).

1

В апреле 1867 г. Достоевский выехал с женой за границу, где оставался до июля 1871 г. Здесь в 1867—1868 гг. был написан роман «Идиот». Основная работа над романом «Бесы» падает на вторую половину указанного периода — 1870—1871 гг.

Роман писался в сложных условиях. Страстно тоскующий по России Достоевский ощущал недовольство западноевропейской жизнью, ее порядками и нравами. Заботы о растущей семье, стесненные материальные обстоятельства, чрезмерная загруженность работой ввиду обязательств, связывавших его с журналами «Заря» и «Русский вестник», — все это создавало напряженную для жизни и творчества писателя обстановку.

По письмам и рабочим тетрадям Достоевского предыстория «Бесов» рисуется в следующем виде.

К 1869 г., т. е. времени, разделяющему романы «Идиот» и «Бесы», относится ряд художественных замыслов писателя, оставшихся незавершенными. Для творческой истории «Бесов» прежде всего представляют интерес наряду с эпопеей «Житие великого грешника» (1869—1870; см.: наст. изд., т. IX) замыслы повести о капитане Картузове (1868—1869; см.: наст. изд., т. XI), своеобразном литературном прообразе Лебядкина; произведения, озаглавленного «Смерть поэта»; рассказа о Воспитаннице, а также фрагменты ⟨Романа о Князе и Ростовщике⟩. Все эти замыслы, причудливо переплетающиеся друг с другом отдельными художественными образами, идеями, сюжетными коллизиями, так или иначе связаны с «Бесами» (см. об этом подробнее: наст. изд., т. IX, стр. 493—499 и ниже, на стр. 323—324 данного тома).

В письмах Достоевского 1869 г. особенно часто упоминаются повесть, обещанная журналу «Заря» (позднее определится, что это «Вечный муж»), и роман для «Русского вестника».

С издателем «Русского вестника» М. Н. Катковым Достоевского связывали творческие и денежные обязательства. Обещанный ему роман должен был публиковаться начиная с январской книжки журнала за 1870 г. В то же время Достоевский не оставляет мечты художественно воплотить замысел, носивший на предыдущем этапе название «Атеизм», а впоследствии трансформировавшийся в «Житие великого грешника». Писатель видит в его осуществлении главное дело жизни, синтез всего своего творчества. Удрученный обязательствами перед редакторами «Зари» и «Русского вестника», Достоевский жалуется племяннице С. А. Ивановой в письме от 29 августа (10 сентября) 1869 г., что «еще ничего не начинал, ни туда, ни сюда». В том же письме он упоминает, что не хочет комкать и портить в спешке для «Русского вестника» имеющуюся у него заветную идею (речь идет о замысле, получившем несколько позднее название «Житие великого грешника») и что «надобно,

стало быть, натуживаться, чтоб изобретать новые рассказы; это омерзительно». Последняя реплика свидетельствует, что в первой декаде сентября н. ст. 1869 г. у Достоевского еще не определился вполне замысел произведения, обещанного «Русскому вестнику». Осенью 1869 г. писатель был занят спешной работой над «Вечным мужем», затянувшейся вплоть до начала декабря 1869 г., и поэтому не имел свободного времени для выполнения обязательства, данного Каткову.[1]

В период с осени 1869 до начала 1870 г. Достоевский набрасывает несколько предположительных замыслов для «Русского вестника». Один из них — план повести «Смерть поэта» — вскоре осложняется записью о Нечаеве («Нечаев. Кулишов донес на Нечаева»), связывающей его с будущими «Бесами» (см.: наст. изд., т. IX, стр. 121).

А. Г. Достоевская писала в своих воспоминаниях: «На возникновение новой темы повлиял приезд моего брата. Дело в том, что Федор Михайлович, читавший разные иностранные газеты ⟨...⟩ пришел к заключению, что в Петровской земледельческой академии в самом непродолжительном времени возникнут политические волнения. Опасаясь, что мой брат, по молодости и бесхарактерности, мо́жет принять в них деятельное участие, муж уговорил мою мать вызвать сына погостить у нас в Дрездене. ⟨...⟩ Федор Михайлович, всегда симпатизировавший брату, интересовался его занятиями, его знакомствами и вообще бытом и настроением студенческого мира. Брат мой подробно и с увлечением рассказывал. Тут-то и возникла у Федора Михайловича мысль в одной из своих повестей изобразить тогдашнее политическое движение и одним из главных героев взять студента Иванова (под фамилией Шатова), впоследствии убитого Нечаевым.[2] О студенте Иванове мой брат говорил как об умном и выдающемся по своему твердому хара́ктеру человеке и коренным образом изменившем свои прежние убеждения. И как глубоко был потрясен мой брат, узнав потом из газет об убийстве студента Иванова, к которому он чувствовал искреннюю привязанность! Описание парка Петровской академии и грота, где был убит Иванов, было взято Федором Михайловичем со слов моего брата» (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания,* стр. 190—191).

Эта страница воспоминаний жены писателя нуждается, как показывают его записные тетради и письма, в серьезных коррективах.

Уже Л. П. Гроссман установил, что И. Г. Сниткин приехал из России в Дрезден около середины октября 1869 г., т. е. почти за полтора месяца до убийства Иванова. Гроссман высказал обоснованное сомнение и в том, чтобы Достоевский вообще мог узнать от И. Г. Сниткина что-либо об Иванове (см.: *Гроссман, Жизнь и труды,* стр. 184—185).

Еще ранее, в 1930 г., А. С. Долинин также отметил противоречие в воспоминаниях А. Г. Достоевской. Но он сделал отсюда вывод, который после опубликования записных тетрадей писателя не может быть принят, — о том, что замысел романа зародился раньше приезда И. Г. Сниткина и сюжетно вначале не был связан с убийством Иванова. Рассказы брата, по мнению

---

[1] В свете вышеизложенного представляется ошибочной точка зрения А. С. Долинина и некоторых других исследователей (Вяч. Полонский, Е. Н. Коншина, А. Л. Бем), усмотревших первое упоминание о зарождении замысла «Бесов» в письме Достоевского к А. Н. Майкову от 17 (29) сентября 1869 г., где, в частности, говорится: «Замыслил вещь в „Русский вестник“, которая очень волнует меня» (*Д, Письма,* т. II, стр. 460); ср.: *Спор о Бакунине и Достоевском,* стр. 66; *Коншина,* стр. 20; А. Л. Б е м. Эволюция образа Ставрогина (К спору об «Исповеди Ставрогина»). — «Труды V съезда русских академических организаций за границей», т. I. София, 1931, стр. 190. Очевидно, в приведенном письме Достоевского к Майкову речь шла об одном из предшествовавших «Бесам» замыслов (см. об этом: наст. изд., т. IX).

[2] И. Г. Сниткин (1849—1887), брат А. Г. Достоевской, был слушателем Московской Петровской сельскохозяйственной академии; там же учился И. Иванов.

А. С. Долинина, «как конкретный материал понадобились уже в ходе работы, и очень может быть, что роль их действительно была довольно значительная в смысле влияния на дальнейшее развитие сюжета или даже на коренное его переустройство» (см.: *Д, Письма,* т, II, стр. 463).

В действительности, как показывает анализ записных тетрадей Достоевского, замысел «Бесов» возник позднее, в начале 1870 г., после того как писателем был разработан план основной части «Жития великого грешника» и сделан ряд заготовок для ⟨Романа о Князе и Ростовщике⟩ (см.: наст. изд., т. IX).[1] Оба эти замысла составляют непосредственные подступы к будущему роману, начальной точкой творческой истории которого можно признать недатированный план романа «Зависть». Его заглавие определено взаимоотношениями двух главных действующих лиц — Князя А. Б. и Учителя («... между ними легла *зависть* и *ненависть*» — см.: наст. изд., т. XI, стр. 63).

В блестящем, гордом, мстительном и завистливом Князе, не лишенном, однако, благородства и великодушия, уже проступают черты Ставрогина, а Учитель своей нравственной красотой напоминает Шатова. Известную аналогию можно провести и между матерью А. Б. — знатной барыней — и Варварой Петровной; Воспитанницей и Дарьей Павловной; Красавицей и Лизой Тушиной; перенесенным сюда из планов повести о Картузове Картузовым и Лебядкиным. Совпадают также некоторые сюжетные коллизии «Зависти» и возникших позднее черновых планов к «Бесам» (личное соперничество Князя А. Б. и Учителя; сложные отношения Князя с двумя женщинами — Воспитанницей и Красавицей; любовь к Красавице капитана, пишущего нелепые стихи; мотив пощечины и самоубийство героя). В то же время фабула «Зависти» в какой-то мере воскрешает ряд мотивов более ранней повести, неосуществленной, — «Весенняя любовь» (1859; см.: наст. изд., т. III, стр. 443—446; ср. здесь отношения князя, «литератора» и героини).

В целом план «Зависти», представляющий собой разработку чисто «романической», психологической фабулы, еще далек от «Бесов» как политического памфлета против нечаевщины. Тем не менее записи: «Прокламации. Мелькает Нечаев, убить Учителя (?)», «Заседание у нигилистов, Учитель спорит» и некоторые другие — свидетельствуют об определенной связи фабулы задуманного произведения с газетными известиями о политическом убийстве нечаевцами студента Иванова, имевшем место 21 ноября 1869 г. В февральских (датированных самим писателем) набросках к «Бесам» мотив политического убийства, лишь намеченный в «Зависти», получает дальнейшую конкретизацию и разработку. Все это дает возможность увидеть в «Зависти» первоначальную попытку художественного воплощения еще не вполне сформировавшегося в этот момент замысла «Бесов».[2]

«Зависть» по времени, по-видимому, предшествовала заметке «Т. Н. Грановский», помеченной 22 января (3 февраля) 1870 г., и последующим февральским записям 1870 г., в которых в соответствии с творческой устремленностью Достоевского уже отчетливо вырисовываются контуры политического памфлета на западников 1840-х годов и современных нигилистов-нечаевцев. Предположительная датировка «Зависти» — вторая половина января—первые дни февраля ⟨1870⟩.[3]

---

[1] Последняя запись к ⟨Роману о Князе и Ростовщике⟩ датирована 21 января (2 февраля) ⟨1870⟩.

[2] Е. Н. Коншина, опубликовавшая «Зависть» в составе записных тетрадей к «Бесам» (1935 г.), впервые связала этот набросок с замыслом романа Достоевского (см.: *Коншина,* стр. 16; ср. ее статью «От редактора», содержащую ценные сведения о творческой истории «Бесов», — там же, стр. 13—31).

[3] Первые сведения об убийстве нечаевцами И. Иванова появились в «Московских ведомостях» 27 ноября 1869 г., но только 25 декабря в газете было названо имя С. Г. Нечаева как убийцы Иванова (см. ниже, стр. 198—199). Достоевский в позднейших письмах относит возникновение замысла «Бесов» к концу 1869 г. 9 (21) октября 1870 г. он пишет Н. Н. Страхову: «Вначале, т. е. еще в конце прошлого года — я смотрел на эту вещь ⟨«Бесы», — *Ред.*⟩ как на вымученную, как на сочиненную, смотрел свысока», а 2 (14) декабря

В это время Достоевский, однако, еще не отказался окончательно и от более раннего замысла ⟨Романа о Князе и Ростовщике⟩. Он, очевидно, колебался, какой из двух замыслов предпочесть с точки зрения их возможной скорейшей реализации для «Русского вестника». Некоторое время оба замысла существовали параллельно. В начале февраля идея злободневного политического романа окончательно получила перевес. «Последняя попытка мысли», датированная автором 22 января (3 февраля) ⟨1870⟩, действительно оказалась последней: на следующий день писатель оставляет замысел ⟨Романа о Князе и Ростовщике⟩ и набрасывает отрывок «Т. Н.Грановский»,уже представляющий собой характеристику одного из ведущих персонажей «Бесов».

В первой половине 1870 г. занятый работой над «Бесами» писатель тем не менее не отказывается от мечты осуществить после завершения романа замысел «Жития великого грешника» в полном, неурезанном виде (см. об этом в комментарии к «Житию» — наст. изд., т. IX, стр. 505—506).

Систематические упоминания о романе «Бесы» появляются в письмах Достоевского с февраля 1870 г. Замысел нового романа увлек писателя своей злободневностью и актуальностью. В письме к А. Н. Майкову от 12 (24) февраля 1870 г. Достоевский сближает задуманное им новое произведение об идеологическом убийстве с «Преступлением и наказанием»: «Сел за богатую идею; не про исполнение говорю, а про идею. Одна из тех идей, которые имеют несомненный эффект в публике. Вроде „Преступления и наказания“, но еще ближе, еще насущнее к действительности и прямо касается самого важного современного вопроса. Кончу к осени, не спешу и не тороплюсь. Постараюсь, чтоб осенью же и было напечатано ⟨...⟩ Только уж слишком горячая тема. Никогда я не работал с таким наслаждением и с такой легкостию».

В письмах, относящихся к весне 1870 г., и в черновых записях этого периода отчетливо намечена острая «тенденциозность» будущего романа-«памфлета»: «Теперь же, в настоящее время, я работаю одну вещь в „Русский вестник“, кончу скоро. Я туда еще остался *значительно* должен ⟨...⟩ На вещь, которую я теперь пишу в „Русский вестник“, я сильно надеюсь, но не с художественной, а с тенденциозной стороны; хочется высказать несколько мыслей, хотя бы погибла при этом моя художественность. Но меня увлекает накопившееся в уме и в сердце; пусть выйдет хоть памфлет, но я выскажусь. Надеюсь на успех», — сообщает Достоевский Страхову 24 марта (5 апреля) 1870 г. И далее в этом же письме: «Нигилисты и западники требуют окончательной плети».

Об открытой тенденциозности задуманного романа, входившей в его замысел, Достоевский упоминает и в других письмах этого времени: «Теперь я работаю в „Русский вестник“. Я там задолжал и, отдав „Вечного мужа“ в „Зарю“, поставил себя там, в „Р⟨усском⟩ в⟨естни⟩ке“, в двусмысленное положение. Во что бы то ни было надо туда кончить то, что теперь пишу. Да и обещано мною им твердо, а в литературе я человек честный. То, что пишу, — вещь тенденциозная, хочется высказаться погорячее. (Вот завопят-то про меня нигилисты и западники, что *ретроград!*) Да черт с ними, а я до последнего слова выскажусь» (письмо к А. Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г.).

И через два месяца снова: «Пишу в „Русский вестник“ с большим жаром и совершенно не могу угадать — что выйдет из этого? Никогда еще я не брал на себя подобной темы и в таком роде» (письмо к Н. Н. Страхову от 28 мая (9 июня) 1870 г.).

сообщает тому же корреспонденту: «Говоря с полною точностию, повесть (роман, пожалуй), задуманный мною в «Р⟨усский⟩ вестник», начался еще мною в конце прошлого (69-го года)». О самом факте убийства студента группой заговорщиков (еще без связи с именем Нечаева) Достоевский мог узнать за границей из газет уже в декабре 1869 г., и тогда же у него могла зародиться мысль использовать эту злободневную фабулу для будущего романа. Но попытка практически реализовать эту мысль была, очевидно, сделана Достоевским несколько позднее.

Однако увлечение Достоевского злободневностью и «тенденциозностью» замысла, характерное для начального периода работы над «Бесами», вскоре сменяется творческими сомнениями и тревогой. Надежды к осени закончить роман, развязаться с «Русским вестником» и вернуться к заветной идее «Жития великого грешника» не оправдались.[1]

«В настоящую минуту сижу над одной особенной работой, которую предназначаю в „Русский вестник", — жалуется Достоевский С. А. Ивановой 7 (19) мая 1870 г. — 〈...〉 Я комкаю листов в 25 то, что должно бы было по крайней мере занять 50 листов, — комкаю, чтоб кончить к сроку, и никак не могу сделать иначе, потому что ничего кроме этого и написать в настоящую минуту не могу, находясь вне России».

Стремление преобразовать и углубить первоначальный замысел, найти новые сложные образы и форму изложения романа ощутимо в мартовских и апрельских черновых записях 1870 г. Окончательно оформится оно в письмах и черновиках летнего периода и повлечет за собой коренную перестройку проблематики и композиции «Бесов».

2

Уже в обоих романах, предшествовавших «Бесам», — «Преступлении и наказании» и «Идиоте» — значительное место занимала проблема идейных поисков и блужданий молодого поколения 1860-х годов, тесно соединенная в сознании автора с вопросом о путях исторического развития России после реформы, с попыткой проанализировать основные тенденции развития русского освободительного движения в эти годы, уяснить себе его определяющие черты и сформулировать свое отношение к нему. В начале 1870-х годов, на новом этапе эволюции как самого писателя, так и русского общества, все эти размышления Достоевского в связи со складывающейся у него сложной, насыщенной протестующим началом и в то же время глубоко полемической по отношению к революционным кругам русского общества философско-исторической концепцией получили дальнейшее развитие и отражение в «Бесах».

Тема острого противоречия между официальной, помещичьей и чиновничьей Россией, ее социальным и политическим бытом, всем строем мышления и культурными традициями дворянского общества — и передовой русской молодежью, ее этическими исканиями, тема кризиса старой, религиозной нравственности — и попыток молодого поколения обосновать иные нравственные нормы в 1860—1870-х годах получила широкое отражение в русской литературе. Ее по-разному освещали и демократическая беллетристика, начиная с повестей Н. Г. Помяловского, «Что делать?» Н. Г. Чернышевского (1862), «Трудного времени» В. А. Слепцова (1865), и произведения крупнейших русских романистов этой эпохи — Тургенева и Гончарова, и «антинигилистические» романы В. В. Крестовского, В. П. Клюшникова, В. П. Авенариуса, Н. Д. Ахшарумова; с последними — при всем различии таланта и художественного уровня авторов — в известной мере сближались в восприятии современников «Взбаламученное море» А. Ф. Писемского (1863), «Некуда» (1864) и в особенности «На ножах» (1871) Н. С. Лескова.

Русское освободительное движение переживало в конце 1860-х—начале 1870-х годов сложный, переходный период. После ареста Чернышевского, участников первой «Земли и воли» 1860-х годов оно потеряло связующий центр, распалось на множество организационно не связанных между собой ячеек с различной идеологической окраской и устремлениями. Выстрел Д. В. Каракозова в Александра II 4 апреля 1866 г., в момент, когда Достоев-

---

[1] «Хотя материал для нового романа был взят из действительности, тем не менее мужу было необыкновенно трудно его написать 〈...〉 Тенденциозный роман был, очевидно, не в духе его творчества», — пишет А. Г. Достоевская (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания,* стр. 191).

ский работал над «Преступлением и наказанием», явился предвестьем перехода части народнических революционеров к террору против царя и представителей его администрации в 1870-е годы. Как мы знаем из мемуаров современника и записей к «Бесам», выстрел Каракозова произвел на писателя глубокое и болезненное впечатление (см.: П. И. Вейнберг. 4 апреля 1866. «Былое», 1906, № 4, стр. 299 и наст. изд., т. XI, стр. 303). В Женеве в 1867—1868 гг. он с тревогой следил за выступлениями Бакунина и усилением бакунинских настроений в среде русской революционной эмиграции (см. об этом: Л. П. Гроссман. Бакунин и Достоевский. *Спор о Бакунине и Достоевском,* стр. 8—9). Все это подготовило то общее восприятие нечаевщины как своеобразного фокуса, вобравшего в себя все основные гибельные тенденции развития современной — переходной — эпохи жизни России, которое получило выражение в «Бесах» и обусловило тенденциозный замысел этого романа-памфлета.

Находясь за границей, Достоевский был в курсе русской литературной жизни, внимательно следя за выходившими журналами. В его письмах конца 1860-х — начала 1870-х годов нередки упоминания и развернутые отзывы о новых произведениях Герцена, Тургенева, Писемского, Лескова. Особенно остро реагировал Достоевский на появление в печати произведений на тему, созвучную задуманным «Бесам». Так, в письме к А. Н. Майкову от 18 (30) января 1871 г. дана интересная оценка антинигилистического романа Лескова «На ножах», публиковавшегося в «Русском вестнике» 1870—1871 гг. Действие романа происходит, как и в «Бесах», в провинциальном городе. По мнению Достоевского, сюжет романа «На ножах» и изображенные в нем нигилисты не отличаются художественной правдой и достоверностью. Исключение писатель делает лишь для двух образов — нигилистки Ванскок и священника, отца Евангела. «Много вранья, много черт знает чего, точно на луне происходит, — замечает писатель. — Нигилисты искажены до бездельничества, — но зато отдельные типы! Какова *Ванскок!* Ничего и никогда у Гоголя не было типичнее и вернее. Ведь я эту *Ванскок* видел, слышал сам, ведь я точно осязал ее! Удивительнейшее лицо! Если вымрет нигилизм начала шестидесятых годов — то эта фигура останется на вековечную память. Это гениально! А какой мастер он рисовать наших попиков! Каков отец Евангел!» [1]

Основная тема заграничных писем Достоевского — Россия и Европа. С нею связаны размышления писателя о самобытном, отличном от европейского, историческом пути развития России и действенных силах русского общества, о «верхнем слое» и «почве», о западниках и славянофилах, о либералах и нигилистах.

Уже ко времени работы над романом «Идиот» на основе развития «почвеннических» взглядов (О «почвенничестве» Достоевского см. подробно: *Кирпотин, Достоевский в шестидесятые годы*; *Фридлендер*) у Достоевского складывается своеобразная историко-философская концепция Востока и Запада с ее главной идеей особой роли России, призванной объединить славянский мир и нравственно обновить духовно разлагающуюся Европу.[2] «... И вообще все понятия нравственные и цели русских — выше европейского мира. У нас больше непосредственной и благородной веры в добро, как в христианство, а не как в буржуазное разрешение задачи о комфорте. Всему миру готовится великое обновление через русскую мысль (которая плотно спаяна с православием...) и это совершится в какое-нибудь столетие — вот моя страстная вера», — писал Достоевский А. Н. Майкову еще 18 февраля (1 марта) 1868 г.

---

[1] См. также историко-литературный комментарий к этой оценке Достоевского и тонкую характеристику романа Лескова в статье: Е. М. Пульхритудова. Достоевский и Лесков. *Достоевский и русские писатели,* стр. 100—102.

[2] Указанный круг идей получит подробное обоснование в «Дневнике писателя» 1873—1881 гг.

Сквозь призму своей концепции России и «русского пути» Достоевский преломлял, как показывают его письма, ту литературу, которую он читал в период работы над «Бесами». Нужно назвать в связи с этим биографический очерк А. В. Станкевича «Т. Н. Грановский» (1869), работу Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869), книгу Н. Н. Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе» (1869—1871), «Литературные и житейские воспоминания» И. С. Тургенева (1869), главы «Былого и дум» А. И. Герцена (1869—1870), воспоминания В. И. Кельсиева «Пережитое и передуманное» (1868) и т. д. — вплоть до журнальных статей о творчестве Толстого, Тургенева, Герцена, Полонского и газетной хроники. О некоторых из этих источников речь пойдет далее.

Для понимания творческой атмосферы, в которой создавались «Бесы», необходимо учитывать резко отрицательное отношение Достоевского к современной буржуазной Европе, усилившееся во время его длительного пребывания за границей и обостренное тоской по России. В свете отраженного в его письмах неприятия всего европейского в этот период [1] становятся понятными и враждебные выпады Достоевского по адресу западников, с которыми он расходился в понимании путей преобразования русского общества и на которых возлагал ответственность за порождение Нечаевых.

Ко времени работы над «Бесами» относятся наиболее резкие высказывания Достоевского о И. С. Тургеневе и В. Г. Белинском; отношение к А. И. Герцену было более сложным: он был в глазах Достоевского своеобразным «славянофильствующим западником», разочаровавшимся в Европе и обратившим свои надежды на Россию. Выяснение отношения Достоевского к крупнейшим представителям «поколения 1840-х годов» существенно для понимания идейно-философской концепции и системы образов романа «Бесы».[2]

В 1867 г. крайне обострились идеологические расхождения между Достоевским и Тургеневым [3] в связи с выходом «Дыма», в котором западнические симпатии Тургенева были заявлены в речах Потугина. [4] В 1869 г. западническая программа Тургенева получила теоретическое обоснование в «Литературных и житейских воспоминаниях», полемически направленных против славянофильских теорий. Концепциям самобытного, неевропейского пути исторического развития России Тургенев противопоставил здесь программу широкой европеизации страны, необходимости для нее дальнейшего усвоения лучших достижений западной цивилизации.

Некоторые высказывания Тургенева в «Литературных и житейских воспоминаниях», укреплявшие уже сложившееся у Достоевского представление о нем как об «европейце»-космополите и нигилисте, позднее были ядовито обыграны в записях к «Бесам» и в самом романе. Приведем пример. В очерке «По поводу „Отцов и детей“» Тургенев вспоминает слова «одной остроумной дамы», назвавшей его «нигилистом», и добавляет: «Не берусь возражать; быть может, эта дама и правду сказала» (см.: *Тургенев, Сочинения,* т. XIV, стр. 103). Это признание Тургенева неоднократно пародируется в заметках к «Бесам» за 1870 г.: «Гр⟨ановский⟩ соглашается наконец быть нигилистом

---

[1] Отношение Достоевского к Европе было сложным и, разумеется, отнюдь не исчерпывалось отрицанием ее. См. об этом в работах Л. П. Гроссмана «Творчество Достоевского» (М., Изд. «Совр. проблемы», 1928) и «Библиотека Достоевского» (Одесса, 1919).

[2] Более подробно об отношении Достоевского к отдельным представителям русской революционной мысли 1860-х—начала 1870-х годов см. на стр. 192—223.

[3] О личных и идеологических расхождениях писателей см.: *Никольский*; И. С. Зильберштейн. Встреча Достоевского с Тургеневым в Бадене в 1867 г. В кн.: Достоевский и Тургенев. Переписка. Л., 1928, стр. 143—187.

[4] Ср. записные тетради Достоевского за 1870-е годы, где содержатся резкие выпады по адресу Потугина (*ЛН*, т. 83, по указателю).

и говорит: „Я нигилист“ ⟨...⟩ Слухи о том, что Тургенев нигилист, и Княгиня еще больше закружилась». «Великий писатель [1] был у Губернатора, но не поехал к Княгине сперва, чем довел ее до лихорадки ⟨...⟩ Наконец приехал на вечер к Княгине. Просит прощения у Ст⟨удента⟩ и заявляет ему, что он всегда был нигилистом». «Великий поэт: „Я нигилист“» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 102, 113, 114).

Для Достоевского западники и нигилисты имеют общие, европейские истоки; нигилизм в России — явление чужеродное, не имеющее корней в национальной «почве».

Изучение черновых материалов к роману позволяет прийти к выводу, что роль Тургенева в творческой истории романа «Бесы» была более значительной, чем это обычно считалось до сих пор. Личность Тургенева, его идеология и творчество отразились в «Бесах» не только в пародийном образе Кармазинова, но и в плане широкой идейной полемики с ним как с видным представителем «поколения 1840-х годов» об исторических судьбах России и Европы.

К периоду работы над «Бесами» относятся резко враждебные высказывания Достоевского о Белинском в письмах и заметках к роману.

Написанная несколько ранее этого времени несохранившаяся статья Достоевского о Белинском (1867), очевидно, носила полемический характер. В 1869—1870 гг. Достоевский много размышлял о Белинском и «поколении 1840-х годов» в связи с работой над эпопеей «Житие великого грешника», одна из частей которой, по замыслу писателя, посвящалась 1840-м годам. Уже после окончания романа «Бесы» отношение Достоевского к Белинскому, с которым у писателя были связаны дорогие для него воспоминания литературной юности, становится более мягким, о чем свидетельствует «Дневник писателя» за 1876 и 1877 гг. [2]

Резкие выпады против Белинского в черновых записях к «Бесам» обычно вложены в уста славянофила Шатова, ведущего полемику с Грановским (С. Т. Верховенским) или Нечаевым (П. Верховенским), и имеют ту же ярко выраженную антизападническую направленность, что и реплики против Грановского или Тургенева.

Возможно, что высказывания о Белинском в записных тетрадях к «Бесам» и в тексте романа полемичны по отношению к той оценке деятельности критика, которую дает Тургенев в «Литературных и житейских воспоминаниях» (см. очерк «Воспоминания о Белинском»).[3]

---

[1] Иронический термин «великий писатель» в применении к Кармазинову—Тургеневу в черновиках и тексте романа «Бесы» восходит, очевидно, к полемике Достоевского с М. Е. Салтыковым-Щедриным начала 1860-х годов. Последний в заметке «Литературная подпись» (1863) именно так, в ироническом тоне, отозвался о Тургеневе. Это, по объяснению Достоевского, побудило тогда его начать полемику с публицистом «Современника» (см.: *Борщевский,* стр. 223).

[2] Некоторыми высказываниями о Белинском в подготовительных материалах к «Бесам», не реализованными в окончательной редакции романа, Достоевский воспользовался в 1873 г. в очерке «Старые люди» (см., например, высказывание о возможной дальнейшей эволюции Белинского, анекдот Герцена об А и Б и некоторые другие наброски — наст. изд., т. XI, стр. 65, 73). Об отношении Достоевского к Белинскому в 1870-х годах см.: А. С. Долинин. К истории создания «Братьев Карамазовых». *Д, Материалы и исследования,* стр. 25—28; В. Кирпотин. Достоевский и Белинский. Изд. «Сов. писатель», М., 1960; см. также ниже, стр. 341—342.

[3] На знакомство Достоевского с воспоминаниями Тургенева о Белинском указывает прямая ссылка на них в подготовительных материалах: «Тургенев правду сказал про него, что он знал очень мало даже и научно, но он понимал лучше их всех» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 73; ср.: *Тургенев, Сочинения,* т. XIV, стр. 29—31). Ср.: С. Ашевский. Белинский в оценке его современников. СПб., 1911, стр. 197—198.

Белинский, по словам Тургенева, «был глубоко убежден в необходимости восприятия Россией всего выработанного Западом — для развития собственных ее сил, собственного ее значения ⟨...⟩ Принимать результаты западной жизни, применять их к нашей, соображаясь с особенностями породы, истории, климата, — впрочем, относиться и к ним свободно, критически — вот каким образом могли мы, по его понятию, достигнуть наконец самобытности, которою он дорожил гораздо более, чем обыкновенно предполагают» (см.: *Тургенев, Сочинения,* т. XIV, стр. 42).

В представлении Тургенева Белинский — «*центральная натура*» России 1840-х годов, передовой деятель, кровно связанный с народом («он всем существом своим стоял близко к сердцевине своего народа...»), чутко уловивший требования эпохи. Для Достоевского конца 1860-х — начала 1870-х годов Белинский, как и другие представители «поколения 1840-х годов», — это западник и нигилист одновременно, оторванный от родной почвы.

Характерны в этом отношении февральские записи к «Бесам»: «Ш⟨атов⟩ говорит о помещиках и семинаристах и о том, что Белинский, Грановский — просто *ненавидели* Россию (NB. Подробнее и метче об ненависти к России.)

Гр⟨ановский⟩ (ему в ответ): „О, если б вы знали, как они любили Россию“.

Ш⟨атов⟩: „Себя любили и про себя одних ныли“» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 75).[1] И далее: «Я теперь понимаю, — утверждает Хроникер, — что говорил Ш⟨атов⟩ об этой ненависти Белинских и всех наших западников к народу, и если они сами будут отрицать это, то ясно, что они не сознают этого. Это так и было: они думали, что ненавидят любя, [2] и так возвещали об себе. Они не стыдились даже своей крайней брезгливости к народу, когда с ним сталкивались в самом деле практически. (В теории-то они его любили.)» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 111).

26 февраля (10 марта) 1870 г. Достоевский просит Н. Н. Страхова выслать ему книгу А. В. Станкевича о Т. Н. Грановском: «Книжонка эта нужна мне, как воздух, и как можно скорее, как материал, необходимейший для моего сочинения,— материал, без которого я ни за что не могу обойтись». Об этой книге, вышедшей в Москве в 1869 г., Достоевский узнал из подробной рецензии Страхова, опубликованной в июльском номере журнала «Заря» за 1869 г.

Тимофей Николаевич Грановский (1813—1855), известный русский либеральный историк-западник, друг А. И. Герцена, профессор Московского университета, явился основным, хотя и не единственным, реальным прототипом одного из ведущих действующих лиц романа, характеристика которого начала слагаться у автора уже на первом этапе работы, — Степана Трофи-

---

[1] В подобном же духе высказывается Шатов в окончательном тексте романа (см.: наст. изд., т. X, стр. 33—34).

[2] Мысль о «ненависти» Белинского и его последователей к России, вытекающая, по мнению Достоевского, из отрицания ими самобытного пути ее развития и пристрастия к европейской цивилизации, возможно, навеяна следующими высказываниями Потугина в «Дыме»: «Я ее страстно люблю и страстно ее ненавижу, — говорит Потугин о России. — ⟨...⟩ Да-с, я и люблю и ненавижу свою Россию, свою странную, милую, скверную, дорогую родину» (см.: *Тургенев, Сочинения,* т. IX, стр. 173—174; ср. с письмом Достоевского к А. Н. Майкову от 16 (28) августа 1867 г.). Ср. также у Н. А. Некрасова в стихотворении «Блажен незлобивый поэт...» (1852): «Как много сделал он, поймут, И как любил он — ненавидя!». «Ненависть» к России Достоевский в те же годы приписывает и М. Е. Салтыкову-Щедрину, которого причисляет к либералам. Как предполагает С. С. Борщевский, некоторые высказывания Шатова в подготовительных материалах и в тексте романа «Бесы» полемически направлены против Щедрина. Об идейной полемике с ним в «Бесах» см.: *Борщевский,* стр. 215—240.

мовича Верховенского. Рецензия Страхова послужила Достоевскому источником на ранней стадии разработки этого образа в большей степени, чем сама книга Станкевича, прочтенная им позднее. [1]

Достоевский широко использует рецензию Страхова, набрасывая в начале февраля н. ст. 1870 г. (еще до того, как он обратился к Страхову с просьбой о присылке книги Станкевича) заметку «Т. Н. Грановский», воссоздающую образ «чистого и идеального западника со всеми красотами». Указанные здесь черты «либерала-идеалиста» 1840-х годов получат в более поздних черновых записях к «Бесам» свое дальнейшее раскрытие.

Характеризуя Т. Н. Грановского как родоначальника русского западничества, Страхов отмечает благородство личности историка; свойственное ему тяготение ко всему возвышенному и прекрасному; склонность к меланхолии, своеобразно сочетавшуюся в нем с блестящим остроумием и любовью к каламбуру; неспособность забывать потери и горести; потребность в чувствительных письменных излияниях; горькое сознание бесцельно прожитой жизни и стремление найти забвение в картах и вине; жалобы на административные преследования и т. д.

Достоевский пародирует эти черты в своей заметке. Достаточно вспомнить следующие ее строки: «Всежизненная беспредметность и нетвердость во взгляде и в чувствах, составлявшая прежде страдание, но теперь *обратившаяся во вторую* природу»; «Жаждет гонений и любит говорить о претерпенных им»; «Лил слезы там-то, тут-то»; «Плачет о всех женах — и поминутно жениться»; «Не могу примириться, вечно тоска»; «Умен и остроумен» и др. Достоевский учел и замечание Страхова, что биография Грановского написана Станкевичем в духе панегирика. Сходный характер имеет жизнеописание героя в первой главе романа, озаглавленной «Вместо введения: несколько подробностей из биографии многочтимого Степана Трофимовича Верховенского».

Достоевский близок Страхову не только в понимании сущности «либерала-идеалиста» 1840-х годов, но и в оценке общественной деятельности Грановского, в определении исторических заслуг русского западничества, что также существенно для осмысления идейной проблематики «Бесов». В представлении Страхова Грановский — ярко выраженный тип «чистого» западника, с характерной для «людей 1840-х годов» отвлеченностью идей и понятий. «Это был *чистый* западник, — замечает Страхов, — т. е. западник еще совершенно неопределенный, который одинаково сочувственным взглядом обнимал всю историю Европы, все ее жизненные явления ⟨...⟩ Итак, сочувствие всему прекрасному и великому, где бы и как бы оно ни являлось, есть единственная формула, в которую можно уловить направление Грановского. В этом смысле его нельзя было бы причислить ни к какой определенной партии — и его деятельность следовало бы признать одинаково полезной и плодотворной для всех направлений русской мысли» («Заря», 1869, № 7, отд. II, стр. 159, 161). [2]

---

[1] Более широко Достоевский использовал книгу Станкевича непосредственно в тексте романа. Давая сатирическую интерпретацию возвышенных и слабых черт характера Степана Трофимовича, его западнических симпатий, высокого представления о своем общественном служении, Достоевский пародировал письма Грановского, обильно цитированные Станкевичем. Автор «Бесов» заимствовал для «жизнеописания» своего героя и некоторые приведенные в ней внешние факты биографии историка: рассеянную светскую жизнь за границей, куда Грановский уехал для подготовки к научной деятельности, интерес к истории средних веков и отвлеченные темы исследований, неудачную попытку издавать научно-литературный журнал и др. (см. ниже, стр. 276—277).

[2] В рецензии на стихотворения Я. П. Полонского и Н. А. Некрасова («Заря», 1870, № 9, отд. II, стр. 127—164) Страхов относит к «чистому» западничеству также Полонского и отмечает среди характерных признаков этого направления «поклонение *всему прекрасному* и *высокому*, служение истине,

Типичный портрет «чистого» либерала-идеалиста 1840-х годов, по мнению Страхова, нарисован Некрасовым в сценах «Медвежья охота» и поэме «Саша». Страхов приводит обширные выдержки из этих поэм, сопровождая их пространными комментариями.

Так, процитировав следующие известные строки из «Медвежьей охоты»:

Ты стоял перед отчизною
Честен мыслью, сердцем чист,
Воплощенной укоризною
Либерал-идеалист, —

Страхов заключает: «Эти верхогляды, жившие зря, люди беспутного житья, неспособные ни к какому реальному усилию, немощные и унылые, считали себя, однако же, в праве осыпать укоризнами свое отечество, для которого они были чужие. Так как они были честны мыслью и чисты сердцем ⟨...⟩ то они думали, что могут не только обличить грязь и нечистоту отдельных лиц, но даже поставить себя выше всей своей отчизны и служить для нее „воплощенной укоризною" (там же, стр. 170—171).[1] Свои размышления о герое поэмы «Саша» Страхов заканчивает следующим образом: «Таковы были люди, которых породило у нас чистое западничество, которых оно отрывало от всякого дела и от понимания России.[2] Это было очень печальное явление; страдания их были следствием того фальшивого положения, в котором они находились и из которого выйти они не могли, так как у них недоставало ума, чтобы понять это положение, и сердца, чтобы вырваться из него инстинктивным усилием. Не будем судить их строго, но не будем и принимать болезненное явление за что-то хорошее. Если они прошли, эти либералы-идеалисты, то можно этому только порадоваться» (см.: там же, стр. 172).

По поводу характеристики Грановского в «Медвежьей охоте» Страхов пишет: «Повторяем, Грановский есть наилучший тип чистого западничества. Европейничанье, хотя и произвело на него свое неизбежное вредное влияние, но является в самом выгодном свете; отсюда понятно, почему так высоко ценят Грановского наши европофилы» (см.: там же, стр. 173).[3]

добру и красоте, любовь к просвещению и свободе, ненависть ко всякому насилию и мраку» (там же, стр. 135).

[1] «Медвежью охоту» и «Сашу» Некрасова следует учесть в кругу других литературных источников, использованных Достоевским при разработке образа Степана Трофимовича Верховенского. Достоевский цитирует приведенные выше строки Некрасова о «либерале-идеалисте» в первой главе романа «Бесы», уже непосредственно отнеся их к Степану Трофимовичу. Несомненно, что именно рецензия Страхова вновь обратила внимание Достоевского на эти произведения Некрасова.

[2] Ср. у Достоевского: «Просмотрел совсем русскую жизнь» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 65). Непонимание России и русского народа, по замыслу Достоевского, — характерная черта «западников», представленных в «Бесах» С. Т. Верховенским и Кармазиновым. Достоевский заимствует у Страхова и само понятие «чистый» западник, применив его к Степану Трофимовичу (см.: там же, стр. 65.)

[3] Позднее в «Дневнике писателя» за 1876 г. Достоевский несколько иначе, чем Страхов, отзывается о личности и деятельности Грановского, разъясняя попутно свое отношение к созданному им образу: «Грановский был самый чистейший из тогдашних людей; это было нечто безупречное и прекрасное. Идеалист сороковых годов в высшем смысле, и, бесспорно, он имел свой собственный, особенный и чрезвычайно оригинальный оттенок в ряду тогдашних передовых людей наших, известного закала. Это был один из самых честнейших наших Степанов Трофимовичей (тип идеалиста сороковых годов, выведенный мною в романе «Бесы» и который наши критики находили правильным. Ведь я люблю Степана Трофимовича и глубоко уважаю его) — и, может быть, без малейшей комической черты, довольно свойственной этому типу» (*ДП*, 1876, июль и август, гл. II, § 1, «Идеалисты-циники»).

Для Страхова, и это существенно, современный нигилизм — порождение и неизбежное следствие западничества, хотя «чистые» западники и стремятся всеми силами отмежеваться от своих «нечистых» последователей. Современные западники, пишет Страхов, «стали отстаивать свою исходную точку — поклонение и подражание Западу и вместе отрицать все последствия, порожденные в нашем умственном мире этим поклонением». На примере отношения демократического журнала «Дело» (Страхов именует его журналом «настоящих *нынешних* западников») к Грановскому критик приходит к выводу, что современные нигилисты отрицают заслуги своих «отцов» — западников 1840-х годов. «Итак, — пишет он, — истые современные западники уже не сочувствуют Грановскому. Они, естественно, предпочитают ему Белинского и других, которые повели дальше то же самое дело ⟨...⟩.— После Белинских, Добролюбовых, Писаревых напрасно нас убеждать, что можно до сих пор стоять на той точке чистого западничества, на которой стоял Грановский. У Грановского теперь не может быть последователей — и если все партии его более или менее хвалили, то в настоящую минуту, как мы видели, он одинаково чужд для всех партий» (см.: там же, стр. 165, 174). [1]

Высказанные Страховым мысли о преемственной связи между западничеством и нигилизмом, об истоках современного нигилизма, являющегося, по мнению критика, закономерным и крайним развитием западничества, в определенной мере созвучны идейно-философской концепции романа.

В февральских записях 1870 г. Достоевский последовательно разрабатывает планы задуманного им политического памфлета против нечаевщины. «Нечаевский» мотив — убийство Шапошникова (Шатова) кружком нигилистов — постепенно обрастает в это время кровью и плотью. Политическая и любовная, нравственно-психологическая линии фабулы конкретизируются; испытываются разные способы установления связи между ними, уточняются характеристики персонажей и мотивы их поступков.

Главные герои многообразных февральских планов и набросков — Грановский (будущий С. Т. Верховенский), его сын (или племянник) Студент (впоследствии Петр Верховенский; в записях он часто именуется по фамилии своего прототипа Нечаевым), Княгиня (Варвара Петровна Ставрогина), Князь (Ставрогин), Шапошников (Шатов), Воспитанница (Дарья Павловна), Красавица (Лиза Тушина). Несколько позднее, но тоже в феврале появляются Великий писатель (Кармазинов), капитан Картузов (Лебядкин), Хроникер.

Основные сюжетные схемы первоначальных планов таковы. К отцу (или дяде), либералу-идеалисту 1840-х годов, живущему в доме своего старинного друга Княгини, приезжает Студент-нигилист, который быстро завоевывает влияние в светском обществе и в то же время тайно организует кружок нигилистов, занимающийся подрывной деятельностью. Об этом узнает Шапошников (Шатов); он собирается донести на нигилистов.

Политическая интрига (убийство Шатова) переплетается с любовной. Князь обесчестил и бросил Воспитанницу, сестру (или невесту) Шатова. Князь и Шатов ненавидят друг друга. Эту вражду ловко использует в своих

---

[1] Как интересную и важную для понимания той идейной атмосферы, в которой создавались «Бесы», параллель к оценке Грановского Страховым и Достоевским можно привести отзыв о нем М. А. Бакунина в письме к Н. П. Огареву от 23 ноября 1869 г.: «Он ⟨Грановский⟩ жил и умер в доктрине и в сантиментально-гуманистической фикции. Он любил гуманность, но не живых людей ⟨...⟩ Вечные хлопоты о себе, о своем счастье, о своем несчастье, о своей красоте, о своем достоинстве, о своем положении и о своем призвании. Когда же ему было думать о живом, страждущем, попранном человечестве? Какая огромная разница, какая пропасть между ним и нашим русским Дидеротом — нашим неумытым реалистом по темпераменту и по натуре — Виссарионом Белинским! Этот весь отдавался предмету — Грановский принимал предмет на себя, делал его своим украшением, своею изящною позою, а если предмет в нем не укладывался, урезывал его или совсем отбрасывал от себя» (см.: Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб., 1906, стр. 349—350).

провокационных целях Студент, чтобы, убив Шатова, грозящего нигилистам разоблачением, свалить вину на Князя. Побочная любовная линия — Князь, Красавица и Студент. Взбалмошная и капризная Красавица, невеста Князя, увлекается Студентом. В различных вариантах остается устойчивым мотив пощечины Шатова Князю или Князя Шатову.

В дальнейших февральских записях сюжетная схема, по-прежнему вращаясь вокруг убийства Шатова, несколько видоизменяется. Воспитанница — жена Грановского. Шатов и Князь соперничают из-за нее. Шатов узнает о тайной деятельности комитета нигилистов, занимающихся под руководством Студента распространением прокламаций и организацией поджогов. Нигилисты убивают Шатова, опасаясь его разоблачений, а подозрение в убийстве падает на Князя. По другому варианту Шатов, брат жены Грановского, ненавидит Князя и следит за сестрой (см.: наст. изд., т. XI, стр. 66—88).

В набросках плана, помеченных 16 и 18 февраля, повторяются уже знакомые нам сюжетные схемы политического убийства Шатова кружком нигилистов и любовного соперничества Шатова и Князя. Несколько видоизменяется любовная коллизия. Грановский — жених Воспитанницы, которая любит Шатова (по другому варианту — Князя). Студент расстраивает помолвку отца и завязывает кругом интриги. Князь женится на Воспитаннице (см.: там же, стр. 88—101).

При всех сюжетных особенностях эти планы объединяет памфлетная направленность замысла. Главные герои памфлета — Грановский и его сын, Нечаев. Образ Князя имеет в планах более второстепенную функцию. Своеобразие и значительность образ этот начинает приобретать в записях второй половины февраля 1870 г.

Задумав роман как политический памфлет на западников и нигилистов, решая вопросы о причинах и истоках современного нигилизма, о взаимоотношениях представителей различных поколений современного общества («отцов» и «детей»), Достоевский должен был обратиться к опыту своих литературных предшественников в этой области, в первую очередь к роману Тургенева «Отцы и дети». Наряду с Тургеневым в черновых записях упоминаются прямо или косвенно имена Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, М. Е. Салтыкова-Щедрина и отчетливо звучит полемика с ними.

Отталкивание от проблематики романа «Отцы и дети» особенно заметно на ранней стадии работы писателя над «Бесами». Поколение «отцов» представляет в романе Грановский, либерал-идеалист 1840-х годов, современник и единомышленник Белинского, Герцена и Тургенева; поколение «детей» — сын Грановского, Студент-нигилист (он же Нечаев). В февральских записях 1870 г. уже подробно обрисовывается конфликт между отцом и сыном, причем Достоевский в какой-то мере использует сюжетно-композиционную схему тургеневского романа (приезд нигилиста в дворянское имение, его общение и споры с местными «аристократишками», поездка в губернский город и даже роман со светской женщиной (Красавицей)).

Подобно автору «Отцов и детей», Достоевский стремится раскрыть характеры героев прежде всего в идейных спорах и полемике; поэтому целые сцены написаны в виде диалогов, рисующих идеологические столкновения неославянофила, «почвенника» Шатова с западником Грановским и нигилистом Студентом. О Шатове и его убеждениях говорится: «*Ш⟨апошников⟩*[1] — *тип коренника.* Его убеждения: славянофилы — барская затея. Нигилисты — дети помещиков. Никто не знает себя на Руси. Просмотрели Россию. Особенность свою познать не можем и к Западу самостоятельно отнестись не умеем ⟨...⟩ Западников бранит» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 66). В ряде сцен Достоевский изображает споры отца с сыном.

Приведем некоторые примеры из февральских записей, свидетельствующие о сознательной ориентации Достоевского на роман «Отцы и дети».

«*Является Ст⟨удент⟩* (для фальш⟨ивых⟩ бумажек, прокламаций и троек). Обрадовал Ш⟨апошникова⟩. Смущает отца нигилизмом, насмешками, противо-

---

[1] Вариант фамилии Шатова.

речнями. Прост, прям. Перестроить мир. 〈...〉 *Ст〈удент〉* в городе и в обществе. (*Базаров*)» (см.: там же, стр. 66—67).

Достоевский неоднократно возвращается в черновиках к сцене обеда у Княгини, во время которого должен обнаружиться нигилизм Студента: [1] «Княгиня слыхала о нигилистах и видала (Писарев), но ей хотелось Базарова, и не для того, чтобы спорить или обращать того, а для того, чтоб из его же уст послушать его суждений (об искусстве, о дружбе) и поглядеть, как он будет ломаться à la Базаров» (см.: там же, стр. 71).

В этой и последующих сценах, в идеологических спорах с отцом и Шатовым, вырисовываются нравственно-психологический облик Студента и его общественно-политическое credo. Подобно тому как Грановский был в представлении Страхова и Достоевского «чистым» западником по сравнению со своими последователями, Базаров по сравнению со Студентом своеобразный «чистый» нигилист: он разрушает лишь в теории. Студент же обращает нигилистическую теорию 1860-х годов в беспощадную практику всеобщего разрушения и уничтожения.

«С этого (с разрушения), естественно, всякое дело должно начаться, — заявляет Студент, — я это знаю, а потому и начинаю. До конца мне дела нет; а знаю, что начинать нужно с этого, а прочее всё болтовня и только растлевает и время берет 〈...〉. Чем скорее — тем лучше 〈...〉 (Прежде всего бога, родственность, семейство и проч.). Нужно всё разрушить, чтоб поставить новое здание, а подпирать подпорками старое здание — одно безобразие» (см.: там же, стр. 78; ср. также стр. 103—105).

Студент освобождает себя, как от ненужного хлама, не только от нравственных принципов и критериев, но также от всяких норм внешнего приличия. Он бессердечен, развязен, нагл и цинически груб в обращении с окружающими, не исключая отца.

«Ст〈удент〉 неглуп, — разъясняет Хроникер, — но мешают ему, главное, презрение и высокомерие нигилистическое к людям. Знать действительности он не хочет 〈...〉. Вопроса же о благородстве и подлости он и не ставит, как прочие нигилисты. Не до того ему и не до тонкостей. Дескать, *надо* действовать, и не понимая, что и деятель должен прежде всего, по крайней мере, хоть осмотреться» (см.: там же, стр. 97—98).

Итак, Студент ранних набросков к «Бесам» — это нигилист самой грубой формации, из-под вульгарной маски которого проглядывают резко заостренные и окарикатуренные черты базаровщины.[2]

Высказывания Достоевского о Базарове [3] в период работы над «Бесами» имеют определенную и характерную направленность. Достоевский ставит

---

[1] Напомним, что первая схватка Базарова со «старенькими романтиками» Кирсановыми происходит за вечерним чаем.

[2] Достоевский наделяет своего нигилиста также чертами хлестаковщины, благодаря чему образ резко снижается, предстает в пародийном плане. Особенно упорен писатель в намерении изобразить первоначальное «хлестаковское» появление Студента. Приведем летние записи 1870 г.: «...N3. Приезд сына Ст〈епана〉 Т〈рофимови〉ча (вроде Хлестакова — какие-нибудь гадкие, мелкие и смешные истории в городе)» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 200). Или: «Между тем в городе, вроде Хлестакова, сын Ст〈епана〉 Т〈рофимови〉ча. Мизерно, пошло и гадко 〈...〉. Он расстраивает брак Ст〈епана〉 Т〈рофимови〉ча, способствует клевете, маленькие комические скандальчики 〈...〉 всё по-прежнему, только выход хлестаковский» (см.: там же, стр. 202). Это первоначальное «хлестаковское» появление Петра Верховенского Достоевский сохранил и в окончательной редакции романа (см. сцену «конклава» в гостиной у Варвары Петровны — ч. I, гл. V, «Премудрый змий»).

[3] Как известно, в 1862 г. Достоевский высоко оценил тургеневского героя, тонко уловив в нем высокое трагическое начало. Его характеристика Базарова в не дошедшем до нас письме к Тургеневу была сочувственно принята автором, а в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) Достоевский вспомнил «беспокойного и тоскующего Базарова (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм» (см.: наст. изд., т. V, стр. 59). Об отно-

вопрос, *насколько Базаров как тип нигилиста имеет реальное соответствие в современных представителях этого типа.*

Интересно в этом отношении следующее рассуждение: «Базаров написан человеком сороковых годов и без ломания, а стало быть, без нарушения правды человек сороковых годов не мог написать Базарова.

— Чем же он изломан?

— На пьедестал поставлен, тем и изломан» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 72).

Иными словами: «человек сороковых годов», т. е. Тургенев, идеализировал в Базарове тип нигилиста. Базаров окружен тем романтическим ореолом, который ассоциируется у Степана Трофимовича Верховенского с Байроном, тогда как в резкости, грубости и ломании теперешних Базаровых проглядывает Ноздрев. [1]

В результате Петр Верховенский предстает перед нами на страницах романа как своего рода сниженный и опошленный Базаров, лишенный его ума и «великого сердца», но в то же время с непомерно раздутой «базаровщиной».

Проблема столкновения поколений начинает играть ведущую роль уже в февральских записях 1870 г.

Намечая в разных планах сюжетный мотив убийства в политических целях, Достоевский тут же задумывается над той ролью, которую будет играть в романе Грановский: «Но при чем же Гр⟨ано⟩вский в этой истории? Он для встречи *двух поколений всё одних и тех же западников,* чистых и нигилистов,[2] а Ш⟨атов⟩ новый человек» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 68).

Позднее, уже летом 1870 г., Достоевский следующим образом определит место Степана Трофимовича в идейно-философской концепции романа: «Без подробностей — *сущность* Степана Трофимовича в том, что он хоть и пошел на соглашение сначала с новыми идеями, но порвал в негодовании (пошел (с котомкой) и *один* не поддался новым идеям и остался верен старому идеальному сумбуру (Европе, «Вестник Европы», Корш). В Степане Трофимовиче выразить невозможность поворота назад к Белинскому и оставаться с одним европейнпчанпем. „Прими все последствия, ибо неестественный для русского европеизм ведет к тому“ — он же не понимает и хнычет» (там же, стр. 176).

Эта характеристика Степана Трофимовича близка к страховским оценкам Грановского как «чистого западника», не способного на компромиссы с «нечистыми» последователями (см. выше, стр. 167—170). Не только идейная рознь и взаимное непонимание, но и духовная преемственность, существующие между западниками «чистыми» (т. е. поколением либералов-идеалистов 1840-х годов) и «нечистыми» (т. е. современными Нечаевыми), моральная ответственность первых за грехи последних; западничество с характерным для него отрывом

шении Достоевского к Базарову в первой половине 1860-х годов см.: Г. А. Б я л ы й. О психологической манере Тургенева (Тургенев и Достоевский) *РЛ*, 1968, № 4, стр. 34—50; К. И. Т ю н ь к и н. Базаров глазами Достоевского. — *Достоевский и его время,* стр. 108—119.

[1] Ср. другую запись: «Ноздрев с Байроном — суждение несправедливое и завистливое, но, по-моему, не лишенное ума» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 192). В самом романе это сравнение принадлежит Степану Трофимовичу, охарактеризовавшему Базарова как «какую-то неясную смесь Ноздрева с Байроном». «Посмотрите на них ⟨нигилистов⟩ внимательно, — продолжает Степан Трофимович, — они кувыркаются и визжат от радости, как щенки на солнце, они счастливы, они победители! Какой тут Байрон!.. И притом какие будни! Какая кухарочная раздражительность самолюбия, какая пошленькая жаждишка faire du bruit autor de son nom ⟨поднимать шум вокруг своего имени — *франц.*⟩, не замечая, что son nom... О, карикатура!» (см.: наст. изд., т. X, стр. 171). Отметим, что в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевский также в известной мере противопоставлял Базарова как «нетипичного» нигилиста (способного к страданию и тоске, несмотря на свой нигилизм) «рядовым» нигилистам из круга «Современника» и «Русского слова».

[2] Близкую «классификацию» западников находим у Н. Н. Страхова (см. выше, стр. 170—172).

от русской «почвы», народа, от коренных русских верований и традиций как причина появления нигилизма — таков комплекс «почвеннических» идей, в свете которых Достоевский своеобразно переосмысляет тургеневскую концепцию «отцов» и «детей».

Следует отметить, что основное ядро концепции Достоевского, сложившейся в общих чертах на раннем этапе творческой истории романа, сохранилось в неизменном виде и далее, хотя связь с тургеневскими «Отцами и детьми», ощутимая в февральских записях, постепенно ослабевает в ходе позднейшей творческой работы над романом.

Проблема поколений раскрывается в «Бесах» прежде всего в исполненных острого драматизма отношениях отца и сына Верховенских, хотя к поколению «отцов» принадлежат также Кармазинов и фон Лембке, а к поколению «детей» — Николай Ставрогин и члены кружка нигилистов.

Идейно-философскую концепцию, положенную в основу «Бесов», Достоевский разъяснял и комментировал несколько раз в письмах 1870—1873 гг. В февральском письме 1873 г., посланном наследнику А. А. Романову вместе с отдельным изданием «Бесов», Достоевский уже после выхода романа следующим образом определил общую его идейную направленность: «Это почти исторический этюд, которым я желал объяснить возможность в нашем странном обществе таких чудовищных явлений, как нечаевское преступление. Взгляд мой состоит в том, что эти явления не случайность, не единичны ⟨...⟩. Эти явления — прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни. Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным-давно уже пришли к убеждению о совершенной преступности для нас, русских, мечтать о своей самобытности ⟨...⟩. А между тем главнейшие проповедники нашей национальной несамобытности с ужасом и первые отвернулись бы от нечаевского дела. Наши Белинские и Грановские не поверили бы, если б им сказали, что они прямые отцы Нечаева. Вот эту родственность и преемственность мысли, развивавшуюся от отцов к детям, я и хотел выразить в произведении моем».

Итак, Грановские и Белинские, т. е. русские западники 1840-х годов (в их числе, конечно, и Тургенев), — прямые отцы современных Нечаевых. В этом высказывании Достоевского содержится и определенный намек на роман Тургенева (в центре «Бесов» — проблема «отцов» и «детей»), и полемика с его автором как представителем «поколения 1840-х годов».

Среди разнообразных литературно-публицистических источников, привлекших внимание Достоевского в период работы над «Бесами» и существенных для понимания концепции романа и образа Петра Верховенского, следует рассмотреть некоторые произведения А. И. Герцена, рисующие его конфликт с русской «молодой эмиграцией» Женевы конца 1860-х годов, который особенно обострился с выходом в свет брошюры А. А. Серно-Соловьевича «Наши домашние дела» (1868). [1] Речь идет о статье Герцена «Еще раз Базаров» (1869) и главе о «молодой эмиграции» из «Былого и дум» (1870). [2]

Как известно, Герцен болезненно переживал свои разногласия с представителями русской революционной эмиграции и стремился найти пути для взаимопонимания и примирения с ними, ибо видел в них «своих» — союзников в общей борьбе с самодержавием.

Характерно, что конфликт с «молодой эмиграцией» Женевы Герцен неизменно воспринимал через призму романа Тургенева «Отцы и дети». В конце

---

[1] О сущности и причинах этого конфликта см.: Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 483—577; *Герцен*, т. XI, стр. 713—715; т. XX, кн. 2, стр. 788—791.

[2] О личных и творческих взаимоотношениях Достоевского и Герцена см.: *Долинин*, стр. 215—230; С. Д. Лищинер. Герцен и Достоевский. Диалектика духовных исканий. *РЛ*, 1972, № 2, стр. 37—61. Об отражении в материалах к «Бесам» полемики Герцена с В. С. Печериным («Былое и думы», ч. VII, гл. 6, «Pater V. Petcherine») см. на стр. 187—188.

1860-х годов образ Базарова, сниженный до «базаровщины», [1] становится для Герцена синонимом всего того отрицательного, что он видел в молодых русских революционерах новой, чуждой ему формации. В ряде писем Герцена 1868—1869 гг. последние неизменно именуются Базаровыми.

В статье Герцена «Еще раз Базаров», навеянной чтением статьи Писарева «Базаров», анализируется не столько подлинный тургеневский герой, сколько Базаров в интерпретации Писарева.[2] Герцен выделяет и утрирует в писаревской характеристике Базарова прежде всего такие черты «базаровщины», как черствость, эгоизм, беспричинные резкость и грубость, повышенное самолюбие и самомнение, непризнание заслуг своих предшественников, поверхностное образование и т. д.

Комментаторы Герцена справедливо отметили, что писаревский Базаров, как предельное воплощение нигилизма, послужил Герцену поводом для острой полемики с конкретными представителями «молодой эмиграции» (см.: *Герцен,* т. XX, кн. 2, стр. 789).

Особенно резкие возражения у Герцена вызвали суждения Писарева о генеалогии Базаровых и их отношении к своим «литературным отцам» — Онегину, Печорину, Рудину, Бельтову — так называемым «лишним людям» из среды передового дворянства, общественную бесполезность которых Герцен — в отличие от Писарева — отрицал.

Характеризуя в «Былом и думах» молодую революционную эмиграцию, Герцен снова выделяет в ее представителях черты «базаровщины». Наиболее «свирепых» и «шершавых» из них Герцен называет «*Собакевичами и Ноздревыми нигилизма*», а также «*дантистами* нигилизма и базаровской беспардонной вольницы». [3] Попутно он подчеркивает, как и в статье «Еще раз Базаров», что в его словах «нет ни малейшего желания бросить камень ни в молодое поколение, ни в нигилизм ⟨...⟩. Наши Собакевичи нигилизма не составляют сильнейшего выражения их, а представляют их чересчурную крайность ⟨...⟩. Заносчивые юноши, о которых идет речь, заслуживают изучения, потому что и они выражают временный *тип*, очень определенно вышедший, очень часто повторявшийся, переходную форму болезни нашего развития из прежнего застоя» (см.: *Герцен*, т. XI, стр. 350).

Крайние, уродливые формы нигилизма, поясняет Герцен, являются своеобразным выражением протеста молодого поколения против старого, узкого, давящего мира. «Отрешенная от обыкновенных форм общежительства» молодая личность как бы заявляет представителям старшего поколения: «Вы лицемеры — мы будем циниками; вы были нравственны на словах — мы будем на словах злодеями; вы были учтивы с высшими и грубы с низшими — мы будем грубы со всеми; вы кланяетесь, не уважая, — мы будем толкаться, не извиняясь; у вас чувство достоинства было в одном приличии и внешней части — мы за честь себе поставим попрание всех приличий и презрение всех points d'honneur'ов» [4] (см.: там же, стр. 351).

Герценовский портрет «базароида» в «Былом и думах» имеет разительное сходство с Петром Верховенским, которого без преувеличения можно отнести к «Собакевичам и Ноздревым нигилизма», к «дантистам нигилизма» и представителям «базаровской беспардонной вольницы». Это сходство не случайно. Конфликт между «отцами» и «детьми» русской эмиграции конца 1860-х годов, резкие отзывы Герцена о ее молодых представителях — все это могло дать

---

[1] Ранее Герцен более сочувственно воспринял образ Базарова — см. его письмо к Тургеневу от 21 апреля н. ст. 1862 г. и статью «Новая фаза в русской литературе» (*Герцен,* т. XXVII, кн. 1, стр. 217; XVIII, стр. 215—219).

[2] В письме к Н. П. Огареву от 7 мая 1868 г. Герцен признает, что тургеневский «Базаров нравственно — выше последующих базароидов» (*Герцен,* т. XXIX, кн. 1, стр. 332).

[3] *Герцен,* т. XI, стр. 350, 352; ср. у Достоевского: «Этот Базаров — это какая-то неясная смесь Ноздрева с Байроном», а также характеристику, данную Степаном Трофимовичем современным нигилистам («Бесы», ч. II, глава VI, «Петр Степанович в хлопотах»).

[4] вопросов чести (*франц.*).

Достоевскому богатый материал для романа, тем более что он был в курсе этого конфликта. Он читал, в частности, упоминавшуюся выше главу о «молодой эмиграции» из «Былого и дум», которая впервые была опубликована в «Сборнике посмертных произведений Герцена» (Женева, 1870). На этот счет есть прямое указание в самом тексте «Бесов». В главе «Петр Степанович в хлопотах» (ч. II, гл. VI) вскользь говорится об уплывшем на Маркизские острова кадете, «о котором упоминает с таким веселым юмором господин Герцен в одном из своих сочинений» (см.: наст. изд., т. X, стр. 269). Достоевский имеет в виду рассказ Герцена о П. А. Бахметьеве в главе «Былого и дум» о «молодой эмиграции». По всей вероятности, Достоевский был знаком и со статьей «Еще раз Базаров», напечатанной в «Полярной звезде на 1869 год», так как регулярно читал за границей издания вольной русской печати.[1]

3

С февраля до конца весны 1870 г. главным стержнем романа, объединяющим пестрые внешние события, продолжает оставаться памфлет на либералов-западников и современных Нечаевых. Достоевский развивает и углубляет его путем тщательной разработки диалогических сцен, изображающих идейные споры Грановского, Князя, Шатова, Студента-нигилиста на политические и религиозно-философские темы. Памфлет оживляется занимательным и запутанным сюжетом с множеством действующих лиц, происшествий, скандалов, политических и любовных интриг (неудавшаяся помолвка или женитьба Грановского, сопровождаемая сплетнями и анонимными письмами; сложные отношения Князя с Воспитанницей и Красавицей и его любовное соперничество на этой почве с Грановским и Шатовым; подпольная деятельность Студента, прокламации, поджоги, убийство Шатова и т. д.).

Однако уже со второй половины февраля 1870 г. первоначальная форма политического памфлета перестает удовлетворять писателя. Об этом свидетельствуют некоторые черновые записи.

Фигура Хроникера, своеобразного летописца необычайных губернских происшествий, появляется уже в февральских записях («Систему же я принял хроники» — см.: наст. изд., т. XI, стр. 92). Писатель, однако, долго не может найти героя, который явился бы сюжетным центром повествования. Сначала подобная роль предназначалась Грановскому с его историей неудавшейся помолвки или женитьбы (см., например, запись от 18 февраля н. ст. 1870 г.: «Роман имеет вид поэмы о том, как хотел жениться и не женился Гр⟨ановски⟩й» — см. там же, стр. 92).

Во второй половине февраля Достоевский делает попытку поставить в центре романа Студента (см. записи: «Ст⟨удент⟩ в форме „Героя нашего времени“» и «И потом всё связать с сыном и с отношениями Гр⟨ановско⟩го к сыну (всё от него — как от «Героя н⟨ашего⟩ времени»)») (см.: там же, стр. 115). Как показывают эти записи, Достоевский ориентируется на форму лермонтовского «Героя нашего времени», где история главного персонажа связывает ряд новелл в единое органическое целое. Вскоре Достоевский, однако, отказывается от этого намерения, справедливо усомнившись в способности своего хлестаковствующего нигилиста занять в романе место, подобное тому, которое занимает Печорин.

Во второй половине февраля 1870 г. писатель приходит к решению ввести в роман «истинно русского» героя, человека «почвы», которого можно было бы противопоставить космополитам-западникам, «чистым» и «нечистым», т. е.

---

[1] См.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания.* А. С. Долинин высказал предположение о возможных личных встречах Достоевского во время его пребывания в Женеве в 1867—1868 гг. с некоторыми представителями «молодой эмиграции», в частности с Н. И. Утиным (см.: *Д, Письма,* т. II, стр. 401—402). См. также: Н. Ф. Буданова. Проблема «отцов» и «детей» в романе «Бесы». — *Материалы и исследования,* т. I, стр. 164—184.

нигилистам. Реальным прототипом такого героя становится крестьянин-старообрядец Константин Ефимович Голубов. О нем Достоевский писал А. Н. Майкову еще в декабре 1868 г.: «А знаете ли, кто новые русские люди? Вот тот мужик, бывший раскольник, при Павле Прусском, о котором напечатана статья с выписками в июньском [1] номере „Русского вестника". Это не тип грядущего русского человека, но, уж конечно, один из грядущих русских людей».

Личность К. Е. Голубова и особенно его идеи, сыгравшие заметную роль в творческой истории «Бесов», заслуживают специального внимания. В период приблизительно со второй половины февраля до 10 апреля н. ст. 1870 г. Голубов даже фигурирует в черновых записях к «Бесам» как самостоятельный персонаж — тот «новый человек», религиозно-нравственные идеи которого оказывают большое влияние на Шатова и Князя. Достоевский нигде не дает развернутой характеристики этого персонажа, и относящиеся к Голубову записи являются в основном изложением его учения. Запись от 26 февраля н. ст. 1870 г. намечает определенные взаимоотношения между Голубовым и Нечаевым: «Нечаев. Приехал тоже устроить дело с Голубовым насчет тайной вольной старообрядческой типографии» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 113). В данном случае Достоевский намекает на реальные сношения «лондонских пропагандистов» со старообрядцами. Как известно, Н. П. Огарев и другие представители лондонской революционной эмиграции поддерживали старообрядцев, так как видели в них своеобразную оппозицию официальному православию и русскому самодержавию. Позднее, когда Достоевский отказался от намерения ввести Голубова в роман в качестве самостоятельного персонажа, выразителями идей Голубова становятся в значительной мере Шатов [2] и особенно Князь.

В 1860-е годы К. Е. Голубов издавал в Пруссии, в Иоганнесбурге, под руководством своего учителя инока Павла (прозванного Прусским; 1821—1895) русские старообрядческие книги и журнал «Истина», в котором публиковались в основном сочинения самого Голубова. В 1868 г. Павел Прусский и Голубов вернулись в Россию, присоединившись к официальной православной церкви.

Голубов, не получивший систематического образования, был своеобразным философом-самоучкой. С его учением Достоевского познакомила статья Н. Субботина «Русская старообрядская литература за границей», опубликованная в июльской и августовской книжках «Русского вестника» 1868 г.

Учение Голубова о нравственных обязанностях человека изложено в его статьях «Живот мира», «Истинное благо», «Плод жизни», «Образованность» и в переписке с Н. П. Огаревым («Частные письма об общем вопросе»).

Сущность нравственных обязанностей человека, согласно Голубову, состоит в «самоуправлении», или «самостеснении», как разумном проявлении правильно понимаемой свободы. «Самостеснение», по мысли Голубова, удерживает человека от свойственного ему стремления к крайностям в различных областях умственной, нравственной и общественной жизни (безверие, суеверие, разврат, аскетизм, деспотизм и т. д.). «Свобода истинная без умеренности не бывает. Несамостеснительная свобода есть бесчиние, а не свобода», — утверждает Голубов. В этом «самостеснении», т. е. в сознательном, разумном ограничении своей личной свободы, человек должен руководствоваться, по мнению Голубова, знанием и опытом православия, в то время как западные вероучения располагают человека к увлечениям крайностями. «Правоверие разъясняет, — пишет Голубов, — что мое благо заключено в иных благе (это не общинновладение нелепое), что если я раб, должен работать господину, как себе; если я господин, должен заботиться о рабе, как о себе. Оно всех объединяет смирением и любовью» (*РВ,* 1868, № 7, стр. 113—114). «Истинное благо, — рассуждает далее Голубов, — заключено в нашей совести: царство божие

---

[1] Достоевский ошибся: речь идет об июльском номере журнала.

[2] См. февральскую запись: «Ш⟨атов⟩ — Голубов, из дворовых, воспитанник и крестник Княгини, самоучка (гимназия), кряжевая натура (не доучился и выключен из университета) ⟨...⟩. Идеи и учение Голубова во многом» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 113).

внутрь нас есть 〈...〉 Без сознания о присущии 〈...〉 (внутри нас) истинного блага мы нигде в окрестности нас не сыщем его, но только ложные блага» (см.: там же, стр. 114).[1]

Особенный интерес представляют «Частные письма об общем вопросе», в которых Голубов полемизирует с «многоуважаемым», «сердечно любимым Николаем Платоновичем» (Огаревым) по вопросам общественно-политического и религиозно-философского характера. Огарев лично переписывался с Голубовым и знакомил его с современными философскими и социальными учениями.

Основная тема полемики между Голубовым и Огаревым — причины общественного неравенства и пути его уничтожения. В противоположность своему оппоненту Голубов отрицает как социальные причины неравенства, так и радикальные пути его устранения. Истоки «зла всемирного» Голубов видит в «злонравственности» и «безмерной разъединенности людей». Свободе «внешней», «материальной», он противопоставляет свободу «внутреннюю» и полагает, что «от нравственности все благополучие зависит», сама же нравственность — «от правопонимания (от правоверия)», т. е. православия (см.: там же, стр. 120). Правоверие с его «уничтожением пристрастий и самостеснительным свободным воздержанием» — вот, по Голубову, путь к достижению общественного благосостояния.

Огарев в ответном письме оспаривает мысль, будто народное благополучие, экономическое и социальное, зависит от доброй нравственности, а нравственность — от православия. Он утверждает, что «общественное развитие не может идти от религиозного начала к осуществлению социального экономического содержания» и что «социальный вопрос, лишенный философского справедливого понимания, не только не пойдет в ход, а убьет сам себя» (там же).

Диалог православного мыслителя Голубова с «умным оппонентом» — атеистом и социалистом Огаревым — явился одним из источников романа, сыграв существенную роль в становлении образа Ставрогина.

Во второй половине февраля 1870 г. начинает заметно преображаться — под влиянием религиозно-нравственных идей Голубова — прежде безликий Князь. Достоевский делает попытку превратить его в «нового человека», остро ощутившего свою оторванность от «почвы», народа и желающего преодолеть ее путем упорного труда. В одной из записей этого времени Князь и Воспитанница предстают как «*новые люди,* выдержавшие искушение и решающиеся начать *новую,* обновленную жизнь» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 98).

Именно поисками героя, который смог бы противопоставить нигилистам свою позитивную программу, продиктована и последующая запись, в которой содержится переоценка всех персонажей романа: «Очертить *завтра* все лица, т. е. Князь и Воспитанница, — скромный идеал и настоящие хорошие люди. Гр〈ановски〉й не настоящий идеал, отживший, самосбивающийся, гордящийся, карикатурный. Ш〈атов〉 беспокойный, продукт книги, столкнувшийся с действительностью, уверовавший страстно и не знающий, что сделать. Много красоты. И т. д., всякому свой эпитет, а главное — о *Князе.* Крупные две-три черты. И, уж конечно, он не идеал, ибо ревнив, упрям, горд и настойчив, молчалив и болезнен, т. е. грустен (трагичен, много сомнений) 〈...〉 презирает атеистов до озлобления, *верит* озлобленно. В мужики и в раскольники хочет идти. Управляет имениями 〈...〉. В объяснении с Ш〈атовым〉 *он совершенно объясняет свой взгляд на вещи и людей:* буду простым, честным и новым человеком (?). Ужасает Ш〈атова〉 пылкостью и затаенным огнем души и затаенными язвами, от долгого дикого и угрюмого молчания. Может на всё

---

[1] В черновых записях за 1870 г. Достоевский довольно точно передает смысл учения Голубова: «Идеи Голубова суть смирение и самообладание и что бог и царство небесное внутри нас, в самообладании, и свобода тут же». И далее: «*Голубов говорит*: „Рай в мире, он есть и теперь 〈...〉 несчастья — единственно от ненормальности, от несоблюдения закона 〈...〉. Самообладание заключается в дисциплине, дисциплина в церкви 〈...〉. Поверьте, что если б все вознеслись до высоты самообладания, то не было бы ни несчастных браков, ни голодных детей“» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 131, 121—122).

решиться — такие люди у нас *есть* ⟨...⟩. Он в высшей степени гражданин. (Он вовсе не хочет быть *только* простым и добрым семьянином.)» (см.: там же, стр. 99—101).

Своим сложным психологическим обликом Князь процитированной записи напоминает Идиота черновых редакций и отчасти позднего Ставрогина. В характеристике Князя снова повторяются черты, необходимые, по мнению Достоевского, для «нового человека» (стремление сблизиться с «почвой», народом, выразившееся во фразе: «В мужики и в раскольники хочет идти», желание трудиться).

Одновременно Достоевский остро ощущает недостаток подлинного трагизма в задуманном им романе. Характерна в этом отношении запись от второй половины февраля 1870 г.: «Где трагизм?» — за которой следует перечень трагических моментов и ситуаций романа: «Князь влюблен безнадежно и отчаянно (до преступления) (здесь трагизм, и в том трагизм, что новые люди). Воспитанница влюблена в Ш⟨атова⟩, который женат ⟨...⟩ лицо трагическое и высокохристианское). Князь ненавидит всё и всех и под конец сходится с Нечаев⟨ым⟩, чтоб убить Ш⟨атова⟩» (см.: там же, стр. 115—116).

В дальнейших записях Достоевский стремится раскрыть трагизм Князя как «нового человека». Этот трагизм, по мысли писателя, заключается прежде всего в духовных сомнениях и исканиях Князя, испытавшего на себе воздействие идей Нечаева и Голубова. Князь отказывается от наследства и готовится «идти в бедность, в труд». Достоевский пишет о нем: «Ищет правду; нашел правду в идеале России и христианства ⟨...⟩. Христианское смирение и самоосуждение» (см.: там же, стр. 116).

В последующих записях уже отчетливо вырисовывается ведущая роль Голубова в духовном перерождении Князя. Согласно одной из записей, относящейся, по-видимому, к концу февраля 1870 г., Князь приезжает из-за границы, исполненный глубоких нравственных исканий. Его программа: «Быть новыми людьми, начать переработку с самих себя. „Я не гений, но я, однако же, выдумал новую вещь, которую никто, кроме меня, на Руси не выдумывал: самоисправление“» [1] (см.: там же, стр. 117).

В последних февральских записях 1870 г. образ Князя неожиданно меняется, как будто писатель задался целью сделать своего героя более загадочным и сложным.

Теперь Князь приобретает черты скептика, сладострастника, Дон-Жуана и «изящного Ноздрева», делающего «ужасно много штук, и благородных, и пакостных». Однако этот внешне пустой и легкомысленный человек, занятый, как думают, «одною игрою жизнию», неожиданно оказывается «глубже всех»: «он-то вдруг и застреливается, между делом слушает Голубова (один раз)» (см.: там же, стр. 119). Чтобы раскрыть сложную борьбу идей, происходящую в душе Князя, Достоевский ставит его между Голубовым и Нечаевым, показывает его тяготение к тому и другому. Характерны в этом отношении черновые варианты, намечающие возможные взаимоотношения между Князем и Нечаевым:

1) Нечаев втягивает Князя в убийство и делает его убийцей Шатова.

2) Князь сильнее Нечаева и разоблачает его.

3) Князь готов уже стать убийцей Шатова под влиянием Нечаева, но убийство случайно совершается без него. Князь поражен, раскаивается и доносит на себя (см.: там же, стр. 124).

В дальнейшем Достоевский снова возвращается к варианту образа Князя, осознавшего под влиянием Голубова свою оторванность от народа и стремящегося к духовному возрождению: «Вообще он ⟨Князь⟩ убеждается, что быть честным и особенно *новым* человеком не так легко, что тут мало одного энтузиазма, что и объявляет Воспитаннице, когда предписывает ей под конец условия. „Я *новым* человеком не буду, я слишком неоригинален, — говорит он, — но я нашел наконец несколько драгоценных идей и держусь их.

---

[1] Ср. с идеями К. Е. Голубова о «самоуправлении» и «самостеснении» человека как залоге истинной духовной свободы (стр. 179—180).

Но прежде всякого возрождения и воскресения — самообладание" ⟨...⟩. „Я, — говорит он, — прежде судил нигилизм и был врагом его ожесточенным, а теперь вижу, что и всех виноватее, и всех хуже мы, баре, оторванные от почвы, и потому мы, мы прежде всех переродиться должны; мы главная гниль, на нас главное проклятие и из нас всё произошло"» (см.: там же, стр. 126).

В мартовских записях, датированных самим писателем, образ Князя продолжает усложняться и варьироваться, о чем свидетельствуют заголовки: «*Окончательное*», «Последний образ Князя».

Характерная особенность этих записей — постепенное усиление трагического звучания образа Князя, оказавшегося неспособным к подлинному нравственному возрождению. Именно в этом направлении идут творческие искания Достоевского, ощущавшего отсутствие в романе подлинно трагического героя.

В записи от 7 марта н. ст. 1870 г. Князь рисуется как «развратнейший человек и высокомерный аристократ», враг освобождения крестьян. Он, подобно Раскольникову, человек идеи, которая, «уже раз поселившись в натуре», требует «и немедленного приложения к делу». Далее повторяются уже известные из предыдущих набросков черты характеристики Князя (он возвращается в город с твердым намерением стать «новым человеком», собирается отказаться от наследства и жениться на Воспитаннице, «ищет укрепиться в убеждениях» у Шатова, Голубова и Нечаева, наконец, «укрепляется в идеях Голубова», суть которых — «смирение и самообладание и что бог и царство небесное внутри нас, в самообладании, и свобода тут же» и т. д.) (там же, стр. 130—131). В итоге (см. «*Окончательное*») оказывается, что Князь не имеет «особенных идей». Он осознал свою оторванность от почвы и хочет стать новым человеком. «Льнет к Голубову». Неожиданно застреливается. В предсмертном письме следующим образом мотивирует самоубийство: «Я открыл глаза и слишком много увидел и — не вынес, что мы без почвы» (см.: там же, стр. 132).

В приведенной записи уже отчетливо поставлена проблема веры-безверия Князя, придающая трагическую двойственность его духовному строю. Неспособность к полной вере вследствие оторванности от народа, от его коренных верований и преданий обусловливает, по мысли Достоевского, гибель героя. «„Да я ведь в бога не верю", — говорит он. Ш⟨атов⟩ объясняет ему, что космополит и не может верить в бога. „Быть на почве, быть с своим народом — значит веровать, что через этот-то именно народ и спасется всё человечество, и окончательная идея будет внесена в мир, и царство небесное в нем"» (см.: там же, стр. 132).

В наброске, озаглавленном «Последний образ Князя» и помеченном 11 марта, в основном повторяется — в более сжатой форме — предыдущая характеристика Князя. Достоевский снова подчеркивает духовную раздвоенность Князя, мечущегося между верой и безверием, неспособного преодолеть разрыв с «почвой». В результате — трагический финал Князя. Он «объявляет условия» Воспитаннице. «Они состоят в том, что отныне он русский человек и что надо верить даже в то, что сказано им у Голубова (что Россия и русская мысль спасет человечество)». Воспитаннице говорит: «Мы пойдем одни», Голубову: «Не верю», доносит и застреливается (см.: там же, стр. 133—134).

Обобщенная характеристика Князя набросана 15 марта н. ст. 1870 г. Это, как и прежде, интеллигент, утративший кровные связи с «почвой», русским народом, остро осознавший свою трагическую изолированность, но не способный к духовному возрождению. «Князь — человек, которому становится скучно. Плод века русского. Он свысока и умеет быть сам по себе, т. е. уклониться и от бар, и от западников, и от нигилистов, и от Голубова (но вопрос остается для него — что же он сам такое? Ответ для него: *ничто*). У него много ума, чтоб сознаться, что он и в самом деле не русский. Он отделывается мыслью, что *не находит надобности быть русским,* но когда ему доказывают нелепость того, что он сказал, он уклоняется в фразу — что он сам по себе. Так как он вне всяких партий — то может совершенно беспристрастно всё разглядеть и всех выслушать (оставаясь сам свысока). Он приглядывается очень к Нечаеву и к Голубову и судит Гр⟨ановско⟩го. Но он натура высокая, и быть ничем —его не удовлетворяет и мучит. Сам в себе не находит

никаких оснований, и ему скучно» (см.: там же, стр. 134). Характеристика заканчивается фразой: «Мысль же автора: выставить человека, который сознал, что ему недостает почвы» (см.: там же, стр. 135).

Запись от 29 марта (10 апреля) 1870 г. намечает существенное изменение образа Князя и его роли в общей структуре романа, приближая их к окончательной, завершающей формации. Трижды повторенная фраза: «*Голубова не надо*», «*Без Голубова*» и снова: «*Голубова не надо*» — как бы кладет начало новому повороту в творческой истории «Бесов».

Положительный герой типа Голубова в центре романа, лишенный трагических противоречий, уже не удовлетворяет Достоевского. На передний план выдвигается излюбленный герой писателя — идеолог, бунтарь и индивидуалист, человек сложной душевной организации и трагической судьбы. Князь перестает быть послушным учеником Голубова, способным лишь усваивать с энтузиазмом идеи своего учителя, но сам становится на недосягаемую для других персонажей интеллектуальную высоту, поражая Шатова мощью и грандиозностью своих философских построений: «Выходит так, что главный герой романа Князь. Он с Ш⟨атовым⟩ сходится, воспламеняет его до энтузиазма, а сам не верит. Ко всему приглядывается и остается равнодушен даже к убийству Ш⟨атова⟩, о котором он знает. N3. Остается задачей: действительно ли он серьезно говорил с Ш⟨атовым⟩ и сам воспламенялся. Ш⟨атов⟩ подбивал его действовать. Князь слушал скептически и говорит: „Я не верую. Я только так“. Написал даже об этом Ш⟨атову⟩ письмо» (см.: там же, стр. 135).

Из этой характеристики Князя к позднему Ставрогину перейдут некоторые психологические черты и биографические детали (насилие над девочкой, предложение Воспитаннице записаться в граждане кантона Ури, самоубийство и предсмертное письмо).

Новая характеристика Князя заканчивается следующим обобщением: «Итак, весь пафос романа в Князе, он герой. Всё остальное движется около него, как калейдоскоп. Он заменяет Голубова. Безмерной высоты» (см.: там же, стр. 136).

В майских записях 1870 г. образ Князя не претерпевает значительных изменений и вырисовывается в соответствии с творческим замыслом писателя, определившимся 29 марта (10 апреля) 1870 г.

В разделе, озаглавленном «Общий главный план романа», Достоевский намечает специальную главу «Анализ». Здесь Хроникер должен сделать «по смерти Князя» разбор его загадочного характера, «говоря, что это был человек сильный, хищный, запутавшийся в убеждениях и из гордости бесконечной желавший и могший убедиться только в том, что вполне ясно ⟨...⟩. Любопытно, что он так глубоко мог понять сущность Руси, когда объяснял ее и воспламенял этим Ш⟨атова⟩, но еще любопытнее и непонятнее то, что он, стало быть, ничему этому не верил» (см.: там же, стр. 149). Загадочное поведение Князя и его неожиданную смерть Хроникер отказывается объяснить сумасшествием и утверждает, что видит в поведении Князя «сильнейшую логическую последовательность (т. е. оторванность от почвы, некуда деться, скучно, думал воскресить себя любовью, впрочем не очень, даже к Нечаеву приглядывался и застрелился)». «А над Шатовым, — добавляет Хроникер, — может, сквозь слезы кровавые смеялся, когда поджигал и воспламенял его развитием всеславянского учения» (см.: там же, стр. 151—152).

Так творческие искания Достоевского весной 1870 г. подготовили совершившийся летом 1870 г. коренной перелом в творческой истории романа, в результате которого политический памфлет соединился с романом-трагедией, а центральным персонажем «Бесов» стал Ставрогин.

4

По первоначальному обязательству Достоевский должен был представить М. Н. Каткову значительную часть романа уже в июне 1870 г. с тем, чтобы с осени этого года уже можно было начать его печатать. В дальнейшем сроки,

связанные с завершением работы над романом, постепенно отодвигаются. В письме к С. А. Ивановой от 2 (14) июля 1870 г. Достоевский предполагает закончить и выслать первую часть «Бесов» в конце августа — сентябре 1870 г.; вторую — к декабрю этого же года и третью — в феврале 1871 г. Начало публикации романа теперь уже переносится на январь 1871 г.

Однако в процессе работы Достоевский ощущал все более и более возраставшие трудности, на которые он неоднократно жаловался друзьям в письмах от второй половины 1870 г. По собственному признанию писателя, «никогда никакая вещь» не стоила ему «большего труда». Особенно тяжело давалась первая часть романа, которую Достоевский много раз переделывал вплоть до осени 1870 г. «Весь год я только рвал и переиначивал, — сообщает он Н. Н. Страхову 2 (14) декабря 1870 г. — Я исписал такие груды бумаги, что потерял даже систему для справок с записанным. Не менее 10 раз я изменял весь план и писал всю первую часть снова. [1] Два-три месяца назад я был в отчаянии. Наконец, всё создалось разом и уже не может быть изменено, но будет 30 или 35 листов».

Из писем Достоевского выясняются время и сущность перелома, наступившего, как оказалось, в творческой истории «Бесов» летом 1870 г. и приведшего к коренной переделке романа.

В письме к племяннице С. А. Ивановой от 17 (29) августа 1870 г. вопрос этот освещен следующим образом: «Роман, который я писал, был большой, очень оригинальный, но мысль несколько нового для меня разряда, нужно было очень много самонадеянности, чтоб с ней справиться. Но я не справился и лопнул. Работа шла вяло, я чувствовал, что есть капитальный недостаток в целом, но какой именно — не мог угадать. В июле ⟨...⟩ я заболел целым рядом припадков падучей (каждую неделю). Они до того меня расстроили, что уже и думать о работе я не мог целый месяц, да и опасно было. И вот две недели назад, принявшись опять за работу, я вдруг разом увидал, в чем у меня хромало и в чем у меня ошибка, при этом сам собою по вдохновению представился в полной стройности новый план романа. Всё надо было изменить радикально; не думая нимало, я перечеркнул всё написанное (листов до 15 вообще говоря) и принялся вновь с 1-й страницы. Вся работа всего года уничтожена».

Через месяц, 19 сентября (1 октября) 1870 г., Достоевский пишет Каткову: «Я работал всё лето изо всех сил и опять, оказывается, обманул Вас, т. е. не прислал до сих пор ничего. Но мне всё не удавалось. У меня до 15 печатных листов было написано, но я два раза переменял план (не мысль, а план) и два раза садился за перекройку и переделку сначала. Но теперь всё установилось. Для меня этот роман слишком многое составляет. Он будет в 30 листов и в трех больших частях. Через две недели по получении этого письма редакция „Русского вестника“ получит два первые эпизода 1-й части, т. е. половину ее, а к 15 ноября и всю 1-ю часть (от 10 до 12 листов). Затем уже доставка не замедлит. Из написанных 15 листов, наверно, двенадцать войдут в новую редакцию романа. ⟨...⟩ Таким образом, ранее января будущего года нельзя начать печатать».

Дополнительные сведения о переломе в творческой истории «Бесов» содержит письмо к Каткову от 8 (20) октября 1870 г. Писатель разъясняет здесь замысел «Бесов» и сообщает, что «одним из числа крупнейших происшествий» романа является «известное в Москве убийство Нечаевым Иванова», хотя «ни Нечаева, ни Иванова, ни обстоятельств того убийства» он не знает, «кроме как из газет». Далее Достоевский предостерегает от попыток отождествлять

---

[1] Ср. с письмом к М. Н. Каткову от 8 (20) октября 1870 г.: «Мне очень долго не удавалось начало романа. Я переделывал несколько раз. Правда, у меня с этим романом происходило то, чего никогда еще не было: я по неделям останавливал работу с начала и писал с конца. Но и, кроме того, боюсь, что само начало могло бы быть живее. На $5^1/_2$ печатных листах (которые высылаю) я еще едва завязал интригу. Впрочем, интрига, действие будут расширяться и развиваться неожиданно». «...*раз двадцать* (если не больше) ⟨...⟩ переделывал и переписывал» первую часть, признается Достоевский также С. А. Ивановой (письмо от 6 (18) января 1871 г.).

Петра Верховенского с реальным Нечаевым: «... мой Петр Верховенский, — замечает писатель, — может нисколько не походить на Нечаева; но мне кажется, что в пораженном уме моем создалось воображением то лицо, тот тип, который соответствует этому злодейству». Чрезвычайно интересны в этом письме авторские характеристики Петра Верховенского и Ставрогина, дающие ключ к пониманию сущности совершившейся летом 1870 г. переработки романа. Достоевский объясняет, почему Петр Верховенский не стал главным героем романа. «Без сомнения, — пишет он, — небесполезно выставить такого человека; но он один не соблазнил бы меня. По-моему, эти жалкие уродства не стоят литературы. К собственному моему удивлению, это лицо наполовину выходит у меня лицом комическим. И потому, несмотря на то что всё это происшествие занимает один из первых планов романа, оно тем не менее только аксессуар и обстановка действий другого лица, которое действительно могло бы назваться главным лицом романа. Это другое лицо (Николай Ставрогин) — тоже мрачное лицо, тоже злодей. Но мне кажется, что это лицо трагическое, хотя многие наверно скажут по прочтении: „Что это такое?“ Я сел за поэму об этом лице потому, что слишком давно уже хочу изобразить его. По моему мнению, это и русское, и типическое лицо. Мне очень, очень будет грустно,если оно у меня не удастся. Еще грустнее будет, если услышу приговор, что лицо ходульное. Я из сердца взял его. Конечно, это характер, редко являющийся во всей своей типичности, но это характер русский (известного слоя общества). 〈...〉 Что-то говорит мне, что я с этим характером справлюсь 〈...〉. Замечу одно: весь этот характер записан у меня сценами, действием, а не рассуждениями; стало быть, есть надежда, что выйдет лицо 〈...〉. Но не все будут мрачные лица; будут и светлые. Вообще боюсь, что многое не по моим силам. В первый раз, например, хочу прикоснуться к одному разряду лиц, еще мало тронутых литературой. Идеалом такого лица беру Тихона Задонского. Это тот же святитель, живущий на спокое в монастыре. С ним сопоставляю и свожу на время героя романа».

В письме к Н. Н. Страхову от 9 (21) октября 1870 г. Достоевский уже прямо связывает коренную переработку романа с изменившейся ролью Ставрогина. Он пишет: «Потом летом опять перемена: выступило еще новое лицо, с претензией на настоящего *героя романа,* так что прежний герой (лицо любопытное, но действительно не стоящее имени героя) стал на второй план. Новый герой до того пленил меня, что я опять принялся за переделку. И вот теперь, как уже отправил в редакцию „Р〈усского〉 вестника“ начало начала, я вдруг испугался: боюсь, что не по силам взял тему 〈...〉. А между тем я ведь ввел героя не с бух да барах. Я предварительно *записал* всю его роль в программе романа (у меня программа в несколько печатных листов) и вся записана одними сценами, т. е. действием, а не рассуждениями. И потому думаю, что выйдет лицо и даже, может быть, *новое*; надеюсь, но боюсь».

Итак, приблизительно в начале августа 1870 г. после припадков, продолжавшихся почти весь июль (см. запись припадков — *Коншина*, стр. 83—84), когда Достоевский не мог работать, он отказался от первоначального плана романа, в соответствии с которым уже было написано около 15 печатных листов связного текста, [1] и пришел к намерению «радикально» переделать роман в соответствии с «новой идеей». Это решение, вероятно, совпало с тем

[1] Эта забракованная редакция «Бесов» разделила печальную участь ряда других рукописей писателя, сожженных перед возвращением Достоевских в Россию в июле 1871 г. А. Г. Достоевская сообщает по этому поводу: «За два дня до отъезда Федор Михайлович призвал меня к себе, вручил несколько толстых пачек исписанной бумаги большого формата и попросил их сжечь 〈...〉. Мы растопили камин и сожгли бумаги. Таким образом, погибли рукописи романов „Идиот“ и „Вечный муж“. Особенно жаль мне было лишиться той части романа „Бесы“, которая представляла собою оригинальный вариант этого тенденциозного произведения. Мне удалось отстоять только записные книжки к названным романам и передать моей матери, которая предполагала вернуться в Россию позднею осенью» (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания,* стр. 198).

моментом, когда Достоевский в связи с затянувшейся работой над «Бесами» был вынужден отказаться от мечты осуществить в ближайшее время эпопею «Житие великого грешника» (ср. августовское письмо 1870 г. к В. В. Кашпиреву). Очевидно, именно теперь Достоевский решил перенести в «Бесы» некоторые образы, ситуации, религиозно-нравственные идеи «Жития» и тем самым придать роману бо́льшую философскую глубину. Из «Жития великого грешника» в «Бесы» переходят образы архиерея Тихона и Хромоножки (разумеется, в творчески преображенном варианте), призванных свершить над героем, оторвавшимся от национальной почвы, суд высшей, народной этики, неотделимой, по мнению писателя, от религиозных представлений о добре и зле. Очевидно, летом 1870 г. Достоевский окончательно решает ввести в роман главу о неудавшемся покаянии Ставрогина у Тихона, сделав ее сюжетно-композиционным и идейно-философским центром романа (подробнее о творческой истории главы «У Тихона» см. на стр. 237—246).[1] Так можно понять слова писателя о новом плане (композиции) романа, представившемся ему после июльских припадков «в полной ясности» (см. цитировавшееся выше письмо к С. А. Ивановой от 17 (29) августа 1870 г.).

В связи с окончательно определившимся творческим замыслом изобразить предельное нравственное падение героя и его мучительную попытку найти в себе силы к духовному возрождению («падение» и «восставание») образ Ставрогина усложняется и обогащается чертами противоречивого психологического облика Великого грешника (см. план этой эпопеи — наст. изд., т. IX, стр. 126—139).[2]

В представлении Достоевского Ставрогин одновременно трагический герой и типическое русское лицо, характерное для «известного слоя общества», т. е. той части русской интеллигенции, которая утратила связи с народно-культурной традицией.

Очевидно, что предпосылки нового этапа творческой истории романа «Бесы», окончательно определившегося в начале августа 1870 г., следует искать в июньских записях к роману, так как в июле Достоевский, по собственному признанию, почти не работал из-за эпилептических припадков. Характерно, что именно в июньских набросках Ставрогин (Князь) действительно «записан сценами», изображающими его диалоги с Шатовым и Тихоном.

Князь предстает здесь как идеолог своеобразной концепции русского народа-«богоносца», призванного нравственно обновить европейское человечество. Наиболее законченное обоснование религиозно-нравственные идеи Князя получили в «Фантастических страницах», непосредственно ведущих к таким основополагающим для понимания идейно-философской проблематики «Бесов» главам второй части романа, как «Ночь» и «Ночь, продолжение», где впервые раскрывается сокровенная сущность духовного мира Ставрогина с его предельной раздвоенностью и равновеликим тяготением к вере и безверию, к добру и злу.

В наброске, озаглавленном «Фантастическая страница (для 2-й и 3-ей части)» и помеченном 23 июня 1870 г., дана следующая характеристика Князя, как бы предваряющая и поясняющая его дальнейшие религиозно-философские диалоги с Шатовым: «Князь ищет подвига, дела действительного, заявления русской силы о себе миру. Идея его — православие настоящее, деятельное (ибо кто нынче верует). Нравственная сила прежде экономической (NЗ. Не верит в бога и имеет в уме подвиг у Тихона.)» «В о о б щ е и м е т ь в в и д у, что Князь обворожителен, как демон, и ужасные страсти борются с ... подвигом. При этом неверие и мука — от веры. Подвиг осиливает, вера берет верх, но и бесы веруют и трепещут. „Поздно“, — говорит Князь и бежит в Ури, а потом повесился» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 173—175).

---

[1] Следует отметить, что мотив обиженной Ставрогиным девочки, появившийся еще в весенних записях 1870 г., первоначально не был связан с идеей исповеди у Тихона.

[2] См. также: В. Л. К о м а р о в и ч. Ненаписанная поэма Достоевского. *Сб. Достоевский, I*, стр. 177—211.

«Главная мысль Князя, которою был поражен Шатов и вполне, страстно усвоил ее, — следующая: дело не в промышленности, а в нравственности, не в экономическом, а в нравственном возрождении России». «Нравственность и вера одно». Православие, сохранившее христианство в его чистом, неискаженном виде,«заключает в себе разрешение всех вопросов, нравственных и социальных» («Если б представить, что все Христы, то мог ли быть пауперизм?»). Итак, «главная сущность вопроса: христианство спасет мир и одно только может спасти ⟨...⟩ Далее: христианство только в России есть, в форме православия ⟨...⟩ Итак, Россия спасет и обновит мир православием ⟨...⟩ Если будет веровать» (см.: там же, стр. 196, 188, 180, 182, 185).

Таким образом, согласно концепции Князя, русский народ силен православием. Это та «русская идея» нравственного возрождения и обновления человечества, которую Россия несет миру. Если с дальнейшим развитием цивилизации народ не сумеет сохранить веру, стало быть, его сила непрочная и Россия со временем начнет духовно разлагаться подобно Западу. Главный вопрос для России: «Можно ли веровать, быв цивилизованным, т. е. европейцем?» «В этом *всё*, весь узел жизни для русского народа и всё его назначение и бытие впереди» (см.: там же, стр. 178, 179).

В идее нравственного обновления мира «русской мыслью», отражающей важную сторону общественно-философских взглядов самого Достоевского (см. «Дневник писателя» за 1870-е годы), сказалась мечта писателя о наступлении на земле «золотого века», царства истинного человеческого братства, справедливости и любви, восходящая несомненно к идеалам утопического социализма и своеобразно переосмысленная. В православии, исповедующем, по мнению писателя, в отличие от римской церкви «неискаженного», «истинного» Христа, т. е. Христа нравственно свободного, не прельстившегося земной властью и могуществом, Достоевский видит своеобразный кодекс высшей общечеловеческой этики добра и справедливости, а в самом Христе — идеал нравственно совершенной личности, сознательно и бескорыстно отдавшей свою жизнь служению людям.[1] Подобное содержание, как известно, вкладывали в образ Христа и некоторые петрашевцы,[2] позднее народники, в романе же — Шатов и Кириллов.

Путь к достижению гармонического общества Достоевский усматривал в нравственном обновлении и перевоспитании людей в духе высокой человечности — мысль, получившая художественное обоснование уже в «Идиоте».

Спор между Князем и Шатовым вращается вокруг вопроса о том, может ли основываться высокая, подлинно человеческая нравственность на каких-либо иных принципах, помимо христианских, в том числе научных.

Если доказать, что возможна высокая внехристианская нравственность, то тем самым в значительной степени обесценивается «русская идея» духовного обновления Запада православием. На доказательство невозможности и несостоятельности «научной» нравственности направлена вся аргументация Князя.

---

[1] Ср. с одной из летних записей 1870 г.: «Нравственность Христа в двух словах: это идея, что счастье личности есть вольное и желательное отрешение ее, лишь бы другим было лучше» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 193).

[2] Утопический социализм стремился придать учению Христа социальное звучание. Согласно подобному толкованию, замечает В. Комарович, «Христос приходил восстановить человека в его прирожденной красоте и силе, исполнить волю бога-отца и даровать счастье его детям, вернув им отнятый рай з д е с ь, на земле; так исчезает мистический смысл и красота Голгофы ⟨...⟩ и заменяется восторженной жалостью перед непонятым, н а п р а с н о казненным героем-человеколюбцем; кровь и страдания Христа — не утверждение христианства, но гибель, временное крушение дела земного устройства человечества, ради которого и приходил якобы Христос; дело Христово нуждается поэтому в продолжении, в помощи новых избранников, и утописты охотно сравнивают и сопоставляют с ним других „друзей человечества“ (Магомета, Ньютона, самих себя)» (см.: В. Л. К о м а р о в и ч. Юность Достоевского. «Былое», 1925, № 23, стр. 7).

Князь не верит в способность науки выработать строгие нравственные основания и критерии («... все нравственные начала в человеке, *оставленном на одни свои силы,* — условны» — см.: наст. изд., т. XI, стр. 181). [1] В доказательство «условности» нравственных принципов, выдвигаемых наукой, Князь иронически ссылается на теорию английского экономиста Т.-Р. Мальтуса (1766—1834), автора «Опыта о законе народонаселения». Князь указывает, что, следуя по пути Мальтуса, при росте населения и недостатке пищи наука может дойти до «сожжения младенцев».[2] Доказав, таким образом, «нравственную несостоятельность» науки, Князь и Шатов приходят к выводу, что православие заключает в себе разрешение социальных и нравственных вопросов.

В результате спора обнаруживается, что сам Князь, создатель концепции «народа-богоносца», истинность которой он так страстно доказывал Шатову, в бога не верует в силу своей предельной духовной раздвоенности. Безверие Ставрогина, по мысли Достоевского, равнозначно полной утрате всяких нравственных принципов и критериев, смешению добра и зла в результате разрыва этого европейстбующего «барича» с русскими народными религиозно-этическими воззрениями. [3]

В главе «У Тихона» последний, цитирующий слова из Апокалипсиса «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши...», осуждает Ставрогина именно за то, что тот «ни холоден, ни горяч», а только «тепл». Ставрогин с его светским равнодушием не способен ни к полной вере («горяч»), ни к полному атеизму («холоден»). [4]

В дальнейшем разъяснении Тихона применительно к Ставрогину апокалипсический текст аргументируется следующим образом: «Совершенный атеист стоит на предпоследней верхней ступени до совершенной веры (там перешагнет ли ее, нет ли), а равнодушный никакой веры не имеет, кроме дурного страха» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 10). [5]

Среди печатных и устных источников, которые широко использует Достоевский при изображении идейно-философских диалогов Ставрогина и Шатова (см. заметки, озаглавленные «Фантастические страницы»), следует назвать «Былое и думы» А. И. Герцена, книгу Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (о ней см. на стр. 233—234), сочинения упоминавшегося выше философа-самоучки К. Е. Голубова, Евангелие и Апокалипсис; писатель припоминает также свои давние споры 1840-х годов с Белинским и в кругу петрашевцев. Все эти разнородные материалы в горниле мысли Ставрогина преобразуются в единый сплав.

---

[1] Ср. с заметкой в записной тетради за 1875—1876 гг.: «Всякая нравственность выходит из религии, ибо религия есть только формула нравственности» (*ЛН*, т. 83, стр. 449).

[2] Ссылка на Мальтуса есть и в «Идиоте», где Лебедев иронически называет его «другом человечества» и добавляет, что «друг человечества с шатостию нравственных оснований есть людоед человечества» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 312).

[3] Ср. со словами Шатова: «Никогда не было еще народа без религии, *то есть без понятия о зле и добре*» (см.: наст. изд., т. X, стр. 199; курсив наш, — *Ред.*).

[4] «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но поелику ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст моих. Ибо ты говоришь: я богат, разбогател, и ни в чем не имею нужды, а не знаешь. что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг» («Откровение Святого Иоанна», гл. 3, ст. 15—17). Апокалипсический текст «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши...» имеет принципиально важное значение в романе. После вынужденного изъятия главы «У Тихона» этот текст был использован Достоевским в заключительной главе «Бесов».

[5] Достоевский признает в атеисте возможность высокой любви, страдания. беспокойной веры в идеал и в этом смысле сближает его с глубоко верующим. Ср. слова Тихона: «Совершенная любовь совпадает с совершенной верой. Это равнодушие только совсем не верует. Атеизм самый полный ближе всех, может быть, к вере стоит» (т. XI, стр. 268).

Упоминание имени Герцена как идеолога построения справедливого общества на научных началах [1] позволяет связать «Фантастические страницы» с полемикой В. С. Печерина и Герцена начала 1850-х годов, на которую Достоевский откликнулся уже ранее в «Идиоте» (см. об этом: наст. изд., т. IX, стр. 393).

В. С. Печерин (1807—1885) — человек яркой индивидуальности и драматической судьбы. В середине 1830-х годов этот прогрессивно настроенный преподаватель Московского университета, не вынеся гнетущей обстановки николаевской реакции, уезжает в Европу, где после недолгого увлечения теориями утопического социализма становится католическим монахом.

В 1853 г. Печерина навещает Герцен в монастыре в Клапаме близ Лондона, и между ними завязываются знакомство и переписка, о которых Герцен позднее расскажет в «Былом и думах» (см. главу 6, ч. VII, «Pater V. Petcherine»). [2]

В переписке Печерина и Герцена нашел отражение их спор о роли «материальной цивилизации» и науки в деле переустройства русского общества.

«Невежество, *одно невежество* — причина пауперизма и рабства, — замечает Герцен. — Массы были оставлены *своими воспитателями* в животном состоянии. Наука, одна наука может теперь поправить это и дать им кусок хлеба и кров. Не пропагандой, а химией, а механикой, технологией, железными дорогами она может поправить мозг, который веками сжимали физически и нравственно» (см.: *Герцен*, т. XI, стр. 399).

В ответном письме Печерин рисует мрачные перспективы «тиранства материальной цивилизации», от которого некуда будет спрятаться людям «молчания и молитвы». Только религия, по мнению Печерина, способна нравственно обновить человечество (см.: там же, стр. 400—401).

«Наука не есть учение или доктрина, и потому она не может сделаться ни правительством, ни указом, ни гонением, — возражает Герцен своему оппоненту 〈...〉. — И чего же бояться? Неужели шума колес, подвозящих хлеб насущный толпе голодной и полуодетой? Не запрещают же у нас, для того чтоб не беспокоить лирическую негу, молотить хлеб» (там же, стр. 401—402).

Полемический отклик в «Идиоте» на основную проблему спора Печерина с Герценом получает дальнейшее обоснование и развитие в записях к «Бесам» и в самом тексте романа (см. ч. II, гл. 1). Тема полемики Печерина с Герценом ассоциируется у Степана Трофимовича Верховенского с неприемлемой для него антитезой «материальная цивилизация» — «духовная культура». Мысль Герцена о «телегах, подвозящих хлеб человечеству», в высказывании Степана Трофимовича намеренно пародийно соединяется с утилитарным нигилистическим отрицанием искусства («Эти телеги, или как там: „стук телег, подвозящих хлеб человечеству“, полезнее Сикстинской Мадонны, или как у них там...» — см.: наст. изд., т. X, стр. 172), [3] хотя Герцен, как известно, был высоким ценителем и знатоком искусства.

---

[1] См.: «... можно ли существовать обществу без веры (наукой, например, — Герцен)» — наст. изд., т. XI, стр. 178.

[2] Впервые опубликована в «Полярной звезде на 1861 год», кн. 6, Лондон, 1861, стр. 259—272. О В. С. Печерине см.: М. О. Гершензон. Жизнь В. С. Печерина. М., 1910; Из биографии В. С. Печерина. Сообщение А. Сабурова. *ЛН*, т. 41—42, кн. II, стр. 471—482; Из переписки В. С. Печерина с Герценом и Огаревым. Публикация А. А. Сабурова. *ЛН*, т. 62, стр. 463—484. — Описывая юношеское сочинение Степана Трофимовича, опубликованное за границей (см. ч. I, гл. 1), Достоевский пародирует романтическую поэму молодого Печерина «Торжество смерти», напечатанную Герценом в сборнике «Русская потаенная литература XIX века» (1861) (подробнее об этом см. ниже, стр. 278—279).

[3] «Бесы» связывает с «Идиотом» также характерный для творчества зрелого Достоевского комплекс идей о сущности католицизма, об истоках атеизма и социализма на Западе, об отрыве «русского культурного слоя» от народа, о «русском призвании» и др. (см. речь Мышкина в гостиной Епанчиных — наст. изд., т. VIII, стр. 450—453). Весь этот сложный комплекс

Сомнения автора «Бесов» в способности одной науки обосновать новую нравственность и перестроить общество на новых началах, восходящие еще к 1840-м годам,[1] получат сложное религиозно-философское преломление в «Дневнике писателя», в «Подростке» и «Братьях Карамазовых». На эту тему будут беседовать Версилов и Аркадий в «Подростке» (см. ч. II, гл. 1), она отразится в «поэме» о Великом инквизиторе (идея «обратить камни в хлебы»).[2]

Летом и осенью 1870 г. Достоевский принимается за новую редакцию первой части романа, частично используя материалы забракованной первоначальной редакции.

Наряду с созданием новых подготовительных набросков (планы сюжета, характеристики, диалоги и др.) идет оформление связного текста глав первой части «Бесов». В это время в общих чертах уже определились композиция романа и его объем.

Если июньские записи посвящены в основном разработке нового образа Князя и его философских диалогов с Шатовым, то начиная с августа творческие усилия Достоевского поглощены главным образом сюжетными планами глав первой части романа («Чужие грехи», «Хромоножка», «Премудрый змий»).

Большое количество действующих лиц, запутанные сюжетные интриги и ситуации, т. е. все то, что, по замыслу писателя, должно было увеличить занимательность романа («...а занимательность, я до того дошел, что ставлю выше художественности»), чрезвычайно затруднило работу Достоевского над первой частью «Бесов».

В августовских планах много раз варьируется тема неудавшейся помолвки Степана Трофимовича с последовавшими за ней событиями и интригами (см. записи от 12—16, 18, 19, 21 и 22 августа 1870 г.). Долго не могут определиться взаимоотношения между Князем и Красавицей-Воспитанницей, с одной стороны; Шатовым и Красавицей-Воспитанницей, с другой. В августовских планах появляется мотив тайного брака Князя с Хромоножкой, что придает сюжету еще большую запутанность и усложняет взаимоотношения главных персонажей. Неоднократно разрабатывается сцена встречи Варвары Петровны с Хромоножкой в соборе и их последующего знакомства. Введение Хромоножки усиливает трагическую тональность романа с его финальными убийствами и самоубийствами.

Существенное внимание уделяет писатель сатирическому изображению жизни губернского города, его администраторов и обывателей (см. записи «Большие идеи» от 12 сентября 1870 г.). В это время уже определяются в общих чертах образы губернатора фон Лембке и его либеральничающей и властной супруги: «...лицо Губернаторши. Губернаторша принадлежит к злокачественному разряду партии „Вести“. Консерваторша, принцип крупного землевладения. Из тех именно консерваторов, которые не прочь связаться с нигилистами, чтоб произвести бурду ⟨...⟩. Настраивает на подоб-

---

историко-философских и религиозно-нравственных идей в дальнейшем будет развиваться в «Подростке», «Братьях Карамазовых» и «Дневнике писателя».

[1] В «Дневнике писателя» за 1873 г. (глава «Старые люди») Достоевский вспоминает свои споры с Белинским о «новых нравственных основах социализма», стоящего на научной и материалистической почве.

[2] Отметим попутно, что евангельские и апокалипсические тексты существенны для понимания идейно-философской концепции и системы образов романа (особенно Ставрогина, Тихона, Шатова, Кириллова, Хромоножки). Само заглавие и эпиграф к «Бесам» восходят к Евангелию от Луки (об этом см. на стр. 251). В черновых заметках к «Бесам» настоящее и грядущие судьбы России и Европы осмысляются при помощи символических образов Апокалипсиса и пророчеств о конце мира и тяжких страданиях, ожидающих человечество, о втором пришествии Христа и т. д. Мистической атмосферой Апокалипсиса пронизаны многие страницы романа. Евангелие и Апокалипсис цитируют и толкуют в романе и в подготовительных материалах к нему не только Голубов, Тихон, Ставрогин, Кириллов, Шатов, Степан Трофимович Верховенский, но даже Петр Верховенский, Лебядкин и Федька Каторжный.

ные же действия мужа ⟨...⟩. Губернатор фон Лембке глуп, как бабий пуп. Нечаев сходится с Губернаторшей и с ее идеями, Губернаторша рада, что он ей поддакивает, и пропускает ему нигилизм сознательно, а в другое из его нигилизма и сама верит. Некоторые, например Липутин, думают, что Нечаев притворяется из политики, поддакивая Губернаторше. Но, к удивлению Липутина и всех (Князь угадал это заранее и наблюдал), Нечаев искренно сочувствует консерваторам именно по принципу за их цинический нигилизм ко всему, что доселе считалось прекрасным и доблестным, т. е. за их презрение к общему интересу, народу, отечеству и ко всему, что не касается прямо их барских выгод» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 234—235). В некоторых набросках Достоевский характеризует «развлечения» представителей губернского общества («Поездка к Тихону и оскорбление его. Поездка к Ивану Яковлевичу» — там же, стр. 234).

Очевидно, летом 1870 г. Достоевский вводит в роман Инженера (Кириллова). Осенью определяется «роль Инженера фактическая» («Инженер вызвался себя застрелить для общего дела» — см.: там же, стр. 241), хотя среди набросков мы не находим характеристик этого идейного самоубийцы.

В летних и осенних заметках о Ставрогине неизменно повторяются три взаимосвязанных мотива: преступление над девочкой, неудавшееся раскаяние у Тихона и самоубийство. В ряде набросков разрабатывается сцена свидания Ставрогина с Тихоном.

В одной из августовских записей читаем: «*Итог. Ставрогин как характер:* Все благородные порывы до чудовищной крайности (Тихон) и все страсти (*при скуке непременно*). Бросается и на Воспитанницу, и на Красавицу. Объясняет Воспитаннице секрет, но до самого крайнего момента, даже в письме со станции, не говорит о девочке ⟨...⟩. Требует Воспитанницу к себе с эгоизмом, презирая и *не веруя* в помощь человека. Наслаждается глумлением над Красавицей, Ст⟨епаном⟩ Т⟨рофимови⟩чем, братом Хромоножки, над матерью и даже над Тихоном. Красавицу он действительно не любил и презирал, но когда она отдалась, вспыхнул страстью вдруг (обманчивой и минутной, но бесконечной) и совершил преступление. Потом разочаровался. Он улизнул от наказания, но сам повесился ⟨...⟩. В письме со станции не зовет Воспитанницу, а только объясняет про Ури ⟨...⟩. Гордость его в том, что не побоюсь, например, объявления о Хромоножке, и *боится.* Сознает, что *не готов* для подвига и что никогда не будет готов» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 208—209).

Обобщающую характеристику Ставрогина Достоевский набрасывает 1 ноября 1870 г.: «Приехал же Nicolas действительно в ужасном и загадочном состоянии духа. В нем боролись две идеи: 1) Лиза — овладеть ею — идея жестокая и хищная. 2) Подвиг, восстание на зло, великодушная идея победить. Он потому сходится сначала с Шатовым, потом с Тихоном. Хочет и исповедовать себя перед всеми, и наказать себя стыдом Хромоножки ⟨...⟩. Обновление и воскресение для него заперто единственно потому, что он оторван от почвы, следственно, не верует и не признает народной нравственности. Подвиги веры, например, для него ложь. Отвлеченное же понятие об общечеловеческой, гуманной совести на деле несостоятельно. Это выставить. Он вдруг падает, хотя, например, распоряжение насчет Ури уже сделано...» (см.: там же, стр. 239).

7 (19) октября 1870 г. Достоевский высылает в Москву начало первой части романа. В сопроводительном письме в редакцию «Русского вестника» он сообщает: «Здесь, в высылаемом, заключается половина первой части. Всех частей — *три.* Каждая часть имеет четыре деления (которые обозначены у меня римскими цифрами и заголовками). Каждое деление дробится далее на главы. (Всего высылаю теперь 62 полулистка почтовой бумаги малого формата.) III и IV отделы *первой части* будут высланы мною в редакцию „Русского вестника“ в ноябре нынешнего 1870 г.».

Отправив начало «Бесов» в редакцию, Достоевский с октября по декабрь работает над последними главами первой части. Очень долго не может окончательно определиться сюжетный план пятой главы («Премудрый змий»). В декабре Достоевский еще предполагал закончить первую часть «Бесов»

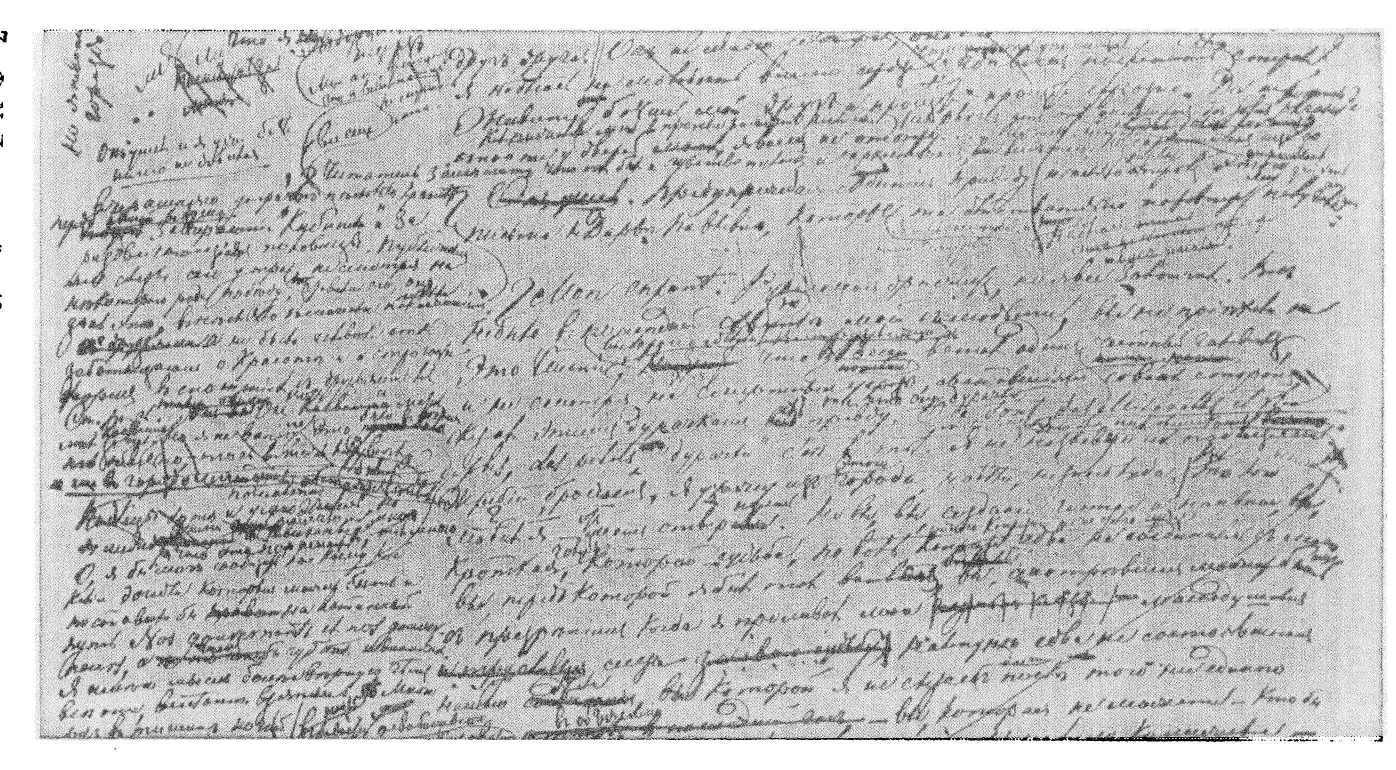
сценой именин и ареста Степана Трофимовича, о чем свидетельствуют записи: «Первая часть кончается арестом Ст⟨епана⟩ Трофимовича. *25 декабря* ⟨1870⟩» и «27 декабря ⟨1870⟩. Не кончить ли после стихов *арестом* 1-ю часть? №3. Держаться здесь. Не уничтожить ли совсем арест?» (см.: там же, стр. 258, 260). Известные трудности вызывает у Достоевского избранная им форма повествования. «*Главное — особый тон рассказа, и всё спасено,* — записывает он 27 декабря 1870 г. — ...Нечаев начинает с сплетен и обыденностей, а Князь раскрывается постепенно в действии и без всяких объяснений. Про одного Степана Трофимовича всегда с объяснениями, точно он герой» (см.: там же, стр. 261).

5

Деятельность тайного общества «Народная расправа», убийство пятью членами этой организации — С. Г. Нечаевым, П. Г. Успенским, А. К. Кузнецовым, И. Г. Прыжовым, Н. Н. Николаевым — слушателя Петровской земледельческой академии И. И. Иванова, процесс над большой группой революционеров, проходивший в 1871 г. в Петербурге и широко освещавшийся в русской и зарубежной печати, — вот тот главный по значимости реальный пласт, который лег в основу самого злободневного и тенденциозного романа Достоевского. Внимание писателя привлекли обстоятельства убийства, идеологические и организационные принципы общества, пропагандистская литература, фигуры соучастников преступления и более всего, естественно, личность руководителя и вдохновителя «Народной расправы» — С. Г. Нечаева.

С. Г. Нечаев (1847—1882) родился в семье мещанина в селе Иваново-Вознесенском Владимирской губернии. В 14 лет он служил рассыльным в конторе фабрики Горелина. В 1866 г. переселился в Петербург, где сдал учительский экзамен, получив место в Андреевском училище. Затем (в 1867 г.) Нечаев преподавал в Сергиевском приходском училище, а с осени 1868 г. состоял вольнослушателем в Петербургском университете, где примкнул к радикальному кругу студенчества, принимал активное участие в студенческих беспорядках, имевших место весной 1869 г. Окружив себя ореолом мученика, он бежал в Швейцарию. Там состоялась его встреча с М. А. Бакуниным и Н. П. Огаревым, сыгравшая огромную роль в будущей деятельности Нечаева. Ему удалось завоевать симпатии Бакунина и Огарева, увлеченных энергией и энтузиазмом молодого революционера. Бакунин попытался через посредство Нечаева организовать в России революционное общество, которое воплотило бы его анархистскую программу и идеалы. Нечаев вернулся в Россию в сентябре с выданным ему Бакуниным мандатом мифического «Русского отдела всемирного революционного союза».[1] Максимально используя предоставленные Бакуниным полномочия, афишируя свои мнимые тесные связи с вождями русской эмиграции в Женеве (в том числе с Герценом, которого он вообще не знал), Нечаев организовал в Москве несколько пятерок преимущественно из студентов Петровской земледельческой академии. Свою организацию он назвал «Народной расправой». Диктаторские приемы Нечаева вызвали внутри общества серьезные трения, которые привели к столкновению Нечаева с Ивановым. Убийство последнего по указанию Нечаева положило конец деятельности «Народной расправы». Сам Нечаев бежал за границу, откуда наблюдал за процессом над бывшими своими товарищами. Выданный в 1872 г. царскому правительству швейцарскими властями, он был привезен в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость. 8 января 1873 г. Московский окружной суд приговорил Нечаева к лишению всех

[1] Мандат датирован 12 мая 1869 г. и подписан «Михаил Бакунин»: «Податель сего есть один из доверенных представителей русского отдела Всемирного революционного союза, 2771»; на печати выгравированы слова: «Alliance révolutionnaire européenne. Comité général».

«Бесы». Страница чернового автографа II главы третьей части. 1872 г.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).

прав состояния, каторжным работам в рудниках на 20 лет и вечному поселению в Сибири.[1] Над Нечаевым был совершен обряд публичной казни, после чего его заточили в Алексеевский равелин Петропавловской крепости.

Бакунин писал Огареву 2 ноября 1872 г., узнав о выдаче Нечаева царскому правительству, что Нечаев «на этот раз вызовет из глубины своего существа, запутавшегося, загрязнившегося, но далеко не пошлого, всю свою первобытную энергию и доблесть. Он погибнет героем, и на этот раз ничему и никому не изменит. Такова моя вера» (см.: Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб., 1907, стр. 444). Действительно, Нечаев и в крепости не прекратил своей деятельности. Он сумел распропагандировать команду Алексеевского равелина и подготовить побег, который, однако, не удался. После раскрытия планов побега Нечаева совершенно изолировали и установили для него необычайно жесткий тюремный режим, быстро подорвавший его здоровье. Умер Нечаев 21 ноября 1882 г. от общей водянки, осложненной цинготной болезнью.

Письма Бакунина говорят и об имевшихся между Бакуниным и Нечаевым разногласиях. Бакунин, после того как деятельность Нечаева приобрела скандальную огласку, предлагал последнему обратить внимание на нравственную сторону дела (см.: *Cahiers,* 1966, octobre-décembre, vol. VII, № 4, p. 668). Однако Бакунин в значительной степени ответствен за нечаевские действия в России.[2] Бакунин прекрасно отдавал себе в этом отчет. Уже разуверившись в Нечаеве, он настойчиво пытался вытащить его из «грязи» и, лишь исчерпав все возможности, отрекся от непокорного «ученика».

Программа общества «Народная расправа», принципы и структура организации нашли наиболее яркое воплощение в «Катехизисе революционера». В «Катехизисе» несомненно ощутимы идеи прокламаций и брошюр Бакунина. «Наше дело — страшное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение», — провозглашалось в «Катехизисе» в полном согласии с идеями Бакунина (см.: *Государственные преступления,* стр. 185). Вслед за Бакуниным «Катехизис» особенно рассчитывал на романтизированного, легендарного русского разбойника: «...сближаясь с народом, — говорится здесь, — мы прежде всего должны соединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской государственной силы не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо или косвенно связано с государством ⟨...⟩ соединимся с диким разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России» (см.: там же, стр. 185).

В двух важнейших разделах «Катехизиса» сформулирована суть явления, получившего у современников и последующих поколений собирательное наименование «нечаевщины»: «Отношение революционера к товарищам по революции» и «Отношения революционера к обществу». Ратуя за «солидарность» и «единодушие» в среде революционеров, «Катехизис» совмещал эти положения с неравенством и иерархическим устройством организации, с подразделением революционеров на несколько разрядов: «У каждого товарища должно быть под рукою несколько революционеров второго и третьего разрядов, т. е. не совсем посвященных. На них он должен смотреть как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение. Он должен экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу» (см.: там же, стр. 184). «Польза революционного дела», а не «личные чувства», утверждал «Катехизис», должны стать единственной мерой в отношении революционера к своим товарищам. Именно эти утили-

[1] Протокол заседания Московского окружного суда был опубликован: *ПВ*, 1873, 12 января, № 10.

[2] «Мандат, данный Бакуниным, а также рекомендации к Любену Каравелову в Бухарест, много послужили Нечаеву. В Москве в особенности этот мандат произвел большое впечатление на Успенского и других», — свидетельствует З. Ралли (см.: З. Р а л л и. М. А. Бакунин. Из моих воспоминаний. «Минувшие годы», 1908, № 10, стр. 159).

тарные и ригористические пункты «Катехизиса» дали «право» Нечаеву и его сообщникам расправиться с непокорным и сомневающимся Ивановым. Теми же соображениями «пользы дела» оправдывалась в «Катехизисе» возможность и допустимость для революционера в необходимых случаях пользоваться иезуитской тактикой, освящавшей все средства: «Революционер должен проникнуть всюду, во все низшие и средние сословия, в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократический, военный, в литературу, в III отделение и даже в Зимний дворец» (см.: там же, стр. 184). «Поганое общество», подлежащее беспощадному разрушению, подразделялось «Катехизисом» на шесть категорий. К первой категории были отнесены люди, «особенно вредные для революционной организации» и потому осужденные на уничтожение в первую очередь; ко второй — те, которым «даруют только временно жизнь, чтобы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта»; к третьей — «множество высокопоставленных скотов или личностей 〈...〉 пользующихся по положению богатством, связями, влиянием, силой»: их предлагалось всячески опутывать и эксплуатировать, «сделать 〈...〉 своими рабами»; к четвертой — «государственные честолюбцы и либералы», причем предписывалось «скомпрометировать их донельзя 〈...〉 и их руками мутить государство»; к пятой — доктринеры, конспираторы, революционеры, «праздно глаголящие», которых необходимо толкать на «практические» дела, в результате чего последует «бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих». К шестой категории причислялись женщины, в свою очередь подразделявшиеся на три разряда: первый соответствовал третьей и четвертой категориям мужчин; второй — пятой мужской категории, а женщины третьего разряда квалифицировались как «совсем наши» и предлагалось смотреть на них «как на драгоценные сокровища наши, без помощи которых нам обойтись невозможно» (см.: там же, стр. 185).

Такова в основных чертах теоретическая программа созданного Нечаевым общества. Бессмысленное и аморальное убийство Иванова, совершенное в согласии с тезисами «Катехизиса», наглядно продемонстрировало ее вред и опасность для революционного движения.

Авантюристические методы организации и система Нечаева, его диктаторские приемы вызывали в среде революционной молодежи скептическую, а порой и отрицательную реакцию еще до убийства Иванова: показательны в этом отношении позиция М. Ф. Негрескула, непримиримо резко относившегося к самому Нечаеву и его деятельности, и В. А. Черкезова, автора аналогичного по духу письма, зачитывавшегося на процессе 1871 г. Убийство Иванова и все обстоятельства, с ним связанные, публикация в прессе расшифрованного «Катехизиса» способствовали почти единодушному осуждению и резкой критике деятельности Нечаева и его общества радикальной и революционной интеллигенцией России. Н. К. Михайловский, Г. А. Лопатин, В. И. Засулич, А. И. Герцен и многие другие оставили недвусмысленно ясные отрицательные оценки «нечаевщины».[1]

Процесс 1871 г. над нечаевцами был первым гласным политическим процессом в России — и сам по себе это факт огромного значения. Царизм намеревался использовать убийство Иванова и другие компрометирующие обстоятельства деятельности «Народной расправы» для дискредитации всего революционного движения. Но очень скоро стало ясно, что достичь этого не удастся; напротив, заседания суда превратились в своего рода всероссийскую трибуну, с которой прозвучали слова и лозунги, способствовавшие приобщению очень многих к революции.[2]

---

[1] Подборку отзывов см.: Б. П. Козьмин. С. Г. Нечаев и его противники. В кн.: Революционное движение 1860-х годов. М., 1932, стр. 204—210.

[2] См.: М. Фроленко. Собрание сочинений, т. I. М., 1932, стр. 169; Автобиография А. И. Корниловой-Мороз. В кн.: Энциклопедический словарь «Гранат», т. 40, стр. 1214; М. А. Тимофеев. Пережитое. «Каторга и ссылка», 1929, № 8—9, стр. 95; А. О. Лукашевич. В народ! (Из воспоминаний семидесятника). «Былое», 1907, № 3, стр. 5.

Выступления адвокатов — В. Д. Спасовича. А. И. Урусова, Е. И. Утина, К. К. Арсеньева, чтение на процессе прокламаций, уставов, писем революционеров — все это давало результаты, менее всего желательные для тех, кто стремился превратить процесс в судилище над «нигилизмом».[1] И в то же время процесс показал всю ошибочность и непригодность методов Нечаева. «Революционная молодежь, — суммирует Н. А. Чарушин, — извлекла из этого дела для себя и практический урок: ни в коем случае не строить революционную организацию по типу нечаевской, не прибегать для вовлечения в нее к таким приемам, к каким прибегал Нечаев» (см.: Н. А. Чарушин. О далеком прошлом. М., 1926, стр. 79).

Нечаевщина вошла в историю русского освободительного движения как печальное отклонение от его этических норм, и к ее суровым урокам и впоследствии будут обращаться многие, стремясь объяснить возможность такого рода явления в русской революции. В частности, нечаевское дело занимает большое место в размышлениях В. Г. Короленко, особенно в «Истории моего современника». По его мнению, оно «было характерно для нигилистического периода. Никакой веры, на которую могло бы опереться это поколение, как последующее, например, верило в народ... У них был только крайний рационализм и математический расчет, более наивный, чем любая наивная вера» (см.: *Короленко,* т. VI, стр. 132).

Развернутой и острой критике были подвергнуты деятельность Нечаева и теоретические, программные документы, опубликованные в так называемом нечаевском «Колоколе» и в изданиях «Народной расправы», К. Марксом и Ф. Энгельсом в написанной при участии П. Лафарга брошюре «Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих» (1873). Безоговорочно и резко здесь осуждены «ребяческие и инквизиторские приемы» Нечаева. О статье «Кто не за нас, тот против нас» в брошюре говорится, что она «представляет собой апологию политического убийства» (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18. М., 1961, стр. 412). Статья Нечаева «Главные основы будущего общественного строя» охарактеризована Марксом и Энгельсом как «прекрасный образчик казарменного коммунизма»: «Все тут есть: общие столовые и общие спальни, оценщики и конторы, регламентирующие воспитание, производство, потребление, словом, всю общественную деятельность, и во главе всего в качестве высшего руководителя безыменный и никому неизвестный „*наш комитет*“» (см.: там же, стр. 414). Нечаевское дело сыграло важную роль в борьбе Маркса и Энгельса с раскольнической деятельностью Бакунина в Интернационале. Буржуазная пресса использовала обстоятельства убийства Иванова для дискредитации Международного товарищества рабочих и клеветы на Интернационал и его лидеров. Массовые аресты в России по нечаевскому делу, разгром революционных рабочих организаций в Испании, раскол в самом Интернационале требовали решительного и немедленного осуждения Бакунина, его авантюристических и анархистских методов, нашедших особенно благодатную почву в романских и славянских странах.[2]

Нечаевская история помогла Марксу и Энгельсу решительно размежеваться с анархистами и бланкистами. Принципиальность и бескомпромис-

---

[1] Б. С. Итенберг приводит слова, сказанные царем товарищу министра юстиции О. В. фон Эссену: «Однако же хорошие ожидания твои по нечаевскому делу не оправдались» (см.: Б. С. Итенберг. Движение революционного народничества. Изд. «Наука», М., 1965, стр. 135). О недовольстве процессом консервативно настроенной части публики свидетельствует «Донесение начальника московского губернского жандармского управления от 19 июня 1871 г., № 694» (см.: Нечаев и нечаевцы. М., 1931, стр. 172).

[2] О раскольнической деятельности Бакунина и его теоретических взглядах см.: К. Маркс. 1) Конфиденциальное сообщение. 2) Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия», К. Маркс и Ф. Энгельс. Мнимые расколы в Интернационале; Ф. Энгельс. 1) Доклад об Альянсе социалистической демократии. 2) Бакунисты за работой (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, тт. 16 и 18; см. также по указателю имен).

сность размежевания Энгельс подчеркивал, отвергая упреки Лаврова, писавшего о вреде, приносимом мировому революционному движению полемикой между бакунистами и марксистами: «Организация тайного общества с единственной целью подчинить европейское рабочее движение скрытой диктатуре нескольких авантюристов, подлости, совершенные с этой целью, особенно Нечаевым в России, — вот о чем идет речь в книге; и утверждать, что все ее содержание сводится к частным фактам, — мягко выражаясь, безответственно» (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18, стр. 521). Для Энгельса авантюристическая деятельность нечаевцев — «грязная — и без сомнения очень грязная — сторона русского движения» (см.: там же). «Русские, — писал Энгельс, — должны будут покориться той неизбежной международной судьбе, что отныне их движение будет происходить на глазах и под контролем остальной Европы. Никому не пришлось так тяжко поплатиться за прежнюю замкнутость, как им самим. Если бы не эта замкнутость, их нельзя было бы годами так позорно дурачить, как это делали Бакунин и иже с ним» (см.: там же, стр. 526). Энгельсом здесь точно определены исторические обстоятельства, при которых в России оказалась возможной деятельность «Народной расправы». Нечаевщина выросла «на почве *незрелости революционного движения* в самодержавной стране. Она воплотила в самой уродливой форме некоторые общие недостатки тогдашнего движения, обезглавленного репрессиями 60-х годов, и прежде всего его теоретическую и организационную слабость, его оторванность от масс. И если существо нечаевщины заключалось в попытке подчинить революционное движение иезуитскому принципу: „цель оправдывает средства", то с самого начала эта цель — освобождение народа — была подменена другой — возвышением Нечаева ⟨...⟩ а средства, призванные готовить революцию, стали средствами ее дезорганизации», — пишут современные исследователи (см.: Ю. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак. Нечаевщина и ее современные буржуазные «исследователи». «История СССР», 1960, № 6, стр. 176).

Крах нечаевщины ознаменовал и начало конца замкнутости русского освободительного движения, способствовал его очищению и возмужанию, равно как и росту в нем марксистских настроений.

Достоевский широко использовал в «Бесах» газетные статьи и заметки о Нечаеве, нечаевцах, обстоятельствах убийства Иванова, материалы процесса 1871 г. и обсуждавшиеся в русской прессе пропагандистские документы женевской эмиграции, по преломлял все эти многочисленные факты, как реальные, так и легендарные, свободно и в соответствии со сложившейся у него художественно-идеологической концепцией романа. О главных источниках информации на первом этапе работы над «Бесами» он рассказал в письме к Каткову от 8 октября 1870 г.: «Одним из числа крупнейших происшествий моего рассказа будет известное в Москве убийство Нечаевым Иванова. Спешу оговориться: ни Нечаева, ни Иванова, ни обстоятельств того убийства я не знал и совсем не знаю, кроме как из газет». Газеты — в первую очередь русские — а отчасти и немецкие, которые с января 1870 г. также уделяли немало места «нечаевской истории», видя в ней очередную «сенсацию», и следует рассматривать как главный источник сведений о Нечаеве и убийстве Иванова, тщательно проштудированный и осмысленный писателем. Достоевский за границей регулярно и внимательно читал «Московские ведомости», «Голос», а часто и «С.-Петербургские ведомости», о чем он сообщает в письме к С. А. Ивановой от 26 декабря 1869 г. Достоевский пишет А. Н. Майкову 25 марта 1870 г.: «...ежедневно прочитываю три русские газеты до последней строчки и получаю два журнала...».[1] Журналы эти — «Русский вестник» и «Заря»: о последнем Достоевский по получении очередного номера посылал регулярно подробные критические разборы с многочисленными советами Н. Н. Страхову.

О личности Нечаева Достоевский, видимо, впервые узнал из передовой статьи «Московских ведомостей» за 1869 г. (24 мая, № 112), написанной

---

[1] 9 октября 1870 г. он пишет Н. Н. Страхову, что читает «по нескольку газет, между прочим и две русские».

М. Н. Катковым, где приводились легендарные сведения (как оказалось впоследствии, распространявшиеся самим Нечаевым) об этом таинственном «коноводе» бунтующего студенчества: «Молодые люди, замешанные в университетских беспорядках, были привлечены к суду и некоторые из них испортили свое будущее. Посреди этой суматохи слишком заметно выказал свое усердие один, как сказывают, весьма заслуженный нигилист, человек далеко не первой молодости, еще лет за шесть, за семь пред сим служивший учителем в уездном или ином училище, некто Нечаев. Мы, быть может, ошибаемся в некоторых подробностях, но верно то, что этот поджигатель молодежи, выказывавшийся уже слишком заметно, был арестован. Но он не погиб и ничего не потерял. Он ухитрился бежать из-под стражи, чуть ли не из Петропавловской крепости. Он не только убежал за границу, но успел chemin faisant сочинить прокламацию к студентам, напечатать ее весьма красиво за границей и послать целый тюк экземпляров оной по почте, конечно, не с тем, чтоб она разошлась между студентами: на это он, как человек неглупый, что доказывает самый побег его, не мог рассчитывать, да это, по всему вероятно, ему не было и нужно. Цель его или его патронов была, вероятно, достигнута тем, что прокламация была перехвачена и прочтена в высших правительственных сферах. Что же пишет этот молодец? Он убеждает студентов крепко держаться, но не полагаться на баричей в своей среде. Это-де консервативные элементы, на которых дело революции рассчитывать не может. Иное дело народ, крестьяне, рабочие: тут-то для революции большая пожива, и пусть-де студенты обратятся к рабочим и подготовляют их к революции».[1] С явной иронией Нечаев охарактеризован в статье как «пылкий энтузиаст» и отнесен к «развратникам, до седых волос причисляющим себя к молодому поколению», «говорящим от его имени» и кем-то будто бы подкупленным. Из дальнейших намеков вырисовывается, что Катков имел в виду союз нигилистов с партией «белого ржонда» — так он называл редакцию консервативно-помещичьей газеты «Весть». Упоминался в передовой и Бакунин как возможный автор одной из нечаевских прокламаций, но Катков склонялся к выводу, что слухи об авторстве Бакунина скорее всего попытка использовать в определенных целях имя известного революционера.

Выступление «Московских ведомостей» имело значительный резонанс, естественно вызвав ожесточенную реакцию «Вести», назвавшей его «грубым маневром интриги» («Весть», 1869, 28 мая, № 146). Полемике между «Московскими ведомостями» и «Вестью» посвятил несколько страниц внимательно читавшийся Достоевским журнал «Заря»: Из современной хроники. По поводу студентских историй. «Заря», 1869, № 6, стр. 170—175. «Заря» обильно цитировала статью Каткова и полностью приняла его сторону в споре с «Вестью».

Достоевский несомненно обратил внимание на статью Каткова и последовавшую за ней полемику, запомнил отдельные характерные детали и оценки. В записных тетрадях к роману есть прямой отклик на попытку Нечаева мистифицировать товарищей, распространив слух о своем «побеге» из Петропавловской крепости: «Разве ты не выдавал, что бежал из казематов...» (стр. 71). «Энтузиастом» без всякого оттенка иронии называет Петра Верховенского Ставрогин, объясняя Шатову, в чем состоит его сила: «Есть такая точка, где он перестает быть шутом и обращается в ... полупомешанного. Попрошу вас припомнить одно собственное выражение ваше: „Знаете ли, как может быть силен один человек?“» (см.: наст. изд., т. X, стр. 193—194). Наконец, в «Бесах», как это уже отмечалось Ф. И. Евниным, нашла отражение и полемика «Московских ведомостей» с «Вестью» (см.: *Творчество Достоевского,* стр. 240—242).

Об убийстве, совершенном 21 ноября 1869 г., первое сообщение появилось 27 ноября (*МВед*, 1869, № 258): «Нам сообщают, что вчера, 25-го ноября,

---

[1] Именно данную статью имел в виду П. Г. Успенский, когда иронизировал на суде: «Редактор „Московских ведомостей“ Катков еще более пропагандировал его ⟨Нечаева⟩ имя, написав о нем передовую статью» (*ПВ*, 1871, 4 июля, № 158).

два крестьянина, проходя в отдаленном месте сада Петровской Академии, около входа в грот заметили валяющиеся шапку, башлык и дубину; от грота кровавые следы прямо вели к пруду, где подо льдом виднелось тело убитого, опоясанное черным ремнем и в башлыке. ⟨...⟩ Тут же найдены два связанные веревками кирпича и еще конец веревки». 29 ноября газета сообщила имя убитого и некоторые новые штрихи преступления: «Убитый оказался слушателем Петровской Академии, по имени Иван Иванович Иванов. ⟨...⟩ Деньги и часы, бывшие при покойном, найдены в целости; валявшиеся же шапка и башлык оказались чужими. Ноги покойного связаны башлыком, как говорят, взятым им у одного из слушателей Академии, М-ва; шея обмотана шарфом, в край которого завернут кирпич; лоб прошибен, как должно думать, острым орудием» (там же, № 260). Некоторыми деталями из этих корреспонденций Достоевский воспользовался, создавая сцену убийства Шатова. Запомнилась ему оставленная убийцами шапка (картуз Шатова в «Бесах»).

В дальнейшем, в корреспонденциях от 5 и 9 декабря, «Московские ведомости» возвратились к таинственному убийству, не называя имен преступников (там же, №№ 265 и 267). Правда, 20 декабря имя Нечаева появилось на страницах газеты (там же, № 277): о нем сообщалось как о главаре студенческих беспорядков в Петербурге, ныне якобы перенесшем свою деятельность в Москву. Излагалось содержание двух прокламаций: «В прошлом августе здесь ⟨в Петербурге⟩ появилась из Женевы прокламация на русском языке под заглавием „Начало революции”. В ней предписывается всем эмигрантам немедленно прибыть в Россию. Лишь некоторым почетным эмигрантам, Бакунину, Герцену и пр., дозволялось быть, где они пожелают. Осенью явилась вторая прокламация, о которой... извещали в иностранных газетах и в которой обозначены враги революции в России, подлежащие истреблению» (там же).

Но студенческие волнения и Нечаев еще не ставились Катковым в это время в связь с убийством Иванова. Лишь 25 декабря газета назвала Нечаева как убийцу Иванова и призвала «разделаться... с этою мерзостью» (там же, № 281). [1] В последних номерах за 1869 г. (там же, 30 и 31 декабря, №№ 282, 283) и в первых за 1870 г. (там же, 3 января, № 2) много сообщалось о «поимке» Нечаева, а затем слухи опровергались. 1 января 1870 г. «Московские ведомости» привели со ссылкой на «Судебный вестник» слух о «каком-то сумасбродном заговоре с прокламациями» и о Иванове, который «погиб как желавший донести о преступном замысле». 3 января газета перепечатала из «Голоса» биографические данные о Нечаеве. 4 января «Московские ведомости», подводя в передовой статье итоги минувшего года, много места уделили студенческим беспорядкам, выяснившим, по мнению газеты, опасность и масштабы революционного зла (там же, 1870, № 3). 6 января Катков в большой передовой статье прокомментировал корреспонденции заграничных газет, подробно освещавших последние студенческие беспорядки в России. Главное место в передовой было отведено Бакунину, к которому перешел «скипетр русской революционной партии» от издателей «Колокола» (о них «уже не говорят»). Катков цитировал «Allgemeine Zeitung», писавшую о Бакунине как об «основателе и руководителе этого заговора», поставившего целью «уничтожение всякого государственного начала, отвержение всякой личной собственности и воцарение коммунизма». Катков привел тенденциозную биографию-характеристику Бакунина, вкрапляя в нее ядовитые личные «воспоминания», и подробно изложил содержание прокламации Бакунина «Несколько слов к молодым братьям в России». Эта часть статьи представляет наибольший интерес для понимания истоков памфлетных выпадов Достоевского в «Бесах». «Всеразрушительный дух», излагал Катков содержа-

---

[1] Отголоском этой и других статей газеты Каткова было письмо А. Н. Майкова Достоевскому от 25 февраля 1870 г.: «Ведь тут уже не мнение политическое, тут уголовное дело, — неужели новая нравственность с этих подпольных заговорщиков снимает даже кровь и дозволяет все средства! Это ужасно» (см.: *Д*, *Письма*, т. II, стр. 476).

ние прокламации Бакунина, — это священный недуг, и если бы «молодые братья» выздоровели от этого недуга, то они «стали бы скотами» ⟨...⟩. «Где, — цитировал Катков, — источник того дико-разрушительного и холодно-страстного воодушевления, от которого цепенеет ум и останавливается кровь в жилах ваших противников? ⟨...⟩ Уничтожение всякого государства: вот чего хочет наша революция». «Всякое государство, — продолжал он, излагая Бакунина, — как бы либеральны и демократичны ни были его формы, ложится подавляющим камнем на жизнь народа». Не нужно ни преобразований, ни даже революций, имеющих какой-нибудь смысл. Требуется, напротив, только «дико-разрушительное воодушевление» (там же, 1870, № 4). Упоминался в статье и Стенька Разин, «которого Бакунин выставлял в образец для своей молодой братьи».

Л. П. Гроссман в 1920-х годах развил и в дальнейшем упорно отстаивал гипотезу, согласно которой Бакунин послужил прототипом главного героя «Бесов». В. П. Полонский тогда же противопоставил тезисам Гроссмана целый ряд убедительных контраргументов, которые были поддержаны В. Л. Комаровичем.[1] В цепи доказательств, приводимых Гроссманом,[2] немаловажное место занимает и статья Каткова в «Московских ведомостях» от 6 января 1870 г. Достоевский несомненно обратил внимание на эту статью и, тенденциозно-памфлетно излагая в «Бесах» пропагандистскую литературу 1860-х годов, уделил место прокламации «Несколько слов к молодым братьям в России», как и некоторым другим статьям и речам Бакунина и Огарева.

Так, Достоевский пародирует в романе речь Бакунина на конгрессе «Лиги мира и свободы» в Женеве (1867 г., сентябрь), говорившего с обычным для него «антигосударственным» пафосом: «Кабе, Луи Блан, фурьеристы, сен-симонисты — все были одержимы страстью выдумывать и устраивать будущее, все были более или менее *государственники*» (М. А. Бакунин. Избранные сочинения, т. III. Пгр.—М., 1920, стр. 138). Пародийное осмысление слов Бакунина содержится во «вступительном слове» Шигалева: «Посвятив мою энергию на изучение вопроса о социальном устройстве будущего общества, которым заменится настоящее, я пришел к убеждению, что все созидатели социальных систем, с древнейших времен до нашего 187... года, были мечтатели, сказочники, глупцы, противоречившие себе, ничего ровно не понимавшие в естественной науке и в том странном животном, которое называется человеком. Платон, Руссо, Фурье, колонны из алюминия — всё это годится разве для воробьев, а не для общества человеческого» (см.: наст. изд., т. X, стр. 311). В словах «хромого учителя»: «Нам известно, что на наше прекрасное отечество обращен таинственный index, как на страну, наиболее способную к исполнению великой задачи»[3] — можно видеть отражение надежд Бакунина на возможность в России новой пугачевщины. Отмечалась параллель между идеей Нечаева об огне («У меня уже давно эта идейка об огне созревала, так как она столь народна и популярна...») и призывами сжечь все институты старого общества «до тла» в прокламации Огарева «Мужичкам и всем простым людям работникам», тем более обоснованная, что самые радикальные места ее были опубликованы в «Голосе» (1870, 6 июня, № 154).[4] Тем не менее нет оснований утверждать, что прокламации и статьи Бакунина и Огарева сыграли значительную роль в памфлетных выпадах и

---

[1] См.: *Спор о Бакунине и Достоевском;* В. Л. Комарович. «Бесы» Достоевского и Бакунин. «Былое», 1924, № 27—28, стр. 28—49.

[2] Дневник А. Г. Достоевской документально опровергает одно из них: Достоевский не слышал речи Бакунина на конгрессе Лиги мира и свободы, состоявшемся в Женеве в 1867 г. (*ЛН*, т. 86, стр. 162).

[3] С приведенными словами учителя перекликаются следующие заметки из записных тетрадей: «составившееся где-нибудь в Швейцарии ложное понятие о состоянии России (о готовности ее к бунту, восстанию и проч.)» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 276).

[4] Е. Кушева. Революционные прокламации Женевской типографии 1869—1870 гг. *ЛН*, т. 41—42, стр. 138.

пародиях Достоевского в «Бесах». Достоевский говорит в «Бесах» о связях Петра Верховенского с вождями швейцарской русской эмиграции немного и не слишком утвердительно, а слухи о контактах с «Интернационалкой» им просто высмеиваются. Позиция автора, видимо, адекватна заявлению Хроникера, намечавшемуся в записных тетрадях: «Я там их дело не знаю в Швейцарии, но сущность направления, философии, смысл действий определены у меня верно: за это ручаюсь» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 93). Весьма характерно и то, что Достоевский, которому, конечно, прекрасно было известно участие Огарева в судьбе Нечаева, не упомянул его имени ни в романе, ни в подготовительных материалах к нему. Материалы записных тетрадей не подтверждают и основной гипотезы Гроссмана: в них имя Бакунина появляется только один раз: «Гр⟨ановски⟩й: „Бакунин — старый гнилой мешок бредней, ему легко детей хоть в нужник нести"» (см.: там же, стр. 116). Это единственное прямое упоминание Бакунина, по всей вероятности, связано с содержанием статьи Г. де Молинари «Международные конгрессы» (*РВ*, 1868, № 10, стр. 462—502). Молинари так излагает здесь содержание выступления Бакунина на конгрессе «Лиги мира и свободы» и других его печатных «программ» и прокламаций: «Уже в „программе русской социалистской демократии", напечатанной в газете „Народность", выходящей в Женеве на русском языке, г. Бакунин высказал содержание *мешка коллективизма или нигилизма* ⟨курсив наш, — *Ред.*⟩. Во-первых, мы находим в ней упразднение права наследства, что недурно для начала; затем мы находим там, как естественное следствие предыдущего, упразднение брака и предоставление попечению общества, сделавшегося всеобщею кормилицею и всеобщим педагогом, содержание детей ⟨...⟩ наконец, мы находим там упразднение религии и разрушение государства, „радикальное искоренение его со всеми его учреждениями, церковными, политическими и гражданскими, университетскими и финансовыми, военными и бюрократическими"» (см.: там же, стр. 490).

Отразилась в «Бесах» и речь французского социалиста Ш.-Ж. Жаклара (1843—1903; муж знакомой Достоевского А. В. Корвин-Круковской) на том же конгрессе — и именно в тенденциозном изложении того же Молинари, который так пересказывает ее: «...свирепый г. Жаклар, по-видимому, произнес против буржуазии Аннибалову клятву, а речь его напоминает нам — увы! — время, предшествовавшее июльским дням. Кто поверит по прошествии одного или двух столетий, что „друзья мира", процветавшие в 1868 году, проповедовали свое учение следующим тоном: „Да, в скором времени произойдет последняя война, но она будет ужасна и направлена против всего существующего, против капитала и буржуазии; эта буржуазия, у которой нет ничего ни в голове, ни в сердце, держится только каким-то балансом, которого и понять нельзя, ввиду стольких немощей. Мое заключение таково, что только на развалинах, не скажу дымящихся их кровью, потому что у них давно нет ее в жилах, но на их развалинах и на их обломках мы в состоянии будем основать социальную республику". А между тем г. Жаклар „друг мира и свободы". Как же он стал бы выражаться, если б он был другом войны и деспотизма» (см.: там же, стр. 498). Липутин следующим образом представляет Кириллова Хроникеру: «Они только наблюдения собирают, а до сущности вопроса или, так сказать, до нравственной его стороны совсем не прикасаются, и даже самую нравственность совсем отвергают, а держатся новейшего принципа всеобщего разрушения для добрых окончательных целей. Они уже больше чем сто миллионов голов требуют для водворения здравого рассудка в Европе, гораздо больше, чем на последнем конгрессе мира потребовали» (см.: наст. изд., т. X, стр. 77). Это место романа Л. П. Гроссман соотносил с речью Бакунина на конгрессе «Лиги мира и свободы», на одном из заседаний которого присутствовал Достоевский (о своих впечатлениях он писал С. А. Ивановой 11 октября 1867 г.). Достоевский в романе специально подчеркивает, что речь идет о «последнем конгрессе мира»: слова Липутина прямо соответствуют содержанию выступления Жаклара.

Не мог не обратить Достоевский внимания и на речь Г. Н. Вырубова, прозвучавшую на конгрессе и отличавшуюся своим атеистическим духом. Молинари, называя доктрину Вырубова «инквизиторской», приводит сле-

дующий отрывок из его речи: «Отделения церкви от государства ⟨...⟩ недостаточно. До тех пор пока существуют религии, тирания не исчезнет на земле. Необходимо освободить ум человеческий устранением от него религиозных идей. Нельзя допускать, чтобы каждый мог избирать себе веру. Человек не имеет права упорствовать в заблуждении. Свобода совести есть только оружие» (*РВ*, 1868, № 10, стр. 495).

Определенный интерес представляет обзор в статье Молинари речей и документов конгресса Международной ассоциации рабочих в Брюсселе, особенно то место, где идет речь о докладе Женевского отдела о специалистах и науке. В докладе говорилось: «...великие принципы утверждены, и от наук вообще уже ожидать нечего, кроме развития частностей» (см.: там же, стр. 475). Молинари, комментируя доклад, так рисует «идеал» объединившихся рабочих: «...„обновленное государство", владеющее почвой, ассоциации рабочих, эксплуатирующие все отрасли производства и распределяющие плоды своей деятельности своим членам сообразно с их трудом, не уделяя ничего капиталу, тирания коего окончательно упразднена, наконец, равномерное распределение труда, определенного принципом „равномерности обязанностей" и обеспеченное „полным обучением", имеющим целью уничтожить *ученые чудовищности* и установить равенство умственных способностей, — вот идеал, к достижению коего стремится Международная ассоциация рабочих» (см.: там же, стр. 475). В «Бесах» наряду с подчеркиванием того, что новейшие нигилисты отрицают пользу искусств и наук, есть и упоминание требований и идеалов объединившихся рабочих: «„Мы выучились ремеслу, и мы честные люди, нам не надо ничего другого" — вот недавний ответ английских рабочих» (см.: наст. изд., т. X, стр. 323).

«Московские ведомости» регулярно знакомили читателей с деталями убийства Иванова и деятельностью организации Нечаева по мере того, как прояснялись обстоятельства дела. В передовой от 8 января газета упоминала статьи о «нигилистической революции в России» в «Kölnische Zeitung», «Ostsee Zeitung», «Neue Preussische Zeitung» и называла имена трех других соучастников убийства: Успенского, Николаева и Кузнецова (*МВед*, 1870, № 5). 11 января газета перепечатала слухи из «Биржевых ведомостей» о деятельности нечаевской организации: «Общество, избравшее себе эмблемою „*топор*", должно было принять громкий титул „*комитета народной расправы*"» (там же, № 8). Эмблему Достоевский запомнил и ввел в роман: в городе распространяются прокламации «с виньеткой, топор наверху нарисован» (см.: наст. изд., т. X, стр. 272). В той же корреспонденции сообщались слухи о Нечаеве и ставился под сомнение факт его бегства за границу. О Нечаеве писала газета в небольшой заметке от 28 января и в пространной статье от 15 февраля: приводилось мнение газеты Рошфора «La Marseillaise» о Нечаеве («Le grande patriote russe»), излагалось письмо Нечаева, появившееся в этом органе (*МВед*, 1870, №№ 22 и 37). Заимствованные из «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» слухи о пребывании Нечаева за границей были опубликованы в заметке от 26 февраля (там же, № 43). В дальнейшем упоминания о Нечаеве и ходе следствия по делу об убийстве Иванова в газетах появлялись редко, вытесненные другими событиями. Новая волна — и неизмеримо более значительная — статей о Нечаеве и обществе «Народная расправа» была вызвана открывшимся 1 июля 1871 г. в Петербургской судебной палате процессом над большой группой молодежи, преимущественно студенческой, в той или иной степени связанной с организацией Нечаева.[1] К тому времени Достоевским уже была опубликована первая часть романа, две главы второй части и в общих чертах намечены продолжение и окончание «Бесов». Это обстоятельство дает основание утверждать, что до середины июля Достоевский использовал материал о нечаевцах в основном из корреспонденций и статей

---

[1] Подбор отзывов из либеральной и консервативной прессы, демонстрирующих «единодушие» большинства печатных органов России, дает М. Е. Салтыков-Щедрин в статье «Так называемое „нечаевское дело" и отношение к нему русской журналистики» (см.: *Салтыков-Щедрин*, т. IX, стр. 191—225, а также комментарии Л. М. Розенблюм, стр. 519—528).

«Голоса» и «Московских ведомостей», хотя и много уделявших места Нечаеву, его деятельности и убийству Иванова, но в целом доставлявших противоречивые, слишком общие сведения, часто просто сбивавшиеся на легенду. Позиция «Московских ведомостей» и специфический тенденциозный подбор материалов о Нечаеве и нечаевцах вне всякого сомнения сыграли большую роль в памфлетной направленности романа на первом этапе писания. В дальнейшем, работая над второй и третьей частью, Достоевский часто и по разным поводам обращался к материалам процесса над нечаевцами. Дело «об обнаруженном в различных местах империи заговоре, направленном к ниспровержению установленного в государстве правительства», слушалось с перерывами до сентября. Подсудимые в зависимости от степени участия в деятельности общества были разделены на 3 группы. Первая и важнейшая группа состояла из помощников Нечаева по убийству — Успенского, Кузнецова, Прыжова, Николаева; других влиятельных членов общества — Ф. В. Волховского, В. Ф. Орлова, М. П. Коринфского; видных революционеров, находившихся в некоторой связи с обществом (П. Н. Ткачев), и тех, кто был лично особенно близок к Нечаеву (Е. Х. Томплова). Приговор по делу этой группы был вынесен 15 июля, а Достоевский вернулся в Петербург после многолетнего пребывания за границей 8 июля 1871 г., когда очередные главы «Бесов» уже сложились. Процесс, однако, давал такой первостепенной важности материал, что Достоевский пошел на введение новых «реалий» в «Бесы». Так, он создает пародию на использовавшееся Нечаевым стихотворение Огарева «Студент» и помещает ее в шестой главе второй части «Петр Степанович в хлопотах» (опубликована в октябрьском номере «Русского вестника» за 1871 г.). Петр Верховенский стремится выдать стихотворение «Светлая личность» за произведение Герцена, но наталкивается на скептическое отношение кружковцев, особенно Липутина: «Я думаю тоже, что и стишонки „Светлая личность" самые дряннейшие стишонки, какие только могут быть, и никогда не могли быть сочинены Герценом» (см.: наст. изд., т. X, стр. 423). На процессе о стихотворении «Студент» говорил В. Д. Спасович, отвергавший авторство Н. П. Огарева: «Хотя Огарев не первостепенный поэт, но стихи эти до такой степени слабы и плохи, что трудно предполагать, чтобы даже и на старости лет они вышли из-под пера Огарева ⟨...⟩ скорее суздальское изделие, отпечатанное подпольно ручным станком в Москве, С.-Петербурге или за границей, где, по словам Нечаева, готовились кой-какие оттиски» (см.: *Спасович,* стр. 144—145). Возможно, Достоевский был склонен разделять мнение Спасовича.

Фигура Петра Верховенского еще до начала процесса сложилась в творческом воображении автора как фигура «мошенника» и политического честолюбца (см. письмо Достоевского к М. Н. Каткову от 8 ноября 1870 г.). Наиболее существенные для понимания тактики и принципов Нечаева записи «*Принципы Нечаева*», «Взгляд Нечаева на ход внутренней политики» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 262—264, 269—273) датируются временем ранее июля 1871 г. Программа Нечаева, в общих чертах намеченная в заметках под рубрикой «О том, чего хотел Нечаев», «могла быть записана Достоевским не раньше июля 1871 года, если он ознакомился с ней только по опубликованным отчетам процесса нечаевцев, где она оглашалась ⟨...⟩ Но, может быть, он знал ее еще раньше» (см.: *Коншина,* стр. 440). Так или иначе заметки от 13 мая «*Принципы Нечаева*» в сущности мало чем отличаются от программы «О том, чего хотел Нечаев». И все же материалы процесса помогли автору точнее сформулировать главные принципы Петра Верховенского, доставив ряд дополнительных «частных» деталей. Более того, процесс способствовал углублению образа Верховенского, который из хлестаковствующего,[1] бес-

---

[1] С Хлестаковым сравнивал Нечаева Спасович, возможно, не без влияния первой части «Бесов»; сравнение было подхвачено и развито «С.-Петербургскими ведомостями»: «Хлестаков, знакомый с посланниками, Хлестаков, которому караул выбегает отдавать честь, Хлестаков, написавший всю русскую литературу, — это прототип Нечаева, это великий образец, который Нечаев копировал...» (*СПбВед*, 1871, 13 июля, № 190).

прерывно лгущего, «комического» лица вырастает в фигуру зловещую, мрачную и даже демоническую.

О Нечаеве на процессе говорилось, естественно, очень много. За исключением Енишерлова, у которого были личные серьезные основания ненавидеть Нечаева,[1] подсудимые отзывались о нем с уважением, хотя и не без горечи. Даже более остальных разочаровавшийся в Нечаеве Кузнецов показывал, что Нечаев «о положении народа... говорил с страшным энтузиазмом, и видно было, что во всяком его слове была искренняя любовь» (*ПВ*, 1871, 2 июля, № 156). Ему вторили Николаев, Прыжов,[2] Риппман[3] и другие. Особенно восторженно говорил о Нечаеве Успенский: «Нечаев обладал страшной энергией и производил большое влияние на лиц, знавших его. Он был верен своей цели, очень предан своему делу и личной вражды ни к кому не имел» (*ПВ*, 1871, 4 июля, № 158). «Что касается нравственных его качеств, то он производил впечатление человека полнейшей преданности делу и той идее, которой он служил. Сведениями он обладал громадными и умел чрезвычайно ловко пользоваться своими знаниями. Поэтому мы относились к нему с полнейшим доверием» (там же, 10 июля, № 163). Личность Нечаева заинтересовала и адвокатов; их речи, особенно речь В. Д. Спасовича, имевшая огромный резонанс и успех, дают любопытные и глубокие «психологические» этюды о Нечаеве. Спасович представил Нечаева личностью демонической, человеком легендарным. «Хотя Нечаев — лицо весьма недавно здесь бывшее, однако он походит на сказочного героя. ⟨...⟩ Он возымел еще в январе 1869 г. мысль гениальную, он задумал (живой человек) создать самому для себя легенду, сделаться мучеником и прослыть таковым на всю землю русскую ⟨...⟩ вранье явилось в нем, по всей вероятности, потому, что в плане его действий была ложь как средство для достижения известной цели; но известно, что такое средство весьма опасно действует на характер. Оно до такой степени входит в плоть и кровь лжеца, что сей последний незаметно привыкает употреблять ее потом без всякой нужды, просто из любви к искусству. ⟨...⟩ Этот страшный, роковой человек всюду, где он ни останавливался, приносил заразу, смерть, аресты, уничтожение. Есть легенда, изображающая поветрие в виде женщины с кровавым платком. Где она появится, там люди мрут тысячами. Мне кажется, Нечаев совершенно походит на это сказочное олицетворение моровой язвы» (см.: *Спасович*, стр. 141—153). Соколовский (защитник Дементьевой) утверждал, что Нечаев «ничтожная на самом деле личность». Полемизируя со Спасовичем, он говорил: «Я готов до некоторой степени согласиться с г. Спасовичем, что Нечаев это Хлестаков, но не могу согласиться, что это Протей, что это дьявол. Я просто вижу в нем человека с болезненным самолюбием» (*ПВ*, 1871, 15 июля, № 167). Достоевский, создавая образ Петра Верховенского, прототипом которого послужил Нечаев, избежал крайностей в оценках Нечаева, характерных для Спасовича и Соколовского: его «политический честолюбец» щедро наделен хлестаковскими чертами, энергией, самолюбием, но этим его суть не исчерпывается. В несколько неожиданном свете является он в главе «Иван-Царевич». В нем проступают дьявольские черты, ощутимое тяготение к красоте, поэзии, легенде. Вообще в облике Верховенского ощутимы некоторая двойственность и загадочность, неизбежно влекущие за собой недосказанность. Можно с уверенностью сказать, что эта двойственность родилась под влиянием материалов процесса. Перемена в от-

[1] Н. Пирумова приводит место из воспоминаний Г. Енишерлова, объясняющее мотивы, по которым тот ненавидел Нечаева (см.: *Прометей*, т. 5, стр. 180).

[2] «Я прожил 40 лет, встречался со многими литераторами, учеными, вообще с людьми, известными своею деятельностью, но такой энергии, как у Нечаева, я никогда не встречал и не могу представить себе» (*ПВ*, 1871, 10 июля, № 163).

[3] «Нечаев показался ему в высшей степени сильным, энергическим человеком, обладающим большим даром убеждения. ⟨...⟩ Подсудимый совершенно верил Нечаеву, как вообще верил в таких людей, которые задаются хорошими целями» (*ПВ*, 1871, 21 июля, № 172).

ношении Достоевского к своему герою нашла особенно яркое отражение в набросках к роману: «Необыкновенный по уму человек, но легкомыслие, беспрерывные промахи даже в том, что бы он мог знать. Обидчивость и невыдержанность характера. Если б он был с литературным талантом, то был бы не ниже никого из наших великих критиков-руководителей начала шестидесятых годов. Он писал бы, конечно, другое, чем они, но эффект произвел бы тот же самый. 〈...〉 Он и теперь действует за границей и говорит обаятельно. Он понял, например, что Кириллову ужасно трудно застрелить себя и что он верует, пожалуй, „пуще попа".

Он очень остроумно развивал свой план Ставр〈огину〉 и умно смотрел на Россию. Только странно всё это: он ведь серьезно думал, что в мае начнется, а в октябре кончится. Как же это назвать? Отвлеченным умом? Умом без почвы и без связей — без нации и без необходимого дела? Пусть потрудятся сами читатели» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 303). Правда, уже после завершения «Бесов» суд над Нечаевым и его последнее слово разочаровали Достоевского, не увидевшего в нем лица, соответствовавшего совершенному злодейству: «Можно прожить подле факта тридцать лет, считать его за самую обыкновенную вещь, за решенную вещь, знать его (действительно), рассуждать, писать об нем и вдруг после тридцати лет посмотреть на него как на неожиданное явление. Так в последнее время удивил меня процесс Нечаева. Вот уж, кажется, следил за делом, ведь даже писал о нем и вдруг — удивился. Никогда я не мог представить себе, чтобы это было так несложно, так однолинейно глупо. Нет, признаюсь, я до самого последнего момента думал, что все-таки есть что-нибудь между строчками, и вдруг — какая казенщина! Какая гимназия. Ничего не мог я себе представить неожиданнее. Какие восклицания, какой маленький-маленький гимназистик. Да здравствует Земский собор, долой деспотизм! Да неужели же он ничего не мог умнее придумать в своем положении» (см.: наст. изд., т. XX).

Однако в то время, когда Достоевским создавались вторая и третья части «Бесов», он внимательнейшим образом читал отчеты о процессе, додумывая то, что могло скрываться «между строчками», и Нечаев менее всего представлялся ему «маленьким-маленьким гимназистиком». Судебная хроника помогла ему дорисовать облик Верховенского, охарактеризовав тактику «главного беса» и отношение его к товарищам по кружку.

Очевидно, Достоевский обратил внимание на показания Г. Енишерлова, подчеркнувшего цинизм взглядов Нечаева не только на людей, принадлежащих к миру, осужденному на разрушение, но и к студенчеству, недовольство которого он стремился использовать в своих целях. «Я находил всегда Нечаева в озлобленном и скептическом настроении человека, — показывал Енишерлов, — которому не удалось предпринятое дело, который не услышал сочувственного отклика. По его выражению, русское общество состоит из холопов, в которых не вспыхнет революционная искра, как бы ее ни раздували. Из этого общества студенческая среда наиболее благоприятна революционной пропаганде; но и в ней пропаганда тогда только будет иметь успех, когда скроется на первых порах под каким-нибудь лично студенческим делом» (*ПВ*, 1871, 9 июля, № 162). Достоевский в «Бесах» развивает эту нечаевскую мысль, утрирует ее, представляя жизненным кредо Верховенского: «Неужели вы до сих пор не понимали, Кириллов, с вашим умом, что все одни и те же, что нет ни лучше, ни хуже, а только умнее и глупее; и что если все подлецы (что, впрочем, вздор), то, стало быть, и не должно быть неподлеца!» (см.: наст. изд., т. X, стр. 468). В деятельности Нечаева бросается в глаза одна черта, вызывавшая недоумение у его последователей. «Нечаев явился к нам в качестве агента Женевского общества, и те бланки и прокламации, которые он принес, заставляли нас думать, что он действительно лицо доверенное, и приход его ко мне в качестве ревизора от Женевского комитета еще более меня в этом убедил. Всё это заставляло думать, что дело происходит в громадных размерах, между тем как тут был обман, автором которого был Нечаев, а обманутыми были мы», — говорил на суде ближайший помощник Нечаева Успенский (*ПВ*, 1871, 4 июля, № 158). И хотя Успенский пытается представить Нечаева и его поступки в лучшем, благородном свете, достигает

он как раз обратного результата. «Нечаеву в погоне за своей целью, — говорил Успенский, — в его безустанной работе некогда было заниматься какими бы то ни было личными отношениями к кому бы то ни было. Правила революционера, которыми Нечаев был проникнут до мозга костей, положительно запрещали всякую личную месть, хотя бы она была и полезна для общества.[1] Наконец, смею думать, Нечаев был настолько *человек*, что никогда не решился бы пожертвовать человеческою жизнью из-за личного неудовольствия. Во всяком случае я не замечал в нем никакой вражды» (там же, 16 июля, № 168). Буквальное следование «правилам революционера», пренебрежение ко всему «личному» были характерны для Нечаева, в системе которого остро дают о себе знать догматизм и диктаторско-генеральское отношение главы к подчиненным членам организации. «Этими товарищами, — тонко заметил Спасович, — он мог руководить своими словами, личным своим авторитетом; но этого было ему мало: он привык командовать и не мог терпеть рассуждений. И вот для достижения этой цели, для усиления своей власти он созидал и ставил за своими плечами целый ряд призраков. ⟨...⟩ Нечаев был человек, который предпочитал спокойно властвовать и командовать, нежели рассуждать. Привычка генеральствовать как будто была врождена ему, та привычка, в которой он обвинял всех тех, которые его расспрашивали об обществе» (см.: *Спасович*, стр. 152, 165). Узость и однолинейность тактики Нечаева Достоевский прямо переносит в роман; характерно резюме Хроникера по поводу тактики Верховенского: «Петр Степанович несомненно был виноват пред ними: всё бы могло обойтись гораздо согласнее и *легче*, если б он позаботился хоть на капельку скрасить действительность. Вместо того чтобы представить факт в приличном свете, чем-нибудь римско-гражданским или вроде того, он только выставил грубый страх и угрозу собственной шкуре, что было уже просто невежливо. Конечно, во всем борьба за существование, и другого принципа нет, это всем известно, но ведь все-таки...» (см.: наст. изд., т. X, стр. 421). На процессе приглушенно прозвучал один мотив (точнее, подозрение), который Достоевский не преминул развить в «Бесах». В уже цитированном показании Г. Енишерлов писал, что Нечаев скомпрометировал многих студентов, «втолкнув *вполне умышленно* в казематы сотни людей, если чем-либо виноватых, то единственно своею доверчивостью и благодушием», и достаточно прозрачно намекнул на возможные связи Нечаева с III Отделением (*ПВ*, 1871, 9 июля, № 162). Предположение Енишерлова заинтересовало Спасовича: «Читались показания студента Енишерлова, который дошел до того, что подозревал, не был ли Нечаев сыщиком. Я далек от этой мысли, но должен сказать, что если бы сыщик с известною целью задался планом как можно более изловить людей, готовых к революции, то он действительно не мог искуснее взяться за это дело, нежели Нечаев» (см.: *Спасович*, стр. 153).[2] «Шпионом» называет Петра Верховенского Шатов. О доносе и возможных доносчиках нервно дебатируют на первом собрании «у наших». Наконец, между Ставрогиным и Петром Верховенским происходит весьма характерный разговор на ту же тему:

«А слушайте, Верховенский, вы не из высшей полиции, а?

— Да ведь кто держит в уме такие вопросы, тот их не выговаривает.

— Понимаю, да ведь мы у себя.

— Нет, покамест не из высшей полиции» (см.: наст. изд., т. X, стр. 300).

---

[1] Петр Верховенский расправляется с Шатовым не только потому, что надеется таким образом склеить пятерки, но и по личным мотивам, мстя за старое оскорбление.

[2] Показание Енишерлова отражено в брошюре «Альянс...»: «Енишерлов заявил даже, что он начал смотреть на Нечаева, как на правительственного агента» (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18, стр. 405). Ф. Энгельс в письме Т. Куно приходит к тому же выводу, что и Спасович: «Нечаев ⟨...⟩ либо русский агент-провокатор, либо, во всяком случае, действовал как таковой...» (см.: там же, т. 33, стр. 332). Даже Бакунин заподозрил на мгновение Нечаева в провокаторстве.

Достоевский развил по-своему и другой мотив, часто звучавший на процессе и неразрывно связанный с высказанным предположением о Нечаеве как о сыщике: речь идет о внедрявшемся Нечаевым принципе взаимного шпионажа одного члена общества за другим. Об этом на суде говорил Ф. Ф. Рипман: «Вскоре после того как мы дали согласие, Нечаев начал запугивать нас, если можно так выразиться, властью и силою комитета, о котором он говорил, что будто он существует и заведует нами. Так один раз Нечаев пришел к нам и сказал, что сделалось комитету известно, что будто кто-то из нас проговорился о существовании тайного общества. Мы не понимали, каким образом могло это случиться. Он сказал: „Вы не надейтесь, что вы можете притворяться и что комитет не узнает истины: у комитета есть полиция, которая очень зорко следит за каждым членом". При этом он прибавил, что если кто из членов как-нибудь проговорится или изменит своему слову и будет поступать вопреки распоряжениям тех, кто стоит выше нашего кружка, то комитет будет мстить за это» (*ПВ*, 1871, 21 июля, № 172). У Петра Верховенского также на каждого члена «пятерки» заведено дело; создан штат подкупленных агентов вроде Агафьи, служанки Липутина. Необходимость шпионства, которым на практике пользуется Верховенский, обоснована у Шигалева: «У него хорошо в тетради ⟨...⟩ у него шпионство. У него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом» (см.: наст. изд., т. X, стр. 322).

На провозглашенный Нечаевым принцип крови, скрепляющий организацию (на нем специально останавливался Спасович [1]), опирается Верховенский, чью потаенную мысль излагает Ставрогин: «Всё это чиновничество и сентиментальность — всё это клейстер хороший, но есть одна штука еще получше: подговорите четырех членов кружка укокошить пятого, под видом того, что тот донесет, и тотчас же вы их всех пролитою кровью, как одним узлом, свяжете. Рабами вашими станут, не посмеют бунтовать и отчетов спрашивать» (см.: наст. изд., т. X, стр. 299).

Отразились в романе даже совсем «частные» факты, имеющие отношение к Нечаеву, как например пренебрежительная и развязная манера поведения. И. Н. Лихутин (имя которого созвучно имени Липутина в романе) показал, что на одном собрании кружка «Нечаев заснул, сидя в кресле, и его пришлось расталкивать...» (*ПВ*, 1871, 18 августа, № 196). Верховенский ведет себя среди «наших» крайне небрежно, фамильярно: сидит развалившись в кресле, пьет коньяк и, попросив ножницы, стрижет «свои длинные и нечистые ногти» (см.: наст. изд., т. X, стр. 311).

Материалы процесса побудили Достоевского, по всей вероятности, ввести в роман ряд персонажей — соучастников убийства: Толкаченко, в облике которого явно карикатурно преломлены некоторые черты И. Г. Прыжова, и Эркеля, прототипом которого, как установил Ф. И. Евнин, послужил Н. Н. Николаев (см.: *Творчество Достоевского*, стр. 232). Сама фамилия Толкаченко, видимо, возникла в результате знакомства писателя с речью Спасовича: «Вспомним то место ⟨«Катехизиса революционера»⟩, в котором говорится о разбойничьем люде, который надо вербовать. Эта мысль беспрерывно вертится на уме у Нечаева, когда он приехал в Москву; с этою целью знакомится он с Прыжовым, с этим добряком, простым как дитя, с этим фантазером, любящим *толкаться* между народом без всякой определенной задачи. Вспомните, что Нечаев пытался создать кружок около Прыжова для вербования публичных женщин, жуликов и тому подобного люда» (см.: *Спасович*, стр. 150; курсив наш, — *Ред.*).[2]

---

[1] «Что касается до укрепления дела кровью, то я вполне понимаю это изречение Нечаева. Союз был скреплен, но только между четырьмя убийцами, связавшимися друг с другом ⟨...⟩ но эта кровь не скрепила организации. Великие и благородные дела, совершаемые во имя блага народа, никогда не цементируются невинною, напрасно пролитою кровью» (*Спасович*, стр.172).

[2] М. С. Альтман доказал, что «украинская» фамилия героя Достоевского Толкаченко восходит к слову «толкач» (по-украински «товкач»). Оно озна-

Достоевский прошел, однако, мимо личной трагедии и драматических обстоятельств жизни, тех фактов, фигурировавших на процессе, которые рисовали личность Прыжова в мягком и страдальческом свете. Не попала в роман и одна многознаменательная деталь, так часто упоминавшаяся на суде, — странный и загадочный выстрел Нечаева в Прыжова. Достоевский ввел в роман лишь некоторые внешние факты, но отказался от углубленной разработки образа, избрав путь карикатуры.

Хроникер, повествуя о поведении Толкаченко на суде, не объясняет, а только констатирует известное. Формально он точно передает показания Прыжова и тон его выступлений: Прыжов держался во время процесса мужественно и честно по отношению к товарищам, не чуждался и красноречия. Но Хроникер толкует его поведение по-своему: «Толкаченко арестованный где-то в уезде, дней десять спустя после своего бегства, ведет себя несравненно учтивее, не лжет, не виляет, говорит всё, что знает, себя не оправдывает, винится со всею скромностию, но тоже наклонен покраснобайничать; много и с охотою говорит, а когда дело дойдет до знания народа и революционных (?) его элементов, то даже позирует и жаждет эффекта» (см.: наст. изд., т. X, стр. 512).

Иначе использовал Достоевский материалы процесса, касавшиеся Николаева, который заинтересовал писателя своей «безличной» типичностью, почему он специально и остановился на психологической характеристике молоденького нигилиста Эркеля. Его показания и выступления отличались искренностью и прямодушием. Он без утайки рассказал, почему стал предан Нечаеву и какие между ними установились отношения. Один из моментов рассказа Николаева отразился в «Бесах» в сценах прощания Эркеля и Верховенского и последнего разговора Липутина и Верховенского: «Он сказал мне, что знает уже об аресте Успенского, что все остальные уже также арестованы и что теперь положительно он не знает, что ему делать. Когда Нечаев сказал мне все это, то тут я в первый раз решился спросить его о том, действительно ли существует комитет и не заключается ли он на самом деле в самом Нечаеве? Не отвечая утвердительно на мой вопрос, он говорил мне, что все средства позволительны для того, чтобы завлечь людей в дело, что правило это существует и за границей, что следует ему Бакунин, а равно и другие, и что если такие люди подчиняются этому правилу, то понятно, что и он, Нечаев, может поступать таким образом. Все это страшно меня поразило...» (*ПВ*, 1871, 3 июля, № 157). Липутин уже после убийства Шатова спрашивает Верховенского: «... одна ли мы пятерка на свете или правда, что есть несколько сотен пятерок». Верховенский прямо на этот вопрос не отвечает, но в сущности подтверждает подозрения Липутина. Тревожной нотой («Что-то другое начинало царапать его бедненькое сердце...») завершается прощание Верховенского с Эркелем (см.: наст. изд., т. X, стр. 464, 479). Как о безгранично преданном Нечаеву человеке говорил о Николаеве прокурор Половцов: «Несмотря на все те несчастья, которые постигли Николаева, он по-видимому ⟨...⟩ остался верен Нечаеву до настоящего времени. Все подсудимые порицали его, все видят в нем лжеца, человека, который лишь помощью обмана, самого непостижимого обмана втянул их в это дело. Один Николаев не говорит этого, он молчит, и в продолжительном показании, данном им по этому делу, он допустил лишь несколько слов, которыми как бы указал на некоторые свои недоумения. ⟨...⟩ Он делается его слугой, его работником, его вещью, он следует за ним как тень и исполняет все его приказания: ему говорят — ступай туда, он идет, записывай — записывает, переписывай — переписывает, говорят убей — он убивает. ⟨...⟩ Он всецело верил тому, что Нечаев ему говорил, и согласен был сделать все, что Нечаев ему прикажет, не потому, чтобы это было хорошо или нужно было сделать, а потому, что это сказал Нечаев» (*ПВ*, 1871, 10 июля, № 163; 11 июля, № 164).

чает целовальника; тем самым этимология слова прозрачно намекает на автора «Истории кабаков в России» (М. Альтман. И. Г. Прыжов. М., 1932, стр. 137—138; ср. далее, стр. 232—233).

Роль Николаева в обществе и убийстве, как она ясно обрисовалась на процессе, была сугубо исполнительной; таковы же функции Эркеля в организации Верховенского. Для того чтобы точнее выделить и определить сущность Эркеля как типичного представителя особого разряда революционеров-исполнителей, Достоевский специально усиливает контраст: «милый мальчик» Эркель, нежно любящий мать, добрый, преданный, восторженный и застенчивый, в то же время отличается холодной жестокостью фанатика, не знающего жалости.

Если фигуры Эркеля, Толкаченки, в значительной степени Петра Верховенского очевидно восходят к реальным прототипам — Николаеву, Прыжову, Нечаеву, то того же нельзя сказать о других персонажах романа: Липутине, Виргинском, Лямшине, Шигалеве, Шатове. У них нет определенного прототипа или их насчитывается несколько. Так, в Липутине ощутимы некоторые черты Успенского, но в основном он ориентирован на старого знакомца Достоевского, историка литературы и критика А. П. Милюкова; в Шигалеве отражены отдельные детали поведения Кузнецова на процессе и его отношение к убийству, но в записных тетрадях он везде автором называется Зайцевым по имени критика «Русского слова»; в Виргинском преломились одновременно черты Успенского и Кузнецова, в основном же он больше похож па петрашевца, чем на нечаевца. Шатов только трагической судьбой схож с Ивановым; во всем остальном он представляет тип разуверившегося нигилиста, перескочившего в другую крайность; в этом смысле его «прототипами» могут быть названы В. И. Кельсиев, Н. Я. Данилевский и отчасти сам Достоевский.

На процессе были оглашены, помимо «Катехизиса революционера», следующие документы пропагандистского и организационного характера: «Общие правила организации», «Общие правила сети для отделений», «Книга протоколов кружка, состоявшего из лиц: Успенского, Прыжова, Беляевой, Иванова и Кузнецова», воззвание «К обществу», прокламация «От сплотившихся к разрозненным», «Программа революционных действий» с указанием сроков будущего восстания и рекомендацией в ближайшее время выработать «правила революционеров», прокламация Нечаева к студентам Университета, Медико-хирургической академии и Технологического института в Петербурге, прокламация Бакунина к русским студентам, письма и записи в дневниках подсудимых. Что касается «Воззвания к русскому дворянству из Брюсселя» и изданий общества «Народная расправа», то, ввиду того что в них оскорблялась особа государя императора, они зачитывались при закрытых дверях.

Со многими из этих документов Достоевский был знаком до процесса, по большей части в тенденциозном изложении «Московских ведомостей» и «Голоса». Вероятно, ему были известны и некоторые издания «Народной расправы». Так, в «Бесах» в ответ на язвительную реплику хромого учителя: «Начнешь пропагандировать, так еще, пожалуй, язык отрежут» — Петр Верховенский заверяет «сильную губернскую голову»: «Вам непременно отрежут...» (см.: наст. изд., т. X, стр. 314). Несомненно, что здесь содержится намек на угрозу «лишения языка» литераторов-доносчиков, содержащуюся в статье «Взгляд» («Народная расправа», 1869, № 1).

Из документов, зачитывавшихся в зале суда, Достоевского, видимо, привлекла прокламация «От сплотившихся к разрозненным» как радикализмом, так и слогом (в «Бесах» вообще тонко и пристрастно пародируется стиль прокламаций, «поэтических» и прозаических): «Признаки того, что заря желанных дней займется, ясны для каждого, кто не подличает своим умом и не отворачивается от бьющих глаза фактов озлобления, и сознательное негодование прямо высказывается мужиком при встрече со всякой честно высматривающей личностью. Не видят и не слышат только те из нас, которых от народа отделяет пропасть, только те, которые продали дорогое будущее за милую минуту настоящего. Тем хуже для них. Во дни расправы масса раздавит их вместе с своими палатами» (*ПВ*, 1871, 9 июля, № 162). Как знаменательный факт, свидетельствующий не то о наивности, не то о самоуверенности, воспринял Достоевский надежды на непременное восстание весной

1870 г., так чтобы осенью все кончилось победой («Программа революционных действий»).

Наибольший интерес для Достоевского представлял «Катехизис революционера». Близость практической программы Петра Верховенского и проповедуемых им основ революционной организации к «Катехизису» отмечалась неоднократно исследователями романа.[1] Действительно, Достоевский в «Бесах» как бы «реализует» все теоретические пункты «Катехизиса». Деятельность Петра Верховенского и других «бесов» по организации беспорядков, хаоса в городе, хладнокровная и циничная эксплуатация в этих целях «либеральствующей» губернаторши Юлии Михайловны, ее недалекого мужа Лембке, заигрывающего с молодым поколением писателя Кармазинова, компрометация и опутывание сплетнями и интригами городских обывателей, использование уголовных элементов, поджоги, убийства, скандалы, богохульства — все это как бы иллюстрирует положения «Катехизиса» и других «поджигательных» прокламаций. «Мы провозгласим разрушение... почему, почему, опять-таки, эта идейка так обаятельна! Но надо, надо косточки поразмять. Мы пустим пожары... Мы пустим легенды...» — в упоении выкликает Петр Верховенский (см.: наст. изд., т. X, стр. 325). «Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и *даже самой чести* ⟨курсив наш, — ***Ред.***⟩ должны быть задавлены в нем ⟨революционере, — ***Ред.***⟩ единою холодною страстью революционного дела», — формулировал «Катехизис» (см.: *Государственные преступления,* стр. 184). Достоевский особо приметил этот ригоризм и фанатизм «Катехизиса», дерзкий вызов всем моральным устоям «поганого общества». Кармазинов произносит в романе монолог о «чести»: «Сколько я вижу и сколько судить могу, вся суть русской революционной идеи заключается в отрицании чести. Мне нравится, что это так смело и безбоязненно выражено. ⟨...⟩ Русскому человеку честь одно только лишнее бремя. Да и всегда было бременем, во всю его историю. Открытым „правом на бесчестье" его скорей всего увлечь можно» (см.: наст. изд., т. X, стр. 288). «Революционер — человек обреченный», — провозглашал «Катехизис» (см.: *Государственные преступления,* стр. 183). Он «беспощаден для государства», и от него никто «не должен ждать для себя никакой пощады» (см.: там же, стр. 184). В «Бесах» обреченности революционеров соответствует слово «отчаяние», многократно подчеркнутое: к «отчаянию» приходит Шигалев и в «отчаяние» собираются ввергнуть страну новые революционеры. Пародируются в романе бюрократически-диктаторские, иерархические правила организации и тактика «Народной расправы», подразделение всего общества на несколько категорий, подлежащих уничтожению или использованию, в качестве материала для достижения главной цели: «Нет ничего сильнее мундира. Я нарочно выдумываю чины и должности: у меня секретари, тайные соглядатаи, казначеи, председатели, регистраторы, их товарищи — очень нравится и отлично принялось. Затем следующая сила, разумеется, сентиментальность. ⟨...⟩ Затем следуют чистые мошенники; ну, эти, пожалуй, хороший народ, иной раз выгодны очень, но на них много времени идет, неусыпный надзор требуется» (см.: наст. изд., т. X, стр. 298).

Верховенский — практик, а не идеолог и теоретик: он претворяет в жизнь «устав», написанный Ставрогиным, организуя пятерки. «Впрочем, вы сами устав писали, вам нечего объяснять», — говорит он ему. Именно такую роль приписывал Нечаеву Спасович,[2] обсуждая вопрос о возможном авторе «Ка-

---

[1] См.: *Д, Письма,* т. II, стр. 484—485 (комментарий А. С. Долинина); ***1956,*** т. VII, стр. 726—727; ***Творчество Достоевского,*** стр. 228—229 (комментарий Ф. И. Евнина).

[2] Достоевский в статье «Мечты и грезы» вскользь упоминает, что он «человек непрактический», добавляя затем в скобках, что «теперь, после известной недавней речи г-на Спасовича, в этом даже лестно признаться». Достоевский подразумевает здесь речь Спасовича на процессе А. И. Пальма (*СПб Вед*, 1873, 30 апреля, № 17), но вполне вероятно, что он одновременно

техизиса»: «Нечаев был прежде всего революционер дела. ⟨...⟩ Между тем в авторе катехизиса мы видим теоретика, который на досуге, вдали от дела, сочиняет революцию, графит бумагу, разделяет людей на разряды по этим графам, одних обрекает на смерть, других полагает ограбить, третьих запугать и т. д. Это чистейшая, отвлеченная теория. Я вижу в содержании этого катехизиса большое сродство, так сказать, химическое, с образом мыслей Нечаева ⟨...⟩ я полагаю, что катехизис есть эмиграционное сочинение, произведшее на Нечаева известное впечатление и принятое им во многих частях в руководство. Я не смею приписывать его Бакунину; но во всяком случае происхождение его эмиграционное» (см.: *Спасович,* стр. 149—150).

Программу действий Верховенский заимствует у Шигалева, освобождая от излишней теоретичности его идею, отстаивая «практический» вариант шигалевщины, в которой ученые находили много сходного с теоретическими положениями, изложенными в статье «Главные основы будущего общественного строя» [1] и в статьях П. Н. Ткачева. [2] Такое сходство не может быть названо случайным, хотя, скорее всего, Достоевский не имел в виду непосредственно статей Нечаева или Ткачева; во всяком случае нет реальных оснований утверждать, что он их непременно читал и использовал в романе. Несомненно другое. В «Бесах» гневно и зло пародируются и многие широко бытовавшие в Западной Европе и России конца 1860-х годов бланкистские и анархические лозунги уравнения умов, отмены права наследства («старый сен-симонистский хлам», по выражению Маркса), уничтожения религий, государства, брака, семьи, характерное для крайне левых революционных течений вульгарно-казарменное представление о будущем обществе. Достоевский не ограничивается пародией на отдельные, особенно эпатирующие лозунги из тех прокламаций, которые «с содроганием» распространяет капитан Лебядкин: «Запирайте скорее церкви, уничтожайте бога, нарушайте браки, уничтожайте права наследства, берите ножи» (см.: наст. изд., т. X, стр. 212—213). В речах Шигалева он создает пародию на мелкобуржуазные революционные теории.

Вяч. Полонский высказывал мнение, что «теория Шигалева есть крепко сделанная, обобщенная пародия на сен-симонизм, фурьеризм, кабетизм, т. е. на мечту утопического социализма о будущей мировой гармонии, о рае на земле...» (см.: *Спор о Бакунине и Достоевском,* стр. 173). Обобщенность и пародийность теории Шигалева вне сомнения. Достоевский пародийно переосмысляет также различные более ранние социальные системы и утопии, включая Платона и Руссо, поскольку в этих утопиях наличествовал элемент уравнительности и регламентации. Хромой учитель не случайно предлагает вспомнить, «что у Фурье, у Кабета особенно и даже у самого Прудона [3] есть множество самых деспотических и самых фантастических предрешений вопроса» (см.: наст. изд., т. X, стр. 313). В этом смысле особенно интересна «Икария» Э. Кабе — «самого популярного, хотя и самого поверхностного представителя коммунизма» в 1840-х годах (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 146). По словам

имеет в виду и то место в речи адвоката (защита Кузнецова), где говорится о Нечаеве-практике (*ДП*, 1873, гл. XI).

[1] «Идеальная, по Нечаеву, организация общества и в самом деле напоминает страницы Достоевского» (см.: *Пирумова,* стр. 323).

[2] Б. П. Козьмин, отмечая идейное родство «шигалевщины» и «уравнительных» тезисов П. Н. Ткачева в «Примечаниях к Бехеру», был склонен предполагать знакомство Достоевского с этой работой (Б. Козьмин. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. Изд. «Новый мир», М., 1922, стр. 119—120).

[3] Выделение из этого ряда «утопистов» Прудона, вероятно, навеяно замечанием Н. Н. Страхова о том, что «у Прудона всего меньше было мечтаний о новом устройстве общества и всего больше *критики* существующего порядка...» (см.: Н. Страхов. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки, кн. 1. СПб., 1882, стр. 82).

Н. М. Дебу, Достоевский, еще будучи членом кружка Петрашевского, говорил, «что жизнь в Икарийской коммуне или фаланстере представляется ему ужаснее и противнее всякой каторги» (см.: *Биография,* стр. 92). Утопия Кабе действительно характеризуется регламентацией многочисленных подробностей жизни в будущем обществе: одинаковая одежда, одинаковые дома, строгое законодательство о браке и семье, устраняюшее ревность и адюльтер, упорядочение самой природы, предусматривающее существование только полезных деревьев и коллективную охоту на одно вредное насекомое и одну вредную птицу, строгий надзор за деятельностью театров, литературы, прессы, вплоть до сжигания на костре всех прежних вредных книг. Кабе предусматривал в Икарии существование полиции, внимательно следящей за соблюдением законов: «Нигде вы не найдете такой многочисленной полиции; ибо наши должностные лица и даже все наши граждане обязаны следить за выполнением законов и преследовать или оговаривать все преступления, свидетелями которых они являются» (см.: *Кабе,* стр. 245). В Икарии Кабе все устроено таким образом, чтобы осуществлялось главное «правило», которое гласит: «прежде всего необходимое, затем полезное и в заключение приятное» (см.: там же, стр. 87). Достоевский вводит в «Бесы» в усеченном и окарикатуренном виде «правило» Кабе: «Необходимо лишь необходимое — вот девиз земного шара отселе» (см.: наст. изд., т. X, стр. 323). Преднамеренно среди устроителей различных социальных систем назван и Платон: в период работы Достоевского над «Бесами» он, по особым причинам внимательно прочитывавший «Зарю», не мог пройти мимо рецензий на книги А. Сюдра «История коммунизма» (СПб., 1870) и Д. Щеглова «История социальных систем от древности до наших дней» (СПб., 1870), в которых подробно излагалась утопия Платона по его книге «Политика, или Государство» («Заря», 1870, № 4, стр. 132—136; № 5, стр. 173—185). Анонимный рецензент книги А. Сюдра (возможно, Н. Страхов) называет утопию Платона «замечательнейшим из коммунистических проектов» (см.: там же, № 4, стр. 133). А. Д. Градовский в рассуждениях по поводу книги Д. Щеглова останавливается на отличительных чертах утопии Платона, который «имеет в виду осуществление высшего нравственного порядка на земле и потому отдает личность в полное распоряжение государства» (см.: там же, № 5, стр. 180). Шигалев Платона называет в числе других выдвигавших проекты социального устройства мыслителей, которые «были мечтатели, сказочники, глупцы, противоречившие себе, ничего ровно не понимавшие в естественной науке и в том странном животном, которое называется человеком». Но в окончательных выводах своей новейшей теории «земного рая» Шигалев как бы подтверждает справедливость размышлений Платона о неминуемом перерождении демократии в тиранию: «... излишняя свобода естественно должна переводить как частного человека, так и город не к чему другому, как к рабству», «естественно... чтобы тирания происходила не из другого правления, а именно из демократии, то есть из высочайшей свободы, думаю,— сильнейшее и жесточайшее рабство», «чернь, убегая от дыма рабства, налагаемого людьми свободными, попадает в огонь рабов, служащих деспотизму, и вместо той излишней и необузданной свободы подчиняется тягчайшему и самому горькому рабству» (см.: П л а т о н. Сочинения. СПб., 1863, т. III, стр. 430, 438). Шигалев заявляет: «Я запутался в собственных данных, и мое заключение в прямом противоречии с первоначальной идеей, из которой я выхожу. Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом» (см.: наст. изд., т. X, стр. 311).

В литературе о Достоевском отмечалось, что, создавая теорию Шигалева, писатель в той или иной мере мог воспользоваться критикой бланкистских революционных течений на Западе в статьях Герцена. По мнению С. С. Борщевского, знаменитое изречение Шигалева «Все рабы и в рабстве равны» — перифраза герценовского «равенства рабства» («Былое и думы», гл. «Не наши») (см.: *Борщевский,* стр. 232). [1] С не меньшим основанием можно

[1] Ученый также считает, что слова Петра Верховенского «Колумб без Америки» Достоевский заимствовал из гл. «Н. И. Сазонов» (см.: *Борщев-*

говорить об усвоении и переосмыслении Достоевским герценовской оценки декретов об устройстве будущего общества Бабефа; свойственные его программе «равных» черты казарменного коммунизма напомнили автору «Былого и дум» аракчеевщину и указы Петра I (гл. «Роберт Оуэн»). Герцен излагает программу Бабефа, содержащую детальное описание обязанностей будущих членов Bonheure Commune, в которой определен твердый порядок «работ» и многочисленные меры наказания для уклоняющихся от правил; среди предусмотренных карательных мер каторжные работы (travaux forcés) и даже вечное рабство (ésclavage perpétuelle). Иронически комментируя уравнительную программу Бабефа, он находит в ней черты общего не с будущим «золотым веком», а с прошлым России: «За этим так и ждешь „*Питер* в Сарском селе“ или „граф *Аракчеев* в Грузине“, — а подписал не Петр I, а первый социалист французский *Гракх Бабеф!* Жаловаться трудно, чтоб в этом проекте недоставало правительства; обо всем попечение, за всем надзор, надо всем опека, все устроено, все приведено в порядок. 〈...〉 И для чего, вы думаете, все это? Для чего кормят „курами и рыбой, обмывают, одевают, и *утешают*“ этих *крепостных* благосостояния, этих приписанных к равенству арестантов? Не просто для них: декрет именно говорит, что все это будет делаться médiocrement. „Одна республика должна быть богата, великолепна и всемогуща“. Это сильно напоминает нашу Иверскую божию матерь...» (см.: *Герцен,* т. XI, стр. 237—240). Справедливо отмечена Борщевским созвучность шигалевской «системы устройства мира» «систематическому бреду» Угрюм-Бурчеева в «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина (см.: *Борщевский,* стр. 233).

Ведущую роль в пародии Достоевского играют, как видно из самого текста романа, не Фурье, Кабе, Сен-Симон (они Шигалевым третируются как утописты прежних времен, от наивности взгляда которых на мир и природу человека надо отказаться), а новейшие в то время идеи Бакунина, Ткачева, Нечаева, Прудона, Жаклара, Рошфора, их книги, статьи, прокламации, воззвания, речи, уставы.

Шигалева в записных тетрадях к «Бесам» Достоевский условно называет вислоухим, Ушаковым, Зайцевым. Длинноухим и вислоухим является этот герой и в романе. М. С. Альтман считает, что Достоевский заимствовал кличку «вислоухий» из статей Салтыкова-Щедрина (*Прометей,* т. 5, стр. 444). В. А. Зайцев запомнился Достоевскому как своего рода «enfant terrible» нигилизма, превзошедший самого Писарева в деле разрушения эстетики, пропагандист вульгарно-материалистических теорий Фохта, Бюхнера и Молешотта, вызвавший многочисленные иронические отклики в прессе своими статьями о Шопенгауэре и неграх. Имя Зайцева встречается еще среди подготовительных материалов к «Крокодилу» (см.: наст. изд., т. V, стр. 327, 336). Достоевскому, конечно, была известна судьба Зайцева, его вынужденная эмиграция; возможно, он знал и о связях Зайцева с Бакуниным; интерес Достоевского к биографии Зайцева зафиксирован в записных тетрадях к «Бесам»: среди возможных персонажей романа упоминается сестра Зайцева.

Тем не менее не следует искать прямых аналогий между теорией Шигалева и статьями Зайцева. Шигалев не карикатура на Зайцева: он, по замыслу Достоевского, особый собирательный «тип» «чистого» теоретика-нигилиста, так же как Степан Трофимович — «тип» человека сороковых годов, Кармазинов — «тип» либеральничающего писателя, заискивающего перед молодым поколением, Шатов — «тип» нигилиста, перескочившего в другую крайность, Эркель — «тип» революционера-исполнителя. По сравнению с Верховенскими — отцом и сыном, Кармазиновым, Эркелем, Толкаченкой Шигалев — фигура еще более обобщенная, не ориентированная на опреде-

---

ский, стр. 232). Возможно, что идея Шигалева «горы сравнять» восходит к впечатлившей Достоевского переписке Герцена с Печериным. Последний вопрошал в письме к Герцену: «А куда бежать от тиранства вашей материальной цивилизации? Она сглаживает горы, вырывает каналы...» (см.: *Герцен,* т. XI, стр. 400).

лепный единичный реальный прототип. Шигалев — отрешенный от «живой жизни» мономан, теоретик, созидающий схемы, хотя в нем проглядывают и черты тех идеологов, которые предстали перед судом по нечаевскому делу: В. Ф. Орлова, П. Н. Ткачева, Г. П. Енишерлова. Орлова, согласно показаниям Е. Х. Томиловой, Нечаев называл «фантазером»; она же нарисовала его выразительный портрет, вероятно в какой-то степени гротескно переосмысленный в главе «У наших»: «...Орлов развивал свою теорию о социальном устройстве общества, доказывая, что вся природа управляется законами космическими, историческими и физиологическими. Он говорил так туманно, так монотонно, постоянно повторялся и заикался, что и эту теорию я очень мало понимала ⟨...⟩ Когда его расспрашивали об идеальном обществе, то он начинал заикаться, путаться и ровно ничего не мог сказать» (*ПВ,* 1871, 7 июля, № 160). О «теории Орлова», оказавшей большое влияние на Николаева, говорил свидетель Кукушкин; он же припомнил слова Орлова, который «раз ⟨...⟩ выразился, что все эти заговоры — просто безумие, что они никогда не удадутся». Именно таким образом относился Шигалев к заговорщической деятельности Петра Верховенского. В. Д. Спасович характеризовал П. Н. Ткачева как теоретика, живущего в «замкнутой сфере» абстрактных идей: «Г-н Анненский говорил — и это совершенная правда, — что Ткачев человек весьма сосредоточенный, углубленный в себя, молчаливый, человек прежде всего книжный, абстрактный, который живет в отвлеченностях, у которого сильна рефлексия. ⟨...⟩ Именно эта сосредоточенность, именно эта жизнь в абстрактной сфере и незнание жизни действительной и заставили Ткачева допустить в способе выражения своей идеи несколько коренных, капитальных ошибок» (см.: *Спасович,* стр. 177).

Многие критики — современники Достоевского (наиболее резко Ткачев) упрекали писателя за то, что он откровенно «переписывал» в «Бесах» судебную хронику. В действительности, однако, к моменту открытия процесса роман в главных чертах уже сложился. Многое из того, что говорилось и зачитывалось в зале суда, было автором психологически предвосхищено, хотя и пристрастно понято и преломлено, о чем убедительно свидетельствуют записные тетради. Судебная хроника тем не менее помогла многое уточнить, дополнить и прояснить: вся вторая половина романа получила еще более отчетливый памфлетный характер. Причем памфлет и его направленность во второй и третьей частях «Бесов» претерпели важные изменения. Эпоха 1840-х годов уступила место текущей минуте; объектом памфлета стали принципы организации, теория и тактика нечаевцев, облик Петра Верховенского и его сообщников. «Злоба дня» переместилась в самый центр «Бесов», чем, впрочем, нисколько не отменяется заверение автора, что в его романе «собственно портретов или буквального воспроизведения нечаевской истории ⟨...⟩ нет...» (см.: наст. изд., т. XX).

Желая поразить нигилистическую «гидру», Достоевский в согласии со своими почвенническими убеждениями стремился показать истоки болезни. О том, насколько глубокий исторический анализ предполагался автором, свидетельствует упоминание в записных тетрадях к роману Григория Котошихина, в котором, по всей вероятности, Достоевский склонен был видеть отдаленного предшественника современных западников, представителя «антирусской» партии. Радищев, Чаадаев и декабристы упомянуты в романе мельком, Достоевский сосредоточился главным образом на сопоставлении западнических и нигилистических течений 1840-х годов с движениями начала 1860-х годов и нечаевщиной.

В «Бесах» Достоевский вновь, как и в предыдущих произведениях, вернулся к журнальной полемике 1860-х годов, в которой, как известно, он принимал активное участие, причем полемизировал с журналами самой различной ориентации: «Днем», «Современником», «Русским вестником», тонко используя разногласия в революционно-демократическом лагере и противопоставляя славянофильской, западнической и радикальной идеологическим платформам почвенническую платформу «Времени» и «Эпохи». Духовный климат начала 1860-х годов в первой части романа характеризуется иронически. Пародийно воспроизводится на литературном празднике (речь

маньяка) выступление П. В. Павлова на литературном и музыкальном вечере в пользу «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», состоявшемся 2 марта 1862 г., — вечере, на котором читал отрывки из «Мертвого дома» сам Достоевский. Несколько раз в «Бесах» по разным поводам упоминается роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?»: отношения супругов Виргинских пародируют программные ситуации этого романа; либерал 1840-х годов Степан Трофимович специально изучает «Что делать?», для того чтобы понять дух нигилизма, и, соглашаясь с основной идеей автора (признавал в ней «свою» идею), негодует на форму выражения; новейшие нигилисты относят утопии романа к разряду сказок и благодушных мечтаний, время которых прошло. Записные тетради к «Бесам» свидетельствуют также о том, что Достоевский намеревался ввести в роман дискуссию о смысле и значении деятельности кумира нигилистической молодежи — Д. И. Писарева. Как и вокруг романа Чернышевского, Достоевский намечал столкнуть разные точки зрения вокруг статей Писарева: «маленьким» кажется он и по росту и по идеям Степану Трофимовичу, считающему, что критик похож на Петра Верховенского. Шатов отклоняет это сравнение как несправедливое: «Писарев был человек умный и благородный...» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 171). Значительное место занимает в романе полемика с революционными демократами по эстетическим вопросам (что выше: сапоги или Шекспир и Пушкин), подготовленная публицистикой Достоевского 1860-х годов. Продолжает писатель в «Бесах» и полемику с буржуазными (Мальтус), вульгарно-материалистическими и позитивистскими взглядами (Фохт, Молешотт, Бюхнер, Крафт-Эбинг, Литтре и др.) на природу человека, причины преступности и голода в мире и т. д. В соответствии с антинигилистической памфлетной направленностью романа пародируются лозунги и проекты, содержащиеся в прокламациях начала 1860-х годов: «Великорус», «Молодая Россия» и др. Так, прокламация П. Г. Зайчневского «Молодая Россия» используется в романе для характеристики некоторых настроений и идей «особого времени», сменившего прежнюю «тишину»: «Говорили 〈...〉 о полезности раздробления России по народностям с вольною федеративною связью, об уничтожении армии и флота, о восстановлении Польши по Днепр 〈...〉 об уничтожении наследства, семейства, детей и священников...» (см.: наст. изд., т. X, стр. 22). Прокламация Зайчневского звала к новой пугачевщине — желанной и необходимой даже в том случае, если придется «пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х годах!». Главными ее требованиями были уничтожение рода Романовых, власти помещиков, чиновничества. Как возможное условие революции рассматривалось банкротство царского правительства: «Начнется война, потребуются рекруты, произведутся займы, и Россия дойдет до банкротства. [1] Тут-то и вспыхнет восстание, для которого достаточно будет незначительного повода! 〈...〉 Мы требуем изменения современного деспотического правления в республиканско-федеративный союз областей, причем вся власть должна перейти в руки национального и областных собраний. На сколько областей распадется земля русская, какая губерния войдет в состав какой области — этого мы не знаем: само народонаселение должно решить этот вопрос» (см.: *Лемке*, стр. 513, 511, 514). Федеративные идеи были популярны и в среде нечаевцев-сибиряков (П. М. Кошкин, А. В. Долгушин, А. Е. Дудоладов, Л. А. Топорков) (*ПВ*, 1871, 28 августа, № 205). Некоторые тезисы прокламации «Молодая Россия» предвосхищали идеи и лексику ишутинцев, Бакунина, Огарева, Нечаева: «Помни, что тогда кто будет не с нами, тот будет против; кто против, тот наш враг: а врагов следует истреблять всеми способами» (см.: *Лемке*, стр. 518). [2] Зайчневский был сторонником ликвидации брака, «как явления

---

[1] Ср. с «проектом Липутина» в записных тетрадях: «Мысль его подогнать дело к войне» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 278).

[2] Название одной из статей Нечаева — «Кто не за нас, тот против нас», и речь в ней идет о целесообразности и полезности политического убийства: оправдывалась расправа над Ивановым.

в высшей степени безнравственного и немыслимого при полном равенстве полов», и семьи, само существование которой, по его мнению, препятствует развитию человека; детям же надлежало содержаться и воспитываться коммуной за счет общества (см.: там же, стр. 516).[1]

Роман писался в переломный момент европейской и всемирной истории: франко-прусская война, падение режима Наполеона III и унижение Франции, Парижская коммуна и набирающее силы международное рабочее движение, торжество прусской военщины и объединение Италии — все это создавало в Европе напряженную обстановку, которая, как пророчили многие (в том числе и Герцен, на пророчествах которого специально остановился Н. Н. Страхов), или выльется в катастрофу, или закончится радикальным обновлением Европы. Перед лицом европейских бурь, межнациональных и классовых, создававших впечатление, что старый мир, Запад уже изжил себя и, может быть, даже вскоре погибнет, раздираемый внутренними неразрешимыми противоречиями, многие из консервативно настроенных мыслителей Европы готовы были предрекать спасительную роль русскому самодержавию. В самой России усилилось, приобретя ясно выраженный консервативный и националистический характер, неославянофильское движение. Новая, подчеркнуто государственная и националистическая окраска позднего славянофильства явилась реакцией на усилившийся в те годы, подогретый победой над Францией пангерманизм. Русская пресса, независимо от политических оттенков, явно симпатизировала Франции и с большим беспокойством писала об успехах Германии Бисмарка, тем более что они способствовали усилению среди немцев в Германии и за ее пределами антирусских и антиславянских тенденций: эти явления Достоевский имел возможность наблюдать за границей, и оценка их писателем была резко отрицательной (см. письма Достоевского к А. Н. Майкову от 30 декабря 1870 г. (11 января 1871 г.) и 26 января (5 февраля) 1871 г.). Подчеркнуто антинемецкую позицию занимала «Заря» Страхова, естественную и закономерную еще и потому, что последний уже в 1860-е годы выступил со статьями, обличающими немцев в России. Публикация П. И. Огородникова (вызвавшая недовольство Достоевского своим либеральным и проамериканским духом) и появилась в «Заре», по всей вероятности благодаря ее антигерманской направленности (см. ниже, стр. 232).

Программной для «Зари» была большая работа В. И. Ламанского «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» («Заря», 1870, № 1, 2, 5, 12). Ламанский уделяет особое место воззрениям на славян Г. Лео, Клемма, Риля, Дитцеля, В. Менцеля и других реакционных тевтоманов, доказывавших нравственное превосходство «высшего», германского племени над «низшим», славянским, которое сравнивается ими с неграми, монголами, кельтами и вместе с ними относится к разряду «пассивных», «женственных» наций; с точки зрения националистически настроенных историков, воображение которых особенно разыгралось после недавней победы над Францией, Россия и культурой, и цивилизацией, и порядком обязана Германии и русским немцам, а следовательно, само время «располагает и предопределяет Германию к владычеству и господству над истощенным и бессильным латинским Западом и грубым, некультурным славянским Востоком» («Заря», 1870, № 12, стр. 78). Тенденциозно толкуя отдельные факты и высказывания, Ламанский проводит мысль, близкую по духу к передовым статьям Каткова в «Московских ведомостях», что руководители консервативной «Вести», либералы-западники, русские, ставшие католиками, с одной стороны, и революционная эмиграция, с другой, по существу и в главном едины, ибо все они якобы смотрят на Россию с «чужой», европейской точки зрения: «У Г. Бланка, Н. Безобразова, Ржевского, Скарятина, Мартынова, Гагарина, Голицына, Бакунина и Вырубова многие коренные мнения о России

[1] Подобного рода идеи мог слышать Достоевский в обществе Петрашевского. На обеде 7 апреля 1849 г. Д. Д. Ахшарумов проповедовал «необходимость уничтожения семьи, собственности, государства, законов, войска, городов и храмов» (см.: *Биография,* стр. 97).

совершенно, так сказать, европейские, строго-логические, последовательно вытекающие из общего, господствующего романо-германского воззрения на мир греко-славянский» (см.: там же, № 2, стр. 62).

Такого рода смешение имен и направлений характерно и для «Бесов». Консервативно-помещичья «Весть», Н. А. Безобразов и В. Д. Скарятин, западнический журнал «Вестник Европы», М. М. Стасюлевич и И. С. Тургенев, литературный промышленник Ф. Т. Стелловский, нигилистический (или, по терминологии «Зари», крайне западнический) журнал «Дело», либеральные «Голос» и «С.-Петербургские ведомости», тупые администраторы и продажные адвокаты — все они фигурируют в романе как враги России, материал для планов и надежд Петра Верховенского. Эти настроения в «Бесах» неоспоримы; но все же в самом романе они не так подчеркнуты и остры, как в записных тетрадях. Лембке и Блюм охарактеризованы как типы особой немецкой «касты», но в еще большей мере — как представители вообще российской бюрократии, навязанной стране Петром I, удаленной от почвы, народа и одержимой тупым и бессмысленным «административным восторгом»: это выражение М. Е. Салтыкова-Щедрина Достоевский включил в роман. Достоевский не сохранил содержащегося в черновых записях сопоставления немецкого влияния с монгольским игом. «А знаете, — говорит в подготовительных материалах Петр Верховенский, — по форме это немецкое влияние гораздо посильнее было двухсотлетней татарщины...», на что Ставрогин его резонно называет «славянофилом» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 159). Не ввел автор в окончательный текст и вдохновленные статьей В. И. Ламанского мнения Шатова: «Немец — естественный враг России; кто не хочет этого видеть, тот не видит ничего. ⟨...⟩ Их коалиция в России, один другого подсаживает. Заговор 150-летний. По особым обстоятельствам они всегда были наверху. Все бездарности служили в высших чинах с бараньим презрением к русским. Они сосали всю силу России. Их была настоящая коалиция и т. д.» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 137).

Но по адресу фон Лембке он иронизирует и в окончательном тексте, отмечая, что губернатор «принадлежал к тому фаворизованному (природой) племени, которого в России числится по календарю несколько сот тысяч и которое, может, и само не знает, что составляет в ней всею своею массой один строго организованный союз» (см.: наст. изд., т. X, стр. 241). Последняя война, торжество немцев и поражение Франции отразились в музыкальной фантазии Лямшина, являющейся образным и концентрированно-публицистическим откликом писателя на европейскую злобу дня.

Из специфически русских событий последнего времени Достоевского, как установил Ф. И. Евнин, особенно заинтересовала первая в России массовая забастовка рабочих Невской бумагопрядильной мануфактуры в Петербурге в мае-июне 1870 г. В стачке приняло участие 800 человек. Она вызвала много откликов в печати, еще не привыкшей к таким серьезным выступлениям русского пролетариата: «Рабочие стачки — явление еще новое в России и в таких размерах, как стачка невских рабочих, можно сказать, небывалое» (*РВед,* 1870, 31 мая, № 115). Московский губернатор князь Ливен констатировал, выражая мнение наиболее трезво оценивших значение стачки: «Можно сказать, что и на наших часах подходит стрелка к тому моменту, который может прозвучать над нами рабочим вопросом, вопросом антагонизма между трудом и капиталом» (Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1950, т. II, ч. 1, стр. 282). Стачку в романе («шпигулинская история») Достоевский изображает в созвучии со своей идейной концепцией. Недовольство рабочих пытается использовать в своих целях Петр Верховенский. В соответствии со взглядом Достоевского на Россию как на страну, чуждую классовым конфликтам Запада, рабочие волнения в романе представлены как недоразумение, проистекшее из конфликта между «верноподданным» народом и оторвавшейся от почвы, утратившей всякие связи с глубинной Россией служебно-дворянской бюрократической администрацией.

Дело об убийстве фон Зона содержателем притона Максимом Ивановым и его сообщниками было в начале января 1870 г. наряду с убийством Иванова самым громким в Петербурге (*Г,* 1870, № 11, 11 января). Можно предполо-

жить, что одно обстоятельство, сопутствовавшее преступлению, отразилось в «Бесах»: Александра Авдеева («Саша большая» — 17-летняя проститутка) во время убийства «садится за фортепиано, стучит руками и ногами и заглушает крики и стоны несчастной жертвы»; «она и понятия не имела об игре, — кулаками била по клавишам и топала ногами, когда понадобилась ее игра» (см.: *Спасович*, стр. 124, 128). Лямшин (гл. «У наших») в целях конспирации также играет на фортепиано, а когда ему надоела скучная роль, «начал барабанить вальс, зря и чуть не кулаками стуча по клавишам» (см.: наст. изд., т. X, стр. 309).

Максим Иванов прямо упоминается в записных тетрадях как представитель преступного мира, который непременно примкнет к всеразрушительному бунту: «В мутной воде и рыбу ловить. Максим Иванов пристанет, солдат пристанет. ⟨...⟩ Надо удивить толпу смелостью. Все Максимы Ивановы за нами пойдут» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 148—149). Максим Иванов назван здесь в связи с пунктом программы нечаевцев, предусматривавшим использование для дела разбойничьего и преступного мира проституток, убийц и вообще деклассированных элементов. В окончательном тексте романа имени Максима Иванова нет, его заменил Федька Каторжный.

6

Еще О. Ф. Миллер, в распоряжении которого были воспоминания Достоевского, П. А. Спешнева, И. М. Дебу, А. И. Пальма, Н. С. Кашкина, Н. А. Момбелли, записанные со слов петрашевцев А. Г. Достоевской и им самим, а также специально присланные воспоминания И. Л. Ястржембского, высказал мнение, что «Бесы» в психологическом смысле — автобиографический роман, имеющий в той или иной степени в виду также и «революционную молодость» Достоевского (см.: *Биография*, стр. 82). К близким выводам пришли А. С. Долинин (см.: А. Д о л и н и н. Достоевский среди петрашевцев. *Звенья*, т. VI, стр. 532—533) и Л. П. Гроссман. «Личные мемуары, — утверждает последний, — на всем протяжении „Бесов" сочетаются с политическим бюллетенем дня, и хроника былого дублируется текущей газетной передовицей» (см.: Л. Г р о с с м а н. Политический роман Достоевского. В кн.: Ф. М. Д о с т о е в с к и й. Бесы. Изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. XXX).

Текст романа и в еще большей степени подготовительные материалы позволяют доказать с полной определенностью, что Достоевский, памфлетно изображая деятельность нечаевцев и кружка либерала Верховенского, постоянно и преднамеренно вводил в этот свой памфлет также и черты, идеи и отдельные детали, характерные не столько для радикальных студентов конца 1860-х годов, сколько для петрашевцев 1840-х годов. Определенные лица из круга петрашевцев избираются Достоевским как «вторичные», дополнительные прототипы героев; для Степана Трофимовича — это С. Ф. Дуров, [1] для Липутина — А. П. Милюков. [2] Петр Верховенский соотнесен с самим Петрашевским: «Придерживаться более типа Петрашевского», «Нечаев — отчасти Петрашевский» — читаем в авторских записях (см.: наст. изд., т. XI, стр. 106). Известно, что к Петрашевскому Достоевский относился хотя и без особых симпатий, но безусловно уважал его «как человека честного и благородного» (см.: *Семевский*, стр. 97). По всей вероятности, он имел в виду не «широкое», а частное сходство, некоторые черты характера Петрашевского, особенно энергию и энтузиазм, в психологическом смысле роднившие его

[1] Как приживальщик и эстет (ср.: «*изящный* человек, приживальщик за границей. *Дуров*», «эстетик Дуров» — см.: наст. изд., т. IX, стр. 115, 116). Родство Степана Трофимовича с героем данного наброска, а следовательно, и с его прототипом — Дуровым, несомненно.

[2] Больше в бытовом плане: Липутину приданы некоторые житейские черты Милюкова, сильно утрированные.

с Нечаевым. От Петрашевского к Верховенскому перейдут хлопотливость, суетливость, неугомонность, запомнившиеся Достоевскому: «Человек он вечно суетящийся и движущийся, вечно чем-нибудь занят» (см.: там же, стр. 88).[1] Возможно также, что стремительная, «бисерная» речь Петра Верховенского — гиперболически преувеличенная в «Бесах» черта Петрашевского-собеседника и оратора; Антонелли доносил о нем: «...говорит ⟨Петрашевский⟩ с жаром, с убеждением, скоро, но вместе с тем очень правильно...» (см.: там же, стр. 85).

Если брать облик Верховенского в целом, то Петрашевский в той же степени его «прототип», как Наполеон III, старшая княжна Безухова, Д. И. Писарев и Ф. В. Ливанов, с которыми по некоторым частным признакам Верховенский сравнивается в записных тетрадях: «...дело в том, что Нечаев предполагает в правительстве умысел — нарочно произвести волнения и безначалие (подражание действиям Наполеона во Франции), чтоб захватить власть в свои руки»; «Нечаев глуп как *старшая княжна* у Безухова. Но вся сила его в том, что он человек действия»; «Нечаев страшно самолюбив, но как младенец (Ливанов): „Мое имя не умрет века, мои прокламации — история, моя брошюра проживет столько же, сколько проживет мир"» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 263, 237, 150).[2]

Достоевский как бы «примеряет» различные бросившиеся ему в глаза характерные черты реальных лиц и литературных героев к Петру Верховенскому, вот почему в таком странном сочетании, объединенные лишь некоторым частным отношением к будущему герою романа, выступают Петрашевский и Писарев, княжна Безухова и Хлестаков, Наполеон III и Ливанов. В этом ряду Петрашевский занимает свое место не столько потому, что некоторые черты его характера переданы Верховенскому, но главным образом потому, что многие идеи, конфликты, проекты, уставы, речи, беседы, книги, бытовавшие в кружке петрашевцев, затронуты или упомянуты в «Бесах». Петрашевский, например, так передавал в период следствия существо взглядов Р. А. Черносвитова: «Черносвитов неоднократно внушал мне мысль о цареубийстве, рассказывал, что он член какого-то тайного общества, состоящего из неизвестных мне лиц, около 16, говорил, что следует ему являться как одному из разжалованных в III Отделение, едва ли не говорил при сем о Дубельте. Советовал заводить тайные общества в высшем аристократическом кругу — мешать поболее аристократов» (см.: *Дело петрашевцев,* т. I, стр. 174). Показания Петрашевского разительно совпадают с двумя мотивами «Бесов»: 1) Петр Верховенский объясняет Лембке, что ему уже приходилось давать объяснения в известном месте — «там»; 2) Верховенский лелеет мечту об аристократе, стоящем во главе бунта, очень полагаясь в этом смысле на Ставрогина: «Вы ужасный аристократ. Аристократ, когда идет в демократию, обаятелен!» (см.: наст. изд., т. X, стр. 323). Необычайная откровенность показаний Петрашевского о Черносвитове объясняется тем, что Петрашевский был убежден в провокаторстве Черносвитова[3] — экстравагантной и колоритной личности. Черносвитов слыл в кружке Петра-

---

[1] Ср. с донесением Антонелли: «Антонелли удивлялся деятельному характеру Петрашевского: его никогда нельзя было застать без дела, он был вечно в хлопотах» (см.: *Семевский,* стр. 88).

[2] Ливанов — автор книги «Раскольники и острожники»; две рецензии на нее В. И. Кельсиева (резко отрицательные) Достоевский читал в «Заре». Из второй рецензии он и почерпнул ту черту характера, которой хотел наделить Верховенского; В. И. Кельсиев цитирует предисловие Ливанова: «Мы коротко знаем, что изданные нами книги, по своим качествам и разработке оных, послужат краеугольным камнем всех последующих исследований сих любопытных сект, и книги наши проживут, как и официальный VIII том о раскольниках Варадинова, столетия...» («Заря», 1870, № 4, стр. 107).

[3] Достоевский разделял некоторое время подозрения Петрашевского. Так что замечание Ставрогина: «Все они, от неуменья вести дело, ужасно любят обвинять в шпионстве» — вероятнее всего базируется не только на материалах нечаевского дела (см.: наст. изд., т. X, стр. 194).

шевского своего рода знатоком народной жизни: с его именем связаны почти все дебаты в обществе о возможности новой крестьянской войны. Черносвитова также интересовали причины участившихся тогда пожаров; он был склонен подозревать существование в России общества поджигателей: «Говоря о пожарах, свирепствовавших около 1848 года, я часто употреблял выражение: „нет ли у нас общества иллюминатов?“» (см.: *Дело петрашевцев*, т. I. стр. 465). Видимо, зарево нигилистических пожарищ в «Бесах» следует связывать не только со знаменитыми петербургскими пожарами 1860-х годов, но и с теми, что имели место в 1840-х годах и отразились, в частности, в «Господине Прохарчине». Черносвитов любил покраснобайничать и приврать. Эти хлестаковские черты Достоевский придал Петру Верховенскому, так же как и «увертливость» и неоткровенность Черносвитова, о которых в 1840-х годах писатель говорил на допросе по делу петрашевцев: «Мне показалось, что в его разговоре *есть что* увертливое, как будто, как говорится, *себе на уме*» (см.: *Бельчиков*, стр. 148).[1] Именно вертлявым, беспокойным, беспрерывно сыплющим словами является Петр Верховенский в салоне Варвары Петровны. «Вам как-то начинает представляться, — комментирует Хроникер речь Верховенского, — что язык у него во рту, должно быть, какой-нибудь особенной формы, какой-нибудь необыкновенно длинный и тонкий, ужасно красный и с чрезвычайно вострым, беспрерывно и невольно вертящимся кончиком» (см.: наст. изд., т. X, стр. 144). Достоевскому Черносвитов был хорошо знаком и по обществу Петрашевского, и по узкому кружку Спешнева. Впоследствии в «Идиоте» он мельком вспомнит этого бывшего исправника и усмирителя бунта в Сибири, затем примкнувшего к петрашевцам и даже симпатизировавшего идее цареубийства (см.: наст. изд., т. IX, стр. 411. 455). Можно предположить, что «хромой учитель» в «Бесах» в какой-то степени тоже ориентирован на «тип» Черносвитова. Во всяком случае Достоевский счел нужным ввести в скептические речи этого эпизодического героя реалии тех лет. Слово «аффилиация», несколько раз специально употребленное им и Верховенским, несомненно восходит к «Проекту обязательной подписки» Спешнева: «... аффилиации, какие бы ни были, делаются по крайней мере глаз на глаз, а не в незнакомом обществе двадцати человек!» — брякнул хромой (см.: наст. изд., т. X, стр. 317). Верховенский, явно издеваясь над старомодной и неуклюжей лексикой «хромого», отклоняет обвинение: «Я еще ровно никого не аффильировал, и никто про меня не имеет права сказать, что я аффильирую...» (см.: там же). Слово «аффильировать», можно сказать, ключевое в «Проекте» Спешнева: «...обязываюсь сам лично больше пятерых не *афильировать*. ⟨...⟩ *Афильировать* ⟨...⟩ обязываюсь ⟨...⟩ по строгом соображении ⟨...⟩ обязываюсь с каждого, мною *афильированного*, взять письменное обязательство ⟨...⟩ передаю его своему *афильятору* для доставления в комитет ⟨...⟩ переписываю для себя один экземпляр сих условий и храню его у себя как форму для *афильяции* других» (см.: *Произведения петрашевцев*, стр. 503—504) ⟨курсив наш. — *Ред.*⟩. Достоевский специально сталкивает «Проект» Спешнева и «Катехизис» Нечаева, улавливая в последнем некоторые черты преемственности в деле организации «пятерок»,[2] но подчеркивая и различия: в словах «хромого учителя» присутствует гордость бывшего петрашевца и «спешневца», иронизирующего над беспомощностью и топорностью новых нигилистов, не знающих, каким образом происходит аффилиация.

---

[1] Спешневу Достоевский говорил о Черносвитове: «Черт знает, этот человек говорит по-русски, точно как Гоголь пишет» (см.: *Бельчиков*, стр. 148).

[2] Родственные и преемственные черты «Проекта» Спешнева и уставов революционеров 1870-х годов подтвердил и П. Н. Ткачев, принимавший косвенное участие в деятельности «Народной расправы» и высоко ценивший Нечаева-революционера. Ткачев в статье «Жертвы дезорганизации сил» с большой симпатией пишет о Спешневе и его «формуле подписки»: «Из документа этого несомненно следует, что кружок петрашевцев не только был организованным обществом, но что он, кроме того, был организован по типу боевых революционных организаций» (см.: *Ткачев*, т. III, стр. 400—401).

Достоевский говорил жене по поводу вышедшей в 1875 г. в Лейпциге книги «Общество пропаганды в 1849 г.», что она «верна, но не полна». Он отмечал: «Я ⟨...⟩ не вижу в ней моей роли ⟨...⟩ Многие обстоятельства ⟨...⟩ совершенно ускользнули; целый заговор пропал» (см.: *Биография,* стр. 90). Несомненно, что Достоевский имел в виду кружок Спешнева и свое участие в нем — обстоятельства для писателя необыкновенно важные и многократно отразившиеся в «Бесах». Помимо «формулы подписки» Спешнева, Достоевский наверняка вспомнил и сожженный им «план» бунта, в котором тот указывал «три внеправительственных пути действия — иезуитский, пропагандный и восстанием» (см.: *Петрашевцы,* т. III, стр. 63). Наконец, личность Спешнева, по мнению ряда исследователей, вдохновляла Достоевского при создании главного лица романа — Николая Ставрогина. Л. П. Гроссман писал, что в Ставрогине отразились некоторые черты «таинственного и демонического Спешнева» (см.: *Спор о Бакунине и Достоевском,* стр. 168). В. Р. Лейкина высказывалась еще категоричнее: «Мне представляется несомненным, что Николай Спешнев послужил прототипом Николая Ставрогина. ⟨...⟩ Его бесстрастие, холодность, неудовлетворенный скептицизм, его красота и сила, обаяние, на всех производимое, и ореол какой-то тайны — все это реальные элементы в образе Ставрогина» (см.: *Лейкина,* стр. 24). И хотя Спешнев не назван ни разу прямо в дошедших до нас записных тетрадях к роману, гипотеза, выдвинутая еще в 1920-е годы Гроссманом и Лейкиной, не представляется беспочвенной. Особенно убеждает в этом следующая запись о Ставрогине: «Иногда молчаливо любопытен и язвителен, как Мефистофель. Спрашивает как власть имеющий, и везде как власть имеющий» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 175). Здесь переданы черты Спешнева: «Держась особняком, не любя высказывать своих мнений ⟨...⟩ Спешнев умел зато внимательно слушать, заставлять высказываться других и направлять интересные ему разговоры» (см.: *Лейкина,* стр. 13). А по воспоминаниям С. Д. Яновского, Спешнев был в 1840-е годы для Достоевского своего рода Мефистофелем, во власти и под влиянием которого он находился (см.: *Достоевский в воспоминаниях,* т. I, стр. 172—173); ср. характеристику Спешнева, данную ему следственной комиссией: «Он не имел глубокого политического убеждения, не был исключительно пристрастен ни к одной из систем социалистических ⟨...⟩ замыслами и заговорами он занимался как бы от нечего делать; оставлял их по прихоти, по лени, по какому-то презрению к своим товарищам, слишком, по мнению его, молодым или мелкообразованным, — и вслед затем готов был приняться опять за прежнее, приняться, чтоб опять оставить» (см.: *Лейкина,* стр. 15).

Хроникер, иронизируя над манерами и поведением опустившегося и одряхлевшего Степана Трофимовича, рассказывает, что Верховенский удалялся с книгой «Токевиля», но не читал ее, а только играл в серьезные занятия, явно предпочитая романы Поль де Кока. Смысл «случайного» упоминания в «Бесах» имени французского историка А. Токвиля проясняет «конспект» биографии Степана Трофимовича в записных тетрадях: «Склонялся к американским штатам (Токв⟨иль⟩).

Фурьерист; но потом, когда у нас явилось более фурьеристов. Американские штаты. Разделить Россию» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 161).

Книга Токвиля «О демократии в Америке» была в библиотеке Петрашевского, который пропагандировал ее федеративные идеи в применении к России: «Отношения между народами должны быть, как между штатами С. Америки или провинциями одного и того же государства» (см.: *Семевский,* стр. 41). Петрашевский говорил также Антонелли, что «целость России поддерживается только военною силою и что когда эта сила уничтожится» или по крайней мере ослабеет, «то все народы, составляющие Россию, разделятся на отдельные племена и что тогда Россия будет собою представлять нынешние Соединенные Штаты Северной Америки» (см.: там же, стр. 137—138).

Теория самоубийства «великодушного» Кириллова и его философия человекобожества также в определенной мере восходят к дискуссиям 1840-х годов, к спорам петрашевцев, многие из которых в вопросах религии были фейербахианцами. Брезгливое бормотание Ставрогина, выслушивающего от

Кириллова свои прежние мысли («Старые философские места, одни и те же с начала веков...»),[1] как бы напоминает, что теория, до которой Кириллов «своим умом дошел», не может быть в полном смысле названа «доморощенной». В самом деле, она во многих пунктах совпадает с религиозными диспутами в обществе Петрашевского. Н. А. Момбелли в статье «Об основании Рима и царствовании Ромула» так представлял себе человечество в будущем: «Внутри человека что-то есть идеальное, приближающее его к божеству. Я хочу верить в хорошее и думаю, что наконец добро восторжествует над пороком, уничтожит его, и тогда люди сделаются нравственными божествами, — совершенными богами, только в человеческом теле» (см.: там же, стр. 209). Идеи Фейербаха излагает Петрашевский в статьях «Натуральное богословие» и «Натурализм». Натурализм, по Петрашевскому, учение, которое, «вмещая в себя пантеизм и материализм, считает божество ничем иным, как общей и высшей формулой человеческого мышления, переходит в атеизм и даже, наконец, преображается в антропотеизм, т. е. в учение, признающее высшим существом только человека в природе» (см.: там же, стр. 76). О том, какие обсуждались религиозные вопросы в обществе Петрашевского, свидетельствуют письма Н. А. Спешнева к К. Э. Хоецкому, в которых речь идет об антропотеизме. «Я вовсе не намерен отрицать, — писал Спешнев, — что гуманитаризм, обожествление человечества или человека, антропотеизм — одна из доктрин новейшего времени. Вы правы: весь немецкий идеализм XIX века — „великая" немецкая философия, начиная с Фихте ⟨...⟩ метит лишь в антропотеизм, пока она, достигнув в лице своего последнего знаменосца и корифея — Фейербаха — своей вершины и называя вещи своими именами, вместе с ним не восклицает: Homo homini deus est — человек человеку бог» (см.: *Произведения петрашевцев,* стр. 494). Спешнев, как последовательный и бескомпромиссный атеист, называет антропотеизм новой религией, попыткой заменить прежнюю наивную и мистическую веру другой и более совершенной: «Антропотеизм — тоже религия, только другая. Предмет обоготворения у него другой, новый, но не нов сам факт обоготворения. Вместо бога-человека мы имеем теперь человека-бога. Изменился лишь порядок слов. Да разве разница между богом-человеком и человеком-богом так уж велика?» (см.: там же, стр. 496). Он дает в письме к Хоецкому краткий, но обстоятельный генезис антропотеизма, вскрывает смысл и историческую подоплеку популярности новой веры и тонко критикует антропотеизм, который «по крайней мере в той совершеннейшей форме, в какой он является у Фейербаха ⟨...⟩ тащит всего „человека" без остатка к богу». «Это есть, — заключает он, — второе вознесение бога-человека, или человека-бога, который, согласно легенде, взял с собой на небо и свое тело...» (см.: там же, стр. 498).

Кириллов, фамилия которого, возможно, возникла по аналогии с И. С. Кирилловым,[2] издателем «Карманного словаря иностранных слов», придерживается тех же антропотеистических идей, осложненных исступленной жаждой веры и «подпольной» философией — желанием непременно заявить свою волю, показать «язык» богу, мирозданию, историческим законам. Он положил убить себя и тем самым открыть новую эру в жизни человечества, которая начнется с приходом «человекобога»:

«— Кто научит, что все хороши, тот мир закончит.
— Кто учил, того распяли.
— Он придет, и имя ему человекобог.
— Богочеловек?
— Человекобог, в этом разница» (см.: наст. изд., т. X, стр. 189).[3]

---

[1] См.: наст. изд., т. X, стр. 188. В записных тетрадях идеи, близкие теории Кириллова, отстаивает Студент: «Когда уничтожат бога, наступит новая эра для человечества» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 69).

[2] А. С. Долинин высказал другое предположение, что герою «Бесов», «стоящему у самой последней грани безверия ⟨...⟩ дана фамилия Тихона Задонского в миру: *Кириллов*» (см.: *Д, Письма,* т. II, стр. 474—475).

[3] На перекличку этих слов Кириллова с текстом писем Спешнева к Хоецкому составителям комментария указал Г. М. Фридлендер.

Кириллов фанатически предан философии человекобожества и доводит ее до предела, перед которым остановились его знаменитые предшественники. Он приходит к выводу, что именно ему суждено сделать «пробу», стать первым человекобогом, «открыть дверь» и вывести человечество из тупика, освободив от страха и боли: «Жизнь дается теперь за боль и страх, и тут весь обман. Теперь человек еще не тот человек. Будет новый человек, счастливый и гордый. 〈...〉 Кто победит боль и страх, тот сам бог будет», «Я обязан неверие заявить. 〈...〉 Для меня нет выше идеи, что бога нет. За меня человеческая история. Человек только и делал, что выдумывал бога, чтобы жить, не убивая себя; в этом вся всемирная история до сих пор. Я один во всемирной истории не захотел первый раз выдумывать бога» (см.: наст. изд., т. X, стр. 93, 470). [1]

«Тут было всё, что и в последующих заговорах, — ретроспективно вспоминал Достоевский общество Петрашевского, — которые были только списками с этого 〈...〉 т. е. тайная типография и литография, хотя не было, конечно, посягательств. 〈...〉 Они (петрашевцы) точно так же верили 〈...〉 что народ с ними 〈...〉 и имели основание, так как народ был крепостной» (см.: *Биография,* стр. 83). В число «последующих заговоров» Достоевский в данном случае включал, по-видимому, и нечаевское движение.

7

«Я не описываю города, обстановки, быта, людей, должностей, отношений 〈...〉 собственно частной губернской жизни нашего города... — заявляет Хроникер в одной из записей к «Бесам». — Заниматься собственно картиною нашего уголка мне и некогда. Я считаю себя хроникером одного частного любопытного события, происшедшего у нас вдруг, неожиданного в последнее время и обдавшего всех нас удивлением. 〈...〉 Само собою, так как дело происходило не на небе, а все-таки у нас, то нельзя же, чтоб и я не коснулся иногда, чисто картинно, бытовой стороны нашей губернской жизни, но предупреждаю, что сделаю это лишь ровно настолько, насколько понадобится самою неотлагательною необходимостью. Специально же описательною частию нашего современного быта заниматься не стану» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 240—241).

Тем не менее лаконичные, но точные и конкретные описания губернского города в «Бесах» дают возможность установить, что, воссоздавая его, Достоевский отталкивался от впечатлений своей жизни в Твери в 1860 г.

Писатель довольно точно воспроизвел в романе топографию Твери. Подобно тогдашней Твери, губернский город в «Бесах» разделен на две части, соединенные плашкоутным (понтонным) мостом. Та часть города (Заречье), где жили брат и сестра Лебядкины, напоминает Заволжье, фабрике Шпи-

---

[1] Среди нечаевцев Кирилловых не было. Но они вскоре появились: одно время с «новой религией» «богочеловечества» выступил А. К. Маликов; среди его сторонников были Н. Чайковский, Д. Аптов, Н. Теплов. Б. С. Итенберг так характеризует религию Маликова: «Верующие сосредоточивают в себе все лучшие стороны бога и человека и „носят название богочеловеков" 〈...〉 по этой „новой религии" получалось, что стоит лишь людям поверить, что они обладают качествами бога, как исчезнет в мире все злое и дурное, отпадет необходимость в насилии, мир обновится и на земле водворится царство разума и справедливости» (см.: Б. С. Итенберг. Революционные народники и вопросы религии. В кн.: Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей, XI. Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 303). Вероятно, некоторую близость учения Маликова к идее Кириллова имел в виду Достоевский, отмечая в записной тетради 1875—1876 гг.: «Мне говорили, *что Кириллов* не ясен. Я бы вам рассказал про Малькова».

гулина соответствует расположенная на тверской окраине текстильная фабрика Каулина, основанная в 1854 г. [1]

С Тверью были связаны и некоторые из реальных лиц, представляющих интерес для творческой истории «Бесов» (Тихон Задонский, живший в монастыре на берегах Тверцы и Тьмаки; М. А. Бакунин; тверской губернатор П. Т. Баранов; его жена; чиновник особых поручений при Баранове Н. Г. Левенталь — предполагаемые прототипы персонажей романа — о некоторых из них речь будет идти далее).

Город «Бесов» связывают с Тверью и дополнительные штрихи. Так, например, в словах Хроникера: «Известно было, что на земство нашей губернии смотрят в столице с некоторым особым вниманием» — можно усмотреть намек на известное выступление тринадцати мировых посредников Тверской губернии, подписавших 5 февраля 1862 г. «журнал» Тверского губернского присутствия по крестьянским делам о неудовлетворительности манифеста 19 февраля 1861 г. В этом документе указывалось на выяснившуюся «несостоятельность правительства удовлетворить общественные потребности» и на необходимость скорейшего созыва «представителей от всего народа, без различий сословий», для выработки новых основных законов. В связи с адресом тверских дворян были арестованы, между прочим, Алексей и Николай Александровичи Бакунины, братья знаменитого анархиста. Из-за всего этого и стали смотреть в правительственных кругах («в столице») с «особым вниманием» на тверское земство (*Прометей,* т. 5, стр. 443).

Замысел романа-памфлета, направленного одновременно и против прогрессивных дворянских деятелей 1840-х годов, и против революционеров-народников 1860—1870-х годов, обусловил применение в «Бесах» приемов политического шаржа, своеобразной, публицистически окрашенной карикатуры и литературной пародии. Высказанная при разработке плана «Жития великого грешника» мысль о том, чтобы ввести в ткань романа образы реальных исторических лиц, причем не с целью исторически точного, достоверного изображения индивидуального облика этих деятелей, но с целью дать обобщения, «типы», воплощающие в понимании писателя нормы определенной идеологии и культуры (см. письмо Достоевского к А. Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г.), получила в романе широкое развитие. Возможно, что известное влияние на Достоевского при построении памфлетных образов романа (созданных путем отталкивания от определенных исторических прототипов) оказал своеобразно преломленный им опыт И. С. Тургенева (Бакунин и другие деятели 1840-х годов как прототипы Рудина), а также хронологически еще более близкий пример М. Е. Салтыкова-Щедрина, воспользовавшегося в «Истории одного города» (1869—1870) сатирическими образами русских самодержцев, свойства характера которых он истолковал не только как их узкоиндивидуальные черты, но и как классическое выражение общих типических свойств представителей крепостнической бюрократии в прошлом и настоящем. [2]

Обратимся к вопросу о прототипах образов отдельных героев романа, отчасти уже затронутому выше.

Степан Трофимович Верховенский, [3] как уже отмечалось, — обобщенный портрет русского западника, «либерала-идеалиста» 1840-х годов. Поэтому он соединяет в себе отдельные черты, характерные, в восприятии Достоевского, для ряда видных деятелей этого поколения: Т. Н. Гра-

---

[1] См. об этом: М. С. Альтман. Этюды о романе Достоевского «Бесы». *Прометей,* т. 5, стр. 442; ср. также: Писатели в Тверской губернии. Калинин, 1941, стр. 76.

[2] О перекличках между «Историей одного города» и «Бесами» и возможных полемических по отношению к этой книге Щедрина мотивах в романе см.: *Борщевский,* стр. 226—235.

[3] Смысл фамилии «Верховенский» разъясняет следующая запись: «Гр⟨ановск⟩ий во весь роман постоянно пикируется с сыном верховенством» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 89).

повского, А. И. Герцена, Б. Н. Чичерина, В. Ф. Корша, С. Ф. Дурова и др. [1]

Хроникер, излагая в первой главе романа биографию Степана Трофимовича, упоминает, что тот «некоторое время принадлежал к знаменитой плеяде иных прославленных деятелей нашего прошедшего поколения, и одно время ⟨...⟩ его имя многими тогдашними торопившимися людьми произносилось чуть не наряду с именами Чаадаева, Белинского, Грановского и только что начинавшего тогда за границей Герцена» (см.: наст. изд., т. X, стр. 8). [2]

Среди реальных прототипов, к которым восходят отдельные черты Степана Трофимовича, следует упомянуть также поэта Н. В. Кукольника [3] и И. С. Тургенева. Можно усмотреть известную аналогию между отношениями Степана Трофимовича — Варвары Петровны, с одной стороны, и Тургенева — Полины Виардо, с другой. [4]

К числу черт, роднящих Степана Трофимовича с Тургеневым, относятся западничество, [5] преклонение перед красотой и искусством, [6] также в выс-

---

[1] См. также: *Коншина,* стр. 23, 401.

[2] А. У. Порецкий отмечает психологическое родство между Степаном Трофимовичем и Степаном Дмитриевичем Яновским (1817—1897), врачом, другом юности Достоевского, характерным рядовым представителем «поколения 40-х годов», автором воспоминаний о писателе (*РВ,* 1885, № 4, стр. 796—819) и его корреспондентом (письма С. Д. Яновского к Достоевскому опубликованы: *Сб. Достоевский, II,* стр. 366—396). Именно Яновскому принадлежит излюбленное «словечко» Степана Трофимовича «недосиженные» (см.: *Д, Письма,* т. II, стр. 496). М. С. Альтман высказал предположение, согласно которому имя Верховенского не случайно тождественно имени Яновского, так как писатель нередко давал своим героям имена их прототипов («Известия АН СССР», Серия литературы и языка, 1963, т. XXII, вып. 6, стр. 498).

[3] В романе отмечено портретное сходство персонажа Достоевского с прославленным драматургом 1830-х годов. Степан Трофимович, по словам Хроникера, походил «на портрет поэта Кукольника ⟨...⟩ особенно когда сидел летом в саду, на лавке, под кустом расцветшей сирени, опершись обеими руками на трость, с раскрытою книгой подле и поэтически задумавшись над закатом солнца» (см.: наст. изд., т. X, стр. 19). М. С. Альтман справедливо отмечает, что Степан Трофимович напоминает Кукольника «не только портретным сходством и манерой одеваться, но и манерой разговора и частым позерством». Для него, как и для Кукольника, характерна манера «учительствовать» за бутылкой среди друзей («Известия АН СССР», Серия литературы и языка, 1963, вып. 6, стр. 496—497).

[4] Там же, стр. 495.

[5] См., например, рассуждение Степана Трофимовича в первой главе «Бесов» о немцах как «двухсотлетних учителях наших», о русской национальности, обучающейся в немецкой петершуле, и др. (ср. с репликой Кармазинова: «Я сделался немцем и вменяю это себе в честь» — и с его высказыванием о карлсруйской водосточной трубе). В обоих случаях пародируются признания Тургенева о большом влиянии, оказанном на его формирование немецкой культурой и философией (см. предисловие к «Литературным и житейским воспоминаниям» — *Тургенев, Сочинения,* т. XIV, стр. 9; ср. там же, т. XV, стр. 102).

[6] Вспомним, что Степан Трофимович, во многом пошедший на уступки нигилистам, остался, однако, верным рыцарем красоты и поэзии. «Он бесспорно согласился в бесполезности и комичности слова „отечество"; согласился и с мыслию о вреде религии, но громко и твердо заявил, что сапоги ниже Пушкина, и даже гораздо» (см.: наст. изд., т. X, стр. 23, а также описание выступлений Степана Трофимовича и Кармазинова на литературном утре в пользу гувернанток — ч. III, гл. I, «Праздник. Отдел первый»). Любовь к красоте, искусству, поэзии, своеобразный артистизм натуры — все эти качества были присущи, в восприятии Достоевского, также Герцену. Достоевский видел главную сущность всей деятельности Герцена в том, что «он

шей степени характерное для «людей сороковых годов», безверие, компромиссно-половинчатое отношение к молодому поколению и как следствие этого взаимное непонимание между двумя сторонами (Тургенев называет себя «нигилистом» — см. очерк «По поводу „Отцов и детей“» — но нигилисты не понимают его и не хотят признать «своим»).[1] Перечисленные выше черты варьируются в обрисовке Степана Трофимовича и Кармазинова.

Из литературных предшественников этого образа следует назвать прежде всего так называемых «лишних людей». Достаточно вспомнить в связи с этим тургеневских Рудина, Берсенева, Лаврецкого[2] или «либерала-идеалиста», героя поэм Н. А. Некрасова «Медвежья охота» и «Саша».[3] Между этими героями и персонажем Достоевского существует несомненная генеалогическая связь.

Вопрос о соотношении образа писателя Кармазинова в «Бесах» с личностью и творчеством Тургенева тщательно изучен.[4] Самая фамилия «Кармазинов», как отметил Никольский, происходит от «кармазинный» (cramoisi — *франц.*) — багровый и «намекает на сочувствие этого „нувеллиста“ красным» (см.: *Никольский*, стр. 64). Тургенев, узнавший себя в Кармазинове, с возмущением писал об этом М. А. Милютиной 3 (15) декабря 1872 г. (см.: *Тургенев, Письма*, т. X, стр. 39); Никольский и Долинин раскрыли содержащиеся в тексте романа пародийные намеки на произведения Тургенева «Дым», «Призраки», «Довольно», «По поводу „Отцов и детей“», «Казнь Тропмана» и некоторые др.[5]

Образы Степана Трофимовича и Кармазинова на протяжении длительной творческой истории «Бесов» не претерпевают заметной эволюции. Но Кармазинов выдержан от начала до конца в резко пародийном, памфлетном плане. Отношение же Достоевского к Степану Трофимовичу в ходе действия постепенно меняется, становится более теплым и сочувственным, хотя ирония по отношению к нему сохраняется. Глава, описывающая «последнее странствование» Степана Трофимовича и его смерть, исполнена глубокой патетики. Именно Степан Трофимович, прозревший в последние часы своей жизни истину и осознавший трагическую оторванность не только «детей», но и своего поколения от народа, является истолкователем евангельского эпиграфа к роману, причем смысл этого истолкования близок авторскому.

был, всегда и везде, *поэт по преимуществу.* 〈...〉 Это свойство его натуры 〈...〉 много объяснить может в его деятельности, даже его легкомыслие и склонность к каламбуру в высочайших вопросах нравственных и философских...» (см.: письмо к Н. Н. Страхову от 24 марта (5 апреля) 1870 г.). Степан Трофимович Верховенский тоже прежде всего поэт, склонный к шутке и каламбуру даже в самые патетические моменты своей жизни (ср. с характеристикой Степана Трофимовича в одной из заметок к роману: «Большой поэт, не без фразы», «Действительно поэт» — см.: наст. изд., т. XI, стр. 65—66).

[1] См. например, гл. I (ч. I), VI (ч. II), I (ч. III), где характеризуются взаимоотношения Степана Трофимовича и Кармазинова с Петром Верховенским и другими нигилистами. Ср. с высказываниями Тургенева о молодежи в «Литературных и житейских воспоминаниях» — *Тургенев, Сочинения,* т. XIV, стр. 13.

[2] Сходство Степана Трофимовича с тургеневскими героями отметил А. Н. Майков, и Достоевский с удовлетворением признал справедливость этого наблюдения в письме к последнему от 2/14 марта 1871 г.: «... у Вас, в отзыве Вашем проскочило одно гениальное выражение: „*Это тургеневские герои в старости*“. Это гениально! Пиша я сам грезил о чем-то в этом роде; но вы тремя словами обозначили всё, как формулой».

[3] Подробнее об этом см. на стр. 171.

[4] См.: *Никольский*; А. С. Долинин. Тургенев в «Бесах». *Сб. Достоевский, II,* стр. 119—136.

[5] Об изображении нечаевского дела в «Бесах» и «Нови» ср. также: Л. А. Николаева. Проблема «злободневности» в русском политическом романе 70-х годов (Тургенев и Достоевский). В кн.: Проблемы реализма русской литературы XIX века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1961, стр. 379—409.

Как воплощение типа благородного идеалиста и скитальца, бескорыстного и непримиримого к житейской пошлости, Степан Трофимович в конце романа обнаруживает черты, роднящие его с Дон-Кихотом: «В Степане Трофимовиче ⟨...⟩ есть искренняя пламенная мечта об идеале. Степан Трофимович смешон как Дон-Кихот, но сквозь это смешное мы видим его жажду идеала, олицетворяемого в образе Сикстинской Мадонны» (см.: *Чирков, 1967,* стр. 186—187).

В одной из черновых записей — о зависимости Степана Трофимовича от Княгини — названа фамилия «Смирнова» («получая пенсию от Смирновой» — см.: наст. изд., т. XI, стр. 69). Это свидетельствует, что при создании образа Варвары Петровны Ставрогиной Достоевский «отчасти имел в виду А. О. Смирнову-Россет (1810—1882), калужскую, а потом петербургскую губернаторшу, адресатку многих писем Н. В. Гоголя в его „Выбранных местах из переписки с друзьями“. ⟨...⟩ Отражение этого лица следует видеть и в той роли, которую играла в губернии Варвара Петровна при губернаторе Иване Осиповиче, предшественнике фон Лембке⟨...⟩ и в образе губернаторши Юлии Михайловны фон Лембке» (см.: *Коншина,* стр. 401).

Основными прототипами губернатора фон Лембке и его жены явились, как можно полагать, тверской губернатор П. Т. Баранов и его жена А. А. Баранова, урожденная Васильчикова. Чета Барановых, как указывает в своих воспоминаниях дочь писателя Л. Ф. Достоевская, активно содействовала тому, чтобы Достоевскому было разрешено вернуться из Твери в Петербург (см.: Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской. Под ред. и с предисл. А. Г. Горнфельда. М.—Пг., 1922, стр. 31).

По мнению М. С. Альтмана, имеющиеся в тексте романа указания на «бараньи глаза» и «бараний взгляд» фон Лембке прозрачно намекают на фамилию его реального прототипа. Возможно, что и сама фамилия «Лембке» также связана с фамилией тверского губернатора (Lämm по-немецки, lamb по-английски — «барашек»).

По предположению М. С. Альтмана, чиновник особых поручений при П. Т. Баранове Н. Г. Левенталь мог послужить прототипом Блюма. Характерна обмолвка С. Т. Верховенского, который, рассказывая Хроникеру об обыске, ошибочно назвал чиновника особых поручений при Лембке Розенталем. Подобная обмолвка, намекающая на реального Левенталя, является косвенным подтверждением того, что реальным прототипом фон Лембке явился П. Т. Баранов (*Прометей,* т. 5, стр. 444—445).

Как свидетельствует артистка А. И. Шуберт, друг и корреспондентка Достоевского, ее муж, также артист, М. И. Шуберт «прекрасно работал на столярном станке» и «... по всем правилам математического расчета сделал в миниатюре большой театр и фигуры, где очень натурально ходили по сцене».[1] Эту черту М. И. Шуберта (тоже немца по национальности) Достоевский, по-видимому, передал Лембке, напоминающему в этом отношении также гоголевского губернатора в «Мертвых душах», искусно вышивавшего по тюлю, и щедринского градоначальника Быстрицына (очерк «Зиждитель» из цикла «Помпадуры и помпадурши»), имевшего интерес к рукодельному мастерству (*Прометей,* т. 5, стр. 445). Отмечалась известная близость фон Лембке и к некоторым градоначальникам из «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина (см.: *Борщевский,* стр. 226—235).

К 1920-м годам относится вызвавшая широкие отклики полемика между Л. П. Гроссманом и В. П. Полонским о Бакунине как прототипе Николая Ставрогина (см. стр. 200—201). В настоящее время очевидно, что нет реальных оснований видеть в Ставрогине литературный портрет знаменитого бунтаря и анархиста, что не исключает отдельных психологических точек соприкосновения между ними. В то же время не подлежит сомнению, что в Ставрогине, как уже было указано, нашли отражение некоторые факты биографии, определенные черты внешнего и внутреннего облика петрашевца Н. А. Спешнева, хотя и подвергшиеся сложному субъективному переосмыслению.

---

[1] А. И. Шуберт. Моя жизнь. М., 1929, стр. 131; ср. с описанием художественных поделок фон Лембке.

Л. П. Гроссман полагал, что в образе Ставрогина получили выражение размышления Достоевского о людях могучей воли и сильных страстей, вынесенные из каторги и осмысленные посредством исторических ассоциаций: «Ставрогин напоминает каторжника Петрова своей огромной внутренней силой, не знающей, на чем остановиться. Есть в таких натурах нечто от Стеньки Разина, отмечает Достоевский. „Необъятная сила, непосредственно ищущая спокою, волнующаяся до страдания и с радостью бросающаяся во время исканий и странствий в чудовищные уклонения и эксперименты", может всё же установиться на такой сильной идее, которая сумеет организовать эту беззаконную мощь „до елейной тишины"» (см.: *Гроссман, Биография,* стр. 172; ср.: наст. изд., т. IX, стр. 128).

В окончательном тексте романа Хроникер, характеризуя силу воли и самообладание Ставрогина, оставившего пощечину Шатова без ответа, сравнивает его с декабристом М. С. Луниным (1787—1845), который «всю жизнь нарочно искал опасности, упивался ощущением ее, обратил его в потребность своей природы; в молодости выходил на дуэль ни за что; в Сибири с одним ножом ходил на медведя, любил встречаться в сибирских лесах с беглыми каторжниками» (см.: наст. изд., т. X, стр. 165).

Источником сведений о Лунине, приведенных Достоевским, явилась «Отповедь» декабриста П. Н. Свистунова, опубликованная в февральском номере «Русского архива» за 1871 г. Она содержала сходную характеристику Лунина. «Я помянул о его бесстрашии, — пишет П. Н. Свистунов, — хотя слово это не вполне выражает того свойства души, которым наделила его природа. В нем проявлялась та особенность, что ощущение опасности было для него наслаждением ⟨...⟩ Впоследствии, будучи в Сибири на поселении, Лунин один отправлялся в лес на волков, то с ружьем, то с одним кинжалом, и с утра до поздней ночи наслаждался ощущением опасности, заключающейся в недоброй встрече или с медведем, или с беглыми каторжниками» (*РА,* 1871, № 2, стр. 346—347).

При изображении поединка Ставрогина с Гагановым Достоевский творчески преломил приведенное в воспоминаниях Свистунова описание дуэли Лунина с Орловым: «Сравнение этого поединка с дуэлью Орлова обнаруживает ⟨...⟩ его генетическую общность со сведениями Достоевского о Лунине. Полное спокойствие, демонстративная стрельба в воздух, пробитая шляпа Лунина и Ставрогина, чрезмерная горячность и случайные промахи их противников, да и самый благополучный исход обоих поединков,— все это с полной несомненностью говорит о художественном оформлении писателем сырого материала заметки Свистунова» (см.: Л. Г. Гофман. Декабристы и Достоевский. В кн.: Тайные общества в России в начале XIX столетия. М., 1926, стр. 198).

Но Лунин, подобно другим «беспокойным в своей деятельности господам доброго старого времени», в своих поступках и ощущениях предстает в воображении Хроникера как цельный и непосредственный человек, в то время как Ставрогин обладает «нервозной, измученной и раздвоившейся природой». Он бы, по словам Хроникера, «и на дуэли застрелил противника, и на медведя сходил бы, если бы только надо было, и от разбойника отбился бы в лесу — так же успешно и так же бесстрашно, как и Л⟨уни⟩н, но зато уж безо всякого ощущения наслаждения, а единственно по неприятной необходимости, вяло, лениво, даже со скукой» (см.: наст. изд., т. X, стр. 165).

Литературно-генетически тип Ставрогина, как отмечалось, восходит к байроническому герою с его демонизмом, пессимизмом и пресыщенностью, а также к духовно родственному ему типу русского «лишнего человека». В галерее «лишних людей», созданных Пушкиным, Лермонтовым, Герценом и Тургеневым, наиболее родственны Ставрогину Онегин и еще более — Печорин.[1]

---

[1] Об отношении Ставрогина к героям Байрона и к лермонтовскому Печорину см.: 1) История русского романа, т. II. Изд. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 240—241; 2) В. И. Левин. Достоевский, «подпольный парадоксалист» и Лермонтов. «Известия АН СССР», Серия литературы и языка, 1972, т. XXXI, вып. 2, стр. 142—156.

Ставрогин напоминает Печорина не только психологическим складом, но и некоторыми чертами характера. Богатая духовная одаренность — и острое сознание бесцельности существования; искание «бремени» — большой идеи, дела, чувства, веры, которые могли бы полностью захватить их беспокойные натуры, — и в то же время неспособность найти это «бремя» в силу духовной раздвоенности; беспощадный самоанализ; поразительная сила воли и бесстрашие — эти черты в разной мере присущи Ставрогину и Печорину.

Подводя итоги своей неудавшейся жизни, оба героя приходят к одинаковым неутешительным результатам. «Пробегаю в памяти всё мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А верно она существовала, и верно было мне назначенье высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные. Но я не угадал этого назначенья, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден, как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений, лучший цвет жизни. И с той поры сколько раз уже я играл роль топора в руках судьбы!» — записывает Печорин в своем дневнике перед дуэлью с Грушницким (см.: *Лермонтов,* т. VI, стр. 321). «Я пробовал везде мою силу. ⟨...⟩ На пробах для себя и для показу, как и прежде во всю мою жизнь, она оказывалась беспредельною. ⟨...⟩ Но к чему приложить эту силу — вот чего никогда не видел, не вижу и теперь ⟨...⟩ из меня вылилось одно отрицание, без всякого великодушия и безо всякой силы. Даже отрицания не вылилось. Всё всегда мелко и вяло», — признается Ставрогин в предсмертном письме к Даше (см.: наст. изд., т. X, стр. 514).

Как и Печорин, «Ставрогин своим „демонизмом“, — пишет Г. М. Фридлендер, — психологически подавляет остальных героев „Бесов“. Особое „демоническое“ обаяние Ставрогина чувствуют противоположные по своим идеям и устремлениям лица — Шатов и Петр Верховенский, к нему влекутся с одинаковой силой все центральные персонажи романа — Даша и Лиза Дроздова, жена Ставрогина — Марья Тимофеевна Лебядкина и брошенная им Марья Шатова. Однако внешняя красота и обаяние Ставрогина — лишь застывшая трагическая маска, под которой скрываются страшная душевная опустошенность, утрата всех норм и нравственных устоев» (см.: История русского романа, т. II. Изд. «Наука», Л., 1964, стр. 240).

В то же время по замыслу Достоевского образ Ставрогина должен был стать новым по сравнению с его предшественниками, полемически окрашенным, трагическим вариантом в развитии темы романтического «демонизма»: «У героев Байрона (или, в России, Лермонтова) „демонизм“ был следствием перенесенных героем в прошлом разочарований, вызванных столкновением благородных, вольнолюбивых стремлений со сковывающей и унижающей человека действительностью. Под пеплом разочарования и скептицизма в душе байроновского героя, лермонтовского Демона или Печорина скрывались горячие искры, которые в любой момент могли разгореться ярким пламенем. В душе Ставрогина нет и следов подобного огня. Самый источник его разочарования и страданий иной, чем у лермонтовских героев. ⟨...⟩ Ставрогин глух к нуждам и интересам окружающих людей, он индивидуалист до мозга костей, занятый всецело самим собой и в то же время именно поэтому болезненно ощущающий в себе зияющую „роковую“ пустоту. Известное влияние на такую трактовку образа „демонического“ героя ⟨...⟩ оказала критика „хищного типа“ в статьях Аполлона Григорьева и других критиков-славянофилов» (там же).

Бурная юность Ставрогина и его причудливые забавы не без причины вызывают в памяти Степана Трофимовича образ юного принца Гарри, героя исторической хроники В. Шекспира «Король Генрих IV».[1] Известную ана-

[1] Об отражении в «Бесах» черт шекспировских персонажей см.: N. L e e r. Stavrogin and Prince Hal: The Hero in Two Worlds. «The Slavic and East European Journal», 1962, т. VI, № 2, p. 99—116; см. также: Шекспир и русская культура. Под ред. М. П. Алексеева. Изд. «Наука», М.—Л., 1965, стр. 595—597; Ю. Д. Л е в и н. Достоевский и Шекспир. В кн.: *Материалы и исследования,* т. I, стр. 108—134.

логию можно усмотреть также между Ставрогиным и Стирфортом, «демоническим» героем романа Ч. Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим» (1849—1850). Сын богатой вдовы, высокоодаренный и образованный юноша, Стирфорт бесплодно растрачивает свои способности и трагически гибнет. В нем, как и в Ставрогине, смелость, благородство и щедрость натуры сочетаются с ранней развращенностью, надменностью и жестокостью (см.: G. Katkov. Steerforth and Stavrogin: on the Sources of «The Possessed». «Slavonic and East European Review», 1949, № 5, p. 25—37).

Для понимания авторского суда над Ставрогиным существен анализ его отношений с Хромоножкой.

В поэтике Достоевского символы «почва» и «земля», служащие для определения отношения человека к миру, занимают существенное место и наполнены большим философско-этическим содержанием: «...земля — всё, а уж из земли ⟨...⟩ и всё остальное, то есть и свобода, и жизнь, и честь, и семья, и детишки, и порядок, и церковь — одним словом, всё, что есть драгоценного»; «... дети ⟨...⟩ должны родиться на земле, а не на мостовой. Можно жить потом и на мостовой, но родиться и *всходить* нация, в огромном большинстве своем, должна на земле, на почве, на которой хлеб и деревья растут» (*ДП*, 1876, июль и август, гл. IV, § 4, «Земля и дети»).[1] «Бытовая близость к земле или удаленность от нее человека, затем и целого поколения, волнует и влечет к себе внимание Достоевского как некий внешний признак духовного лица этого человека или поколения».[2]

Чистота сердца, детскость, открытость добру, простодушие, радостное приятие мира роднят Хромоножку с другими «светлыми» образами Достоевского. Ее, слабоумную и юродивую, писатель наделяет ясновидением, способностью прозревать истинную сущность явлений и людей. И это не случайно: своей глубинной сущностью Хромоножка неразрывно связана с «землей», «почвой», религиозно-этической народной правдой — в противоположность Ставрогину, утратившему эти кровные связи. Хромоножка разоблачает «мудрого» Ставрогина как предателя и самозванца, и ее суд приводит к роковым для обоих последствиям: именно после него Ставрогин, подобно Ивану Карамазову после свидания с Смердяковым, внутренне соглашается на убийство Хромоножки.

Фамилия «Ставрогин» (от греч. σταυρός — крест) намекает на высокое призвание ее носителя. Но Ставрогин изменяет своему назначению: «Изменник перед Христом, он неверен и Сатане ⟨...⟩ Он изменяет революции, изменяет и России (символы: переход в чужеземное подданство и в особенности отречение от своей жены, Хромоножки). Всем и всему изменяет он и вешается, как Иуда, не добравшись до своей демонической берлоги в угрюмом горном ущелье».[3] (см.: Вяч. Иванов. Основной миф в романе «Бесы». В кн.: В. Иванов. Борозды и межи. М., 1916, стр. 70).

В свое время Вяч. Иванов не без основания усмотрел в романе «Бесы» сложное переосмысление символики «Фауста» Гете, основанной на отношении дерзающего человеческого «я» с силами зла. «Николай Ставрогин — отрицательный русский Фауст, — отрицательный потому, что в нем угасла любовь и с нею угасло то неустанное стремление, которое спасает Фауста; роль Мефистофеля играет Петр Верховенский, во все важные мгновения возникающий за Ставрогиным с ужимками своего прототипа. Отношение между Гретхен и Mater Gloriosa — то же, что отношение между Хромонож-

---

[1] О философско-этической концепции «почвы» и «земли» у Достоевского см.: Б. М. Энгельгардт. Идеологический роман Достоевского. *Сб. Достоевский, II,* стр. 71—105; ср. о символических мотивах романа: Л. М. Лотман. Романы Достоевского и русская легенда. *РЛ*, 1972, № 2, стр. 138—140.

[2] В. Комарович. Генезис романа «Подросток». В кн.: Литературная мысль, вып. III. Л., 1925, стр. 374.

[3] Возможно также, что фамилия «Ставрогин» навеяна фамилией родственника писателя — Ставровского — см.: *Бем, Личные имена,* стр. 432.

кою и Богоматерью. Ужас Хромоножки при появлении Ставрогина в ее комнате предначертан в сцене безумия Маргариты в тюрьме. Ее грезы о ребенке почти те же, что бредовые воспоминания гетевской Гретхен...» (см.: там же, стр. 66).[1]

Отмечая внутреннюю связь между двумя замыслами Достоевского, «Бесами» и «Житием великого грешника», Ф. И. Евнин назвал историю Николая Ставрогина своеобразной «мистерией гибели великого грешника». В отличие от своего прямого предшественника в творчестве романиста — Свидригайлова — Ставрогин — «носитель сложных мировоззренческих концепций», страдающий от отсутствия у него внутреннего центра, а потому обнаруживающий предельную моральную и идейную амбивалентность. «Идеологическим отражением внутренней раздвоенности Ставрогина становится его проповедь самых противоречивых, взаимно исключающих друг друга учений: атеизма — Кириллову, православия — Шатову. И Шатов и Кириллов — как бы эманации его души, все в себя вмещающей и именно потому бессильной и бесплодной. „Исчадьем“ ее в ином плане представлен и Петр Верховенский (названный «червяком», «обезьяной» Ставрогина)...». Обстановка самоубийства Ставрогина «повторяет ту, при которой покончила с собой загубленная им Матреша: так вершится „высший суд“ над „великим грешником“» (см.: Ф. И. Евнин. Роман «Бесы». *Творчество Достоевского,* стр. 244—245).

По справедливому утверждению исследователя, «центральный образ „Бесов“ иными своими чертами предваряет излюбленного героя декадентской литературы — индивидуалиста, ставшего „по ту сторону добра и зла“» (см.: там же, стр. 255). Еще А. Л. Волынский писал в начале XX в. по этому поводу: «Достоевский ⟨...⟩ наметил в лице Ставрогина большое психологическое явление, в то время еще совсем не обозначившееся в русской жизни и едва обозначившееся в Европе, явление, получившее впоследствии наименование декадентства» (см.: А. Л. Волынский. Достоевский. СПб., 1906, стр. 393).

8

В стороне от «бесовского» окружения Петра Верховенского стоят Шатов и Кириллов.[2] Оба они принадлежат к числу тех людей, которых «съела идея». «Это было одно из тех идеальных русских существ, — характеризует

---

[1] А. Л. Бем отметил другую художественную аналогию, сблизив мотив убийства Хромоножки и Лебядкина с гибелью Филимона и Бавкиды во второй части «Фауста» (см. в кн.: O Dostojevském. Praha, 1972, стр. 201 —208).

[2] О философских истоках теории Кириллова см. выше, стр. 221—223. В. И. Кельсиев вспоминает об артиллерийском офицере П. И. Красноцевцеве, русском эмигранте в Тульче, который покончил жизнь самоубийством (см.: Пережитое и передуманное. Воспоминания В. И. Кельсиева. СПб., 1868, стр. 386—402). А. С. Долинин усматривает в приведенной Кельсиевым характеристике П. И. Красноцевцева отдаленное сходство с сюжетной ситуацией, изображенной в «Бесах» (см.: *Д, Письма,* т. II, стр. 399). Л. П. Гроссман предполагает, что реальным прототипом Кириллова отчасти послужил петрашевец К. И. Тимковский (1814—1881), отставной флотский офицер. «Личность Тимковского, — пишет он, — видимо, отразилась через двадцать лет на образе инженера Кириллова в „Бесах“: стремительный путь от религиозности к атеизму, готовность взорвать весь мир при серьезной практической работе в государстве, своеобразная революционность и самопожертвование при маниакальности господствующей идеи — все это отмечает одного из выдающихся героев Достоевского резкими чертами его исторического прототипа» (см.: *Гроссман, Биография,* стр. 107). Достоевский писал о Тимковском: «Это ⟨...⟩ один из тех исключительных умов, которые если принимают какую-нибудь идею, то принимают ее так, что она первенствует над всеми другими, в ущерб дру-

Шатова Хроникер, — которых вдруг поразит какая-нибудь сильная идея и тут же разом точно придавит их собою, иногда даже навеки. Справиться с нею они никогда не в силах, а уверуют страстно, и вот вся жизнь их проходит потом как бы в последних корчах под свалившимся на них и наполовину совсем уже раздавившим их камнем» (см.: наст. изд., т. X, стр. 27).

Близкую мысль Достоевский высказывает в «Дневнике писателя»: «Идея вдруг падает у нас на человека, как огромный камень, и придавливает его наполовину,— и вот он под ним корчится, а освободиться не умеет» (*ДП*, 1876, май, гл. II, § 2, «Одна несоответственная идея»). По мнению писателя, подобную безграничную власть идея приобретает в переходное время над неустойчивым, расшатавшимся сознанием представителей «русского культурного слоя», не имеющих глубоких корней в родной почве, порвавших связи с народными традициями и верой.

Фамилия «Шатов» указывает на умственную и нравственную неустойчивость ее носителя.[1]

Для понимания эволюции образа Шатова, помимо Иванова и других лиц, названных выше, существенный интерес представляют жизненные судьбы, а отчасти личность и взгляды В. И. Кельсиева, Н. Я. Данилевского и П. И. Огородникова.[2]

В. И. Кельсиев (1835—1872) был сыном бедного чиновника. Окончил Петербургское коммерческое училище; учился также на факультете восточных языков Петербургского университета. В мае 1859 г. переехал в Лондон, где сблизился с Герценом и Огаревым. С ноября 1859 г. остался в Лондоне на положении политического эмигранта. Уже в это время Герцен и Огарев видели политическую незрелость Кельсиева.

Кельсиев проявлял большой интерес к старообрядчеству и сектантству. Результатом его научных занятий в этой области явилась публикация «Сборника правительственных сведений о раскольниках» (вып. I—IV, Лондон, 1860—1862), а также участие вместе с Герценом и Огаревым в издании журнала «Общее вече».

К 1862 г. относится нелегальная поездка Кельсиева в Россию с целью привлечения старообрядцев к революционному движению. Осенью 1862 г. Кельсиев выехал в Турцию для сближения со старообрядцами. После долгих скитаний по Турции, Австрии, Венгрии, Галиции и Румынии Кельсиев, потерявший жену и детей, которые погибли от холеры, добровольно

гим. Его поразила только одна изящная сторона системы Фурье...» (см.: *Бельчиков*, стр. 137). Достоевский отмечает в Тимковском «врожденное чувство изящного» и ум, «жаждущий познаний», беспрерывно требующий пищи. «Некоторые принимали его за истинный, дагерротипно-верный снимок с Дон-Кихота и, может быть, не ошибались», — говорит он (см.: там же, стр. 138).

[1] В письме к М. Н. Каткову 1865 г. Достоевский дважды упоминает о «шатости понятий» героя «Преступления и наказания». В черновых вариантах романа мы находим и фамилию Шатов (см.: наст. изд., т. VII, стр. 93). См. также: М. С. Альтман. Имена и прототипы литературных героев Достоевского. «Ученые записки Тульского педагогического института», 1958, вып. 8, стр. 139—142. Тема «шатости» русской интеллигенции занимает значительное место в подготовительных материалах к «Бесам» (см., например, следующие записи: «У нас не верят себе ⟨...⟩ *Шатость* во всем двухсотлетняя»; «Шатость, сумбур, падение кумира»; «Об обществе: или равнодушие, или шатание»; «...неопределенностию, слабостию реформ, недоверием и к себе, и к обществу при исполнении реформ они произвели в обществе шатость, как говорит Шатов, неопределенность, сумбур, слабость убеждения и веры» — см.: наст. изд., т. XI, стр. 148, 156 и др.).

[2] Путевые заметки П. И. Огородникова «От Нью-Йорка до Сан-Франциско и обратно в Россию» («Заря», 1870, №№ 4—6, 9, 11—12) послужили Достоевскому источником при изображении эпизода из жизни Шатова и Кириллова в Америке (см. ниже, стр. 293—294).

явился в Скулянскую таможню на границе Румынии и России и сдался на милость русскому правительству.[1]

А. С. Долинин отметил, что при сопоставлении «раскаявшихся нигилистов» Шатова и Кельсиева намечается параллель, «и довольно яркая, не только между личными их *сюжетами*, но и основными чертами их душевной организации» (см.: *Д, Письма*, т. II, стр. 398). Обращает внимание в связи с этим характеристика Кельсиева, данная Герценом в «Былом и думах»: «С первого взгляда, — пишет Герцен о Кельсиеве, — можно было заметить много неустроенного и неустоявшегося, но ничего пошлого. Видно было, что он вышел на волю из всех опек и крепостей, но еще не приписался ни к какому делу и обществу — цеха не имел. Он ⟨...⟩ учился всему на свете и ничему не научился дотла, читал всякую всячину и надо всем ломал довольно бесплодно голову. От постоянной критики всего общепринятого Кельсиев раскачал в себе все нравственные понятия и не приобрел никакой нити поведения. Особенно оригинально было то, что в скептическом ощупывании Кельсиева сохранилась какая-то примесь мистических фантазий: он был нигилист с религиозными приемами. ⟨...⟩ Кельсиев был в душе „бегуном", — бегуном нравственным и практическим: его мучила тоска, неустоявшиеся мысли. На одном месте он оставаться не мог. Он нашел работу, занятие, безбедное пропитание, но не нашел *дела*, которое бы поглотило совсем его беспокойный темперамент; он был готов покинуть все, чтоб искать его, готов был не только идти на край света, но сделаться монахом, приняв священство без веры» (*Герцен*, т. XI, стр. 330—331, 334).

Шатов проходит ту же эволюцию, что и Кельсиев, — от увлечения революционными идеями к своеобразному славянофильству и религиозным исканиям. Оба они люди мятущегося духа, сложных идейных увлечений и противоречий. Кельсиев в сжигавшей его жажде всепоглощающего дела, большой идеи, веры готов был, согласно Герцену, идти не только на край света, но постричься в монахи, приняв священство без веры. Шатов, фанатически поверивший в русского «народа-богоносца», не способен, однако, к полной, непосредственной религиозной вере, которую готов добыть мукой, «трудом».

Шатов, как и Кельсиев в представлении Герцена, — продукт книжной культуры, оторвавшейся от народа. В одной из февральских записей о нем сказано: «Ш⟨атов⟩ беспокойный, продукт книги, столкнувшийся с действительностью, уверовавший страстно и не знающий, что делать. Много красоты» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 99). Сам Шатов называет себя «книжным человеком» и «скучной книжкой», а Степан Трофимович прилагает к нему эпитет «недосиженный» (см.: там же, т. X, стр. 29).

В Шатове получили, возможно, своеобразное художественное преломление также некоторые факты биографии Н. Я. Данилевского (1822—1885), в молодости фурьериста и петрашевца, затем «раскаявшегося нигилиста», порвавшего с социалистическими увлечениями своей юности, автора нашумевшей книги «Россия и Европа» («Заря», 1869; первое отд. издание: СПб., 1871).

Эволюция Данилевского, как считал Достоевский, свидетельствовала о разрыве этого бывшего фурьериста с чужеродными западными влияниями, его стремлении вернуться к родной почве, стать «вполне русским и национальным человеком», «возлюбить свою почву и сущность».

В письмах 1869—1870 гг. Достоевский дает высокую оценку книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», в которой обоснована теория культурно-исторических типов. Достоевский с сочувствием воспринял неославянофильские идеи Данилевского о близком закате европейской цивилизации, уже пережившей свой расцвет, о великой будущности славянства и России.[2]

---

[1] О В. И. Кельсиеве см. в комментариях П. Г. Рындзюнского: *ЛН*, т. 62, стр. 159—170; ср. воспоминания Кельсиева «Пережитое и передуманное» и «Исповедь» (*ЛН*, т. 41—42, стр. 253—470).

[2] О концепции культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского см.: История философии в СССР, т. III. Изд. «Наука», М., 1968, стр. 332—338; см. также: *Кирпотин, Достоевский в шестидесятые годы*, стр. 23—25.

В шатовской концепции «народа-богоносца» нетрудно обнаружить следы влияния идей Данилевского, восходящих в свою очередь к своеобразно переосмысленной им философии истории Шеллинга и Гегеля. Приведем текстовую параллель из романа «Бесы» и книги Данилевского «Россия и Европа».

Шатов	Данилевский
«Евреи жили лишь для того, чтобы дождаться бога истинного, и оставили миру бога истинного. Греки боготворили природу и завещали миру свою религию, то есть философию и искусство. Рим обоготворил народ в государстве и завещал народам государство» (см.: наст. изд., т. X, стр. 199).	«...искусство, развитие идеи прекрасного было преимущественным плодом цивилизации греческой; право и политическая организация государства — плодом цивилизации римской; развитие религиозной идеи единого истинного бога — плодом цивилизации еврейской» (см.: Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. СПб., 1871, стр. 132).

Прототипом юродивого Семена Яковлевича послужил известный в свое время московский юродивый Иван Яковлевич Корейша (1781—1861). Сведения о нем Достоевский черпал в основном, очевидно, из брошюры И. Г. Прыжова «Житие Ивана Яковлевича, известного пророка в Москве» (СПб., 1860). Прыжов лично посетил Ивана Яковлевича и описал это посещение. М. С. Альтман, указавший на известное сходство портретного описания юродивых Достоевского и Прыжова, отметил, что «личное посещение Лямшиным Семена Яковлевича находит себе соответствие в подобном же посещении Прыжовым Ивана Яковлевича»: «...рассказывая о своем посещении, Лямшин сообщает, что святоша „пустил ему вслед собственною рукою двумя большими вареными картофелинами“. И эта характерная деталь имеется в рассказе Прыжова о том, как Иван Яковлевич приведенную к нему больную ударил по животу двумя яблоками, а на другую „болящую сел верхом и стал ее бить по голове яблоком“» (М. Альтман. И. Г. Прыжов. М., 1932, стр. 143).[1]

В «Житии Ивана Яковлевича» приведено излюбленное словечко юродивого «кололацы», упоминающееся в материалах к «Бесам» и получившее распространение в журнальной полемике 1860-х годов (см. статью Каткова «Старые и новые боги» — *РВ*, 1861, № 2, стр. 891—904). Катков, полемизируя с «Современником», употребляет это словечко Ивана Яковлевича, приравнивая взгляды руководителей журнала к бессмысленным выкликаниям юродивого: «*Кололацы! Кололацы!* А разве многое из того, что преподается и печатается—не *кололацы*? Разве философские статьи, которые помещаются иногда в наших журналах,—не *кололацы*? ⟨...⟩ новые культы, новые жрецы, новые поклонники, новые *кололацы,* новые суеверия не так благодушны и кротки; они обругают всякого, кто пройдет мимо, и обольют нечистотами всякого, кто решится сказать свое слово, кто изъявит сомнение или потребует испытания; они зажмут себе уши, чтобы не слышать убеждений; они цинически скажут вам, что не знают и знать не хотят того, что они осуждают. С неслыханною в образованных обществах наглостью они будут называть всех и каждого *узколобыми, жалкими бедняжками,* всех, кроме своих Иванов Яковлевичей и поклонников их» (см.: там же, стр. 893, 898). Достоевский

---

[1] Другим литературным источником, использованным Достоевским при описании сцены посещения Семена Яковлевича веселой компанией, послужила книга «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Св. Земле постриженника Св. Горы Афонской инока Парфения» в четырех частях, в которой есть глава «О юродивом Иоанне Яковлевиче». Второе издание этой книги (М., 1856) находилось в библиотеке Достоевского (см.: *Библиотека,* стр. 155). Упоминание о ней есть также в материалах к «Бесам» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 76; см. также: *Коншина,* стр. 410, 420).

в подготовительных материалах к роману применяет слово «кололацы» к деятельности Петра Верховенского:

«N3. — Так вы думаете, что общее дело всё равно что кололацы?

— Я думаю, что в том виде, в котором оно представляется, — кололацы». И еще один пример: «„Кололацы“. У него откровенные кололацы, а у вас те же кололацы, но вы думаете, что величайшая мудрость» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 235—236).

Тот же Прыжов описал в статье «26 московских лже-пророков, лже-юродивых, дур и дураков» и другого московского «пророка» — Семена Митрича. Из контаминации имен двух юродивых — Семена Митрича и Ивана Яковлевича — Достоевский мог произвести имя своего юродивого Семена Яковлевича (см.: М. Альтман. И. Г. Прыжов, стр. 143—144).

М. С. Альтман отмечает, что вышедшая из монастыря Марья Тимофеевна (Хромоножка) — «вариант прыжовской Марии Ивановны, тоже хромой, взятой из богадельни» (см.: там же, стр. 144; ср. очерк «Марья Ивановна Скачкова» в упомянутой выше статье Прыжова). Но сходство этих женских образов ограничивается лишь их именем и хромотой обеих. Образ Хромоножки имеет иные, более сложные, в том числе фольклорные, истоки.

Одним из прототипов капитана Лебядкина, по предположению А. С. Долинина, мог быть П. Н. Горский, второстепенный беллетрист 1850—1860-х годов, с которым Достоевского связывали литературные и личные отношения: «Пьяница, скандалист, мелкий вымогатель, он как бы охотно подчеркивал, с каким-то сладострастием, но и не без надрыва, свою нравственную низость, себя противопоставляя людям „порядочным“ и в то же время язвительно-зло и умно над ними издеваясь» (см.: *Д, Письма,* т. II, стр. 423). Горский, подобно Лебядкину, «был также „штабс-капитан в отставке“, писал и печатал разного рода вирши, и патриотические, и сатирические, козырял своей бывшей военной карьерой и в пьяном виде является таким же деспотом со своей любовницей М. Браун, как Лебядкин с сестрой-хромоножкой. Кроме того, у Горского в его очерке „Бедные жильцы“ выведен „регистратор Лебедкин“, упоминаемый и в „Высокой любви“» (см.: *Нечаева, «Время»,* стр. 233).[1]

Образ Федьки Каторжного (в подготовительных материалах этот персонаж фигурирует под фамилией то Куликова, то Кулишова) также, по-видимому, восходит к реальному прототипу — арестанту Куликову, изображенному Достоевским в «Записках из Мертвого дома» и в плане к «Житию великого грешника» (разбойник Куликов-Кулишов).[2]

А. Л. Бем отметил, что «имя „Федька Каторжный“ стоит в связи с именем „Ванька Каин“ ⟨...⟩ пословичный характер языка Федьки Каторжного выдержан совершенно в стиле „Жизни и похождений российского Картуша, именуемого Каином“; ср.: „пыль да копоть, притом нечего и лопать“, „вот тебе луковка попова! облуплена готова! знай почитай, а умру поминай!“ (Ванька Каин); „либо сена клок, либо вилы в бок“, „черт в корзине нес, да растрес“ («Бесы»)» (см.: *Бем, Личные имена,* стр. 413).

Не отрицая возможного использования Достоевским сочинения М. Комарова в качестве литературного источника при создании образа Федьки Каторжного, следует подчеркнуть жизненные истоки этого персонажа. Для изучения лексики и фразеологии Федьки большой интерес представляет Сибирская тетрадь.

Памфлетное задание романа, с одной стороны, его сложная философско-идеологическая проблематика и трагическая атмосфера, с другой, определяют «двусоставность» поэтики «Бесов». Достоевский щедро пользуется в романе приемами алогического гротеска, шаржа, карикатуры. Продолжая линию

---

[1] Письма П. Н. Горского к Достоевскому за 1864—1865 гг. опубликованы Е. М. Хмелевской — см.: *Достоевский и его время,* стр. 255—267.

[2] О Куликове см. в комментариях к «Запискам из Мертвого дома» (наст. изд., т. IV, стр. 286). См. также: М. С. Альтман. Из арсенала имен и прототипов литературных героев Достоевского. *Достоевский и его время,* стр. 201—202.

«Скверного анекдота», «Крокодила», а также ряда своих публицистических выступлений 1860-х годов во «Времени» и «Эпохе», писатель во многом отталкивается от опыта демократической сатирической журналистики 1860-х годов, переосмысляя ее образы и темы и обращая против демократического лагеря им же выработанные остросатирические приемы и средства борьбы. И вместе с тем карикатура и гротеск непосредственно соседствуют в романе с трагедией, страницы политической и уголовной хроники — с горячими и страстными исповедальными признаниями и философскими диалогами главных героев.

В самом сюжете романа контрапунктно сплетаются две линии: Верховенского и рядовых участников нигилистического заговора — и Ставрогина, Кириллова, Шатова, внутренняя сущность которых раскрывается до конца в иной, интеллектуальной сфере богоборческих, религиозно-нравственных исканий.

«В композиционном отношении „Бесы“, — справедливо пишет Ф. И. Евнин, сопоставляя этот роман с двумя предыдущими романами-трагедиями Достоевского, — создание гораздо более нестройное, громоздкое, „неправильное“, с рядом „пристроек“ и внутренних „переходов“, с многочисленными то расходящимися, то перекрещивающимися сюжетными нитями и узлами, с эпизодами, как бы со стороны вторгающимися в повествование (например, неожиданное возвращение к Шатову его жены в третьей части романа). Основное действие порой как бы замирает; его перебивают побочные эпизоды (например, в гл. 4 и 5 второй части).

Тем не менее и в „Бесах“ в полной мере сказалась поразительная сюжетная изобретательность Достоевского, его исключительное искусство ведения романической интриги, стремительной и острой. Почти всё в романе устремлено к центральному происшествию ⟨...⟩ — к убийству Шатова, подготовляя его событийно и психологически. Зачин и концовка, посвященные Степану Трофимовичу, как бы обрамляют роман кольцом. Степан Трофимович — отец одного из главных „бесов“ и воспитатель второго; он воплощает то западничество, которое, по концепции Достоевского, породило „нигилизм“. Поэтому с него роман начинается; его „последним странствованием“ он завершается. С двумя основными сюжетными линиями — Ставрогина (главного лица трагедии) и Верховенского-сына (главного персонажа памфлета) — тесно связаны все разветвления и узлы сюжета. К этим двум главным артериям романа путем самых различных мотивировок „подключены“ все эпизоды и персонажи его, столь многочисленные и столь разнообразные ⟨...⟩ прелюдией к драме, как это часто бывает у Достоевского, служит фарс — полные комизма сцены „Праздника“ (шутовское стихотворение Лебядкина, скандальный провал «Merci», нелепая «кадриль литературы» и т. д.). Неожиданно наступает крах, разгул стихий, разгул всех ранее сдерживаемых губительных страстей. Пылают подожженные кварталы города; Федька убивает Хромоножку и ее брата; сходит с ума незадачливый губернатор; Лиза отдается Ставрогину и убеждается в его неспособности любить; Степан Трофимович бежит из города, предпринимая свое „последнее странствование“; обезумевшая толпа приканчивает Лизу» (Ф. И. Евнин. Роман «Бесы». *Творчество Достоевского,* стр. 259, 261).

Форма провинциальной хроники уже встречалась у Достоевского в повести «Дядюшкин сон» (1859). Но здесь рамки и содержание нарисованной Достоевским картины были значительно уже. В «Бесах» изображена иная эпоха из истории русской провинции, жизнь которой в пореформенные годы утратила свою прежнюю замкнутость и патриархальную неподвижность, стала, в понимании Достоевского, зеркалом *общей картины* жизни страны со всеми присущими этой жизни беспокойством, противоположными социально-политическими тенденциями и интересами. Именно ощущение теснейшей связи между жизнью столичной и провинциальной России позволило Достоевскому избрать для своего романа-памфлета, направленного против русских революционеров, форму провинциальной хроники.

Использованная Достоевским в «Бесах» форма хроники (позднее в видоизмененном виде она нашла применение также в «Братьях Карамазовых»)

потребовала от автора создания новой для него фигуры рассказчика-хроникера. Впоследствии эта фигура вызывала большой интерес М. Горького и несомненно в какой-то мере была учтена им в его романах-хрониках (например, в «Жизни Матвея Кожемякина»). Рассказчик в «Бесах» в отличие от Ивана Петровича в «Униженных и оскорбленных» не столичный человек, не литератор, а провинциальный обыватель с несколько (хотя и умеренно) архаизированным языком. Уже в зачине романа подчеркнуты литературная неопытность, «неумение» рассказчика (см.: наст. изд., т. X, стр. 7); стиль его насыщен характерными словечками вроде «столь», «доселе», «многочтимый», оговорками, подчеркивающими его неуверенность в себе, и т. д.

Фигура рассказчика «Бесов» была создана Достоевским в период, когда проблемы художественного сказа привлекали к себе пристальное внимание Н. С. Лескова. Но задача, которую ставил перед собой автор «Бесов», была иной, чем та, которую преследовал автор «Соборян» и «Очарованного странника». Главной целью Лескова было воспроизвести тонкий стилистический узор речи человека из народа, своеобразно отражающей артистическую одаренность и яркость восприятия жизни, ему свойственные. Автор же «Бесов» хотел создать психологически сложный образ пассивного, сбитого с толку надвигающимся на него неожиданным напором событий интеллигентного обывателя.[1] Рассказчик-хроникер в «Бесах» выступает не только как лицо, ретроспективно описывающее и комментирующее события романа, но и как участник этих событий, в которых он до самого конца играет роль младшего друга и почитателя Степана Трофимовича Верховенского.

Позволяя себе порой ядовито критиковать Степана Трофимовича и других лиц, рассказчик тем не менее обычно социально и психологически не противостоит им; напротив, он теряется и «стушевывается» перед ними, подчеркивая их превосходство, свою относительную незначительность по сравнению с героями первого плана. В то же время нередко автор становится на место рассказчика, тонко передоверяя ему свой голос и свою иронию.[2]

9

Особо важный эпизод творческой истории «Бесов» — история главы «У Тихона» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 5—30), имевшей сложную судьбу. Эта глава, составлявшая, по замыслу автора, неотъемлемую часть романа, была забракована редакцией «Русского вестника». После долгих, безуспешных попыток ее спасти писатель был вынужден согласиться с требованием Каткова и исключить главу, которою он весьма дорожил, из журнальной редакции «Бесов». Позднее — после выхода романа — он уже не делал попыток ее восстановления, считая это, видимо, в тогдашних цензурных условиях безнадежным.

Глава «У Тихона» дошла до нас в двух источниках, ни один из которых не дает полного, вполне исправного ее текста. Первый из них — это гранки декабрьской книжки «Русского вестника» 1871 г. с правкой Достоевского. Первоначальный слой текста соответствует той рукописи, которая была послана автором в Москву в качестве девятой главы второй части романа (одной, пятнадцатой по счету, гранки не хватает). Корректура испещрена многочисленными исправлениями и дополнениями, разновременными по своему характеру, и представляет собой по существу творческую рукопись, работа над которой так и не была закончена. Второй источник текста главы —

---

[1] О творческих взаимоотношениях Достоевского и Лескова периода «Бесов» см.: Е. М. Пульхритудова. Достоевский и Лесков. *Достоевский и русские писатели,* стр. 94—119.

[2] См. о хроникере-рассказчике в «Бесах»: Я. О. Зунделович. Романы Достоевского. Ташкент, 1963, стр. 105—140; В. А. Туниманов. Рассказчик в «Бесах». В кн.: Исследования по поэтике и стилистике. Изд. «Наука», Л., 1972, стр. 87—162.

копия, сделанная рукою А. Г. Достоевской с неизвестной рукописи и не доведенная до конца *(Список)*. Отличающаяся существенными разночтениями от корректурного текста главы и восполняющая содержание утраченной пятнадцатой гранки, эта копия приобретает значение самостоятельной редакции.

Основные мотивы главы «У Тихона» были намечены в подготовительных материалах к роману еще в первой половине 1870 г. В них будущей главе «У Тихона» отведено значительное место. Можно проследить три стадии воплощения замысла. Первоначально «Князь исповедует Ш⟨атову⟩ свою подлость с ребенком (изнасиловал), написал исповедь, хочет напечатать, показал Шатову, прося совета. Но после того возненавидел Ш⟨атова⟩ и рад был, что его убили. Говорит, что хочет, чтоб ему плевали в лицо» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 153). Затем Достоевский роль Шатова передал архиерею, к которому герой приходит с устным признанием в преступлениях: «Признается Тихону,[1] что ему весело глумиться над Красавицей», рассказывает про девочку. В конце концов писатель останавливается на идее «записки», «листов к распространению», т. е. на исповеди героя в письменной форме,[2] что и нашло воплощение в связном тексте главы (см.: там же, стр. 208—209).

Непосредственным введением в сложную религиозно-философскую атмосферу исповеди Ставрогина может служить следующая характеристика этого персонажа, относящаяся, очевидно, к весне—лету 1871 г.: «Князь понимает, что его мог бы спасти энтузиазм (н⟨а⟩пр⟨имер⟩, монашество, самопожертвование исповедью). Но для энтузиазма недостает *нравственного* чувства (частию от неверия). „*Ангелу Сардийской церкви напиши*“. Частию от буйных телесных инстинктов. *Из гордой иронии на несовладение самим собою — он женился.* ⟨...⟩ Из страсти к мучительству изнасиловал ребенка. *Страсть к угрызениям совести.* ⟨...⟩ Страстность — Лиза. Овладев ею, убивает Хромоножку. С убийством Шатова — порыв сумасшествия (речи, молебны), и повесился. Тоска. Но главное все-таки — безверие. Ужас к самому себе: н⟨а⟩пр⟨имер⟩, от сознания наслаждения в страдании других. Князь говорит Тихону прямо, что иногда он глубоко страждет укорами совести, иногда же эти укоры обращаются ему в наслаждение. (Булавки под ногтями у ребенка.) Не на что опереться нравственному чувству. Тихон прямо ему: „Почвы нет. Иноземное воспитание. Полюбите народ, святую веру его. Полюбите до энтузиазма“» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 274).

Из письма Достоевского к С. А. Ивановой от 6 (18) января 1871 г. видно, что к тому времени, когда было написано еще всего около 8 листов связного

---

[1] О воронежском епископе Тихоне Задонском и об отношении Достоевского к нему и его поучениям см. комментарий к «Житию великого грешника» — наст. изд., т. IX, стр. 511—513. Предыстория главы «У Тихона» уходит своими корнями в творческие замыслы писателя середины 1860-х годов. Тема обиженной девочки, возникшая у Достоевского в начале 1860-х годов в связи с замыслом неосуществленного романа (см.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 348—349), сохраняет устойчивость и в последующем творчестве писателя, сложно преломляясь и видоизменяясь в зависимости от тех художественных задач, которые он перед собой ставил (темы поруганной невинности и красоты; предельного нравственного падения, раскаяния и возрождения; образ «сладострастного насекомого», не знающего жалости к своей жертве, и др.). Достаточно вспомнить романы «Преступление и наказание» (ночной бред Свидригайлова перед самоубийством), «Идиот» (юная Настасья Филипповна, обольщенная Тоцким), незавершенный замысел «Жития великого грешника» (образ Хроменькой), «Подросток» (история Лидии Ахмаковой).

[2] Об отражении темы исповеди Ставрогина в подготовительных материалах к «Бесам» см.: Н. Савченко. Место исповеди Ставрогина в замысле романа «Бесы». В кн.: Русская и зарубежная литература, вып. 1. Алма-Ата, 1969, стр. 21—30. Об «Исповеди Ставрогина» (так долгое время было принято называть главу «У Тихона») как произведении конфессионального жанра см.: Л. П. Гроссман. Стилистика Ставрогина. (К изучению новой главы «Бесов»). *Сб. Достоевский, II*, стр. 139—148.

текста «Бесов», замысел главы в общих чертах определился, так же как и место ее в романе: исповедь Ставрогина перед Тихоном должна была войти во вторую часть романа. Объясняя в этом письме отказ посвятить роман своей племяннице М. А. Ивановой (по ее просьбе), Достоевский писал: «Одно из главных лиц романа признается таинственно другому лицу в одном своем преступлении. Нравственное влияние этого преступления на это лицо играет большую роль в романе, преступление же, повторяю, хоть о нем и можно прочесть, но посвятить не годится». Из письма узнаем, что к написанию главы Достоевский тогда еще не приступал: «Я еще далеко не дошел до того места...».

Позднейших прямых свидетельств о работе над главой (в первой ее редакции) не сохранилось. Завершающий этап работы Достоевского над нею (оформление связного текста), очевидно, совпал с первыми двумя осенними месяцами 1871 г., а закончена она была не позже ноября: в ноябрьской книжке «Русского вестника» появились VII и VIII главы второй части романа. Глава «У Тихона», девятая, должна была завершить эту вторую часть.

Известная нам первая редакция представляет собою корректуру декабрьской книжки «Русского вестника» за 1871 г. (рукописных источников ее не сохранилось). Глава состоит из трех разделов. В первом содержится разговор Ставрогина с Тихоном до чтения «листков»; второй представляет собой исповедь героя, — по выражению А. С. Долинина, «кульминационную вершину всего романа, сконденсированный синтез жизни Ставрогина во всех трех аспектах: событийном, психическом и духовном» (см.: Страницы из «Бесов» (в канонический текст не включенные). *Сб. Достоевский, II,* стр. 546); в третьем, заключительном, Тихон безуспешно убеждает Ставрогина отложить опубликование листков и советует ему избрать иную форму покаяния. [1] Глава мыслилась Достоевским как идейный и композиционный центр романа. Но уже набранная, в корректуре, она была отвергнута редакцией журнала.

По свидетельству Н. Н. Страхова, главным препятствием к печатанию послужила центральная часть: «...одну сцену из Ставрогина (растление и пр.) Катков не хотел печатать» (письмо Страхова к Л. Н. Толстому от 28 ноября ст. стиля 1883 г. — см.: Толстовский музей, т. II. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870—1894. СПб., 1914, стр. 308). Об этом же пишет А. Г. Достоевская: «Федору Михайловичу для художественной характеристики Николая Ставрогина необходимо было приписать герою своего романа какое-либо позорящее его преступление. Эту главу романа Катков действительно не хотел напечатать и просил автора ее изменить. Федор Михайлович был огорчен отказом и, желая проверить правильность впечатления Каткова, читал эту главу своим друзьям: К. П. Победоносцеву, А. Н. Майкову, Н. Н. Страхову и др. ⟨...⟩ прося их мнения и как бы суда над собой. Когда же все они нашли, что сцена „чересчур реальна", то муж стал придумывать новый варьянт этой необходимой, по его мнению, для характеристики Ставрогина сцены. Варьянтов было несколько, и между ними была сцена в бане (истинное происшествие, о котором мужу кто-то рассказывал). В сцене этой принимала преступное участие „гувернантка", и вот, ввиду этого, лица, которым муж рассказывал варьянт (в том числе и Страхов), прося их совета, выразили мнение, что это обстоятельство может вызвать упрек Федору Михайловичу со стороны читателей, будто он обвиняет в подобном бесчестном деле „гувернантку" и идет таким образом против так называемого „женского вопроса", как когда-то упрекали Достоевского, что он, выставив убийцей студента Раскольникова, будто бы тем самым обвиняет в подобных преступлениях наше молодое поколение, студентов» (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания,* стр. 402—403).

Об отказе редакции «Русского вестника» напечатать главу «У Тихона» Достоевский узнал в конце 1871 г. В письме к жене из Москвы от 4 января 1872 г. он упоминает «два последние забракованные ⟨...⟩ листа романа».

---

[1] Подробнее об этом см. в статье: А. С. Долинин. Исповедь Ставрогина (в связи с композицией «Бесов»). В кн.: Литературная мысль, вып. 1, Изд. «Мысль», Пг., 1922, стр. 139—162.

После возвращения из Москвы, где велись переговоры с редакцией «Русского вестника» по поводу забракованной главы, Достоевский пишет С. А. Ивановой 4 февраля 1872 г.: «Вторая часть моих забот был роман. Правда, возясь с кредиторами, и писать ничего не мог; но по крайней мере, выехав из Москвы, я думал, что переправить забракованную главу романа так, как они хотят в редакции, все-таки будет не бог знает как трудно. Но когда принялся за дело, то оказалось, что исправить ничего нельзя, разве сделать какие-нибудь перемены самые легкие. И вот в то время, когда я ездил по кредиторам, я выдумал, большею частию сидя на извозчиках, четыре плана [1] и почти три недели мучился, который взять. Кончил тем, что всё забраковал и выдумал перемену новую, т. е., оставляя сущность дела, изменил текст настолько, чтоб удовлетворить целомудрие редакции. И в этом смысле пошлю им ultimatum. Если не согласятся, то уж я и не знаю, как сделать».

Дальнейшая судьба главы «У Тихона» выясняется из письма Достоевского к Н. А. Любимову (от марта 1872 г.), из которого видно, что писатель к этому времени вновь выслал в Москву переделанную им главу.

«Мне кажется, — пишет Достоевский Н. А. Любимову, — то, что я вам выслал (глава 1-ая «У Тихона»; 3 малые главы), теперь уже можно напечатать. Всё очень скабрезное выкинуто, главное сокращено, и вся эта полусумасшедшая выходка достаточно обозначена, хотя еще сильнее обозначится впоследствии. Клянусь Вам, я не мог не оставить сущности дела. Это целый социальный тип (в моем убеждении), *наш* тип, русский, человека праздного, не по желанию быть праздным, а потерявшего связи со всем родным и, главное, веру, развратного *из тоски* — но совестливого и употребляющего страдальческие судорожные усилия, чтоб обновиться и вновь начать верить. Рядом с нигилистами это явление серьезное. Клянусь, что оно существует в действительности. Это человек, не верующий вере наших верующих и требующий веры полной совершенно иначе. ⟨...⟩ Но всё это объяснится еще более в 3-й части».

Логично предположить на основании приведенных писем, что Достоевский, стремясь смягчить текст главы, начал править ее прямо в корректуре. Действительно, корректурный текст содержит — наряду с другими изменениями — многочисленные следы цензурных смягчений.

Наибольшей правке подверглись в корректуре второй и третий разделы главы, т. е. непосредственно текст исповеди Ставрогина и последующая беседа его с Тихоном. Эти разделы несут основную идеологическую нагрузку: в них наиболее отчетливо вырисовываются характеры обоих антагонистов и раскрывается тема преступления Ставрогина. На протяжении всего действия Тихон стоит перед сложной психологической дилеммой. Он должен разгадать те истинные мотивы, которые привели к нему Ставрогина, принявшего решение обнародовать свою исповедь. Подлинное ли раскаяние в совершенном преступлении движет поступком Ставрогина или же это всего лишь дерзкий вызов общественному мнению, гордыня «сильной личности», охваченной безграничной жаждой самоутверждения? До последних строк главы читатель, с напряжением следящий за судьбой Ставрогина, не уверен в ее исходе, и лишь недвусмысленный финал главы как бы предрешает трагическую гибель Ставрогина. Тихон пророчески предсказывает Ставрогину гря-

---

[1] Судьба упомянутых Достоевским планов переработки главы «У Тихона» нам неизвестна. Все черновые наброски, разрабатывающие сцену свидания Ставрогина с Тихоном (а их более десяти), относятся, по-видимому, к подготовительному периоду работы над главой. Как исключение может, вероятно, рассматриваться лишь набросок 1872 г. (см.: наст. изд., т. XI, стр. 305—308). В нем сохранена основная схема главы «У Тихона», но несколько переосмыслена проблематика исповеди: усиливается тема богоборчества, предметом спора между Ставрогиным и Тихоном становится существование бога, которого Ставрогин отвергает, выдвигая идею человекобога, преступающего дозволенные общественной моралью границы. Характерно, что в этом отрывке звучит идея самозванца, Ивана-Царевича, как вариант практического претворения теории человекобожества.

дущие, еще более страшные преступления, в которые тот бросится, «чтобы только *избежать* обнародования листков» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 30). Яростная реплика убегающего Ставрогина: «Проклятый психолог!» — свидетельствует о глубокой проницательности Тихона.

Начав перерабатывать главу непосредственно над строками и на полях дошедших до нас гранок, Достоевский продолжил эту работу на другом, неизвестном нам экземпляре тех же гранок или на отдельных листах. Так возникла вторая редакция главы «У Тихона», переписанная вновь набело и отправленная в Москву, как уже было указано выше, в конце февраля — начале марта 1872 г. Рукопись ее не сохранилась, но с общим характером этой второй редакции главы нас знакомят: 1) первоначальный слой правки Достоевского на гранках, сделанный до переписки переделанной главы, и 2) дошедшая до нас копия, писанная рукой А. Г. Достоевской *(Список)*.

Как можно думать, *Список* возник не в 1870-х годах, а значительно позднее. По-видимому, он был изготовлен А. Г. Достоевской в 1904—1905 гг.; в это время глава «У Тихона» готовилась ею для включения в юбилейное издание, куда, по цензурным причинам, вошел в конце концов лишь отрывок главы именно в данной редакции. Возможно, что этим объясняется тот факт, что *Список* не доведен до конца: уже в процессе переписывания было решено напечатать не всю главу, а лишь ее начало. Источник, с которого делался *Список*, нам неизвестен. Начальная часть его, соответствующая тексту гранок с первой по четвертую, полностью совпадает с первой редакцией. В *Списке* не учтены даже простые корректурные поправки автора. Таким образом, неизменной осталась почти вся первая глава. Отступление от первой редакции наметилось с середины пятой гранки; зачеркнутая фраза о документе (исповеди Ставрогина): «Надо полагать, что он уже многим теперь известен» — в *Списке* вписывается над строкой и вычеркивается. То же самое повторяется с зачеркнутыми в гранках словами: «и даже неясности» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 12). И далее в *Списке* правка гранок то принимается во внимание, то не принимается. Такое отступление от текста гранок заставляет предполагать наличие промежуточного источника текста, не дошедшего до нас.

В нескольких случаях в *Списке* появляются слова, фразы и эпизоды, отсутствующие в гранках, что также свидетельствует о существовании промежуточного источника главы. Однако была ли им связная рукопись, корректирующая текст гранок, или листы, содержащие окончательные варианты правки, а также указания о размещении отдельных фраз и эпизодов, неясно. Так или иначе *Список*, по-видимому, близок к той редакции, которая была в начале 1872 г. отправлена Достоевским Каткову в надежде удовлетворить его требования и провести главу в печать.[1]

В соответствии с общей тенденцией внесения цензурных смягчений в центральную часть главы в редакции *Списка* введен ряд важнейших замен и вставок, преследующих цель смягчить подробности рассказа героя о его насилии над девочкой, устранить его слишком откровенные признания, сопутствующие этому рассказу. Так, появляется большая вставка — рассуждение Хроникера о характере «листков», где впервые проскальзывает мысль о сочиненном, выдуманном характере «документа», в котором «правды надо искать где-нибудь в середине».

Вставка о противоречивом характере «документа» и о возможных мотивах, приведших Ставрогина к намерению опубликовать свою исповедь, вызвана также, возможно, необходимостью объяснить противоречие в поведении Ставрогина: что побудило его, неверующего, прийти в келью Тихона со своей исповедью? Как совместить в Ставрогине религиозную идею покаяния («потребность кары, потребность креста, всенародной казни») с его неверием в «крест»? Психологическим объяснением указанного противоречия может служить первое предположение Хроникера, что публикация исповеди для Ставрогина — открытый вызов общественному мнению.

---

[1] Анализ *Списка* дал и общее соотношение его с другими источниками текста впервые верно определил Б. В. Томашевский (см.: *1926*, т. VII, стр. 591—593).

Изменяется и эпизод наказания Матреши за якобы украденный ножик: если в первой редакции Ставрогин находит его до того, как хозяйка высекла девочку, и сознательно это скрывает, испытывая «наслаждение» от созерцания экзекуции и от собственной подлости, то в *Списке* ножик найден уже после «экзекуции», а слово «наслаждение» заменено словами «некоторое удовольствие». Устранено перечисление «подлых», позорных и «смешных» положений, в которых приходилось оказываться Ставрогину. Исключен эпизод с кражей денег у чиновника в «номерах». Более жесткими становятся реакции Тихона на исповедь героя, умеряются его восторги перед великим подвигом покаяния, он решительнее осуждает вызов, брошенный героем обществу в его исповеди. С центрального эпизода исповеди снят акцент — о преступлении рассказывается на листке, который не был дан Тихону. На недоумение архиерея Ставрогин отвечает загадочно: «...я не виноват, что девочка глупа и не так поняла... Ничего не было. Ни-че-го». Из дальнейшего текста следует, однако, что все рассказанное было в действительности: в повествовании сохранены обе встречи Ставрогина с Матрешей, оставлено описание страха, пережитого им на другой день после совершения преступления. В эпизоде встречи с Матрешей на лестнице наутро после преступления даже усилено описание смятения девочки. После слов: «...она стрельнула в ужасном страхе вверх по лестнице» — добавлено: «Это был даже и не страх, а ужас немой, окаменяющий». И хотя смягчен эпизод с горничной, явившийся толчком к самоубийству Матреши (вместо: «Я приласкал Нину и запер дверь к хозяйке, чего давно не делал...» — стало: «Я был очень ласков с Ниной»), сам факт самоубийства оставлен. При этом снята фраза: «Догадка принимала вид вероятности», слишком недвусмысленно показывающая, что Ставрогин догадался о готовящемся самоубийстве девочки, но его не предотвратил. После пропуска «второго листка» исповеди повествование продолжается со слов: «Это была минута настоящего страха». Во фразах близких, но не идентичных корректуре здесь описывается психологическое состояние Ставрогина, испытывающего пароксизмы безумного страха и ненависти к девочке. Хотя в этом тексте в отличие от корректурного уже нет упоминания о грозящих Ставрогину каторге и Сибири, прозрачно намекающих на преступление и изъятых, очевидно, также по цензурным соображениям, скрытая причина этого страха понятна. В следующую за самоубийством сцену в номерах введено несколько важных для авторского толкования личности Ставрогина признаний. Подчеркивается акт раскаяния (вставка: «...я знал тогда совершенно, что я низкий и подлый трус за мою радость освобождения и более никогда не буду благороден — ни здесь, ни после смерти, и никогда»). Вместе с тем сохраняется обнаженность самооценки, суровый нравственный приговор героя самому себе («хотя я и чувствовал про себя, что подлец, но того не стыдился и вообще мало мучился»). И уже окончательным аккордом звучат итоговые слова: «...что не знаю и не чувствую зла и добра, и что не только потерял ощущение, но что и нет зла и добра ⟨...⟩ а один предрассудок, что я могу быть свободен от всякого предрассудка, но что если я достигну той свободы, то я погиб» (см. выше, стр. 108—114). В третьей части главы вновь подчеркивается, что самого преступления могло и не быть, — важна его реальная психологическая атмосфера. Ставрогин говорит Тихону, что он, «может быть, просто наврал, преувеличил в минуту фанатическую».

Работа, отразившаяся в *Списке*, велась Достоевским в начале 1872 г., когда глава (в качестве девятой) еще должна была завершить незаконченную вторую часть романа. В заголовке *Списка* сохранено это ее первоначальное обозначение: «Глава девятая». Из цитированного письма к Любимову (март 1872 г.) видно, что в это время глава была перенесена в третью часть. Это произошло, по-видимому, после того, как возникла та черновая авторская рукопись, с которой сделан *Список*.

Итак, можно наметить две основные тенденции в работе Достоевского над главой «У Тихона» после того, как первая редакция ее была забракована «Русским вестником».

1) Образ Ставрогина по цензурным соображениям несколько смягчается. Сглажены или убраны строки, характеризующие психопатологические от-

клонения героя; усилены моменты его искреннего раскаяния в совершенном преступлении.

Несмотря на известные смягчения, психологический облик героя в целом мало изменился. Ведущим мотивом его поведения остается «буйный вызов» общественному мнению, презрение «сверхчеловека» к «толпе».[1]

2) Более суровым становится Тихон; усиливаются поучительные, назидательные интонации в его речи, обнаженнее становится мотив осуждения грешника и нравственной ответственности личности за свои деяния. В обоих текстах главы Тихон указывает на социальные истоки преступления Ставрогина, коренящиеся, по его мнению, в оторванности представителей «верхнего слоя» от народа, в их праздности и безделии. Характерно в этом отношении следующее нравоучение Тихона, впервые появляющееся в списке А. Г. Достоевской: «Видно, даром иностранцами не делаются. Есть одна казнь, преследующая оторвавшихся от родной земли,— скука и способность к бездельничеству, даже при всем желании дела ⟨...⟩ Вас умом господь не обделил, рассудите сами: коль скоро вы в силах умственно поставить вопрос: „ответствен я или не ответствен за дела мои?“ — значит, непременно уж ответственны» (см. выше, стр. 116).

Следует отметить, что не все варианты *Списка* имеют цензурный характер. Смягчая текст главы и приспособляя его к требованиям редакции, Достоевский одновременно вел творческую работу над ней.

Последний слой правки на гранках представляет собой, по-видимому, след еще одного, третьего этапа работы Достоевского, наступившего после отправки второй редакции главы в «Русский вестник», где она снова была отвергнута (см. об этом далее). Этот слой правки — результат неоднократных обращений Достоевского к гранкам. Корректура буквально испещрена неоднородными и разновременными исправлениями: на полях записаны десятки вариантов важнейших эпизодов, частью завершенных, частью в виде набросков, как правило, не соотнесенных с текстом гранок. Большинство поправок сделано почерком, характерным для черновых записей. Отдельные слова не поддаются прочтению. Зачастую текст гранок подвергнут сплошной переработке: вписываются и тут же зачеркиваются значительные вставки, меняются местами готовые эпизоды, возникают наброски к последующему тексту, вводятся загадочные цифровые отсылки (например, 1121, 1000_1, 1000_2 и т. п.), возникают словесные пометы (например, «здесь»), черточки, параллельные черточки, перечеркнутые кружки и др.

Существенные изменения вновь вносятся в текст начиная с четвертой гранки: повторной правке подвергся диалог Ставрогина и Тихона о вере и неверии. Цель ее — подчеркнуть смятение духа Ставрогина перед предстоящей исповедью: «Что-то, очевидно, стояло перед его глазами беспрерывно, какая-то другая цель, какая-то мысль, но ⟨...⟩ этой мысли, давившей и беспокоившей его, он, казалось, и сам избегает, вертится и бросается в пустую болтовню, чтобы только главного избежать». В пятой гранке этот мотив усугубляется; до последнего момента Ставрогин колеблется, отдавать ли Тихону листки: «Знаете, мне бы уйти, как вы думаете (посмотрел тревожно)». Волнение его доходит до крайней степени. «Бледнел как смерть» — вписано справа на полях. И слева: «Длинная, длинная улыбка, улыбка ⟨...⟩ придавленного человека, улыбка за минуту до эшафота выдавилась в лице Ставр⟨огина⟩». Здесь же Ставрогин, предваряя чтение Тихоном листков, сообщает ему их содержание: «Тут рассказана одна мерзость, одна моя мерзость...». Так в отличие от *Списка* центральный эпизод главы выделяется, подчеркивается еще до того, как читатель узнает о нем из самой исповеди.

В пятой гранке появляется помета, сигнализирующая о наличии другой, готовой рукописи главы, из которой в данную следует перенести определенный фрагмент. После слов: «Во всяком случае явно, что автор прежде всего

---

[1] В *Списке* отражен текст, вписанный на полях корректуры и в котором определен основной закон личности Ставрогина («...нет зла и добра ⟨...⟩ а один предрассудок») — см. выше, стр. 113.

не литератор» — каллиграфически выписано: «...одного замечания. Только одного». По содержанию этому сигналу соответствует рассуждение Хроникера о характере «документа» из *Списка*, начинающееся словами: «Позволю себе и еще замечание...». Это означает, что Достоевский хотел ввести отрывок о «документе» и в новую редакцию, но, не имея под рукой текста, в котором он содержался, обозначил его пришедшими на память словами. Введение в главу этого отрывка на данной стадии работы подтверждает, что после того, как у него был готов смягченный вариант, отразившийся в *Списке*, Достоевский вновь вернулся к переработке главы в гранках.

При этом отказ автора от смягчения некоторых острых ситуаций главы проявился в переработке сцены наказания Матреши за ножик: в первых двух слоях правки автор исходит из варианта смягченного (ножик «вдруг» нашелся после экзекуции), а в третьем слое возвращается к первой редакции (герой прячет ножик в карман). Тот факт, что против этого эпизода именно в редакции последнего слоя стоит помета $N3_2$, может быть истолкован в пользу того, что в данном случае ей отдавалось предпочтение.

Аналогичная последовательность наблюдается и в переделке эпизода насилия. В *Списке* кульминационный момент отсутствует, поскольку Тихону не передан для прочтения второй листок исповеди, где об этом шла речь. В последнем слое правки на гранках Ставрогин после некоторого колебания передает Тихону все листки. Таким образом, автор отдает предпочтение варианту текста, где факт страшного преступления освещен в признании самого героя, а не в виде намека Хроникера (версия «пропущенного листка»). Но в противоречии с этим в разговоре Тихона со Ставрогиным после прочтения исповеди сохранилась фраза: «С самого перерыва, когда был конфискован второй листок...». Такая ошибка возникла, поскольку ранее существовал текст с разработанным и объясненным мотивом отложенного в сторону «второго листка».

Заключительная часть главы подверглась особенно большой переработке: поля справа и слева, верх и низ каждой гранки испещрены вставками, пометами, набросками. На полях встречаются наброски, частью приуроченные к определенному месту гранки, частью неприуроченные. С двенадцатой гранки появляются цифровые отсылки (загадочным представляется тот факт, что эти пометы начинаются с цифры 15) к другой, готовой рукописи, откуда на гранку переносятся лишь опорные слова (вероятно, из-за нехватки места) тех или иных кусков текста предшествующей редакции. Отсылка «15» появилась после вписанных над строкой слов: «Вас поразило». В тексте *Списка* находим продолжение этой фразы: «до вопроса жизни и смерти страдание обиженного вами существа». Иногда цифровая отсылка возникает посредине фразы, рядом с зачеркнутой ее частью. Например, последний слой первой строки тринадцатой гранки выглядит так: «Отвечать прямо о сем [не буду но б⟨олее⟩] 21 великого...». В тексте *Списка* находим пространный текст, соответствующий зачеркнутому началу: «не буду, но конечно правда, что не умею подходить к людям. Я всегда в том чувствовал великий мой недостаток, — со вздохом промолвил Тихон и до того простодушно, что Ставрогин посмотрел на него с улыбкой. — Что же до сего, — продолжал он, глянув на листки, — то более великого...». Роль цифровой отсылки иногда выполняют отдельное слово или часть фразы, вписанные на полях. И в этих случаях в *Списке* почти всегда обнаруживается соответствующий текст. Так, против фразы: «Оставим меру на аршины» — на полях вписано: «с досадой». Слово это находим в *Списке* в контексте: «Оставим меру на аршины, — проговорил Ставрогин, помолчав и несколько с досадой». Ниже, после слов: «или всё равно?» — вписано: «Пожалуй, если тяжело вам говорить, то и не говорите, а только...». В *Списке* этой незаконченной фразе соответствует следующая: «Пожалуй, если тяжело самолюбию вашему дать ответ, то и не говорите, а только подумайте про себя». В приведенных случаях мы, по-видимому, имеем дело с сокращенной передачей готового текста.

Вполне вероятно заключение, что редакция *Списка* предшествовала последующему слою правки на гранках, где при новой творческой доработке делались отсылки к этой редакции — словесные и цифровые.

В том, что последний слой правки возник позднее, чем редакция *Списка*, убеждает следующее: 1) Вместо: «Глава девятая» — читаем здесь: «Часть 3-я. Глава первая». Это исправление было сделано, как видно из цитированного письма к Любимову, после того как Достоевский потерял надежду напечатать главу в качестве окончания второй части романа, к которой она непосредственно примыкает по содержанию, не позднее начала марта 1872 г. (см. стр. 238).

2) Многие важные уточнения, сделанные на полях гранок в последнем слое правки, не попали в *Список*. Это могло произойти только в том случае, если правка вносилась после того, как была завершена та редакция, которую отражает *Список*. Так, психологический мотив страха Ставрогина после совершенного преступления в последних слоях правки на гранках обрастает новыми деталями: герой представляет себе, как он будет бить Матрешу каблуком по голове, ругаться над ней, от таких мыслей «его вырвало», он вернулся домой больным и т. д.

3) По подсчету А. С. Долинина, «свыше 40 мест: в одну, две, четыре и пять строк», зачеркнутых Достоевским в гранках, присутствует в *Списке*. «Будь московский текст (т. е. гранки со всей правкой на них, — *Ред.*), — справедливо замечает исследователь, — более ранний, пришлось бы допустить, что Достоевский почему-то решил восстановить их вновь, что неправдоподобно. Тем более что целый ряд поправок (речь идет о последней правке на гранках, — *Ред.*) явно делают ⟨...⟩ текст улучшенным, более выдержанным и стилистически, и композиционно» (см.: Литературная мысль, вып. 1. М., 1922, стр. 143). Об этом же свидетельствует ряд словесных помет и цифровых отсылок на гранках, отправляющих к соответствующим местам готовой рукописи и обнаруживаемых именно в *Списке*.

4) Наконец, естественно предположить, что, используя в дальнейшем материалы не вошедшей в текст романа главы, Достоевский брал тот вариант, который был в работе последним. В результате сопоставления отрывка из сна Версилова в «Подростке» (часть третья, гл. II) с соответствующей частью сна Ставрогина (который туда перенесен) обнаруживается, что хотя частично текст «Подростка» отличен и от *Списка*, и от последнего слоя правки на гранках, однако в большей части текст дан именно с учетом последнего слоя правки на гранках.

Приведем ряд примеров.

«У Тихона»		«Подросток»
Список	Последний слой правки на гранках	
Это уголок греческого архипелага; голубые ласковые волны	Я, впрочем, и не знаю, что мне приснилось. Точно так как и в картине	Я, впрочем, не знаю, что мне именно снилось; точно так как и в картине, уголок греческого архипелага, причем время как бы перешло за три тысячи лет назад; голубые ласковые волны (наст. изд., т. XIII).
Здесь первые сцены из мифологии, его земной рай ... Тут жили прекрасные люди!	и мысль о том как бы наполняла мою душу родною любовью. Здесь был земной рай человечества. Боги [родн⟨ились⟩] сходили с небес и роднились с людьми, тут произошли первые сцены из мифологии. Тут жили прекрасные люди	и мысль о том как бы наполнила и мою душу родной любовью. Здесь был земной рай человечества: боги сходили с небес и роднились с людьми ... О, тут жили прекрасные люди (*там же*).

Все это ощущение	И все это ощущение	И все это ощущение (*там же*).
нет	Помню, что я был рад и что мне не было стыдно[1]	Помню, что я был рад (*там же*).

Сопоставления текстов *Первой редакции*, *Списка* и *Правки на гранках* обнаруживают, что ни один из них не может считаться законченным.

Поэтому в настоящее время мы не имеем возможности включить главу в текст романа.[2]

В литературе, посвященной главе «У Тихона», еще в 1920-х годах возникли две точки зрения по вопросу о причинах ее исключения. В. Л. Комарович ошибочно полагал, что главу следует считать «действительно чуждой роману, — вариантом рукописи, не больше». Основной довод его состоял в том, что Ставрогин романа («омертвелая маска, таящая под собою безразличие добра и зла») и Ставрогин главы («избранник Духа, человек, способный к покаянию и смирению») исключают друг друга. По мнению Комаровича, Достоевский якобы сам отказался от мысли о возможности включения главы в роман уже во время печатания его в журнале (см.: «Былое», 1922, № 18, стр. 224—225). К подобному же (неверному) заключению (Ставрогин «Исповеди» и Ставрогин «Бесов» не могут быть объединены в одном лице) склонялся А. Л. Бем в статье «Эволюция образа Ставрогина» (см.: Труды V съезда русских академических организаций за границей, т. I. София, 1931, стр. 177—213). А. С. Долинин убедительно доказал органичность главы для романа (см.: Литературная мысль, вып. 1, стр. 139—162 и *Сб. Достоевский, II*, стр. 544—556). Подготовительные материалы к «Бесам» и письма писателя, опубликованные позднее, подтвердили аргументацию Долинина (см.: наст. том, стр. 184).[3] В популярной литературе существует еще одна версия, лишенная, однако, научной основы: будто бы Достоевский отказался от публикации главы «У Тихона» из-за вызванных ею вокруг его имени сплетен.[4] Эпистолярные и мемуарные свидетельства, как и анализ творческой работы автора, лишают эту версию каких бы то ни было оснований.[5]

---

[1] См. также выводы А. С. Долинина (Литературная мысль, вып. 1, стр. 142—144).

[2] В прошлом такая попытка была предпринята (см.: Ф. М. Достоевский. Бесы. Ред., вступ. статья и комм. Л. П. Гроссмана. Предисл. П. П. Парадизова. Т. I. Изд. «Academia», М.—Л., 1935; издание предполагалось выпустить в двух томах, но второй том из печати не вышел). Л. П. Гроссман по сути дела дает первую и вторую части романа в журнальной редакции, введя в него и главу «У Тихона» в редакции гранок с учетом корректурных и отдельных, бесспорно ложащихся в текст главы, поправок. Значительные затруднения встали, по-видимому, перед публикатором при печатании третьей части, в которую Достоевский внес серьезные изменения (см. об этом ниже) в связи с выпадением главы. В этом случае потребовалось бы вывести из третьей части ряд мест авторского текста. Тем не менее практически неосуществимые пожелания о включении главы в текст романа раздаются по сей день (см., например: Ф. М. Достоевский. У Тихона. Пропущенная глава из романа «Бесы». Вступ. статья А. Козина. Нью-Йорк, 1964, стр. 17).

[3] Сводка основной литературы по этому вопросу дана в названной статье А. Л. Бема (стр. 195—196).

[4] См.: А. Козин. Усекновенная глава. В кн.: Ф. М. Достоевский. У Тихона. Пропущенная глава из романа «Бесы», стр. 23, 24; М. Слоним. Три любви Достоевского. Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1953, стр. 199—200.

[5] Ср.: W. Komarowitsch. Die inneren Motive für die Weglassung der Beichte. In.: Der unbekannte Dostojevski. München, 1926, S. 373—385; N. Brodsky. Unbekannte Fragmente und ausgelassene Kapitel aus den

Отправив к марту 1872 г. в «Русский вестник» переделанную главу «У Тихона», автор надеялся, что ею откроется печатание третьей части романа. Но Н. А. Любимов от лица редакции сообщил Достоевскому, что печатание начнется тогда, когда им «заготовлено будет почти все или по крайней мере значительная доза» (письмо от 14 марта 1872 г. — *ГБЛ*, ф. 93. II. 6. 33). В ответном письме Достоевский убедительно просил не затягивать с печатанием и начать его с апрельской книжки, обещая Любимову немедленно выслать еще одну готовую главу. Предвидя отказ, писатель предложил и другой вариант: начать печатание с августовского номера с тем, чтобы «кончить разом в августовской и сентябрьской книгах», но тут же оговорился, что это значит «повредить роману», ибо «до августа срок очень длинный» и «роман начнут забывать» (письмо от второй половины марта 1872 г.).

Оба предложенных Достоевским плана вызвали у Любимова сомнения. «Если начнем в апреле, — отвечал он, — то опасения Ваши относительно перерывов останутся во всей силе, ибо, при доброй воле с Вашей стороны, нельзя быть застрахованным от случайностей. ⟨...⟩ Если отложить до августа, да и в августе будем иметь лишь *долю* романа, хотя и значительную, то дело осенью будет в том же состоянии, в каком желательно, чтоб оно было теперь или по крайней мере в ближайшем будущем» (см.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 420). Тем не менее Любимов счел необходимым добавить, что если бы Достоевский нашел «возможным в срок, остающийся до майской или много июньской книжки, значительно подвинуть роман, то, может быть, было бы хорошо не стесняться летними месяцами» (см. там же). Как видно из письма Любимова от 13 апреля 1872 г., Достоевский принял предложение «с майской книжки помещать непрерывно по 3 листа в номере» (*ГБЛ*, ф. 93. II. 6.33).

Работа над третьей частью шла тяжело, а именно на нее Достоевский возлагал большие надежды; в упоминавшемся письме к Любимову от второй половины марта 1872 г. он писал: «...у меня (знающего окончание романа) есть одно убеждение (очень позволительное), что эта 3-я часть по достоинству будет выше первых двух и особенно второй (а вторая-то и произвела в эту зиму в Петербурге впечатление)».

Договорившись с редакцией «Русского вестника» начать печатание с майской книжки и отправив в редакцию две начальные главы третьей части, Достоевский, реализуя свое намерение уехать «куда-нибудь подальше, в глушь, где можно было бы работать», 15 мая отправляется с семьей в Старую Руссу (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания,* стр. 221). Здесь, преследуемый рядом семейных несчастий и собственной болезнью, он продолжает работу над романом, составляя планы,[1] конспекты, делая наброски будущих глав и готовя очередные главы для отсылки в журнал.

Одна из четырех тетрадей с подготовительными материалами к роману «Бесы», относящаяся к 1872 г., почти исключительно занята материалами последней части романа. Содержащиеся в ней планы, заметки и наброски, как правило, непосредственно предшествовали писанию связного текста глав этой части или возникали параллельно. В них получили первоначальную разработку многие сюжетные коллизии третьей части романа, известные нам по окончательной редакции (пожар Заречья и убийство Лебядкиных; трагическая развязка рокового романа Лизы; возвращение жены Шатова и его гибель; самоубийство Кириллова; бегство Петра Верховенского; «последнее странствование» Степана Трофимовича и его смерть; самоубийство Ставрогина и его предсмертное письмо).

Письма этого времени к жене в Петербург полны отчаяния. В одном из них писатель восклицает: «Пишется ужасно дурно. Когда-то добьемся хоть

«Dämonen» (там же, стр. 127—245); А. D o l i n i n. 1) Die fremden Einflüsse bei der Weglassung von «Stavrogins Beichte»; 2) Ausgelassene Seiten aus den «Dämonen» (там же, стр. 298—373).

[1] Так, план главы «Многотрудная ночь» датирован в подготовительных материалах 26 июня 1872 г.

[до] одного месяца спокойствия, чтоб не заботиться сердцем и быть всецело у работы. Иначе я не в состоянии добывать денег и жить без проклятий. Что за цыганская жизнь, мучительная, самая угрюмая, без малейшей радости и только [мучайся] мучайся, только мучайся! ⟨...⟩ О, как до помешательства тяжело жить!» (письмо от 5 июня 1872 г.).

Через четыре дня Достоевский снова жалуется: «Мне ужасть как надо переписывать то, что я успел написать. Ужасно затянется работа» (письмо от 9 июня 1872 г.).

И еще через пять дней: «...У меня в ночь на 13-ое число был припадок из сильных, так что до сих пор темно в голове и разбиты члены. Это еще больше остановило мою работу, так что и не знаю, как я буду с „Р⟨усским⟩ вестником" и что обо мне там думают» (письмо от 14 июня 1872 г.).

Тем не менее к июлю в редакцию были высланы еще две главы.

Сохранившиеся рукописи конца второй и почти всей третьей части романа дают представление как о том, в каком виде мыслился первоначально весь роман, так и о последующей работе над ним, обусловленной исключением одной из центральных глав. Рукописи представляют собою черновики. В преобладающей части — это связные повествовательные куски, полностью или частично соответствующие будущим главам романа и, как правило, отличающиеся большей определенностью и остротой мыслей. Черновой характер рукописей определяется наличием большого количества вариантов между строками, на полях, вдоль полей, в верхней и нижней частях листов; часто последний вариант не отменяет предыдущего; на полях встречаются наброски будущих сцен или глав, заметки к тексту, реже — авторские ремарки. Ряд заметок близок к подготовительным материалам. Они относятся ко времени работы над связным текстом, как правило, предваряя очередную главу.

Эти рукописи относятся еще к той стадии работы над романом, когда глава «У Тихона» должна была стать органическим его звеном. Отсюда иная по сравнению и с текстом «Русского вестника», и с окончательным текстом нумерация рукописных глав: за опубликованной в ноябрьском номере журнала 1871 г. восьмой главой романа должна была следовать первоначальная редакция главы «У Тихона» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 5—30), пронумерованная на этой стадии как глава девятая. Ею должно было закончиться печатание второй части.

Посланная вторично в марте 1872 г. в «Русский вестник» глава «У Тихона» была обозначена: «Часть третья. Глава первая». Отправив ее в журнал, Достоевский продолжал работу над следующей по счету «Главой второй»,[1] позднее получившей заглавие «Степана Трофимовича описали». Первоначальное заглавие сохранилось на листе с подробным ее планом: «Арест С⟨тепана⟩ ⟨Трофимови⟩ча». Продолжая ее план на обороте листа, Достоевский пометил: «Арест (продолжение)».[2] Рукопись эта датируется концом февраля — началом марта 1872 г. По справедливому определению Б. В. Томашевского, ее следует считать «первоначальной черновой рукописью», «исходной стадией работы над текстом» (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 399). Содержащийся здесь план в основном соответствует будущей главе, но содержит и некоторые значительные отличия от окончательного текста: в нем выделяется набросок, озаглавленный «Новое дело», по которому Н⟨ечаев⟩ после пожара «делает визит Лембке, прощается, пугнул его, между прочим, что если что было, то и он замешан ⟨...⟩», затем, еще до продолжения праздника, уезжает из города, «но возвращается и убивает Шатова, уезжает после убийства Кириллова».

Связный текст второй главы дошел до нас лишь в небольшом отрывке, в варианте, близком к окончательному, но при переписывании он был, вероятно, подвергнут обычной тщательной доработке; наиболее отличен от окончательного текста конец главы.

---

[1] В письме к Н. А. Любимову от второй половины марта 1872 г. он писал: «...У меня через два дня будет [готов⟨а⟩] отделана еще глава».

[2] См.: наст. изд., т. XI, стр. 309—312.

Заглавия следующей главы («Флибустьеры. Роковое утро») в рукописи не сохранилось: до нас дошел лишь ее конец со слов: «‹...› мгновенья, что она [его знает] гораздо лучше ...». Текст этот, как установил А. С. Долинин, близок к печатному (см.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 550—554), но принадлежит к более ранней редакции: в нем еще сохранено чрезвычайно важное для творческой истории романа упоминание о посещении Ставрогиным Тихона (см. т. XI, стр. 340). Работа над этой главой велась в мае—июне 1872 г. В это же время шла работа и над главой, посвященной описанию губернского праздника. Пожалуй, ни одна глава романа (если не считать главу «У Тихона») не писалась с таким трудом, как эта. По словам Достоевского, первоначально раздел, посвященный празднику, мыслился как одна большая глава, называвшаяся сначала «Праздник», затем «Праздник по подписке». В отличие от всех других глав романа глава «Праздник» не была разработана в подготовительных материалах (кроме речи Степана Трофимовича). Труднее всего Достоевскому давалось начало ее. В автографе неоднократно варьируется текст отдельных эпизодов, но основные творческие поиски велись в области композиционной (см. разд. черновые редакции и варианты: наст. изд., т. XI, стр. 314—332, 342—413). Перед отсылкой в «Русский вестник» Достоевский еще раз меняет структуру текста, посвященного празднику, разбив написанное на две главы: «Глава четвертая. Праздник. Отдел первый»; «Глава пятая. Окончание праздника». Текст глав значительно сокращается, из него убираются излишне резкие оценки («бунтующая сволочь» и др.), снимаются определения: «из прежних помещиков» и «великий социалист», относившиеся к Тургеневу-Кармазинову. Значительному сокращению подверглось письмо Степана Трофимовича к Даше. В речи Степана Трофимовича «Христос» был заменен на «Рафаэля». В характеристике чтеца-профессора слова: «ушел из университета» — были заменены на «ушел из заведения», а из речи его устранены некоторые реалии.

В черновых рукописях в главах, посвященных описанию праздника, более подробно охарактеризовано настроение губернского общества, сплетни и слухи, волнующие обывателей. От лица Хроникера, стремящегося осмыслить причины драматических губернских событий, дано несколько характеристик Петра Степановича Верховенского, опутавшего Юлию Михайловну сетью лести и интриг, подстроившего скандальный провал праздника.

«Я видел в нем до сей минуты лишь существо злобное, хитрое и жадное, но легкомысленное — прежде всего», — рассуждает Хроникер. И далее: «Пусть это было фатальное существо, но прежде всего это был еще мальчишка. Я с презрением смотрел на него. Он смотрел на нас как на каких-то маленьких. Он лгал и изворачивался, наконец, даже с наслаждением, и тем с большим, чем больше мы казались ему его жертвами» (наст. изд., т. XI, стр. 395, 397). Эти характеристики не попали в окончательную редакцию романа.

19 июля Достоевский отправил законченную главу в «Русский вестник», сообщив Н. А. Любимову: «Сегодня я выслал в Редакцию пятую (большую) главу («Окончание праздника», — *Ред.*) 3-й части моего романа (21 полулисток). Это не то что я Вам обещал выслать ‹...› к концу июля. Это только половина обещанного. Высылаю же теперь потому, что эта пятая глава, по моим соображениям, могла бы быть напечатана вместе с четвертой («Праздник. Отдел первый», — *Ред.*) для полноты эпизода».

Из того же письма следует, что Достоевский все еще надеялся на то, что печатание третьей части начнется в июле с глав «У Тихона» и «Степана Трофимовича описали», вслед за которыми в августовской книжке появятся глава «Флибустьеры. Роковое утро» и две следующие, посвященные празднику. «Не сомневайтесь за сентябрьскую книжку, — продолжает он, — работа идет беспрерывно и в конце июля я Вам вышлю совсем отделанную 6-ю главу («Законченный роман», — *Ред.*) (N3. Эта 5-я, теперь высылаемая, и 6-я глава, которую вышлю в июле, по недавним еще соображениям моим, составляли всего одну главу).[1] Но я раздробил эту уж очень большую главу на две, для

[1] Глава «Законченный роман» завершает трагическую историю Лизы, начатую с бегства ее к Ставрогину в Скворешники в главе «Окончание праздника».

полноты эпизода». По всей вероятности, работа над очередными главами продолжалась, хотя Достоевского не переставало беспокоить, что первые главы так и не появились летом в «Русском вестнике».

Поэтому сразу же по возвращении из Старой Руссы в Петербург он начинает собираться в Москву, чтобы встретиться с Катковым. В письме в Москву к С. А. Ивановой от 22 сентября 1872 г. он пишет: «Мне крайне нужно быть в Москве, чтоб решить с Катковым лично дело о моем романе (и иначе как лично сговорившись, решить нельзя, по совершенно особому обстоятельству)». Указанным «особым обстоятельством», вероятно, продолжала оставаться судьба главы «У Тихона». Редакция не начинала печатание третьей части не столько из-за того, что роман не был закончен, сколько из-за главы, которая и в переделанном виде не удовлетворяла Каткова. Достоевский, по-видимому, предварительно пытался письменно договориться с Любимовым, но, как видно из того же письма к С. А. Ивановой, Любимов уведомил его, «что без Каткова не может ни на что решиться». Катков же в это время был за границей.

Между тем дело не терпело отлагательств, и Достоевский вынужден был отправиться в Москву для переговоров с Любимовым. 9 октября 1872 г. он писал жене из Москвы: «С Любимовым по виду все улажено, печатать в ноябре и декабре, но удивились и морщатся, что еще не кончено. Кроме того, сомневается (так как мы *без* Каткова) насчет цензуры. ⟨...⟩ Хотят книжки выпускать ноябрьскую 10 ноября, а декабрьскую 1 декабря. ⟨...⟩ Вытребовал у них старые рукописи пересмотреть (да и Любимов ужасно просил) — страшно много надо поправить, а это работа медленная; а между тем мне очень хочется выехать в среду. И потому сижу дома и работаю». Из этих строк можно сделать вывод, что вопрос о главе «У Тихона» на этой стадии переговоров еще не был решен окончательно. В Москве писатель пересматривал «старые» рукописи романа и поправлял их.[1] В этом же письме, сообщая жене, что роман решено печатать в ноябрьской и декабрьской книжках, Достоевский восклицает: «...т. е. я должен чуть не в три недели всё кончить. Ужас как придется в Петербурге работать».

По всей вероятности, ко времени поездки в Москву была готова очередная, седьмая глава, названная на этой стадии «Последние шаги П⟨етра⟩ С⟨тепанови⟩ча». Возвратившись в Петербург, автор оформляет текст следующей по счету главы, восьмой [2] («Путешественница»), и обращается к следующей главе (будущей «Многотрудной ночи»). В начале ее проставлена дата «20 окт⟨ября⟩ 72».[3] Вероятно, в конце октября писатель приступил и к главе «Последнее странствование Степана Трофимовича».

В рукописной редакции главы «Путешественница», описывающей возвращение жены Шатова, по сравнению с печатной более отчетливо обрисованы его терзания и колебания, вызванные мыслью о возможном доносе «на мерзавцев»: «Возвратясь в комнату, он сел в углу на стуле, уперся локтями в колена и закрыл руками лицо. Горькая мысль его мучила: „Вот он ⟨Петр Верховенский⟩ бежит, неужели его упустить, неужели не обличить такого злодея!" С другой стороны: „вот она бедная, больная, лежит: неужели же оставить ее одну?" Идти доносить — значит [во-первых] прежде всего предать себя, объявить о прежних преступных сношениях с этими людьми, объявить

---

[1] Позднее А. Г. Достоевская, вспоминая о лете—осени 1872 г., писала: «Хотя муж и работал все лето над романом, но до того был неудовлетворен своим произведением, что отбросил прежде намеченный план и всю третью часть переделал заново» (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания,* стр. 237).

[2] В рукописи после цифры 8 в скобках поставлено: (7?). Это может означать, что в спешке Достоевский забыл порядковый номер оставленной в Москве главы.

[3] Как отметил Л. П. Гроссман, в этой редакции главы «устами Кириллова Достоевский несравненно решительнее, чем в печатном тексте романа, утверждает, что „сказанное на кресте ⟨Христом⟩ оказалось ложью"» (см.: *Творчество Достоевского, 1921,* стр. 11).

всё... и что, однако, из этого выйдет? Что, в сущности, он докажет? Чего достигнет? Отмстит ли он за Лизу и Марью Тимофеевну? О, в этом и главное дело. Конечно, конечно честный человек колебаться не может [конечно], но теперь, во-первых, уже поздно, ночь, а во-вторых, можно еще завтра, можно успеть чем свет, до отъезда Верховенского, — если только *успеть за ночь решиться* ⟨...⟩ на решимость...» (см. выше, стр. 42).

В черновом автографе главы «Многотрудная ночь» особенный интерес представляет предсмертный диалог Кириллова с Петром Верховенским, содержащий некоторые дополнительные по сравнению с окончательной редакцией аргументы в обоснование кирилловской теории человекобожества (см. выше, стр. 79—82).

Глава «Последнее странствование Степана Трофимовича» в рукописи особенно сильно отличается по тексту от появившейся в декабрьской книжке «Русского вестника»: тщательной правке перед отдачей в журнал была подвергнута сцена болезни Степана Трофимовича в Спасове. Бред его заканчивался в черновой редакции сном, исчезновением книгоноши (названной в рукописи Марьей Матвеевной) и появлением Варвары Петровны.

Из этого можно сделать вывод, что в двадцатых числах октября Достоевский также еще не знал, что глава «У Тихона» окончательно исключена: он, по-видимому, заканчивал роман по своему первоначальному плану. Возможно, что и последняя глава «Заключение» была начата до окончательного решения об исключении главы «У Тихона». Но ее заключительные строки в черновой редакции говорят, по всей вероятности, о том, что к моменту ее завершения решение это стало известно автору: «После Николая Всеволодовича оказались, говорят, какие-то записки [но никому не изве⟨стные⟩] Я очень ищу их. [Может быть, найду, и если возможно будет]».[1]

Судьба главы «У Тихона», вероятно, была решена в момент возвращения Каткова в Москву — перед самым выходом ноябрьской книжки журнала. Первой главой третьей части теперь стала глава «Степана Трофимовича описали». Затем последовали главы: вторая («Флибустьеры. Роковое утро»); третья («Праздник. Отдел первый»); четвертая («Окончание праздника») и т. д.[2]

Как явствует из письма Любимова к Достоевскому от 14 ноября 1872 г. с сообщением о вышедшей «сегодня» одиннадцатой книжке журнала, Достоевский к этому времени еще не выслал в редакцию окончания романа. «Необходимо иметь конец романа, — пишет Любимов, — к 25 или 26 ноября, не позже».

Вынужденный после приезда Каткова окончательно исключить, по его настоянию, главу «У Тихона», Достоевский в главу «Последнее странствование Степана Трофимовича» ввел сцену чтения Евангелия книгоношей. На взятой для исправления рукописи он на полях набросал новый план: «Переделать. Устьево. Описание. Хозяин и развитие. Проезжие. Дамы. Такса. Ст⟨епан⟩ Т⟨рофимови⟩ч особую комнату. Чай. Вранье.— „Полноте“. Ночь и холерина.

---

[1] Л. П. Гроссман рассматривал этот финал как намек на выпавшую главу (см.: *Гроссман, Биография,* стр. 456. Курсив наш, — *Ред.*).

[2] Принимая вышеизложенную точку зрения, мы считаем, что первые две части журнальной редакции с прибавлением главы «У Тихона» и третьей части романа в том неполном, как она дошла до нас в последнем слое рукописи виде, дают наиболее близкое представление о замысле Достоевского до окончательного исключения главы. Приводим также для ясности предполагавшийся порядок глав третьей части:

I. У Тихона.
II. Степана Трофимовича описали.
III. Флибустьеры. Роковое утро.
IV. Праздник. Отдел первый.
V. Окончание праздника,
VI. Законченный роман,
VII. Последние шаги Петра Степановича.
VIII. Путешественница.
IX. Многотрудная ночь.
X. Последнее странствование Степана Трофимовича,
XI. Заключение,

Евангелие.—„Я все лгал". Раб и свободь (это от Павла)» (см. выше, стр. 94). В соответствии с этим планом был написан новый вариант главы.

Значительной переработке подверглась заключительная глава, особенно письмо Ставрогина к Даше (см. выше, стр. 104—107). Так, Достоевский снял фразу, которая прямо вела к главе «У Тихона»: «У меня много преступлений вам неизвестных, прежних» (ср.: наст. изд., т. XI, стр. 14, строки 9—42). Было снято и пояснение отношения Ставрогина к Лизе: «... я знал, что я ее не люблю, но... понадеялся, что полюблю. Это было ужасно глупо» (см. выше, стр. 104). То же самое сделано и по отношению к словам, обращенным к Даше: «Я прямо говорю, что я вас не люблю [так] в том виде, как вы, может быть, ожидаете...» и «Если вы будете [в то] подле меня, я, может быть, вас [возненавижу] и не полюблю. Бойтесь рисковать» (там же). После слов: «А между тем я вас зову и жду» — вычеркнуты строки: «Что [казало‹сь›] [этого] позорнее? Главное, я не имею стыда» (см. выше стр. 105). После слов: «Я не люблю и не хотел разврата» — в первоначальной редакции было: «а пробовал через силу ‹...›. Пробовал быть злодеем — но какой я злодей! Теперь буду пробовать мрачное уединение — тоже через силу ‹...›. Одна надежда, что возьму привычку механическую и прирасту к тому месту» (см. выше, стр. 105).

Последние главы (V—X) появились в декабрьской книжке «Русского вестника».

Таким образом, журнальная редакция романа представляет собою компромисс: соединение первых двух частей, опубликованных в 1871 г. и отражающих первоначальный замысел Достоевского, и третьей части, представленной в переработанном виде в связи с выпадением важнейшей для всего романа главы. Творчески скрепить эти части более тесно Достоевский попытался в отдельном издании, подготавливавшемся в конце 1872 г.[1]

Сопоставление текстов журнальной редакции и отдельного издания «Бесов» (1873) указывает на следующий характер исправлений, сделанных Достоевским при подготовке отдельного издания:

1) композиционная перестройка второй и третьей части;

2) изъятие из текста строк, непосредственно ведущих к «Исповеди Ставрогина»;

3) внесение смягчений и сокращений в сатирические сцены и характеристики;

4) стилистическая правка.

Писатель возвращается при подготовке отдельного издания ко второй части романа, убирая из нее все, что непосредственно вело к выпавшей главе. Так, выбрасывается рассказ Ставрогина Даше о преследующем его привидении (см. выше, стр. 140—141), из эпизода второй встречи Ставрогина с Федькой Каторжным исключаются слова, ассоциативно связанные с идеей его преступления: «В этой мысли заключалось для него что-то очень любопытное и опять-таки ужасно смешное» (см. выше, стр. 140).

Поскольку вторая часть журнальной редакции была композиционно не завершена, Достоевский в отдельном издании переносит в нее главы «Степана Трофимовича описали» и «Флибустьеры. Роковое утро», что совпадало с его начальными планами, а третью часть начинает непосредственно с глав, посвященных описанию праздника.

К содержанию третьей части писатель при подготовке отдельного издания не возвращался, так как после исключения главы «У Тихона» она была уже в журнальной публикации приведена в соответствие с окончательной редакцией.

Некоторым сокращениям подверглись в отдельном издании сатирические выпады по адресу государственной администрации и бюрократии. Были смягчены и некоторые наиболее резкие и язвительные моменты в харак-

---

[1] А. Г. Достоевская писала позднее: «Конец 1872 и начало следующего года прошли у нас в заботах о книге: я читала первую и вторую корректуры, авторскую же просматривал Федор Михайлович» (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 247).

теристике Кармазинова-Тургенева (например, из I главы второй части романа была убрана следующая, относящаяся к «великому писателю» фраза: «Я готов сейчас же продать всю Россию за два пятака, только хвалите меня» — стр. 145).

В целом текст романа в отдельном издании в художественном и идеологическом отношении не имеет существенных отличий от журнальной редакции.

После 1873 г. роман при жизни писателя не переиздавался.

11

В письме к А. Н. Майкову от 9 (21) октября 1870 г. Достоевский дал авторское истолкование заглавия, эпиграфов и идейно-философской концепции романа, своеобразно переосмыслив евангельский эпизод об исцелении гадаринского бесноватого Христом (см.: Евангелие от Луки, гл. VIII, ст. 32—37).

Достоевский облекает в романе в евангельскую символику свои размышления о судьбах России и Европы.

Болезнь беснования, безумия, охватившая Россию, — это в первую очередь болезнь «русского культурного слоя», интеллигенции, заключающаяся в «европейничанье», в неверии в самобытные силы России, в трагическом отрыве от русских народных начал.

Не случайно рассказу об исцелении бесноватого в указанном письме предшествует фраза, что «болезнь, обуявшая цивилизованных русских, была гораздо сильнее, чем мы сами воображали», и что западниками дело не кончилось: за ними последовали Нечаевы, а рассказ об исцелившемся бесноватом (России) завершается словами: «И заметьте себе, дорогой друг: кто теряет свой народ и народность, тот теряет и веру отеческую, и бога». Эта фраза связывает мысли о преемственности поколений и западнических истоках болезни «цивилизованных русских» с размышлениями о грядущем возрождении России.

В индивидуальной судьбе Ставрогина, богато одаренной от природы личности, вся «великая праздная сила» которой ушла «нарочито ⟨...⟩ в мерзость», [1] преломляется трагедия дворянской интеллигенции, утратившей связь с родной землей и народом.

Болезнь России, которую кружат «бесы», [2] — это болезнь временная, болезнь переходного времени, болезнь роста. Россия не только исцелится сама, но нравственно обновит «русской идеей» больное европейское человечество — такова заветная мысль писателя. «Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней, — это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века!» (см.: наст. изд., т. X, стр. 499).

Хорошо известно то громадное значение, которое имела для Достоевского как евангельская, так и пушкинская символика. При этом важно иметь в виду, что мотив «бесов» у Пушкина встречается дважды — не только в одноименной балладе, из которой взят первый из двух эпиграфов к роману, но и в «Истории села Горюхина» (1830). Здесь в описании Горюхина мы читаем о «непроходимом болоте», примыкающем к Горюхину с востока: «Сие болото и называется *Бесовским.* Рассказывают, будто одна полуумная пастушка стерегла стадо свиней не далече от сего уединенного места. Она сделалась беременной и никак не могла удовлетворительно объяснить этого случая. Глас народный обвинял болотного беса, — но сия сказка недостойна внимания историка, а после Нибура непростительно было бы тому верить» (Достоевскому эти строки были известны по изданию: П у ш к и н. Сочинения, т. 5, СПб.,

---

[1] Слова Тихона (см.: наст. изд., т. XI, стр. 25).

[2] На это указывает пушкинский эпиграф к роману (часть II и VI строф из баллады «Бесы» (1830)).

1855, стр. 160). Поскольку пушкинское Горюхино в более широком смысле — символ России (именно такое понимание «Истории села Горюхина» должно было стать особенно очевидным после появления «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1870), приведенный отрывок, наряду с балладой «Бесы», можно рассматривать как один из источников символики в романе Достоевского, а пушкинскую «пастушку» как отдаленный прообраз будущей Лизаветы Смердящей в «Братьях Карамазовых» (ее предшественница Лизавета блаженная впервые появляется именно в «Бесах» — см. наст. изд., т. X, стр. 116).

Выраженная в обоих эпиграфах идея подкрепляется сатирическим изображением в романе не только Нечаева-Верховенского, но и правительственной администрации, бюрократических и дворянских кругов и всей среды провинциальных обывателей.

«Возьмем такие произведения старой литературы, как „Бесы", „Взбаламученное море", „Обрыв", „Новь"и „Дым", „Некуда" и „На ножах", — писал в 1909 г. М. Горький, — мы увидим в этих книгах совершенно открытое, пылкое и сильное чувство ненависти к тому типу, который другая литературная группа пыталась очертить в образах Рахметова, Рябинина, Стожарова, Светлова и т. п. Чем вызвано это чувство ненависти? Несомненно, тревогою людей, у которых более или менее прочно и стройно сложились свои взгляды на историю России, которые имели свой план работы над развитием ее культуры, и — у нас нет причин отрицать это — люди искренно верили, что иным путем их страна не может идти. У каждого из них „были идеи", и каждый оплатил свои идеи дорогою ценою, как это известно; их „идеи" могли быть ошибочны, даже вредны стране, но в данном случае нас занимает не оценка идей, а степень искренности и умственной силы их носителей. Они боролись с радикализмом порою — грубо, порою, как Писемский, — грязно, но всегда открыто, сильно» (см.: *Горький*, т. XXIV, стр. 61—62). В этих словах Горький справедливо провел водораздел между «Бесами» и литературой охранительного лагеря.

Рядовые создатели направленных против революционного движения «антинигилистических» романов и повестей 1820-х годов — В. Клюшников, В. Авенариус, В. Крестовский, Б. Маркевич и др. — писали свои произведения во имя защиты и прославления существующего общественного строя. Они стремились, не заботясь о художественной правде и не гнушаясь любыми доступными им средствами воздействия на читателя, скомпрометировать в его глазах нигилистов для того, чтобы утвердить в качестве не вызывающего сомнений, положительного общественного идеала официальную самодержавно-помещичью Россию в лице благородных губернаторов и либеральных земских деятелей, самоотверженных борцов с нигилистической «крамолой», или рыцарски утонченных, высоконравственных и культурных обитателей дворянских «гнезд», готовых в нужную минуту великодушно встать выше сословных различий и по-братски прийти на помощь своему «меньшому брату».

Иное мы видим в «Бесах». В романе этом, при всем открыто заявленном автором враждебном отношении к тогдашнему русскому революционному движению, нет ни веры в незыблемость устоев самодержавно-помещичьей России, ни стремления приукрасить самые эти устои. Достоевский создает памфлет и на отца-либерала Верховенского старшего, и на сына, Верховенского младшего (в последнем автор «Бесов» усматривает воплощение тех скрытых в русском революционном движении отрицательных тенденций, которые, по его мнению, обнаружило нечаевское дело). Но противостоящие им охранители устоев — немец-губернатор Лембке, его помощники и жена Юлия Михайловна — оказываются в романе объектами не менее жестокой сатиры, чем нигилисты-нечаевцы. И бюрократическая администрация Александра II, и представители дворянского губернского общества, обрисованные на страницах романа, по оценке автора, такой же продукт чуждой народу и оторванной от народных начал верхушечной, призрачно-фантастической цивилизации, как и Нечаев-Верховенский.

Этого мало. Если фон Лембке, его жена генеральша Ставрогина или писатель Кармазинов заслуживают, с точки зрения автора, всего лишь пренебре-

жительной оценки и в сущности не стоят серьезной полемики, то с революционным лагерем дело обстоит, по мнению романиста, сложнее. Здесь есть свои Эркели, Виргинские и Верховенские, но есть и свои Кирилловы и Шатовы — люди безукоризненной нравственной чистоты и самоотверженности, не случайно, но закономерно в процессе своих исканий вступившие на путь, который на определенном этапе развития привел — да и не мог не привести — *только* сюда. И даже Ставрогину автор, казня и не щадя его, готов отдать должное — он, этот отрицательный герой «Бесов», предстает в изображении романиста не только как «барич», оторванный от народной почвы, и не только как «великий грешник», изменивший своему высокому предназначению и за это осужденный богом и людьми, но и как трагическая фигура, как мученик, страдающий от потери своего человеческого лица.

Весь современный ему мир, Россия и Запад, находятся — таков скорбный диагноз автора «Бесов» — во власти страшной болезни, а потому и все люди этого мира одинаково нуждаются в нравственном исцелении. Оно необходимо не только Ставрогину, Кириллову или Шатову, но и Федьке Каторжному, и хромой и полоумной Марье Лебядкиной, одаренной прекрасной и светлой душой; оно необходимо и образованным классам, и народу, и верхам, и низам. Мир стоит на пороге нового, неизвестного будущего, в прежнем своем виде он не может существовать — и в то же время пути к этому будущему еще неизвестны никому, их не знает и Шатов, самый близкий автору из героев «Бесов», стоящий, однако, лишь в преддверии будущего, не способный ступить за его порог, да и не знающий, как это сделать. Самое «бесовство» Нечаева и нечаевцев — в понимании автора — лишь симптом трагического хаоса и неустройства мира, специфическое отражение общей болезни переходного времени, переживаемого Россией и человечеством.

В результате роман, задуманный как памфлет против русского революционного движения, — независимо от намерений романиста — перерос под его пером в критическое изображение «болезни» всего русского дворянско-чиновничьего общества и государства. Закономерным продуктом их разложения являются, по мнению автора, и кружащие современную Россию «бесы» нигилизма. Это последнее звено исторической цепи, началом которой явилось превращение русского дворянства в особое сословие, стоящее над народом, и создание петровской бюрократической монархии с ее глухими к голосу народа администраторами типа Лембке.

Существенно и другое отличие «Бесов» от реакционной романистики и публицистики той эпохи в трактовке нигилизма и его истоков.

В 1869 г. издатель «Московских ведомостей» и «Русского вестника» М. Н. Катков писал о нигилизме, имея в виду революционные настроения русской молодежи: «Вред нигилизма заключается главным образом в миазмах его существования, а не в способности к самостоятельно организованному политическому действию. Искренними нигилистами могут быть только совершенно незрелые молодые люди, которых, к сожалению, благодаря фальшивой педагогической системе 〈...〉 в таком обилии выбрасывали на свет наши учебные заведения» (*МВед,* 1869, 24 мая, № 112).

Достоевский в отличие от Каткова считал это «движение» явлением живым, «серьезной страницей», которая еще не скоро будет дописана. «Нигилисты и западники требуют окончательной плети», — писал Достоевский в *начальный* период работы над «Бесами». В дальнейшем ходе работы писатель отказался от трактовки революционного движения как чего-то наносного, случайного, преходящего. Не состоят его нигилисты и на службе у каких-то мифических врагов России, как это было обычно в 1860—1870-х годах у авторов «антинигилистических» романов.

Достоевский собирался дать в «Бесах» обвинительный акт неотразимой силы против нигилистов и западников. Петра Верховенского и членов его пятерки он хотел представить продолжателями, преемниками западников и заговорщиков прежних лет, а их деятельность — закономерным плодом оторванных от «почвы» идеологов 1840-х и 1860-х годов: Белинского, Грановского, Петрашевского, Добролюбова, Чернышевского,

В окончательном тексте романа дело обстоит сложнее: Петр Верховенский и Шигалев отрицают и утопический социализм, и пропаганду Герцена, и идеи Чернышевского как сказки и некий отвлеченно гуманистический вздор. Достоевский уже в подготовительных материалах отделяет своего героя от социалистических идеалов: «... Нечаев сам по себе все-таки *случайное* и *единоличное* существо», «Нечаев не социалист, но бунтовщик, в идеале его бунт и разрушение, а там „*что бы ни было*“ (см.: наст. изд., т. XI, стр. 279). Противопоставляя циничную программу «политического честолюбца» и «мошенника» Верховенского социалистическим проектам революционных демократов. Достоевский вкладывает в его уста слова: «В сущности, мне наплевать; меня решительно не интересует: свободны или несвободны крестьяне, хорошо или испорчено дело. Пусть об этом Серно-Соловьевичи хлопочут да ретрограды Чернышевские! — у нас другое — вы знаете, что чем хуже, тем лучше» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 159).

Итак, автор хотел показать закономерность появления «нечаевщины», но в то же время счел необходимым отделить ее от социалистических идей Белинского и Чернышевского. Вместо сплошного бичевания либеральных, социалистических, нигилистических идей в романе налицо классификация и *разграничение* разных тенденций и течений. Достоевский отделяет великую идею от ее «уличных» интерпретаций (идея, попавшая «на улицу», — идея измельчавшая и исказившаяся), разграничивает «чистых социалистов» и честолюбивых мошенников; «передовых» деятелей, работающих во имя определенной цели (хотя бы и нелепой, с точки зрения Достоевского 1870-х годов), и примкнувшую к ним «сволочь», равнодушную к любым целям (Лямшин); кабинетных теоретиков анархии, отрицающих путь заговоров (Шигалев), и практиков, одержимых одной идеей разрушения. Эта классификация, в основных чертах, намеченная в «Бесах», нашла законченное оформление в подготовительных материалах к «Подростку» и вложена там в уста «высшего скитальца» Версилова: «... Нигилисты ⟨...⟩ в сущности были мы, вечные искатели высшей идеи. Теперь же пошли или равнодушные тупицы, или монахи. Первые — это „деловые“. ⟨...⟩ А монахи — это социалисты, верующие до сумасшествия. ⟨...⟩ Нигилизм без социализма — есть только отвратительная нигилятина, а вовсе не нигилизм. ⟨...⟩ Настоящий нигилизм, истинный и чистокровный, это тот, который стоит на социализме. Тут все — монахи. Чистый монастырь, вера беспредельная, сумасшедшая» (см.: наст. изд., т. XIV).

В первой части романа большое место занимает памфлетно-карикатурное изображение идеалов и идеологов 1840-х годов. Особенно резко оценивается Белинский: слова о нем Шатова — отражение мнений Достоевского, обратившего весь свой гнев на нынешних нигилистов против их «предков». Но постепенно памфлет, захватывающий историю нигилизма, меняет направление. Памфлетность не ослабевает, даже усиливается в третьей части романа, при этом объекты полемических и пародийных выпадов умножаются. И если памфлетное, сниженное, окарикатуренное преломление в устах персонажей идей Белинского, Грановского, Чернышевского оказалось несправедливостью и натяжкой, чем-то искусственно привязанным к общей художественно-идеологической концепции нигилизма как укоренившейся болезни, «беснования», заданной эпиграфом из Евангелия от Луки, то в полной мере удался памфлет и на консервативные и либеральные круги, и на анархические и бланкистские теории и программы, так чудовищно претворенные в жизнь «Народной расправой». В. И. Ленин, осуждая реакционные тенденции романа Достоевского, в то же время, по свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, «говорил, что при чтении этого романа надо не забывать, что здесь отражены события, связанные с деятельностью не только С. Нечаева, но и М. Бакунина. Как раз в то время, когда писались „Бесы“, К. Маркс и Ф. Энгельс вели ожесточеную борьбу против Бакунина. Дело критиков — разобраться, что в романе относится к Нечаеву и что к Бакунину» (см.: Влад. Бонч-Бруевич. Ленин о книгах и писателях. «Литературная газета», 1955, № 48 (3393), 21 апреля). Именно антианархический, антибланкистский, антитоталитарный аспекты памфлета Достоевского, его критика крепостнической и либеральной России

важны и существенны, и это неоднократно подчеркивалось советскими исследователями. [1] Впоследствии Достоевский часто (вплоть до Пушкинской речи и «Дневника писателя» за 1881 г.) говорил о современных скитальцах именно в сочувственном духе. Но уже в «Бесах» он хотел подчеркнуть эту мысль, собираясь в намечавшемся предисловии к роману пояснить его главную идею: «В Кириллове народная идея — сейчас же жертвовать собою для правды. Даже несчастный, слепой самоубийца 4 апреля в то время верил в свою правду ⟨...⟩[2] Жертвовать собою и всем для правды — вот национальная черта поколения. Благослови его бог и пошли ему понимание правды. Ибо весь вопрос в том и состоит, что считать за правду. Для того и написан роман» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 303).

12

Первые главы «Бесов» вызвали при своем появлении осторожные и сдержанные рецензии в петербургских газетах. Мягкость и терпимость этих первых рецензий следует объяснить тем обстоятельством, что тенденциозность и памфлетность романа в начальных главах еще только начинали вырисовываться. «Голос» в анонимном обзоре «Библиография и журналистика» ограничился благоприятным, хотя и уклончивым отзывом, оставляющим лазейку для любых оценок романа в будущем: «В том, что мы прочли, видны пока общие достоинства и недостатки автора „Преступления и наказания“: тонкий анализ в композиции характеров лиц, уменье разгадывать смысл душевных движений и в то же время излишняя и местами очень утомительная плодовитость в рассказе и мелкие, но в сущности весьма важные черты неестественности, которые мешают художественной полноте и правде создаваемых автором типов и положений» (*Г*, 1871, 9 февраля, № 40). «Биржевые ведомости» отвели роману несколько строк в заметке «Новые книги»; критик газеты не избежал ставших к этому времени уже традицией ламентаций об угасании творческой силы Достоевского, однотонности и одноцветности его произведений, но в целом он лестно пишет о таланте писателя и не скупится на комплименты: «замечательный психолог», «серьезная мысль», «меткая обрисовка характеров», «отсутствие всего поверхностного, придающего литературному произведению один только наружный блеск в ущерб внутреннему содержанию». Роман, по мнению рецензента, «обещает быть весьма интересным» (*БВ*, 1871, 19 февраля, № 48).

В. П. Буренин (под псевдонимом «Z») в «С.-Петербургских ведомостях» напомнил читателям слова самого Достоевского, сказанные им по поводу «Униженных и оскорбленных» в примечании к статье Н. Н. Страхова «Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве» («Эпоха», 1864, № 9). По

---

[1] См.: В. Розенблат. К пересмотру некоторых литературных ценностей. (Об отношении к роману Достоевского «Бесы»). *РЛ*, 1965, № 3, стр. 253—255; *Чирков, 1967*, стр. 147; Б. Кузнецов. Образы Достоевского и идеи Эйнштейна. «Вопросы литературы», 1968, № 3, стр. 142; Ю. Г. Кудрявцев. Бунт или религия. (О мировоззрении Ф. М. Достоевского). Изд. МГУ, М., 1969, стр. 138—150; Б. Сучков. Великий русский писатель. «Литературная газета», 1971, 17 ноября, № 47 (4333), стр. 4.

[2] Речь идет о Каракозове, чье имя не однажды встречается в записных тетрадях к роману: в первый раз, когда намечается программа действий Петра Верховенского, включающая и цареубийство, и затем как предлог для дискуссии-испытания, донес ли бы тот или иной человек, заранее зная, что готовится покушение на царя. По свидетельству З. Ралли, Нечаев очень интересовался каракозовским делом в России и биографиями французских бланкистов; внимательно читал статьи в «Колоколе» о Каракозове и вместе с другими членами студенческого кружка увлекался книгой Буонаротти о Г. Бабефе (см.: З. Ралли. Нечаев. «Былое», 1906, № 7, стр. 137). Книга эта была знакома и петрашевцам.

мнению критика, эти слова вполне можно применить и к новому роману Достоевского. Как несомненную удачу писателя Буренин отметил образ Степана Трофимовича («очень недурно обрисованное лицо — устарелый либерал сороковых годов»), но остался недоволен другими героями и осудил пристрастный тон повествования: «Вместе с живыми лицами, вроде помянутого либерала, выходят куклы и надуманные фигуры; рассказ тонет в массе ненужных причитаний, исполненных нервической злости на многое, что вовсе не должно бы вызывать злости, и т. п. Нервическая злость мешает много роману и побуждает автора на выходки, без которых, право, можно было бы обойтись» (*СПбВед,* 1871, 6 марта, № 65).

Любопытны критические пожелания и советы, содержащиеся в письмах к Достоевскому его постоянных и случайных корреспондентов. «Превосходным» назвал роман в письме к Достоевскому от 17 февраля 1871 г. Н. И. Соловьев (см.: *Д, Письма,* т. II, стр. 501). Н. Н. Страхов в письме от 22 февраля 1871 г., сообщая об успехе романа в публике, присовокупляет свое личное замечание об образе Степана Трофимовича и мягко упрекает писателя в невыдержанности тона: «Роман Ваш читается с жадностью; успех уже есть, хотя и не из самых больших. Следующие части, вероятно, поднимут и до самого большого. Степан Трофимович — прелесть. Я нахожу, что тон рассказа не везде выдерживается; но первые страницы, где *взят* этот тон, — очарование» (см.: там же, стр. 502). Чрезвычайно обрадовало Достоевского письмо А. Н. Майкова (несохранившееся), на которое писатель 2 (14) марта 1871 г. отвечал пространно и благодарно; особенно понравилось ему майковское определение людей 1840-х годов в романе: «Тургеневские герои в старости».

Среди эпистолярных рецензий и откликов выделяется письмо Страхова от 12 апреля 1871 г. Страхов дипломатично начинает с того, что ему кажется в романе наиболее художественным и удачным: «Во второй части чудесные вещи, стоящие наряду с лучшим, что Вы писали. Нигилист Кириллов удивительно глубок и ярок. Рассказ сумасшедшей, сцена в церкви и даже маленькая сцена с Кармазиновым — все это самые верхи художества». Затем он передает недоуменные толки публики о романе, вряд ли подтверждающие первое сообщение о скромном успехе: «Но впечатление в публике до сих пор очень смутное; она не видит цели рассказа и теряется во множестве лиц и эпизодов, которых связь ей не ясна». Отделяя себя от публики, Страхов характеризует талант Достоевского: «Очевидно — по содержанию, по обилию и разнообразию идей Вы у нас первый человек, и сам Толстой сравнительно с Вами однообразен. Этому не противоречит то, что на всем Вашем лежит особенный и резкий колорит». После столь тщательно проведенной подготовки он переходит к критике: «Но очевидно же: Вы пишете большею частью для избранной публики, и Вы загромождаете Ваши произведения, слишком их усложняете. Если бы ткань Ваших рассказов была проще, они бы действовали сильнее. ⟨...⟩ И весь секрет, мне кажется, состоит в том, чтобы ослабить творчество, понизить тонкость анализа, вместо двадцати образов и сотни сцен остановиться на одном образе и десятке сцен» («Русский современник», 1924, № 1, стр. 199—200).

Письмо Страхова взволновало Достоевского. Отвечая ему 23 апреля (5 мая), он признал справедливыми указанные критиком недостатки: «Но вот что скажу о Вашем последнем суждении о моем романе: во-1-х, Вы слишком высоко меня поставили за то, что нашли хорошим в романе, и 2) Вы ужасно метко указали главный недостаток. Да, я страдал этим и страдаю; я совершенно не умею до сих пор (не научился) совладать с моими средствами. Множество отдельных романов и повестей разом втискиваются у меня в один, так что ни меры, ни гармонии. Всё это изумительно верно сказано Вами, и как я страдал от этого сам уже многие годы, ибо сам сознал это. Но есть и того хуже: я, не спросясь со средствами своими и увлекаясь поэтическим порывом, берусь выразить художественную идею не по силам (NB. Так сила поэтического порыва всегда, н⟨а⟩пример у V. Hugo, сильнее средств исполнения. Даже у Пушкина замечаются следы этой двойственности)».

Достоевский запомнит слова Страхова, и впоследствии, в период работы над «Подростком», он, явно имея в виду его мнение, как, впрочем, и другие

более резкие отзывы (ставшие общими местами в критике 1870-х годов упреки в «перенаселенности» романа, в растянутости повествования, в непропорционально большом внимании к «второстепенным» героям в ущерб «главным»), сделает следующую запись для себя: «Избегнуть ту ошибку в „Идиоте" и в „Бесах", что второстепенные происшествия (многие) изображались в виде недосказанном, намечном, романическом, тянулись через долгое пространство, в действии и сценах, но без малейших объяснений, в угадках и намеках, вместо того чтобы *прямо объяснить истину*. Как второстепенные эпизоды, они не стоили такого капитального внимания читателя, и даже, напротив, тем самым затемнялась главная цель, а не разъяснялась, именно потому, что читатель, сбитый на проселок, терял большую дорогу, путался вниманием» (см.: наст. изд., т. XIV).

Позднее Достоевский получил еще одно письмо от Страхова, почти ничего принципиально не прибавляющее к ранее сказанному, очень сдержанное по тону, сухо информирующее писателя о спорах вокруг романа: «О Вашем романе, прочитавши третью часть, я скажу Вам то же, что и прежде говорил. Кругом я слышу ожесточенные споры — одни читают с величайшей жадностью, другие недоумевают» («Русский современник», 1924, № 1, стр. 204—205). В письме к А. Н. Майкову от 14 января 1873 г. Страхов выскажется о третьей части романа подробнее и откровеннее: «Смерть Кириллова поразительна, и то место, которое мне читал в Петербурге Фед⟨ор⟩ Михайлович, не потеряло своей страшной силы и при чтении. Как хороша смерть Лизы! Степан Трофимович с книгоношею и весь его конец — очарование. Я удивляюсь теперь учительности этого романа. Николай Ставрогин, очевидно, вставное лицо, как и Свидригайлов в „Преступл⟨ении⟩ и нак⟨азании⟩", но не лишнее, а как будто из другой картины, писанной в том же тоне, но еще страшнее и печальнее. С нетерпением буду ждать отдельного и полного издания» (*ЛН*, т. 86, стр. 421).

Осенью 1871 г., когда тенденция романа вполне выяснилась, появились и первые обширные рецензии. Демократическая и либеральная критика, по-разному оценивая художественные достоинства романа, остро реагировала на авторское понимание и оценку русского освободительного движения. Отношение Достоевского к революционному движению не могло не вызывать отпора не только у его непосредственных участников, но и у тех, кто сочувственно относился к борьбе с самодержавием.

Д. И. Минаев в рецензии (подписанной псевдонимом «L'homme qui rit») [1] в журнале «Дело» называет автора «Бесов» в одном ряду с Клюшниковым, Лесковым, Писемским как авторами «антинигилистических» романов и недоумевает по поводу столь необычайной и явной эволюции Достоевского: «Кто бы мог несколько лет тому назад искать какой-нибудь родственной связи между произведениями автора „Мертвого дома" и изделиями творца романа „Некуда!"?» Минаев отказывается от специального разбора «Бесов», аргументируя это тем, что Достоевский и Лесков «до такой степени *окатковились*, что в новейших своих романах „Бесы" и „На ножах" слились в какой-то единый тип, в гомункула, родившегося в знаменитой чернильнице редактора „Московских ведомостей", в одно творение Лескова-Достоевского-Стебницкого „Бесы — На ножах"» («Дело», 1871, № 11, стр. 57—58).

Рецензент «Биржевых ведомостей» оценивает роман столь же резко. Он считает, что Достоевский в памфлетных выпадах против молодого поколения «превзошел ⟨...⟩ тех из своих конкурентов, которые подвизаются на этом пути в „Русском вестнике" и в других журналах такого же характера и о которых мы уже забыли». Шигалев и шигалевщина напоминают критику бред Поприщина, а герои «Бесов» — «госпиталь», населенный эксцентричными пациентами, «рекомендуемый ⟨...⟩ за собрание людей нового времени» (*БВ*, 1872, 24 марта, № 83; подпись «М. Н.»).

Но особенно резкими стали отзывы о «Бесах» начиная с конца 1872 г., когда в газетах было объявлено о согласии Достоевского на предложение занять место редактора в «Гражданине» В. П. Мещерского, получившего

---

[1] Человек, который смеется (*франц.*).

в прогрессивной печати за крайний консерватизм взглядов прозвище «князяточки».[1] В большинстве статей, заметок, пародий 1873 г. содержание романа объединяется с публицистическими professions de foi автора фельетонов «Дневника писателя».

Рецензент «Искры» отказывается от анализа романа, мотивируя это его нехудожественностью: «„Бесы“ оставляют точно такое же краïне тяжелое впечатление, как посещение дома умалишенных. ⟨...⟩ Впечатление до крайности тяжелое и вместе с тем бесполезное, потому что неспециалист ничего ровно не поймет и не уяснит себе в этой белиберде». Объединяя «Бесы» и напечатанный в «Гражданине» в составе «Дневника писателя» рассказ «Бобок» (см.: наст. изд., т. XX), критик прозрачно намекает на болезненное состояние духа писателя: «Тяжело и неловко как-то читать такой роман, в котором все без исключения действующие лица только и знают твердят бессмысленные слова: „бобок, бобок, бобок!“» Тенденциозную направленность романа критик сознательно старается не замечать, лишь в одном месте стилистически оттенил свое отношение к памфлету: «Степан Трофимович, *по показанию автора* ⟨курсив наш, — *Ред.*⟩, был когда-то профессором в одном из университетов (не в Московском ли?) ...» (*И*, 1873, 21 февраля, № 6, стр. 5—6).

Вскоре «Бесы» становятся излюбленным предметом иронических сравнений и пародий. Так, в «Искре» (Д. Д. Минаев. Праздничные подарки «Искры» — *И*, 1873, 15 апреля, № 19) пародируются пушкинский эпиграф к «Бесам», содержание романа и художественные приемы романиста: «*Сюжет седьмой. Ф. Достоевскому.* Роман „Оборотни“. Собственно сюжета и стройного плана не требуется. Можно по произволу (чем капризнее, тем лучше) распорядиться следующими атрибутами мистическо-забористого романа: духовидцы и „красные“ мазурики, фурьеризм и синильная кислота, прокламации, револьверы и доносы, Женева и „Малинник“, принципы 1789 года и грабеж во время пропаганды, мохнатые люди и девственницы, развращенные духом. Миллион действующих лиц и поголовное истребление их в конце романа, у которого должен быть эпиграф из „Сцены из Фауста“ Пушкина:

Фауст. Всех утопить!
Мефистофель. Сейчас!...»

В клевете на русское общество обвиняет Достоевского анонимный рецензент «Сына отечества» (*СО*, 1873, № 40). В том же духе выдержаны рецензии С. Г. Герцо-Виноградского (подпись «С. Г.-В.») в «Одесском вестнике» (1873, 25 января, № 19); Л. К. Панютина (псевдоним «Нил Адмирари») и М. Г. Вильде (подпись «W») в «Голосе» (1873, 18 января, № 18; 15 сентября, № 253); И. А. Кущевского (псевдоним «Новый критик») в «Новостях» (1873, 5 января, № 5; 19 января, № 19); А. С. Суворина в «Новом времени» (1873, 6 марта, № 61); анонимного рецензента в еженедельнике «Сияние» (1873, 20 апреля, т. I, № 15, стр. 239—240).

Несколько иной характер носили рецензии В. П. Буренина. Критик резко писал об искажении в романе действительности, обвиняя Достоевского в пренебрежении трезвым, строго фактическим анализом и увлечении субъективными ощущениями (*СПбВед,* 1871, 11 октября, № 250). Но в то же время, полемизируя с Д. И. Минаевым, он отверг его категоричные оценки: «Г-н Достоевский — крупный литературный талант (едва ли не самый крупный талант после г. Тургенева) и, что бы он ни писал, пишет вследствие искреннего и глубокого убеждения; г. Стебницкий, напротив, склеивает свои бесконечные романы чисто ремесленным образом, угождая худшим инстинктам толпы. Повторяю: между г. Достоевским и авторами вроде г. Стебницкого лежит целая бездна» (там же, 1872, 15 января, № 15). Буренин находит элементы «стебницизма» только в седьмой и восьмой главах второй части романа, особо выделяя в этом смысле памфлетное изображение восемнадцатилетнего гимназиста и юной студентки в главе «У наших». Отпор Буренина вызывает не сатирическое изображение нигилизма вообще, а неумелая, «мелкая» сатира, чрезмерная

---

[1] См. четверостишие Д. Д. Минаева «На союз Ф. Достоевского с кн. Мещерским» (*И*, 1873, 11 февраля, № 2).

пристрастность Достоевского, иногда толкающая писателя, по его мнению, к прямым заимствованиям из Н. С. Лескова и В. П. Клюшникова. В небольшой декабрьской заметке Буренин отделяет роман «Бесы» от рядовых «антинигилистических» произведений Лескова, Б. М. Маркевича, В. Г. Авсеенко, П. Д. Боборыкина, Н. Д. Ахшарумова; он отмечает как удавшееся Достоевскому лицо губернатора Лембке и заявляет, что, «несмотря па всю болезненность творчества даровитого автора, все-таки приходится сказать, что „Бесы"— едва ли не лучший роман за настоящий год» (там же, 1872, 16 декабря, № 345). Позднее Буренин еще яснее сформулирует свою мысль, подчеркнув, что даже самые тенденциозные страницы «Бесов» — «плод искреннего убеждения, а не низкопоклонства пред грубыми и плотоядными инстинктами толпы, как у беллетристических дел мастеров». К удаче Достоевского критик отнес и образ Кармазинова (там же, 1873, 6 и 13 января, №№ 6 и 13).

Органы консервативной прессы откликнулись на роман Достоевского немногочисленными и в основном положительными рецензиями. М. А. Загуляев (псевдоним «L. V.») сочувственно писал о «гигантском» замысле Достоевского («Journal de St. Petersbourg», 1872, 4 decembre, № 329). Полемизируя с критиками, обвинявшими Достоевского в некомпетентности и измене прогрессивным традициям, Загуляев признает за ним право сказать в лицо возмущенной «партии» всю правду — право, завоеванное долгими годами ссылки за увлечение радикальными идеями. Из героев романа критик подробнее всего характеризует Ставрогина как русскую натуру со всеми присущими ей достоинствами и недостатками. Считая, что новый роман слабее по исполнению «Записок из Мертвого дома» и «Преступления и наказания», он тем не менее отмечает как высокохудожественные многие страницы «Бесов». Все это вместе взятое позволяет Загуляеву утверждать, что «Бесы» — лучший роман года («Journal», 31 decembre, № 350).

Замысел Достоевского полностью удовлетворил и консервативно-дворянского романиста и критика В. Г. Авсеенко (с которым Достоевский вскоре будет резко полемизировать), выступавшего с рецензиями на роман в «Русском мире» и «Русском вестнике». Критик особо выделил образ «бесподобнейшего Степана Трофимовича» (*РМ*, 1872, 2 декабря, № 315) и одобрительно воспринял памфлетное изображение нигилистов в романе: «Что между заметными современными деятелями существует категория людей, которым весьма приличествует наименование бесенят и о которых весьма утешительно думать, что их ждет участь евангельского стада,— об этом также, вероятно, никто не будет спорить, кроме разве самих „просящих, чтоб им позволено было войти в свиней"». Авсеенко недоволен лишь тем, что Достоевский слишком много времени и места уделил одной из множества болячек современной Руси, «принял часть за целое, категорию подпольных деятелей за целое общество». Его не удовлетворяет также необычность, оригинальность нигилистов Достоевского; они, по мнению критика, представляют субъективные фантастические видения писателя и не имеют прямого аналога в заурядной, повседневной действительности: «Общественные инстинкты нашего времени именно и главным образом враждебны всему оригинальному, даже просто всему умному и талантливому. Современный человек именно страдает отсутствием того стремления к самостоятельной умственной деятельности, которое, как мы видели, отличает героев Достоевского» (там же, 1873, 6 января, № 5).

В обширной статье «Общественная психология в романе» Авсеенко нападает на «умственный пролетариат» — «подполье нашей интеллигенции» как на «явление вполне патологическое, порожденное беспочвенностью нашей цивилизации от вчерашнего числа и язвою полуобразования», приводящее «к тем сатурналиям мысли, с которыми нам приходится знакомиться на страницах нашей уголовной летописи и которые с такою художественною глубиною раскрыты и изображены во многих романах г. Достоевского». Тенденциозность рецензента ясно ощутима во всех положениях статьи, особенно в характеристике Петра Верховенского, который, по мнению Авсеенко, «воплощает в себе, так сказать, международный тип агитатора и революционера, довольно искусно, однако ж, приноровившийся к условиям русской жизни и недурно понимающий слабые стороны нашего общества, беспринципность и распущенность

которого он спешит утилизировать для политической цели». С нескрываемой симпатией пишет Авсеенко о тех главах романа, в которых более всего сильна памфлетная направленность: «Беспорядочный сброд „разных людишек“, взявший мало-помалу в губернском городе верх над более серьезными элементами и направляемый опытною в интригах рукою Петра Степановича, производит нелепый скандал с целью усилить в обществе тот милый „беспорядок умов“, которому так рады коноводы подполья. Это преобладание „разных людишек“ над обществом, легкость, с которою они забирают в свои руки направление всяким общественным начинанием, вовсе не случайное явление, но один из тех признаков, которыми характеризуется наше беспринципное время и наша рыхлая, лишенная упругости сопротивления общественная среда» (*РВ*, 1873, № 8, стр. 800, 817, 829).

К числу наиболее значительных откликов демократической печати на роман Достоевского следует отнести обстоятельные статьи критиков-народников П. Н. Ткачева и Н. К. Михайловского.

Ткачев, «теоретическим взглядам» которого, по замечанию Б. П. Козьмина, частично «соответствовала практическая деятельность Нечаева» (см.: Б. П. Козьмин. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. Изд. «Новый мир», М., 1922, стр. 95), который сам привлекался по делу последнего, не мог и по идеологическим и по личным мотивам отнестись беспристрастно к роману, в котором его близкие друзья (а возможно, и он сам — см. выше, стр. 214) были задеты непосредственно. Уже в «Недоконченных людях» («Дело», 1872, №№ 2 и 3) он мельком коснулся «Бесов», поставив имя Достоевского рядом с Лесковым-Стебницким (см.: *Ткачев,* т. II, стр. 281). В специально посвященной роману «Бесы» статье «Больные люди» («Дело», 1873, №№ 3 и 4) Ткачев резко пишет об эволюции взглядов писателя, об отходе Достоевского от прежних прогрессивных убеждений 1840-х («Бедные люди») и 1860-х («Записки из Мертвого дома») годов (см. там же). «В „Бесах“, — по мнению критика, — окончательно обнаруживается творческое банкротство автора „Бедных людей“: он начинает переписывать судебную хронику, путая и перевирая факты, и наивно воображает, будто он создает художественное произведение». Старшее поколение (образы Степана Трофимовича и Варвары Петровны) в том виде, в каком оно изображено в романе, особых возражений Ткачева не вызывает; но это всего лишь типы «изъезженные», искусная компиляция «по известным образцам, данным Писемским, Гончаровым, Тургеневым и т. п.». Причем и здесь Достоевский, как считает Ткачев, переусердствовал в субъективно-навязчивых комментариях, отчего «воспроизведение личности Верховенского вышло у него более похожим не столько на объективное изображение характера, сколько на критическую оценку его». Но когда Ткачев от общих рассуждений переходит к подробному анализу образа Степана Трофимовича, он незаметно вступает в противоречие с выдвинутым тезисом об изъезженности и неоригинальности героя Достоевского. Критик подчеркивает те свойства личности человека 1840-х годов, которые удалось подметить именно Достоевскому. Во-первых, это робость и трусливость Степана Трофимовича: «Мне кажется, что до сих пор недостаточно было обращено внимание на ту, так сказать, хроническую робость, запуганность, которая составляла едва ли не самую существенную черту характера этих „либералов-идеалистов“, „стоявших перед отчизной воплощенной укоризной“. А между тем это душевное состояние, это постоянное дрожание перед действительными или воображаемыми опасностями может служить ключом к объяснению всей их жизни, всей их деятельности, которая, впрочем, всегда ограничивалась „лежанием на боку“ да комическим „позированием“. Во-вторых, эгоизм либерала 40-х гг. как неизбежное следствие трусости» («Дело», 1873, № 3, стр. 152—167).

Что же касается молодого поколения, как его представил Достоевский в «Бесах», то оно, по мнению Ткачева, ничего общего с действительностью не имеет. Роман он квалифицирует как инсинуацию, клевету, фантастические измышления писателя, лишь по слухам и отдельным газетным сообщениям знакомого с современными нигилистами; Достоевский, «как и большинство наших беллетристов, совершенно не способен к объективному наблюдению;

созерцая собственные внутренности, наблюдая за проявлениями своей личной психологической жизни, г. Достоевский, как истый русский романист, воображает, будто он изучает действительность и создает характеры живых людей». Нигилисты Достоевского — «манекены», отличающиеся друг от друга той или иной разновидностью бреда: Петр Верховенский выкроен «по шаблону лесковских нигилистов»; Ставрогин — «какое-то бледное воплощение какой-то мистической теории о характере „русского человека", подробно излагаемой автором в фельетонах „Гражданина"»; идеи Кириллова и Шатова — «бредни — плоть от плоти, кровь от крови самого автора».

В конце статьи, однако, Ткачев все же отступает от полемических выпадов, давая тонкий психологический разбор «идеи» Кириллова: «Кириллов не убил бы себя, если бы он не был уверен, что его самоубийство послужит самым лучшим и неопровержимым доказательством истинности его идеи. Таким образом, с точки зрения своей логики, он неизбежно должен был прийти от мысли сделать людей счастливыми к мысли убить себя. Вырождение идеи разумной и плодотворной в идею безумную и нелепую здесь вызывалось роковою необходимостью, всею совокупностью тех внутренних и внешних условий, под влиянием которых развилась и сформировалась его умственная жизнь» (см.: там же, № 4, стр. 366—378).

Таким образом, содержание статьи Ткачева непосредственно критикой «Бесов» не исчерпывается. Навеянные романом Достоевского рассуждения о муках мысли, скованной атмосферой нетерпимости и произвола, о психологически закономерном перерастании здоровых и благородных идей в больные и эксцентричные представляют в ней наибольший интерес. Ткачев обрисовывает сущность трагедии поколения, обреченного на перерождение, неспособного к борьбе и не верящего в нее; в современном мире, где так «мало шансов для здорового развития человеческого организма», пролетарию умственного труда нелегко не сбиться с правильной дороги, на это способны «натуры энергические, только деятельные и мужественные характеры», а не «потомство людей сороковых годов», у которых «и наследственное предрасположение, и внешняя обстановка, и характер воспитания были в высокой степени благоприятны для развития психических аномалий, весьма близко приближающихся к концу пограничной области, отделяющей болезнь от здоровья» (см.: там же, стр. 365—366). [1]

Позднее Ткачев существенно изменил отношение к таланту Достоевского, названного им в 1873 г. пренебрежительно «микроскопическим» (в статье «Тенденциозный роман»). Это видно из разбора романа «Подросток» в статье «Литературные попурри» (1875). Примечательно, что и о «Бесах» в этой статье Ткачев отзывается мягче, признаваясь, почему он был так суров к Достоевскому-художнику в «Больных людях»: «По поводу „Бесов" мне уже приходилось беседовать о таланте г. Достоевского; сознаюсь, повод этот был выбран не особенно удачно. „Бесы", бесспорно, одно из самых слабых, самых „нехудожественных" произведений автора „Мертвого дома", „Униженных и оскорбленных", автора „Преступления и наказания". Я старался объяснить тогда „нехудожественность" и „слабость" этого романа главным образом тем обстоятельством, что автор вышел из своей сферы и забрался в такие палестины, где художественный инстинкт не способен ничего видеть, кроме обратной стороны медали ...» (см.: *Ткачев,* т. IV, стр. 59).

Некоторые мысли статьи Н. К. Михайловского «Литературные и журнальные заметки» близки высказываниям о романе Ткачева: обозначение «психиатрический талант» в качестве почти исчерпывающего объяснения необычности творчества Достоевского, деление героев писателя на всецело «памфлетных» и на являющихся исключительной «собственностью» романиста и др. Но наиболее пристрастные приговоры тогдашней критики, разделявшиеся Ткачевым,

---

[1] Б. П. Козьмин увидел в этих словах не только полемику с Достоевским, но и «суровый приговор Ткачева над Нечаевым и его товарищами по тайному обществу „Народная расправа"» (см.: Б. П. Козьмин. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов, стр. 207—208). Однако ни эти, ни последующие статьи Ткачева не дают основания для столь категоричного вывода.

Михайловский отвергает: так, он отказывается от сопоставления «Бесов» с романами Стебницкого, Крестовского, Клюшникова, утверждая, что оно правомерно только по отношению к третьестепенным героям романа. Соглашаясь с Ткачевым в том, что «тип идеалиста сороковых годов эксплуатировался у нас весьма часто», Михайловский не разделяет его мнения о «компиляции», хотя бы и «искусной»: «Г-н Достоевский берет его, но берет с некоторых новых сторон и потому придает ему свежесть и оригинальность, несмотря на избитость темы» (*ОЗ,* 1873, № 2, отд. II, стр. 317).

Статья Михайловского отличается от статьи Ткачева не только тоном и оценкой отдельных героев романа; Михайловский принципиально иначе подходит к возможностям и задачам критики, обязанной быть чуткой и корректной, тем более когда речь идет о произведениях талантливого писателя: «Г-н Достоевский имеет полное право требовать, чтобы и к его мыслям, и к его произведениям относились со всевозможными вниманием и осторожностью». [1] Важными обстоятельствами, повлиявшими на отношение Михайловского к «Бесам», явились уважительное отношение к прошлому Достоевского-петрашевца и резкое неприятие нечаевских революционных приемов. Михайловский упрекает Достоевского не в карикатуре на нечаевцев, а в смещении перспективы, необоснованности и случайности обобщений: «... Нечаевское дело есть до такой степени во всех отношениях монстр, что не может служить темой для романа с более или менее широким захватом. Оно могло бы доставить материал для романа уголовного, узкого и мелкого, могло бы, пожалуй, занять место и в картине современной жизни, но не иначе как в качестве третьестепенного эпизода». «Нечаевщина», по мнению Михайловского, нехарактерна для современного общественного движения, она составляет «печальное, ошибочное и преступное исключение». Неприязнью к Нечаеву и нечаевцам, видимо, следует объяснить и то, что Михайловский оказался единственным, кто в бурной полемике вокруг «Бесов» в 1870-е годы отметил Шигалева как лицо удачное даже «в художественном отношении»: «Недурен, пожалуй, Шигалев, но он, во-первых, стоит в самом заднем углу, а во-вторых, не развертывает своей идеи вполне, а только показывает один край ее, так что не успевает быть ею придавленным» (см.: там же, стр. 321, 323, 331, 340).

Михайловский разделяет героев романа на три категории. К первой категории критик относит марионеточные фигурки нигилистов, олицетворяющих «идею, попавшую на улицу»; здесь господствует «стебницизм»; исключение он делает лишь для «более или менее человекообразных фигур жен Шатова и Виргинского». Ко второй категории критик относит тех героев, к кому «можно подыскать параллели в произведениях других наших романистов» (они «в то же время суть самостоятельные создания г. Достоевского»). По мнению Михайловского, герои этой категории наиболее удались Достоевскому, «а некоторые даже превосходны»: «Если прекрасные фигуры упомянутого идеалиста сороковых годов, Степана Трофимовича Верховенского, и знаменитого русского писателя Кармазинова, читающего свой прощальный рассказ „Merci“, впадают местами в шаржу, то фигуры супругов Лембке положительно безупречны» (см.: там же, стр. 316—317). Основное же внимание ведущего народнического публициста приковано к излюбленным героям Достоевского (третья категория) — мономанам-теоретикам, «составляющим в русской литературе исключительную собственность г. Достоевского» (в западноевропейской литературе, считает Михайловский, сходство с Достоевским обнаруживает Бальзак: «...у г-на Достоевского такой громадный запас эксцен-

[1] Объективный и спокойный тон статьи Михайловского вызвал нарекания А. С. Суворина, который усмотрел в статье измену демократическим идеалам «вождей», назвал Михайловского «гасителем священного огня» и прочитал ему суровую нотацию: «Быть слишком беспристрастным к тормозящим общественную мысль явлениям — большое заблуждение; там, где надлежит карать за дурное намерение, кара должна быть строгая и беспощадная и равно относиться ко всякому провинившемуся, какое бы громкое имя ни стяжал он в нашей литературе, ибо давно еще сказано: „Долой недостойных идолов!“» (*НВр,* 1873, 6 марта, № 61).

трических идей, что он просто давит ими своих героев. В этом отношении его можно сравнить с Бальзаком»). Развивая сравнение, критик уточняет, что́ именно он имеет в виду: «...г-н Достоевский напоминает Бальзака, конечно, не по симпатиям своим, а только по богатству эксцентрических идей и наклонности к изображению исключительных психологических явлений. (Небезынтересно заметить мимоходом еще одно сходство: фельетонный способ писания широко задуманных вещей.)». Бледность, претенциозность, искусственность Ставрогина, Кириллова, Шатова, Петра Верховенского, по мнению Михайловского, происходят из-за стремления Достоевского представить своих исключительных героев носителями популярных идей в обществе, в результате чего широта замысла вступает в противоречие с узкими, весьма специальными психологическими штудиями: «Люди, представляющие собою исключительные психологические феномены, уже сами по себе составляют нечто трудно поддающееся обобщениям. А так как в „Бесах" эти люди суть большею частью только подставки для эксцентрических идей, то становится еще труднее стать на такую точку зрения, с которой все они сливались бы в понятие стада бесноватых свиней». Резче всего отозвался Михайловский о теории Шатова-Достоевского: «... я отказываюсь следить за теорией г. Достоевского-Шатова во всей ее полноте. Это просто невозможно. В теории этой заключается, между прочим, такой пункт: каждый народ должен иметь своего бога, и когда боги становятся общими для разных народов, то это признак падения и богов и народов. И это вяжется как-то с христианством, а я до сих пор думал, что для христианского бога несть эллин, ни иудей...». Михайловский обвиняет Достоевского в шовинизме и бескрайнем нигилизме, решительно не приемлет концепцию народа-богоносца: «Сказать, что русский народ есть единственный народ „богоносец" в обоих смыслах слова „бог", отрицать всё, созданное человечеством, — значить „дерзать" не меньше, чем дерзал Лямшин или Петр Верховенский, пуская мышь в киоту, и чем вообще дерзают герои „Бесов". Границы добра и зла забыты здесь не меньше, чем у Ставрогина, Шигалева, Верховенских». Отталкиваясь от темы больной совести и характерной для народничества 1870-х годов идеи неоплатного долга интеллигенции (или, используя выражение Достоевского, «citoyens du monde civilisé») народу, Михайловский советует писателю обратить внимание не на печальные исключения, а на общий характер citoyen'ства — «характер, достойный его кисти по своим глубоко трагическим моментам». Рассуждая далее о науке, прогрессе, социальных реформах (которые предпочтительнее политических), Михайловский полемизирует с теорией «народной правды», изложенной Достоевским в «Бесах» и «Власе» и якобы противоположной, с точки зрения писателя, социалистическим идеям: «Если бы вы не играли словом „бог" и ближе познакомились с позоримым вами социализмом, вы убедились бы, что он совпадает с некоторыми по крайней мере элементами народной русской правды» (см.: там же, стр. 317—342). Михайловский заканчивает статью обращением к писателю: «В вашем романе нет беса национального богатства, беса самого распространенного и менее всякого другого знающего границы добра и зла. Свиньи, одолеваемые этим бесом, не бросятся, конечно, со скалы в море, нет, они будут похитрее ваших любимых героев. Если бы вы их заметили, они составили бы украшение вашего романа. Вы не за тех бесов ухватились. Бес служения народу — пусть он будет действительно бес, изгнанный из больного тела России, — жаждет в той или другой форме искупления, в этом именно его суть. Обойдите его лучше совсем, если вам бросаются в глаза только патологические его формы. Рисуйте действительно нераскаянных грешников, рисуйте фанатиков собственной персоны, фанатиков мысли для мысли, свободы для свободы, богатства для богатства. Это ведь тоже citoyens du monde civilisé, но citoyen'ы, отрицающие свой долг народу или не додумавшиеся до него» (см.: там же, стр. 342—343). [1]

[1] А. С. Долинин полагал, что этот «призыв» Н. К. Михайловского был «явно услышан» Достоевским, обратившимся в романе «Подросток» к теме денег, «богатства для богатства» (см.: *Долинин*, стр. 13; ср.: наст. изд., т. XV).

В статьях Ткачева и Михайловского нашла наиболее полное отражение отрицательная реакция тогдашней передовой русской демократической общественности (в первую очередь молодого поколения) на роман Достоевского. И. П. Белоконский, вспоминая атмосферу тех лет, передает свое и общее впечатление от романа: «Я был ярый последователь Писарева, а потому „костил“ на чем свет стоит и Пушкина как „аристократического писателя“, гр. Л. Н. Толстого, который печатал свои произведения в катковском „Русском вестнике“, а Достоевского еще и как „ренегата“, написавшего „Бесов“» (см.: И. П. Белоконский. Воспоминания. Изд. «Задруга», М., 1928, стр. 79). В. В. Тимофеева-Починковская пишет, также отражая общее мнение молодежи, что «новый роман Достоевского казался нам тогда уродливой карикатурой, кошмаром мистических экстазов и психопатии ...» (см.: *Достоевский в воспоминаниях,* т. II, стр. 127).[1]

Благоприятные отзывы современников о «Бесах» встречаются несравненно реже отрицательных. Отметим реплику Е. Д. Поленовой в письме от 12 июля 1872 г. к В. Д. Поленову: «Какая сильная по реальности вещь, что ж ты мне раньше не сказал, что оно так хорошо» (см.: Е. В. Сахарова. В. Д. Поленов, Е. Д. Поленова. Хроника семьи художников. Изд. «Искусство», М., 1964, стр. 77), а также письма к Достоевскому П. А. Висковатова от 6 марта 1871 г. (*ЛН,* т. 86, стр. 420), А. У. Порецкого от 6 июня 1871 г. (см.: *Д, Письма,* т. II, стр. 496).

После 1873 г. полемика вокруг «Бесов» заметно угасает. Меняется и тон критики. Близкий к славянофильству О. Ф. Миллер вслед за другими находит, что в «Бесах» Достоевский «окончательно попадает не на свою дорогу», обратившись «к тому роду явлений, которые вызвали в нашей литературе типы вроде Базарова, Марка Волохова и др.». Писатель посмотрел на них не «со своей характеристической точки зрения», а глазами других, так как «стал испытывать в это время влияние особого литературного круга, относящегося к этим явлениям слишком односторонне» (см.: Ор. Миллер. Русская литература после Гоголя. Лекция IV. «Неделя», 1874, июнь, № 22, стр. 820—831). Миллер первый отметил, что в сне Раскольникова на каторге заключен зародыш романа «Бесы»: «В конце концов только повторяется мысль, высказанная в эпилоге „Преступления и наказания“, повторяется в несколько ином виде». Критик выразил сожаление, что в «Бесах» почти отсутствует характерное для Достоевского сострадание к «униженным и оскорбленным»: «В „Бесах“ эта симпатическая его сторона сказывается уже весьма слабо...». Но в целом Миллер находит, что «Бесы» выше романа «Идиот» «в художественном отношении».

Статья молодого критика и романиста Вс. С. Соловьева, брата философа, в основном посвященная разбору «Подростка», противостоит другим критическим оценкам «Бесов». Соловьев выражает сомнение в справедливости современных критических приговоров «Бесам», вынесенным пристрастной критикой, апеллирует к будущему, когда улягутся страсти и можно будет судить о романе объективнее. Пока, не дожидаясь того времени, когда «спокойный взор человека, находящегося вне нашей атмосферы, в известном отдалении от нашей эпохи, увидит итог современных явлений, их результаты», Соловьев выражает свое личное сочувствие: «... нам кажется, что „Бесы“, действительно встреченные весьма многими с каким-то недоумением, несмотря на это, всё же представляют одно из крупнейших явлений современной литературы. В романе много неясного и беспорядочного, и он напоминает, как мы уже сказали, впечатление тяжелого сна; но все эти недостатки порождаются сущностью той задачи, которую взял на себя автор» (*СПбВед,* 1875, 1 февраля, № 32, статья подписана псевдонимом «Sine ira»[2]).

Критики снова вспомнили о «Бесах» в 1877 г., после того как появился роман Тургенева «Новь», в котором писатель, изображая молодое революционное поколение, подобно Достоевскому частично использовал материалы

[1] См. там же высказывания о романе А. П. Философовой, Е. П. Летковой-Султановой, И. И. Попова (стр. 323, 383, 425—426).

[2] Без гнева (*лат.*).

нечаевского дела. В откликах народнической печати на «Новь» нередки были сопоставления романов Тургенева и Достоевского. Так, П. Н. Ткачев отозвался о романе Тургенева как о прямой тенденциозной карикатуре на революционную молодежь, столь же несправедливой, как и памфлет Достоевского. Но большинство критиков-народников с суждением Ткачева не согласились. С. Н. Кривенко «ни на одну минуту не ставил „Нови“ на одну доску с „Бесами“ Достоевского, как некоторые делали». Он писал: «Там я видел озлобление, прежде всего и больше всего озлобление, а тут находил нечто примиряющее, нечто происходящее совсем из иного источника: порой недоразумение и недостаточное знакомство с молодежью (а не предумышленность), порою скорбь и досаду (а не нетерпимость и злобу)...» (см.: И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. Изд. «Academia», М.—Л., 1930, стр. 217). Близкие сравнения «Нови» и «Бесов» встречаем в статье С. К. Брюлловой.[1] Г. А. Лопатин в предисловии к сборнику «Из-за решетки» (Женева, 1877), обвиняя Достоевского в субъективном искажении действительности («Он, как шелковичный червь или паук, черпает нити своей волшебной ткани из самого себя и рисует нам эту душу такою, какою она представляется его собственному больному воображению. В его голове — голове художника — возникает образ по поводу последнего политического процесса, и он излпвает этот образ, налепив на него ярлык de la haute actualité в виде двух-трех фраз, выхваченных из процесса, или в виду двух-трех черт характерной наружности, подмеченной у кого-либо из подсудимых. Что ему до того, что тут дело касается до чужой души, души человека ⟨...⟩ который ни сам защищаться, ни настоящих защитников иметь не может!»), одновременно упрекает, хотя и мягче, Тургенева как автора «Нови», невольно посодействовавшего «искажению образа нашего „мученика правды ради“ в глазах нашего общества» (*ЛН*, т. 76, стр. 250).[2]

П. Л. Лавров в статье о романе Тургенева мельком касается выпадов Достоевского «против русской революционной молодежи» в романах «Идиот» и «Бесы», но отделяет эти произведения от «литературы с тенденцией», представленной в «Русском вестнике» именами Писемского, Крестовского, Лескова-Стебницкого, Авенариуса, Маркевича, и отмечает особый специфический колорит творчества Достоевского: «Впрочем, он рисует ее ⟨революционную молодежь, — *Ред.*⟩ в особой манере: превосходно умея изображать различные ненормальные душевные состояния, он показывает читателю целую галерею различного рода умалишенных. И поскольку возникает мысль, что он вообще не в состоянии создать героя с уравновешенной психикой, его революционеры-сумасшедшие (особенно в «Идиоте» и в «Бесах») не производят столь отталкивающего впечатления». В романе «Новь» Лавров, напротив, подчеркивает «ту моральную высоту, на какую г. Тургенев поднимает... партию» революционеров (*ЛН*, т. 76, стр. 197—198, 206).[3]

[1] См. публикацию Н. Ф. Будановой «Неизвестная статья С. К. Брюлловой о романе Тургенева „Новь“» (*ЛН*, т. 76, стр. 277—321).

[2] Г. А. Лопатин крайне неприязненно относился к Нечаеву и деятельности общества «Народная расправа». В то же время он отказывался видеть в «Бесах» верное портретное изображение Нечаева и нечаевцев: «Внешняя сторона совершенно совпадает с известными событиями. Это убийство Иванова в Петровско-Разумовском, пруд, грот и т. д. Ну, а внутренняя, психологическая, совпадает ли с действительной психологией действующих лиц? Я знал лично Нечаева, знал многих из его кружка и могу сказать: никакого, ни малейшего сходства» (см.: И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников, стр. 113).

[3] Г. П. Данилевский в письме к А. С. Суворину от 4 января 1877 г. поделился своими впечатлениями от романа Тургенева и сравнил «Новь» с «антинигилистическими» романами «Русского вестника» и «Бесами» Достоевского: «... читая тургеневскую „Новь“, я приятно изумился, увидев, что он ⟨...⟩ симпатически отнесся к типу ⟨...⟩ так называемого радикального юноши». Далее Данилевский пишет, что до «Нови» в литературе «царствовали ⟨...⟩ или грубые и цинические обличения этого типа в повестях Лескова и Крестовского, или

Пространным разбором «Бесов» Е. Л. Маркова, относящимся к 1879 г., завершается полемика вокруг романа в современной Достоевскому критике. Марков, не без оглядки на О. Ф. Миллера, выводит содержание «Бесов» из апокалиптических видений Раскольникова. Он считает также, что «Бесы» подготовлены не только «Преступлением и наказанием», но и «Идиотом» (Бурдовский и его компания). Критик отмечает, что, создавая фигуру либерала 1840-х годов, Достоевский воспользовался отдельными чертами личности Т. Н. Грановского: «Конечно, этот профессор не Тимофей Николаевич, а Степан Трофимович, не Грановский, а Верховенский; он пишет о Ганау, а не о „Волине, Иомсбурге и Винете“, не о Баярде и аббате Сугерие, а о каких-то неопределенных рыцарях; читает лекции об аравитянах, а не о „судьбах еврейского народа“ и об „испанском эпосе“» (см.: Е. Марков. Критические беседы. «Русская речь», 1879, № 6, стр. 174). Марков называет также произведения Тургенева, памфлетно преломленные в «Бесах»; критик признает талантливость карикатуры, но отмечает ее неэтичность: «Не все еще забыли повести и рассказы Тургенева, когда-то читавшиеся с восторгом, и мало-помалу погасшее влияние „великого русского писателя“, удалившегося в Европу; не всякий забыл и его статьи из последнего периода, вроде „Казни Тропмана“, где рассказываются психические впечатления автора; вроде „Призраков“, где являются и голова Цезаря, и Волга, и звуки музыки, и Рим, и лавры; вроде „Довольно“, наконец, где автор прощается с своими соотечественниками, обещаясь навсегда бросить перо и восклицая в заключение: „довольно, довольно, довольно!“» Несмотря на отрицательное отношение к политической тенденции романа, критика восхищает глубина замысла Достоевского, он считает, что «Бесы» — важнейший из романов писателя, «не по художественным достоинствам, а по серьезности затронутых вопросов, по широте задуманной картины, по жгучей современности интереса» (см.: там же, стр. 183, 203).

Ценны замечания Маркова о главных героях романа. Из них он склонен признать удачным образы Шатова и Кириллова («весьма интересный характер инженера Кириллова»): «Этот безумец словно воспроизводит на свой оригинальный лад знаменитое гегелевское положение: бытие или небытие — одно и то же (Nein und Nichtsein ist dasselbe)» (см. там же, стр. 197). Марков высказывает предположение о возможном литературном генезисе Ставрогина: «Это какая-то смесь Печорина с Дон-Жуаном и с тем героем „Парижских тайн“ (Родольфом, — *Ред.*), который посвящает досуги своей аристократической жизни и золото своих карманов скитанью по самым отвратительным и ужасным вертепам преступления!» Марков вообще тяготеет к широким европейским ассоциациям; талант Достоевского (и Толстого) он сравнивает с шекспировским гением; «Бесы» — с творениями Гете, Мильтона. «Юдоль скорби» в «Бесах», где «совсем нет типов добра, идей добра», напоминает ему «мрачный альбом Густава Дорэ к Дантову Аду...» (см.: там же, стр. 170, 184—185).

Суждения писателей-современников о «Бесах» немногочисленны. Г. И. Успенский (см.: *Успенский*, т. VI, стр. 426) и К. М. Станюкович (см.: К. М. Станюкович. Полное собрание сочинений, т. VII. Изд. А. Ф. Маркса, Пб., 1906, стр. 245) в статьях о Пушкинском празднике отрицательно отзываются о памфлетной окраске романа. К. Н. Леонтьев, обратившись в статье о Пушкинской речи Достоевского к оценке христианских взглядов писателя, нашел в «Бесах» некоторый «прогресс» по сравнению с «Преступлением и наказанием», но, как и в других произведениях Достоевского, не обнаружил и в этом романе, со своей консервативной точки зрения, православного христианства, а в речах героев о боге и Христе увидел «не что иное, как прекрасное, благоухающее „млеко“», но не «твердую и настоящую пищу православного христианства...» (см.: К. Леонтьев. Собрание сочинений, т. VIII. М., 1912, стр. 196). Лесков обнаружил в романах Достоевского и Писемского тенденцию, близкую

мастерские шаржи Достоевского, огульно подводившего этот тип под больничный скорбный ярлык „тронувшихся умов“ или „библейских свиней“» (*ЛН*, т. 86, стр. 451—452).

своему роману «На ножах», печатавшемуся в «Русском вестнике» одновременно с «Бесами», и высказал в письме от 11 февраля 1871 г. к П. К. Щебальскому предположение, что в лице Степана Трофимовича Достоевский изобразил проф. П. Павлова: «Достоевский, надо полагать, изображает Платона Павлова, но, впрочем, все мы трое во многом сбились на одну мысль» (см.: *Лесков,* т. X, стр. 293; см. о Павлове выше, стр. 312—313). И. С. Тургенев был больно задет «Бесами». Отвечая М. А. Милютиной, он писал в декабре 1872 г. о неблаговидной этической стороне поступка Достоевского: «Д⟨остоевский⟩ позволил себе нечто худшее, чем пародию „Призраков"; в тех же „Бесах" он представил меня под именем Кармазинова тайно сочувствующим нечаевской партии. Странно только то, что он выбрал для пародии единственную повесть, помещенную мною в издаваемом ⟨...⟩ им журнале „Эпоха", повесть, за которую он осыпал меня благодарственными и похвальными письмами! ⟨...⟩ А мне остается сожалеть, что он употребляет свой несомненный талант на удовлетворение таких нехороших чувств; видно, он мало ценит его, коли унижается до памфлета» (см.: *Тургенев, Письма,* т. X, стр. 39). В беседе с Г. А. Лопатиным Тургенев объяснил свое отрицательное отношение к «Бесам» с более широкой литературно-эстетической точки зрения: «Выводить в романе всем известных лиц, окутывая и, может быть, искажая их вымыслами своей собственной фантазии, это значит выдавать свое субъективное творчество за историю, лишая в то же время выведенных лиц возможности защищаться от нападок. Благодаря главным образом последнему обстоятельству я и считаю такие попытки недопустимыми для художника» (см.: И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников, стр. 112—113). Л. Н. Толстому из произведений Достоевского по духу и этическому содержанию были ближе всего «Записки из Мертвого дома», «Идиот» и «Преступление и наказание». Он неодобрительно относился вообще к памфлетным тенденциям в произведениях Достоевского и говорил В. Ф. Булгакову (10 апреля 1910 г.): «У Достоевского нападки на революционеров нехороши: он судит о них как-то по внешности, не входя в их настроение» (см.: В. Булгаков. Л. Н. Толстой в последний год жизни. М., 1960, стр. 158). В «Бесах» ему нравились Шатов и Верховенский-старший. Сохранился отзыв Толстого о «Бесах» (апрель 1894 г.), записанный Г. А. Русановым: «Толстой стал говорить о Достоевском и хвалить роман „Бесы". Из выведенных в нем лиц он остановился на Шатове и Степане Трофимовиче Верховенском. В особенности нравится ему Степан Трофимович» (см.: Г. А. Русанов. Воспоминания о Л. Н. Толстом. Воронеж, 1937, стр. 180). А. Б. Гольденвейзеру запомнился другой очень характерный отзыв Толстого о «Бесах»: «Вот его некоторые фигуры, если хотите, они декадентские, но как всё значительно!.. Достоевский искал веры и, когда описывал глубоко неверующих, *свое* неверие описывал» (см.: А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, т. I, М., 1922, стр. 100).

Достоевский не остался равнодушным к критической буре вокруг романа. Его задела и взволновала и господствующая отрицательная реакция критики, и оппозиция молодого поколения. Писатель собирался дать специальный ответ критикам в виде полемического послесловия к роману. Сохранились наброски к послесловию; в них Достоевский намечает характеристику современной безалаберной российской действительности, пишет о торопливости критики и литературы, всеобщем разброде и, отвергая обвинения в памфлетности, клевете на молодое поколение, упоминает «идеальных», чистых нигилистов в «Бесах» — Кириллова и Виргинского. Статья должна была носить полемический заголовок «О том, кто здоров и кто сумасшедший. Ответ критикам. Послесловие к роману „Бесы"». Достоевский набросал схему ответа, план возражений: «N3. Статья о многоразличии современного общества, потеряли образы, тотчас стерлись, новые же прячутся. ⟨...⟩ вдруг хаос, люди без образа — убеждений нет, науки нет, никаких точек упора, уверяют в каких-то тайнах социализма. Люди, как Кириллов, своим умом страдающие. Главное, не понимают друг друга. Всю эту кисельную массу охватил цинизм. Молодежь без руководства бросается. Как можно, чтоб Нечаев мог иметь успех. Меж тем несколько предвзятых понятий, чувство чести. Ложное понятие о гуманности. Самое мелкое самолюбие. Взгляните на лите-

ратуру, как она уверенно выражает свои цели, свой гнев, свою брань, свою торопливость.

Виргинс⟨кий⟩. „Он прекрасен, ему не вложите в голову, что он более вреден, чем полезен“» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 308).

От специального ответа критикам, однако, Достоевский воздержался, сочтя «послесловие» запоздавшим, и ввел послесловие в «Подростке», а «Братьям Карамазовым» предпослал предисловие. Здесь он изложил свои цели и эстетическое кредо, предвосхитив критические нападки и заодно ответив на критические разборы «Идиота» и «Бесов». В 1873 г. он ограничился полемикой «по поводу»[1] в «Дневнике писателя» (см. рассказ «Бобок», фельетоны «Полписьма одного лица» и «Одна из современных фальшей»). В «Бобке» Достоевский едко иронизирует над критиками, объявлявшими и его и героев «Бесов» безумцами: «А насчет помешательства, так у нас прошлого года многих в сумасшедшие записали. И каким слогом: „При таком, дескать, самобытном таланте... и вот что под самый конец оказалось... впрочем, давно уже надо было предвидеть“. ⟨...⟩ Припоминается мне испанская острота, когда французы два с половиною века назад выстроили у себя первый сумасшедший дом: „Они заперли всех своих дураков в особенный дом, чтобы уверить, что сами они люди умные”. Оно и впрямь: тем, что других запрешь в сумасшедший, своего ума не докажешь. „К. с ума сошел, значит: теперь мы умные“. Нет, еще не значит».

По совету К. П. Победоносцева Достоевский 10 февраля 1873 г. преподнес наследнику престола А. А. Романову отдельное издание романа. В письме он разъяснял причины, побудившие его создать произведение на основе нечаевского дела — зерно возражений Достоевского критикам романа, подробнее развернутых в статье «Одна из современных фальшей» (*ДП*, 1873, гл. XVI). Он писал: «Вот где начало зла: в предании, в преемстве идей, в вековом национальном подавлении в себе всякой независимости мысли, в понятии о сане европейца под непременным условием неуважения к самому себе как к русскому человеку!» Однако хотя Достоевский в статье и проводит мысли, близкие к идеям, изложенным в названном письме, но подчеркнутая личная подоплека его аргументации отличается от официально-холодных тезисов послания к наследнику престола. Вместо Грановского и Белинского, невольных отцов нынешнего нигилизма, в статье на первом месте сам автор, вспоминающий о «давнопрошедшем» петрашевском деле, то есть в некотором смысле участник социалистического движения и предшественник современных нечаевцев: «*Нечаевым,* вероятно, я бы не мог сделаться никогда, но *нечаевцем,* не ручаюсь, может, и мог бы... во дни моей юности ⟨...⟩ я сам старый „нечаевец“ ...» (там же). Отвечая критику «Русского мира», утверждавшему, что Нечаев «мог найти себе прозелитов только среди праздной, недоразвитой и вовсе не учащейся молодежи», Достоевский, ставя себя, «старого» петрашевца, на место нынешнего молодого человека, решительно отрицает это мнение как легкомысленное и несправедливое: «... почему же вы думаете, что даже убийство à la Нечаев остановило бы, если не всех, конечно, то по крайней мере некоторых из нас в то горячее время среди захватывающих душу учений. ⟨...⟩ Мы, петрашевцы, стояли на эшафоте и выслушивали наш приговор без малейшего раскаяния ⟨...⟩ то дело, за которое нас осудили, те мысли, те понятия, которые владели нашим духом, представлялись нам не только не требующими раскаяния, но даже чем-то нас очищающим, мученичеством, за которое многое нам простится!» (там же). Исключительно важно и значимо это признание писателя для верного понимания творческой истории и смысла «Бесов». Воспоминания Достоевского о 1840-х годах, исповедь бывшего фурьериста и заговорщика явственно ощутимы в романе: именно как «спешневец» понимал и чувствовал Достоевский, что современному пылкому и благородному молодому человеку, устремленному к высоким идеалам и остро недовольному настоящим, очень легко стать «нечаевцем». Выделив благожелательные или спокойные отклики на

---

[1] Достоевский писал: «...я непременно намерен ответить Н. М. ⟨Н. К. Михайловскому⟩ не прямо, ибо и не стоит говорить мне самому о моем романе ⟨...⟩ ибо я всё пишу лишь „по поводу“» (см.: наст. изд., т. XX).

роман и не вдаваясь в подробности, оставляя в стороне резко отрицательные мнения, автор разъяснил свою цель и ту функцию, которую исполняют в «Бесах» Нечаев и нечаевское дело. Несомненно, тактическими соображениями объясняется то, что Достоевский выбрал мишенью для прямой полемики статью сотрудника реакционного «Русского мира», пытавшегося доказать, что русское общество «здорово» и что революционные идеи не имеют в нем питательной почвы. В широком смысле ответ писателя был ответом всей петербургской критике и особенно Михайловскому, статьи которого произвели благоприятное впечатление на Достоевского, так что он даже собирался писать о них отдельно, пораженный страстностью и искренностью, с которой критик «изобрел „Народ" и желает обновить весь русский мир новым и неслыханным мною до сих пор „консервативным социализмом"» (см.: наст. изд., т. XX).[1]

Из других откликов на роман Достоевский отметил статьи Буренина: «... он в разборе моего романа „Бесы" пропустил мысль, что если я и изменил мои убеждения, то произошло это вполне искренно (т. е. не из видов и, стало быть, честно), и ⟨...⟩ фраза эта меня даже тронула» (см. там же). Защита Авсеенко вызвала лишь неудовольствие Достоевского. Об этом ясно свидетельствует лаконичная фраза из набросков к фельетону «Полписьма одного лица»: «Ну, если Авсеенко, я прощу, ну что же ему, бедному, делать» (см. там же) — и язвительная полемика с ним в «Дневнике писателя» за 1876 г. Обрадовала Достоевского статья Соловьева; он с удовлетворением констатирует в письме к А. Г. Достоевской от 6 февраля 1875 г.: «У Пуцыковича же узнал, что *Sine ira* в „С.-Петербургских ведомостях" — вообрази кто! — Всеволод Сергеевич Соловьев!».

Отрицание и непонимание факта нечаевщины и нежелание рассматривать его «в связи с общим целым» ведет к поверхностному, пренебрежительному взгляду — такова мысль, ясно выраженная в статье «Одна из современных фальшей». Писатель не намерен отказываться от идеи романа, напротив, он еще рельефнее и прямее очерчивает ее, говоря о том, что, по его мнению, ни благородство людей, ни благородство целей неспособны спасти нечаевцев и всех тех, кто идет их путем. Мимоходом вернулся Достоевский к «Бесам» в «Дневнике писателя» за 1876 г. (июль-август, гл. II), ответив Е. Л. Маркову и другим либеральным критикам, негодовавшим на карикатурное изображение Грановского, и четко отделив созданный им тип от «прототипа».

Вспоминал Достоевский полемику вокруг «Бесов» и позже. Так, в письме к Любимову от 10 мая 1879 г. писатель радуется фактам действительности, подтверждающим правоту и жизненность его «фантастических» героев: «В „Бесах" было множество лиц, за которые меня укоряли как за фантастические, потом же, верите ли, они все оправдались действительностью, стало быть, верно были угаданы. Мне передавал, например К. П. Победоносцев, о двух-трех случаях из задержанных анархистов, которые поразительно были схожи с изображенными мною в „Бесах"». А в разговорах с А. С. Сувориным (в феврале 1880 г.) Достоевский объяснял полемику вокруг «Бесов» частными и личными мотивами, происками литературных врагов и сильно преувеличивал популярность романа в среде молодежи: «Они думали, что я погиб, написав „Бесов", что репутация моя навек похоронена, что я создал нечто ретроградное. Z (он назвал известного писателя), встретив меня за границей, чуть не отвернулся. А на деле вышло не то. „Бесами"-то я и нашел наиболее друзей среди публики и молодежи. Молодежь поняла меня лучше этих критиков, и у меня есть масса писем, и я знаю массу признаний» (см.: *Достоевский в воспоминаниях,* т. II, стр. 421).

---

[1] Достоевский, вероятно, имеет в виду следующее место из «Литературных и журнальных заметок» Михайловского 1872 г.: «Рабочий вопрос в Европе есть вопрос революционный, ибо там он требует *передачи* условий труда в руки работника, экспроприации теперешних собственников. Рабочий вопрос в России есть вопрос консервативный, ибо тут требуется только *сохранение* условий труда в руках работника, гарантия теперешним собственникам их собственности» (*ОЗ,* 1872, № 8, стр. 395).

Для прижизненной критики понимание многих сторон романа было затруднено, — в условиях той эпохи основным критерием в оценке «Бесов» оставался вопрос о том, насколько верно (или искаженно) автор изобразил участников современного ему освободительного движения, роль последнего в историческом развитии России. Мимо этого вопроса не мог пройти никто из современников Достоевского. В начале XX в. положение в критике усложняется. С одной стороны, возникает тенденция общественной реакции использовать памфлетное содержание романа в борьбе с новым этапом революционного движения в России, объявив его прямым порождением обрисованной и осужденной в романе «бесовщины». С другой стороны, русские символисты и декаденты обнаруживают в героях романа своих предшественников и охотно используют отдельные мотивы их философских диалогов и споров для разработки своих собственных философских и этических концепций. Так постепенно рождаются предпосылки для позднейших многочисленных и разноречивых интерпретаций романа в современной — как реакционной, так и прогрессивной — литературно-общественной мысли, пытающихся поставить его содержание в связь с исторической действительностью XX в., ее многообразными и неоднородными политическими, социальными и философско-идеологическими тенденциями.

13

Постановка по роману «Бесы» впервые была осуществлена в 1907 г. в театре Литературно-художественного общества в Петербурге (см.: В. Буренин и М. Суворин. Бесы. Сцены из романа Ф. М. Достоевского в 5 действиях. СПб., 1908). В соответствии с текстом инсценировки пьеса носила резко «антинигилистический» характер. Эта же инсценировка была использована в 1908 г. в рижской постановке («Русский артист», М., 1908, № 8, стр. 126). К 1908 г. относятся и оставшиеся в рукописи театральные адаптации И. И. Смирнова и И. А. Ростовского.

После успеха «Братьев Карамазовых», в августе 1912 г., за инсценировку «Бесов» взялся В. И. Немирович-Данченко. 25 июля 1913 г. он писал К. С. Станиславскому: «Есть две пьесы из „Бесов“. Первая называется „Николай Ставрогин“. ⟨...⟩ Это самая романическая и, пожалуй, самая сценическая, но не самая глубокая часть романа. Другая пьеса „Шатов и Кириллов“. ⟨...⟩ Эта глубже, но менее сценична. И очень мрачная». В тот же день Немирович-Данченко отметил в записной книжке: «Взять именно революционную часть „Бесов“. ⟨...⟩ Главное лицо Петр Верховенский». Однако 18 августа в письме к жене он сообщил: «Убийство Шатова ⟨...⟩ революционные собрания, Кириллов — всё это составляет второй спектакль, который пойдет, может быть, в будущем году. Здесь же только роман Николая Ставрогина». В сентябре уже намечались репетиции: «Главное схватить общий тон, общее движение и общий темп» (см.: Л. М. Фрейдкина. Дни и годы Вл. И. Немировича-Данченко. М., 1962, стр. 296, 298, 300).

Постановка «Бесов» на сцене в обстановке ожесточенной борьбы царского самодержавия против революционеров не могла не быть использована реакцией. Поэтому 22 сентября 1913 г. в «Русском слове» появилась статья М. Горького «О „карамазовщине“» с протестом против постановки «Бесов». Утверждая, что эта инсценировка в данный момент не принесет «социальной пользы», считая ее вредной с точки зрения «социальной педагогики», Горький писал: «Нам больше чем кому-либо необходимо духовное здоровье, бодрость, вера в творческие силы разума и воли» (см.: *Горький*, т. XXIV, стр. 149). Заботясь об «интересах духовного оздоровления» нации, Горький считал несвоевременными театральные интерпретации не только «Бесов», но и других романов Достоевского. Он аргументировал это тем, что «на сцене театра не так ясны мысли автора, как жесты, и что роман Достоевского, оголенный купюрами, примет характер сплошной нервной судороги» (см.: там же, стр. 149). В той же газете от 26 сентября был напечатан ответ мхатовцев Горькому, в котором

театр с позиции «высших запросов духа» отстаивал свое право на инсценировку романа. Премьера «Николая Ставрогина» состоялась 23 октября 1913 г.,[1] в декорациях М. Добужинского, с участием В. Качалова (Ставрогин), П. Берсенева (Петр Верховенский), М. Лилиной (Марья Тимофеевна). После премьеры, 27 октября, «Русское слово» опубликовало вторую статью М. Горького «Еще о „карамазовщине"». В ней Горький вновь подчеркнул основные тезисы первой статьи и особенно мысль о несвоевременности театральной постановки «Бесов»: «⟨...⟩ Горький не против Достоевского, а против того, чтобы романы Достоевского ставились на сцене. Я убежден, что одно дело — читать книги Достоевского, другое — видеть образы его на сцене, да еще в таком талантливом исполнении, как это умеют показать артисты Художественного театра» (см.: там же, стр. 152—153). Горький еще яснее выделил злободневный социально-педагогический характер своего выступления: «Не Ставрогиных надобно ей (современной молодежи,— *Ред.*) показывать теперь, а что-то другое. Необходима проповедь бодрости, необходимо духовное здоровье, деяние, а не самосозерцание, необходим возврат к источнику энергии — к демократии, к народу, к общественности и науке» (см.: там же, стр. 156).

В подтверждение того, что постановка «Бесов» в эпоху нарастания в России нового революционного подъема играла на руку контрреволюции, Горький сослался на статью черносотенного «Гражданина», рецензент которого (подпись «Независимый») в статье «Современная действительность и Ф. М. Достоевский» тенденциозно писал о спектакле Московского Художественного театра, попутно стремясь опереться и на самый роман Достоевского в борьбе с рабочим и крестьянским движением: «Все сцены—сплошное развенчивание деятелей революции ⟨...⟩ Пусть наша молодежь, которая жаждет подвигов, которая, будучи очень отзывчивой на горе и несчастье ближних, бросается в революционные кружки и ⟨...⟩ отдаст работе в них все свои силы в надежде изменить существующий строй ⟨...⟩ пусть эта молодежь, которая видит в своих руководителях богов и на них молится, пусть она пойдет на представление Московского Художественного театра посмотреть „Бесы" и перечтет потом дома это бессмертное творение русского гения. ⟨...⟩ Как всё это назидательно, и как жаль, что у нашей чуткой молодежи роман „Бесы" Достоевского не является настольной книгой...» («Гражданин», 1914, № 19, стр. 9).

Вокруг выступлений Горького вспыхнула острая полемика. В. И. Ленин и социал-демократическая печать активно поддержали писателя.[2]

Статьи Горького против постановки «Бесов» в МХТе имели международный резонанс. В 1913 г. состоялось единственное представление инсценировки романа в венском «Свободном театре». По требованию прогрессивных кругов пьесу сняли с репертуара, как «памфлет на русское освободительное движение». Не состоялась и постановка «Бесов» в Берлине («Театр и искусство», 1913, № 49, стр. 999; «Речь», 1913, 17 декабря). В начале 1930-х годов вызвала острую дискуссию чешская инсценировка «Бесов» в пражском «Народном театре». Ю. Фучик выступил против этой постановки, пользуясь теми же социально-политическими аргументами, что и Горький. М. Майерова, возражая ему, писала: «„Бесы" никогда не казались мне памфлетом или пессимистическим сатанинским вымыслом, а только суровым откликом Достоевского на те силы зла, которые он видел и чувствовал вокруг себя» (см.: F. Kautman. Boje o Dostojevského. Praha, 1966, str. 81—88).

---

[1] Спектакль «Николай Ставрогин» по мхатовскому тексту был поставлен в 1914 г. в Нижнем Новгороде («Рампа и жизнь», 1914, № 7, стр. 17); в 1915 г. Я. А. Протазановым была осуществлена первая экранизация романа («Синефоно», 1915, № 21—22, стр. 103). Отдельные отрывки из романа (гл. «Ночь», «Законченный роман») были включены в 1922 г. в постановку драматической студии им. А. С. Грибоедова «Сцены из Достоевского» («Театральная Москва», 1922, № 29, стр. 17).

[2] См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 48, стр. 226.— О полемике вокруг статей М. Горького см.: С. Балухатый. Критика о М. Горьком. Библиография статей и книг 1893—1932 гг. ГИХЛ, Л., 1934.

В 1939 г. пьесу «Ставрогин» («Бесноватый») поставили в Нью-Йорке М. М. Чехов и М. В. Добужинский. Спектакль успеха не имел (см.: А. Моров. Трагедия художника. М., 1971, стр. 231). В начале 1940-х годов над французской инсценировкой романа работал А. Гатти (см.: P. L. Mignon. Le théâtre d'aujourd' hui. Paris, 1966, p. 128). Первую постановку «Бесов» во Франции осуществил в 1950 г. Н. Батай в «Театр де л'Овр» (инсценировка А. Виала и Н. Батай) с Э. Ионеско в роли Степана Трофимовича. [1] В Италии постановка «Бесов» в 1954 г. была осуществлена труппой Бриньоне—Сантуччио—Рандоне («Teatro d'oggi», 1954, № 7—8, p. 2). Значительным успехом пользовалась в сезон 1956—1957 гг. инсценировка Д. Фаббри (премьера 28 февраля 1956 г.) в «Пикколо театро» (Генуя). По мнению критики, Д. Фаббри опирался на Достоевского для того, «чтобы утвердить его искупающим авторитетом собственное убеждение в ⟨...⟩ крахе просветительской, идеалистической, либеральной идеологии». [2]

Большую известность приобрела французская инсценировка А. Камю,[3] премьера которой состоялась 30 января 1959 г. в парижском театре «Антуан». Инсценировка Камю была переведена на многие европейские языки и, кроме Франции, ставилась в Италии (1959 г.) и в ФРГ (1960 г.). Среди последних по времени постановок этого театрального варианта романа — польские в варшавском театре «Атенеум» (режиссер — А. Варминский, премьера 20 марта 1971 г.) и краковском «Старом театре» (режиссер — А. Вайда, июнь 1971 г.). [4] Театральные инсценировки «Бесов» дополняют литературную интерпретацию одного из самых сложных произведений писателя.

14

Первые переводы романа появились в 1886 г. на французском,[5] датском [6] и голландском [7] языках; в 1888 г. был осуществлен немецкий перевод (Г. Путце).[8] К настоящему времени роман переведен почти на все европейские языки.[9] Вскоре после публикации (1922) была переведена и глава

[1] «L'Avant-scène», 1967, № 373—374, p. 34, 75, 78, 100). — Текст инсценировки: A. Viala et N. Bataill. Les Possédés. Paris, 1959.

[2] См.: G. Vigorelli. Saggio. In: D. Fabbri. Processo à Gesù. Firenze, 1967, p. X.

[3] Подробнее о ней см.: Н. Л. Сухачев. Достоевский на французской сцене. *ЛН*, т. 86, стр. 741—760.

[4] «Teatre», 1971, № 10, str. 14—15; № 13, str. 14—18.

[5] 1886 г. — сокращенный перевод В. Дерели; 1925 г. — полный перевод Ж. Шюзевиля с приложением гл. «У Тихона»; переизданный в 1937 и 1948 гг.; 1932 г. — перевод Б. Шлоцера, переизданный в 1950 и 1955 гг., последнее издание в библиотеке «Плеяды» с приложением записных тетрадей к роману; 1945 г. — перевод Н. Полтавцева, переизданный в 1947 г.; 1952 г. — перевод Э. Гертик, переизданный в 1960 г.

[6] 1886 г. — перевод Э. Хансена; 1904 г. — переводчик неизвестен; 1914 г. — перевод О. Кунстфорла; 1918—1923 гг. — перевод А. Карлгрена; 1919 г. — перевод И. Магнуссон; 1922 г. — перевод Э. Томассена.

[7] 1886 г. — перевод К. Бринкмана; 1920 г. — переводчик неизвестен.

[8] Дополнительный тираж в 1890 г.; 1906 г. — переводчик неизвестен (дополнительные тиражи в 1907 и 1921 гг.); 1920 г. — перевод Г. Роля, переиздан в 1921 г.; 1924 г. — перевод Г. Ярхо; 1924 г. — перевод М. Кегеля (с приложением гл. «У Тихона»); 1925 г. — перевод В. Хиршфильда.

[9] Укажем следующие переводы. На английский язык: 1914 г. — перевод К. Гарнет, переиздан в 1923 г. в Лондоне и Нью-Йорке с приложением гл. «У Тихона»; 1953 г. — перевод Д. Магаршака. Итальянский язык: 1906 г., в отрывках Н. де Санктп; 1915 г. — перевод Е. Аментолы, переиздан в 1922 г.; 1920 г. — перевод О. Ресневич-Синьорелли и Э. Ло Гатто; 1927 г. — перевод А. Полледро, переиздан в 1942 и 1949 гг.; 1931 г. — перевод Р. Кюфферле,

«У Тихона».[1] Эта опущенная глава (под названием «Исповедь Ставрогина») включалась в дальнейшем, как правило, в основные издания «Бесов» и сыграла большую роль в переосмыслении идейной проблематики романа на Западе в новейшее время, когда он перестал восприниматься прежде всего как памфлет на народническое движение, каким считали его К. Курьер (1875) и Э. М. Вогюэ (1886) во Франции, А. Рейнгольдт (1886) и Н. Гоффман (1899) в Германии, Т. Масарик (1892) в Чехословакии, М. Беринг (1910) в Англии.

Влияние «Бесов» в западной литературе отмечается начиная с конца 1880-х годов (П. Бурже, Ш.-Л. Филипп, М. Баррес).[2]

В дневниковой записи А. Жида от 29 января 1912 г. следующим образом отмечено впечатление, оставленное романом: «⟨...⟩ кончил перечитывать „Бесов“. Потрясающее воздействие. Я проник еще глубже в скрытый смысл этой книги, проясненной моими впечатлениями от других. Я в восторге от деталей и общей их массы и поражен характером диалогов, которые столь уверенно и эмпирически наглядно ведут нас от действия к идее. Весь день ничего не способен писать ⟨...⟩».[3] «...Необыкновенная книга, которую я считаю самым мощным, самым замечательным созданием великого романиста»,— повторяет писатель в 1922 г.[4]

В итальянской литературе, по мнению А. Гуарниери-Ортолани, влияние романа ощутимо в новеллах Л. Капуаны «Прохожие» и «Самоубийство» (сборник «Прохожие», 1912 г.) и романе А. Орлани «Враг» (1894 г.) (см.: A. M. V. Guarnieri-Ortolani. Saggi sulla fortuna di Dostoevski in Italia. Padova, 1967, p. 11, 21).

Значительное, хотя и одностороннее, воздействие идейная проблематика «Бесов» оказала на А. Камю, который опирался на философию Кириллова, обосновывая в «Мифе о Сизифе» (1942) свою гуманистическую версию экзистенциализма. Он же, как указывалось выше, — автор французской инсценировки «Бесов» (1959). Камю включил в текст ее «Исповедь Ставрогина» и ввел фигуру хроникера. В центре инсценировки моральная проблематика романа: «... наконец, „Бесы“ на сцене. Чтобы их поставить, понадобилось много лет упорного труда. И, однако, я способен осознать все, что отделяет эту пьесу от великого романа. Я старался только проследить глубинное движение книги и подняться вместе с ней от сатирической комедии к драме,

---

переиздан в 1943 г.; 1931 г. — перевод С. Балакучева; 1931 г. — перевод М. Раковской и Э. Фаббиети. Чешский язык: 1900 г. — перевод Я. Вагнера; 1939 г. — перевод Б. Матезиуса. Польский язык: 1908 г. — перевод Т. Котарбинского; 1928 г. — два перевода, в том числе Т. Загорского с приложением гл. «У Тихона». Сербский язык: 1919 г. — в отрывках (переводчик неизвестен); 1922 г. — перевод К. Цветковича, переиздан в 1933 г. Венгерский язык: 1909 г. — перевод Э. Шабо; 1972 г. — перевод И. Макаи. Словацкий язык: 1967 г. — перевод В. Хегеровой. Румынский язык: 1923 г. — в отрывках (переводчик неизвестен); 1970 г. — перевод М. Преда и Н. Гане.

[1] На немецкий язык: 1922 г. — перевод А. Элиасберга; на английский язык: 1922 г. — перевод С. Котелянского и В. Вульф; на французский язык: 1922 г. — перевод Б. Шлоцера; на испанский язык: 1923 г. — перевод Э. Торрабла-Беси; на румынский язык: 1925 г. (переводчик неизвестен), 1928 г. — перевод Г. Рареша; на итальянский язык: 1939 г. — перевод Д. Чинти.

[2] См.: F. W. Hemmings. The russian novel in France. 1884—1914. Oxford University Press, 1950, p. 131, 155, 160—169, 175—176; H. Bachelin. Charles-Louis Philipp. Sa vie. Son œuvre. Paris, 1929, p. 29; Т.Л. Мотылева. Достоевский и мировая литература. *Творчество Достоевского*, стр. 33.

[3] Цит. по: The journals of André Gide, vol. 1. Translaited from French and annotated by J. O'Brien. New York, 1948, p. 315.

[4] А. Жид. Собрание сочинений, т. II, стр. 452. Ср.: A. Gide Dostoievsky (Articles et causerie). Paris, 1923, p. 133, 134, 139—142,291, 292 (отдельное издание также в 1964 г.). Ср. также: P. Lafille. André Gide romancier. Paris, 1954, p. 373.

затем к трагедии ⟨...⟩ мы пытались среди этого страшного мира, суетного, полного скандалов и насилия, не потерять ту нить сострадания и милосердия, которые делают мир Достоевского близким каждому из нас». [1]

Для оценки романа существенны мысли, высказанные Т. Манном в статье «Достоевский — но в меру» (1946): «Объективность как бы клинического изучения чужой души и проникновения в нее у Достоевского — лишь некая видимость; на самом же деле его творчество — скорее психологическая лирика ⟨...⟩ исповедь и леденящее кровь признание, беспощадное раскрытие преступных глубин собственной совести». Ставрогин, в характеристике Манна, — «холодный и высокомерно-презрительный» сверхчеловек, который, «может быть, принадлежит к наиболее жутким и влекущим образам мировой литературы» (см.: Т. Манн. Собрание сочинений, т. X. М., 1961, стр. 330, 333). «Исповедь» — «безумно интересный литературный отрывок, который захватывает, даже если своей дерзновенностью он превосходит обыкновенную ее меру у Достоевского» (см.: Т. Манн. Briefe. 1937—1947. Bd. 2. Berlin und Weimar, 1965, S. 468).

Отталкивание от проблематики «Бесов» ощутимо в разоблачении немецкой реакции и фашизма в романе А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми» (см.: Т. Мотылева. Достоевский и мировая литература, стр. 43).

Как и в России XIX и начала XX в., «Бесы» на Западе в XX в. стали предметом ожесточенной политической борьбы. После 1917 г. реакционные критики и публицисты безосновательно стремились (и до сих пор стремятся) использовать этот роман в борьбе с социализмом, провозгласив его памфлетом против русской революции. Большую роль в возникновении такой интерпретации «Бесов» сыграло влияние идей Д. С. Мережковского и других русских писателей и критиков-эмигрантов. Широкое распространение за рубежом ложной и односторонней трактовки «Бесов» долгое время мешало более глубокому пониманию этого противоречивого и сложного романа, тех сторон его философско-этической и психологической проблематики, которые сохраняют свое значение для современности.

Стр. 6.[2] *Хоть убей, следа не видно ∾ Ведьму ль замуж выдают?* — О философско-символическом смысле и источниках обоих эпиграфов к роману см. стр. 251—252.

Стр. 8. ... *от «вихря сошедшихся обстоятельств»*. — Возможно, что эти слова восходят к выражению Гоголя «вихрь возникнувших запутанностей» (который отнял «почти у каждого простор делать добро и пользу истинную своей земле») из «Выбранных мест из переписки с друзьями» (*Гоголь*, т. VIII, стр. 361).

Стр. 8. ... *в науке он сделал не так много и, кажется, совсем ничего.* — Подобное суждение о Т. Н. Грановском было высказано реакционным профессором Московского университета, ориенталистом В. В. Григорьевым (1816—1881). В статье «Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве» (1856) он стремился дискредитировать Грановского как ученого и общественного деятеля. Утверждая, что покойный профессор был преимущественно «пассивным передатчиком усвоенного ⟨...⟩ материала», Григорьев замечал, что «обширная начитанность не дает еще права на титул ученого» (см.: *РБ*, 1856, № 4, отд. III, стр. 56). Позднее к этой оценке, хотя и стоя на противоположной, леворадикальной позиции, присоединился Писарев (в статье 1864 г. «Нерешенный вопрос» — «Реалисты»). Он отнес Грановского к разряду «сладкогласных сирен», т. е. людей науки, которые «восхищают своих слушателей одушевленными беседами, от которых, однако, никогда, ни при каких условиях, ничего, кроме испаряющегося восхищения, не может произойти» (см.: *Писарев*, т. 3, стр. 29, 31). Статья В. Григорьева о Грановском вызвала негодование современников (см. об этом: *Д, Письма*, т. III, стр. 298).

---

[1] A. Camus. Théâtre, recits, nouvelles. Paris, 1962, p. 1877. — Текст инсценировки см.: там же, стр. 922—1010.

[2] Здесь и ниже указаны стр. X тома наст. изд.

В статье «Сочинения Т. Н. Грановского» (1856) Н. Г. Чернышевский писал, что Грановский, «по природе и образованию призванный быть великим ученым», «был истинный сын своей родины, служивший потребностям ее, а не себе». Чернышевский видел особую заслугу ученого в том, что он влиял «на пробуждение ⟨...⟩ сочувствия к высшим человеческим интересам» (см.: *Чернышевский,* т. III, стр. 352—359).

С т р. 8. *Успел же прочесть всего только несколько лекций, и, кажется, об аравитянах...* — В 1840 г. Т. Н. Грановский прочитал курс лекций по средней истории, значительную часть которого составляли лекции о галлах, о жителях Океании и др. (см.: Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья. М., Изд. АН СССР, 1961). Частично они печатались в четвертой и шестой книгах «Времени» за 1862 г. Успех этих лекций у студентов, по словам самого Грановского, превзошел его ожидания (см.: *Станкевич,* стр. 118—119). Лекций об аравитянах в курсе Грановского не было: вероятно, упоминание о них понадобилось Достоевскому для иронической характеристики курса лекций Степана Трофимовича Верховенского. Подробнее о лекциях Грановского и о разыгравшейся вокруг них борьбе см.: А. Г. Д е м е н т ь е в. Грановский и Шевырев. «Ученые записки Ленинградского гос. университета», серия филологических наук, 1939, № 46, вып. 3, стр. 321—354. Возможно, что в словах об аравитянах содержится намек на неудавшееся «профессорство» Гоголя, который в 1834 г. был приглашен для преподавания древней и средневековой истории в С.-Петербургский университет и в лекциях уделил особое внимание аравитянам (см.: *Гоголь,* т. VIII, стр. 76—84, 759, т. X, стр. 95, 629, 630; подробнее в очерке Тургенева «Гоголь» (1869) — *Тургенев, Сочинения,* т. XIV, стр. 75—76).

С т р. 8. ... *диссертацию о возникавшем было гражданском и ганзеатическом значении немецкого городка Ганау ∾ уколола тогдашних славянофилов...* — Магистерская диссертация Т. Н. Грановского «Волин, Иомсбург и Винета», защищенная в Московском университете в 1845 г. и вызвавшая нападки С. Шевырева и О. Бодянского, была посвящена истории средневековых городов. Грановский писал о нападках своих противников: «В ней ⟨диссертации⟩ вычитывают то, чего я не думал писать. Все прежние враги мои поднялись на ноги» (см.: *Станкевич,* стр. 241). Трактовку Грановским темы средневековых городов см. также в упоминавшейся выше книге: «Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья», стр. 176—189, 232—234. Ср. также с гоголевским профессором, который «в три года успел только прочесть введение да развитие общин каких-то немецких городов...» («Мертвые души», т. II, гл. I). «Ганза» — старонемецкое слово, означающее группу лиц, союз; этим словом называют союз северонемецких городов (Ганзейский союз), возникший в средние века. — Ганау — старинный город в Германии, гавань на Майне.

С т р. 9. ... *в ежемесячном и прогрессивном журнале, переводившем из Диккенса и проповедовавшем Жорж Занда...* — Имеются в виду «Отечественные записки», где в 1840-х годах были напечатаны в переводе романы Диккенса: «Оливер Твист», «Бернеби Радж», «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита», «Домби и сын», а также романы Жорж Санд «Орас», «Домашний секретарь», «Жак», «Жанна», «Лукреция Флориани» и повести «Мельхиор», «Андре», «Маркиза», «Теверино». О последней Достоевский писал брату 8 октября 1845 г.: «Прочти „Таверино“ (Жорж Занд в «Отечеств. записк.» Окт.). Ничего подобного не было еще в нашем столетии...». Обращаясь в одной из своих статей к воспоминаниям о 1840-х годах, Достоевский в 1861 г. писал: «Мы набросились на одного Жорж Занда и — боже, как мы тогда зачитались!» (см.: Введение к «Ряду статей о русской литературе» — наст. изд., т. XVIII); см. также «Дневник писателя» за 1876 г. (июнь, гл. первая, «Несколько слов о Жорж Занде»). Об отношении Достоевского к Жорж Санд и ее творчеству см.: *Д,Письма,* т. I, стр. 476—477.

С т р. 9. ... *исследования — кажется, о причинах необычайного нравственного благородства каких-то рыцарей в какую-то эпоху ...* — Иронический намек на статью Т. Н. Грановского о французском средневековом рыцаре, так и названную: «Рыцарь Баярд», и напечатанную в сб. «Библио-

тека для воспитания» (М., 1845, отд. 1, ч. 2, стр. 249—286; там же, в ч. 3, была напечатана и другая его статья — «Предания о Карле Великом»). Позднее А. В. Никитенко назвал самого Грановского «Баярдом мысли, рыцарем без страха и упрека» (см.: *Никитенко,* т. I, стр. 421).

С т р. 9. ... *перехвачено было* ∾ *кто-то потребовал от него каких-то объяснений.* — В одном из своих писем от 4 февраля 1846 г. Т. Н. Грановский писал: «В прошедшем году на меня делали три раза доносы как на человека вредного для государства и религии» (см.: *Станкевич,* стр. 149). В связи с выявившимися по ходу дела петрашевцев материалами о влиянии Грановского на формирование взглядов студентов и членов общества Петрашевского (см. об этом в письме А. Н. Плещеева к С. Ф. Дурову от 26 марта 1849 г. — «Северный вестник», 1896, № 1, стр. 68) за «неблагонадежным» профессором был учрежден секретный надзор. Биограф историка писал об этом: «Обвинения, поднявшиеся против диссертации, выросли в обвинения против всей профессорской деятельности Грановского. По слухам, доходившим до него, его обвиняли в том, что в чтениях истории он будто бы никогда не упоминает о воле и руке божией, управляющих событиями и судьбою народов» (см.: *Станкевич,* стр. 241). Московский митрополит Филарет в том же 1849 г. потребовал от Грановского объяснений по поводу этих обвинений (см. письмо Грановского к Я. М. Неверову от 28 декабря 1849 г. — *Звенья,* т. V, стр. 752—753).

С т р. 9. ... *громадное, противоестественное и противогосударственное общество* ∾ *собирались переводить самого Фурье.* —Имеется в виду общество петрашевцев (1846—1849), членом которого был сам Достоевский; политическая программа общества грозила потрясением основ крепостнического государства: «Мы осудили на смерть настоящий быт общественный, надо же приговор наш исполнить», — говорил М. В. Петрашевский (см.: *Дело петрашевцев,* т. I, стр. 518). Учение Ш. Фурье (1772—1837) пользовалось особой популярностью среди петрашевцев. В 1848 г. на одной из «пятниц» И. М. Дебу «предложил перевести Фурье на русский язык» с целью «доставить возможность читать сочинения Фурье тем, кто не знает французского языка, а также и изучение его системы» (см.: там же, т. III, стр. 120). См. также: *Бельчиков,* стр. 26—29.

С т р. 9—10. ... *поэма Степана Трофимовича* ∾ *в одном из революционных сборников...* — Для иронической характеристики поэмы Степана Трофимовича Достоевский воспользовался формой и некоторыми мотивами трилогии молодого В. С. Печерина (1807—1885) (о нем см. выше, стр. 187, а также т. IX, стр. 393), «Pot-Pourri, или Чего хочешь, того просишь. (Для февральского праздника 1834)», одна из частей которой называлась «Торжество смерти». Поэма была опубликована в книге шестой «Полярной звезды» на 1861 г. (стр. 172—192) и перепечатана (под заглавием «Торжество смерти») в сб. «Русская потаенная литература XIX столетия» под редакцией Н. П. Огарева (Лондон, 1861). В этой же книге «Полярной звезды» можно было прочесть, что сам Печерин в беседе с Герценом охарактеризовал трилогию как «незрелое, ребяческое произведение». Иронические слова Хроникера о списках поэмы, ходивших «между двумя любителями и у одного студента», могут служить подтверждением того, что Достоевский познакомился с текстом ее именно в сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия». В предисловии к сборнику Н. П. Огарев писал о поэме: «...рукопись не вышла из пределов тесного кружка друзей и не отозвалась в публике» (стр. LXXVII). В «Торжестве смерти» много хоров, в том числе — ветров, факелов, звезд. В одной из сцен является Смерть в образе апокалипсического всадника на белом коне. Ее сопровождают Небо, Земля и различные народы, поющие ей хвалу. Современники видели в поэме Печерина отражение тягостных настроений свободолюбивой молодежи после расправы над декабристами (см. об этом: Е. Б о б р о в. В. С. Печерин и М. Ю. Лермонтов. Из истории русской литературы XVIII и XIX столетий. «Известия Отделения русского языка и литературы», 1907, т. XII, кн. 3, стр. 250—256). Н. Я. Эйдельман, комментировавший поэму, высказал предположение, что неизвестная третья часть трилогии и была тем «праздником жизни, картиной будущего мира,

которую пересказывает Достоевский» («Полярная звезда», факсимильное издание, кн. девятая. Изд. «Наука», М., 1968, стр. 135).

Возможно, что Достоевский, говоря о поэме Степана Трофимовича, имел в виду также и юношескую поэму Т. Н. Грановского, отрывок из которой, озаглавленный «Сцена из жизни Калиостро», был записан историком в его тетради в 1834 г. Действие сцены происходит в XVIII в. в кабинете алхимика и астролога Лоречини; она и построена как диалог Лоречини и двадцатилетнего Калиостро. По тону «Сцена...» действительно кое в чем напоминает вторую часть «Фауста». Текст ее был приведен в статье В. В. Григорьева «Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве» (см.: *РБ*, 1856, № 3, стр. 27—31). И. С. Тургенев в статье «Два слова о Грановском» вспоминает об «отрывке из драмы „Фауст“» — *Тургенев, Сочинения,* т. VI, стр. 372.

Как отметил В. С. Киселев-Сергенин, в поэме Степана Трофимовича «сплавились мотивы и образы, почерпнутые из различных источников» (ср. намек на это в романе: «тогда (то есть, вернее, в тридцатых годах) в этом роде часто пописывали», — наст. изд., т. X, стр. 9). Так, весь эпилог с «хором неживших душ» восходит к стихотворению Е. П. Ростопчиной «Нежившая душа. Фантастическая оратория» (1835). «Хоры» всевозможных духов и говорящих стихий заимствованы из мистерий А. В. Тимофеева «Последний день» (1834), «Жизнь и смерть» (1834) и «Елисавета Кульман» (1835). В последней подают голоса бабочка и песчинка (в поэме — «насекомое» и «минерал»). (см.: Поэты 1820—1830-х годов, т. 2. Изд. «Советский писатель», Л., 1972, стр. 735 (Библиотека поэта. Большая серия)).

Стр. 11. ... *слава одного незабвенного профессора...* — В. В. Григорьев перечисляет несколько имен профессоров Петербургского университета, снискавших особенную популярность у слушателей. Первым из них он называет О. И. Сенковского, «профессора арабской и турецкой словесности», который «был бы звездою первой величины в сонме ученых первейшего в мире университета и какой угодно в свете академии» (см.: *РБ*, 1856, № 3, стр. 21). Скорее же всего под «незабвенным» профессором Достоевский подразумевает здесь прообраз своего героя — Т. Н. Грановского.

Стр. 11—12. ... *простоять всю остальную жизнь* ∾ *Но то лицо, о котором выразился народный поэт...*— Н. А. Некрасова еще при жизни (в том числе сам Достоевский) называли «народным поэтом» (см., например: Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. ГИХЛ, М., 1971, стр. 34). Подробнее о близости Грановского, «чистого западника» 1840-х годов, героям поэмы «Медвежья охота» и «Саша» см. выше, стр. 171. Ср. со словами Герцена о Грановском из XXIX главы «Былого и дум» (раздел II, «На могиле друга»): «Перед его взглядом печального укора остановилась николаевская опричина» (см.: *Герцен,* т. IX, стр. 130).

Стр. 12. ... *полеживал на боку* ∾ *а воплощенность укоризны сохранялась и в лежачем положении* ... Ср. со словами из «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Смотри же, чтоб не сказали о тебе: „Эк, скверный старикашка! всю жизнь валялся на боку, ничего не делая, а теперь выступил укорять других, зачем они не так делают“». — *Гоголь,* т. VIII, стр. 263.

Стр. 12. ... *ужасно любил сразиться в карточки* ∾ *постоянно проигрывал.* — Современник Грановского писал о нем, что в годы «обострившейся реакции», «подозреваемый свыше за либерализм и ожидая ежеминутно кары», он «пристрастился к игре, ища в ней забвения; но игра, расстроивши его состояние, впутавши в неоплатные долги, вместо забвения еще более увеличила его хандру, прибавивши к ней мучительное чувство нравственного унижения» (см.: А. М. Скабичевский. Сочинения, т. I. СПб., 1895, стр. 519). См. также: *Станкевич,* стр. 224—226.

Стр. 12. ... *впадал в так называемую между нами «гражданскую скорбь»* ∾ *словечко это привилось...* — «Словечко» «гражданская скорбь» получило особенное распространение в 1860-е годы. Так, Н. Ф. Щербина использовал его в «Эпитафии И. И. Панаеву» (1862), и позднее писал по этому поводу: «NB. Болезнь, под названием „гражданская скорбь“, была в это время в моде в Петербурге, так что даже смерть некоторых гимназистов и кадетов была приписываема этой болезни» (см.: Н. Ф. Щербина, Избранные произве-

дения. Изд. «Советский писатель», Л., 1970, стр. 290, 574. (Библиотека поэта. Большая серия)). Подробнее об этом см. в комментарии к главе «Полписьма одного лица» (*ДП*, 1873 — наст. изд., т. XX).

Стр. 13. ... *писал к ней, даже живя в одном с нею доме ∾ по два письма в день.* — Ср. со строками из биографии Т. Н. Грановского: «1 июня 1841 г. Грановский простился на шесть недель с невестою. ⟨...⟩ В течение этих недель он пишет к ней каждый день, а иногда два раза в день». Или: «Случалось, что, отлучившись на несколько часов из дому, он присылал ей свои строки...» (см.: *Станкевич*, стр. 193, 211).

Стр. 16. ... *при первых слухах об освобождении крестьян...* — Слухи о намерении правительства освободить крестьян не раз возникали в обществе начала 1840-х годов. А. В. Никитенко записал в своем дневнике 9 апреля 1841 г.: «В обществе между тем ходят странные слухи. Говорят, что ко дню свадьбы наследника приготовлен манифест об освобождении крестьян» (см.: *Никитенко* т. I, стр. 230). «С 1842 г. главным занятием мыслящих русских было обдумывание способа раскрепощения крестьян», — писал Герцен (см.: *Герцен,* т. XII, стр. 78). В 1845 г. министр внутренних дел Л. А. Перовский в записке «Об уничтожении крепостного состояния в России» писал: «Вопрос об уничтожении крепостного состояния не только обращает на себя внимание высшего правительства, но сделался даже предметом откровенной беседы образованных сословий и проник, наконец, темными и превратными слухами в низшие состояния». В 1847 г. начальник III Отделения граф А. Ф. Орлов докладывал Николаю I о том, что «главным предметом рассуждений во всех обществах была непонятная уверенность, что вашему величеству непременно угодно дать полную свободу крепостным людям» (см.: Крестьянское движение 1827—1869 гг., вып. I. М., 1931, стр. 79—80). Подробнее об этом см.: Ю. Г. Оксман. Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ. (В кн. этого автора «От „Капитанской дочки“ к „Запискам охотника“». Саратов, 1959, стр. 211—233).

Стр. 16. ... *воспитан был с самого малолетства в одном знатном доме в Москве....* — Грановский был отвезен тринадцатилетним мальчиком в Москву и помещен в частный пансион, где учился в течение двух лет (см.: *Станкевич,* стр. 9). Держал этот пансион лектор немецкого языка и словесности в Московском университете доктор прав Ф. И. Кистер (1772—1849). В 1826 г., во время пребывания в пансионе Грановского, Кистер снимал дом князя Лобанова-Ростовского и содержал воспитанников «на широкую ногу». Кроме самого хозяина, в пансионе преподавали и другие профессора и ученые Московского университета, такие как Н. А. Бекетов, П. Ф. Калайдович, М. А. Максимович, А. М. Кубарев, А. М. Гаврилов, Ф. Ф. Куртенев, И. М. Снегирев (подробнее о пансионе см.: С. С. Дмитриев. Грановский и Московский университет. — В кн.: Грановский Т. Н. Библиография (1828—1967). Изд. МГУ, М., 1969, стр. 6—12).

Стр. 19 ... *походил ∾ на портрет поэта Кукольника, литографированный в тридцатых годах при каком-то издании...* — Имеется в виду портрет Н. В. Кукольника (1809—1868) работы К. П. Брюллова (1836), гравированный на стали. Его литографию см. в изд.: Сто русских литераторов, т. I. СПб., 1839.

Стр. 19. ... *возьмет с собою в сад Токевиля, а в кармашке несет спрятанного Поль де Кока.* — Токвиль (Tocqueville Alexis-Charles-Henri-Clerel, 1805—1859), либерально-буржуазный французский историк и политический деятель, автор сочинений «Демократия в Америке» (De la démocratie en Amérique», 1835—1840; русский перевод — 1860) и «Старый порядок и революция» («L'ancien régime et la révolution», 1856), актуальных и для пореформенной России (например, затронутыми в них проблемами представительного правления, централизации и т. п.). О последнем сочинении современник писал: «Книга Токвиля имела четырнадцать изданий, была прочитана всею образованной Европой и долго пользовалась первостепенным авторитетом между публицистами всех наций» (см.: Г. Е. Благосветлов. Токвиль и его политическая доктрина. — В кн.: Сочинения Г. Е. Благосветлова. СПб., 1882, стр. 158). Ср. с характеристикой позиций

Токвиля и восприятия его в России, данной Н. Г. Чернышевским в статье «Г-н Чичерин как публицист» (1859) — *Чернышевский*, т. V, стр. 667; ср. также с ироническим определением Токвиля как «популярнейшего из публицистов в наших усадьбах», данным ему Щедриным в III главе «Дневника провинциала в Петербурге» (*ОЗ*, 1872, № 3) — *Салтыков-Щедрин*, т. X, стр. 327. О широко популярном в России 1840-х годов французском романисте-бытописателе Ш. Поль де Коке (Paul de Kock, 1793—1871) см.: наст. изд., т. I, стр. 54; об отношении Достоевского к его творчеству — там же, т. II, стр. 480. См. также выше, стр. 219.

С т р. 20. ... *как страдальцу науки ∾ как о ссыльном страдальце...* — Возможно, что слово «страдалец» здесь употреблено по ассоциации с названием одноименного раннего стихотворения Грановского, напечатанного в «Дамском журнале» за 1828 г., апрель, № 8, стр. 87—89. Возможно также, что Достоевский откликается на слова Герцена, писавшего в «Былом и думах» о Грановском как о «глубоко настрадавшемся человеке» (см.: *Герцен*, т. IX, стр. 128).

С т р. 20. ... *в самом конце пятидесятых годов ∾ явились и какие-то сопровождавшие их идеи, и, главное, в чрезмерном количестве.* — Один из пунктов объявления об издании «Современника» на 1859 г. гласил: «... применение к нашему быту тех идей, которые уже выработаны в общественных науках и в современном быте народов на Западе» (*С*, 1858, № XI, ноябрь).

Адвокат К. К. Арсеньев писал о конце пятидесятых годов как о «времени наибольшего распространения радикальных учений», совпадающем «с периодом ожидания реформ, с тем периодом, когда осужденные в принципе учреждения — крепостное право, закрытый канцелярский суд, цензура, полновластие администрации в делах земского и городского хозяйства — не успели еще уступить место новому порядку» (*ВЕ*, 1871, № 11, стр. 287). В этой же статье автор цитировал приговор верховного уголовного суда по процессу тайного общества 1866 года, в котором говорилось: «Судебным следствием обнаружено, что еще в 1863-м году составился в Москве кружок из молодых людей, зараженных социалистическими идеями; впоследствии эти люди начали делать усилия для распространения и осуществления своих идей на практике; с этою целью они начали устраивать школы и различные ассоциации, как-то переплетное заведение, швейную, основали общества переводчиков и переводчиц и взаимного вспомоществования» (*ВЕ*, 1871, № 11, стр. 297). Анонимный корреспондент «Голоса», говоря об идеях, проникших в русское общество из французской и немецкой литературы, сокрушенно писал: «Мы не имеем возможности определить в газетной статье, какого рода идеи почерпались нами у Канта и Фихте, но не можем не указать на наше время. Какие французские материалисты, спросим мы, действовали на умы нашей современной молодежи так разрушительно, как Фейербахи, Бюхнеры и подобные им немецкие ученые? Откуда пришли те нелепые идеи о жизни, душе и человеке, которые вскружили голову нашим молодым людям и погубили столько свежих сил, как не из лекций и книг этих многоученых немцев? Не у Бюхнеров ли и Молешоттов заимствованы курьезные понятия о том, что человек есть только одна из форм действующей природы, отличающаяся от животных одним высшим развитием; что мысль не что иное, как механическое последствие организма; что единственная цель нашей жизни — наслаждение; что у женщины мозга меньше, чем у мужчины, следовательно, она обречена на низкое существование; что негр от природы ниже белого и оттого черная раса осуждена на вечное рабство, и проч., и проч.» (*Г*, 1870, 17 (29) ноября, № 318). Несколько раньше Н. Адмирари (Л. К. Панютин), говоря о «юных народоучителях», популяризирующих идеи Ч. Дарвина, восклицал: «Скромному английскому ученому никогда и во сне не грезилось, что на дальнем севере его строго-научные исследования о естественном подборе сделаются символом какой-то новой веры и программою, якобы, политической партии; а случилось именно так» (*Г*, 1870, 15 (27) марта, № 74).

С т р. 20. ... *заграничные запрещенные издания и даже начавшиеся тогда прокламации...* — Имеется в виду ряд революционных изданий (прокламаций и книг), отпечатанных в Лондоне Вольной русской типографией,

которая была основана Герценом в 1853 г. Исследователь пишет: «... „нелегальщина“ шестидесятых годов началась с небольшого листка „Великорусс“, № 1, разбросанного кое-где в Петербурге, а вскоре и в Москве, в июле 1861 г.» (см.: *Лемке, Очерки*, стр. 359). Достоевскому были известны упоминавшийся выше сборник под редакцией Н. П. Огарева «Русская потаенная литература XIX столетия», а также «Полярная звезда» и «Колокол» (см.: *Библиотека*, 1919, стр. 18). Ср.: *ДП*, 1873, гл. IV, «Нечто личное».

Стр. 20. *Затем кто-то напечатал, что он уже умер, и обещал его некролог.* — Возможно, что здесь Достоевский откликается на факт, по-видимому широко известный и касавшийся А. Д. Галахова, который в 1849 г. вынужден был поместить следующее объявление: «А. Д. Галахов жив и здравствует в Москве, деятельно работая над своими хрестоматиями...» (*ОЗ*, 1849, № 2, «Смесь», стр. 259). Этот факт всплыл в 1860 г. в «Современнике» в связи со слухами о гибели «Свистка». Автор «Предуведомления» писал: «Прискорбно, конечно, объявлять, что я, дескать, жив, и сколько мы помним, в русской литературе только Алексею Дмитриевичу Галахову пришлось однажды сделать такое объявление» (*С*, 1860, № 3, «Свисток», стр. 2).

Стр. 21. ... *прежние литературные знаменитости* ∾ *льнули ко всему этому новому сброду и позорно у него заискивали.* — Этой фразой открывается в романе серия намеков на Тургенева. Как известно, в 1860-е годы, особенно в связи с выходом романа «Отцы и дети», раздавались голоса об «устарелости» Тургенева. Так, видный сотрудник «Современника», Ю. Г. Жуковский писал: «Талант этого писателя стал бледнеть перед теми требованиями, которые поставила в задачу романисту критика Добролюбова ⟨...⟩ Г-н Тургенев стал терять понемногу свои лавры...» (*С*, 1865, № 7, стр. 316). Поводом для слов о «заискивании» у молодежи могли послужить объяснения Тургенева, изложенные им в письме к поэту К. К. Случевскому и обращенные фактически к русской студенческой молодежи, учившейся в Гейдельберге. В этом письме Тургенев утверждал, что «Отцы и дети» направлены «*против дворянства как передового класса*», а Базаров — революционер, хотя и «нигилист» (см.: *Тургенев, Письма*, т. IV, стр. 379—381. Подробнее об этом см.: *Тургенев, Сочинения*, т. VIII, стр. 595—596). Сам Тургенев, имея в виду обострившиеся отношения с «Современником», и особенно критические отзывы Добролюбова о нем, писал в это же время А. А. Фету: «...судя по отзывам так называемых молодых критиков, пора и мне подать в отставку из литературы. Вот и мы попали с вами в число ⟨...⟩ почтенных отставных майоров! Что, батюшка, делать? Пора уступать дорогу юношам» (*Тургенев, Письма*, т. IV, стр. 125, 499). Позднее, в 1869 г., реагируя на слова фельетониста «Голоса» о том, что «прошло уже то время, когда всякое новое произведение Тургенева шевелило ум и сердце, возбуждало многоразличные толки и живейший интерес в обществе» (*Г*, 1869, 19 февраля, № 50), Достоевский писал С. А. Ивановой: «Тургенев за границей выдохся и талант потерял весь...» (письмо из Флоренции от 8 (20) марта 1869 г.).

Стр. 22. *Его заставили подписаться под двумя или тремя коллективными протестами* ... — Коллективные протесты литераторов против «безобразных» фактов или выступлений прессы — один из характерных симптомов общественного подъема 1860-х годов. Н. Н. Страхов писал в своих воспоминаниях: «Протест — это значило: заявить всею массою, от лица *всей литературы*, что такой-то поступок считается низким, неблагородным, возбуждающим негодование ⟨...⟩». (см.: *Биография*, стр. 198). Так, например, протест против «Искры», «оскорбившей имя Писемского», был подписан «всею редакциею (и сотрудниками) „Русского Слова“, „Отечественных записок“, „Библиотеки для чтения“ и „Русского мира“, а также рядом литераторов» (см. об этом в письме А. А. Потехина к А. Н. Островскому от 12 февраля 1862 г. — В кн.: Неизданные письма..., Из архива А. Н. Островского. М.—Л., Academia, 1932, стр. 461—462).

Стр. 22. ... *заставили подписаться под каким-то «безобразным поступком»* ... — Иронический намек на скандал, вызванный в 1861 г. фельетоном П. И. Вейнберга (Камня Виногорова) «Русские диковинки» в еженедельнике «Век» (22 февраля, № 8) (подробнее об этом см.: Б. П. Козьмин. Из

истории революционной мысли в России. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 69; см. также: наст. изд., т. VI, стр. 216, т. VII, стр. 383—384). В полемике, вызванной фельетоном Вейнберга, принял участие и Достоевский, выступивший со статьями «Образцы чистосердечия» и «Ответ Русскому вестнику» (1861) (см.: наст. изд., т. XVIII).

С т р . 22. *Говорили об уничтожении цензуры...* — «Современник» писал об этом: «Газеты и журналы единогласно высказывали мысль, что цензура не достигает своей цели, и вследствие этого стали придумывать разные средства, которые бы вернее привели к той цели, которую имеет в виду цензура. ⟨...⟩ Поговаривали даже и о свободе печати, т. е. об освобождении ее от цензуры. ⟨...⟩ Некоторые предлагали освободить литературу от цензуры и подвергнуть ее надзору суда...» (*С*, 1863, № 1—2, «Современное обозрение», стр. 235—236). Среди журналов, высказывавшихся за уничтожение цензуры, автор хроники с иронией называет «Время», которое «старалось убедить общество и, вероятно, не убедило, что законы, стесняющие печать, бесполезны, что возможен только один закон о печати, именно закон о ее свободе» (см.: там же, стр. 237). В этих словах несомненно выразилось мнение о цензуре самого Достоевского, сформулированное им еще в показаниях по делу петрашевцев (см.: *Бельчиков*, стр. 48—49).

С т р. 22. ... *и буквы ъ, о заменении русских букв латинскими...* — В 1862 г. в Петербурге состоялся ряд совещаний, посвященных проектам реформ русской орфографии и вызвавших многочисленные отклики в печати. Во «Времени» был помещен иронический отчет об этих совещаниях, названных «процессом здешних грамотеев с русской орфографией» (*Вр*, 1862, № 3, «Смесь», стр. 57—74). В «Современнике» же, в заметке «Наши толки о народном воспитании», говорилось: «В Петербурге составился целый комитет реформаторов, который действительно решил, что нашу обыкновенную азбуку и орфографию следует переделать, потому что они очень трудны ⟨...⟩. В комитет очень либерально принимается всякий желающий, и однажды явился туда даже господин, предлагавший просто уничтожить и предать забвению азбуку, завещанную нам предками, и предлагал вместо нее латинскую; комитет, впрочем, благоразумно отклонил предложение» (*С*, 1863, № 1—2, «Современное обозрение», стр. 19).

С т р. 22. ... в *Пассаже*. — В петербургском Пассаже, кроме магазинов, была зала, предназначенная для публичных лекций и концертов. Именно в ней с 1859 г. проводились литературные чтения в пользу только что организованного Литературного фонда.

С т р. 22. ... *о каком-то скандале в Пассаже...* — 13 декабря 1859 г. во время публичного диспута в зале Пассажа произошел инцидент, о котором мемуарист пишет: «В 1859 г. некто Перозио выступил с рядом обвинительных статей против „Общества русского пароходства и торговли" ⟨...⟩. Стороны решили прибегнуть к публичному третейскому разбирательству; в числе судей, кажется, со стороны Перозио были Чернышевский и Н. Серно-Соловьевич; суперарбитром был избран Е. И. Ламанский. Диспут ⟨...⟩ не дошел до конца вследствие шумливого вмешательства публики, состоявшей главным образом из акционеров, и Е. И. ⟨Ламанский⟩ нашел нужным закрыть его, произнеся при этом: „Мы еще не созрели до публичных прений". Эти слова наделали в свое время много шума и вызвали бесчисленные протестации. Погодин же в заключительном слове сказал между прочим: „Каковы бы ни были научные результаты сегодняшнего диспута, он во всяком случае доказал, что мы созрели до публичных прений". Раздался гром рукоплесканий ...» (см.: *Пантелеев*, стр. 233). Несколько позднее Достоевский писал об этом во Введении к «Ряду статей о русской литературе» (1861): «...господин Ламанский среди всего Пассажа доложил нам, что мы не созрели. Господи, как мы обиделись! Господин Погодин ⟨...⟩ начал всенародно утешать нас и, разумеется, тотчас же нас уверил (даже без большого труда), что мы совершенно созрели» (см.: наст. изд., т. XVIII). Этот инцидент вызвал широкий резонанс (см., например, статью Н. А. Добролюбова в «Современнике», 1859, № 12, под названием «Любопытный пассаж в истории русской словесности», см.:

Добролюбов, т. V, стр. 537—554); не раз писали о случае в Пассаже, высмеивая слова Ламанского, «Искра» и «Свисток». В 1863 г. об этом скандале напомнил М. А. Антонович (*С,* 1863, № 1—2, «Современное обозрение», стр. 93). В 1866 г. Герцен писал в «Колоколе»: «„Мы еще не созрели", — говорил кто-то в Петербурге, и все сердились на него, *„а уж сгнили,* — прибавим мы, — *страшно сгнили* 〈...〉" (1866, 1 июня, л. 221; см.: *Герцен,* т. XIX, стр. 85).

Стр. 22. ... *о полезности раздробления России по народностям с вольною федеративною связью* ∾ *о правах женщины...* — Достоевский прозрачно намекает здесь на основные пункты прокламации П. Г. Зайчневского «Молодая Россия» (1862). Текст ее см. в кн.: Политические процессы шестидесятых годов, ч. 1. Центрархив, М., 1923, стр. 259—269. Подробнее см. выше, стр. 215.

Стр. 22. ... *о доме Краевского...* — Издатель «Отечественных записок» А. А. Краевский (1810—1889) владел домом № 36 по Литейному пр., угол Бассейной ул. (ныне Литейный, 36, угол ул. Некрасова), где помещались редакции «Отечественных записок» и «Голоса». Ср. с записью в позднейшей рабочей тетради Достоевского 1872—1875 гг.: «Есть теперь р〈усские〉 писатели, которые, несмотря на несомненное дарование их, построили себе литературой дома». Достоевский, в молодые годы подвергшийся эксплуатации Краевского, навсегда сохранил к нему неприязнь (см.: В. В. Виноградов. Достоевский и А. А. Краевский. *Достоевский и его время,* стр. 17—32; см. также наст. изд., т. VII, стр. 407).

Стр. 23. *В иллюстрированном журнале* ∾ *написанные народным поэтом...* — Имеется в виду журнал «Искра». В словах «написанные народным поэтом» содержится намек на участие в «Искре» Некрасова (ср. также примеч. к стр. 11—12).

Стр. 23. *Он бесспорно согласился в бесполезности и комичности слова «отечество»; согласился и с мыслию о вреде религии...* — В этих словах, раскрывающих смысл «гражданского красноречия» Степана Трофимовича, содержится отклик на программу бакунистов. Один из ее пунктов провозглашал «атеизм: отмену всех вероисповеданий, замену религии — наукой, божественного правосудия — человеческим...». В связи с этим фельетонист «Голоса» писал, что «„главный совет общества" 〈Интернационала〉 будто бы формально одобрил эту программу, и признал ее международною, т. е. обязательною для всех сочленов. С тех пор одиозные и официальные газеты общества совершенно откровенно дополнили ее и развили. „Отечество есть пустое слово, ошибка человеческого ума, — говорит La Révolution politique et sociale 〈...〉 Национальность — этот случайный результат рождения — зло: надобно его уничтожить"» (*Г,* 1871, 2 (14) июня, № 151).

Стр. 23. ... *сапоги ниже Пушкина...* — Достоевский неоднократно выступал против утилитаризма «Русского слова» в оценке искусства, в частности против полемического отрицания В. А. Зайцевым и Д. И. Писаревым значения Пушкина (см., например, статью «Г-н Щедрин, или раскол в нигилистах» — 1864). Здесь Достоевский иронически писал: «Отселе вы должны себе взять за правило, что сапоги во всяком случае лучше Пушкина, потому что без Пушкина можно обойтись, а без сапогов никак нельзя обойтись, а следственно, Пушкин — роскошь и вздор» (см.: наст. изд., т. XIX); ср. со словами Зайцева из рецензии на «Историю французской литературы» Ю. Шмидта (1864): «Пора понять, что всякий ремесленник настолько же полезнее любого поэта, насколько всякое положительное число, как бы мало ни было, больше нуля» (см.: *Зайцев,* т. I, стр. 216). Позднее М. Е. Салтыков-Щедрин употребил это выражение («всякий сапожник в сто раз полезнее Пушкина») в «Ташкентцах приготовительного класса» (*ОЗ,* 1871, № 9) — см.: *Салтыков-Щедрин,* т. X, стр. 102. Подробнее об отношении Достоевского к высказываниям критиков «Русского слова» см.: наст. изд., т. VI, стр. 283, т. VII, стр. 390; т. IX, стр. 443; ср. также ниже, примеч. к стр. 372.

Стр. 24. *Век и Век и Лев Камбек...* — начальные строки пародийных стихов Достоевского, высмеивающих популярные мотивы сатирической журналистики начала 1860-х годов:

Век и Век и Лев Камбек,
Лев Камбек и Век и Век.
На пистончике корнет
Страхов, жители планет...

(см. статьи Достоевского 1863—1864 гг.: «Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов», «Опять „Молодое перо“», «Г-н Щедрин, или раскол в нигилистах» — наст. изд., тт. XVIII—XIX). «Век» — петербургский еженедельник, выходивший под редакцией П. И. Вейнберга в 1861—1862 гг. (в нем был опубликован вышеупомянутый фельетон Камня Виногорова — см. ниже, стр. 380—381, что сделало журнал предметом длительной полемики в печати); Камбек Лев Логгинович, второстепенный журналист 1860-х годов, издатель «Семейного круга» (1859—1860) и «С.-Петербургского Вестника» (1861—1862). «Жители планет» — название нашумевшей статьи Н. Н. Страхова, напечатанной в журнале «Время» 1861, № 1) и вызвавшей иронические отклики в «Современнике», «Свистке» и «Искре». Ср. также наст. изд., т. IX, стр. 521.

Стр. 24. ... *великую идею ∾ вытащат к таким же дуракам, как и сами, на улицу...*; стр. 28. «... *идея, попавшая на улицу*»... — Близкие слова Достоевский уже однажды употребил по адресу «мелкоплавающих» обличителей, «хлебных свистунов» в статьях 1863—1864 гг. «Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов» и «Опять „Молодое перо“» (см.: наст. изд., т. XIX). Он писал: «Вы бездарно волочили великую мысль по улице...» (см. подробнее: *Борщевский,* стр. 45, 221). В 1876 г., говоря о «фанфаронах либерализма», Достоевский отмечал, что «в большинстве это все-таки была лишь грубая масса мелких безбожников и крупных бесстыдников». «И чего тогда не говорилось и не утверждалось, — продолжает он, — какие нередко мерзости выставлялись за честь и доблесть. В сущности это была грубая улица, и честная идея попала на улицу» (*ДП,* 1876, март, гл. II, § IV, «Единичные явления»). Ср. со словами Писарева из статьи «Реалисты» (1864) о том, что «великая идея, господствовавшая деспотически над умами мировых гениев, становится милою безделкою, которую приятно поставить на письменный стол, в виде легкого presse-papier» или «будуарного украшения» (см.: *Писарев,* т. 3, стр. 63, 64).

Стр. 25. ... *чуть не афинские вечера...* — «Афинские вечера» — возможно, что это выражение, ставшее нарицательным для обозначения оргий, пошло от названия позднеантичной книги Авла Геллия (Aulus Gellius) «Афинские ночи», представляющей собою собрание материалов по разнообразным отраслям знания и построенной в форме диалогов. Степан Трофимович употребляет здесь это выражение в его первоначальном смысле: вечерней беседы, изящных, утонченных разговоров. Ср., например, со словами из «Деяний апостольских»: «Афиняне же все и живущие у них иностранцы в том только и проводили время, что говорили или слушали что-нибудь новое». Строки эти в принадлежавшем Достоевскому Евангелии (*ГБЛ,* ф. 93, оп. 1, 5в, ед. хр. 1) отчеркнуты и отмечены знаком NB.

Стр. 25. ... *dans le pays de Makar et de ses veaux.* — Выражение «куда Макар телят не гоняет», переиначенное Степаном Трофимовичем на французский лад, здесь употреблено для обозначения административно-полицейских репрессий. Именно в таком смысле оно постоянно фигурирует в сатире М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Стр. 29. ...*chez ces séminaristes...* — Свое понимание «семинаризма» Достоевский определял в одной из рабочих тетрадей 1860-х годов следующим образом: «... семинаристы привносят в нашу литературу особенное отрицание, слишком полное, враждебное, слишком резкое и потому слишком ограниченное» (см.: наст. изд., т. XIX). Враждебные нападки на «семинаристов» не раз встречаются в письмах Достоевского, в черновых записях к «Преступлению и наказанию» (см.: наст. изд., т. VII, стр. 159, 160, 163—164). к «Подростку» (см.: наст. изд., т. XIV), в его записных тетрадях (см.: наст. изд., т. XIX).

С т р. 29. «*Друг мой, до сих пор я только любил тебя* ∾ *отправились за город, в рощу, кушать чай вместе с знакомыми.* — Достоевский пародирует в этих словах Виргинского излюбленное обращение друг к другу героев и сюжетные ситуации третьей части романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Иронически названное в романе «древнеримским изречением» выражение «до сих пор я только любил тебя, теперь уважаю» на самом деле восходит к роману Чернышевского. Впрочем, оно могло иметь и еще один (может быть, устный) источник. Известно, что Бенкендорф в ответ на отказ актера Каратыгина вставить в водевиль патриотические куплеты сказал ему: «До сих пор я вас любил, как человека талантливого, а теперь уважаю, как человека честного» (см.: *Лемке, Николаевские жандармы,* стр. 64; см. также: наст. изд., т. VI, стр. 289).

С т р. 30. ... *ссыльного ксендза Слоньцевского* ∾ *принимали по принципу, но потом и принимать не стали.* — По первоначальным планам Слоньцевский, пострадавший в результате подавления польского восстания 1863 г., занимал в романе более значительное место. В его пользу должно было состояться «подписное чтение», на котором Гр⟨ановский⟩ «читал об „Отелло“», идя тем самым «на гражданский подвиг». Во время этого чтения разыгрывался скандал, ксендз оказывался «побитым» — «вышла история», приведшая к аресту Гр⟨ановского⟩ (см. наст. изд., т. XI, стр. 142, 149, 198—200, 217, 231, 283).

С т р. 30. ... *обменяться за вином известного сорта веселенькими мыслями* ∾ *«русском боге» в особенности...* — В этой фразе иронически перечислен круг тем, характерных для разговоров в либеральном обществе 1860-х годов. А. В. Никитенко писал, выражая тогдашние умонастроения своей среды: «Но характер народа, его политическое и нравственное значение или назначение — кому они известны? ⟨...⟩ Русский дух, русская интеллигенция, русская народность — что это такое, как не слова, не общие места в наших суждениях, хотя в действительности это великие, многозначительные сущности?» (см.: *Никитенко,* т. III, стр. 67—68). Известное стихотворение П. А. Вяземского (1792—1878) «Русский бог» (1828) было опубликовано в «Полярной звезде» на 1856 г. (кн. II, стр. 41). См. о нем также в «Колоколе» от 1 июля 1857 г., л. 10. Ср. стихотворение Н. М. Карамзина «Илья Муромец».

С т р. 30. ... *Франция после цезаризма разом ниспадет на степень второстепенного государства* ∾ *роль простого митрополита в объединенной Италии...* — См. развитие сходных идей в «Дневнике писателя» (*ДП,* 1876, март, гл. I, § 4, «Мечты о Европе»; § 5, «Сила мертвая и силы грядущие»). Ср. также наст. изд., т. XX («Иностранные известия»).

С т р. 31. *Великий день девятнадцатого февраля мы встретили восторженно и задолго еще начали осушать в честь его тосты.* — Вероятно, в этих словах содержится намек на обеды, подобные тому, который московские литераторы устроили 28 декабря 1857 г. по случаю опубликования 20 ноября рескрипта Александра II виленскому, ковенскому и гродненскому генерал-губернатору Назимову. Этот рескрипт явился первым официальным правительственным актом, связанным с подготовкой крестьянской реформы 1861 г. Речи, произнесенные на обеде, были напечатаны в «Русском вестнике» (1857, декабрь, кн. 2) (см. также: *Тургенев, Сочинения,* т. XV, стр. 299—300, 304).

С т р. 31. ... *известные, хотя несколько неестественные стихи* ∾ *Идут мужики и несут топоры...* — Цитируемые Достоевским строчки восходят к анонимному стихотворению «Фантазия», опубликованному в «Полярной звезде» на 1861 г. (кн. VI, стр. 198—199). Соответствующие строки звучат так:

И всё чудится, будто встают мужики,
И острят топоры, и сбирают полки,
И огромною ратью идут без бояр
На Москву да на Питер ⟨...⟩
И катится одна за другой голова —
Что-то грозное будет ⟨...⟩

Заканчивается стихотворение словами:

> А вокруг собралися попы да полки,
> И акафисты правят и точат штыки —
> Что-то страшное будет...

Стр. 31. ... *черкнул указательным пальцем вокруг своей шеи* ∾ *стал вдруг проситься у Варвары Петровны за границу...*; ср. стр. 289. *Продать имение успеете...* — О том, что весь этот эпизод представляет язвительный выпад против Тургенева, свидетельствует набросок в записной тетради 1875—1876 гг., в котором за строками «Идут мужики...» — следует фраза, обращенная непосредственно к Тургеневу: «Вы выпродали имение и выбрались за границу тотчас же, как вообразили, что что-то страшное будет». Ср. также со словами из письма Белинского к Гоголю о том, что правительство «хорошо знает, что делают помещики со своими крестьянами и сколько последние режут первых» — *Белинский*, т. X, стр. 213. См. также ниже, стр. 360.

Стр. 31. ... *несколько замечательных мыслей о характере русского человека вообще и русского мужичка в особенности.* — Тургенев был автором записки «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине» (1842) (см.: *Тургенев, Сочинения,* т. I, стр. 459—472). Несмотря на то что она не была опубликована, не исключена возможность, что Достоевский мог знать о ней от общих петербургских знакомых. Заглавие другой, неосуществленной статьи Тургенева «Несколько мыслей о современном значении и призвании русского дворянства», объявление о которой появилось в «Русском вестнике» (1859, январь, кн. 2, «Современная летопись», стр. 190), также созвучно темам рассуждений Степана Трофимовича. Ср. также с «рассуждением» Фомы Опискина «о значении и свойстве русского мужика и о том, как надо с ним обращаться» (см.: наст. изд., т. III, стр. 130, 514).

Стр. 31. ... *целый отдел литературы, несколько лет сряду, носился с ними...* — Степан Трофимович выступает в данном случае как сторонник эстетики «чистого искусства» и полемизирует тем самым с Белинским, который в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» призывал писателей изображать мужика, страдающего от «несчастных обстоятельств жизни». «А разве мужик — не человек?» — спрашивал он (см.: *Белинский,* т. X, стр. 300). О крепостном крестьянине в 1850—1860-х годах писали А. И. Герцен («Кто виноват?», «Сорока-воровка», «Доктор Крупов»), Н. А. Некрасов («Тройка», «В дороге», «Огородник», «Родина», «Псовая охота»), Д. В. Григорович («Деревня», «Антон Горемыка»), И. С. Тургенев. М. Е. Салтыков-Щедрин подчеркивал, что «Записки охотника» «положили начало целой литературе, имеющей своим объектом народ и его нужды» (см.: *Салтыков-Щедрин,* т. 9, стр. 459). В то же время у ряда литераторов-эпигонов эта же тема звучала очень поверхностно. О них Добролюбов писал в рецензии «Повести и рассказы С. Т. Славутинского» (см.: *Добролюбов,* т. VI, стр. 50—51).

Стр. 31. *Русская деревня, за всю тысячу лет, дала нам лишь одного комаринского.* — Эта тирада «западника» Степана Трофимовича должна была вызвать у современников ассоциацию со словами тургеневского Паншина из «Дворянского гнезда» (1859): «... сам Х⟨омяко⟩в признается в том, что мы даже мышеловки не выдумали» (гл. XXXIII). Ср. также ниже, стр. 352—353. «Комаринская» — народная плясовая песня. О ее месте в творчестве Достоевского см. в кн.: *Гозенпуд,* стр. 63—72. Ср. также ниже, стр. 314.

Стр. 31. «*Не променяю Рашель на мужика!*» ∾ *в обмен за одну Рашель.* — Достоевский иронизирует по поводу нашумевших в свое время выступлений реакционной критики в лице Ф. Булгарина и Ростислава (Ф. Толстого), высказывавшихся против вторжения в искусство «грубой реальности» (*СП*, 1853, 15 мая, № 107, стр. 425—427). Ср.: наст. изд., т. III, стр. 511. Выступление Ростислава совпало с гастролями в России французской трагической актрисы Элизы Рашель (1821—1858). В то же время Достоевский откликается и на вторую часть поэмы Н. А. Некрасова «Балет» (1866): поэт, видя на императорской сцене балерину, танцующую в угоду дворянской публике трепака, восклицает:

Ты мила, ты воздушно легка,
Так танцуй же ты «Деву Дуная»,
Но в покое оставь мужика!

В этом отношении любопытны слова В. А. Зайцева из статьи «Белинский и Добролюбов» (1864). Говоря о писателях, обратившихся к народной теме из дани моде, он восклицал: «Что, в самом деле, за платоническая любовь к народу? Чем похож мужик на неземную деву, роль которой он теперь занял?» (см.: *Зайцев,* т. 1, стр. 195).

Стр. 32. ... *с bouquet de l'impératrice* — «Букет императрицы» — французские духи, «принятые всем модным светом» и получившие медаль Парижской всемирной выставки в 1867 г. В Россию поставлялись фирмой Л. Леграна, «парфюмера дворов российского, французского и итальянского» (см., например: *Г,* 1869, 10 (22) июня, № 158).

Стр. 32. ... *заливались слезами, читая «Антона-Горемыку»...* — О повести Д. В. Григоровича «Антон Горемыка» (1847) Белинский писал: «Ни одна русская повесть не производила на меня такого страшного, гнетущего, мучительного, удушающего впечатления: читая ее, мне казалось, что я в конюшне, где благонамеренный помещик порет и истязует целую вотчину — законное наследие его благородных предков» (см.: *Белинский,* т. XII, стр. 445). Достоевский упоминает повесть Григоровича, своего близкого друга со времен Инженерного училища, с которым они вместе начинали литературное поприще, также в романе «Подросток» (наст. изд., т. XIII).

Стр. 32. ... *после слухов об Антоне Петрове* ∾ *послали команду.* — Внедрение «Положения о крестьянах» привело к крестьянским волнениям в ряде губерний России, жестоко подавленных войсками. Крестьянин с. Бездна, Спасского уезда, Казанской губ., Антон Петров принял на себя обязанность читать крестьянам «Положение», и, по официальным данным, слушать его толкование собралось до 5000 человек из разных деревень. Петров утверждал, что по «Положению» вся земля переходит к крестьянам, а следовательно, они не должны ходить на барщину, платить оброк и т. д. В Бездну были высланы войска. Многие из восставших крестьян были убиты, а Антон Петров расстрелян по приговору военного суда (см. об этом: Бездненское восстание 1861 г. Сб. документов. Казань, 1948). В журнале «Время» (1861, № 7) появилась статья И. Воскобойникова, в которой упоминалось «официальное известие» о волнениях в с. Бездна. Подробная информация о бездненском восстании и других крестьянских волнениях печаталась на страницах «Колокола» (см.: *Герцен,* т. XV, стр. 107—109). О многочисленных случаях подавления крестьянских волнений шеф жандармов Долгоруков докладывал Александру II: «Всего в 1861 г. ⟨...⟩ оказано было временнообязанными крестьянами неповиновение в 1176 имениях; воинские команды были введены в 337 имений» (отчет за 1861 г. 6 марта 1862 г. В кн.: «Крестьянское движение 1827—1869 годов», вып. 2. М., 1931, стр. 17).

Стр. 32. *Года через три, как известно, заговорили о национальности...* — В 1863 г. «Современник», подводя иронический итог таким разговорам, писал: «Нынче пошла мода на национальности. ⟨...⟩ Хвалю, хвалю сих людей, потому что, занимаясь вопросом о национальности, они тем самым предъявляют миру, что сердца их волнуются не какими-либо разрушительными интересами, какова, напр⟨имер⟩, так называемая свобода, но интересами возвышенными, политическими» (*С,* 1863, № 1—2, «Современное обозрение», стр. 193).

Стр. 32. ... *в немецкой какой-нибудь петершуле...* — Peterschule — училище св. Петра. Так называлось основанное в Петербурге в XVIII в. (Невский пр., д. 22/24) немецкое среднее учебное заведение.

Стр. 33. ... *московский славянофил.* — Об отношении Достоевского к московским славянофилам см. «Зимние заметки о летних впечатлениях» (наст. изд., т. V, стр. 52, 364) и статью «Последние литературные явления. Газета „День“» (наст. изд., т. XIX).

Стр. 33. ... *христианство не поняло женщину, — что так великолепно развила Жорж Занд в одном из своих гениальных романов.* — Речь идет о романе

«Лелия» (первая редакция — 1833, вторая — 1838). «Прометеем любви» назвал героиню этого романа автор предисловия к книге «Галерея женщин Жорж Занда» (М., 1843, стр. XI) П. Жакоб. В «Лелии» Ж. Санд уже не в первый раз обратилась к всегда волновавшей ее проблеме брака и свободы чувства. В более раннем ее романе «Валентина» (1832) герой восклицал: «Брак, общество, общественные институты, я ненавижу вас, ненавижу смертельно, а тебя, господь бог, тебя, творящая сила, бросающая нас на землю и тут же отступающаяся от нас, тебя, что отдает слабого в руки деспотизма, гнусности, — я проклинаю тебя!» (гл. XXII). Говоря о раннем периоде творчества Жорж Санд (включающем роман «Лелия» в первой редакции), А. А. Григорьев в статье «О правде и искренности в искусстве» определил его в 1856 г. как «бунт сердца против условий общественных во имя одной только горячности требований сердца». В деятельности же, «которой „Лукреция Флориани“ служит завершением», он видел «протест против всех форм общежития, развившихся на Западе, форм семейных, государственных, религиозных» (*РБ*, 1856, № 3, «Науки», стр. 45).

С т р. 33. ... *Белинский* ∾ *что тот верует «в какого-то бога».* — Имеется в виду знаменитое письмо Белинского к Гоголю от 15 июля н. ст. 1847 г. из Зальцбрунна, где критик восстал против поворота автора «Выбранных мест...» к реакции и гневно осудил русское самодержавно-помещичье государство и церковь. Слова о «каком-то боге» сказаны Белинским в ином контексте: «Суеверие проходит с успехами цивилизации; но религиозность часто уживается и с ними: живой пример Франция, где и теперь много искренних, фанатических католиков между людьми просвещенными и образованными и где многие, отложившись от христианства, всё еще упорно стоят за какого-то бога» (*Белинский,* т. X, стр. 215). О роли письма Белинского к Гоголю в судьбе Достоевского см.: Ю. Г. О к с м а н. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Саратов, 1959, стр. 203—238; *Бельчиков,* стр. 36—38, 194.

С т р. 34. *Белинский, точь-в-точь как Крылова Любопытный* ∾ *всё внимание свое устремил на французских социальных букашек...* — Имеется в виду персонаж басни И. А. Крылова «Любопытный» (1814). Под «французскими социальными букашками» Шатов подразумевает учеников Фурье, а также Э. Кабе, П. Леру и других представителей французского утопического социализма (подробнее см. выше, стр. 198). Об отношении Достоевского к Белинскому см. в кн.: В. Я. К и р п о т и н. Достоевский и Белинский. М., 1960.

С т р. 36. *В шестьдесят третьем году* ∾ *ему дали крестик...* — По-видимому, намек на участие Ставрогина в подавлении польского восстания 1863 г.

С т р. 39. ... *ухватил его за нос двумя пальцами и успел протянуть за собою по зале два-три шага.* — Эпизод, в котором Ставрогин «провел за нос» почтенного старшину клуба, близок к рассуждениям героя «Отрочества» (1854) Л. Н. Толстого о том, что под влиянием «временного отсутствия мысли — рассеянности почти» человек может «смотреть на какое-нибудь очень важное лицо, к которому всё общество чувствует подобострастное уважение, и думать: а что, ежели подойти к нему, взять его за нос и сказать: „А ну-ка, любезный, пойдем“?» (гл. XIV, «Затмение») (отмечено Г. А. Бялым).

С т р. 41. ... *поднял мадам Липутину* ∾ *упала в обморок.* См. также: с т р. 42—43 ... *протянул свое ухо* ∾ *и выпустил ухо.* — Ю. М. Лотман отметил текстуальное совпадение «дрянных и мальчишеских» дерзостей «принца Гарри» — Ставрогина с эпизодами «Моей исповеди» Н. М. Карамзина (в статье «Пути развития русской прозы 1800—1810-х годов». Труды по русской и славянской филологии. IV. Ученые записки Тартуского гос. университета, 1961, вып. 104, стр. 33—34). Герой «Моей исповеди» «наделал много шуму в своем путешествии — тем, что, прыгая в контрдансах с важными дамами немецких княжеских дворов, нарочно ронял их на землю самым неблагопристойным образом, а всего более тем, что с добрыми католиками, целуя туфель папы, укусил ему ногу и заставил бедного старика закричать изо всей силы» (Н. М. К а р а м з и н. Сочинения. СПб., 1848, т. III, стр. 507—508).

Стр. 42. ... *и читал «Голос»...* — См. примеч. к стр. 389.

Стр. 44—45. ... *том Консидерана* ∾ *скопил себе «домишко»* ... — Трехтомный труд Консидерана «Destinée sociale» («Общественное назначение», 1834—1844) сразу же после выхода в свет привлек к себе внимание русских социалистов 40-х годов и не только тем, что он представлял собою целостную систематизацию взглядов Фурье. «„Destinée sociale“ — писал Герцен, — несравненно энергичнее, полнее, шире по концепции и по исполнению всего вышедшего из школы Фурье. Разбор современности превосходен, становится страшно и стыдно. Раны общественные указаны, и источники их обличены с беспощадностью» (*Герцен,* т. II, стр. 359). Достоевский не случайно заостряет внимание читателя на противоречии между теоретическими убеждениями Липутина, увлеченного учениями Консидерана, Прудона, Фурье, и его «скопидомством». Консидеран и Прудон, по выражению самого Достоевского, стремились распространить, «между прочим, и глубокое омерзение к праву наследственной собственности» (*ДП,* 1873, гл. XVI, «Одна из современных фальшей»).

Стр. 46. *Vernex-Montreux* — курортная местность, расположенная в швейцарском кантоне Ваадт, у северо-восточного берега Женевского озера.

Стр. 47. ... *административный восторг* ... — Достоевский пользуется выражением, восходящим к описаниям щедринских градоначальников (см. об этом подробнее: *Борщевский,* стр. 226, 227).

Стр. 48. ... *пред самым началом великопостного богослужения* ∾ *et le livre de Job...* — Библейская Книга Иова (стихи из гл. 1, 2, 38, 42) читалась в русской церкви в Страстную седмицу (т. е. в последнюю неделю) Великого поста. Подробнее об отношении Достоевского к книге Иова, трагическая символика которой поразила его воображение еще в детские годы, см.: наст. изд., тт. XV, XVII.

Стр. 49. *О, вы Бисмарк!* — Называя этим именем Варвару Петровну, Степан Трофимович иронизирует над некоторыми чертами ее характера, имеющими сходство с чертами, присущими Бисмарку (склонность к резким и грубым методам в политике, предпочтение силы праву, способность легко разрушать придворные интриги и т. п.).

Стр. 51. ... *on trouve toujours plus de moines que de raison* ∾ *Это Паскаль сказал.* — Паскаль Блез (1623—1662), французский математик, физик, философ. Цитированные здесь слова его о том, что «монахов ⟨т. е. ханжество, изуверство⟩ всегда встречаешь чаще, чем здравый смысл» (у Паскаля они звучат так: «...parce qu'il leur est bien plus aisé de trouver des moines que des raisons»), взяты Достоевским из его книги «Письма к провинциалу» (1656—1657) — см.: Lettres écrites à un provincial par Blaise Pascal. Paris, 1869, p. 34.

Стр. 55. ... *от Женевского озера зубы болят: свойство такое.* — А. Г. Достоевская писала: «В зиму 1867—68 гг. у Федора Михайловича часто болели зубы⟨...⟩ и он уверял, что зубы болят от близости Женевского озера и что об этом свойстве Женевского озера он где-то читал» (см.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 61—62).

Стр. 61. ... *собираюсь теперь присесть за мои «Рассказы из испанской истории»* ... — Т. Н. Грановский был автором ряда сочинений по истории Испании. В 1847 г. в «Живописной энциклопедии» появились его статьи «Петр Рамус» и «Испанская инквизиция» (см.: *Станкевич,* стр. 154), а в 1854 г. он поместил в «Отечественных записках» (1854, июнь, стр. 37—54) обширную рецензию («Новые исследования о Сиде») на книгу голландского филолога Рейнгарта Дози (1820—1883) (Dozy. Recherches sur l'histoire politique et littéraire de l'Espagne pendant le moyen âge,t. I. Lejde, 1849). Значительную часть рецензии составляли изящные экскурсы в историю Испании, а также пересказ знаменитых поэтических и прозаических произведений того времени, и в частности романсов о Сиде.

Стр. 65. *Je suis un forçat, un Badinguet...* — Баденге — каменщик, в платье и под именем которого принц Людовик Наполеон Бонапарт — будущий император Наполеон III 25 мая 1846 г, бежал из Гамской крепости.

Впоследствии имя Баденге употреблялось противниками Наполеона III в качестве позорящей его комической клички.

Стр. 66. *Конфидент* (франц. confident) — доверенное лицо.

Стр. 70. *Он описывал гибель одного парохода ∾ я не вынес этого зрелища и от него отвернулся.* — В работах Ю. А. Никольского («Тургенев и Достоевский», София, 1921) и А. С. Долинина («Тургенев в „Бесах“», в *Сб. Достоевский, II*) указано на связь этого описания с очерком Тургенева «Казнь Тропмана» (1870). Несомненно, что еще более эти строки связаны с обстоятельствами гибели парохода «Николай I» в мае 1838 г., описанными Тургеневым в предсмертном рассказе «Пожар на море» (1883). Достоевскому могли быть известны широко распространенные в литературных кругах 1840-х годов слухи о поведении молодого Тургенева во время пожара на море. Достоевский мог знать об этом также из воспоминаний кн. П. В. Долгорукого (Mémoires du prince Pierre Dolgoroukow, t. I. Genève, 1867, p. 336) и фельетона А. С. Суворина (*СПбВед*, 1868, 7 июля, № 183) — см.: *Тургенев, Сочинения*, т. XIV, стр. 502—507.

Стр. 71. ... *прюнелевых ботиночках...* — От слова «прюнель» (франц. prunelle) — тонкая плотная хлопчатобумажная или шерстяная ткань, идущая на обувь, обивку мебели и пр.

Стр. 72. ... *моего Теньера...* — Теньер (Teniers) Давид, младший (1610—1690) — известный фламандский живописец, изобразитель бытовых сцен — пирушек, сельских праздников, свадеб. В первой половине XIX в. с именем Теньера в критике связывалось представление об изображении «простонародных», «низких» сторон жизни (см.: Вл. Данилов. Теньер в русской литературе. *РА*, 1915, № 2, стр. 164—168). Ю. А. Никольский высказал предположение, что соединение картины Теньера и портрета Гете в гостиной Степана Трофимовича не случайно: в статье о «Фаусте» Гете Тургенев сравнивает две сцены этого произведения с картинами Теньера и Остаде (см.: *Никольский*, стр. 67, примеч.; ср.: *Тургенев, Сочинения*, т. I, стр. 229).

Стр. 73. ... *«L' homme qui rit».* — «Человек, который смеется» — роман В. Гюго (1802—1885), написанный в 1869 г.

Стр. 76—77. *Я, который изучил мою бедную Россию как два мои пальца ∾ что он русского народа не знает...* — В этих словах содержится иронический отклик на следующие строки из «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя: «Вы понадеялись на то, что я знаю Россию, как пять моих пальцев; а я в ней ровно не знаю ничего» (см.: *Гоголь*, т. VIII, стр. 311).

Стр. 77. ... *статью о причинах участившихся случаев самоубийства в России.* — Тема эта в 1870-х годах серьезно занимала самого Достоевского. Пристальное внимание к ней отразилось в его записных тетрадях и в «Дневнике писателя», где писатель, анализируя различные случаи самоубийства, объяснял их общим неустройством русского общества после реформы и переживаемой им переходной эпохой (см., например: *ДП*, 1876, октябрь, гл. 1, § I—II). См. также ниже, примеч. к стр. 92 и стр. 358.

Стр. 77. ... *держатся новейшего принципа всеобщего разрушения для добрых окончательных целей.* — В изложенной Липутиным теории Кириллова «о всеобщем разрушении для добрых окончательных целей», возможно, отразились не только призывы «Катехизиса революционера», но и заключительные слова речи Ш.-В. Жаклара на конгрессе «Лиги мира и свободы» в Женеве в 1868 г. Жаклар заявил здесь, что только «на ⟨...⟩ развалинах и на ⟨...⟩ обломках» буржуазного общества и государства «мы в состоянии будем основать социальную республику» (*РВ*, 1868, № 10, стр. 498). Подробнее о речи Жаклара см. стр. 199.

Стр. 77. ... *больше чем сто миллионов голов требуют...* — Слова о «ста миллионах голов» могут восходить к следующим строкам из пятой части «Былого и дум» (гл. XXXVII), относящимся к немецкому мелкобуржуазному публицисту-республиканцу К. Гейнцену (1809—1880): «Он впоследствии писал, что достаточно *избить два миллиона* человек на земном шаре — и дело революции пойдет как по маслу» (см.: *Герцен*, т. X, стр. 60). Позднее Достоевский вернулся к этой мысли. В планах к роману «Подросток» появилась запись: «Фантастическая *поэма-роман:* будущее общество, коммуна, восстание

в Париже, победа, 200 миллионов голов ... (см.: наст. изд., т. XIV). См. также: наст. изд., т. IX, стр. 458.

Стр. 79. *А сестрица* ∾ *обольщена в своей чести...* — Отдельные черты облика Марьи Тимофеевны Лебядкиной могли быть навеяны очерком И. Г. Прыжова «Татьяна Степановна Босоножка». Так, в романе подчеркнуто, что исхудавшее лицо m-lle Лебядкиной в первой молодости «могло быть и недурным», что она и сейчас еще «белится и румянится и губы чем-то мажет» (наст. изд., т. X, стр. 114). У И. Г. Прыжова Татьяна Степановна — «молодая девица, лет двадцати, недурная собой, стройная ⟨...⟩ было у ней какое-то неудачное любовное дельце», после чего она «познакомилась с ханжами и принялась юродствовать», а «посещавшим ее предсказывала будущее». Завершается очерк словами: «Преобладающий запах в ее комнатах — запах белил, румян и тому подобных снадобий...» (см.: *Прыжов,* стр. 62—64).

Стр. 80. *Фраппировать* (франц. frapper) — поразить, ошеломить.

Стр. 87. *Няня Алена Фроловна...* — Няне Лизы дано имя реального лица: в семье родителей Достоевского долгие годы служила по найму московская мещанка Алена Фроловна, вырастившая их детей (см.: *Достоевский в воспоминаниях,* т. I, стр. 42).

Стр. 92. *Я чай люблю* ∾ *до рассвета.* — По словам А. Г. Достоевской, Кириллову здесь приписана черта Достоевского. «Федор Михайлович любил крепкий, почти как пиво, чай. ⟨...⟩ Но особенно любил чай ночью во время работы» (см.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 62).

Стр. 92. *Разве мало самоубийств?* — В этом вопросе хроникера Кириллову, задумавшему «статью о причинах участившихся случаев самоубийства в России» (см.: наст. изд., т. X, стр. 77), содержится отклик на реальное положение вещей. Так, корреспондент «Голоса» писал: «... В последнее время газеты сообщали почти ежедневно о разных случаях самоубийства. Какая-то дама бросилась недавно в воду с елагинской „стрелки“ в то время, когда муж ее пошел к экипажу за конфектами ⟨...⟩; в измайловском полку застрелился молодой офицер; застрелился еще какой-то мальчик, лет 16-ти или 17-ти; на Митрофаньевском кладбище найден, с порезанным горлом, кронштадтский мещанин, зарезавшийся от любви; в Москве девушка, соблазненная каким-то господином, утопилась от того, что другой господин назвал ее „содержанкою“» (*Г,* 1871, 23 мая (4 июня), № 141).

Стр. 94—95. .. *на моего брата очень похожи* ∾ *он семь лет умер; старший...* — Как отметила В. С. Нечаева, в словах Кириллова содержится автобиографическая подробность: действительно, М. М. Достоевский умер в 1864 г., т. е. семь лет назад по отношению к году написания «Бесов» (см.: *Нечаева, «Время»,* стр. 18).

Стр. 95. *Капитан Лебядкин, вершков десяти росту...* — Рост человека исчислялся в вершках сверх двух аршин (вершок — 4.45 см, аршин — 71.12 см).

Стр. 95. *Хоть в Севастополе не был и даже не безрукий...* Ср. также на стр. 106 *...что в Севастополе не лишился руки для славы...* — Намек Лебядкина на Севастопольскую оборону 1854—1855 гг. См. также ниже, стр. 330.

Стр. 103. *Литературное предприятие было такого рода* ∾ *всю характеристику русской жизни за весь год...* — Подобное «литературное предприятие» было задумано самим Достоевским в 1869 г. за границей. В письме к С. А. Ивановой от 25 января (6 февраля) 1869 г. он писал: «...работа почти только механическая, это одна *ежегодная* огромная и полезная и необходимая настольная для всех книга, листов в шестьдесят печатных, мелкой печати, которая должна разойтись непременно в большом числе экземпляров и появляться каждый год в январе месяце». Вспоминая об этом замысле мужа, А. Г. Достоевская отмечала, что он звал ее «в сотрудницы по классификации вырезок» (см.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 62). См. также заметку Достоевского «Желание» в «Гражданине» (1873, № 1). Подробнее см. об этом в статье Г. М. Фридлендера «Новые материалы из наследия художника и публициста» (*ЛН,* т. 83, стр. 109, а также: *Нечаева, «Время»,* стр. 73—74).

Стр. 106 *...клуб человеколюбия к крупным скотам в Петербурге* ∾ *сострадая по праву собаке и лошади...* — Имеется в виду «Российское общество покровительства животным», основанное в Петербурге в 1865 г. Ср. с записью

в записной тетради 1875—1876 гг.: «О придуманности и ненатуральности общества сострадания к животным (человеколюбивого) или общества сострадания к крупным скотам, 15 руб. с извозчика, умерщвлять собак хлороформом» (см.: наст. изд., т. XXI). Выступление Достоевского по поводу юбилея Общества см.: *ДП*, 1876, январь, гл. III. В этих словах Лебядкина несомненно отразились отдельные штрихи полемики, развернувшейся в 1847 г. на страницах петербургских газет и журналов в связи со статьями В. С. Порошина о баснях Крылова (*СПбВед*, 1847, 23—27 мая, № 113—116). «Отечественные записки» увидели в этом выступлении «энергический протест на безжалостное обращение наших земляков с животными. Лошадь, это доброе, умное и в высшей степени полезное создание, возбуждает 〈...〉 сострадание 〈...〉» (*ОЗ*, 1847, № 7—8, отд. VIII, стр. 71). Все это вызвало иронический отзыв «Современника», который указал на беспросветное положение трудового люда, и в частности на тяжкий быт петербургских извозчиков (*С*, 1848, № 2, отд. IV, «Современные заметки», стр. 151—155).

С т р. 110. *...от лакейства мысли...* — Ср. запись в подготовительных материалах к «Преступлению и наказанию»: «NЗ. Нигилизм — это лакейство мысли. Нигилист — это лакей мысли» (наст. изд., т. VII, стр. 202). См. также ниже, стр. 346.

С т р. 110—111. *Ненависть тоже тут есть ∾ И никаких невидимых миру слез из-под видимого смеха тут нету!* — Эти рассуждения Шатова направлены против М. Е. Салтыкова-Щедрина (см. об этом: *Борщевский*, стр. 162—163). О «невидимых миру слезах» Достоевский писал ранее: «...он 〈Гоголь〉 смеялся всю жизнь и над собой и над нами, и мы все смеялись за ним, до того смеялись, что наконец стали плакать от нашего смеха» (см.: Введение к «Ряду статей о русской литературе» — наст. изд., т. XVIII).

С т р. 111. *...«чтобы испробовать на себе жизнь американского рабочего ∾ в самом тяжелом его общественном положении».* — В словах Шатова воспроизведена с небольшими изменениями следующая фраза из путевых заметок П. И. Огородникова «От Нью-Йорка до Сан-Франциско и обратно в Россию»: «... испытать жизнь американского рабочего и, таким образом, личным опытом проверить состояние человека в самом тяжелом его общественном положении» («Заря», 1870, № XI, отд. II, стр. 21; отмечено А. С. Долининым: *Долинин*, стр. 159—160). Эта тема затронута и в романе «Преступление и наказание» (см.: наст. изд., т. VI, стр. 37, т. VII, стр. 367).

С т р. 112. *Мы всё хвалили: спиритизм, закон Линча...* — В этих словах содержится намек на страницы заметок Огородникова, посвященные описанию чикагских спиритов, и особенно на слова студента Я-ва о том, что «не все спириты принадлежат к 〈...〉 категории гнусных мошенников», что «достойнейшие из них краснеют за своих собратий, обративших это учение в источник своих грешных доходов или смотрящих на него пошло, узко, как только на нечто заманчивое своею мистичностью», что группа спиритов старается «внести в жизнь основы строжайшей честности, высшей нравственности и лучшего управления» («Заря», 1870, № XI, отд. II, стр. 29—30). О полемике Достоевского со спиритами см.: В. П 〈 р и б ы т к о 〉 в а. Воспоминания о Достоевском. «Ребус», 1885, № 25, стр. 230—231, № 26, стр. 240—241; Н. Л е р н е р. Таинственные узелки. Случай с Достоевским. В сб.: Красная панорама, 1928, октябрь, стр. 36—42; см. также три заметки Достоевского о спиритизме (*ДП*, 1876, январь, гл. III, § 2; март, гл. II, § 3; апрель, гл. II, § 3). В библиотеке Достоевского имелись книги: Опытные исследования о спиритуализме. Проф. Р. Гера. Пер. с англ. Лейпциг, 1866; Спиритуализм и наука. Опытные исследования над психической силой. Уильяма Крукса... Сост., перев. и изд. А. Аксаков. СПб., 1872 (см.: *Гроссман, Семинарий*, стр. 42). Закон Линча — кровавая расправа частных лиц без суда и следствия над заподозренными в преступлении, принятая в ряде штатов США. Слова о законе Линча, вероятно, навеяны следующей строкой из заметок Огородникова: «Закон Линча — это ужаснейший, но вместе с тем, кто знает Америку, для нее нелишний закон. Именно в некоторых, а особенно западных штатах, разбои сделались так часты и ужасны, что некоторые лучшие и энергические граждане, убедившись в бессилии закона, решились сами положить им пре-

дел и избавить население от паники. С этою целью они организовали из себя тайный комитет или суд. Суд этот собирался в тайных местах, в несколько минут клал заочное решение и приговор быстро исполнялся» («Заря», 1870, № XI, отд. II, стр. 10).

Стр. 112. *... полез в мой карман, вынул мою головную щетку* ∾ *это нам очень нравится...* — Ср. со следующими строками из названных выше путевых заметок Огородникова: «... приметив ⟨...⟩ головную щеточку, вынул ее, повертел в руках, снял шляпу и, небрежно причесав свои волосы, положил ее. ⟨...⟩ Искренность этой американской бесцеремонности мне понравилась» («Заря», 1870, № XI, отд. II, стр. 14).

Стр. 117—118. *Знаешь песню* ∾ *За тебя богу молитися.* — Песенный сюжет, включающий вошедший в роман отрывок, широко известен в фольклоре и связан с именем Евдокии Лопухиной (подробнее см. ниже, стр. 357—358).

Стр. 119. *Я пришел к тебе с приветом* ∾ *Пить ... не знаю, пить что буду.* — Лебядкинские «стихи» основаны на стихотворении А. А. Фета «Я пришел к тебе с приветом...» (1843).

Стр. 123. *В недавний голодный год...* — Ближайшими ко времени создания «Бесов» голодными годами были годы 1867 и 1868. В 1868 г., когда голод принял катастрофические размеры и власти решили организовать сбор пожертвований в пользу голодающих, в журналах и газетах появился ряд статей с призывом помочь «бедствующим братьям» (см., например: *ВЕ,* 1868, т. 1, стр. 850—855; *Г,* 1868, №№ 21, 22; *МВед,* 1868, от 1, 2, 6 марта; Весть, 1868 от 11 марта и др.).

Стр. 138. *...одна зеленая депозитка...* — В обиходе кредитные билеты назывались по цвету: зеленая — 3 рубля.

Стр. 139. *...ее дед, убитый на Кавказе, на глазах самого Ермолова...* — Ермолов А. П. (1772—1861), генерал, соратник А. В. Суворова и М. И. Кутузова, герой Отечественной войны 1812 г., полководец и дипломат. В 1817—1827 гг. был главнокомандующим русскими войсками на Кавказе.

Стр. 140. *Молчи, безнадежное сердце!* — Неточная строка (вместо: «Засни, безнадежное сердце!») из стихотворения Н. В. Кукольника «Сомнение» («Уймитесь волнения страсти...»), положенного на музыку М. И. Глинкой.

Стр. 141. *Я желал бы называться князем де Монбаром, а между тем я только Лебядкин, от лебедя...* — Возможно, что имя де Монбар (Montbars, или Monbars) названо Достоевским не случайно: оно принадлежало знаменитому морскому разбойнику, предводителю флибустьеров (род. 1645), сделавшемуся в конце жизни героем нескольких драм и романов (см., например: J.-B. Picquenard. Monbars l'Exterminateur ou le Dernier chef des flibustiers, anecdotes du nouveau monde. Paris, 1807).

Стр. 141. *...великим баснописцем Крыловым, которому министром просвещения воздвигнут памятник в Летнем саду, для игры в детском возрасте.* — Объявление о сборе средств на памятник Крылову появилось в 1845 г. в газетах и журналах (см., например «Маяк», 1845, т. XIX, «Смесь», стр. 73—77; «Москвитянин», 1845, № 1, «Смесь», стр. 16—20). Оно было подписано президентом Академии наук С. С. Уваровым, занимавшим в 1833—1849 гг. пост министра просвещения. Памятник работы П. К. Клодта был открыт в мае 1855 г. в Летнем саду на площадке для детских игр, что иногда вызывало недоумение современников. А. В. Никитенко записал по этому поводу: «Вот надпись к памятнику Крылова, что в Летнем саду, написанная ⟨П. В. Шумахером⟩ и напечатанная, кажется, в „Искре":

Лукавый дедушка с гранитной высоты
Глядит, как резвятся у ног его ребята,
И думает: милейшие зверята,
Какие, выросши, вы будете скоты»

(см.: *Никитенко,* т. III, стр. 111).

Стр. 141. *Жил на свете таракан...* — В гротескно-алогичной «басне» Лебядкина, написанной в духе Козьмы Пруткова, Достоевский пародирует «Фантастическую высказку» (1834) И. П. Мятлева, начинающуюся и заканчи-

вающуюся словами: «Таракан Как в стакан Попадет — Пропадет; На стекло, Тяжело, Не всползет» (см.: Полное собрание сочинений И. П. Мятлева, т. I. СПб., 1857, стр. 121—122; см. также замысел ⟨Картузов⟩, наст. изд., т. XI, стр. 38). Однако мотив, восходящий к шуточному стихотворению Мятлева, обретает в устах Лебядкина своеобразный «гражданский» оттенок («Место занял таракан, Мухи возроптали»). Это позволяет усматривать в басне, приписанной Достоевским Лебядкину, пародию на печатавшиеся в тогдашних газетах и журналах многочисленные стихотворения, в которых традиционные гражданские мотивы опошлялись и разменивались на мелкую ходячую монету.

Стр. 142. *...старая боевая гусарская бутылка, воспетая Денисом Давыдовым.* — Лебядкин обнаруживает знакомство с так называемой гусарской лирикой Д. В. Давыдова (1784—1839), героя-партизана Отечественной войны 1812 г. и военного писателя, по определению Достоевского, «поэта-литератора и честнейшего русского» (*ДП*, 1876, гл. II, июнь, «Несколько слов о Жорж Занде»). В библиотеке Достоевского было издание: Сочинения Давыдова Дениса Васильевича. Изд. А. Смирдина, СПб., 1848 (см.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 24).

Стр. 148—149. *...своим Фальстафом ∾ над которым все смеются...* а также стр. 208. *Пусть меня тогда называли вашим Фальстафом из Шекспира...* — Фальстаф — персонаж хроники «Король Генрих IV» и комедии «Виндзорские кумушки» В. Шекспира, гуляка и весельчак.

Стр. 149. *Содом был ужаснейший...* — По библейскому преданию во времена Авраама город Содом был истреблен богом за грехи его жителей (см.: Бытие, гл. 19, ст. 1—29). Здесь употреблено в значении: беспорядок, бесчинство.

Стр. 165. *...про декабриста Л-на ∾ страшнее медведя.* — М. С. Лунин (1787—1845), декабрист. Источником этой характеристики Лунина послужили строки из «Отповеди» декабриста П. Н. Свистунова (*РА*, 1871, № 2, стр. 346—347). Современный исследователь пишет о Лунине: «Приятели, не сговариваясь, утверждали, будто в опасностях разного рода Лунин находил такое наслаждение, что полагал безопасность более для себя гибельной» (Н. Эйдельман. Лунин. Изд. «Молодая гвардия», М., 1970, стр. 29). См. также выше, стр. 228.

Стр. 165. *В злобе, разумеется, выходил прогресс против Л-на, даже против Лермонтова.* — Известность Лунина как задиры и дуэлянта была велика. И. Сже вспоминал о нем: «В спорах он побивал противника, нанося раны, которые никогда не заживали; логика его доводов была так же неотразима, как и колкость шуток» (цит. по: Н. Эйдельман. Лунин, стр. 36, а также стр. 293, 295). Упоминание в таком контексте имени Лермонтова, вероятно, основано на целом ряде свидетельств современников. «Изощрять свой ум в насмешках и остротах постоянно над намеченной им в обществе жертвой составляло одну из резких особенностей его характера», — вспоминает кн. А. В. Мещерский. «Ядовитость во взгляде Лермонтова была поразительна. Сколько презрения, насмешки и вместе с тем сожаления изображалось ⟨...⟩ на его строгом лице»,— пишет однокурсник Лермонтова по Московскому университету П. Ф. Вистенгоф. О его «рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей» свидетельствует В. Г. Белинский. «Все приятели Лермонтова, — размышляет об исходе дуэли Н. М. Смирнов, — ожидали сего печального конца, ибо знали его страсть насмехаться и его готовность отвечать за свои насмешки» (цит. по: М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений, т. 5. Под ред. и с примеч. проф. Д. И. Абрамовича. СПб., 1913, стр. IX, XXVII, XC, CXXVI). В «Дневнике А. С. Суворина» (М. — Пгр., 1923) читаем: «Васильчиков о Лермонтове: „Если б его не убил Мартынов, то убил бы кто другой; ему все равно не сносить бы головы“» (стр. 206). Ср. ряд резких замечаний Достоевского о Лермонтове в записных тетрадях 1875—1876 гг. (наст. изд., т. XXI).

Стр. 167. *...таинственно, как в корсиканской вендетте.* — Корсиканский обычай кровной мести (вендетта) предусматривал предупреждение противника («берегись»), но допускал и тайное убийство.

С т р. 168. *...говорили иные ∾ что он даже, может быть, служит и чуть ли не снабжен от кого-то какими-то поручениями.* — В ироническом описании разноголосых толков губернского общества о Ставрогине Достоевский как бы повторяет ситуацию гоголевских «Мертвых душ» (толки о Чичикове и о скупленных им мертвых душах), но придает ей совершенно иной психологический поворот.

С т р. 168. *...служит он не то чтоб официально, а, так сказать, конфиденциально...* — т. е. является агентом тайной полиции.

С т р. 171. *У него Базаров это какое-то фиктивное лицо ∾ они же первые и отвергли его тогда...* — В словах Степана Трофимовича отразилось отношение к Базарову круга «Современника». Об оценке современной Тургеневу критикой романа «Отцы и дети» (1862) см. комментарий А. И. Батюто (*Тургенев, Сочинения,* т. VIII, стр. 589—611). Об отношении Достоевского к этому роману и его интерпретации образа Базарова см.: Г. М. Ф р и д л е н д е р. К спорам об «Отцах и детях». *РЛ,* 1959, № 2, стр. 136—138; К. И. Т ю н ь к и н. Базаров глазами Достоевского. *Достоевский и его время,* стр. 108—119. См. также стр. 174—178, 354.

С т р. 172. *...рубить головы всего легче, а иметь идею всего труднее!* — Слова Степана Трофимовича восходят к следующим строкам из восьмой части «Былого и дум» Герцена: «...духа хватило на рубку голов, а на рубку идей недостало...» (эта часть была напечатана в «Полярной звезде» на 1869 г., кн. 8, стр. 78; см.: *Герцен,* т. XI, стр. 496).

С т р. 172. *Эти телеги, или как там: «стук телег, подвозящих хлеб человечеству», полезнее Сикстинской мадонны...* — Словами Степана Трофимовича Достоевский откликается на спор между Герценом и В. С. Печериным, нашедший отражение в их переписке 1853 г. (см. выше, стр. 187). Ср.: наст. изд., т. IX, стр. 393.

С т р. 172. *...бонмо...* (франц. bon mot) — острое, красное словцо.

С т р. 180. *Кипсек* (англ. keepsake) — роскошное иллюстрированное издание.

С т р. 180. *...здесь скопцы есть в уезде, любопытный народ...* Скопческая секта, по словам историка А. П. Щапова, «одна из самых мрачных», «дикая, противоестественная восточно-евнушеская секта», была образована крестьянином Орловской губ. Кондратием Селивановым, выдававшим себя за Петра III и за Христа, во второй половине XVIII в. из так называемой «секты людей божиих» (хлыстов). Преобразования Селиванова сводились главным образом к искоренению «свального греха», совершавшегося почти во всех «кораблях» во время радений, и к распространению евнушества, скопчества. Щапов отмечал также, что скопчество было «особенно распространено в пределах речной системы Волги ⟨т. е. в месте действия романа, Твери⟩ и Оки» (см.: А. П. Щ а п о в. Умственные направления русского раскола. «Дело», 1867, № 10, стр. 319—348; № 11, стр. 138—168; № 12, стр. 170—200). Работы Щапова Достоевский знал и писал, что они «положительно хороши» (см. заметку «О новых литературных органах и о новых теориях» — наст. изд., т. XIX). Принадлежность к секте каралась законом: виновные лишались всех прав состояния (подробнее о скопцах см.: Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. Вып. 3, «О скопцах». Лондон. 1862). Скопцы упоминаются в романах «Преступление и наказание», «Идиот», «Подросток». Ср. также ниже, примеч. к стр. 325—326.

С т р. 180. *«Если бога нет, то какой же я после того капитан?»* — Возможно, что в словах «седого бурбона капитана» содержится иронический отклик не только на известные слова Вольтера («Если бы бога не существовало, его следовало бы выдумать») из «Послания к автору новой книги о трех лжецах» (1769 г.), но и на следующую мысль Марка Аврелия: «Если боги существуют, то выбыть из числа людей вовсе нестрашно: ведь боги не ввергнут тебя во зло. Если же богов не существует или им нет дела до людей, то что за смысл мне жить в мире, где нет богов или нет промысла? Но боги существуют...» (см.: М а р к А в р е л и й. Наедине с собой. Размышления. Изд. Сабашниковых, М., 1914, стр. 20).

Стр. 180. *...об Internationale...* — см. ниже, примеч. к стр. 354.

Стр. 180. Берейтор (нем. Bereiter) — наездник.

Стр. 181. *...от Шармера, по вашей рекомендации...* — Е. Ф. Шармер — «известный в то время портной в Петербурге, у которого Федор Михайлович заказывал свое платье», — пишет А. Г. Достоевская (см.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 56). Имя его упоминается также в «Преступлении и наказании» (см.: наст. изд., т. VII, стр. 102) и в черновых материалах к «Подростку» (см.: наст. изд., т. XIV).

Стр. 186. *...в бешенстве можно ∾ Пушкин Геккерну написал.* — Преддуэльное письмо Пушкина к барону Л. Геккерну от 26 января 1837 г. было опубликовано по автокопии в VI кн. «Полярной звезды» на 1861 г. и через 2 года воспроизведено в России в брошюре А. Н. Аммосова «Последние дни жизни и кончина А. С. Пушкина» (СПб., 1863). В письме поэт намеренно оскорблял и барона, и его приемного сына Дантеса (см.: *Пушкин*, т. XVI, стр. 221—222).

Стр. 188. *В Апокалипсисе ангел клянется, что времени больше не будет.* — Ср.: «И клялся Живущим во веки веков, Который сотворил небо и всё, что на нем, землю и всё, что на ней, и море и всё, что в нем, что времени уже не будет» (см.: Откровение св. Иоанна, гл. 10, ст. 6). К этому же апокалипсическому видению обращался Достоевский и в романе «Идиот» (см.: наст. изд., т. VIII стр. 189, 318).

Стр. 189. *Он придет, и имя ему человекобог.* — О философских истоках данных рассуждений Кириллова см. выше, стр. 221—223.

Стр. 197. *...вы веровали, что римский католицизм уже не есть христианство ∾ отвергла смрадного бога римского, а нового не сыскала.* — См. ниже, стр. 344.

Стр. 198. *...если бы математически доказали вам, что истина вне Христа ∾ нежели с истиной?* — В этих словах Шатова в несколько измененном виде повторена мысль Достоевского о своем символе веры, выраженная им в письме к Н. Д. Фонвизиной: «Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и *действительно* было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться с Христом, нежели с истиной» (письмо от 20-х чисел февраля 1854 г.). Ср. также: наст. изд., т. XIV.

Стр. 198. *Дух жизни, как говорит Писание, «реки воды живой», иссякновением которых так угрожает Апокалипсис.* — Ср.: «Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде „Полынь"; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» (гл. 8, ст. 10, 11); «Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод: и сделалась кровь» (гл. 16, ст. 4).

Стр. 199. *Рим обоготворил народ в государстве ∾ атеизм все-таки здоровее римского католичества.* — См. стр. 234, 344, 360.

Стр. 201. *Правда ли, что маркиз де Сад мог бы у вас поучиться?* — Сад Донасьен Альфонс Франсуа, маркиз де (1740—1814), французский писатель, автор эротических романов, из которых уже первый доставил ему известность — «Justine, ou les Malheurs de la Vertu» (1797). (Подробнее о нем и его творчестве см.: Вик. Ерофеев. Метаморфоза одной литературной репутации. Маркиз де Сад, садизм и XX век. «Вопросы литературы», 1973, № 6, стр. 135—168). В вопросах Шатова Ставрогину содержатся намеки на биографию де Сада, привлеченного к суду и приговоренного сначала к тюремному заключению за насилие над женщиной, а позднее к смертной казни «за содомию и отравление» (смертный приговор был отменен). Отмечалось некоторое влияние де Сада-писателя на творчество Достоевского (см., например, в статье: П. М. Бицилли. К вопросу о внутренней форме романа Достоевского. Приложение III: Де Сад, Лакло и Достоевский. В сб.: Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет, т. XLII, 1945—1946, стр. 59—63); ср. упоминания о де Саде в романах «Униженные и оскорблен-

ные», «Записки из Мертвого дома», «Братья Карамазовы», в статье «Ответ „Русскому вестнику“», а также в записной тетради 1864—1865 гг. Маркизом де Садом называет Достоевского (посмертно) лично задетый им Тургенев в письме к М. Е. Салтыкову-Щедрину от 24 сентября / 6 октября 1882 г. (см.: *Тургенев, Письма,* т. XIII_2, стр. 49). Подробнее об этом см.: А. Батюто. Тургенев-романист. Л., Изд. «Наука», 1972, стр. 181—185.

Стр. 203. *Кунштик* (нем. Kunststück) — фокус.

Стр. 203. *Тихон, бывший архиерей* ∾ *в нашем Ефимьевском Богородском монастыре.* — Наименование монастыря в романе условно. В Твери в числе одиннадцати монастырей был и близкий по названию Спасо-Евфимиевский. Здесь же, тоже в «черте города», находился мужской Отрочь монастырь. В России было три Богородицких монастыря. В одном из них, Богородицком мужском монастыре в г. Задонске Воронежской губ., на левом берегу Дона, с 1769 г. поселился по нездоровью бывший архимандрит Тверского Отроча монастыря, впоследствии воронежский епископ Тихон (ум. в 1783 г.), получивший известность под именем Тихона Задонского (см. о нем: наст. изд., т. IX, стр. 511—513).

Стр. 204. *Переменил участь. Сдал книги и колокола и церковные дела.* — Эта фраза Федьки Каторжного составлена из двух записей Сибирской тетради Достоевского (см.: наст. изд., т. IV, №№ 38, 53, 157).

Стр. 204. *...так я, по нем поминки справляя, два десятка камней собакам раскидал...* — Ср. запись в Сибирской тетради (наст. изд., т. IV, № 10).

Стр. 205. *... либо сена клок, либо вилы в бок*; *... натрескался пирога, как Мартын мыла* ∾ *в брюхе карасей развел...* — Достоевский использует выражения, записанные им в Сибирской тетради (см.: наст. изд., т. IV, №№ 268, 254, 454).

Стр. 205. *... астролом* и *все божии планиды узнал...* — Ср. запись в Сибирской тетради (наст. изд., т. IV, № 261).

Стр. 205. *Лучше, думаю, я уж сапогу поклонюсь, а не лаптю...* — Ср. запись в Сибирской тетради (наст. изд., т. IV, № 278).

Стр. 207. *... живу Зосимой.* — Вряд ли в этих словах имеется в виду реальное лицо; скорее всего Зосима здесь — синоним отшельника (см. раздел «Прообразы старца Зосимы» в статье М. С. Альтмана «Из арсенала имен и прототипов литературных героев Достоевского» в сб.: *Достоевский и его время,* стр. 213—216).

Стр. 207. *Ночью дую без ночлега, Днем же, высунув язык, — по гениальному выражению поэта!* — Лебядкин цитирует строки из стихотворения П. А. Вяземского «Памяти живописца Орловского» (1838), заменив в первой строке форму «дуешь» на «дую».

Стр. 209. *...как Гоголь «Последнюю повесть», помните, еще он возвещал России, что она «выпелась» из груди его.* — В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь писал о своей будущей книге, «Прощальной повести»: «Клянусь: я не сочинял и не выдумывал ее, она выпелась сама собою из души...» (см.: *Гоголь,* т. VIII, стр. 221). Об отношении Достоевского к «Выбранным местам» см.: *ДП*, 1876, апрель, гл. I, § 2, а также письмо к И. С. Аксакову от 4 ноября 1880 г.

Стр. 210. *...морген фри, нос утри...* — Ср. запись в Сибирской тетради (наст. изд., т. IV, № 434).

Стр. 213. *...я раб, я червь, но не бог, тем только и отличаюсь от Державина.* — Неточная цитата из оды Г. Р. Державина «Бог» (1784). У Державина: «Я царь, — я раб, я червь, — я бог!..».

Стр. 214. *...с воскресного-то афронта...* — Афронт (франц. affront) — неожиданная неприятность, оскорбление.

Стр. 217. *...читали вы про Гришку Отрепьева, что на семи соборах был проклят?* — В январе 1605 г. патриарх Иов повелел читать во всех церквах грамоту о самозванце, заканчивавшуюся словами: «...расстригу Гришку ⟨...⟩ соборно и всенародно прокляли и вперед проклинать велели, да будут они все ⟨т. е. самозванец и все «государевы изменники»⟩ прокляты в сем веке и в будущем» (см.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. VIII. Изд. 3-е. СПб., [б. г.], стр. 759). Ср.: Сибирская тетрадь,

запись № 22 (наст. изд., т. IV, стр. 235). Мотив самозванства впервые прозвучал у Достоевского в журнальной редакции «Двойника» (см.: наст. изд., т. I, стр. 395). См. также ниже, стр. 307.

Стр. 220. *Да как завел меня туда господь* ∾ *задаром пошел...* — В рассказе Федьки Каторжного об ограблении церкви, по-видимому, воспроизведен случай, слышанный Достоевским на каторге. В Сибирской тетради под № 76 есть запись о подобном ограблении, почти дословно вошедшая в текст романа (см.: наст. изд., т. IV, стр. 238).

Стр. 220. *подбородник* ∾ *симилёровый...* — Симилёровый (от франц. simile l'or) — из сплава меди с цинком, похожего на золото.

Стр. 222. *...в Брыкове, то есть в подгородной маленькой рощице...* — Брыково — название березового леска за рощей в усадьбе родителей Достоевского. А. М. Достоевский отметил: «Название это не раз встречается в произведениях брата, Федора Михайловича. Так, например, в „Бесах" местность поединка Ставрогина и Гаганова названа именем „Брыково"» (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 55).

Стр. 224. *...русского боярина времен Московского царства царь мог наказывать телесно...* — Первоначально (т. е. со времени татарского ига) телесные наказания в России распространялись на все классы населения: на торгу били бояр и духовных лиц. В половине XVII столетия система телесных наказаний была определена уложением царя Алексея Михайловича. До половины XVIII в. встречаются примеры наказания кнутом знатных лиц. Лишь при Екатерине II от телесных наказаний были освобождены дворяне, именитые граждане и купцы 1 и 2 гильдий, а при Александре I — духовенство (подробнее см.: А. Г. Тимофеев. История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1904). Ср. также примеч. к стр. 332—333.

Стр. 225—227. *Гаганов тотчас же поднял пистолет и на пятом или шестом шаге выстрелил* ∾ *выстрелил в сторону, в рощу.* — В сцене дуэли Ставрогина с Гагановым получили отражение подробности поединка декабриста М. С. Лунина с А. Ф. Орловым, описанного в «Отповеди П. Н. Свистунова». Мемуарист писал: «А. Ф. Орлов дал промах. М⟨ихаил⟩ С⟨ергеевич⟩ выстрелил на воздух, предлагая А⟨лександру⟩ Ф⟨едоровичу⟩ попытаться другой раз, поощряя и обнадеживая его, указывая при том прицеливаться то выше, то ниже. Вторая пуля прострелила М⟨ихаилу⟩ С⟨ергеевичу⟩ шляпу; он опять выстрелил на воздух, продолжая шутить и ручаясь за полный успех при третьем выстреле. Тут Михаил Федорович, секундант своего брата, уговорил его прекратить неравный бой с человеком безоружным, чтобы не запятнать совести убийством» (*РА*, 1871, № 2, стр. 347).

Стр. 233—234. *...в новый суд его не потащил-с* ∾ *и убей свою мать. Мигом во всем оправдают...* Ср. также в *ЧА* (см. выше, стр. 19): «*...один из тех, которых у нас теперь в судах сплошь оправдают...*». — В этих словах одного из клубных «старичков» отражено отношение дворянского общества к новому суду. По судебной реформе 1864 г. старые сословные суды были заменены новыми, общими для всех сословий. В отличие от дореформенного в новом суде дела слушались при открытых дверях, с участием присяжных и адвоката, а судебные материалы печатались в газетах. Частые оправдательные приговоры по преступлениям совершенно «явным, доказанным» вызывали недоумение и у Достоевского, в общем положительно относившегося к деятельности присяжных. В данном случае он откликается на конкретный судебный процесс «по делу о купце Глебове и жене его, обвиняемых в убийстве Настасьи Глебовой, матери Глебова». Следствие установило, что убийство было совершено Глебовыми «по взаимному между собою соглашению ⟨...⟩ т. е. совершили преступление, предусмотренное в I, 449-й, I, 454-й статьях уложения о наказаниях». Об этом извещалось в № 283 «Голоса» от 13 (25) октября 1870 г. Через несколько дней в той же газете печаталось продолжение процесса. Прокурор признал виновность Глебовых доказанной и просил присяжных вынести обвинительный приговор. Защитники же обоих подсудимых просили присяжных оправдать их, и Глебова была оправдана (*Г*, 1870, 15 (27) октября, № 285). Ср. также сообщение о сыне, который «в видах завладения скромным достоянием матери, убивает ее при пособии молодого солдатика» (*Г*, 1870,

8 (20) ноября, № 309). Позднее, в «Дневнике писателя» за 1873 г. (гл. III, «Среда») Достоевский писал: «...читаешь, — там оправдали жену, убившую мужа. Преступление явное, доказанное; она сознается сама. Нет, не виновна». Подробнее об отношении Достоевского к судебной реформе 1864 г. см. в комментариях к романам «Преступление и наказание» и «Идиот» (наст. изд., т. VII, стр. 387—388, т. IX, стр. 429).

С т р. 235. — *О дрезденской Мадонне? Это о Сикстинской?* — «Федор Михайлович выше всего в живописи ставил произведения Рафаэля и высшим его произведением признавал Сикстинскую мадонну» (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания,* стр. 150).

С т р. 236. *Жребий русской женщины ужасен* ∾ *Из этого делают теперь университетский вопрос...* Вопрос о равноправии женщин возник в России в конце 50-х—начале 60-х годов, в обстановке подъема общественного и революционного движения. В 1860-е годы он активно обсуждался и в периодической печати (подробнее об этом см.: наст. изд., т. VII, стр. 371—372). Достоевский затрагивал вопрос о правах женщины в 1861 г., например во Введении к «Ряду статей о русской литературе» (разд. IV) и в статье «Ответ „Русскому вестнику“» (наст. изд., т. XVIII). «В эмансипации женщины Достоевский видел частный случай „реставрации“ поруганного и приниженного человека вообще и не страшился тогда, в начале своей новой петербургской деятельности, даже того, что у сенсимонистов и у Герцена именовалось „эмансипацией плоти“» (см.: *Кирпотин, Достоевский в шестидесятые годы,* стр. 98). О характере отношения Достоевского к женскому вопросу свидетельствуют слова из его письма к С. А. Ивановой от 1 (13) января 1868 г.: «Вопрос о женщине и особенно о русской женщине непременно в течение времени даже вашей жизни сделает несколько великих и прекрасных шагов». См. также стр. 359.

С т р. 238. *Это был роман «Что делать?».* — Об отношении Достоевского к Чернышевскому и к его роману см.: наст. изд., т. V, стр. 379, 388.

С т р. 239. *В милостыне есть нечто навсегда развращающее...* Ср. с т р. 264. *Милостыня развращает и подающего и берущего* ∾ *должна быть законом запрещена.* — Монолог Варвары Петровны о милостыне, который Степан Трофимович определил как «извержение чужих слов», представляет собою пародийное изложение книги И. Г. Прыжова «Нищие на святой Руси. Материалы для истории общественного и народного быта в России» (М., 1862). Здесь проводилась мысль, что различные социальные институты должны заниматься не копеечной благотворительностью, а уничтожением того общественного порядка, который порождает и поддерживает нищенство. Так, например, Прыжов писал, что милостыня «не уменьшает, а увеличивает сословие нищих и праздношатающихся» (стр. 116), что «копеечная милостыня гибельна как для нищих, так и для тех, кто ее подает», и что «редко человеческое достоинство унижается до такой степени 〈...〉 чтоб, выпрашивая подаяние, человек не чувствовал мучительной боли унижения 〈...〉. В то же самое время милостыня не меньше унижает и самого подающего ее...» (стр. 122—123). См. также стр. 78, 92, 94, 97, 106—107. Книга Прыжова рецензировалась во «Времени» (1862, № 12, «Современное обозрение», стр. 88—102). Тем самым «Время» откликнулось на полемику, в которой участвовали также «Современник», «День» и «Искра» и истоки которой восходили к 1840-м годам (подробнее см.: И. Я м п о л ь с к и й. Сатирическая журналистика 1860-х годов. ГИХЛ, М., 1964, стр. 117—118, а также: *С*, 1860, № 9—10, стр. 249—304; 1861, № 8, стр. 417—423).

С т р. 242. *...увертюру из «Фра-Диаволо».* — «Фра-Диаволо» — комическая опера (1830) французского композитора Д.-Ф. Обера (1782—1871).

С т р. 245. *Толерантно* (от франц. tolérant) — терпимо.

С т р. 245. *Абрютировать* (франц. abrutir) — забить, привести в скотское состояние.

С т р. 246. *В Англии виги и тории тоже взаимно друг другу необходимы.*— Виги и тори — основные политические партии Англии XVIII—XIX вв., либеральная и консервативная.

С т р. 246. *Пусть правительство основывает там хоть республику* ∾

пусть усилит губернаторскую власть, и мы, губернаторы, поглотим республику... — См. ниже, стр. 337, 358.

Стр. 247. *...необходимо одно: усиление губернаторской власти».* — Вопрос об усилении губернаторской власти волновал русское общество в 1860—1870-х годах. А. В. Никитенко записал в «Дневнике» 10 марта 1867 г.: «Валуев совершил три незабвенные, особенно значительные гадости: это знаменитый наказ об усилении губернаторской власти, его поведение с земством и деяния по делам печати» (см.: *Никитенко*, т. III, стр. 76; см. также стр. 55). 27 января 1870 г. Никитенко снова пишет: «Сильные толки и всеобщее неудовольствие по поводу проекта об усилении власти губернаторов. (Об этом статья в «Московских ведомостях» № 19). Сущность этого проекта заставляет опасаться, что в силу его вся Россия отдается под полицейский надзор. ⟨...⟩ Ничего чудовищнее, кажется, не было придумано в это бестолковое время...» (см.: там же, стр. 167).

Стр. 249. *Город наш третировали они как какой-нибудь город Глупов.* — Щедринское наименование города в «Бесах» не случайно: в «Искре» Тверь не раз именовалась Глуповым. См. об этом: М. С. Альтман. Этюды о романе Достоевского «Бесы». *Прометей,* т. 5, стр. 443.

Стр. 251. *...о книгоношах только что появились любопытные отзывы в столичных газетах.* Ср. также стр. 486. *...книгоноша; я читал неоднократно...* — В 1863 г. образовалось, а в 1869 получило официальные права на существование «Общество для распространения священного писания в России». О его деятельности и о так называемых «книгоношах» сообщалось в годовом отчете общества. Достоевский мог почерпнуть сведения для воссоздания облика Софьи Матвеевны из обширной статьи в «Голосе», где, в числе других, описывалась 35-летняя «книгоноша», натура «искренняя и горячая», которую, в частности, «в одном трактире оскорбили до слез» (ср. «странную, очень странную историю» с Софьей Матвеевной, которой подсунули в мешок с книгами «целую пачку соблазнительных мерзких фотографий из-за границы»). Статья заканчивалась таким «отзывом»: «...мы не можем не повторить еще раз, что такие безвестные подвиги, каковы подвиги „книгонош“ общества, заслуживают полнейшего сочувствия и самой широкой гласности» (*Г*, 1870, 7 (19) мая, № 125).

Стр. 251. *Штучка ∾ под смешным названием: «Франко-прусская война».* — По всей вероятности, источником импровизации Лямшина явилась следующая сцена из гл. IV «Былого и дум», опубликованная в «Полярной звезде» на 1869 г., кн. 8: «...в пятидесятых годах добрый, милый Таляндье, с досадой влюбленного в свою Францию, объяснял мне с музыкальной иллюстрацией ее падение. Когда, говорил он, мы были велики, в первые дни после Февральской революции, гремела одна Марсельеза — в кафе, на улицах, в процессиях — всё Марсельеза. Во всяком театре была своя Марсельеза, где с пушками, где с Рашелью. Когда пошло плоше и тише... монотонные звуки „Mourir pour la patrie“ заменили ее. Это еще ничего, мы падали глубже... „Un sous-lieutenant accablé de besogne... drin, drin, din, din, din...“ — эту дрянь пел весь город, столица мира, вся Франция. Это не конец: вслед за тем мы заиграли и запели „Partant pour la Syrie“ — вверху и „Qu'aime donc Margot... Margot” — внизу, т. е. бессмыслицу и непристойность. Дальше идти нельзя» (*Герцен,* т. XI, стр. 459; ср. с тем, что Герцен писал в «Колоколе» ранее: «Что за хаос! Смерть, казнь, самодержец, ничего сам не держащий, огромная клевета заговора, лопнувшая как мыльный пузырь... и звуки „Янки дудель“, перемешанные с комаринским мужиком») (1866, 1 октября, л. 228). По предположению М. С. Альтмана, импровизация Лямшина восходит к музыкальным шуткам пианиста Карла Леви. Вот одна из них (в передаче В. Соллогуба), созданная в доме ярого польского патриота: «...грянул „Еще Польша не сгинела“, но в то время, когда левой рукой он „валял“ куплеты „К отчизне“, — правой — на высоких нотах — он отчетливо наигрывал одну из любимейших и задушевных русских песен» (см.: *Достоевский и его время,* стр. 212—213). В 1870-х годах музыкальные пародии такого рода были широко распространены (см. главу «Источники „Франко-прусской войны“ Лямшина» в кн.: *Гозенпуд,* стр. 112—124).

Стр. 251. *...гаденькие звуки «Mein lieber Augustin».* — Название популяр-

ной немецкой песенки на мотив вальса. В импровизации Лямшина она выступает как символ воинствующего немецкого мещанства с его шовинизмом, соединенным с пошлой сентиментальностью (ср.: наст. изд., т. III, стр. 172, 436).

Стр. 254. *...Семен Яковлевич, наш блаженный и пророчествующий.* По словам А. Г. Достоевской, здесь «Федор Михайлович описывает посещение им известного московского юродивого Ивана Яковлевича Корейши» (см.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 62). Подробнее о нем см. выше, стр. 234—235.

Стр. 254. *...в наш Богородский монастырь...* — См. выше, примеч. к стр. 203.

Стр. 255. *...бутылку шато-д'икему...* — Шато-д'икем — сорт белого вина.

Стр. 256. *...когда-то он был чиновником и имеет чин.* — И. Г. Прыжов писал о И. Я. Корейше: «Иван Яковлевич, из смоленских священнических детей (брат его, Илья Яковлевич, был в военной службе, достиг степени капитана, вышел в отставку и был где-то смотрителем), учился в духовной академии, жил в Смоленске, занимаясь управлением чего-то, что-то наделал и ушел в лес, решившись юродствовать» (см.: *Прыжов*, стр. 33). Ср. стр. 234.

Стр. 259. *Что сей сон значит?* — Это выражение было чрезвычайно широко распространено в 1860-х годах. Так, например, озаглавил одно из своих произведений Вс. Крестовский (см.: И. Г. Ямпольский. Сатирические и юмористические журналы 1860-х годов. Л., Изд. ЛГУ, 1973, стр. 67). По наблюдению С. С. Борщевского, это «излюбленный щедринский оборот» (*Борщевский,* стр. 313). Выражение это было позже употреблено Достоевским в «Братьях Карамазовых».

Стр. 263. *...за какое чечевичное варево...* — В Библии (кн. «Бытие») рассказывается о том, как Исав продал первородство свое Иакову за хлеб и кушанье из чечевицы (гл. 25, ст. 33, 34).

Стр. 263. *Всё Капфиг да Капфиг.* — Капфиг (Capefigue; 1802—1872) Батист-Оноре-Ремонд — французский историк и литератор, автор компилятивных исторических сочинений. Упоминание о нем в разговоре Варвары Петровны со Степаном Трофимовичем не случайно. Достоевский мог знать о раннем интересе Грановского к этому автору из статьи В. В. Григорьева, в которой было отмечено, что по «поводу появления Капфиговой „Histoire philsophique des Juifs“ составлена была им статья „Судьбы еврейского народа“» (см.: *РБ*, 1856, № 3, «Смесь», стр. 39). Об этом писал также П. Н. Кудрявцев в статье «Детство и юность Т. Н. Грановского» (*РВ*, 1858, ноябрь, кн. 1, стр. 45).

Стр. 264. *Попробуйте нарисовать яблоко и положите тут же рядом настоящее яблоко...* — Сходное пародийное изложение тезиса диссертации Н. Г. Чернышевского («создания искусства ниже прекрасного в действительности») было уже ранее дано Достоевским в статье «Господин Щедрин, или раскол в нигилистах» (см.: наст. изд., т. XIX).

Стр. 266. *Alea jacta est!* — Жребий брошен! (*лат.*) — слова, которые, по преданию, произнес Юлий Цезарь, переходя со своими легионами через Рубикон.

Стр. 266. *Полон чистою любовью...* — Строки из стихотворения Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный» (1829). Достоевский дает свою интерпретацию этого стихотворения в романе «Идиот» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 205; т. IX, стр. 402—403).

Стр. 268. *...«над коей вспыхнул сей язык»...* — Достоевский цитирует стихотворение Пушкина «Герой» (1830), где сказано:

Но нам уж то чело священно,
Над коим вспыхнул сей язык.

В последующих словах (о том, что этот «язык» «не шиньон, который может накрыть каждую женскую голову») содержится перекличка с начальными строками пушкинского стихотворения:

Да, слава в прихотях вольна,
Как огненный язык, она

По избранным главам летает,
С одной сегодня исчезает
И на другой уже видна.

С т р. 269. *Выбросил ∾ изрубил топором...* — Ср. с подобной сценой в романе «Подросток» (см.: наст. изд., т. XIII).

С т р. 269. *...разложил на подставках, в виде трех налоев, сочинения Фохта, Молешотта и Бюхнера...* — Естественнонаучные сочинения К. Фохта, Я. Молешотта и Л. Бюхнера были для радикально настроенной молодежи 1860-х годов своеобразной «библией» материалистического мировоззрения: ср. иронический отзыв Достоевского об отношении молодежи к Л. Бюхнеру в его сатирическом «Отрывке из романа Щедродарова» — (см.: наст. изд., т. XIX).

С т р. 269. *...как тот «кадет», о котором упоминает с таким веселым юмором господин Герцен...* — См. выше, стр. 178.

С т р. 269. *...«шпигулинская история» ∾ которая с такими вариантами перешла и в столичные газеты.* — См. выше, стр. 217.

С т р. 272. *...топор наверху нарисован.* — См. также выше, стр. 203. В следственных показаниях И. Г. Прыжова по делу Нечаева отмечено: «Показываемая мне печать желтой меди, овальной формы, с надписью кругом: „Комитет Народной Расправы 19 февраля 1870", и изображающая топор, есть та самая, которую при мне прикладывали к бланкам...» (см.: *Прыжов*, стр. 390).

С т р. 272. *«Светлая личность!»* — Пародия на стихотворение Огарева «Студент». С посвящением «молодому другу Нечаеву» стихотворение «Студент» было отпечатано в Женеве в виде отдельной листовки (подробнее см. выше, стр. 203; см. также: Ю. Г. О к с м а н. Судьба одной пародии Достоевского. «Красный архив», 1923, т. III, стр. 301—303).

С т р. 273. *...и ката...* — Кат — заплечный мастер, палач.

С т р. 275. *...в прокламациях с топором...* — Речь идет о следующих строках из «Письма к редактору», помещенного в «Колоколе»: «Слышите ли, бедняки — нелепы ваши надежды на меня — говорит вам царь. На кого же надеяться теперь! На помещиков? Никак — они заодно с царем и царь явно держит их сторону. На себя только надейтесь, на крепость рук своих: заострите топоры, да за дело — отменяйте крепостное право, по словам царя, снизу! За дело, ребята, будет ждать да мыкать горе; давно уже ждете, а чего дождались?» («Колокол», 1 октября 1858 г., л. 25, стр. 205).

С т р. 275. *...мизер...* (лат. miser) — бедный, убогий. Здесь употреблено в значении: убожество.

С т р. 276. *...на седьмую версту...* — т. е. в сумасшедший дом. В Петербурге, в Удельной (на седьмой версте), находилась больница для умалишенных.

С т р. 276. *...отчего не вербуются к ним люди значительные, отчего всё студенты да недоросли двадцати двух лет?* — В статье «Политический процесс 1869—1871 гг.» адвокат К. К. Арсеньев отметил, что из более чем тридцати подсудимых только двое «достигли зрелого возраста. 〈...〉 Средний возраст остальных двадцати девяти — $23^1/_2$ года; несовершеннолетних между ними только три, но очень много молодых людей двадцати одного года и двадцати двух лет» (*ВЕ*, 1871, № 11, стр. 308).

С т р. 283. *Он был лишь доцентом, всего лишь доцентом...* — Намек на Т. Н. Грановского, которого Герцен в «Былом и думах» неоднократно называл «доцентом» (см., например: *Герцен*, т. IX, стр. 132, см. также: т. XXX, по указателю имен).

С т р. 285. *...он лобызаться-то лезет, а сам подставляет щеку...* — В письме к А. Н. Майкову от 16 (28) августа 1867 г. Достоевский писал о Тургеневе: «Не люблю тоже его аристократически-фарисейское объятие, с которым он лезет целоваться, но подставляет вам свою щеку».

С т р. 286. *...заготовляется всегда по нескольку списков...* — Иронический намек на Тургенева, долго и тщательно работавшего над каждым произведением.

С т р. 286. *...что-то читал... «По пути»... или «В путь»... или «На перепутье»...* — Ср. с пародийными названиями из наброска в записной тетради

1864—1865 гг.: «Нигилисты. Читали: „Откуда“, „Покуда“, „Накануне“, „Послезавтра“, „Зачем“, „Почему“» (см.: наст. изд., т. V, стр. 326).

Стр. 287. ...*рухнет Вавилон и падение его будет великое*... — Имеется в виду не конкретный Вавилон (т. е. столица Халдеи на Евфрате или Вавилон в Египте), а Вавилон апокалипсический, о котором говорится: «пал, пал Вавилон, город великий, потому что он яростным вином блуда своего напоил все народы» (Иеремия, гл. V, 51, 6; Апокалипсис, гл. V, 14, 8).

Стр. 288. ...*вся суть русской революционной идеи заключается в отрицании чести.* ∾ *Открытым «правом на бесчестье» его скорей всего увлечь можно.* — Обыгрывается фраза из первого «Издания Общества Народной расправы»: «Мы из народа, со шкурой, прохваченной зубами современного устройства, руководимые ненавистью ко всему ненародному, не имеющие понятия о нравственных обязанностях и чести по отношению к тому миру, который ненавидим и от которого ничего не ждем, кроме зла» (подробнее об этом см. в кн.: *Пирумова,* стр. 297—298). Позднее, в 1876 г., говоря о «либеральных отцах» современной ему молодежи, Достоевский отмечал, что «в большинстве это все-таки была лишь грубая масса мелких безбожников и крупных бесстыдников, в сущности тех же хапуг и „мелких тиранов“, но фанфаронов либерализма, в котором они ухитрились разглядеть лишь право на бесчестье» (*ДП*, 1876, март, гл. II, § IV, «Единичные явления»). Ср.: наст. изд., т. XV.

Стр. 289. ...*к Покрову всё кончится*... — Покров пресвятой богородицы праздновался 1 октября. По плану, принятому нечаевцами в октябре 1869 г., «все решения ⟨...⟩ представляются на утверждение членов организации, съезжающихся к этому времени из провинции в Петербург», после чего «должна начаться систематическая, захватывающая всю Русь революционная деятельность организации». Начало восстания было назначено на весну 1870 г. (см. в кн.: Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 358—359). См. также выше, стр. 209—210.

Стр. 298. — *«Угрюмые тупицы», как вы изволили раз выразиться.* — Смысл этого выражения был позднее раскрыт Достоевским в записях к «Подростку». «Нигилисты — это в сущности были мы, вечные искатели высшей идеи. Теперь же пошли или равнодушные тупицы или монахи. Первые — это „деловые“, которые очень, впрочем, нередко застреливаются, несмотря на всю свою деловитость. А монахи — это социалисты, верующие до сумасшествия, эти никогда не застреливаются...» (см.: наст. изд., т. XIV). Ср. с полемическими словами из записной тетради 1872—1875 гг.: «Пыпин не легкомысленный, г. Пыпин — тупица, угрюмый тупица». См. также: *ЛН*, т. 86, стр. 79.

Стр. 299. ...*кто этот «миленький» трудился*... — Намек на роман Чернышевского «Что делать?», в котором Вера Павловна постоянно обращается так к Лопухову.

Стр. 299. ...*сядем в ладью, веселки кленовые* ∾ *или как там у них*... См. также стр. 408—409. — По-видимому, слова из песни выбраны не случайно. В этой волжской разбойничьей (по современной научной терминологии «удалой») песне дальше поется о том, что «красной девице», «атамановой полюбовнице», «нехорош-то ⟨...⟩ сон привиделся»:

Атаману быть поиману,
Есаулу быть повешену,
Добрым молодцам голова рубить,
А мне, красной девице, в темнице быть!

(см.: А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. VI. СПб., 1900, № 404; ср. также №№ 405—409).

Стр. 300. *Se non è vero*... — начало крылатого выражения: Se non è vero, e ben trovato (итал.; пер.: Если это и не правда, то хорошо придумано).

Стр. 301—302. ...*девица Виргинская* ∾ *с каким-то свертком бумаг в руке*... См. также стр. 308. ...*Я хотела заявить собранию о страдании и протесте студентов*... — Прототипом «девицы Виргинской» послужила девятнадцатилетняя А. Дементьева-Ткачева, на средства которой нечаевцами была устроена подпольная типография. В этой типографии, по версии подсудимой, она напечатала сочиненную ею прокламацию «К обществу» с целью

вызвать сочувствие к бедственному положению студентов (подробнее о ней см.: Государственные преступления в России в XIX веке. Сборник из официальных изданий правительственных сообщений,т. I. Под ред. Б. Базилевского. (1825—1876). Stuttgart, 1903, стр. 307—315).

С т р. 304. *...один очень молодой артиллерист* ∾ *поминутно отмечал что-то в своей записной книжке.* — На собраниях печаевцев, по словам одного из корреспондентов, выделялся «полуграмотный юноша» Николаев, которого Нечаев «выдавал за ревизора заграничного революционного комитета. Он, сохраняя молчание, всё записывал» («Заря», 1871, № 6, «Из современной хроники», стр. 20).

С т р. 307. *...нас всех учили по катехизису* ∾ *Это в десяти заповедях.* — Десять заповедей изложены в Ветхом завете («Исход», гл. 20, ст. 1—17). Здесь говорится: «Почитай отца твоего и мать твою (чтобы тебе было хорошо и), чтобы продлились дни твои на земле...» (ст. 12). Ср. также: Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 21—43, и от Марка, гл. 10, ст. 19.

С т р. 311. *Платон, Руссо, Фурье, колонны из алюминия...* — Платон, Руссо и Фурье иронически упоминаются здесь Шигалевым в качестве создателей утопических систем организации будущего общества. К ним причислен и Чернышевский как автор «Что делать?»: в четвертом сне Веры Павловны хрустальные дворцы были украшены колоннами из алюминия. О том, что в этих словах Шигалева, возможно, в известной мере пародирована речь Бакунина на конгрессе «Лиги мира и свободы» в Женеве (1867), см. стр. 198.

С т р. 312. *Одна десятая доля* ∾ *девятью десятыми.* — Свой горячий протест против принесения жизни и интересов «девяти десятых» человечества в жертву выгодам «одной десятой» его Достоевский выразил в «Дневнике писателя» за 1876 г. «Я никогда не мог понять мысли, — писал он, — что лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке. Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верой, что все наши девяносто миллионов русских 〈...〉 будут все когда-нибудь образованы, очеловечены и счастливы» (гл. III, § 1, «Российское общество покровительства животным»). См. об этом также: наст. изд., т. XVII; *Фридлендер*, стр. 397—398. О разделении человечества на две неравные части публицист-демократ В. А. Зайцев в рецензии на полное собрание сочинений либерального английского историка и публициста лорда Т.-Б. Маколея (Macaulay; 1800—1859) писал: «Кто не знает, что пять миллионов сытых и свободных буржуа, вооруженных богатством, наукой, изобретениями, энергиею и независимостью, эксплоатируют двадцать пять миллионов голодных, невежественных, упавших духом бедняков...» (*РСл*, 1865, № 7, «Литературное обозрение», стр. 6).

С т р. 312—313. *...взял бы этих девять десятых человечества* ∾ *жить-поживать по-ученому.* — Словами Лямшина, «горячо» поддержанными Шигалевым, Достоевский, вероятно, откликается на пародированное изложение листовки «Начала революции», в которой предлагалось «истребить весь род человеческий 〈...〉 оставить только детей не старше года...» (см. выше, стр. 199).

С т р. 313. *...у Фурье, у Кабета особенно и даже у самого Прудона есть множество самых деспотических и самых фантастических предрешений вопроса.* — Об отношении молодого Достоевского к различным формам социальных утопий и их авторам см. стр. 200, а также стр. 211—212; в кн.: *Бельчиков*, по указателю имен, а также: наст. изд., т. V, стр. 371.

С т р. 314. *Начнешь пропагандировать, так еще, пожалуй, язык отрежут.* — См. наст. том, стр. 209.

С т р. 317. *Аффилиация* (франц. affiliation) — принятие в общество. Слово «аффилировать», употребленное хромым учителем, встречается в «Проекте обязательной подписки» Н. А. Спешнева и в «Катехизисе революционера» С. Г. Нечаева (см. выше, стр. 220).

С т р. 317. *Если бы каждый из нас* ∾ *ожидая событий?* — В беседе с А. С. Сувориным о политических преступлениях и о возможном взрыве в Зимнем дворце Достоевский в конце 1870-х годов задавался тем же вопросом:

«Как бы мы с вами поступили? — спрашивал он Суворина. — Пошли ли бы мы в Зимний дворец предупредить о взрыве или обратились ли к полиции, к городовому, чтоб он арестовал этих людей? Вы пошли бы? — Нет, не пошел бы... — И я бы не пошел» (см.: Дневник А. С. Суворина. М.-Пгр., 1923, стр. 15).

Стр. 320. *...Вы этой мазью ваши кучки слепить хотите.* — Один из членов кружка Нечаева и участник убийства Иванова А. К. Кузнецов писал значительно позднее, в 1926 г., что «для совершения террористического акта над Ивановым не было никаких серьезных оснований, что этот акт нужен был Нечаеву для того, чтобы крепче спаять нас кровью...» (см.: Энциклопедический словарь Граната, т. 40, вып. V—VI, приложение, стр. 228—230).

Стр. 322—323.*Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов.* ∾ *Всё к одному знаменателю, полное равенство.* — Достоевский пародирует ряд положений статьи Нечаева «Главные основы будущего общественного строя», где дается «примитивная схема казарменного коммунизма» (см. об этом: *Пирумова,* стр. 322—324).

Стр. 323. *...я думал отдать мир папе* ∾ *Да другого ему и выхода нет...* — См. ниже, стр. 360.

Стр. 324. *... свирепствовал тезис Littré, что преступление есть помешательство...* — Имя французского философа-позитивиста Э. Литтре (Littré; 1801 — 1881) названо в тексте романа ошибочно. Тезис «преступление есть помешательство», который в России пропагандировал В. А. Зайцев (в статье «Естествознание и юстиция» — *РСл*, 1863, № 7, стр. 98—127), развивал не Литтре, а бельгийский математик и статистик А. Кетле (Quetelet; 1796—1874). Зайцев писал, излагая взгляды Кетле: «... ни один естествоиспытатель не может добросовестно указать границы, где кончается здоровье и начинается сумасшествие, не может сказать, что этот человек — сумасшедший, а этот другой — преступник. А между тем призываемые в эксперты жрецы Эскулапа с важностью и наглостью невежества не задумываются никогда в определении этих границ: их не смущает, что от их шарлатанского показания зависит *быть или не быть* подсудимого. И, к стыду медицины и естествознания, не из среды этих наглых невежд выступили хорошие люди, впервые заявившие мысль, что преступление и умопомешательство — тождественны. ⟨...⟩ Но понятно, что, будучи не хорошо знакомы с явлениями, представляемыми умопомешательством, они выразили не вполне точно справедливую мысль, что *преступление есть, как и помешательство, явление, находящееся в полной зависимости от физических условий организма,* что указывает только на тождественность производящей причины, но не самого явления» (см.: *Зайцев,* стр. 81). Под влиянием Бюхнера, Фохта и Молешотта, а также Кетле Зайцев доказывал, что причиной многих преступлений являются такие факторы, как влияние среды, а также «ненормальности в человеческом организме, порожденные наследственностью, т. е. явления, совершенно не зависящие от человеческой воли» и, следовательно, общество «совершенно не должно применять какие бы то ни было насильственные или принудительные меры по отношению к уголовным преступлениям». Кроме того, основываясь на статистических данных, приведенных Кетле и свидетельствующих, что из 600 жителей Франции один обязательно совершит преступление, Зайцев приходил к заключению, что ни судить, ни наказывать преступника не следует, ибо «если преступление обязательно должно совершиться, то не всё ли равно, кто его совершит...» (см.: там же, стр. 76—78). Круг этих проблем неоднократно затрагивался и в газетах. В одном из своих «Листков» Н. Адмирари (Л. К. Панютин), полемизируя с Шелгуновым, писал о судебной медицине, которая «в деле преступлений допускает известные градации сумасшествия». «Иные ученые, — продолжал он, — идут еще далее, доказывая что *все* преступники, в минуту совершения преступления, находятся не в полном рассудке, а потому и не должны быть наказываемы. Близорукие филантропы, ухватясь за этот парадокс, стали проповедовать всеобщую невменяемость преступлений» (*Г*, 1870, 8 (20) ноября, № 309), (ср.: *Фридлендер,* стр. 151—157; ср. также: наст. изд., т. VII, стр. 339, 368).

Стр. 324. *...преступление не помешательство* ∾ *благородный протест.*— Эти слова предваряют полемику Достоевского с теорией фатальной обуслов-

ленности преступлений влиянием среды, развернутую им в «Дневнике писателя» за 1873 г. (гл. III, «Среда»).

С т р. 324. *...а на судах: «двести розог, или тащи ведро»* — В словах Петра Степановича выражено скептическое отношение к «новому» суду, сохранившему прежний административный произвол и взяточничество. «... наш волостной суд, — писал современник, — верх безобразия. ... за ведро вина откупаются от рекрутства... А взыскание недоимок! Секут и секут...» (из письма М. Н. Островского к П. В. Анненкову от 26 июня 1872 г. В кн.: Островский. Новые материалы. Письма. Труды и дни. Статьи. Л., ГИЗ, 1924, стр. 264.) (ср. с прокламацией «Свобода», выпущенной «Землей и волей» в 1863 г. — «Колокол», 1863, 1 июня, л. 164).

С т р. 325. *...а что те только «машут дубиной и бьют по своим».* — В словах этих можно видеть перекличку со следующим обращением к «мелкоплавающим» обличителям в статье Достоевского «Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов» (1863): «Вы били своих и не ведали, что творили, да и теперь не догадываетесь» (см.: наст. изд., т. XIX).

С т р. 325. *Мы пустим легенды ∾ вас, вас!* — О представлениях, по которым легенды, подобные скопческим, могут быть использованы «крамольниками» для смуты, говорил адвокат В. Д. Спасович в речи по делу скопцов Плотицыных (1869): «Если преследование не проистекает из религии, то не совершается ли оно из видов политических, потому что скопцы вредны в государственном отношении? ⟨...⟩ Я полагаю, что этот взгляд действительно господствовал у нас; под его влиянием сложились законы о скопцах, им пропитана книга, писанная Надеждиным; он говорит, что это люди богатые, образуют тесное братство, что они толкуют о пришествии Христа своего, который придет из страны Иркутския и ударит в колокол успенский; что этим верованием крамольники наши могут воспользоваться и произвести беспорядки» (см.: *Спасович,* стр. 95—96). Упомянутая здесь книга Н. И. Надеждина «Исследование о скопческой ереси» (СПб., 1845) была включена В. Кельсиевым в «Сборник правительственных сведений о раскольниках» — см. выше, примеч. к стр. 180.

С т р. 325. *Самозванца? ∾ ваш план.* — Для создания этого «плана» Петра Степановича Достоевский мог использовать сходную ситуацию из статьи Н. А. Середы «Позднейшие волнения в Оренбургском крае» (*ВЕ*, 1868, № 8), во второй части которой («Самозванец 1845 года») рассказывалось о появлении в одной из губерний самозванца, выдававшего себя за цесаревича Константина Павловича и обещавшего крестьянам защиту от притеснений дворян и чиновников. Автор отмечал, что солидарность самозванца с «желаниями народа чрезвычайно пришлась по душе легкомысленным мирянам» и что «толпы легковерного народа встречали его восторженно» (стр. 634).

С т р. 325—326. *Мы пустим легенду получше, чем у скопцов. Он есть, но никто не видал его ∾ И Ивана Филипповича бога Саваофа видели...* — Одна из скопческих легенд гласит, что «родоначальник их придет с востока, с иркутских гор в Россию, расположится в Москве, в мощной силе, на белом, духовно-рассуждающем коне, *в главе разных народов и племен скопцов,* и пойдет распространять скопчество даже на западе, по всем землям французским». А. П. Щапов, приведя эту и ряд других скопческих легенд, заключал: «Самая апотеоза пророков, идея самозванства их христами, богами саваофами проистекала из восточноазиатского чувственно-образного умонастроения темной массы народа...» (цит. по: Сочинения А. П. Щапова, т. I. СПб., 1906, стр. 629, 614). О различных скопческих легендах см. также: И. Д о б р о т в о р с к и й. Люди божии. Русская секта так называемых духовных христиан. Казань, 1869. О хлыстовском Саваофе Даниле Филипповиче и об Иване Тимофеевиче Суслове, объявившем себя Христом (в «Бесах», вероятно, контаминированы эти два имени), подробнее см. в комментарии к «Житию великого грешника» — наст. изд., т. IX, стр. 517, 521.

С т р. 326. *...Колумб без Америки...* — Эти слова заимствованы Достоевским из герценовской характеристики Бакунина в «Былом и думах» (глава «Н. И. Сазонов») — см.: *Борщевский,* стр. 232.

Стр. 330—331. *...придут, возьмут, и фью — исчез человек! ∾ к чему-нибудь и принадлежишь.* — По наблюдению С. С. Борщевского, глава «Степана Трофимовича описали» перекликается с анонимным фельетоном М. Е. Салтыкова-Щедрина «Наши бури и непогоды» (1870): при совершенно различном изображении каждым из авторов административных преследований политически «неблагонадежных» лиц переживания щедринского литератора и Степана Трофимовича, ожидающих обыска, во многом сходны (см.: *Борщевский,* стр. 227—228).

Стр. 331. *наш ∾ Кукольник...* — Н. В. Кукольник упомянут здесь как автор ложно-величавых ходульно-патриотических трагедий. Подробнее о нем см. выше, стр. 225.

Стр. 332—333. — *Высекут ∾ под вами вдруг раздвигается пол, вы опускаетесь до половины...* — О случаях сечения «провинившихся» дворян полицией неоднократно сообщалось в герценовском «Колоколе» (см., например, 1866, 15 января, л. 212). Ср. рассказ московского цензора и профессора Крылова, принятого графом Орловым: «...стою ни жив, ни мертв и думаю себе, что тут делать: не сесть нельзя, коли приглашает, а сядь у шефа жандармов, так, пожалуй, еще и высечен будешь. ⟨...⟩ Вот я потихоньку и осторожно сажусь себе на самый краешек кресла. Вся душа ушла в пятки. Вот-вот так и жду, что у меня под сиденьем подушка опустится и — известно что...» (цит. по: *Лемке, Николаевские жандармы*, стр. 155).

Стр. 335. *Но я рассчитывал без хозяина.* — Т. е. ошибся в своем предположении. Восходит к французскому выражению: compter sans son hôte (рассчитывать без своего хозяина).

Стр. 337. *...дано было знать куда-то о присылке артиллерии и казаков...* — Намек на участившиеся после реформы 1861 г. случаи подавления крестьянских волнений с помощью войск. Публицист «Искры» Н. А. Демерт писал: «В редкую поездку куда бы то ни было не встретишь, бывало, по дороге солдат, двигающихся *на усмирение*» (*ОЗ*, 1869, № 9, стр. 35). Подробнее см. примеч. к стр. 32.

Стр. 341. «*Всё к лучшему в этом лучшем из возможных миров*». — Слова учителя Кандида, философа Панглоса, выражающие основной девиз оптимистической философии Лейбница и Попа, осмеянной Вольтером в его философской повести «Кандид» (1759). Об отношении Достоевского к этой повести Вольтера см.: наст. изд., т. XVII.

Стр. 342. *Шапки долой! ∾ На колени! — взвизгнул он неожиданно...* — Пародия на сохраненные современниками подлинные слова Николая I перед толпой 22 июня 1831 г. в Петербурге на Сенной площади во время холерного бунта. О них сообщалось в «Колоколе» со слов очевидца, поместившего свои воспоминания в августовской книжке «Русского вестника» за 1865 г. «Колокол», перепечатывая полностью речь Николая I, снабдил ее таким примечанием: «Тут высказался весь Николай, неподдельно, наивно, натурально ⟨...⟩: „Что вы это делаете, дураки? С чего вы взяли, что вас отравляют? Это кара божия. На колени, глупцы! Молитесь богу! *Я вас*“!» (1865, 1 декабря, л. 209). См. также: Бывалый ⟨А. П. Башуцкий⟩. Первая холера в Петербурге (Воспоминания очевидца). *РВ*, 1866, № 7, стр. 235—236. В позднейшей передаче гр. А. Х. Бенкендорфа эпизод с Николаем I рисуется так: «Государь остановил свою коляску в середине скопища ⟨...⟩ окинул взглядом теснившихся около него и громовым голосом закричал: „На колени!“ Вся эта многотысячная толпа, сняв шапки, тотчас припала к земле» (*РС*, 1896, № 10, стр. 87—90). Достоевский мог иметь в виду и сходные обстоятельства появления Николая I 14 декабря 1825 г. перед восставшими войсками. Очевидец рассказывает: «После первых выстрелов с площади рабочие со стройки Исаакия начали бросать поленья, а толпа без шапок, окружавшая государя, стала накрывать головы. Николай крикнул: „Шапки долой!“ Толпа снова обнажила головы, но отшатнулась от государя» (см.: Маркиз де Кюстин. Николаевская Россия. Вступ. статья, ред. и примеч. С. Гессена и А. Предтеченского. М., 1930, стр. 112, 297).

Стр. 342. *Флибустьеры! — провопил он еще визгливее и нелепее...* — О правомерности ассоциации (с медицинской точки зрения) в сознании боль-

ного фон Лембке фамилии пристава Флибустьерова и понятия «флибустьеры» см.: *Чиж,* стр. 36. Ср. также рассказ о фантастическом сне чиновника в фельетоне «Петербургские сновидения в стихах и прозе»: «...И вот в нем образовалась мало-помалу неотразимая уверенность, что он-то и есть Гарибальди, флибустьер и нарушитель естественного порядка вещей» (см.: наст. изд., т. XVIII).

Стр. 346. *...некто быстро приблизился к кому-то и дал тому при всей публике звонкую пощечину.* ∾ *«Я ошибся... извините...* — Мотив лица, незаслуженно (или ошибочно) оскорбленного публичной пощечиной, впервые прозвучал у Достоевского в статье «Образцы чистосердечия» (1861), затем в «Плане рассказа (в „Зарю")» (1869), а после «Бесов» вновь появился в черновых материалах к «Подростку» (см.: наст. изд., т. IX, стр. 117, 118, и т. XV).

Стр. 347. *Гантированную* (от франц. gant) — в перчатке.

Стр. 348. *... в Москве, на обеде в честь Грановского...* — Биограф пишет об одном из таких обедов: «На празднике, данном в честь его, соединились люди противуположных мнений и направлений. ⟨...⟩ Грановский и его друзья обнялись и облобызались по-русски с славянофилами» (см.: *Станкевич,* стр. 141; см. также стр. 119).

Стр. 348. *... своим вицам...* — Виц (а) (нем. witz) — острота, шутка.

Стр. 349. *... выставил столько самых современных типов* ∾ *тип современного деятеля?* — В словах Юлии Михайловны, возможно, содержится намек на Тургенева. Ср. с позднейшей записью о нем А. С. Суворина: «Среди общества он явился учителем. Он создавал образы мужчин и женщин, которые оставались образцами. Он делал моду. Его романы — это модный журнал, в котором он был и сотрудником, и редактором, и издателем. Он придумывал покрой, он придумывал душу, и по этим образцам многие россияне одевались...» (см.: Дневник А. С. Суворина, М.—Пгр., 1923, стр. 89).

Стр. 349. *— Да, я, конечно* ∾ *все недостатки западников...* — В этих словах пародируется высказывание Тургенева в статье «По поводу „Отцов и детей"» («Литературные и житейские воспоминания»): «Я — коренной, неисправимый западник, и нисколько этого не скрывал и не скрываю; однако я, несмотря на это, с особенным удовольствием вывел в лице Паншина (в «Дворянском гнезде») все комические и пошлые стороны западничества; я заставил славянофила Лаврецкого „разбить его на всех пунктах". Почему я это сделал — я, считающий славянофильское учение ложным и бесплодным? Потому что в *данном случае — таким именно образом, по моим понятиям,* сложилась жизнь, а я прежде всего хотел быть искренним и правдивым» (см.: *Тургенев, Сочинения,* т. XIV, стр. 100).

Стр. 350. *Говорят, один из наших Шекспиров прямо так и брякнул в частном разговоре, что, «дескать, нам, великим людям...* — В этих словах также содержится намек на Тургенева, который в период расхождений с «Современником» опубликовал в «Северной пчеле» (1862, № 334 от 10 декабря) личное письмо к нему Некрасова, писавшего, что «в последнее время несколько ночей» Тургенев ему «снился во сне». На этот инцидент откликнулся М. Е. Салтыков-Щедрин в анонимной заметке «Литературная подпись» (*С*, 1863, № 1—2, стр. 140—142), приведя случай, когда «один литератор» печатно заявил, что он «так велик, что его даже во сне видит другой литератор» (ср. также: *И*, 1863, № 4, стр. 58). См. также выше, стр. 168.

Стр. 354. *В смутное время колебания или перехода всегда и везде появляются разные людишки* ∾ *выражая собою изо всех сил беспокойство и нетерпение.* — В этих словах можно усмотреть скрытую перекличку со следующим рассуждением А. И. Герцена в «Былом и думах» (ч. V, гл. XXXVI): «В смутные времена общественных пересозданий, бурь ⟨...⟩ нарождается новое поколение людей, которых можно назвать хористами революции; выращенное на подвижной и вулканической почве, воспитанное в тревоге и перерыве всяких дел, оно с ранних лет вживается в среду политического раздражения, любит драматическую сторону его, его торжественную и яркую постановку ⟨...⟩ для них все эти банкеты, демонстрации, протестации, сборы, тосты, знамена — главное в революции» (см.: *Герцен,* т. X, стр. 45). Термином «смутное время» Достоевский-публицист неоднократно пользовался для обозначения порефор-

менной эпохи (например: *ДП,* 1873, гл. VII, «Смятенный вид»; 1876, октябрь, гл. I, § 2, «Несколько заметок о простоте и упрощенности»).

С т р. 354. ... *управляла Интерналионалка...* Ср. также: с т р. 355. ... *приписывают ∾ Интернационалке.* — Международное товарищество рабочих — I Интернационал, возглавляемое К. Марксом, было создано в 1864 г. «Интернационалка» или «Международка» (от франц. Internationale — женского рода) — термины, принятые в России в те годы (см., например, передовую статью в «Русской мысли», 1872, № 97, 11 апреля). Ср. у Салтыкова-Щедрина в «Дневнике провинциала в Петербурге» (*ОЗ,* 1872, № 5) — *Салтыков-Щедрин,* т. X, стр. 387.

С т р. 354. ... *помещики Тентетниковы...* — Тентетников — персонаж второго тома «Мертвых душ» Гоголя, молодой просвещенный помещик, либерал и вольнодумец, постепенно заснувший умственно и нравственно, ставший «байбаком», «коптителем неба».

С т р. 355. ... *литературное утро...* — С образованием Литературного фонда (1859 г.) в Петербурге вошло в обыкновение устраивать литературные чтения в его пользу с участием знаменитых писателей. В подобных чтениях не раз выступали И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, А. Ф. Писемский, А. Н. Островский, Н. А. Некрасов, Т. Г. Шевченко, А. Н. Майков, Я. П. Полонский. Чтения происходили вначале в зале Пассажа (см. выше, примеч. к стр. 22), а с 1860 г. — в зале дома Руадзе или в зале Дворянского собрания. При описании «литературного утра» в «Бесах» Достоевский использовал «атмосферу» и некоторые подробности литературного вечера (2 марта 1862 г.), в котором и сам принимал участие. Этот вечер был организован официально в пользу нуждающихся студентов (на самом же деле в пользу сосланных М. Л. Михайлова и В. А. Обручева) и происходил в зале Руадзе. На особую обстановку его оказал влияние состав выступавших и самый характер их выступлений (например, воспоминания Чернышевского о Добролюбове, стихотворение Беранже в переводе В. С. Курочкина «Господин Искариотов»). О реакции публики в последнем случае мемуарист писал: «... казалось, что потолок обрушится от рукоплесканий и криков, всякий раз сопровождавших слова: „Тише, тише, господа: господин Искариотов, патриот из патриотов, приближается сюда“» (см.: *Пантелеев*, стр. 228). Особенно наэлектризовало залу выступление П. В. Павлова (см. примеч. к стр. 374—375). Ср. ироническое изображение вечера в написанном под его впечатлением стихотворении Курочкина «Два скандала (сцена из комедии «Горе от ума», разыгранная в 1862 году)»:

...Читают — кто про что ... один кричал: *безумцы!*
Ей-богу! Обозвал безумцами нас всех.
Другой... другого-то и слушать я не стала...
Но хлопали — чуть-чуть не обвалилась зала...
Другой расписывал какой-то *мертвый дом.*
Про каторжников всё ... ну просто стыд-стыдом!

(см.: В. С. К у р о ч к и н. Собрание стихотворений. М., 1947, стр. 125 (Библиотека поэта, Большая серия)).

С т р. 356. ... *вальтасаровский пир...* — По библейскому сказанию, пир халдейского царя Валтасара отличался необыкновенной пышностью. Гости пили вино из золотых сосудов, взятых вавилонским царем Навуходоносором из храма иерусалимского (Книга пророка Даниила, гл. 5, ст. 2—4). Ср. также: наст. изд., т. I, стр. 128, 494.

С т р. 363. ... *Плюй на всё и торжествуй!* — Последняя строчка лебядкинского стихотворения могла быть навеяна следующей строфой стихотворения К. С. Аксакова «Пусть гибнет всё...»:

О веселись, и нас безумцев
Ученьем горьким испытуй,
Клейми прозваньем вольнодумцев,
Казни, цари и торжествуй!

Стихотворение это было напечатано в том же известном Достоевскому огаревском сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия» (Лондон, 1861, стр. 229—230), что и поэма В. С. Печерина «Торжество смерти» (см. выше, примеч. к стр. 9—10).

С т р. 365. ... *у него был слишком крикливый голос, несколько даже женственный...* — О тургеневском «мягком и каком-то бабьем голосе, высокие ноты которого так мало шли к его крупной фигуре», см.: *Кони,* т. VI, стр. 470. См. также «Воспоминания» А. Я. Панаевой в кн.: Тургенев в воспоминаниях современников, т. I. ГИХЛ, М., 1969, стр. 122.

С т р. 365. ... *строки, которые до того выпеваются из сердца...* — Ср. с уже цитированными словами Гоголя о «Прощальной повести» из «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «... я не сочинял и не выдумывал ее, она выпелась сама собою из души...» (см.: *Гоголь,* т. VIII, стр. 221).

С т р. 365. ... *этакую святыню никак нельзя нести в публику...* — Тургенев писал М. М. Стасюлевичу 8 (20) мая 1878 г. о «Довольно»: «Я сам раскаиваюсь в том, что напечатал этот отрывок ⟨...⟩ потому что в нем выражены такие *личные* воспоминанья и впечатления, делиться которыми с публикой не было никакой нужды» (см.: *Тургенев, Письма,* т. XII_1, стр. 322).

С т р. 366. *Началась рацея!* — Прощание с читателем, составляющее зачин и концовку «Merci», пародирует обращение Тургенева к читателям в статье «По поводу „Отцов и детей“». По жанру и композиции «Merci» напоминает повести «Призраки» («... ряд картин, связанных между собою довольно поверхностно», по определению автора. — *Тургенев, Сочинения,* т. IX, стр. 389) и «Довольно» (построенную в форме размышлений повествователя). Два эпизода в «Merci» — переправа героев через Волгу зимой и посещение схимника в пещере — непосредственно близки по содержанию к аналогичным эпизодам из «Довольно» (см.: Ю. Н и к о л ь с к и й. Тургенев и Достоевский. (История одной вражды). София, Российско-болгарское книгоиздательство, 1921; А. Д о л и н и н. Тургенев в «Бесах». *Сб. Достоевский, II,* стр. 119—136; ср.: *Тургенев, Сочинения,* т. IX, стр. 477—478, 493—494).

С т р. 366. ... *видят Помпея или Кассия накануне сражения...* — Помпей (Великий) Гней (106—48 до н. э.), консул, полководец. Помпеем и Крассом была одержана победа над Альбием Карринною, взят приступом Тудер, разбит Спартак. Кассий Лонгин, Гай (85—42 до н. э.) — один из руководителей заговора против Цезаря.

С т р. 366—367. *Глюк заиграл в тростнике ∞ явился Гофман, просвистала из Шопена русалка...* — Ср. у Тургенева в «Довольно»: «... не страшна гофманщина, под каким бы видом она ни являлась» (См.: *Тургенев, Сочинения,* т. IX, стр. 118). А. А. Гозенпуд высказал предположение, что в упоминании имени Глюка и свиста русалки скрыт, возможно, намек на возлюбленную Тургенева Полину Виардо. Он пишет: «Среди ее романсов есть и „Русалки“, один написан на текст Пушкина, другой — на слова Мерике „Тростниковая русалка“ («Nixe-Binsefuss»). П. Виардо сделала аранжировку для голоса и нескольких мазурок Шопена — отсюда упоминание в пародии польского композитора. Глюк также назван неслучайно: выступление великой артистки в партии Орфея (она исполнила ее около 150 раз) в свое время явилось выдающимся событием в музыкальной жизни Европы» (см.: *Гозенпуд,* стр. 116).

С т р. 367. *Анк-Марций* — легендарный четвертый царь Рима (ок. 640—616 гг. до н. э.).

С т р. 367. ... *все эти труждающиеся и обремененные...* — Выражение из Евангелия от Матфея (гл. 11, ст. 28): «Приидите ко мне, все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас».

С т р. 367. *Есть преступление, нет преступления; правды нет, праведников нет...* — Ср. со словами из «Довольно»: «Шекспир опять заставил бы Лира повторить свое жестокое: „нет виноватых“ — что другими словами значит: „нет и правых“...» (см.: *Тургенев, Сочинения,* т. IX, стр. 119).

С т р. 372. ... *Шекспир или сапоги...* — См. выше, стр. 284. «Нигилистическое» отношение сотрудников «Русского слова» к Пушкину (см. статьи В. А. Зайцева «Белинский и Добролюбов» (*РСл,* 1864, кн. 1, Литературное

обозрение, стр. 1—32, 49—68) и Д. И. Писарева «Пушкин и Белинский» (*РСл*, 1865, кн. 4, Литературное обозрение, стр. 1—68; кн. 6, стр. 1—60)) переносилось и на Шекспира. По словам В. А. Зайцева, «... нет такого полотера, нет такого золотаря, который бы не был полезнее Шекспира в бесконечное множество раз» (*РСл*, 1864, № 3, отд. II, стр. 64). Ср. с насмешливыми словами Достоевского из статьи «Г-н Щедрин, или раскол в нигилистах» (1864): «... без Пушкина можно обойтись, а без сапогов никак нельзя обойтись» (наст. изд., т. XIX), а также с его записью об авторах «Молодой России»: «... сапоги лучше Шекспира, о бессмертии души стыдно говорить и т. д., и т. д.» — в тетради 1864—1865 гг. Подробнее см.: Шекспир и русская культура. Под ред. акад. М. П. Алексеева. Изд. «Наука», М.—Л., 1965, стр. 434—436.

Стр. 372. *Петролей* (франц. pétrole) — нефть, керосин. «Петролейщиками» западноевропейская и русская реакционная пресса называла коммунаров 1871 г., приписывая им роль поджигателей Тюильри во время уличных боев 21—27 мая 1871 г. (см. об этом: наст. изд., т. XV).

Стр. 372. ... *Шекспир и Рафаэль — выше освобождения крестьян, выше народности, выше социализма...* — Словами этими «эстетик» Степан Трофимович полемизирует с «утилитаристами». Один из ведущих критиков «Русского слова» В. А. Зайцев писал в 1864 г.: «... современные поклонники искусства превращают и его и самих себя в мумии, проповедуя искусство для искусства и делая его не средством, а целью. Они 2000 лет восхищаются Венерой Милосской и 300 лет мадоннами Рафаэля, не замечая, что этими восторгами изрекают приговор искусству» (см.: *Зайцев*, стр. 172).

Стр. 373. ... *без англичанина еще можно прожить человечеству...* ∾ *без одной только красоты невозможно...* — Сходная мысль была высказана самим Достоевским в статье «Г. бов и вопрос об искусстве»: «Потребность красоты и творчества, воплощающего ее, неразлучна с человеком, и без нее человек, может быть, не захотел бы жить на свете» — см.: наст. изд., т. XVIII.

Стр. 374. ... *третий чтец, тот маньяк, который всё махал кулаком...* Прототипом третьего чтеца послужил либеральный профессор русской истории и истории искусства в Петербургском университете (до этого — в Киевском), один из организаторов воскресных школ Платон Васильевич Павлов (1823—1895). В 1861 г. в «Колоколе» была напечатана заметка «Профессор П. В. Павлов и Тимашевка», заканчивавшаяся словами: «В заключение заметим, что по следствию комиссии под председательством кн. Голицына оказалось, что Павлов „к тайному харьковскому политическому обществу (?!) отношения не имеет, но что, будучи профессором истории и древностей в Киевском университете, выражал мысли, противные порядку существующего правления в России"» (1861, 15 января, л. 90). Его нашумевшую речь, посвященную тысячелетию России и вызвавшую овацию публики и гонения правительства, Достоевский слышал на литературном вечере 2 марта 1862 г. (статья на ту же тему была опубликована Павловым ранее в «Месяцеслове на 1862 год». СПб., изд. Академии наук, приложения, стр. 3—70). В официальном правительственном сообщении говорилось, что «при чтении этой статьи г. Павлов дозволил себе выражения и возгласы, не находившиеся в статье, пропущенной цензурою, и клонившиеся к возбуждению неудовольствия против правительства». («Русский инвалид», 1862, 7 марта, № 51). Следствием речи явилась ссылка Павлова в Ветлугу и Кострому, длившаяся до 1869 г. 15 апреля 1862 г. в «Колоколе» (л. 129) появился протестующий адрес профессоров Петербургского университета, поданный министру просвещения. В романе пародировано не только выступление Павлова, но и внешние манеры чтеца, его восторженный голос, переходящий в крик, и жесты. По свидетельствам современников, Павлова считали «не совсем нормальным человеком» (см.: *Пантелеев*, стр. 228). Н. А. Тучкова-Огарева писала о нем: «Это была умная, даровитая личность, но, вероятно, надломленная гнетом ⟨...⟩ эпохи ⟨...⟩. Лекции Павлова были превосходны, увлекательны; но в разговоре он производил тяжелое впечатление психически больного» (см. об этом: И. В. Порох. Из дневниковых записей И. Е. Забелина. В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, вып. 3. Под ред. Е. И. Покусаева и Н. М. Чернышевской. Изд. Саратовского ун-та, Саратов, 1962, стр. 287—

288). Агент III отделения доносил, что Павлов читал «особенным восторженным, пророческим, громогласным голосом, поднимая часто вверх руку и указательный палец». Один из присутствовавших на чтении современников вспоминал: Павлов, «по-видимому, заметил, что в задних рядах плохо слышали лекторов, а голос у него был слабый; он взял несколькими нотами выше обыкновенного; отсюда всё чтение получило заметно выкрикивающий характер...» (см. в кн.: *Лемке, Очерки,* стр. 12; ср.: *Пантелеев,* стр. 227—228). О вечере у Руадзе и об инциденте с П. В. Павловым см. также: *Лемке, Очерки,* стр. 9—13; Б. Козьмин. Из истории либеральной общественности шестидесятых годов. «Красный архив», 1931, т. 45, стр. 171—176; А. З. Барабой. Харьковско-киевское революционное тайное общество 1856—1860 гг. «Исторические записки», 1955, т. 52, стр. 258—263.

Стр. 374. *Литература служила в цензуре...* — В николаевскую эпоху в цензуре в разное время служили О. И. Сенковский, С. Т. Аксаков, П. А. Вяземский, Ф. Н. Глинка, Ф. И. Тютчев, А. В. Никитенко и др. (см. об этом: *Лемке. Николаевские жандармы,* стр. 32). В 1855 г. поступил в цензоры Петербургского цензурного комитета и И. А. Гончаров, что вызвало неодобрение многих современников. Так, А. В. Дружинин записал в дневнике: «Одному из первых русских писателей не следовало бы брать должность такого рода. Я не считаю ее позорною, но, во-первых, она отбивает время у литератора, во-вторых, не нравится общественному мнению, а в-третьих ... в-третьих то, что писателю не следует быть цензором» (цит. по: А. Г. Цейтлин. И. А. Гончаров. Изд. АН СССР, М., 1950, стр. 219). В Петербургском цензурном комитете, кроме Гончарова, служил И. И. Лажечников.

Стр. 374. *... в университетах преподавалась шагистика; войско обратилось в балет...* — Николай I ввел в Московском университете военный порядок: студенты были одеты в мундирные сюртуки, носили шпаги (вскоре, правда, ношение шпаги было запрещено). Герцен в «Былом и думах» рассказывает о преподавателе «самой *жестокой* науки в мире — тактики» (Часть первая. Детская и университет. Глава VI. — *Герцен,* т. VIII, стр. 123). Университетский устав 1835 г. «держал студентов на степени гимназистов, предоставлял огромную власть над ними полицейскому чиновнику-инспектору, систематически удалял профессоров от студентов и от участия в университетских делах». (Из «Записки о петербургских университетских беспорядках», опубликованной в кн.: *Лемке, Очерки,* стр. 468). В течение 1848—1850-х годов, в связи с реакцией, вызванной революцией 1848 г., в университетах было запрещено преподавание философии; курсы психологии и логики читали профессора богословия. Новый университетский устав был принят только 18 июня 1863 г. См. также эпиграмму Н. Ф. Щербины на Николая I «Всеобщий благодетель» (1855):

Он меж холопами считался мудрецом
За то, что мысль давить была его отрада;
Он был фельдфебелем под царственным венцом
И балетмейстером военного парада.

(В кн.: Н. Ф. Щербина. Избранные произведения. «Советский писатель», Л., 1970, стр. 266 (Библиотека поэта. Большая серия)).

Стр. 374. *Не бравшие взяток* ∾ *нарушали гармонию.* — Ср. со следующими словами из статьи А. М. Унковского «Новые основания судопроизводства»: «... взятки с откупов 〈...〉 сделались, наконец, обыденным и всеобщим явлением. 〈...〉 Что же касается до среды чиновников, то она даже предавала осмеянию всякое должностное лицо, не бравшее этих денег» (*С*, 1863, № 1—2, стр. 404). Всеобщее взяточничество зло высмеивалось сатирической журналистикой (см., например: *И*, 1862, № 1, 5 января, стр. 14).

Стр. 374. *Но никогда Россия* ∾ *не доходила до такого позора...* В своей речи, направленной против официальных славословий по поводу тысячелетия России, Павлов сурово оценил историческое прошлое и современное состояние царской монархии: «В XVIII и XIX столетиях, — сказал он, — русская земля наказалась вполне за страдания и позор низшего земского сословия. Не обольщайтесь мишурным блеском мнимой цивилизации этой скорбной

эпохи: никогда Россия не испытывала более тягостного состояния!» (цит. по: *Лемке, Очерки,* стр. 11).

Стр. 374. ... *это уж не эстетика!* — Изображая восприятие публикой речи «эстетика» Степана Трофимовича, Достоевский опирался на суждения Д. И. Писарева в статье «Реалисты» (1864), в которой критик подводил итог спорам защитников и противников «эстетики». «Эстетика и реализм, — писал критик, — действительно находятся в непримиримой вражде между собою, и реализм должен радикально истребить эстетику, которая в настоящее время отравляет и обессмысливает все отрасли нашей научной деятельности ⟨...⟩ эстетика есть самый прочный элемент умственного застоя и самый надежный враг разумного прогресса» (см.: Писарев, т. 3, стр. 58).

Стр. 375. *Железные дороги ∾ облегли Россию как паутиной...* — К 1862 г., к которому относится речь профессора, были открыты Царскосельская (1838 г.) и Николаевская (1851 г.) железные дороги. В 1857 г. Главное общество российских железных дорог получило концессию на сооружение четырех линий длиною 4000 км. Из них к 1861 г. были построены две: Варшавская и Московско-Нижегородская. В том же 1861 г. была открыта Риго-Динабургская дорога. См. также ниже, стр. 345.

Стр. 375. ... *соломоновские приговоры...* — Соломон, сын Давида, царь Израильский (1015—975 г. до н. э.), согласно ветхозаветным легендам, славился мудростью в судах. Выражение «соломоновские приговоры» здесь употреблено иронически.

Стр. 375. ... *бронзовый колоссальный шар на память тысячелетию уже минувшего беспорядка и бестолковщины.* — Празднование в 1862 г. тысячелетия России было использовано царизмом в целях единения всех реакционно-охранительных сил. Воздвигнутый 8 сентября того же 1862 г. в Новгороде близ древнего Софийского собора памятник скульптора М. О. Микешина (1836—1896) в честь «тысячелетия» вызвал многочисленные нападки в русской печати (см., например, в хронике М. Е. Салтыкова-Щедрина «Наша общественная жизнь» (1863) — *Салтыков-Щедрин,* т. VI, стр. 15). Об этом памятнике и отношении современников к нему см.: Н. Отто и И. Куприянов. Биографические очерки лиц, изображенных на памятнике «Тысячелетия России». Новгород, 1862; Ф. И. Буслаев. Памятник тысячелетию России (1862) (в кн. этого автора «Мои досуги», ч. 2. М., 1886, стр. 187—208); см. также: А. Г. Захаренко. История сооружения памятника «Тысячелетию России» в Новгороде. «Ученые записки Новгородского гос. педагогического института», историко-филологический факультет, 1957, т. II, вып. 2, стр. 51—82.

Стр. 377. *«Живите больше», мой друг ∾ des mots charmants et pleins de philosophie*). — Эти «прелестные выражения, полные философского смысла», взяты Достоевским из его Сибирской тетради (запись № 83 — наст. изд., т. IV, стр. 238). Они употреблены также в романе «Подросток» (часть I, гл. IV, главка II).

Стр. 381. ... *со всеми онёрами...* — Онёры (от франц. honneur) — почести, знаки уважения.

Стр. 382. ... *в «Голос» и в «Биржевые».* — «Голос» и «Биржевые ведомости» — распространенные русские газеты 1870-х годов. См. о газете «Голос» ниже, стр. 315.

Стр. 385. *Вся эта ночь с своими почти нелепыми событиями...* — Для изображения общей атмосферы и отдельных черт бала (таких как состав публики, всеобщий беспорядок, капкан во время танцев, присутствие квартального и т. д.) Достоевскому мог послужить описанный в «Голосе» (в обозрении «Московская жизнь») бал «в пользу инвалидов». Это описание могло привлечь внимание писателя и своим заголовком: «Скандальный бал в собрании» и весьма характерным началом: «Я никак не мог ожидать, — пишет корреспондент, — что всё это предприятие окончится весьма крупным скандалом». Само же описание скандала следует ниже: «Наконец бал состоялся, и толпа народа всякого звания наполнила залу благородного собрания ⟨...⟩ Шум, крик, гвалт поднялись общие: вдруг напор публики на кассу, зазвенели стекла во входных дверях, и сам распорядитель бала чуть-чуть не попал в число

инвалидов, о которых так нераспорядительно заботился». И далее: «Свечи были вставлены и начались танцы; человек тридцать мужчин составили кадриль, и начался самый отчаянный, наглый канкан, не терпимый ни в каком публичном месте. Крики, шум, табачный дым — всё это превратило залу благородного собрания в какую-то преисподнюю некогда знаменитого своими необузданными ариями „Крыма". Г. Андреев появился после опять, окруженный полициею, но публика забыла о нем и продолжала забавляться...» (*Г*, 1869, 1 (13) января, № 1).

Стр. 389. *Наконец началась и «кадриль литературы».* — Как установил С. Панов в статье «„Литературная кадриль" в романе „Бесы"» (см.: *Звенья*, т. VI, Изд. «Academia», М.—Л., 1936, стр. 573—582), «кадриль литературы» представляет собою шарж на «литературную кадриль», устроенную Московским артистическим кружком на костюмированном балу в залах Дворянского собрания в феврале 1869 г. Все участники этой кадрили были «загримированы и одеты с намеками на то или другое направление наличных московских и петербургских газет. ⟨...⟩ условлено было во время исполнения кадрили временами переходить с спокойных танцев на более или менее смелый канкан, причем из особой „наблюдательной ложи" раздавался звонок, музыка внезапно умолкала, и виновный приглашался к барьеру „наблюдательной ложи", где ему объявлялось „первое предостережение". Ежели тот же танцор или танцорка вновь нарушали законы маскарадного благочиния, им, при той же обстановке, давалось „второе предостережение", затем третье, а за ним уже следовало торжественное изгнание виновного из состава кадрили и из танцевальной залы...

Такого нарушителя порядка брали под руки и под звуки марша выводили из залы, что знаменовало собою прекращение литературной деятельности или „закрытие" газеты» (см.: А. И. Соколова. Комический случай с П. И. Чайковским. «Исторический вестник», 1910, № 2, стр. 559—560).

Стр. 389. ... *один пожилой господин* ∾ *и вот эта-то охриплость голоса и должна была означать одну из известных газет.* — Имеются в виду А. А. Краевский и его газета «Голос», выходившая в Петербурге с 1863 по 1883 г. Об отношении Достоевского к Краевскому и его газете см. в статье В. В. Виноградова «Достоевский и А. А. Краевский» (см.: *Достоевский и его время,* стр. 17—32).

Стр. 390. *«Честная русская мысль»* ∾ *распечатанное письмо из-за границы...* — Подразумевается журнал «Дело», выходивший в Петербурге с 1866 по 1888 г. По предположению Ф. И. Евнина, слова «в кандалах» могут означать как намек на жестокие репрессии правительства по отношению к виднейшим сотрудникам журнала (Н. В. Шелгунову, П. Н. Ткачеву), так и намек на то, что «Дело» не было освобождено от предварительной цензуры и после выхода в 1865 г. новых «правил печати». Во фразе же «распечатанное письмо из-за границы» исследователь видит намек на связи «Дела» с русской революционной эмиграцией (*1956*, т. VII, стр. 755). Возможно также, что подразумеваются частные случаи перлюстрации писем журнальных корреспондентов. Об одном из таких случаев писал В. С. Курочкин в «Искре» (1862, № 32, 24 августа, стр. 427).

Стр. 390. ... *непетербургское, но грозное издание...* — В этих словах содержится очевидный для современников намек на реакционно-охранительные «Московские ведомости» М. Н. Каткова, регулярно помещавшие доносительские статьи, направленные против прогрессивных органов печати, и в частности против «Дела». Следующие далее слова «Прихлопну — мокренько будет» были ранее употреблены Достоевским в статье «Опять „Молодое перо"» (1863) по отношению к тому же Каткову: «„Прихлопнет и не пикнете", — говорите вы нам, грозя нам сим московским деятелем» (см.: наст. изд., т. XIX).

Стр. 390. ... *pas de deux...* — па де дё — название фигуры в танце. Так, в кадрили по очереди выступали кавалер и дама.

Стр. 392. *Заречье пылало.* ∾ *Поджог! Шпигулинские!...* — Знаменитые петербургские пожары, которые полиция в провокационных целях пыталась объявить делом рук революционно настроенного студенчества, чтобы на-

строить против него общественное мнение, начались с середины мая 1862 г. 24 мая А. В. Никитенко записал об этом в «Дневнике»: «Вчера в Петербурге было разом четыре пожара в разных частях города. Один, и всех сильнее ⟨...⟩ около Лиговки. Толкуют о поджогах. Некоторые полагают, что это имеет связь с известными прокламациями от имени юной России и которые были разбросаны в разных местах» (см.: *Никитенко*, т. II, стр. 274). Пожары в последующие годы перекинулись и в провинцию. В. Ф. Одоевский. исследовавший их причины, записал в своем дневнике 11 июля 1867 г.: «Во Владимире также подметные письма о том, что 12-го июля зажгут его с двух концов. Неужли начнется история прошлых годов?» (*ЛН*, т. 22—24, стр. 233). Никаких доказательств связи пожаров со студенческим движением полиция представить не смогла. В журнале «Время» в 1862 г. должны были появиться две статьи о пожарах, в которых студенты и передовая молодежь защищались от обвинений в поджигательстве (см. об этом: *ЛН*, т. 83, стр. 37, а также: *Нечаева*, «*Время*», стр. 298—303).

Стр. 393. ... *плясали комаринского без цензуры...* — Слова «без цензуры» здесь могут заключать двоякий смысл. Они могут означать «нецензурный», «озорной» характер песни. См. например, рассказ об одном из вариантов песни в обозрении «По губерниям», напечатанном в «Голосе»: «⟨...⟩ господин Н-н пришел раз в церковь и стал молиться». Его «душа исполнилась святынею божественной песни», как вдруг «ворвалась сама жизнь мощная и животрепещущая в словах народной песни: „Ах ты... камаринский мужик“ с непечатным припевом» (*Г*, 1870, 4(16) апреля, № 94; ср.: наст. изд., т. III, стр. 511). Кроме того, в эту популярную в народе песню часто вкладывался открытый антикрепостнический, сатирический смысл. По предположению Г. М. Пясецкого, песня эта восходит к Смутному времени. Камаринский мужик — озорник и бунтарь. Слова песни «Ах ты, сукин сын, камаринский мужик, не хотел ты свойму барину служить» становятся «памятником измены камаричан Борису не только как государю, но и как своему помещику — барину» (см.: Г. М. Пясецкий. Исторические очерки города Севска и его уезда. В кн.: Сборник Орловского церковно-историко-археологического общества, т. II. Орел, 1906, стр. 22). В 1860-е годы появилось несколько сатирических и революционных переделок комаринской, попавших на страницы вольной русской печати. Одна из них, под названием «Ах ты, сукин сын, проклятый становой!..», была напечатана в сборниках: Свободные русские песни. ⟨Берн⟩, 1863; Лютня. I. Собрание свободных русских песен и стихотворений. Лейпциг, 1869; Вольный песенник, вып. II. Женева, 1870. Именно об этой песне идет речь в фельетоне «Голоса», названном «Шутовство русской эмиграции»: «В вышедших до сих пор выпусках „Вольного песенника“, в числе песен, пахнущих „дымом пожаров“, есть и довольно невинные. Так, песня на голос „Камаринской“ не может возбудить ничего. кроме улыбки; к сожалению, она наполнена непечатными выражениями» (*Г*, 1870, 6(18 июня), № 154; см. также в кн.: Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Изд. «Советский писатель», Л., 1959, стр. 735 (Библиотека поэта. Большая серия)). О комаринской см. также: наст. изд., т. IV, стр. 307.

Стр. 394. ... *можно ли смотреть на пожар без некоторого удовольствия?»* — Возможно, что в этой фразе Степана Трофимовича содержится намек на следующие слова Герцена в четвертой части «Былого и дум» (гл. XXX, «Не наши»), напечатанной в кн. 4 «Полярной звезды» за 1858 г.: «„Москвитянин“, раздраженный Белинским, раздраженный успехом „Отечественных записок“ и успехом лекций Грановского, защищался чем попало и всего менее жалел Белинского; он прямо говорил о нем как о человеке опасном, жаждущем разрушения, „радующемся при зрелище пожара“» (см.: *Герцен*, т. IX, стр. 164).

Стр. 398. *Всё врут календари.* — Цитата из «Горя от ума» А. С. Грибоедова (действие III, явление 21).

Стр. 400. ... *оставили «мгновение» за собой.* — Ср. здесь же: «*Началось с красивого мгновения*» и стр. 401. *Да, «я оставил мгновение за собой».* — Намек на слова из «Фауста» И. В. Гете: «... и когда мгновенью я скажу: „Не улетай, ты так прекрасно!“» (см.: Фауст. Трагедия. Соч. Гете.

Пер. первой и изложение второй части М. Врончепко. СПб., 1844, стр. 77), ставшие крылатой фразой.

Стр. 402. ... *вы, конечно, всякого безногого и безрукого стоите.* — Здесь дан неожиданный поворот темы, впервые возникающей в романе в гротескно-комических стихах Лебядкина о сломанном «члене».

Стр. 402. ... *где живет огромный злой паук в человеческий рост...* — Об этом повторяющемся в романах Достоевского символическом воплощении зла и порока см.: наст. изд., т. III, стр. 537.

Стр. 404. *Vox populi vox dei.* — Глас народа — глас божий (лат.). Выражение, ставшее крылатым и восходящее к древнегреческой поэме Гесиода «Труды и дни» (VIII—VII в. до н. э.).

Стр. 410. ... *повесть, «Полинька Сакс» ∾ арестовал на даче жену за неверность...* — «Полинька Сакс» (1847) — повесть А. В. Дружинина (1824—1864), написанная под влиянием Ж. Санд и проникнутая идеями эмансипации женщины: великодушный герой, узнав, что его жена любит другого, более молодого человека, предоставляет ей свободу и помогает соединиться с любимым. Повесть Дружинина упомянута Петром Степановичем, утешающим Лизу, очевидно, с целью подчеркнуть сходство Маврикия Николаевича с «чересчур идеализированным» (см.: *Белинский*, т. XII, стр. 444) автором Саксом. В Записной тетради 1875—1876 гг. Достоевский высказал сомнение в благородстве Сакса, уступающего Полиньку ветреному и недалекому человеку: «Сакс, имеющий возможность знать (и по уму, и по гуманности своей), во что обратиться для нее этот шаг».

Стр. 412. ... *там в «Голосе» пишут про повсеместные разбои...* — Объявления об убийствах и ограблениях стали помещаться в таких газетах, как «Голос» и «С.-Петербургские ведомости», с введением в России гласного судопроизводства (см., например, раздел «Внутренние новости» в «Голосе», 1865, 22—25 июня, №№ 170—173; 8—10 сентября, №№ 248—250). А. В. Никитенко писал в «Дневнике» 24 октября 1865 г.: «Вообще злодейства всякого рода — кражи, грабежи, убийства — за последнее время усилились у нас до неслыханной степени. Беспрестанно читаешь о них в газетах, а сколько еще таких, о которых в газетах не пишут» (см.: *Никитенко*, т. II, стр. 541). И позднее: «Разбои и грабежи, самые возмутительные и дикие злодейства совершаются открыто не в одном Петербурге, но в целой России. Администрация утешается или утешает других тем, что это и прежде всегда бывало, да только не печаталось» (см.: там же, т. III, стр. 7).

Стр. 415. ... *с каким-нибудь преждевременно развращенным монстром ∾ убить и ограбить первого встречного мужика...*; стр. 324. *Школьники, убивающие мужика...* —Достоевский отталкивается здесь от реального происшествия, о котором узнал весной 1872 г. из газет. В начале мая этого года в Харькове закончился судебный процесс над 16-летними Н. А. Полозовым и Н. А. Эдельбергом, убившими извозчика и оправданными судом. Не случайно в $ЧН_2$ над словами, относящимися к Эркелю: «Офицерик — гражданские подвиги, общее дело» появляется помета: «Эта бедная, белокуренькая головка, вроде Полозова» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 313). Параллель с «самым бесчувственным из убийц» (наст. изд. т. X, стр. 439) Эркелем доказывает, что Достоевский несомненно обратил внимание на слова Полозова, объяснявшего мотивы убийства тем, что он хотел «испытать себя», выяснить, «насколько он годится для того дела, на которое он хотел себя посвятить» (*СПбВед*, 1872, № 146, 29 мая). Интересно проследить, как изменялся этот эпизод от первоначального замысла к окончательному: в черновой рукописи Достоевский сначала почти полностью называет одного из убийц: «Если б П оло‹з›ов...», затем скрывает его под одной буквой: «Если б он встретился с каким-нибудь господином П‹олозовым› и тот подбил [бы] его убить ямщика...», и наконец, заменив оба эти обозначения обобщающим «преждевременно развращенный монстр», он почти пересказывает харьковское дело, по которому убийцы были оправданы (см.: наст. том, стр. 19). В окончательном тексте почти все реалии оказались устраненными. Ср. также со Щедриным, писавшим в «Дневнике провинциала в Петербурге» (*ОЗ*, 1872, № 8) о «харьковских юношах», «которые от хорошего

житья задумали убить ямщика», и в «Благонамеренных речах» (*ОЗ*, 1875, № 4) (*Салтыков-Щедрин*, т. X, стр. 427, 769, а также: т. XI, стр. 151).

С т р. 421. ... *борьба за существование...* — После появления книги Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за существование» (1859) последние слова приобрели характер термина.

С т р. 428. ... *в древние времена некоторый купец ∾ у пресвятой богородицы с сияния перл похитил...* — Возможно, что слово «купец» появилось в окончательном тексте по цензурным соображениям. В подготовительных материалах к роману (см.: наст. изд., т. XI, стр. 290) и в *ЧА* (см. выше, стр. 26) было «святой». Источник легенды установить не удалось.

С т р. 429. *Ты меня дерзнул.* — Здесь, как и выше (см. примеч. к стр. 204, 205, 220), использована запись из Сибирской тетради (№ 243 «Он меня дерзнул», наст. изд., т. IV, стр. 242).

С т р. 429. ... *на лествице...* — т. е. на лестнице (от общеславянского «лѣствица»).

С т р. 430. *Экспатрироваться* (франц. expatrier) — эмигрировать.

С т р. 441. ... *я намерена здесь открыть переплетную, на разумных началах ассоциации.* — Иронический намек на производительную ассоциацию (на социалистической основе), изображенную Н. Г. Чернышевским в романе «Что делать?» (1863). Как известно, после выхода романа возник целый ряд ассоциаций этого рода. Так, в приговоре верховного уголовного суда от 3 октября 1866 г. по ряду политических преступлений говорилось о московском кружке «из молодых людей», которые еще в 1863 г. «начали устраивать школы и различные ассоциации, как-то: переплетное заведение, швейную, основали общества переводчиков и переводчиц〈...〉» (см. выше, примеч. к стр. 20).

С т р. 450. ... *Есть секунды, их всего зараз приходит пять или шесть...* — Об эпилепсии Кириллова см.: *Чиж*, стр. 59—61. А. Г. Достоевская отметила, что в рассказе Кириллова Шатову о припадках эпилепсии отразились «ощущения, испытанные Федором Михайловичем, о которых он говорил мне и детям» (см.: *Гроссман, Семинарий*, стр. 62; подробнее о том же см.: *Ковалевская*, стр. 106). См. также: наст. изд., т. IX, стр. 441—442.

С т р. 450. *Бог, когда мир создавал, то в конце каждого дня создания говорил: «Да, это правда, это хорошо».* — Ср.: Библия, Бытие, гл. 1, ст. 2—30.

С т р. 450—451. *В Евангелии сказано, что в воскресении не будут родить, а будут как ангелы божии.* — Ср.: «Ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж; но пребывают, как ангелы божии на небесах» (см.: Евангелие от Матфея, гл. 22, ст. 30; а также: Евангелие от Марка, гл. 12, стр. 25). Слова эти Достоевский относил к будущей райской жизни. В записной книжке 1863—1864 гг. он писал: «Мы знаем только одну черту будущей природы будущего существа, которое вряд ли будет и называться человеком (след〈овательно〉, и понятия мы не имеем, какими будем мы существами). 〈...〉 Эта черта: „Не женятся и не посягают, а живут, как ангелы божии“. Черта, глубоко знаменательная. 1) Не *женятся* и не *посягают*, ибо не для чего; развиваться, достигать цели посредством смены поколений уже не надо...» (см.: наст. изд., т. XIX). Подробнее об этом см.: *Борщевский*, стр. 102—106.

С т р. 451. *Вспомните Магометов кувшин, не успевший пролиться, пока он облетел на коне своем рай.* — По мусульманской легенде, Магомет, разбуженный однажды ночью архангелом Гавриилом, задевшим крылом кувшин с водою, совершил путешествие в Иерусалим, беседовал на небе с богом, ангелом и пророками, видел геенну огненную — и всё это в такое короткое время, что, возвратясь, успел остановить падающий кувшин (см.: В. И р в и н г. Жизнь Магомета (русский перевод — 1857 г., стр. 89—90)). Об отношении Достоевского к личности Магомета и к Корану см.: наст. изд., т. I, стр. 494—495, а также т. IX, стр. 442 и т. XVII.

С т р. 456. ... *очень мрачное место, в конце огромного ставрогинского парка.* — В главе «Многотрудная ночь» воссозданы грот и пруды парка московской Петровской академии в Разумовском.

Стр. 461—462. ... *фуляровый платок* ∾ *крик таким образом прекратился.* — Этот способ заставить молчать визжавшего от ужаса Лямшина мог возникнуть в романе по ассоциации с одной деталью судебного процесса по делу об убийстве князя Аренберга. В «Судебной хронике» «Голоса» рассказывалось, что один из преступников «сдернул снурок и связал им руки князя ⟨...⟩, затем ⟨...⟩ завязал рот князю своим шейным фуляровым платком» (*Г*, 1870, 15(27) мая, № 133).

Стр. 473. — *Liberté, égalité, fraternité ou la mort!* — Впервые эта формула («И вот в самом последнем отчаянии социалист провозглашает наконец: „Liberté, égalité, fraternité *ou la mort*"») употреблена Достоевским в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (наст. изд., т. V, стр. 81), а затем в «Идиоте» и в «Дневнике писателя» за 1876 г., март, гл. I, § 5, «Сила мертвая и силы грядущие» (см. подробнее: наст. изд., т. IX, стр. 458).

Стр. 473. ... *gentilhomme russe et citoyen du monde*». — Русский дворянин и гражданин мира (франц.). Так позднее Достоевский назовет Герцена (*ДП*, 1873, гл. II, «Старые люди»). Словосочетание «гражданин мира» было широко употребительным в XIX в. В. А. Зайцев в 1863 г. писал о Байроне: «Гражданин мира, Байрон, должен был делить скорбь всего мира...» (см.: *Зайцев*, стр. 111).

Стр. 475—476. *С правой стороны этого шкафа, в углу, образованном стеною и шкафом, стоял Кириллов* ∾ *почувствовал ужасную боль в мизинце своей левой руки.* — Как впервые было отмечено В. В. Виноградовым, в этой части сцены самоубийства Кириллова обнаруживается ряд совпадений с «последним сном» смертника из повести В. Гюго «Последний день приговоренного к смерти» (русский перевод — 1830 г.) — см.: В. Виноградов. Из биографии одного «неистового» произведения. Последний день приговоренного к смерти (в кн. этого автора «Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский». Л., 1929, стр. 127—152). Достоевский мог отталкиваться от перевода повести Гюго, осуществленного М. М. Достоевским и напечатанного в третьем номере журнала «Светоч» за 1860 г. (см.: *Нечаева*, «*Время*», стр. 27).

Стр. 482. *Обремизил* — здесь: обыграл (от слова «ремиз, ремиза» — недобор нужного числа взяток (в карточной игре)).

Стр. 486. «*Я в совершенстве* ∾ *и я это им всегда говорил*». (См. ниже, стр. 336).

Стр. 486—487. ... *лет семь назад* ∾ *по Ренановой книге* «*Vie de Jésus*». Имеется в виду книга Э.-Ж. Ренана (1823—1892) «Жизнь Иисуса», вышедшая действительно «семь лет назад», т. е. в 1863 г. Подробнее о ней см.: наст. изд., т. IX, стр. 396—399 и ниже, стр. 350.

Стр. 492. — *Извозчики подвезли их прямо к большой избе в четыре окна и с жилыми пристройками на дворе.* — А. Г. Достоевская отмечает: «Федор Михайлович описывает село „Устрику" на берегу озера Ильмень, где нам всей семьей приходилось иногда ждать парохода, возвращаясь из Старой Руссы в Петербург в сентябре. Случалось, что оставались в „Устрике" два дня сряду» (см.: *Гроссман, Семинарий*, стр. 63).

Стр. 497. *Она прочитала нагорную проповедь.* — В нагорной проповеди (гл. 5—7 Евангелия от Матфея, гл. 6 Евангелия от Луки) содержатся основные заповеди Христа.

Стр. 497. «*И ангелу Лаодикийской церкви напиши...* — Строки из Апокалипсиса, гл. 3, ст. 14—17, употребленные Достоевским также в романе «Идиот» (см. наст. изд., т. IX, стр. 168) и в *ДП* (1873, гл. VII, «Смятенный вид»).

Стр. 509. ... *на самом месте убийства найден был картуз Шатова...* — В спешке после убийства Нечаев захватил вместо своей шапку Иванова, его же «барашковая шапка» была обнаружена на месте убийства (см. также выше, стр. 198—199).

Стр. 513. ... *я, как Герцен, записался в граждане кантона Ури...* — Ури — один из кантонов Швейцарии. Герцен, будучи лишенным в 1851 г. прав состояния и потеряв возможность вернуться в Россию, принял швейцарское подданство, став гражданином кантона Фрейбург.

С т р. 5.[1] ... *дошел он к вратам нашего Спасо-Ефимьевского Богородского монастыря...* — См. выше, примеч. к стр. 203.

С т р. 8. *Справлялся по ландкарте с текстом.* — Ландкарта (нем. Landkarte) — географическая карта.

С т р. 8. ... *объемистое и талантливое изложение обстоятельств последней войны...* — Вероятно, речь идет о Крымской войне 1854—1855 гг. Ко времени создания главы «У Тихона» появился ряд сочинений, посвященных войне, например: В. М. А н и ч к о в. Военно-исторические очерки Крымской экспедиции, ч. II. СПб., 1856; С. С. У р у с о в. Очерки Восточной войны. 1854—1855. М., 1866; Э. И. Т о т л е б е н. Описание обороны города Севастополя, ч. I. СПб., 1871. Скорее всего имеется в виду последнее сочинение, автор которого, Э. И. Тотлебен (1818—1884), принимал участие в судьбе ссыльного Достоевского. Более подробный перечень литературы о Крымской войне см. в кн.: Е. В. Т а р л е. Крымская война, т. II. Изд. 2-е. Изд. АН СССР, М.-Л., 1950, стр. 611—634.

С т р. 10. *если веругешь и прикажешь горе сдвинуться, то она сдвинется...* — Ср. с евангельским текстом: «Если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, — будет ему, что ни скажет» (см.: Евангелие от Марка, гл. 2, ст. 23).

С т р. 10. *Это все-таки побольше, чем très peu одного тоже архиепископа, правда под саблей.* — Речь идет об одном из событий начала первой французской революции, так описанном Достоевским в 1873 г.: «... архиепископ парижский, в облачении, с крестом в руке и в сопровождении многочисленного духовенства, вышел на площадь и во всеуслышание объявил народу, что до сих пор он и сопровождавшие его следовали пагубным предрассудкам; теперь же, когда наступил la Raison, они почли долгом сложить с себя публично свою власть и все знаки ее. При этом, действительно, сложили ризы, кресты, чаши, Евангелия и проч. „Веришь ли ты в бога?“ — закричал архиепископу один работник с обнаженною саблею в руке. „Très peu“ (очень мало), — пробормотал архиепископ, надеясь подобным ответом смягчить толпу. „Значит, ты подлец, и до сих пор нас обманывал!“ — закричал работник и тут же рассек архиепископу голову саблей» (см.: История о. Нила — наст. изд., т. XX).

С т р. 11. *«И Ангелу Лаодикийской церкви напиши...* — См. выше, стр. 319.

С т р. 14. *Всякое чрезвычайно позорное, без меры унизительное, подлое и, главное, смешное положение...* — См. ниже, примеч. к стр. 27.

С т р. 14. *Предаваясь до шестнадцати лет ∞ пороку, в котором исповедовался Жан-Жак Руссо...* — См.: Ж.-Ж. Р у с с о. Исповедь. В кн.: Избранные сочинения в трех томах, т. III. М., 1961, стр. 27.

С т р. 21. *В Дрездене, в галерее, существует картина Клод Лоррена, по каталогу, кажется, «Асис и Галатея» ∞ «Золотым веком»* — Картина французского художника-пейзажиста К. Лоррена (наст. фамилия Желле, 1600—1682) «Асис и Галатея», хранящаяся в Дрезденской галерее, неизменно привлекала внимание Достоевского, и он называл ее, вместе с другими любимыми пейзажами, «золотым веком» (см. об этом: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 150). В основу картины положен следующий эпизод из XIII книги «Метаморфоз» Овидия:

С клинообразной верхушкою холм поднимался средь моря,
Так, что его отовсюду вода окружала. Забравшись
На середину холма, безобразный Циклоп там уселся...
Мы укрывались в пещере, где Ацис держал меня
Крепко в нежных объятиях...

(см.: П у б л и й О в и д и й Н а з о н. Превращения. Пер. с лат. Ф. Матвеева. М., 1876, стр. 163). «Пейзаж по композиции делится на две части:

---

[1] Здесь и ниже указаны стр. XI тома наст. изд.

одна, освещенная косыми лучами заходящего солнца, — в ней зелень и море, сливающиеся вдали с небом; другая освещена только сверху, где открыт небольшой кусочек неба, большую часть ее занимает темная гора и темное от ее тени море. Шалаш Асиса и Галатеи — в центре композиции. Лучи солнца уже почти не попадают на него и лишь слегка скользят по белой фигуре Галатеи. Наверху, на холме, точно сливающаяся с его темным фоном, фигура Циклопа. Маленькие амуры у шалаша и греющиеся на закате наяды наполняют панораму настроением любви и радости» (*ЛН*, т. 77, стр. 505).

Стр. 26. *...замечание мыслителя, что в чужой беде всегда есть нечто нам приятное.* — Ср. выше, стр. 314, примеч. к стр. 394.

Стр. 27. *Даже в форме самого великого покаяния сего заключается уже нечто смешное...* — Ср. со словами «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо: «Труднеи всего признаваться не в том, что преступно, а в том, что смешно и постыдно» (см.: Ж.-Ж. Руссо. Избр. соч. в трех томах, т. III, стр. 21).

Стр. 28. *«Если соблазните единого от малых сих»...* — Начальные слова евангельского текста: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской» (см.: Евангелие от Матфея, гл. 18, ст. 6; ср. также: Евангелие от Луки, гл. 17, ст. 2).

Стр. 28. *...ибо нет ни слов, ни мысли в языке человеческом для выражения всех путей и поводов Агнца, «донде же пути его въявь не откроются нам».* — Источник этой цитаты не установлен.

Стр. 29. ... *эпитимья* (греч.) — исполнение исповедавшимся каких-либо благочестивых дел, назначенных ему духовником (например, продолжительная молитва, усиленный пост, паломничество и т. п.). Эпитимья исполняется добровольно, она не равнозначна наказанию.

Стр. 116.[1] *«Невозможно не придти в мир соблазнам, но горе тому, чрез кого соблазн приходит».* — Ср. с евангельским текстом: «Горе миру от соблазнов: ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит» (см.: Евангелие от Матфея, гл. 18, ст. 7; ср. также: Евангелие от Луки, гл. 17, ст. 1).

Стр. 117. ... *как во времена разделения вавилонского...* — Имеется в виду библейский рассказ о вавилонском столпотворении (Бытие, гл. 11, ст. 1—9).

Стр. 128. ... *передовые из наших левитов...* — Левиты (от имени Иаковова Левия) — название особого класса священнослужителей древнееврейского культа, на которых лежали низшие обязанности священнослужения (высшие исполнялись первосвященниками и священниками). Они охраняли порядок при богослужении, руководили народом при жертвоприношениях, входили в состав хоров. Ср. также с записью в записной тетради 1875—1876 гг.: «Левиты, семинаристы — это нужник общества».

Стр. 122. *Я [немножко], как тот архиепископ, который хотел, чтоб плевали на его могилу.* Этот мотив, с помощью которого Достоевский пытается подчеркнуть степень раскаяния Ставрогина, восходит к роману В. Гюго «Отверженные» (часть 2, кн. 8, гл. III). У Гюго: «Святой Теренций, епископ города Порта, расположенного при впадении Тибра в море, пожелал, чтобы на его надгробной плите была вырезана такая же надпись, как у отцеубийц, надеясь, что все прохожие будут плевать на его могилу...» (см.: В. Гюго. Собрание сочинений в 15-ти томах, т. 6. ГИХЛ, М., 1954, стр. 603; отмечено И. Н. Соломиной). Об отношении Достоевского к этому роману см.: наст. изд., т. VII, стр. 344.

Стр. 130. ... *оторваны от почвы...* — Выражение это применительно к русской интеллигенции употребил в 1847 г. К. С. Аксаков. Он писал: «Мы похожи на растения, обнажившие от почвы свои корни» (см.: Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М., 1847, стр. 41). По словам Н. Н. Страхова, «выражения, что мы оторвались от своей почвы, что нам следует искать своей почвы, были любимыми оборотами Федора Михайло-

---

[1] Здесь и ниже указаны стр. наст. тома.

вича...» (см.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. I, с. 278). См., например, Введение к «Ряду статей о русской литературе», объявления об издании журнала «Время» на 1861, 1862, 1863 гг. — наст. изд., т. XVIII). О «почвенничестве» Достоевского см. в кн.: *Кирпотин, Достоевский в шестидесятые годы.*

⟨КАРТУЗОВ⟩

(Том XI, стр. 31)

Печатается по черновым автографам: *ЦГАЛИ*, ф. 212. 1. № 6, с. 91—103, 105, 107, № 7, с. 111—115, 117—124. Авторские датировки отсутствуют. См.: *Описание*, стр. 126.

Впервые напечатано: *Коншина*, стр. 355—368, 373—390.

В собрание сочинений включается впервые.

Повесть была задумана Достоевским или в последний период работы над второй, окончательной редакцией романа «Идиот» или в скором времени после ее завершения, т. е. во второй половине 1868 — первой половине 1869 г. В тетради с подготовительными материалами к ней и находятся ранние наброски повести, главным героем которой должен был стать капитан, постоянно прикладывающий «руки к картузу». Записи к «Картузову» не могли быть сделаны в этой тетради до 9 апреля 1868 г.: этой датой помечены заметки к «Идиоту» в верхней половине с. 115. От них отделены чертою внесенные явно после них планы новой повести (с. 116, заполненная 8 апреля, пропущена). По всей вероятности, надо, однако, датировать эти записи позднейшими месяцами: вряд ли они могли появиться до 10 июня 1868 г., даты, проставленной перед июньскими записями к «Идиоту» на с. 125. Доведя наброски о Картузове в тетради до с. 124, Достоевский возвращается к этому замыслу на с. 118, 117, а затем на с. 111, 112, обозначая для себя порядок размещения этих рукописных кусков особой нумерацией. Очевидно, к моменту обдумывания планов «Картузова» с. 125 была уже занята, и писатель заполнил предшествующие страницы, оставшиеся ранее свободными.

В составе плана, названного «Капитан Картузов», содержится заметка: «Однажды я ходил к его сиятель⟨ству⟩, почтенному и покойному князю О-му, и носил раков...». Судя по контексту, здесь скорее всего имеется в виду писатель-романтик и музыкальный критик князь В. Ф. Одоевский, автор «Русских ночей» и «Сказок дедушки Иринея». Достоевский близко познакомился с ним еще в 1840-х годах. Одоевский в корректуре прочел «Бедных людей» (сохранился экземпляр романа с дарственной надписью: «Его сиятельству князю Владимиру Федоровичу в знак глубочайшего уважения от автора» — *ЛН*, т. 83, стр. 135).[1] В 1850-х годах Достоевский обратился к Одоевскому с письмом из Сибири, а в 1860-х был посетителем его литературного салона. «Светский» ореол Одоевского проступает в следующих словах повествователя: «⟨...⟩ встретив супругу их в кабинете, сумел и раскланяться и объяснить мою причину весьма удовлетворительно». Умер В. Ф. Одоевский 27 февраля (11 марта) 1869 г. В приведенной заметке он упоминается уже как «покойный». Отсюда можно сделать вывод, что планы, обозначенные цифрами «2» и «3», были составлены после кончины Одоевского.

Прямых эпистолярных свидетельств о времени работы над «Картузовым» не сохранилось. Возможно, что автор подразумевал эту повесть, когда, заканчивая «Идиота», 11(23) декабря 1868 г. писал А. Н. Майкову: «Есть у меня идея одной довольно большой повести листов в 12 печатных и привлекает меня». После некоторого перерыва Достоевский заносит в тетрадь, отведенную под наброски к первой редакции «Идиота» (последовательность расположения подготовительных материалов к «Картузову» в тетрадях сравнительно с «Идиотом» обратная) «Продолжение Картузова». Среди этих поздних планов «Картузова» на с. 103, 104 зафиксирована «идея» другого замысла,

---

[1] Ср. о литературных взаимоотношениях писателей: Р. Г. Назиров. В. Одоевский и Достоевский. *РЛ*, 1974, № 3, стр. 203—206.

озаглавленного «Смерть поэта» (см.: наст. изд., т. IX), причем с. 103 датирована 9 сентября н. ст. 1869 г. Очевидно, уже вслед за тем, как страница была заполнена, на полях, поверх сделанного раньше рисунка готического окна, появились строки, которые служат окончанием фразы из «Картузова», начатой на с. 102. Следовательно, заключительные страницы «Продолжения Картузова», а может быть и все оно целиком, набрасывались после 28 августа (9 сентября) 1869 г. В январе—феврале 1870 г. Достоевский уже размышляет над ⟨Романом о князе и ростовщике⟩ и повестью «Зависть». В ряду проектов первого из них содержится заметка «Пересочинить Картузова. Графа выгнали (скандальная дуэль)» (там же, стр. 125), а в набросках ко второй, являющейся исходным звеном в процессе формирования сюжета «Бесов», Картузов уже не занимает центрального места, а играет второстепенную, подчиненную роль. Таким образом, работа над «Продолжением Картузова» велась, по-видимому, в период с конца августа по декабрь 1869 г.

В черновиках фигурирует несколько вариантов заглавий повести: «Рассказ о неловком человеке», «Капитан Картузов», «Картузов», «Пощечина» (последнее заглавие относится либо ко всей повести, либо к одной из ее глав). Е. Н. Коншина, впервые опубликовавшая подготовительные материалы к «Картузову» в 1935 г., отмечая характерную для творчества Достоевского особенность, «вследствие которой образ одного романа вызывал в нем в виде развития или контраста образ последующего произведения», высказала предположения о возникновении образа Картузова как «некоей антитезы» к „бедному рыцарю" — князю Мышкину, идеализированному Достоевским» (см.: *Коншина*, стр. 25, 396). Справедливость такой догадки делает вероятной творческая история обоих произведений. У Картузова в какой-то мере обнаруживаются общие черты не только с Мышкиным, но и с Идиотом первой черновой редакции, любовь которого определялась как «странная», лишенная какого бы то ни было расчета: он, например, не мечтает, «будет ли она женой его, возможно ль это», «ему только бы любить», «он даже зашел к Сыну и говорил об ней, не скрывая своей любви и как бы помогая Сыну, так что удивил его и заставил думать, что он не в рассудке» (см.: наст. изд., т. IX, стр. 150). Но для «байронического» Идиота подобный строй чувств — «последняя степень проявления гордости и эгоизма», а для Мышкина в окончательном тексте романа — следствие высокого благородства и полного самоотвержения «положительно прекрасного человека». Бескорыстная же, но претенциозная влюбленность в «амазонку» ограниченного капитана Картузова, посылающего ей комически-беспомощные стихи, имеет юмористическую окраску. «*Комичнее*, загадочнее и интереснее, — писал Достоевский, — поставить с 1-го разу фигуру Картузова перед читателем. Все хищные и романтические моменты, при всей своей правде и действительности, должны быть *уловлены из природы* с комическим оттенком» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 44).

Местом действия не случайно избран был Ревель. В этом городе (нынешнем Таллине) сначала обучался, а затем служил в военно-инженерной команде с 1838 по 1847 г. М. М. Достоевский. В течение этого времени Ф. М. Достоевский несколько раз приезжал к брату: в июле 1843 г., июне—августе 1845 г. и мае—августе 1846 г. По свидетельству близкого знакомого братьев Достоевских А. Е. Ризенкампфа, которое дошло до нас в пересказе и цитации О. Ф. Миллера, ревельское общество «„своим традициональным, кастовым духом, своим непотизмом и ханжеством, своим пиетизмом, разжигаемым фанатическими проповедями тогдашнего модного пастора гернгутера Гуна, своею нетерпимостью, особенно в отношении военного элемента", произвело на Достоевского весьма тяжелое впечатление. Оно так и не изгладилось в нем во всю жизнь. Он был тем более поражен, что ожидал встретить в культурном обществе здоровые признаки культуры. „С трудом я мог убедить Федора Михайловича, — говорит Ризенкампф, — что всё это — только местный колорит, свойственный жителям Ревеля... При своей склонности к генерализации, он возымел с тех пор какое-то предубеждение против всего немецкого"» (см.: *Биография*, стр. 51; ср.: *Достоевский и его время*, стр. 280—283). В первом плане повести (1868 г.) значится:

«Ревель, воды, Картузов пленен Амазонкой». В 1869 г., набрасывая «Продолжение Картузова», Достоевский на с. 93 развил характеристику города: «*Ревель*. Город немецкий и имеющий претензию быть рыцарским, что почему-то очень смешно (хотя он и действительно был рыцарским)». На фоне ревельского общества, состоявшего из постоянных жителей и приезжавших на воды петербургских аристократов, и должна была быть воспроизведена история любви капитана Картузова к девушке из светского круга и столкновения его с графом, который отказался от притязаний на руку амазонки, после того как она сломала ногу (или узнав, что она потеряла состояние). Однако отношения Картузова как с товарищами-офицерами, так и с ревельцами Достоевский, как всегда, намеревался, по-видимому, воссоздать не однолинейно, а сложно. В одном из набросков 1868 г. на с. 111 содержится заметка «*Фон* Картузов», свидетельствующая о том, что герой повести стремился причислить себя к знатному роду. Проект этот не получает развития; позднее, напротив, подчеркивается, что Картузов, сознавая себя «уродом» и человеком «без роду и племени», на свое униженное положение реагировал внешним «всегдашним высокомерием», «хотя и довольно простоты при случае, наприм⟨ер⟩ с низшими он довольно и даже очень удовлетворителен» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 44, 51). Влюбленность Картузова в героиню раскрывалась как «*необходимое и неминуемое* обожание»: «с дамского седла... (т. е. через красивость) прямо приписаны ей Картузовым все совершенства, нравственные и физические, до высочайшего идеала». В то же время отмечалось, что Картузов не видит в своем обожании и в своих поступках «ни малейшего неприличия», так как «не предполагает возможности жениться на ней, не допускает и краешка мысли о равенстве с *нею* (но что стихи от него принять можно, потому что он капитан)», — см.: там же, стр. 55. Но когда героиня попадает в беду и граф ее оставляет, Картузов решается сделать ей предложение. Акцентируя отсутствие у Картузова каких-либо стяжательских помыслов, Достоевский полемически выступает против такого объяснения побуждений, движущих поступками его героя, которое могло бы быть подсказано «теорией среды». В духе этой теории должны были высказаться «Белинский и проч.» (возможно, Тургенев и Герцен), перенесенные по воле авторской фантазии также в Ревель [1] (см.: там же, стр. 57). Не исключено, что они были названы как прототипы, отдельные черты которых Достоевский собирался использовать для моделировки соответствующих художественных образов.

Обозначились в подготовительных материалах и некоторые важные композиционные и стилистические принципы. Изложение событий было поручено повествователю, который, «не принадлежа, был особенно связан с маленькой кучкой офицеров» и пользовался доверенностью «вновь определившегося, перешедшего из какой-то крепости» капитана Картузова (там же, стр. 44—45). Вместе с тем не исключалось и повествование от лица автора. Например, сопоставление героя повести с Дон-Кихотом сопровождалось заметкой: «Всё это объяснить в повести *от себя*» (см.: там же, стр. 55). Как и в задуманном для «Зари» в феврале-марте 1869 г. «рассказе» о воспитаннице (см.: наст. изд., т. IX, стр. 115), Достоевский в ⟨Картузове⟩ ориентировался на Пушкина. «Всё кратко, по-пушкински, с самого начала, без психологических тонкостей, с короткими фразами. *Учиться писать*» (там же, т. XI, стр. 44). Был намечен ряд сюжетных ситуаций, сцен и эпизодов, в которых должен был раскрываться характер главного действующего лица как «комического рыцаря». Это встреча Картузова с опрокинувшей его амазонкой, рассуждения о «деликатной», «высшей» мысли этой «кувырколлегии», посвящение «даме» неуклюже-комических стихов, диалог с полицмейстером, где капитан объясняет свое поведение и растолковывает смысл

[1] В Ревеле с середины мая по сентябрь 1846 г. находились жена Белинского с сестрою и дочерью. Ф. М. Достоевский через брата хлопотал об их устройстве (см. письма его к М. М. Достоевскому от 26 апреля, 16 мая и 5 сентября 1846 г.), затем приехал туда на лето и возвращался в Петербург с М. В. Белинской на одном пароходе (см.: *Достоевский и его время*, стр. 283).

этих стихов, путая амфибрахий с амфитеатром, покупка медведя, предполагаемый полет на воздушном шаре, ссора с графом, которого герой называет «решительным подлецом» и который в свою очередь «вытянул его хлыстом», дуэль, где Картузов, вызвавший графа, не стреляет («или лучше не вызывает»), предположение, а вслед за тем убивающая «буквально» капитана мысль, что он «обидел» героиню, воспользовавшись ее положением, «приравнял ее к себе», наконец скандал в Красном кабачке, арест, сумасшествие и смерть Картузова.

Наряду с фамилией Картузов[1] в черновиках встречается и другой вариант фамилии героя и тут же раскрываются связанные с нею ассоциации. Письмо к графу заключает подпись: «слуга К. Картузов. Мерзавцев. А вы — мерзавец» (см.: там же, стр. 54). Этот второй вариант фамилии героя, фигурирующий дважды в набросках ⟨Картузова⟩, переходит в подготовительные материалы к «Бесам», предрешая дальнейшую эволюцию этого персонажа. Амазонка, в которую был влюблен Картузов, первоначально была названа Екатериной Григорьевной Кармазиной (иногда Каразиной). Но потом она превратилась в Елизавету или Лизавету Николаевну. Один из вариантов ее фамилии — Самарина. Обращаясь к ней, Картузов писал: «Вы носите имя русской славы. Нося имя русской славы, вы, конечно, не приметили обожающего вас капитана Петра Картузова» (см.: там же, стр. 36). Затем имя «амазонки» перешло в «Бесы» к Елизавете Николаевне Дроздовой.

В начале 1870 г. Достоевский вторично отошел от повести. В возникшем в это время плане «Зависть» Картузов уже не главное лицо, а некоторые сюжетные положения, с ним связанные, отнесены к учителю. Учителя сбивает наездница, он же, первоначально оставивший пощечину без ответа, потом вызывает обидчика на дуэль, выдерживает выстрел, но сам не стреляет. Картузов в «Зависти» — сосед, пишущий стихи красавице. Он по-прежнему «охранитель» ее чести. В дальнейшем ходе работы над «Бесами» образ Картузова претерпел новые изменения. На первых порах он был превращен в двоюродного (или родного) брата Степана Трофимовича Верховенского, по чину то капитана, то полковника (иногда подполковника), севастопольского героя. В это время в облике его еще сохранились благородные черты прежнего Картузова: он содержит свою сестру, мать молодого нигилиста; на него, как на рыцаря, может рассчитывать красавица. Но постепенно он наделяется все более отрицательными чертами. Говорится и о том, что он «зубоскал, злобный и низкий, издевается заочно над братом и его дружбой к Княгине». Далее определяются такие свойства характера Картузова, как фискальство и шпионство, и появляется дублирующий его образ капитана Лебядкина. Одно время они сосуществуют. Затем новый герой — Лебядкин, вытесняет Картузова. В окончательном тексте «Бесов» фамилия Картузова встречается лишь однажды: рассказывая о посетителях кружка, образовавшегося вокруг Степана Трофимовича Верховенского, хроникер отмечает, что наряду с прочими «случайными гостями» «ходил капитан Картузов».

Лебядкин наследует от бывшего Картузова его преклонение перед красотой Елизаветы Николаевны Дроздовой-Тушиной и склонность к сочинению нелепых стихов. Переходят в роман с небольшими поправками и сами кар-

---

[1] М. С. Альтман высказал следующее допустимое, но не лишенное известной гипотетичности предположение о происхождении фамилии «Картузов»: «Весьма вероятно, что и фамилия капитана Картузова в „Бесах“ ⟨...⟩ также связана с одной репликой из „Мертвых душ“. Когда, в связи с чичиковскими покупками крестьян на вывод, некоторые стали выражать опасения, как бы крестьяне не взбунтовались, то на это „полицмейстер заметил, что бунта нечего опасаться, что в отвращение его существует власть капитана-исправника, что капитан-исправник, хоть сам и не езди, а пошли только на место себя один картуз свой, то один этот картуз погонит крестьян до самого места их жительства“ («Мертвые души», т. I, гл. 8). Вот из этого-то гоголевского *капитана с картузом* у Достоевского возник (с олицетворением этого всесильного картуза) *капитан Картузов*» (см.: М. С. Альтман. Гоголевские традиции в творчестве Достоевского. «Slavia», 1961, вып. 3, стр. 455).

тузовские «стихотворения» «О как она мила...», «Жил на свете таракан...», — последнее с комически многозначительными толкованиями, намеченными уже в черновиках ⟨Картузова⟩. Ситуация с переломом ноги используется как воображаемая: Лиза, испытывая Маврикия Николаевича и дразня его, высказывает предположение, что он ее будет водить, если она сломает ногу (к Маврикию Николаевичу вообще переходит рыцарская миссия Картузова его джентельменство, но в плане серьезном, без малейшего юмористического оттенка); капитан Лебядкин читает Ставрогину стихи «В случае если б она сломала ногу!» Получают развитие, творчески претворяются мотивы хлыста, пощечины, дуэли без выстрела, которые фигурировали во многих черновых набросках этого периода, а в рукописях «Бесов» прикладывались к разным героям, пока не были приурочены окончательно к сценам между Шатовым и Ставрогиным (где Николай Всеволодович молча сносит пощечину) и между Ставрогиным и младшим Гагановым (Ставрогин трижды выдерживает выстрел противника, сам стреляя в воздух).

С т р. 39.[1] *Заходил к Полонскому, оставил карточку.* — Поэт Я. П. Полонский (1819—1898) активно сотрудничал в журнале Достоевского «Время», где был напечатан ряд его лирических стихотворений, комедии, сцены, роман в стихах «Свежее предание». Достоевский высоко ценил талант Полонского. В письме к А. Н. Майкову от 18 февраля (1 марта) 1868 г. писатель выделил среди произведений, опубликованных в первом номере «Русского вестника» за этот год «премилое» стихотворение Полонского «Вакханка и сатир». После появления статьи Н. Н. Страхова о собрании сочинений Полонского («Заря», 1870, № 9, стр. 127—164), Достоевский в письме к нему от 9(21) октября 1870 г. солидаризовался с рецензентом в оценке творчества Полонского как «истинной» поэзии, которая, несмотря на отсутствие внешних признаков современности, выдержит суд истории.

С т р. 49. *Ган Исландец.* — Герой одноименного романа В. Гюго, вышедшего в свет в 1823 г. (второе издание в 1833 г.; первый русский перевод Есипова — СПб., 1833). Ган Исландец, ставший убийцей из ненависти и презрения к ничтожеству рода человеческого, воспринимался Белинским в 1830-х годах как герой, типичный для так называемой неистовой школы во французской литературе, представители которой «всё, что есть отвратительного в человеческой природе, все ее уклонения, всё, что есть ужасного в гражданском обществе, все его противоречия⟨...⟩ *отвлекли* от природы человека и от гражданского общества, и ряд чудовищно нелепых романов, повестей и драм наводнил весь белый свет» (см.: *Белинский*, т. II, стр. 468). См. также о «Гане Исландце»: Б. Г. Р е и з о в. Французский исторический роман в эпоху романтизма. ГИХЛ, Л., 1958, стр. 430—464.

БЕСЫ

(том XI, стр. 58)

Подготовительные материалы

Рукописи к роману «Бесы», публикуемые в предыдущем томе, вводят читателя в творческую историю этого произведения. Они извлечены из четырех записных тетрадей, относящихся в основном ко времени пребывания писателя за границей (1869—1872). Впервые эта часть рукописных материалов была напечатана полностью Е. Н. Коншиной в 1935 г.[2]

---

[1] Здесь и ниже указаны страницы XI тома наст. изд.

[2] См.: Записные тетради Ф. М. Достоевского. Подгот. к печ. Е. Н. Коншиной. Комм. Н. И. Игнатовой и Е. Н. Коншиной. Изд. «Academia», М.—Л., 1935. В виде небольших извлечений материалы к роману в 1905 г. были опубликованы А. Г. Достоевской в восьмом томе Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского (изд. 6-е, т. 8, СПб., 1905, стр. 597—616). В 1922 г.

Исходя из принципа публикации записных тетрадей Достоевского как архивных документов в их единстве и целостности, Е. Н. Коншина сознательно отказалась от изъятия из них текстов, не имеющих отношения к «Бесам», и от попытки установить хронологическую последовательность записей, которые ею воспроизведены в том порядке, в каком они следуют в тетрадях.

К достоинствам публикации Е. Н. Коншиной следует отнести основательное и серьезное прочтение текстов, воспроизведенных — насколько это позволил избранный ею принцип подачи материала — не механически, а осмысленно; обстоятельный текстологический и реальный комментарий; хронологический указатель к рукописям, составленный на основе датированных Достоевским набросков. Тем не менее пользоваться этой публикацией при изучении творческой истории романа трудно: те хронологические вехи, которые мелькают порой в записных тетрадях, не дают читателю возможности ориентироваться в сложном и разнообразном материале подготовительных набросков, уловить логическую и хронологическую связь в сменяющихся планах, программах, конспектах.

О трудностях, с которыми сталкивается текстолог, обращаясь к рукописям Достоевского, писали немало. Это пользование двумя (или даже несколькими) тетрадями одновременно, непоследовательное заполнение страниц внутри одной тетради (писатель мог сделать запись на любой раскрытой странице, мог заполнять тетрадь в обратном порядке, с конца, и т. д.), хаотичность записей на одной странице, неясность соотношения многих авторских помет с текстом, большое количество недатированных записей. Сказанное в полной мере относится и к рукописям романа «Бесы».

В настоящем издании впервые предпринята попытка воссоздать сложный процесс работы Достоевского над текстом романа «Бесы» в его хронологической последовательности. [1] Из материалов записных тетрадей отобраны при этом лишь те тексты, которые имеют непосредственное отношение к замыслу романа. Только такое расположение при неизбежной гипотетичности отдельных решений даст возможность читателю проследить процесс возникновения романа от зарождения замысла до тех его черновых воплощений, в которых уже отчетливо проступают контуры знакомого нам по печатному тексту произведения; представить эволюцию его идей и форм; узнать историю творческих исканий художника.

Даты, поставленные самим писателем, являются более или менее надежными ориентирами в массе недатированного материала. Однако и здесь сразу же возникают трудности при определении примерных границ того или иного текстологического пласта с авторской датой, извлекаемого из рукописи, так как дата может относиться и к развернутому плану в несколько страниц, и к записям на одной странице, и к отдельной заметке или приписке.

появилась публикация Н. Л. Бродского, напечатавшего с большими купюрами записную тетрадь *ГБЛ*, ф. 93, I, № 1, ед. хр. 4 (см.: Н. Л. Бродский. Творческая история романа «Бесы» (по неизданным материалам). «Свиток», № 1, «Никитинские субботники», М., 1922, стр. 83—119).

[1] В 1968 г. вышло американское издание записных тетрадей Достоевского, являющееся переводом подготовленного Е. Н. Коншиной советского издания (см.: The Notebooks for «The Possessed» Fyodor Dostoevsky. Edited and with an Introduction by Edward Wasiolek. Translated by Victor Terras. The University of Chicago Press. Chicago—London, 1968). Составитель сборника, руководствуясь авторскими датами, сравнительным изучением набросков по содержанию, употреблением реальных и литературных имен персонажей и другими признаками, старался по возможности выдержать хронологический принцип. Он распределил содержание тетрадей по восьми тематическим разделам, дав им специальные заглавия («Самый ранний вариант «Зависть», «Студент и Грановский», «Романтические осложнения» и др.) и предварив каждый кратким предисловием. Тексты, не поддающиеся датировке, были выделены в три специальных раздела («Нечаев — неопределенная хронология», «Князь и Тихон — разнообразные подступы», «Разнообразные подступы»).

Сопоставление датированных и недатированных отрывков по содержанию в ряде случаев позволяет установить приблизительные хронологические границы текстов, определить, какие из них относятся примерно к тому же времени, что и датированные, и какие написаны до или после них. Так, например, несомненно близки по времени наброски, озаглавленные Достоевским «Фантастическая страница», «К фантастической странице» и «Продолжение фантастических страниц» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 173—189), из которых первый датирован самим писателем 23 июня 1870 г. [1]

Перемещение материала, не поддающегося более или менее точной датировке путем сравнения с датированными Достоевским программами и планами, осуществлялось с большой осторожностью и только в тех случаях, когда несоответствие его контексту рукописи было очевидным.

В значительной мере в датировке набросков помогли письма Достоевского периода работы над романом. При установлении времени написания заметок, которые непосредственно предшествовали созданию связного текста тех или иных глав, а затем вошли в них в редакции, близкой к окончательной, принимались во внимание также сведения о времени публикации этих глав в «Русском вестнике».

Учитывались также при датировке такие моменты, как употребление Достоевским реальных и литературных имен одних и тех же персонажей (так, в более ранних набросках будущие Виргинский и Липутин называются Успенским и Милюковым, Петр Верховенский — Студентом и Нечаевым); упоминание в рукописях романа той или иной статьи из текущей периодики. Например, в разделе «Взгляд Нечаева на ход внутренней политики» (см. наст. изд., т. XI, стр. 262—264) назван фельетон Заезжего в «Голосе» от 16—17 января 1871 г. Это позволяет считать, что данный текст был написан не ранее января 1871 г. В трудно поддающемся датировке наброске «О Нечаеве» (там же, стр. 106—107) есть следующая ссылка: «Флёровский, Золотой век, „Заря“, январь». Речь идет здесь об опубликованной в январском номере «Зари» за 1870 г. рецензии Д. Анфовского «Скорое наступление золотого века» на книгу Н. Флеровского «Положение рабочего класса в России». Очевидно, набросок «О Нечаеве» можно отнести к февралю как к наиболее раннему из возможных сроков, так как русские периодические издания доходили за границу с опозданием. Это предположение подкрепляется тем, что в тексте сообщники Нечаева названы Милюковым и Успенским, что характерно для февральских набросков романа. Упоминание Петрашевского как прототипа героя также говорит о ранней редакции набросков. Встречающаяся в тексте заметка с именем Виргинского, как об этом свидетельствуют почерк и цвет чернил, является более поздней припиской и таким образом не опровергает указанного предположения. Сказанное относится и к тем случаям, когда в связный текст ранней редакции вносились писателем приписки более позднего времени. Характерна в этом отношении с. 35 одной из тетрадей (см.: там же, стр. 79—80). По содержанию эта страница, как и предшествующие, относится к одной из ранних редакций набросков будущего романа, представляющей политический памфлет на Нечаева (февраль 1870 г.), и поэтому вызывает недоумение упоминание здесь апрельского номера «Зари» за 1870 г. При внимательном изучении автографа нетрудно, однако, обнаружить, что запись с упоминанием «Зари», сделанная в верхней части страницы более мелким почерком и другими чернилами, относится к более позднему времени и свидетельствует о повторном обращении Достоевского к рукописи.

Иногда порядок расположения записей определялся нумерацией [2] или другими пометами Достоевского, а также последовательностью текста. Подобные случаи специально в подстрочных примечаниях не оговариваются.

Расположение части черновых заметок к роману остается, однако, предположительным. Это относится к наброскам о свидании Князя (Ставрогина)

---

[1] Достоевский работал над романом в основном за границей; поэтому большинство записей датировано новым стилем.

[2] Все остальные цифры в рукописи, значение которых к тому же не всегда понятно, не воспроизводятся.

с Тихоном, написанным в разное время и не поддающимся точной датировке. Не выяснена также за отсутствием данных хронология ряда записей о Нечаеве, сделанных, очевидно, еще до публикации летом 1871 г. материалов нечаевского процесса. Большую сложность вызывает датирование разделов, озаглавленных «Словечки», «Разные словечки», «Слова и насущное», куда Достоевский записывал в разное время те или иные характерные выражения и обороты, чтобы позднее использовать их в тексте романа. В тех случаях, когда подобные разделы невозможно отнести к одной какой-нибудь главе, но в то же время очевидно, что они слагались в течение длительного времени (года или даже двух лет), приходилось приблизительно датировать заметки двумя крайними возможными датами, [1] причем их место в рукописи определяла последняя дата.

В ряде случаев, где это представлялось целесообразным, допущено отступление от хронологического принципа. Это касается страниц, на которых находятся записи разного времени, не поддающиеся точной датировке. Страница публикуется тогда целиком, ибо приходится отказаться от разъединения и перемещения материала ввиду невозможности точно определить его место.

При публикации подготовительных материалов к роману «Бесы», относящихся к январю-февралю 1870 — октябрю 1872 г., приняты следующие условные обозначения для четырех тетрадей, хранящихся в архивах: I — *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1. 8; II — *ГБЛ*, ф. 93, I. 1, 4; III — там же, 5; IV — *ЦГАЛИ*, ф. 212. 1. 9.

В первой тетради, имеющей, как и последующие тетради, матерчатый переплет, 80 страниц; из них 63 пронумерованы А. Г. Достоевской. На вклеенном листе надпись рукою А. Г. Достоевской: «„Бесы“. На стр. 57—62 описание припадков падучей болезни в 1869—1870 гг.». Содержание тетради очень пестрое: наряду с набросками к будущему роману «Бесы» здесь встречаются записи к «Вечному мужу», различным неосуществленным замыслам 1869—1870 гг., а также записи дневникового характера 1869—1870 гг. и черновик письма Достоевского к М. Н. Каткову от 1 октября (19 сентября) 1870 г. Из черновых материалов к «Бесам» в этой тетради находятся самые ранние наброски к роману, озаглавленные «Зависть» и относящиеся, очевидно, к январю 1870 г., программы, планы и другие записи, большая часть которых датирована самим писателем августом 1870 г. Этих августовских дат в тетради семь. Крайние даты, встречающиеся в ней: 21 января (2 февраля) 1869 г. и 26 октября н. ст. 1870 г. Таким образом, первое (начало 1870 г.) и второе (август 1870 г.) обращение писателя к роману разделяет промежуток времени, превышающий полгода. Записи этого периода (январь—июль) содержатся во второй и третьей тетрадях.

Во второй тетради также имеется надпись на вклеенном листе рукою А. Г. Достоевской: «Записная книжка Ф. М. Достоевского. Материалы для романа „Бесы“. В книжке 77 нумерованных страниц. Отрывки из этой книжки, обведенные синим карандашом, напечатаны в восьмом томе „П⟨олного⟩ с⟨обрания⟩ сочинений“, издание шестое». Она в отличие от предыдущей однородна по своему содержанию и почти целиком относится к «Бесам» (исключение составляют наброски к «Житию великого грешника», расположенные на с. 6—22 и 70). Тетрадь охватывает около полугода: ее крайние даты — 8(20) декабря 1869 и 3(15) мая 1870 г. (обе эти даты относятся к замыслу «Житие великого грешника»). Для второй тетради характерны бессистемность и беспорядочность записей (в смысле хронологической последовательности). Достаточно в связи с этим привести даты, поставленные Достоевским, в том порядке, в котором они находятся в тетради: 15 марта, 7 марта, 2 марта, 11 марта, 24 января, 3 февраля, 16 февраля, 18 февраля, 26 февраля 1870 г. Тетрадь открывается, следовательно, наиболее поздними по времени

---

[1] В тексте подготовительных материалов такие ориентировочно установленные даты не указываются, воспроизводятся лишь поставленные самим Достоевским даты с необходимыми редакторскими дополнениями в ломаных скобках.

написания заметками (мартовскими), январские же записи расположены почти в середине тетради, а февральские занимают последующие страницы. Январские записи, очевидно, являются непосредственным продолжением начальных записей в первой тетради. Вторая тетрадь, как уже отмечалось, была заполнена Достоевским в промежутке между первым и вторым обращением к первой. В это же время писатель сделал апрельские, майские, июньские и июльские записи 1870 г. в третьей тетради.

Третья тетрадь — самая большая по объему из четырех тетрадей (145 страниц). Она также однородна по своему содержанию. Кроме наброска «Мысли новых повестей» и записей делового характера, тетрадь целиком заполнена материалами к «Бесам». Эта тетрадь наиболее интересна с точки зрения идейного содержания записей. Именно в ней, на «Фантастических страницах», разворачиваются ночные философские диалоги между Шатовым и Ставрогиным о вере и неверии, происходят беседы Князя и Тихона, раскрывается программа Нечаева. Она охватывает период с 23 мая 1870 г.[1] по 13 мая 1871 г. Несмотря на значительное количество авторских дат (23), эта тетрадь вызывает наибольшие трудности с точки зрения систематизации и датировки текстов.

Четвертая тетрадь невелика по объему, в ней 56 страниц. На листе, вклеенном А. Г. Достоевской, надпись ее рукою: «„Бесы“. Заметки, относящиеся к концу романа „Бесы“ ⟨...⟩. Эта записная книга Ф. М. Достоевского подарена мною внукам моим Федору и Андрею Достоевским. 28 января 1909 года». Основная часть записей этой тетради относится к роману «Бесы», а именно к третьей, последней его части. Среди других текстов Достоевского здесь встречаются заметки для будущего «Дневника писателя» и для журнала «Гражданин», описание эпилептических припадков, адреса, денежные расчеты. Дат в тетради всего пять, из них только три (с обозначением числа и месяца, но без указания года) относятся к «Бесам». Преимущественная принадлежность заметок к третьей части романа, их близость к окончательному тексту, употребление только литературных имен и фамилий персонажей — все это дает возможность ориентировочно отнести записи этой тетради к 1872 г. Очевидно, они предшествовали писанию связного текста глав третьей части романа, опубликованной в ноябрьской и декабрьской книжках «Русского вестника» за 1872 г. Это предположение косвенно подтверждается и тем фактом, что среди материалов тетради встречаются заметки к «Дневнику писателя», датированные самим автором 1872 г.[2]

Высказанные соображения позволяют опубликовать четвертую тетрадь целиком с сохранением характерной для нее последовательности записей[3] в отличие от предшествующих трех тетрадей, пестрый материал которых перераспределен в рамках периода с начала 1870 по конец 1871 г.

Завершается публикация подготовительных материалов наброском «Послесловие», которое писатель, возможно, готовил для отдельного издания романа 1873 г. Набросок этот извлечен из тетради с черновыми материалами к «Подростку», хранящейся в *ЦГАЛИ* (ф. 212, 1, 11). Возникший позднее других записей, воспроизводимых в данном томе, он по своему характеру примыкает к более раннему наброску «Предисловия» в четвертой тетради.

Характеристика способов подачи вариантов рукописей и некоторых общих особенностей черновых автографов Достоевского изложена в предыдущих томах настоящего издания (см.: т. I, стр. 439—440; т. IX, стр. 460—464).

---

[1] В тетради встречается и более ранняя дата — 29 марта (10 апреля) 1870 г., но, как справедливо отметила Е. Н. Коншина, лист с этой датой (с. 62—63) А. Г. Достоевская вклеила не на свое место, нарушив последовательность текста (см.: *Коншина*, стр. 426). Возможно, что это вообще лист из другой тетради.

[2] Подобное предположение высказала в свое время и Е. Н. Коншина (см.: *Коншина*, стр. 442).

[3] Попытка перестановки записей внутри ее в порядке следования глав третьей части романа при почти полном отсутствии авторских дат была бы произвольной.

Стр. 58.[1] *Крупные землевладельцы на манер В-ва.* — Подразумевается, вероятно, князь А. И. Васильчиков (1818—1881), крупный землевладелец Тамбовской губернии, либеральный экономист и публицист, автор книги «Землевладение и земледелие в России и в других европейских государствах» (СПб., 1876) и ряда других сочинений; выступал в защиту общины и крестьянского самоуправления. Достоевский мог также иметь в виду и его брата — военного и государственного деятеля В. И. Васильчикова (1820—1878), которого писатель упоминает в письме к А. И. Гейбовичу из Твери от 23 октября 1859 г.

Стр. 58. *Наш дворянин — лакей.* — См. примеч. к стр. 71, 169.

Стр. 62. *Учитель не берет ее. Иосиф бежит.* — Согласно ветхозаветной легенде, жена египетского царедворца Потифара тщетно пыталась соблазнить Иосифа. Юноша бежал, оставив в руках искусительницы свои одежды (см.: Бытие, гл. 39, ст. 7—20). Имя Иосифа стало нарицательным для обозначения чистого, целомудренного юноши.

Стр. 63. *Красавица отдает⟨ся⟩. Иосиф.* — См. примеч. к стр. 62.

Стр. 64. *Их мнение о Пушкине (бедность русской литературы).* — Достоевский, по-видимому, имел в виду некоторые высказывания И. В. Киреевского о русской литературе. Мысль о «бедности русской литературы» находим в статьях Киреевского «Обозрение русской словесности за 1829 г.» и «Обозрение русской литературы за 1831 г.». В первой статье Киреевский говорит: «Но если мы будем рассматривать нашу словесность в отношении к словесностям других государств, если просвещенный европеец, развернув перед нами все умственные сокровища своей страны, спросит нас: „Где литература ваша? Какими произведениями можете вы гордиться перед Европою?“ — что будем отвечать ему? Мы укажем ему на „Историю Российского государства“, мы представим ему несколько од Державина, несколько стихотворений Жуковского и Пушкина, несколько басен Крылова, несколько сцен из Фонвизина и Грибоедова, и — где еще найдем мы произведение достоинства европейского? Будем беспристрастны и сознаемся, что ⟨...⟩ у нас еще нет литературы. Но утешимся: у нас есть благо, залог всех других: у нас есть надежда и мысль о великом назначении нашего отечества!» (см.: И. В. Киреевский. Полное собрание сочинений, т. I. М., 1861, стр. 44—45). «Наша литература — ребенок, который только начинает чисто выговаривать», — пишет Киреевский в «Обозрении русской словесности за 1831 г.» (см.: там же, стр. 86; см. также: *Коншина*, стр. 417—418). Полемику со славянофилами о значении русской литературы Достоевский вел еще в начале 1860-х годов (см., например, статью «Два лагеря теоретиков» (1862)— наст. изд., т. XVIII).

Стр. 64. *Слова Киреевского об иконе.* Ср. стр. 120. *Гр⟨ановски⟩й говорит о поклонении иконе — словах Киреевского*; стр. 177. *Славянофилы и образа...* стр. 185. *Они не веруют (Киреевск⟨ий⟩, икона)»*; стр. 186. ... *икона (Киреевск⟨ий⟩).* — Достоевский имеет в виду, как установила Е. Н. Коншина, рассказ И. В. Киреевского об иконе, приведенный А. И. Герценом в «Былом и думах» (ч. IV, гл. XXX): «Я раз стоял в часовне, смотрел на чудотворную икону богоматери и думал о детской вере народа, молящегося ей; несколько женщин, больные, старики стояли на коленях и, крестясь, клали земные поклоны. С горячим упованием глядел я потом на святые черты, и мало-помалу тайна чудесной силы стала мне уясняться. Да, это не просто доска с изображением... Века целые поглощала она эти потоки страстных возношений, молитв людей скорбящих, несчастных; она должна была наполниться силой, струящейся из нее, отражающейся от нее на верующих. Она сделалась живым органом, местом встречи между творцом и людьми. Думая об этом, я еще раз посмотрел на старцев, на женщин с детьми, поверженных в прахе, и на святую икону — тогда я сам увидел черты богородицы одушевленными, она с милосердием и любовью смотрела на этих простых людей... И я пал на колени и смиренно молился ей» (см.: *Герцен*, т. IX, стр. 160; см. также: *Коншина*, стр. 417—418). Рассказ

[1] Здесь и ниже указаны страницы XI тома наст. изд.

И. В. Киреевского об иконе, неоднократно упоминающийся в подготовительных материалах к «Бесам», свидетельствовал, по мнению Достоевского, о «насильственной» вере славянофилов, об отсутствии у них живого и непосредственного религиозного чувства.

Стр. 64. *La propriété c'est le vol.* — Собственность — кража (франц.).— Слова одного из вождей жирондистов Ж.-П. Бриссо, получившие широкую известность благодаря книге П.-Ж. Прудона «Что такое собственность» (1840). Достоевский неоднократно цитирует их. Подробнее об этом см.: наст. изд., т. XV.

Стр. 64. *Любви пылающей граната ∾ По Севастополю безрукий.* Ср. стр. 124. *По Севастополю безрукий ∾ в груди Игната*; стр. 252. *Письмо к ней от Лебядкина — «По Севастополю безрукий».* Ср. с образом гоголевского капитана Копейкина в «Мертвых душах», который во время военной кампании 1812 г. «проливал кровь, лишился, в некотором роде, руки и ноги» (см.: *Гоголь*, т. VI, стр. 202). Пародийное использование Достоевским черт гоголевского капитана при создании образа Картузова-Лебядкина весьма вероятно. О гоголевском капитане Копейкине Достоевский упоминает в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (см.: наст. изд., т. V, стр. 58—59).

Стр. 65. ... *путешествие по Испании...* — Намек на книгу В. П. Боткина «Письма об Испании» (СПб., 1857).

Стр. 65. ... *рукописная заметка о Крымской войне ∾ доставившая ему гонение.* — Намек на анонимную брошюру «Восточный вопрос с русской точки зрения 1855 г.», изданную в Лейпциге в 1861 г. и приписывавшуюся Т. Н. Грановскому. Разбору этой книги, широко известной в свое время (по словам Достоевского, «ходила тогда по рукам и имела влияние») посвящены главки «Идеалисты-циники» и «Постыдно ли быть идеалистом?» в «Дневнике писателя» за июль-август 1876 г., причем Достоевский называет автором брошюры Грановского. Ср. также записную тетрадь Достоевского за 1876—1877 гг.

Стр. 65. *Становит себя бессознательно на пьедестал ∾ приезжают поклониться, любит это.* — Возможно, намек на А. И. Герцена, для свидания с которым в Лондон приезжали многочисленные русские различных политических убеждений.

Стр. 65. *Большой поэт, не без фразы.* — Здесь также можно усмотреть намек на А. И. Герцена. Подробнее см. выше, стр. 225—226.

Стр. 65. *Пятно на стене.* — По предположению Е. Н. Дрыжаковой, эта фраза восходит к гл. XXX четвертой части «Былого и дум» А. И. Герцена, где рассказывается об одиночестве «западника» П. Я. Чаадаева, постепенно утратившего всех своих друзей: «Друзья его были на каторжной работе. Он сначала оставался совсем один в Москве, потом вдвоем с Пушкиным, наконец втроем с Пушкиным и Орловым. Чаадаев показывал часто, после смерти обоих, два небольших пятна на стене над спинкой дивана: тут они прислоняли голову!» (см.: *Герцен*, т. IX, стр. 146). Примечательно, что Достоевский, задумав образ Степана Трофимовича Верховенского, «чистого и идеального западника со всеми красотами», обратился к герценовской характеристике Чаадаева (см.: Е. Н. Дрыжакова. Достоевский и Герцен. (У истоков романа «Бесы»). В сб.: *Материалы и исследования*, т. I, стр. 221).

Стр. 65. ... *Герцен (А. и Б. «Охота тебе с таким дураком говорить»).* — Смысл этой записи Достоевского раскрыт в «Дневнике писателя» за 1873 г. (см. «Вступление»): «Однажды, разговаривая с покойным Герценом, я очень хвалил ему одно его сочинение, — „С того берега". ⟨...⟩ Эта книга написана в форме разговора двух лиц, Герцена и его оппонента.

— И мне особенно нравится, — заметил я между прочим, — что ваш оппонент тоже очень умен. Согласитесь, что он вас во многих случаях ставит к стене.

— Да ведь в том-то и вся штука, — засмеялся Герцен. — Я вам расскажу анекдот. Раз, когда я был в Петербурге, затащил меня к себе Белинский и усадил слушать свою статью, которую горячо писал: „Разговор между

господином А и господином Б“. (Вошла в собрание его сочинений.) В этой статье господин А, т. е., разумеется, сам Белинский, — выставлен очень умным, а господин Б, его оппонент, поплоше. Когда он кончил, то с лихорадочным ожиданием спросил меня:

— Ну что, как ты думаешь?

— Да хорошо-то хорошо, и видно, что ты очень умен, но только охота тебе была с таким дуралеем свое время терять.

Белинский бросился на диван, лицом в подушку, и закричал, смеясь что есть мочи:

— Зарезал! Зарезал!» (см. также: *Коншина*, стр. 418).

С т р. 65. *Любит шампанское*. — Возможно, намек на А. И. Герцена (ср. в черновых вариантах к «Исповеди Версилова»: «Выпьем. Я, как Герцен»; «Да здравствует жизнь, шампанское» — т. XV). См. также: наст. изд., т. XIV.

С т р. 65. *Роль Сакса*. Ср. с т р. 67. *(Смеется над Полинькой Сакс);* с т р. 75. *Сакса скорчить;* с т р. 120. *Мечтает о Поле Саксе..*; с т р. 162. *Вдруг рисуется в Саксе, в бескорыстии* ⟨...⟩ *а то он хотел Сакса играть* — и т. д. — См. выше, стр. 317.

С т р. 65. «*Христос не понял женщину*». — См. выше, стр. 289.

С т р. 65. *Глупость откровенности: осилил Мадонну*. — Имеется в виду «Сикстинская мадонна» Рафаэля — см. выше, стр. 300.

С т р. 65. *Жорж Занд и кумиры* ∾ *сквозь серьезность*. — См. выше, стр. 277.

С т р. 66. *Dies irae*... — День гнева (лат.) — слова заупокойной католической молитвы. Возможно, что слова эти в черновиках к «Бесам» навеяны финальной сценой из первой части «Фауста» Гете, происходящей в соборе, куда приходит Маргарита. Мефистофель предсказывает ей вечную гибель, а хор вторит словами реквиема: «День гнева, из праха он подымет род людской...». Достоевский был знаком с оперой Ш. Гуно «Фауст», а в «Подростке» писатель воплотил собственную оригинальную интерпретацию темы «Гретхен и злой дух» в замысле музыкально-драматического произведения Тришатова (см.: наст. изд., т. XV; см. также: *Гозенпуд*, стр. 124—128).

С т р. 66. *Хорошо устроил денежные обстоятельства*. — По всей вероятности, здесь заключен намек на А. И. Герцена (ср.: «Отрицал собственность, а в ожидании успел устроить дела свои и с удовольствием ощущал за границей свою обеспеченность» (*ДП*, 1873, гл. 2, «Старые люди»)). Как предполагает Г. Я. Галаган, Достоевский намекает здесь на рассказ самого Герцена в «Былом и думах» (ч. V, гл. XXXIX) о его денежных делах, благополучно устроенных за границей с помощью Ротшильда (см.: наст. изд., т. XV).

С т р. 66. *...тут дело финальных результатов Петровской реформы* ∾ *а ведь общеевропейцев-то вовсе нет*. — Ср. в статье «Два лагеря теоретиков» (1862): «Несомненно то, что реформа Петра оторвала одну часть народа от другой — главной... Реформа шла сверху вниз, а не снизу вверх. Дойти до нижних слоев народа реформа не успела. ⟨...⟩ Развитие народа совершается веками, уничтожение добытого им может быть задачей тоже одних только веков... Вот в том-то и была ошибка Петра, что он захотел сразу — за свою одну жизнь — переменить нравы, обычаи, воззрения русского народа. ⟨...⟩ Оттого в целом народ и остался таким же, каким был до реформы; если она какое имела на него влияние — то далеко не к выгоде его. Говоря таким образом, мы вовсе не думаем отрицать всякое общечеловечное значение реформы Петра... Она, по прекрасному выражению Пушкина, прорубила нам окно в Европу, она указала нам на Запад, где можно было кой-чему поучиться. Но в том-то и дело, что она осталась не более как окном, из которого избранная публика смотрела на Запад и видела главным образом не то, что нужно бы было видеть, училась вовсе не тому, чему должна была там учиться... Оттого петровская реформа принесла характер измены нашей народности, нашему народному духу» (см.: наст. изд., т. XVIII). Размышления об историческом значении преобразований Петра I занимают большое место в публицистическом наследии Достоевского 1860—1870-х годов. Они связаны с такими узловыми проблемами его творчества, как Россия и Европа,

интеллигенция и народ. Подробнее об отношении писателя к личности и деятельности Петра I см.: *Кирпотин, Достоевский в шестидесятые годы*; *Нечаева, «Время»*.

С т р. 67. (*На шесть месяцев в Соловецкий.*) — Соловецкий монастырь основан в первой половине XV в. на Соловецком острове в Белом море. С конца XVI в. он служил также местом ссылки противников самодержавия и официальной церкви.

С т р. 67. *Ст⟨удент⟩ в городе и в обществе (Базаров).* — См. выше, стр. 173—175.

С т р. 67. *...ф⟨он⟩ Зон, 8000 желез⟨ных⟩ дор⟨ог⟩.* Ср. с т р. 78. *...разбои, поджоги, ф⟨он⟩ Зон*; с т р. 79 ...ф⟨он⟩ Зон... с т р. 148. *Смотрите (ф⟨он⟩ Зон ∾ всё оказалось).* — См. выше, стр. 217—218.

С т р. 69. *...и получая пенсию (от Смирновой).* — См. выше, стр. 227.

С т р. 71. «*Маленький Писарев*». Ср. с т р. 72.—*Маленький Писарев* ∾ *Писарев был невысокого роста, но и не маленького*?; с т р. 170 *...он мне напоминает маленького Писарева...*; с т р. 281 «*Смотрю я на его лицо — маленький Писарев*». — По предположению Е. Н. Дрыжаковой, выражение «маленький Писарев» могло быть навеяно статьями Д. И. Писарева «Белинский и Пушкин» (1865). В борьбе с «эстетической» критикой Писарев отрицал здесь историческое значение Пушкина и оспаривал ту высокую оценку, которую дал Пушкину Белинский. По поводу сделанного критиком сравнения Пушкина с Шекспиром, Байроном, Гете, Шиллером Писарев иронически заметил: «Белинский вводит в это избранное общество гениальных поэтов нашего маленького Пушкина. ⟨...⟩ нашему маленькому Пушкину решительно нечего делать в той знатной компании, в которую он попал совершенно некстати, по милости своего лукавого доброжелателя, Белинского. Наш маленький и миленький Пушкин не способен не только вставить свое слово в разговор важных господ, но даже и понять то, о чем эти господа между собой толкуют. В самом деле, что такое Пушкин и что такое те люди, с которыми сводит его Белинский?» (см.: *Писарев*, т. 3, стр. 375—376). По-видимому, под впечатлением несправедливой оценки Писаревым Пушкина Достоевский и прилагает эпитет «маленький» к самому критику.

С т р. 71. *Княгиня слыхала о нигилистах и видала (Писарев), но ей хотелось Базарова...* — См. выше, стр. 173—175.

С т р. 71. *...наш дворянин за границей лакей* ∾ *и не иметь своего ни лица, ни интереса).* — Ср. в «Дневнике писателя» за 1873 г. (гл. XV, «Нечто о вранье»): «Еще Герцен сказал про русских за границей, что они никак не умеют держать себя в публике: говорят громко, когда все молчат, и не умеют слова сказать прилично и натурально, когда надобно говорить. И это истина: сейчас же выверт, ложь, мучительная конвульсия; сейчас же потребность устыдиться всего, что есть в самом деле, спрятать и прибрать свое, данное богом русскому человеку лицо, и явиться другим, как можно более чужим и нерусским лицом. Всё это из самого полного внутреннего убеждения, что собственное лицо у каждого русского — непременно ничтожное и комическое до стыда лицо; а что если он возьмет французское лицо, английское, одним словом, не свое лицо, то выйдет нечто гораздо почтеннее, и что под этим видом его никак не узнают. ⟨...⟩ Двести лет ⟨т. е. со времени преобразований Петра I, — *Ред.*⟩ вырабатывался этот главный тип нашего общества под непременным, еще двести лет тому указанным принципом: „ни за что и никогда не быть самим собою, взять другое лицо, а свое навсегда оплевать, всегда стыдиться себя и никогда не походить на себя“ — и результаты вышли самые полные». См. также примеч. к стр. 169.

С т р. 71. *Ст⟨удент⟩ смеется о фаланстерах* ∾ *будут косить.* — Намек на систему Ш. Фурье (см. о нем выше, стр. 278). Следственная комиссия по делу петрашевцев следующим образом охарактеризовала сущность его учения: «Фурье ⟨...⟩ разрушительные свои правила прикрывает увлекательными вымыслами какого-то фантастического единства и блаженства на земле, предлагая достигнуть оного без всяких насильственных переворотов, только путем учения и примера. ⟨...⟩ Он делает окончательный вывод, что человечество должно быть обновлено и перевоспитано, что лучшее устройство

общества есть жизнь не государствами, а фалангами, от 800 до 1800 человек; для каждой фаланги устраивает фаланстерии — с особым дворцом для общего жительства, с великолепными садами и со всеми удобствами не только привольной, но даже роскошной жизни; доказывает исчислениями, что всё это обойдется не дороже обыкновенных хижин и садов крестьянских для того же самого числа людей, и заключает тем, что будто такими совокупными средствами для обрабатывания земли и ее произведений не будет ни нищих, загрубелых от недостатков, ни богачей, загрубелых от роскоши; что будто масса довольства и богатства общего учетверится противу настоящего, труд сделается наслаждением, порочные страсти исчезнут, и земной шар, покрытый вместо городов и деревень процветающими фалангами, соединится под властию одного царя всего земного шара, — столицею коего назначает Босфор, — и будет наслаждаться неизвестным дотоле блаженством» (см.: *Петрашевцы*, т. III, стр. 11—12; о влиянии учения Фурье на молодого Достоевского см.: *Бельчиков*.

Стр. 71. — *Разве ты не выдавал, что бежал из казематов и проч.?* — Намек на С. Г. Нечаева (см. выше, стр. 198).

Стр. 72. *Базаров написан человеком сороковых годов* ∾ *тем и изломан.* — См. выше, стр. 174—175.

Стр. 73. *Покойник Белинский* ∾ *Но понимал он больше всех.* — Эти заметки о Белинском Достоевский использовал позднее в «Дневнике писателя» за 1873 г. (см. гл. II, «Старые люди»).

Стр. 73. *Тургенев правду сказал про него* ∾ *но он понимал лучше их всех.* — См. выше, стр. 168—169.

Стр. 73. *...я помню писателя* Д⟨остоевского⟩ — *тогда еще почти юношу* ∾ *невинным смехом.* — Писатель Д. — Достоевский. Ср. описание спора о Христе между Белинским и молодым Достоевским в «Дневнике писателя» за 1873 г. (гл. II, «Старые люди»).

Стр. 73. *articles de Paris.* — В «Дневнике писателя» за 1876 г. (июль—август, гл. IV, § 3) следующим образом раскрыто содержание этого выражения: «В Париже есть такая огромная промышленность под названием articles de Paris, которая, вместе с шелком, французским вином и фруктами, помогла выплатить пять миллиардов контрибуции. Париж слишком чтит эту промышленность, а занимается ею до того, что забывает производить детей. А за Парижем и вся Франция».

Стр. 74. *Донести: если б К⟨арако⟩зов* ∾ *(вопрос Ш⟨атова⟩).* Ср. стр. 103. *Ш⟨атов⟩: «Нужно в шпионы идти»* ∾ *Каракозове)*; стр. 108. *... донесли бы вы за 1/4 часа на К⟨арако⟩зова*; стр. 279. *Наконец, если б даже можно, то Каракозова.* — Каракозов Дмитрий Владимирович (1840—1866) — революционер член кружка ишутинцев, 4 апреля 1866 г. совершил покушение на жизнь Александра II, за что был казнен. Достоевский упоминает о нем также в незавершенном предисловии к роману «Бесы», где отмечает «национальную черту» молодого поколения России — «жертвовать собою для правды» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 303). Проблема возможного доноса на революционеров со стороны противника революционных действий привлекала внимание Достоевского в связи с разработкой образа Шатова. См. об этом также выше, стр. 206—207, 305—306.

Стр. 75. ... *Белинский, Грановский — просто ненавидели Россию.* ∾ *«Себя любили и про себя одних ныли».* — См. выше, стр. 169; ср.: *ДП*, 1873 г., гл. II, «Старые люди».

Стр. 76. ... *Victor Hugo говорит про последнюю страшную войну...* — Имеется в виду речь В. Гюго при открытии Конгресса мира в Лозанне 14 сентября 1869 г., где, в частности, писатель заявил: «Первое условие мира — это освобождение. Для освобождения, несомненно, потребуется революция, изумительнейшая из всех революций, и, быть может, — увы! — война, последняя из всех войн. Тогда всё будет достигнуто. Мир, будучи нерушим, станет вечным. Исчезнут армии, исчезнут короли. Прошлое сгинет бесследно. Вот чего мы хотим» (см.: В. Гюго. Собрание сочинений в пятнадцати томах, т. XV. Дела и речи. М., Гослитиздат, 1956, стр. 436; ср. в «Письме к друзьям мира» от 4 сентября 1869 г.: «Увы, еще одна война, последняя,

необходима, и я отнюдь не принадлежу к числу тех, кто это отрицает. Какою будет эта война? Завоевательной. Что же нужно завоевать? Свободу» — см.: там же, стр.432).

С т р. 76. «*Ты даже не имеешь извинения в утопии, как Ч⟨ернышевски⟩й, Д⟨обролюбов⟩*». — В данном случае Степан Трофимович противопоставляет Чернышевского и Добролюбова как носителей высоких идеалов утопического социализма практику всеобщего разрушения Нечаеву (П. Верховенскому).

С т р. 76. *Читал я раз книгу инока Парфения* ∞ *что инок Николай имел дар слезный*... — Речь идет о книге «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Св. Земле постриженника Святые Горы Афонские инока Парфения» (изд. 2-е, испр. М., 1856), которую Достоевский ценил за «наивность изложения». Эта книга находилась в библиотеке писателя и сыграла известную роль в творческой истории «Бесов» (см. выше, стр. 234), «Подростка» и «Братьев Карамазовых». Упоминаемый в записи инок Николай, имевший «дар слезный», — ученик старца иеросхимонаха Арсения, жившего близ Афонской горы. По описанию Парфения, был он видом «весьма смирен и кроток, и весьма сух, очи наполнены слез, слово кроткое и тихое» (см.: *Сказание о странствии*, ч. II, стр. 128). В другом месте книги говорится, что отец Николай «пел тихим плачевным гласом; от слез едва был слышен глас его» (см.: там же, стр. 159). Выражение «дарование слез» встречается в книге игумена монастыря Синайской горы Иоанна «Лествица», выдержавшей в русском переводе ряд изданий и хорошо известной Достоевскому (см. примеч. к стр. 184). Специальное «слово» Иоанн Лествичник посвящает «радостотворному плачу» и рассказывает историю некоего монаха Стефана, который «около сорока лет провел в монашестве и имел дарование слез» (см.: Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. Изд. 4-е. М., 1892, стр. 106—107).

С т р. 78. ... *дайте мне четверть часа только поговорить без цензуры с народом, и он тотчас за мной пойдет.* Ср. с т р. 279. ... *четверть часа в окно поговорить.* — Впервые эта мысль печатно была высказана в «Объявлении о подписке на журнал „Время“» (1863 г.): «Теоретики ⟨западники, — *Ред.*⟩ не только не понимали народа, углубясь в свою книжную мудрость, но даже презирали его и, разумеется, без худого намерения и, так сказать, нечаянно. Мы положительно уверены, что самые умные из них думают, что при случае стоит только десять минут поговорить с народом и он всё поймет; тогда как народ, может быть, и слушать-то их не станет, об чем бы они ни говорили ему» (см.: наст. изд., т. XVIII; ср. в записной книжке 1860—1862 гг.). В дальнейшем эта фраза (приписываемая Достоевским Чернышевскому и Добролюбову) варьируется в «Идиоте» и «Подростке» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 247, т. IX, стр. 445; см. также: т. XIV). Ср. также письмо Достоевского к М. Н. Каткову от 25 апреля 1866 г.

С т р. 78. *На золотую грамоту пошел же народ* ... Ср. с т р. 80. „*Золотая грамота от царя*“ ∞ *что от царя!*»; с т р. 277. ... *и уже не золотыми грамотами*... — «Золотые грамоты» — подложные царские манифесты, в которых революционеры-народники, стремясь поднять народ против помещиков, от имени царя объявляли о передаче крестьянам помещичьей земли.

С т р. 79. *Взяли ключ разумения, сами не вошли и другим войти не дали.*— Ср.: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете царство небесное человекам: ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете» (см.: Евангелие от Матфея, гл. 23, ст. 13; а также: Евангелие от Луки, гл. 11, ст. 52).

С т р. 79. *Око за око, зуб за зуб, как в Евангелии* ∞ *этого нет в Евангелии.* — Ветхозаветная формула древнего иудейского закона возмездия: «... отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу» (см.: Исход, гл. 21, ст. 23—24); «Перелом за перелом, око за око, зуб за зуб: как он сделал повреждение на *теле* человека, так и ему должно сделать» (см.: Левит, гл. 24, ст. 20; ср. также: Второзаконие, гл. 19, ст. 21). В Евангелии Христос, упоминая об этом законе, противопоставляет ему свой нравственный закон милосердия и прощения (см.: Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 38—39). В данном случае незнание первоисточника известного изречения

свидетельствует о невежестве Петра Верховенского, перепутавшего Ветхий и Новый завет.

С т р. 79 ... *недоумение о реформах. («Заря». Апрель).* — В апрельском номере «Зари» за 1870 г. (см. раздел «Из современной хроники») излагалась сущность проекта административно-полицейской реформы, предусматривавшей преобразование полиции и губернских учреждений. Проект вызвал многочисленные отклики в печати, причем высказывались опасения, что предполагаемое усиление единоличной губернаторской власти повлечет за собой ослабление коллегиального руководства в губернских учреждениях. Так, например, «Современная летопись» пришла к следующему выводу: «... губернаторская власть усиливается на счет всех губернских отдельных учреждений. 〈...〉 Затем усиливаются права губернатора действовать вне закона, право произвола; другими словами, власть губернатора усиливается там, где она усиления не требует, и остается слабою там, где это усиление необходимо» («Заря», 1870, № 4, отд. II, стр. 172). См. также примеч. к стр. 263.

С т р. 79. *Презрение к Ваньке — Белинский...* — См. выше, стр. 169.

С т р. 79 ... *Искандер, А. и Б.* — Искандер — псевдоним Герцена. См. также примеч. к стр. 65.

С т р. 79. *Плохо устроенные дороги* ∾ *в 4 часа освободили, а в 7—новая кража.* — Речь идет о неустановленных фактах, которые Достоевский мог почерпнуть из газет.

С т р. 80. *Он недоумевал, что делается — 8000 детей и т. д.* — Возможно, речь идет о неустановленных данных судебной статистики.

С т р. 85. *Чудит в городе. Гарпагон.* — Гарпагон — герой комедии Ж.-Б. Мольера (Molière; 1622—1673) «Скупой» (1668). Имя его — синоним скряги, одержимого страстью к накоплению.

С т р. 85. ... *и что два миллиона голов* ∾ *и никаких законов.* Ср. с т р. 93. (*два миллиона голов и проч.*). — См. выше, стр. 291—292; ср.: наст. изд., т. IX, стр. 458.

С т р. 85. *О бунте 14 декабря* ∾ *не устояло и двух часов.* — Речь идет о восстании декабристов 14 декабря 1825 г. Ср. в записной тетради за 1872—1875 гг.: «Декабристы — бунт помещичий (западники)»; ср. также с высказыванием о декабристах в записной тетради 1875—1876 г. См. также примеч. к стр. 86—88.

С т р. 85. *Будь и раб яко свободный (апостол Павел).* Ср. с т р. 122. *Но Христос говорит* ∾ *будучи рабом*; с т р. 140. ... *о свободе, хотя бы и под розгами (апостол Павел)*; с т р. 167. *Царь во главе, раб и свободь* (ап〈остол〉 Павел); *Россия* ∾ *(раб и свободь)*; с т р. 168 ... *что такое раб и свободь (ап〈остол〉 Павел)*; с т р. 177. *Несть раб, все свободны*; с т р. 180 ... *христианство (православие)* ∾ *(раб и свободь)*; с т р. 182. *Заключает в себе* ∾ *раб и свободь*; с т р. 276. *Тихон, главная мысль* ∾ *Раб и свободь*: с т р. 307. *Раб свободен* ∾ *уничтожается рабство.* — Имеются в виду послания апостола Павла: «Рабом ли ты призван, не смущайся. 〈...〉 Ибо раб, призванный в господе, есть свободный господа; равно и призванный свободным есть раб Христов» («Первое послание к коринфянам, гл. 7, ст. 21—22). Ср. в «Послании к ефесянам»: «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти, со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, Не с видимою только услужливостию, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю божию от души, Служа с усердием, как господу, а не как человекам. Зная, что каждый получит от господа по мере добра, которое он сделал, раб ли, или свободный» (гл. 6, ст. 5—8). Ср. в «Послании к колоссянам»: «Где нет ни эллина, ни иудея, ни 〈...〉 варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (гл. 3, ст. 11. См. также: гл. 3, ст. 22—25, гл. 4, ст. 1).

С т р. 86. *Книга Флеровского («Заря», № 1-й, Критика).* — Речь идет о книге «Положение рабочего класса в России. Наблюдения и исследования» (СПб., 1869). Этой книге посвящена ироническая рецензия Д. Анфовского (Н. В. Берга) «Скорое наступление золотого века», опубликованная в первом номере «Зари» за 1870 г. (подробнее об этом см. примеч. к стр. 106).

Стр. 86. *Гр⟨ановский⟩ говорит: «К перу от карт и к картам от пера ∾ и отливам».* — Цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действие III, явление 3).

Стр. 86—88. *Чацкий и не понимал, как ограниченный дурак ∾ и мешали им понимать.* — Ср. с высказываниями Достоевского о Чацком в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) — наст. изд., т. V, стр. 61—62, в «Дневнике писателя» (1876, июль—август, гл. IV, § 3, «Детские секреты»), в записной тетради 1876—1877 гг. и записной книжке 1880 г. Об отношении Достоевского к комедии «Горе от ума» и образу Чацкого, которого писатель причислял к декабристам, см.: А. Л. Бем. «Горе от ума» в творчестве Достоевского. «Slavia», 1931, т. X, вып. 1, стр. 88—108; Н. Медведева. «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Г. Макогоненко. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. Изд. «Художественная литература», М., 1971, стр. 88—89; см. также: наст. изд., т. XV.

Стр. 87. ... *до царя-освободителя.* — Речь идет об Александре II (1818—1881), в царствование которого была проведена реформа, освободившая крестьян от крепостной зависимости.

Стр. 87. ... *слушать Кузена...* — Кузен (Cousin, 1792—1867) Виктор — французский философ-эклектик. О нем как об авторе поверхностных сочинений отозвался в 1862 г. журнал «Время» (см.: В. Фукс. Состояние исторической науки и новейшие труды во Франции. *Вр*, 1862, № 7, отд. I, стр. 99—106).

Стр. 87. ... *и кончить чаадаевским или гагаринским католицизмом.* — О П. Я. Чаадаеве см.: наст. изд., т. V, стр. 364; т. IX, стр. 506. Князь Иван Сергеевич Гагарин (1814—1882) — русский дипломат, друг Чаадаева; вступил в 1843 г. в орден иезуитов. Для Достоевского Чаадаев и Гагарин — прежде всего крайние «западники», порвавшие кровные связи с родной «почвой». В «Дневнике писателя» за 1876 г. (июнь, гл. II, § 2, «Вывод из парадокса») Достоевский противопоставляет «европейца» Белинского как «в высшей степени русского» «коренному и древнейшему русскому князю» Гагарину. Последний, «став европейцем, нашел необходимым не только перейти в католичество, но уже прямо перескочить в иезуиты» (ср.: записная тетрадь за 1876—1877 гг.).

Стр. 87. *Если же он вольнодумец ∾ к России.* — См. выше, стр. 168—169; ср. также примеч. к стр. 79.

Стр. 87. *Вспомните тоже, что царь освободил народ ∾ Эта мысль у царей родилась...* — Об отношении Достоевского к крестьянской реформе 1861 г. см.: *Кирпотин, Достоевский в шестидесятые годы*; *Нечаева, «Время»*.

Стр. 87. ... *и даже при Бироне...* — Бирон Эрнест Иоанн (1690—1772), герцог Курляндский, временщик императрицы Анны Ивановны (1693—1740). В 1740 г. был сослан. Интерес к русской истории XVIII в. был характерен для журнала братьев Достоевских «Время», на страницах которого нередко публиковались статьи и материалы, относившиеся к царствованию Анны Ивановны и «бироновщине» (см., например: М. Хмыров. Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнста-Иоанна Бирона. *Вр*, 1861, № 11—12; М. Родевич. Некоторые черты из истории послепетровского времени. *Вр*, 1863, № 4 и др.; см. также: *Нечаева, «Время»*, стр. 201—204).

Стр. 88. *Нет-с, это раскол ∾ высший и низший.* — Упоминаемые «два раскола» — согласно своеобразному взгляду Достоевского на историческую роль Петра I — раскол интеллигенции («высший») и народа («низший»). «Петра Великого, — справедливо замечает М. С. Альтман, — Достоевский считал первым русским нигилистом, и от Петра же, считал он, находится русская церковь в параличе. Реформы Петра привели к нигилизму интеллигенции и расколу в народе» («Ученые записки Тульского гос. педагогического института», 1958, вып. 8, стр. 138).

Стр. 91. ... *Красавица дает ему знать, что он опоздал приехать...* — Ср. стр. 95. *Но красавица ∾ вы опоздали приехать.* — По предположению Е. Н. Коншиной, эти записи навеяны автобиографическими мотивами. А. П. Суслова в дневнике приводит текст своего письма к Достоевскому от 19 августа 1863 г., относящегося ко времени ее пребывания за границей,

где она должна была встретиться с писателем: «Ты едешь немного поздно... Еще очень недавно я мечтала ехать с тобой в Италию и даже начала учиться итальянскому языку: всё изменилось в несколько дней». 27 августа этого же года Суслова описывает свое первое свидание с Достоевским, приехавшим в Париж: «Я думала, что ты не приедешь, — сказала я, — потому что написала тебе письмо.

— Какое письмо?

— Чтобы ты не приезжал.

— Отчего?

— Оттого, что поздно» (см.: А. П. Суслова. Годы близости с Достоевским. М., 1928, стр. 47, 50). Ср. с письмом Достоевского к Н. П. Сусловой 1865 г.: «Она ⟨...⟩ сама же встречает меня в 1863 г. в Париже фразой: «Ты немного опоздал приехать», то есть что она полюбила другого». См. также: *Коншина*, стр. 423—424.

Стр. 92. *... и как у нас могла быть такая литература échevelée...* — Подразумевается литература французского «неистового» романтизма 1830-х годов.

Стр. 93. *... а если, говорят, его просмотрел полицейский агент на границе.* — О подобном происшествии с С. Г. Нечаевым сообщали русские газеты.

Стр. 95. *Перемена неприязненных отношений в восторженную любовь Дон-Кихота.* — Об отношении писателя к герою романа Сервантеса, явившемуся литературным прообразом князя Мышкина, см. в комментариях к «Идиоту» (наст. изд., т. IX, стр. 400—402).

Стр. 96. *... самые романтические истории эшевеле.* — См. примеч. к стр. 92.

Стр. 96. Мазурик, *Акимов дробью ∞ кинжалы, утопление.* — Очевидно, речь идет о «романтических историях» — ср. предыдущую запись.

Стр. 100. *Донес на кусающегося.* — Ср. в окончательной редакции романа (ч. II, гл. 6, «Петр Степанович в хлопотах») с эпизодом о сумасшедшем подпоручике, укусившем своего командира (см.: наст. изд., т. X, стр. 269).

Стр. 100. *В мужики и в раскольники хочет идти.* — См. выше, стр. 180—181.

Стр. 101. *Князь и говорит о боярской партии* — т. е. о социальной группировке, идеологическим органом которой являлась реакционная газета «Весть» (см. примеч. к стр. 234).

Стр. 101. *Некоторое время ∞ ибо нигилисты с боярами сходятся.* — См. примеч. к стр. 116, 263; см. также выше, стр. 197—198.

Стр. 102. *«И кого только либералишки-то наши поддерживают и «ташкентцев» выдум⟨ыв⟩ают ∞ себя либералами!»* — По предположению С. Борщевского — полемический отклик на цикл очерков М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа ташкентцы» (1869—1870) — см.: *Борщевский*, стр. 162—163, 215—240.

Стр. 102. *Гр⟨ановский⟩ ∞ и говорит: «Я нигилист».* Ср. там же. *Слухи о том, что Тургенев нигилист ∞ еще больше закружились*; стр. 113. *...и заявляет ему, что он всегда был нигилистом*; стр. 157. *Великий поэт: «Я нигилист»*; стр. 120. *Великий писатель провозглашает себя нигилистом.* — Намеки на И. С. Тургенева. Подробнее об этом см. выше, стр. 167—168.

Стр. 102. *Марко Вовчок (артели).* — Марко Вовчок — псевдоним украинской и русской писательницы М. А. Вилинской-Маркович (1834—1907). Об отношении к ней Достоевского см.: наст. изд., т. XVIII. По всей вероятности, приведенная запись навеяна романом Марко Вовчок «Живая душа» (СПб., 1868), с которым Достоевского могла познакомить большая анонимная статья о творчестве писательницы в октябрьском номере «Зари» за 1869 г. Автор статьи относил роман «Живая душа» к числу слабых, подражательных произведений о «новых людях». Главный герой — Загайный — представляет собой, по мнению критика, «одно отвлечение нового человека», так как писательнице не удалось раскрыть духовный мир этого персонажа, обрисовать характер и цели его общественной деятельности (в романе упоминается, что Загайный уезжает в Киев организовывать артели). Критик

отрицательно отзывается и о героине романа Маше — «живой душе», «неизвестно почему покидающей воспитавшее ее семейство, ищущей независимой трудовой жизни и влюбляющейся в господина, устраивающего какие-то артели» («Заря», 1870, № 10, отд. II, стр. 263, 265).

Стр. 103. *Иезуиты — чрезвычайно умный орден...* — Орден иезуитов — католический орден, основанный в XVI в. испанским монахом Игнатием Лойолой (1491—1551). Сознательное нарушение нравственных норм (по принципу «цель оправдывает средства»), лицемерная казуистика, система железной дисциплины, взаимный шпионаж друг за другом, доносы — все это было характерно для тактики иезуитов и сделало самое понятие «иезуитизм» нарицательным. В журнале «Эпоха» в 1864 г. были опубликованы две статьи С. П. Колошина об иезуитах — «Рим, папа и Антонелли» (№ 3) и «Иезуиты и их уложения» (№ 6). В романе «Идиот», в подготовительных материалах к «Бесам», в записных тетрадях Достоевского 1860—1870-х годов и в «Дневнике писателя» нередки крайне резкие высказывания об иезуитах. Петр Верховенский использует тактику иезуитов при организации «пятерки» и во всей своей деятельности. См. также примеч. к стр. 273.

Стр. 103—105. *Вопросы и ответы* ∾ *и не продаст личную свободу свою в такую кабалу...* — Наряду с нечаевскими идеями здесь пародируется пропагандистская литература 1860-х годов, а также некоторые тогдашние западноевропейские мелкобуржуазные «левые» теории и лозунги (см. об этом выше, стр. 214—216).

Стр. 105. — *Вы хотите резать и грабить* ∾ *и оказались ничтожными шалунами.* — Близкие суждения Достоевский развивает в письме к Н. Н. Страхову от 18 (30) мая 1871 г., в «Дневнике писателя» за 1873, 1876 и 1877 гг. (см., например, 1873, гл. XVI, «Одна из современных фальшей»; 1877, январь, гл. I, «Три идеи») и в записных тетрадях 1870-х годов.

Стр. 106. *Нравственное понимание счастья* ∾ *(Флеровский, Золотой век, «Заря», январь).* — Для характеристики взглядов Успенского (так в черновых материалах к «Бесам» первоначально назывался Виргинский) Достоевский использует книгу Н. Флеровского «Положение рабочего класса в России» (СПб., 1869), с которой писатель, очевидно, был знаком лишь по рецензии Д. Анфовского («Заря», 1870, № 1, отд. II, стр. 142—177) и которая дважды упоминается в черновиках к роману. Представление Успенского о достижении на земле «золотого века» перекликается с следующими высказываниями Н. Флеровского, приведенными в рецензии: «... полное счастье ⟨...⟩ будет состоять в том, что каждый будет делать добро и другим, и вместе самому себе, и все будут счастливы» (см.: там же, стр. 148); «... всякий будет заботиться о других, но в то же время и чрез это самое составит свое собственное счастье» (там же).

Стр. 106. ... *формула: «à chacun selon sa capacité».* — «Каждому по его способностям» (*франц.*) — один из лозунгов французского утопического социализма, сформулированный в «Изложении доктрины Сен-Симона» (1829); с 1830 г. — эпиграф сен-симонистской газеты «Globe» (см.: O. Guerlac. Les citations françaises. Paris, 1961, p. 225).

Стр. 107. *«Недалеко еси от царствия божьего».* — Согласно Евангелию, Христос ответил книжнику, назвавшему основные заповеди: «... недалеко ты от царствия божия» (см.: Евангелие от Марка, гл. 12, ст. 34).

Стр. 108—109. *Не вы ли рассказывали, как литераторы или литературные господа (А-вы)* ∾ *Всё это от вас же пошло и с вашего же времени.* — А-вы, по всей вероятности, — Анненковы. Достоевский имеет в виду П. В. Анненкова (1813—1887) — критика, историка литературы и мемуариста, друга Белинского и Тургенева. Либерал-западник по своим убеждениям, человек широкообразованный и подолгу живший в Западной Европе, Анненков проявлял живой интерес к ее общественно-политической, философской и литературной жизни; знакомил Белинского и его друзей с идеями французских утопических социалистов и философов — П. Леру, Э. Кабе, Ж. Санд, Прудона, О. Конта и др. Позднее, в мемуарах «Идеалисты тридцатых годов» и «Замечательное десятилетие. 1838—1848» Анненков воссоздал атмосферу полемических, философских и нравственных исканий

передовой русской интеллигенции своего времени. Ср. также: *ДП*. 1873, гл. II «Старые люди», и «Литературные и житейские воспоминания» Тургенева («Воспоминания о Белинском»).

С т р. 109. *Разве идея о том ∾ а это вы проповедовали.* — О полемике с идеями западников см. выше, стр. 166—172.

С т р. 110. *Вы убеждены ∾ общих жен и мужей.* — Возможно, что Достоевский пародирует здесь идеи и образы романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1862). В частности, упоминаемые здесь «дворцы из алюминия» навеяны, очевидно, четвертым сном Веры Павловны, где нарисовано «общество будущего».

С т р. 110. ... *и до того не уважаете общество ∾ редактировать тщательнее...* — Ср. с рассказом Достоевского в «Дневнике писателя» (1873, гл. IV, «Нечто личное») о его беседе с Н. Г. Чернышевским по поводу прокламации «К молодому поколению».

С т р. 111. ... *что говорил Шатов ∾ они его любили).* — См. выше, стр. 169.

С т р. 111—112. *Народ избавили от немецкой реформы ∾ и ненавистью к своим.* — Ср. в «Объявлении о подписке на журнал „Время“» (1861): «Реформа Петра Великого и без того нам слишком дорого стоила: она разъединила нас с народом. С самого начала народ от нее отказался. Формы жизни, оставленные ему преобразованием, не согласовались ни с его духом, ни с его стремлениями, были ему не по мерке, не в пору. Он называл их немецкими, последователей великого царя иностранцами. Уже одно нравственное распадение народа с его высшим сословием, с его вожатаями и предводителями показывает, какою дорогою ценою досталась нам тогдашняя новая жизнь» (см.: наст. изд., т. XVIII). Ср. также в статье «Два лагеря теоретиков» (1862): «... Петра можно назвать народным явлением настолько, насколько он выражал в себе стремление народа обновиться, дать более простору жизни — но только до сих пор он и был народен. ... Выражаясь точнее, одна *идея* Петра была народна. Но Петр как факт был в высшей степени антинароден. ... Во-первых, он изменил народному духу в деспотизме своих реформаторских приемов, сделав дело преобразования не делом всего народа, а делом *своего* только произвола. ⟨...⟩ То самое, что реформа главным образом обращена была на внешность, было уже изменою народному духу. ... Русский народ не любит гоняться за внешностию: он больше всего ценит дух, мысль, *суть* дела. А преобразование было таково, что простиралось на его одежду, бороду и т. д. ⟨...⟩ И чем сильнее было на него посягательство сверху, тем сильнее он сплачивался, сжимался. ⟨...⟩ Как бы то ни было, только факт стал очевиден, что народ отрекся от своих реформаторов и пошел своей дорогой — врозь с путями высшего общества» (см.: наст. изд., т. XVIII). См. также примеч. к стр. 66.

С т р. 112. ... *«Белинский адъютантом у какой-нибудь свободной женщины, у немецкой m-me Гё⟨г⟩ ∾ по женскому вопросу».* Ср. с т р. 228. *Если надо, адъютант у m-me Гёг⟨г⟩...* — Мадам Гёгг —основательница женского пансиона в Женеве, жена немецкого республиканца. Мысль о возможности подобной эволюции Белинского была ранее высказана Достоевским в письме к А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г. и повторена позднее в «Дневнике писателя» за 1873 г. (гл. II, «Старые люди»). К середине 1870-х годов Достоевский пересмотрел свое пристрастное отношение к личности и деятельности Белинского. Так, в записной тетради 1876—1877 гг. он причислил Белинского к разряду «крайне русских» и «чисто русских людей», сблизившихся в своей критике Европы со славянофилами, и отметил его любовь к народу. В «Дневнике писателя» за 1876 г. (июнь, гл. II, §§ 1—2, «Мой парадокс» и «Вывод из парадокса») Белинский был назван «в высшей степени русским», отнесен, подобно Герцену, к «отрицателям Европы» и охарактеризован как «самый крайний боец за русскую правду, за русскую особь, за русское начало». Изменилось и представление Достоевского о возможной эволюции критика: Белинский и некоторые другие «русские европейские социалисты и коммунары» — «прежде всего не европейцы и кончат-таки тем, что станут опять коренными и славными русскими, когда рассеется недоумение и когда

они выучатся России». По мнению писателя, «русскому ни за что нельзя обратиться в европейца серьезного, оставаясь хоть сколько-нибудь русским...».

Стр. 112. — *Вы, отрицатели бога и Христа* ∾ *На место его что вы предлагаете равносильного?* — Мысль эту в окончательной редакции романа «Бесы» развивает Степан Трофимович (ч. II, гл. 1 — наст. изд., т. X, стр. 171); ср. письма Достоевского к А. Н. Майкову от 16 (28) августа 1867 г., Н. Н. Страхову от 18 (30) мая 1871 г. и «Дневник писателя» за 1873 г. (гл. II, «Старые люди»).

Стр. 112. ... *слово плоть бысть, т. е. что идеал был во плоти...* Ср. стр. 113, 179, 188. — Согласно Евангелию от Иоанна, рождение Христа явилось воплощением божьего слова (см.: гл. 1, ст. 1—3, 14).

Стр. 113. *Великий писатель говорит: «Уж в бога-то я не верю...» (Тургенев).* — Ср. с письмом Достоевского к А. Н. Майкову от 16 (28) августа 1867 г., где Тургенев назван атеистом («Он объявил мне, что он окончательный атеист»).

Стр. 113. *Гр⟨ановски⟩й говорит* ∾ *«Он кричал: „О моя мать" — когда на паровозе случилось несчастье».* — Пародийное воспроизведение эпизода из биографии юного И. С. Тургенева, позднее положенного писателем в основу рассказа «Пожар на море» (1883). Подробнее об этом см. выше, стр. 291.

Стр. 113. *Приехал тоже устроить дело с Голубовым* ∾ *старообрядческой типографии.* — Намек на попытки Герцена и Огарева установить в революционных целях связи со старообрядцами (см. выше, стр. 179).

Стр. 115. *Ст⟨удент⟩ в форме «Героя нашего времени».* Ср. там же. *И потом всё связать с сыном* ∾ *как от «Героя н⟨ашего⟩ времени».* — См. выше, стр. 178.

Стр. 116. ... *«Бакунин — старый гнилой мешок бредней* ∾ *хоть в нужник снести».* — См. выше, стр. 201.

Стр. 116. ... *Княгиня хочет доказать сыну* ∾ *Понятия феодального боярства и нигилизма выпрыгивают без всякой связи из ее головы.* — М. С. Гус предполагает, что приведенная запись навеяна нечаевским воззванием «Благородное российское дворянство», подписанным: «Потомки Рюрика и партия российского независимого дворянства». В частности, в воззвании говорилось: «Мы приглашаем всё российское дворянство ⟨...⟩ с львиным мужеством воспрянуть от унижения и встать под гордо развевающееся знамя потомков древнего Рюрикова дома, свергнув ничтожную современную императорскую власть!⟨...⟩ Российское благородное дворянство имеет с русским мужичком глубокую, сильную, чисто психическую, а потому и неуловимую нравственную связь» («Красный архив», 1927, т. III (22), стр. 245; см.: *Гус*, стр. 388). См. также примеч. к стр. 234, 263.

Стр. 119. ... *изящный Ноздрев.* — См. выше, стр. 181.

Стр. 119. *благодетели, леность (Дуров)...* — Дуров Сергей Федорович (1816—1869) — поэт, переводчик, участник кружка Петрашевского. Вместе с Достоевским отбывал каторгу в Омске. После возвращения с каторги проживал у своего друга А. И. Пальма. Достоевский недолюбливал Дурова и наделил своих героев (С. Т. Верховенского и др.) некоторыми его чертами (см. кроме приведенной выше записи к неосуществленному замыслу рассказа о Воспитаннице: «...*изящный* человек, приживальщик за границей *Дуров*» и «эстетик Дуров»). См. наст. изд., т. IX, стр. 115—116; см. также выше, стр. 218.

Стр. 120. *Ш⟨атов⟩ говорит, что признак оторванности от почвы* ∾ *Тут и связь, и личность, и семейство.* — Эти суждения полемически направлены против Н. Н. Страхова — автора статьи «Женский вопрос» («Заря», 1870, № 2, отд. II, стр. 106—149), явившейся откликом на книги известного английского экономиста Дж.-Ст. Милля «Подчиненность женщины» и «О подчинении женщины» (СПб., 1869). Об английских женщинах Страхов писал следующее: «Англичанки находятся в очень дурном юридическом положении, гораздо худшем, чем русские женщины. И однако же всему свету известно, что такое англичанка. Это очень высокий тип женской красоты и женских душевных качеств, и с этим типом не могут равняться наши

русские женщины, несмотря на то что издавна находились в несравненно лучшем юридическом положении. ⟨...⟩ Во многих русских семействах девушек учат английскому языку именно для того, чтобы сделать им доступною английскую литературу, в которой отразился образ английской женщины. Английские романы составляют обыкновенное, давно у нас принявшееся и заведомо доброкачественное чтение для женщин и девушек. Англия — классическая страна чистых семейных нравов, подобно тому как Франция есть классическая страна любовных похождений» («Заря», 1870, № 2, стр. 138). В «Дневнике писателя» за 1876 г. (июль—август, гл. IV, § 2), излагая свою беседу с эмским «парадоксалистом» о назначении женщин, Достоевский оспаривал мнение Страхова об англичанках, которым противопоставлял русских женщин в качестве более высокого типа женщины. Здесь же Достоевский писал о необходимости любви и уважения к женщинам «своей национальности» и о том, что любовь к женщинам «чужих наций» — признак космополитизма, оторванности от «почвы». Космополитизм Степана Трофимовича подчеркнут тем, что «первая жена Гр⟨ановско⟩го была немка, 2-ая полька» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 120).

С т р. 121—122. *Голубов говорит ∾ не спасетесь».* — См. выше, стр. 179—183. О смысле символа «муравейник», появившегося в творчестве Достоевского уже в начале 1860-х годов, см.: наст. изд., т. V, стр. 371, т. VII, стр. 387.

С т р. 124. *(Стало быть, глуп, как Безобразов.)* Ср. с т р. 125. *Думает, что самонадеянный дурачок (Безобразов)...* — Очевидно, речь идет о В. П. Безобразове (1828—1889), русском экономисте и публицисте.

С т р. 126. *Хотел было в монахи (Павел Прусский).* — См. выше, стр. 179, и наст. изд., т. IX, стр. 506—507.

С т р. 126. *Губернаторша считает его за Мельмота.* — Мельмот — герой «готического» романа англо-шотландского писателя Ч.-Р. Мэтьюрина (Maturin, 1782—1824) «Мельмот-скиталец» (1820; русский перевод — 1835). См. о возможном влиянии его на Достоевского в статье Д. Д. Благого «Достоевский и Пушкин» (в сб.: *Достоевский — художник и мыслитель*, стр. 419).

С т р. 131. *Идеи Голубова суть смирение и самообладание ∾ тут же.* — См. выше, стр. 179—180.

С т р. 135. *... объявил, что он гражданин кантона Ури...* Ср. также упоминания об Ури на стр. 136, 144, 151, 153, 175, 207, 239 и др. — См. выше, стр. 319.

С т р. 137. *Пароход Алабама: «Дойду!» (Сон).* — Возможно, что запись сделана в связи с задуманным «американским» эпизодом из биографии Шатова и Кириллова. Пароход «Алабама» — крейсер конфедератов, построенный англичанами во время гражданской войны в Северной Америке. В 1864 г. был потоплен северо-американским судном. В 1871 г. газеты много писали об «алабамской распре», возникшей между Англией и Америкой ввиду требований Северо-Американских Соединенных Штатов о возмещении убытков (см.: *Коншина*, стр. 439).

С т р. 137. *«Немец — естественный враг России ∾ Их была настоящая коалиция и т. д.»* — См. выше, стр. 216—217.

С т р. 137—138. *Паралич лежит на нас с Петровской реформы ∾ отдали, всё, что имели».* — См. примеч. к стр. 66, 111—112.

С т р. 140. *Я боготворю введение грамоты и других отношений...* — После поражения России в Крымской войне (1853—1856) в русской армии были произведены некоторые преобразования (уничтожение военных поселений, отмена телесных наказаний, повышение грамотности и др.).

С т р. 142. *В пользу Ксендза ∾ «О, Яго, как жаль, как жаль».* — Слова Отелло из одноименной трагедии В. Шекспира (акт IV, сцена I). По первоначальному замыслу Степан Трофимович Верховенский должен был читать отрывок из «Отелло» на литературном вечере.

С т р. 144. *Все эти философские системы и учения (позитивизм, Конт и проч.) ∾ вдруг исчезали.* — Позитивизм (от лат. positivus — положительный) — философское направление, утверждающее, что подлинное знание

может быть получено лишь в результате опытных данных; основоположником его явился О. Конт (Comte, 1798—1857). Философия Конта, известная в России уже в 1840-х годах, получила широкое распространение в 1860-е годы. В письме к Н. Н. Страхову от 18 (30) мая 1871 г. Достоевский характеризует позитивизм как мечту «пересоздать вновь мир разумом и опытом». Подробно о популярности Конта в России 1860-х годов, об отношении к нему Достоевского и об интерпретации некоторых идей Конта в творчестве писателя см.: наст. изд., т. IX, стр. 514—515.

С т р. 145. *Социалисты — страстная вера. Сравнивали с христианством.* — Ср. с высказываниями в подготовительных материалах к «Подростку» (см.: наст. изд., т. XIV) и в «Дневнике писателя» за 1873 г. (гл. II, «Старые люди» и гл. XVI, «Одна из современных фальшей»).

С т р. 145. *Бросились на социализм и жаждущие жизни духовной, и голодные.* — Близкие идеи высказаны в «Идиоте» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 452—453) и в «Дневнике писателя» за 1873 г. (гл. II, «Старые люди»).

С т р. 145. ... *католицизм уничтожил веру в бога, извратив Христа.* — См. примеч. к стр. 167, 168, 273.

С т р. 146. *Влияние Пиевского вселенского ватиканского собора ∾ с последней резкостию).* — В 1870 г. на Ватиканском соборе был провозглашен догмат о непогрешимости папы. Это решение собора получило широкий общественный резонанс в России, вызвав ряд откликов в печати (см., например: Папство и католический мир. *ВЕ*, 1870, № 4, стр. 848—859 (без подписи); М о с к в и т я н и н. Заметки. «Заря», 1870, № 5, отд. II, стр. 202—212; Папа и Собор, Януса. Берлин, 1870. Там же, № 6, стр. 167—172 (без подписи); Письма из Рима о соборе. Там же, № 7, отд. II, стр. 82—106; № 8, отд. II, стр. 81—97 (без подписи)). О резко отрицательном отношении Достоевского к догмату о непогрешимости папы убедительно свидетельствует его высказывание в «Дневнике писателя» за 1876 г.: «Оно ⟨католичество, *Ред.*⟩ давно уже считает себя выше всего человечества ⟨...⟩ раз, когда надо было, оно, не задумавшись, продало Христа за земное владение. Провозгласив как догмат, „что христианство на земле удержаться не может без земного владения папы", оно тем самым провозгласило Христа нового, на прежнего не похожего, прельстившегося на третье дьяволово искушение, на царства земные: „Всё сие отдам тебе, поклонися мне!". ⟨...⟩ Замечательно, что провозглашение этого догмата, это открытие „всего секрета" произошло именно в то самое мгновение, когда объединенная Италия стучалась уже в ворота Рима. ⟨...⟩ Нет, тут сила; это величаво, а не смешно; это — воскрешение древней римской идеи всемирного владычества и единения, которая никогда и не умирала в римском католичестве; это Рим Юлиана Отступника, но не побежденного, а как бы победившего Христа в новой и последней битве. Таким образом, продажа истинного Христа за царства земные совершилась» (март, гл. I, § 5, «Сила мертвая и силы грядущие»). Ср. записные тетради за 1875—1876 гг., а также «Дневник писателя» (1877, январь, гл. I, § 1, «Три идеи»). Факт принятия догмата о непогрешимости папы оказал воздействие на формирование у Достоевского комплекса религиозно-философских идей об искажении католичеством «истинного Христа», о родстве католицизма и атеизма и о возможном союзе папы с «политическим социализмом» — идей, получивших окончательное развитие в «Дневнике писателя». См. также письма Достоевского конца 1860-х—1870-х годов и примеч. к стр. 167, 168, 178.

С т р. 146. *Мы закричим, что воскрес Степан Тимофеевич и несет новую волю.* — Имеется в виду Степан Тимофеевич Разин, руководитель восстания крестьян и казаков в 1667—1671 гг., ставший героем народных легенд. См. также: наст. изд., т. IX, стр. 128, 521.

С т р. 147. *Но другие-то (газеты) ∾ пляшут над матереубийством?* — Выпад по адресу В. Ф. Корша (см. примеч. к стр. 174) и редактировавшихся им «С.-Петербургских ведомостей», отличавшихся либеральной «западнической» направленностью. Панург — один из героев романа французского писателя Ф. Рабле (Rabelais, 1494—1553) «Гаргантюа и Пантагрюэль». Поссорившись с купцом Дендено, который вез на корабле стадо баранов, Панург купил у него одного барана и бросил в море. Остальные бросились

вслед за этим бараном и потонули (кн. IV, гл. 6—8). Возможно, что обращение Достоевского к раблезианскому образу было навеяно названием антинигилистического романа В. В. Крестовского «Панургово стадо» (1869). В приведенном контексте Достоевского «панургову стаду» уподобляются русские западники с их слепой верой в европейскую цивилизацию.

Стр. 148. *Максим Иванов пристанет, солдат пристанет.* — Максим Иванов, мещанин, содержатель притона, известен по делу об убийстве фон Зона 8 ноября 1869 г. (см. выше, стр. 217—218). Имена фон Зона и Максима Иванова, неоднократно упоминаемые в подготовительных материалах к «Бесам», символизируют для Достоевского людей, свободных от всяких нравственных норм и законов.

Стр. 149. — *Негодяев нет ∾ всё по естественным законам.* — Достоевский неоднократно выступал против «учения о среде», объяснявшего и оправдывавшего преступление тяжелыми жизненными условиями преступника и не принимавшего во внимание его личность (см., например: *ДП*. 1873, гл. III, «Среда»; 1876, май, гл. II, § 2, «Одна несоответственная идея», записные тетради 1870-х годов. Ср. также: наст. изд., т. VII, стр. 380.

Стр. 149. N3). *У Успенского. Жена взяла-таки любовника ∾ и уехал.* — Пародийные намеки на ситуации романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» П. Г. Успенский — прототип Виргинского в «Бесах» (см. выше, стр. 205—206, 209).

Стр. 150. *Нечаев страшно самолюбив, но как младенец (Ливанов) ∾ сколько проживет мир».* — См. выше, стр. 219.

Стр. 150. ... *Князь хищный зверь, байроновский корсар и проч.* — Корсар — герой одноименной поэмы Байрона (1814). Здесь в смысле: загадочная демоническая личность, романтический мститель обществу.

Стр. 152. *Это как иные грешники (говорят, что и бесы) могут уверовать ∾ во что они уверовали.* — Ср. в «Послании» апостола Иакова: «Ты веруешь, что бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют и трепещут. Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва?» (гл. 2, ст. 19—20). Приведенный евангельский текст существен для понимания замысла образа Ставрогина. Ср. также примеч. к стр. 184.

Стр. 153. *Сцену оскорбления В⟨оспитанни⟩цы Князем ∾ раскаяния. Шекспир.* — Возможно, что данная сцена оскорбления Князем Воспитанницы и «страшного его раскаяния» была навеяна трагедией В. Шекспира «Отелло». Об отношении Достоевского к Шекспиру см. примеч. к стр. 157.

Стр. 153. *Об Князе слухи ∾ (Грибоедов).* — Намек на дипломатическую деятельность поэта А. С. Грибоедова (1795—1829). В 1828 г. Грибоедов был назначен министром-резидентом при персидском шахе и на этом посту трагически погиб в Тегеране вместе с другими представителями русской дипломатической миссии.

Стр. 155. ... *мы 10 000 железных дорог выстроили ∾ С вооружением армии та же история.* — По всей вероятности, приведенные здесь Достоевским сведения почерпнуты из статьи «Европа и ее силы в 1869 году», опубликованной в январской, февральской и майской книжках «Вестника Европы» за 1870 г. и подписанной Л. П. (Л. А. Полонский). Автор статьи приводит сравнительные статистические данные за 1869 г., свидетельствующие о численности населения, бюджете, вооруженных силах, развитии экономики и промышленности, строительстве железных дорог, состоянии народного просвещения и т. д. в странах Европы и в России. Обзор заканчивается полемическим выпадом по адресу славянофильской «риторической публицистики», развивающей на все лады свою любимую тему о «гниении Запада». «Мы должны желать себе, — заключает автор, — не копирования внешних форм западной цивилизации, а усвоения нашею государственною и общественною жизнью общеевропейских начал» (*ВЕ*, 1870, № 2, стр. 721).

Стр. 156. *Я видел у немцев ∾ молоток все-таки в руках.* — Ср. с высказыванием Достоевского о традиционном немецком трудолюбии в «Дневнике писателя» за 1876 г. (июль—август, гл. II, § 3, «Немцы и труд. Непостижимые фокусы. Об остроумии»).

С т р. 156—157. *Вся реформа наша с Петра* ∾ *и нравиться стало.* — См. примеч. к стр. 66, 111—112.

С т р. 157. ... *а у нас с Петра Великого въелись в ничегонеделание.* — Ср. наст. изд., т. VII, стр. 5, 309, а также заметку в записной тетради Достоевского 1875—1876 гг.: «У нас умели делать дело. У нас перестали уметь с Петра, но только на культурный период, когда высший слой учился, а народ был закреплен в невежестве. В древнем мире нашем деловитость была, — но тощие средства, малая густота населения, отчужденность от мира других народов (бывшая причиною предрассудков). Замкнутость России, из которой рвалась она, — но умели окраины блюсти и соблюсти государство, единство, торговлю, колонизацию. Но с реформой деятельность народная прекратилась через наложенную опеку и заменилась на 200 лет деятельностью государственною».

С т р. 157. ... *крепостничество было самым золотым последствием Петровской реформы* ∾ *главный плод ее.* — Ср. в записной тетради Достоевского 1872—1875 гг.: «Все реформы нынешнего царствования суть прямая противоположность (по существу) реформам Петра Великого и упразднение их во всех пунктах. Освобождение народа есть, н⟨а⟩прим⟨ер⟩, прямая противоположность взгляду Петра (закрепившего народ) на русский народ как на материал, платящий подати деньгами и повинностями, и не более. Самоуправление есть прямая противоположность (узенькому) взгляду Петра на Россию как на помещичью экономию на крепостном основании, где народ «не живи» и где всё управляется несколькими управляющими от помещиков, т. е. чиновниками с помещиком Петром во главе, получающим доходы для войны с шведом».

С т р. 157. *Они на Котошихина указывают.* — Г. К. Котошихин (ум. в 1667 г.) — подьячий русского посольского приказа, бежавший из России. В Швеции написал свое известное сочинение о России, ставшее основным источником изучения русской истории XVII в. (впервые было издано на русском языке в 1840 г. под названием «О России в царствовании Алексея Михайловича»). В данном и последующих высказываниях можно усмотреть полемику с западником А. Н. Пыпиным, автором работы «Очерки общественного движения при Александре I» (*ВЕ*, 1870, №№ 2, 4, 6, 9—10). Так, в частности, Пыпин, сочувственно оценивший реформаторскую деятельность М. М. Сперанского, направленную на преобразование России в европейском духе, указывает, что необходимость подобных преобразований ощущалась передовыми русскими уже в XVII—XVIII вв. «В основании всякой разумной реформы, — замечает он, — должно лежать ясное критическое отношение к существующему порядку, и в этом отношении труд Сперанского стоит, быть может, выше всего, что только было сделано русской мыслью до тех времен. Примеры такого здравого критического отношения являются уже давно, — их можно начинать еще с Котошихина; в течение XVIII-го века они изредка повторялись в публицистических трудах вроде Посошкова, в целом ряде сатирической литературы, доходя, наконец, до Новикова, Радищева и реформаторов первых лет царствования императора Александра...» (*ВЕ*, 1870, № 6, стр. 703—704). См. также примеч. к стр. 289.

С т р. 157. *А вы прочтите, наприм⟨ер⟩, книгу о светлом и черном духовенстве* ∾ *как вы думаете?* — О какой книге идет речь, установить не удалось.

С т р. 157. *«Шекспир* ∾ *тайну о человеке».* Ср. с т р. 237. *Об Шекспире* ∾ *души человече⟨ской⟩.* — Об отношении Достоевского к Шекспиру см.: Л. П. Г р о с с м а н. Гений Европы. *Библиотека*, стр. 89—94; Ю. Д. Л е в и н. Достоевский и Шекспир. *Материалы и исследования*, т. I, стр. 108—134.

С т р. 159. *А знаете, по форме это немецкое влияние* ∾ *двухсотлетней татарщины, — а?* — См. выше, стр. 216—217.

С т р. 159. *Пусть об этом Серно-Соловьевичи хлопочут* ∾ *Чернышевские!* — Серно-Соловьевичи Александр (1838—1869) и Николай (ум. в 1866 г.) Александровичи — братья, участники революционного движения 1860-х годов, единомышленники Чернышевского. См. также выше, стр. 256.

С т р. 159. *О милостыне* ∾ *надеющихся жить милостыней.* — См. выше, стр. 300. См. также: наст. изд., т. IX, стр. 764.

С т р. 161. *Поэма: входит молодой человек ∾ что он сосет страдание.* — Возможно, пародийный намек на аллегорическую поэму молодого В. С. Печорина «Торжество смерти». О ней см. выше, стр. 278—279.

С т р. 161. *Склонялся к американским штатам (Ток⟨виль⟩) ∾ Разделить Россию.* — См. выше, стр. 280—281.

С т р. 161. *Напечатали поэмку за границей ∾ но протестовал.* — Намек на поэму В. С. Печерина «Торжество смерти». — См. выше, стр. 278—279.

С т р. 162. *Рассказывает ей анекдоты ∾ как Райский ⟨?⟩, Григорий Косицкий, Петербургская сторона.* — Смысл записи неясен.

С т р. 163. ... *Если же Наполеон еще проживет сколько-нибудь ∾ надолго привлечет к ним войско.* — Речь идет о Наполеоне III — см. примеч. к стр. 263.

С т р. 164. *Про Белинск⟨ого⟩ ∾ играл в карты.* — Данные заметки использованы в «Дневнике писателя» за 1873 г. (гл. II, «Старые люди»).

С т р. 164. — *Они и без голов ничего бы не поняли ∾ мешали им понимать.* — Ср. выше, стр. 286.

С т р. 165. *Подсмеивался над Верой Павловной.* — Вера Павловна — героиня романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

С т р. 167. *Бунты могли быть лишь когда существовали сословия ∾ восстанав⟨лива⟩л это).* — Ср. с другими высказываниями Достоевского о восстании декабристов 14 декабря 1825 г. и Чацком как представителе либеральной дворянской оппозиции, оторванной от русской «почвы», народа (см.: наст. изд., т. XI, стр. 86—88; см. также примеч. к стр. 86—88).

С т р. 167. *Апокалипсис, царство 1000 лет ∾ (ибо принял тамошний Христос земное царство, отвергнутое в пустыне).*— Евангельскую легенду об искушении дьяволом Христа в пустыне соблазном земной власти и могущества (см.: Евангелие от Матфея, гл. 4, ст. 8—10, от Луки, гл. 4, ст. 5—8) Достоевский использует для критики католичества, исказившего, по мысли писателя, образ «истинного Христа» (в отличие от евангельского Христа, выдержавшего все искушения и оставшегося нравственно свободным, папа римский прельстился «земным царством»). Ср.: «Дневник писателя» 1876—1877 гг., записные тетради 1870-х годов и статью «Иностранные события» 1873—1874 гг. Упоминаемые здесь же апокалипсические образы тысячелетнего царства (которое, согласно Апокалипсису, должно установиться на земле в результате второго пришествия Христа и гибели антихриста — см. примеч. к стр. 168) Достоевский истолковывает в злободневном смысле, применительно к событиям современной европейской и русской жизни. См. также примеч. к стр. 146, 168.

С т р. 167. *Одна лишь последняя подчиненность Европе ∾ последнее проклятие реформы Петровой.* — Ср. прим. к стр. 66, 112—113 и 169.

С т р. 168. *Мы несем 1-й рай 1000 лет ∾ чтобы сразиться с антихристом, т. е. с духом Запада, который воплотится на Западе.* — Тема антихриста, т. е. самозванца, выдающего себя за Христа, лже-Христа, который должен появиться на земле незадолго до второго пришествия Христа, чтобы «прельстить» народы, восходит к Новому завету. В подготовительных материалах к «Бесам» образ антихриста олицетворяет в широком смысле полный безверия «дух Запада»; в более узком смысле — католическую идею «насильственного единения» человечества как искажение истинного христианства и носителя этой идеи — папу римского, «поддавшегося на третье дьяволово искушение» и соблазнившегося «земным царством» (см. примеч. к стр. 146, 167). Илия и Энох — ветхозаветные пророки, долженствующие разоблачить антихриста в последние дни его царствования и убиенные им за правду (тема, распространенная в апокрифических сказаниях и народных стихах; литературно обработана Вл. Соловьевым в его «Краткой повести об антихристе»). В контексте черновых материалов к «Бесам» в роли Илии и Эноха выступает православная Россия, призванная нравственно обновить духовно разлагающуюся Европу (см. также примеч. к стр. 167, 273). К образам Илии и Эноха Достоевский снова обращается в период работы над романом «Подросток» и «Братья Карамазовы» (см.: В. Е. В е т л о в с к а я. Достоевский и поэтический мир древней Руси (Литературные и фольклорные

источники «Братьев Карамазовых»). Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы, т. XXVIII. Изд. «Наука», М.-Л., 1974, стр. 296—307; см. также: наст. изд., т. XVII.

С т р. 169. *«Наш русский за границей (или цивилизатор, Стасюлевич) ∾ родились лакеями».* — Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911) — русский либеральный историк, публицист и издатель, друг И. С. Тургенева. С 1865 по 1894 г. — редактор историко-политического и литературного журнала «Вестник Европы», пропагандировавшего лучшие достижения европейской цивилизации и полемизировавшего с органами славянофильского направления. Резкий выпад Достоевского против Стасюлевича объясняется общей антизападнической настроенностью писателя в период работы над «Бесами».

С т р. 169. N3) *Западничество есть лакейство, лакейство мысли. (Статья о Диксоне, «Вест⟨ник⟩ Европы», апрель 1870 г.).* — Запись навеяна чтением рецензии «Новая книга Диксона о России» («Free Russia» by W. H. Dixon, 2 vol. London, 1870), помещенной в майском номере «Вестника Европы» за 1870 г., стр. 346—373 (у Достоевского ошибочно упомянут апрельский номер журнала). Рецензия, подписанная инициалом «Д» (А. Н. Пыпин?), свидетельствует о западнических симпатиях ее автора и содержит полемические выпады по адресу славянофилов. Так, например, рецензент «Вестника Европы» отмечает, что иностранцев всегда поражала в русской жизни «смесь известной европейской образованности и восточной патриархальности и грубости нравов и общественного устройства» (*ВЕ*, 1870, № 5, стр. 347). Он подчеркивает: «Они ⟨т. е. иностранцы, — *Ред.*⟩ находили это и в то время, когда мы не только зачислили себя к народам как следует образованным, но даже собирались поучать и самую Европу, когда мы, не задумываясь, объявили гнилой ее цивилизацию и предвещали торжество нашей собственной. Но европейские критики не уверовали в мистический мессианизм русского народа и были правы: в самой жизни не происходило никаких явлений, которые бы оправдывали этот мессианизм; напротив, она шла уже известными путями. Развитие и успехи России ознаменовывались тем, что она усваивала даже известные европейские идеи, учреждения, нравы, материальные усовершенствования; ее отсталость выражалась присутствием тех остатков средневекового порядка вещей, от которых уже освободилась Европа. Наконец, то своеобразие, что представляла Россия, как представляет всякая страна по условиям климата, географического положения, расы, прошедшей истории и т. д., до сих пор не показывало ничего такого, что бы заставляло искать для России каких-нибудь особенных законов развития и ставить ее вне обыкновенных условий и требований цивилизации. ⟨...⟩ Это европейское мнение ⟨...⟩ нередко восполняло недостаток свободной критики, который оказывался в собственной нашей литературе ⟨...⟩. Но ребячество нашего общественного развития было таково, что эта независимая литература была даже совсем недоступна для русского читателя: в то время, когда мы грозили свергнуть „ложную“ западную цивилизацию и воздвигнуть па ее развалинах свою собственную, нам не дозволялось даже читать того, что писали о нашей цивилизации ⟨...⟩. В это самое время мы с пренебрежением бросали „иностранные очки“, когда нам предлагали иногда познакомиться с выводами европейской науки или с европейской критикой русской истории; — мы забывали при этом, что только благодаря «иностранным очкам», которые раз насильно надел на нас Петр Великий, мы сделались и тем, что есть» (см.: там же, стр. 347—349). «Западническая» направленность статьи и вызвала ядовитую реплику Достоевского о «лакействе мысли» «западников».

С т р. 169. *Вест⟨ник⟩ Европы сердится на Пушкина за старинную эпиграмму.* — Речь идет об эпиграмме:

«Сыны отечества» и «Вестники Европы»
Полезны для ума, а более для ⟨...⟩,

которая ошибочно приписывалась Пушкину и была включена в издание: Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в полное собрание его сочинений. Под ред. Н. В. Гербеля. Берлин, 1861. См.: *Пушкин*, т. XVII, стр. 557; Пушкин в печати за сто лет (1837—1937), вып. II. Сост. К. П. Богаевская. Под

ред. М. А. Цявловского, Соцэкгиз, М., 1938, стр. 170. Эту эпиграмму Достоевский упоминает также в записных тетрадях 1870-х и начала 1880-х годов.

С т р. 170. N3). *Название: Л ю д и и з б у м а ж к и.* — В окончательной редакции романа (см.: ч. I, гл. 4, «Хромоножка») так характеризует западников и нигилистов Шатов: «Люди из бумажки; от лакейства мысли всё это» (см.: наст. изд., т. X, стр. 110).

С т р. 170. ... *если бы германец времен Арминия ∾ кроме римской цивилизации».* — Арминий (17 г. до н. э. — 21 г. н. э.) — вождь германского племени херусков, разбивший войска римского полководца Вара в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.). Об Арминии Достоевский упоминает в январском номере «Дневника писателя» за 1877 г., характеризуя борьбу идей в современной Европе: «С другой стороны, восстает старый протестантизм, протестующий против Рима вот уже девятнадцать веков ⟨...⟩ против цивилизации его, — протестующий еще со времен Арминия и Тевтобургских лесов» (гл. I, § 1, «Три идеи»; ср.: там же, май — июнь, гл. III, § 1 «Германский мировой вопрос. Германия страна протестующая»). Одним из источников сведений об Арминии для Достоевского явились, как об этом свидетельствуют его записные тетради 1875—1877 гг., «Анналы» Тацита.

С т р. 171. *Кажется, он раз сидел ∾ или где-то сидел.* — В 1862 г. Д. И. Писарев был арестован за памфлет против изданной анонимно на Западе книги агента русского правительства Шедо-Ферроти (псевдоним барона Фиркса) и заключен в Петропавловскую крепость, где провел более четырех лет и был досрочно освобожден по амнистии 18 ноября 1866 г. (см.: М. К. Л е м к е. Процесс Д. И. Писарева. «Былое», 1906, № 2, стр. 21—65; *Лемке*, стр. 91—168).

С т р. 171. *Говорят теперь про Пушкина и про сапоги?»* — См. выше, стр. 284, 311—312.

С т р. 171. ... *какие сапоги? — Гр⟨ановский⟩: «Всмятку, mon ami, как говорит у нас кучер Петр».* — Выражение «сапоги всмятку» (о бессмыслице, чепухе), нередко встречающееся во фразеологии демократов — шестидесятников (Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев) и семидесятников (Н. К. Михайловский), восходит, по-видимому, к «Мертвым душам» Н. В. Гоголя (ч. I. гл. 9): «Какая же причина в мертвых душах? Даже и причины нет; это, выходит, просто: андропы едут, чепуха, белиберда, сапоги всмятку!» (см.: *Гоголь*, т. VI, стр. 190).

С т р. 172. *Все вы — (из Ренана).* — Смысл черновой записи неясен. О Ренане см. примеч. к стр. 178.

С т р. 172. *(В антрактах Великий писатель говорит с Писаревым.)* — Возможный намек на «Литературные и житейские воспоминания» И. С. Тургенева, где писатель рассказывает о своей встрече с Д. И. Писаревым в 1867 г. (см.: *Тургенев, Сочинения*, т. XIV, стр. 35—36).

С т р. 174. ... *благодушный Корш — Степан Трофимович ∾ от них же и вышло.* — Корш Валентин Федорович (1828—1883) — русский либеральный публицист и историк литературы. В 1863—1874 гг. был редактором «С.-Петербургских ведомостей». Один из прототипов Степана Трофимовича Верховенского в «Бесах».

С т р. 175. *Подвиг осиливает ∾ но и бесы веруют и трепещут.* — См. примеч. к стр. 184.

С т р. 176. ... *остался верен старому идеальному сумбуру (Европе, «Вестник Европы», Корш).* — О «Вестнике Европы» и В. Ф. Корше см. примеч. к стр. 169, 174.

С т р. 176. *Чтение горной проповеди.* — Имеется в виду нагорная проповедь Христа — см.: Евангелие от Матфея, гл. 5—7; Евангелие от Луки, гл. 6.

С т р. 176. *(Капфиг да Капфиг).* — См. выше, стр. 302.

С т р. 177. ... *папа-антихрист* — См. примеч. к стр. 146, 168, 273.

С т р. 177. *Не в промышленности, а в нравственном перерождении сила...* — См. выше, стр. 187—188; см. также: наст. изд., т. IX, стр. 393.

С т р. 177. *Мы, русские ∾ зверь с раненой головой, 1000 лет.* Ср.

с т р. 182. ... *раненый зверь*... с т р. 186. *Апокалипсис. — Сообразите, что значит зверь* ∾ *на земле*; с т р. 187. Младенца, millenium, Апокалипсис, раненый зверь; с т р. 195. *Князь Шатову говорит об Апокалипсисе, о начертании зверя, голова ранена.* — «Зверь», или «раненый зверь», «зверь из бездны», — апокалипсический образ, символизирующий силы зла, после поражения которых на земле установится тысячелетнее царство Христа (см.: Откровение св. Иоанна Богослова, гл. 13). В контексте черновиков к «Бесам» апокалипсические образы использованы Достоевским для осмысления исторической роли России в грядущих судьбах мира. Об этом же свидетельствуют многочисленные пометы, сопровождающие стихи Апокалипсиса в принадлежащем Достоевскому экземпляре Нового завета (хранится в *ГБЛ*, ф. 93, I, 5в, 1; подробнее об этом см.: наст. изд., т. VII, стр. 399; об Апокалипсисе см.: наст. изд., т. IX, стр. 439).

С т р. 177. *«Они говорят: в науке сила»* — См. выше, стр. 189—190. Ср. также примеч. к стр. 178.

С т р. 177. *На Западе Христос исказился и истощился. Царство антихриста.* — См. примеч. к стр. 146, 167, 168, 273.

С т р. 178. ... *где вера (католичество, лютеранство, ереси, искажение христианства) утрачена*... — См. примеч. к стр. 178, 179.

С т р. 178. ... *можно ли веровать, быв цивилизованным, т. е. европейцем* ∾ *нет, нельзя (Ренан)*... — Речь идет о книге Э. Ренана «Жизнь Иисуса» (1863), положившей начало восьмитомной «Истории происхождения христианства» этого автора (Paris, 1863—1883). В «Дневнике писателя» за 1873 г. (гл. II, «Старые люди») Достоевский назвал книгу Ренана «полной безверия», так как историк, высоко оценивший нравственные достоинства Христа, в то же время отрицал его божественность и рассматривал основателя новой религии как реальную человеческую личность, принадлежавшую конкретной исторической среде и эпохе. В черновике неосуществленной статьи 1860-х годов «Социализм и христианство» Достоевский заметил о книге Ренана: «Ни один атеист, оспаривавший божественное происхождение Христа, не отрицал, что он идеал человечества. Последнее слово — Ренан. Это замечательно» (ср. с отзывом Достоевского о книге «Жизнь Иисуса» немецкого историка Д. Штрауса, написанной с близких Ренану идейных позиций и основанной на научной критике библии, — *ДП*, 1873, гл. XVI, «Одна из современных фальшей»). О книге Ренана как одном из источников романа «Идиот» см.: наст. изд., т. IX, стр. 396—398.

С т р. 178. ... *общество не удержало* ∾ *католичество — антихрист, блудница, лютеранство — молоканство.* — О сближении католицизма с новозаветным образом антихриста см. примеч. к стр. 168. Смысл сравнения католицизма с апокалипсическим образом «великой блудницы», с которой «блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле» (см.: Откровение св. Иоанна Богослова, гл. 17, ст. 1), раскрывается в «Дневнике писателя» за 1876 г. (март, гл. I, § 5, «Сила мертвая и силы грядущие»): «Оно ⟨католичество, — *Ред.*⟩ давно уже считает себя выше всего человечества. До сих пор оно блудодействовало лишь с сильными земли и надеялось на них до последнего срока. Но срок этот пришел теперь, кажется, окончательно, и римское католичество несомненно бросит властителей земных ⟨...⟩ Потеряв союзников царей, католичество несомненно бросится к демосу» (см. также примеч. к стр. 273). Молокане — религиозная секта, возникшая в России в конце 1860-х годов XVIII в. Молокане отрицательно относились к внешнеобрядовой стороне православия и противопоставляли ему евангельское христианство. Любопытно, что В. И. Кельсиев, выступавший на страницах журнала «Заря» со статьями о русских раскольниках, старообрядцах и сектантах, подобно Достоевскому, сближал молокан с протестантами. В рецензии на второй том книги Ф. В. Ливанова «Раскольники и острожники» (СПб., 1870) Кельсиев, в частности, писал: «Между тем пример западных молокан, протестантов, доказывает, что ознакомление с историей церкви ⟨...⟩ ведет к принятию какой-нибудь положительной христианской религии — католичества или православия ⟨...⟩ протестантство западной церкви и в параллель идущее с ней молоканство восточной церкви не что

ное, как протест, недовольство церковными формами; ⟨...⟩ оно лишено живого смысла. ⟨...⟩ Выдумка кабинетных людей, докторов богословия, протестантство никогда не составляло религии масс» («Заря», 1870, № 4, отд. II, стр. 123, 125; ср. его же статью «Святорусские двоеверы». «Заря», 1869, № 11, отд. II, стр. 1—36). См. также примеч. к стр. 179.

Стр. 178. ... *можно ли существовать обществу без веры (наукой, например,— Герцен)*. — См выше, стр. 189—190.

Стр. 179. ... что *христианство не падает в виде лютеранства* ∾ *(ибо исход лютеранства этот)*. — Идею об искажении христианства в католичестве и протестантизме (лютеранстве) Достоевский настойчиво развивает в 1870-х годах (см., например, записные тетради этого времени, «Дневник писателя» за 1876 и 1877 гг., статью 1873 г. «Иностранные события» в «Гражданине»). Касаясь вопроса о происхождении протестантизма в «Дневнике писателя» за 1877 г. (январь, гл. I, § 1, «Три идеи»), Достоевский отмечает, что он возник как протест против «Рима и идеи его, древней языческой и обновленной католической, против мировой его мысли владеть человеком на всей земле, и нравственно и материально ⟨...⟩. Это — германец, верящий слепо, что в нем лишь обновление человечества, а не в цивилизации католической. Во всю историю свою он только и грезил, только и жаждал объединения своего для провозглашения своей гордой идеи, — сильно формулировавшейся и объединившейся еще в Лютерову ересь ⟨...⟩ вера эта ⟨«Лютеров протестантизм», — *Ред.*⟩ есть протестующая и лишь *отрицательная*, и чуть исчезнет с земли католичество, исчезнет за ним вслед и протестантство наверно, потому что не против чего будет протестовать, обратится в прямой атеизм и тем кончится» (ср.: там же, май — июнь, гл. III, § 1, «Германский мировой вопрос. Германия страна протестующая». В записной тетради за 1875—1876 гг. Достоевский отмечает, что протестантство «граничит с прямым атеизмом и тотчас бы охотно ушло в него, а если держится до сих пор в виде религии, то *единственно* оттого, что до сих пор еще *протестует*, т. е. борется и воюет против св. папы». См. также примеч. к стр. 178.

Стр. 179. ... *или с левой стороной* ∾ *что даже ей вредит*) — Мысль о несовместимости религии с наукой и общественным прогрессом в России развивал В. Г. Белинский (см.: *ДП*, 1873, гл. II, «Старые люди» и XVI «Одна из современных фальшей»). См. также выше, стр. 189—190. О смысле символа «живая жизнь» у Достоевского см. наст. изд., т. XV.

Стр. 179. ... *наука, например* ∾ *законченный нравственный идеал*. — См. выше, стр. 187—190. Ср. записную тетрадь 1875—1876 гг. и «Дневник писателя» за 1876 г. (март, гл. I, § 4, «Мечты о Европе»).

Стр. 180. ... *если не веровать в воскресение Лазаря или immaculée conception*... — Имеются в виду евангельские предания о воскрешении Лазаря (см.: Евангелие от Иоанна, гл. 11, ст. 1—46) и о непорочном зачатии (см.: Евангелие от Матфея, гл. 1, ст. 18—25; от Луки, гл. 1, ст. 26—38). О символическом использовании Достоевским мотива воскрешения Лазаря см.: наст. изд., т. VI, стр. 249—252; т. VII, стр. 386.

Стр. 181. «*Падите горы на нас и подавите нас* ». — Согласно Евангелию, Христос по дороге на казнь пророчествовал о близком конце мира и страданиях, ожидающих людей: «Ибо приходят дни, в которые скажут: „блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие“. Тогда начнут говорить горам: „падите на нас“ и холмам: „покройте нас“» (см.: Евангелие от Луки, гл. 23, ст. 29—30); ср. в Апокалипсисе: «И говорят горам и камням: „падите на нас и сокройте нас от лица сидящего на престоле и от гнева Агнца“» (см.: Откровение св. Иоанна Богослова, гл. 6, ст. 16).

Стр. 181. «*Не слышно гласа жениха и невесты*». Ср. стр. 183. «*Не будет гласу жениха и невесты*». — Восходит к Апокалипсису: «И свет светильника уже не появится в тебе; и гóлоса жениха и невесты не будет уже слышно в тебе: ибо купцы твои были вельможи земли, и волшебством твоим введены в заблуждение все народы» (см.: Откровение св. Иоанна Богослова, гл. 18, ст. 23; ср.: Книга пророка Иеремии, гл. 7, ст. 34).

Стр. 181. *Если пищи будет мало* ∾ *Мальтус вовсе не так несправедлив*; *ибо слишком мало времени было для опыта*.— См. выше, стр.187—188. Упомина-

ния о Мальтусе, взгляды которого Достоевский рассматривал как симптом крайнего упадка западной буржуазно-рационалистической мысли, нередки в творчестве писателя 1860—1870-х годов (помимо «Идиота» и «Бесов», см., например, записные тетради 1863—1864, 1875—1877 гг. и *ДП*, 1876, июль — август, гл. IV, § 3, «Детские секреты»). См. также наст. изд., т. IX, стр. 448—449; ср. примеч. к стр. 188.

С т р. 182. *Значит, христианство одно только заключает в себе живую воду и может привести человека на живые источники вод...* Ср. там же ... *живые источники вод.* — «Живая вода» и «живые источники вод» — библейские образы, символизирующие духовную жизнь. В Евангелии от Иоанна Христос, употребляя выражение «реки воды живой», ссылается на Писание (гл. 7, ст. 38), а в беседе у колодца с самаритянкой следующим образом раскрывает смысл понятия «живая вода»: «А кто будет пить воду, которую я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (гл. 4, ст. 14). «Живые источники вод» неоднократно упоминаются в Апокалипсисе (см., например, гл. 7, ст. 17; гл. 21, ст. 6). Ср. также: наст. изд., т. IX, стр. 447—448.

С т р. 182. *Это предсказано в христианстве ∾ где не будет жен и мужей).* — См. выше, стр. 318.

С т р. 182. *Другие же ∾ христианство совместимо даже с бесконечным ходом цивилизации, не только с нынешним.* — Возможно, что это высказывание навеяно той оценкой учения Христа, которое дано Э. Ренаном в книге «Жизнь Иисуса» (см. примеч. к стр. 178). Касаясь судьбы учения Христа в современном мире, Ренан, примыкавший по своим философским взглядам к позитивизму, высказывает мысль, что «применение этого учения уже более не будет пустой забавой, что в скором времени самым существенным в нем будет работа для создания счастья, просвещения и добродетели людей». «Идея Иисуса была ⟨...⟩ самая революционная идея, когда-либо родившаяся в человеческом мозгу, — пишет Ренан. — ⟨...⟩ Когда мы в настоящее время хотим представить Христа, при современном сознании, утешителем и судьей новых времен, что мы делаем? ⟨...⟩ Мы представляем себе условия существующего мира совсем не такими, каковы они есть; мы видим Спасителя, разбивающим, без всякого оружия, цепи негра, улучшающим положение пролетария, освобождающим угнетенные нации. Мы забываем, что это предполагало бы все существующее совершенно ниспровергнутым. Реформа всего, которую желал произвести Иисус, была не более трудной» (см.: Vie de Jésus. Par E. Renan. 3-me édition, Paris, 1863, p. 125—126. Цит. по русск. изд.: Э. Р е н а н. Жизнь Иисуса. Изд. 3-е. СПб., б. г., стр. 48—49).

С т р. 182. ... *раненый зверь, третья часть трав погибла, блудница* Востока ⟨?⟩, *жена чревата...* — апокалипсические образы (см.: Откровение св. Иоанна Богослова, гл. 8, 12—13, 17—18). См. также примеч. к стр. 177, 178.

С т р. 184. *Мы, очевидно, существа переходные ∾ переходящей в бабочку.* — Ср. с записью Достоевского от 16 апреля 1864 г. по поводу смерти его первой жены Марии Дмитриевны.

С т р. 184. *Вспомните выражение: «Ангел никогда не падает ∾ человек падает и восстает».* — Выражение восходит к упоминавшемуся выше сочинению «Лествица». Достоевский неточно (очевидно, по памяти) цитирует понравившееся ему изречение Лествичника. Ср.: «Ангелам ⟨...⟩ свойственно не падать и даже, как некоторые говорят, совсем невозможно пасть; людям же свойственно падать и скоро восставать от падения, сколько бы раз это ни случилось, а только бесам свойственно, падши, никогда не восставать» (см.: Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. Изд. 4-е. М., 1892, стр. 51—52).

С т р. 184. *Не забудьте тоже, что «времени больше не будет», как клялся ангел.* — См. выше, стр. 297.

С т р. 184. *Заметьте еще, что бесы — знают ∾ в загробных натурах есть сознание и память...* — По евангельскому преданию, при встречах

Христа с бесноватыми бесы узнавали его. «Был в синагоге человек, имевший нечистого духа бесовского, и он закричал громким голосом: „Оставь, что тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас; знаю тебя, кто ты, святый божий“» (см.: Евангелие от Луки, гл. 4, ст. 33—34); «И духи нечистые, когда видели его, падали пред ним и кричали: „Ты сын божий“» (см.: Евангелие от Марка, гл. 3, ст. 11). См. также в первых трех евангелиях эпизод с исцелением гадаринского бесноватого.

Стр. 186. ... *хотя бы только тысячному дана была белая одежда (Апокалипсис), и того довольно.* — Согласно символике Апокалипсиса, белая одежда предназначалась праведникам, достойным занять место в царствии божьем и обрести вечную жизнь: «Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедую имя его пред отцом моим и пред ангелами его» (см.: Откровение св. Иоанна Богослова, гл. 3, ст. 5; ср. гл. 6, ст. 11, гл. 7, ст. 9). Достоевский использует этот библейский символ также в «Зимних заметках о летних впечатлениях», когда рисует бедственное положение социальных низов в буржуазной Европе и показывает невозможность достижения для них «земного рая»: «И вы чувствуете, глядя на всех этих парией общества, что еще долго не сбудется для них пророчество, что еще долго не дадут им пальмовых ветвей и белых одежд и что долго еще будут они взывать к престолу всевышнего: „доколе, господи“» (см.: наст. изд., т. V, стр. 71).

Стр. 188. ... *по плодам судят о дереве...* — Ср.: «Нет доброго дерева, которое приносило бы худой плод; и нет худого дерева, которое приносило бы плод добрый. Ибо всякое дерево познается по плоду своему, потому что не собирают смокв с терновника и не снимают винограда с кустарника» (см.: Евангелие от Луки, гл. 6, ст. 43—44; ср.: Евангелие от Матфея, гл. 7, ст. 16—20; гл. 12, ст. 33).

Стр. 188. *Писали ∾ то избивать или сжигать младенцев.* — Возможно, что это высказывание навеяно статьей Н. Н. Страхова «Дурные признаки», посвященной переводу на французский язык книги Ч. Дарвина «О происхождении видов» (*Вр*, 1862, № 11, отд. II, стр. 158—172). В предисловии переводчица К.-О. Ройе прилагает «закон естественного избрания» к человеческому обществу: «Когда в семействе много детей, а есть нечего, Мальтус простодушно принимал это за несчастье. Теперь же мы видим, что чем больше детей, тем лучше, тем сильнее может действовать благотворный закон конкуренции. Слабые погибнут, и выдержат борьбу только *естественно избранные*, лучшие привилегированные члены, так что в результате получится прогресс, улучшение всего племени» (там же, стр. 169). «Подобные мнения чудовищны, невероятны, — восклицает по этому поводу Н. Н. Страхов, — но, как видит читатель, они существуют. Девица Ройе бестрепетно проводит свою мысль до конца и не останавливается ни перед какими следствиями» (там же). Так, в частности, она подвергает сомнению нравственный закон сострадания и помощи слабым и больным, сомневается в необходимости политических и гражданских свобод для неразвитых, отсталых племен и народов (ср.: *Фридлендер*, стр. 158—161, а также см. в «Идиоте» «анекдот» Лебедева об антропофаге XII в., который «в продолжение долгой и скудной жизни своей умертвил и съел лично и в глубочайшем секрете шестьдесят монахов и несколько светских младенцев» — наст. изд., т. VIII, стр. 312).

Стр. 190. — *Узнает душа, что каждый за всё ответчик.* — Ср. с поучениями Зосимы в «Братьях Карамазовых»: «... возьми себя и сделай себя же ответчиком за весь грех людской. Друг, да ведь это и вправду так, ибо чуть только сделаешь себя за всё и за всех ответчиком искренно, то тотчас же увидишь, что оно так и есть в самом деле и что ты-то и есть за всех и за вся виноват». И далее: «Помни особенно, что не можешь ничьим судиею быти. Ибо не может быть на земле судья преступника, прежде чем сам сей судья не познает, что и он такой же точно преступник, как и стоящий пред ним, и что он-то за преступление стоящего пред ним, может, прежде всех и виноват» (см.: наст. изд., т. XVI).

Стр. 191. *Самоисправление. Стать свободным (Павел) (весь Голубов).* — См. выше, стр. 179—180.

С т р. 191. *Век и век и Лев Камбек*. Ср. с т р. 237. *Паровоз пыхтел* ∾ «*Век и век и Лев Камбек*». — См. выше, стр. 284—285.

С т р. 191. ... *стоит только 5 минут поговорить, и вы будете все согласны*.— Ср. примеч. к стр. 78.

С т р. 192. *Ноздрев с Байроном* ∾ *но, по-моему, не лишенное ума*. — Ср. в окончательной редакции «Бесов»: «Этот Базаров это какая-то неясная смесь Ноздрева с Байроном...» (см.: наст. изд., т. X, стр. 171). Достоевский пародирует здесь некоторые полемические отклики на роман Тургенева «Отцы и дети». Так, например, М. Е. Салтыков-Щедрин в статье «Петербургские театры» (1863) писал, что Базаров «такой же материалист, как, например, Ноздрев» (см.: *Щедрин*, т. V, стр. 169). По словам М. А. Антоновича, Тургенев «хотел изобразить в своем герое, как говорится, демоническую или байроническую натуру» (*С*, 1862, № 3, отд. II, стр. 71). См. также: К. Т ю н ь к и н. Базаров глазами Достоевского. *Достоевский и его время*, стр. 108—119; Н. Б у д а н о в а. Проблема «отцов» и «детей» в романе «Бесы». *Материалы и исследования*, т, I. стр. 177.

С т р. 192. «*Они все на Христа (Ренан, Ге)* ∾ *как несостоятельное для нашего времени*. — О книге Э. Ренана «Жизнь Иисуса» см. примеч. к стр. 178. Достоевский усматривает аналогию между «полной безверия» книгой Ренана и картиной известного русского художника Н. Н. Ге (1831—1894) «Тайная вечеря» (1863), трактующей религиозный сюжет в реалистическом бытовом плане. Об этой картине Достоевский писал в «Дневнике писателя» за 1873 г. (гл. IX: «По поводу выставки»): «Всмотритесь внимательнее: это обыкновенная ссора весьма обыкновенных людей. Вот сидит Христос — но разве это Христос? Это, может быть, и очень добрый молодой человек, очень огорченный ссорой с Иудой, который тут же стоит и одевается, чтобы идти доносить, но не тот Христос, которого мы знаем. К учителю бросились его друзья утешать его; но спрашивается: где же и причем тут последовавшие восемнадцать веков христианства? Как можно, чтоб из этой обыкновенной ссоры таких обыкновенных людей, как у г. Ге, собравшихся поужинать, произошло нечто столь колоссальное? ⟨...⟩ В картине же г. Ге просто перессорились какие-то добрые люди; вышла фальшь и предвзятая идея, а всякая фальшь есть ложь и уже вовсе не реализм. Г-н Ге гнался за реализмом». Ср.: В. В. Т и м о ф е е в а (О. П о ч и н к о в с к а я). Год работы с знаменитым писателем. *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 131. См. также: наст. изд., т. XX, ср. наст. изд., т. IX, стр. 399.

С т р. 192. *С другой стороны* ∾ *Ну, могут ли они критиковать Христа*? — См. примеч. к стр. 112.

С т р. 193. ...*единое на потребу*... — Слова Христа в Новом завете: «Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (См.: Евангелие от Луки, гл. 10, ст 41—42).

С т р. 193. ...но не *афинских вечеров*... — см. выше, стр. 285.

С т р. 193. — *Про Россию, Щапов — и забыл* ∾ *а они кричат, что имела византийство*. — Полемика с идеями русского публициста и историка А. П. Щапова (1830—1876), автора книги «Социально-педагогические условия развития русского народа» (СПб., 1870), с которой Достоевского, находившегося в это время за границей, скорее всего познакомила рецензия А. П. (А. Н. Пыпина) в январской книжке «Вестника Европы» за 1870 г., написанная с западнических позиций. Щапов прослеживает историю умственного развития русского народа с древнейших времен вплоть до XIX в. и приходит к выводу об отсталости России по сравнению с Европой в силу неблагоприятных «социально-педагогических условий», к которым, в частности, он относит вредное влияние Византии, а также систему правительственной опеки. Рецензент «Вестника Европы», в целом сочувственно оценивший труд Щапова, в то же время отметил односторонность взгляда автора, выдвинувшего в качестве почти единственного критерия умственного состояния общества степень развития в нем естественнонаучных знаний. По словам А. Н. Пыпина, «картина умственной неразвитости», представленная Щаповым, «может показаться утрированной даже для тех, кто не имеет слишком

большого доверия к нынешней степени развития русского общества». «Направляя всё исследование к тому предмету, в котором он видит цель для умственной деятельности русского народа, — к теоретическому и практическому естествознанию, — замечает Пыпин, — автор слишком мало ценит другие стороны русской умственной жизни и забывает много усилий, которые были сделаны ею в других сферах и не остались бесплодными для ее целого развития» (*BE*, 1870, № 1, стр. 370). Ср. в «Дневнике писателя» за 1876 г.: «Наши Потугины бесчестят народ наш насмешками, что русские изобрели один самовар, но вряд ли европейцы примкнут к хору Потугиных. Слишком ясно и понятно, что всё делается по известным законам природы и истории и что не скудоумие, не низость способностей русского народа и не позорная лень причиною того, что мы так мало произвели в науке и в промышленности. ⟨...⟩ Но пассивные русские, в то время как там ⟨в Европе, — *Ред.*⟩ изобретали науку, проявляли не менее изумляющую деятельность: они создавали царство и *сознательно* создали его единство. Они отбивались всю тысячу лет от жестоких врагов, которые без них низринулись бы и на Европу. Русские колонизировали дальнейшие края своей бесконечной родины, русские отстаивали и укрепляли за собою свои окраины...» (апрель, гл. I, § 3, «Сбивчивость и неточность спорных пунктов»; ср.: там же, июнь, гл. II, § 4, «Утопическое понимание истории»).

Стр. 195. *Götter Griechenlands...* — Название стихотворения Ф. Шиллера «Боги Греции» (1788), переведенного М. М. Достоевским («Светоч», 1861, № 1). Оно упоминается также в незавершенном замысле Достоевского «Смерть поэта» (см.: наст. изд., т. IX, стр. 120).

Стр. 195. *...но вера без дела мертва есть...* — Изречение это восходит к «Посланию» апостола Иакова: «...вера, если не имеет дел, мертва сама по себе» (гл. 2, ст. 17); «... вера без дел мертва ...» (там же, ст. 20); «Ибо как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва» (там же, ст. 26).

Стр. 197. *Липутин—Рождественский. Антонович и Жуковский. Июнь/июль. «Заря».* — Записи навеяны статьей Н. Н. Страхова, опубликованной в майской книжке «Зари» за 1869 г. (Достоевский ошибочно упоминает июньский и июльский номера журнала) и посвященной анализу двух следующих брошюр: 1) М. А. Антонович и Ю. Г. Жуковский. Материалы для характеристики современной русской литературы. СПб., 1869; 2) Ив. Рождественский. Литературное падение гг. Антоновича и Жуковского. СПб., 1869. Первая брошюра представляет собой попытку «разоблачения» Н. А. Некрасова как поэта, редактора и человека, вторая написана в его защиту. Запись: «Липутин — Рождественский» позволяет предположить, что в связи с замыслом образа Липутина Достоевского могла привлечь характеристика Рождественского, данная в упомянутой статье Страхова. В частности, Страхов отмечает показной, неискренний характер либерализма Рождественского. См. также: *Борщевский*, стр. 221—223.

Стр. 197. *Умные только скитаются ∾ надо быть непременно хоть с одной какой-нибудь стороны дураком.* — Ср. в «Записках из подполья»: «Теперь же доживаю в своем углу, дразня себя злобным и ни к чему не служащим утешением, что умный человек и не может серьезно чем-нибудь сделаться, а делается чем-нибудь только дурак. Да-с, умный человек девятнадцатого столетия должен и нравственно обязан быть существом по преимуществу бесхарактерным; человек же с характером, деятель, — существом по преимуществу ограниченным» (см.: наст. изд., т. V, стр. 100).

Стр. 204. *... с высшим вопросом, дошедшим до «быть или не быть?»* — «Быть или не быть» — слова Гамлета в одноименной трагедии В. Шекспира (акт III, сцена 1).

Стр. 210. *... а между тем реформа, Антон Петров.* — См. выше, стр. 288.

Стр. 214. *Главное. Князь, приехав, ни слова с Воспитанницей ∾ и, приехав, нарочно, по-печорински, не заговаривает с ней ...* — Здесь подразумевается аналогия с поведением Печорина по отношению к княжне Мери (ср.: В. И. Левин. Достоевский, «подпольный парадоксалист» и Лермонтов. «Известия АН СССР», Серия лит. и яз., 1972, т. XXXI, вып. 2, стр. 152—154).

Стр. 218. *...наивность (княжна Катя).* — Княжна Катя — персонаж повести «Неточка Незванова». Рисуя взаимоотношения Князя (Ставрогина) и Лизы, Достоевский использует сцену восторженного объяснения княжны Кати с Неточкой (см.: наст. изд., т. II, стр. 501.).

Стр. 223. *Я всё устроила ⟨?⟩ вам Теньера.* — См. выше, стр. 291.

Стр. 227. *Кемпен. «Я русский ∾ русский».* — Кемпен — лицо неустановленное.

Стр. 228. *Я удивляюсь, как в нем славянофильство ∾ за честь почитает.*— Ср. примеч. к стр. 112.

Стр. 232. *...он прежде о боге не так говорил (а так, как Герцен, Белинский и проч.)* — т. е. отрицал существование бога, был атеистом. Ср. высказывание Достоевского о Герцене и Белинском в «Дневнике писателя» (1873, гл. II, «Старые люди»).

Стр. 234. *Социальное учение о полной зависимости человека от обстоятельств.* — См. примеч. к стр. 149.

Стр. 234. *Возможность Тверетинова.* — По-видимому, речь идет об Алексее Николаевиче Тверитинове (р. 1846 г.), участнике русского революционного движения конца 1860—1870-х годов, близкого к нечаевцам.

Стр. 234. *Нечаев лопается с раскольником.* — См. примеч. к стр. 113.

Стр. 234. *Характеры и типы народные вроде как из Мертвого дома.* — Речь идет о «Записках из Мертвого дома» (наст. изд., т. IV).

Стр. 234. *Губернаторша принадлежит к злокачественному разряду партии «Вести».* — «Весть» — политическая и литературная газета, выходившая в Петербурге с 1863 по 1870 г. Издатели-редакторы — В. Д. Скарятин и Н. Н. Юматов. Газета была органом реакционной дворянско-крепостнической оппозиции реформам 1860-х годов. В связи с прекращением газеты (она перестала издаваться после № 108 за 1870 г.) в майском номере «Зари» 1870 г. была дана общая характеристика «Вести» и вскрыты причины ее краха, кроющиеся в нежизненности ее реакционной программы (отрицательное отношение к освобождению крестьян, защита крепостного права): «Появляясь на свет, „Весть" рассчитывала на горячую поддержку всех недовольных явно или тайно этой реформой; она думала быть органом русского дворянства, обиженного потерей своих прав и преимуществ. ⟨...⟩ Она ставила сословные интересы выше общих интересов русского народа и государства, в чем, конечно, не могла найти сочувствия в русских людях, и вследствие того силой вещей тянулась всё более и более в объятия польских панов и остзейских баронов. ⟨...⟩ Падение «Вести» — явление, не лишенное своего значения; оно указывает, что продолжительное существование на русской почве подобных органов, за неимением в ней корней, невозможно» («Заря», 1870. № 5, отд. II, стр. 216—217). См. также след. примеч.

Стр. 234. NЗ. *Выискать про действия Холмской управы ∾ Подыскать пример о том, что делало Холмское земство.* — В конце 1869 г. получила общественную огласку скандальная деятельность Холмской земской управы, члены которой были отстранены от должности и преданы суду. В июльском номере «Вестника Европы» за 1870 г. (см. «Внутреннее обозрение», стр. 333—338) была подробно охарактеризована на основе официальных данных деятельность Холмского земского собрания и управы. Так, в частности, Холмское собрание, где получили преобладание помещики — сторонники реакционной программы «Вести», настаивало на введении телесных наказаний для крестьян, обложило крестьянские земли огромным налогом, отказалось ассигновать средства на содержание школ и медицинскую помощь крестьянам. В хищнических злоупотреблениях были уличены и члены Холмской управы: во время голода 1868 г. они покупали на земские деньги гнилой хлеб и продавали его крестьянам по завышенным ценам. В условиях голода в Холмском уезде начались эпидемические заболевания, но холмское собрание отказало населению в медицинской помощи. Ревизия обнаружила бедственное положение народа в Холмском уезде (в некоторых местах вымерло до трети населения). Нарисовав эту мрачную картину, обозреватель «Вестника Европы» приходит к следующему выводу: «Мы знаем, что нашими словами мы уже не поправим дела, но авось пример Холмского земства откроет глаза нашему вечно

спокойному в своем индифферентизме обществу, авось оно поймет, чего может ожидать оно, вверяя свои интересы людям, которые, прикрываясь фразами об охранительном начале, так усердно охраняют свои сословные выгоды и выколачивают последний грош у презираемого ими крестьянина» (*BE*, 1870, № 7, стр. 338). См. также предыдущ. примеч.

Стр. 235... «*Кололацы* ∾ *величайшая мудрость*». Ср. стр. 236... *что такое общее дело?* ∾ *кололацы?* — Там же. — *Так вы думаете* ∾ *кололацы*. — См. выше, стр. 234—235.

Стр. 235—236. «*Голохвосты*» ∾ «*Пологруди, пологруди*». — «Словечки» юродивого Семена Яковлевича (ср. в окончательной редакции «Бесов», ч. II, гл. 5, «Пред праздником» — наст. изд., т. X, стр. 256—257).

Стр. 237. *Нечаев глуп, как старшая княжна у Безухова.* — Княжна Безухова — второстепенный персонаж романа Л. Н. Толстого «Война и мир» (родственница графа Безухова, отца Пьера).

Стр. 238. — *Пророк и помазанный* ∾ *что значит слово «помазанный»?* — Помазанник — монарх, над которым совершен христианский церковный обряд благословения на царство (помазание миром, елеем); здесь в смысле: божий избранник. Ср.: «Не прикасайтесь к помазанным моим и пророкам моим не делайте зла» (Псалтирь, псалом 104, ст. 15); «Он послал вестника своего и взял меня от овец отца моего и помазал меня елеем помазания своего» (псалом Давида на единоборство с Голиафом, ст. 4).

Стр. 238. *Не спасешься, аще не согрешишь.* — Эту мысль Достоевский часто повторял. В 1880 г. писатель прочитал начинающему литератору Е. Н. Опочинину легенду о монахе, которого бес искушал женской красотой. После грехопадения монах искренне раскаялся и был прощен. По мнению Достоевского, «вывод из всех этих сказаний один: не согрешишь — не покаешься, да и согрешить-то надо по-настоящему, глубоко, делом, а не мыслью ⟨...⟩ не будь действительного падения, а лишь одно мысленное ⟨...⟩ монах не вменил бы его себе в сугубый грех; может, и покаялся бы, да не по-настоящему, не дошел бы до великого подвига раскаяния и не увлек бы за собой и падшую женщину. ⟨...⟩ И во многих житиях встречал я эту мысль» (см.: Е. Н. Опочинин. Беседы о Достоевском. *Звенья*, т. VI, стр. 463—465).

Стр. 238 и 286. *Паскаль.* — См. выше, стр. 290.

Стр. 238. *Впал в пьетизм — проповедует.* — Пиетизм (лат. pietas — благочестие); здесь: экзальтированное или притворное благочестие, ханжество.

Стр. 241. *Новое лицо* ∾ *Зайцев — брат жены Виргинского.* Речь идет о критике и публицисте В. А. Зайцеве (1842—1882), прототипе Шпгалева в «Бесах». — См. выше, стр. 213—214.

Стр. 245. *Я пришел к тебе с приветом* ∾ *что буду петь...* — См. выше, стр. 294.

Стр. 255. «*Сижу я в монастыре*». *Песня про Евдокию.* — В окончательной редакции романа «Бесы» (см. ч. I, гл. 4) Хромоножка Марья Тимофеевна напоминает Шатову строки из народной песни:

Мне не надобен нов-высок терем,
Я останусь в этой келейке,
Уж я стану жить-спасатися,
За тебя богу молитися.

(т. X, стр. 118)

Приведенные строки находим в издании «Песен, собранных П. В. Киреевским» (вып. 8. М., 1870, стр. 111). Народная молва приписывает их царице Евдокии Федоровне Лопухиной, первой жене Петра I, постриженной по его воле в монахини. Эта же песня опубликована в вып. 4 «Летописей русской литературы и древности», издаваемых Н. Тихонравовым (М., 1862, стр. 66), но без названия (в сборнике Киреевского она названа «Песней царицы»). Черновая запись «Песня про Евдокию» дает возможность предположить, что источником приведенных в романе песенных строк явилось именно собрание «Песен» П. В. Киреевского. О знакомстве Достоевского с этим изданием свидетельствует тот факт, что два выпуска «Песен» (9 и 10) находились в биб-

лиотеке писателя (см.: *Библиотека,* стр. 143). Ср.: А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. V. СПб., 1899, № 715. Введение в текст романа народной песни не случайно: можно усмотреть определенную аналогию между драматической судьбой героини Достоевского, покинутой возлюбленным, и царицы Евдокии, оставленной мужем и заточенной в монастырскую «келейку».

Стр. 255. «*Какой принц Гарри*». — Запись относится к Ставрогину (см.: ч. I, гл. 2, «Принц Гарри. Сватовство»). О принце Гарри, персонаже исторической хроники В. Шекспира «Генрих IV», см. выше, стр. 229.

Стр. 257. «*Он у принца Гарри Фальстафом был*». — См. выше, стр. 295. Фальстафом иронически именуется здесь Лебядкин.

Стр. 260. «*Вы последние, и именно потому, что считаете себя первыми*». — Мысль о «первых» и «последних» восходит к евангельскому учению Христа о божьем царстве, где «будут последние первыми, и первые последними; ибо много званных, а мало избранных» (см.: Евангелие от Матфея, гл. 20, ст. 16; ср. гл. 19, ст. 30; см. также: Евангелие от Марка, гл. 10, ст. 31; от Луки, гл.13, стр. 30)

Стр. 263. ... *нарочно произвести волнения и безначалие (подражание действиям Наполеона во Франции) ∾ в свои руки.* — Имеется в виду Луи Наполеон Бонапарт (1808—1873), племянник Наполеона I, с конца 1848 г. — президент Второй республики, совершивший 2 декабря 1851 г. государственный переворот, в результате чего во Франции 2 декабря 1852 г. состоялась реставрация бонапартистской империи, а Луи Наполеон был провозглашен императором под именем Наполеона III. О нем как о выразителе интересов французской буржуазии Достоевский упоминает в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (см.: наст. изд., т. V, стр. 82).

Стр. 263. *Прочесть «Моск⟨овские⟩ ведомости» о пермских делах и об усилении губернат⟨орской⟩ власти ∾ суббота, января 16-го или воскресение 17-го января).* — Анонимный корреспондент рассказывает в №№ 12 и 13 «Московских ведомостей» за 1871 г. (от 16 и 17 января) о поразительных злоупотреблениях губернаторской власти и произволе местной администрации в Пермской губернии, обнаруженных правительственной ревизией, и описывает бедственное положение крестьян в этой губернии. Корреспондент «Московских ведомостей» приходит к следующему неутешительному выводу: «Пермские дела свидетельствуют, что вся наша администрация страдает недостатком серьезного контроля, а отнюдь не недостатком власти, как это утверждала покойная «Весть». В некоторых уездах этой губернии *консервативные* идеалы «Вести» были вполне осуществлены, и население было поставлено чуть не в крепостное отношение к губернатору и исправникам, но именно здесь-то дошел до величайшего расстройства административный механизм» (*МВ*, 1871, № 13, 17 января, стр. 2). Петру Верховенскому эти злоупотребления «на руку», так как он рассчитывает, воспользовавшись усилившимся недовольством народа, произвести «смуту». По мысли Достоевского, близость позиции «нигилистов» в «Бесах» и реакционной партии «Вести» — при всем различии их политических платформ и целей — заключается в отрицательном отношении к буржуазно-демократическим реформам 1860-х годов.

Стр. 264. *Я был у Инженера: статья его о самоубийцах.* — В окончательной редакции романа (см.: ч. I, гл. 3, «Чужие грехи») Липутин упоминает, что Кириллов пишет «любопытнейшую статью о причинах участившихся случаев самоубийства в России и вообще о причинах, учащающих или задерживающих распространение самоубийства в обществе» (см.: наст. изд., т. X, стр. 77). Интерес к самоубийствам, их причинам и типам был характерен для Достоевского. Тема эта получила широкое отражение в его творчестве 1860—1870-х годов («Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы», «Дневник писателя» 1870-х годов, статьи в редактировавшемся Достоевским «Гражданине»).

Стр. 266. ... *он ⟨Князь⟩ вдруг приехал в Скворешники, заказал зайца* ...— Черновая запись намечает финальный эпизод романа — самоубийство Ставрогина. Упоминание о зайце, не вошедшее в окончательную редакцию этой сцены, следует поставить в связь с высказыванием Ставрогина о вере

во второй части романа (гл. I, «Ночь», — см.: наст. изд., т. X, стр. 200—201). См. также примеч. к стр. 307.

С т р. 266. ... *амбушюру потеряли.* — Амбушюр (*франц.* embouchure) — мундштук, часть духового музыкального инструмента, к которой музыкант прикасается губами.

С т р. 267. *Князь: «Женщины и женский вопрос. ∾ Оригинальности нет, личности нет, человека нет — подло!»* — Высказывание Князя (Ставрогина) о «женском вопросе» навеяно, очевидно, упоминавшейся выше статьей Н. Н. Страхова «Женский вопрос», посвященной работам английского экономиста Д.-С. Милля (см. примеч. к стр. 120). Милль выдвигает и обосновывает идею равноправия женщин во всех областях экономической, политической, общественной и личной жизни. Усматривая в женском творчестве недостаток самобытности и оригинальности, признавая, что женщины не создали в области науки и искусства ничего выдающегося, Милль в то же время объясняет это историческими и социальными условиями, в силу которых женщины поздно вступили на поприще общественного служения. Высказывание Князя в данном случае более созвучно взглядам Страхова, полагавшего, что главное назначение женщины — семья и дети. Об отношении самого Достоевского к «женскому вопросу» см.: *ДП*, 1876, май, гл. II; июнь, гл. II; июль — август, гл. IV и др. См. также выше, стр. 300.

С т р. 268. — *Многие в бога не веруют, а в бесов веруют.* — Эта мысль получила отражение в главе «У Тихона» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 9—10).

С т р. 268, 274. *(«Ангелу Сардийской церкви напиши»).* — Строки из Апокалипсиса, которые, наряду с другим апокалиптическим текстом «И ангелу Лаодикийской церкви напиши...», Достоевский относит к Ставрогину: «И ангелу Сардийской церкви напиши ⟨...⟩ знаю твои дела; ты носишь имя, будто жив, но ты мертв. Бодрствуй и утверждай прочее близкое к смерти; ибо я не нахожу, чтобы дела твои были совершенны пред богом моим. Вспомни, что ты принял и слышал, и храни и покайся. Если же не будешь бодрствовать, то я найду на тебя, как тать, и ты не узнаешь, в который час найду на тебя» (см.: Откровение св. Иоанна, гл. 3, ст. 1—3).

С т р. 268. — *Совершенная любовь ∾ Атеизм самый полный ближе всех, может быть, к вере стоит.* — Эти мысли получили развитие в главе «У Тихона» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 10).

С т р. 270. «*Мы выучились ремеслу ∾ отвечали английские рабочие.* — Ср. с окончательной редакцией романа, ч. II, гл. 8 (см.: наст. изд., т. X, стр. 323). См. выше, стр. 202.

С т р. 270. — *Не то написано в романе ∾ перед которыми Бетховен букашка.* — Речь идет о картине будущего общества в четвертом сне Веры Павловны — героини романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

С т р. 270. *Лютер отверг авторитет и основал церковь свободную.* — См. примеч. к стр. 179.

С т р. 271. ... *и станет каждый для всех, все для каждого.* — Точнее: «Tous pour chacun. Chacun pour tous». Этот лозунг из книги французского утописта Э. Кабе «Путешествие в Икарию» (1848) Достоевский упоминает также в «Зимних заметках о летних впечатлениях», характеризуя неспособность французской буржуазии к «братству» и единению (см.: наст. изд., т. V, стр. 81, 371).

С т р. 272. *Полезно тоже пьянство ∾ рукоблудство, как Руссо.* — Намек на интимные признания героя «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо эротического характера.

С т р. 272. ... *дураки, мечтающие о колоннах из алюминия, отстали ∾ Мы оставляем об алюминии мечтать Западу...* — См. выше, стр. 305.

С т р. 272. *Петр Великий нас упразднил от дел ∾ Мы последствие Петра Великого.* — Это сближение Петра Верховенского и его сообщников с Петром I становится понятным с учетом своеобразного взгляда Достоевского на личность и деятельность Петра. По концепции писателя, «нигилизм в России ведет свое начало от Петра Великого и сам Петр — первый русский нигилист ⟨...⟩. В публицистических своих статьях Достоевский именует

современных ему революционеров „Петрами“. Так, в статье „Щекотливый вопрос“ нигилисты аттестуются им как „крошечные Петры Великие“. Это же уподобление находим мы и в статье „Необходимое литературное объяснение“: „поднялись крошечные Петры Великие“. Одним из таких „поднявшихся Петров“ и является в романе „Бесы“ верховод нигилистов — Петр Верховенский» (см.: М. С. Альтман. Имена и прототипы литературных героев Достоевского. «Ученые записки Тульского гос. педагогического института», 1958, вып. 8, стр. 145—148). См. также примеч. к стр. 157.

Стр. 272. *Отдаться иезуитам и католицизму в руководство.* — См. примеч. к стр. 103.

Стр. 272. *Иезуиты давно знают ∾ равенство, христианство.* — Ср. следующее примеч.

Стр. 273. *Для этого можно и папу воскресить и отдать ему мир ∾ Католичество этого же и добивалось.* — Ср. с высказыванием Петра Верховенского в окончательной редакции романа (ч. II, гл. 8, «Иван-Царевич»): «Знаете ли, я думал отдать мир папе. Пусть он выйдет пеш и бос и покажется черни: „Вот, дескать, до чего меня довели!“ — и всё повалит за ним, даже войско. Папа вверху, мы кругом, а под нами шигалевщина. Надо только, чтобы с папой Internationale согласилась; так и будет. А старикашка согласится мигом. Да другого ему и выхода нет, вот помяните мое слово, ха-ха-ха, глупо?» (см.: наст. изд., т. X, стр. 323). Идею о возможном использовании римским папой — в целях достижения мирового владычества — недовольства народа Достоевский подробно развивает в «Дневнике писателя» за 1876 г. (март, гл. I, § 5, «Сила мертвая и силы грядущие»): «Потеряв союзников царей, католичество несомненно бросится к демосу. У него десятки тысяч соблазнителей, премудрых, ловких, сердцеведов и психологов, диалектиков и исповедников, а народ всегда и везде был прямодушен и добр. ⟨...⟩ Все эти сердцеведы и психологи бросятся в народ и понесут ему Христа, нового, уже на всё согласившегося, Христа, объявленного на последнем римском нечестивом соборе. „Да, друзья и братья наши, скажут они, всё, об чем вы хлопочете, — всё это есть у нас для вас ⟨...⟩ давно уже. ⟨...⟩ А папа вас не продаст, потому что над ним нет сильнейшего, и сам он первый из первых, только веруйте, да и не в бога, а только в папу и в то, что лишь он один есть царь земной, а прочие должны исчезнуть, ибо и им срок пришел. Радуйтесь же теперь и веселитесь, ибо теперь наступил рай земной, все вы станете богаты, а через богатство и праведны, потому что все ваши желания будут исполнены и у вас будет отнята всякая причина ко злу“. Слова эти льстивые, но, без сомнения, демос примет предложение: он разглядит в неожиданном союзнике объединяющую великую силу, на всё соглашающуюся и ничему не мешающую, силу действительную и историческую, вместо предводителей, мечтателей и спекулянтов, в практические способности которых, а иногда и в честность, он и теперь сплошь да рядом не верует. Тут же вдруг и точка приложения силы готова, и рычаг дают в руки, стоит лишь налечь всей массой и повернуть. А народ ли не повернет, он ли не масса? А в довершение ему дают опять веру и успокоивают тем сердца слишком многих, ибо слишком многие из них давно уже чувствовали тоску без бога... Я уже раз говорил обо всем этом, но говорил мельком в романе». Ср. близкие по смыслу наброски в записных тетрадях за 1875—1876 гг., где уже прямо сказано: «Эту идею я высказал прежде всех в романе „Бесы“». См. также: *ДП*,1877, май — июнь, гл. III, § 3, «И сердиты и сильны»; «Иностранные события» за 1873 г.; примеч. к стр. 146.

Стр. 273. — *Все социальные учения ∾ Всё яркая заплата.* Ср. у Пушкина в стихотворении «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824):

Что слава? — Яркая заплата
На ветхом рубище певца.

Стр. 273. ... *во мне нет легиона бесов.* — См. евангельский рассказ об исцелении гадаринского бесноватого, из которого Христос изгнал «легион» бесов (Евангелие от Луки, гл. 8, ст. 26—36; от Марка, гл. 5, ст. 1—16).

Стр. 275. ... *твердого камня ищут...* — Выражение это, употребленное

здесь в смысле: твердое основание, убеждение, главная идея, по-видимому, восходит к следующей евангельской притче. Некий «муж благоразумный» построил свой дом на камне. «И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он не упал, потому что основан был на камне». Другой, «человек безрассудный», построил дом на песке, и дом не устоял в непогоду, и «было падение его великое» (см.; Евангелие от Матфея, гл. 7, ст. 24—27; от Луки, гл. 6, ст. 48—49). Ср. с понятием «краеугольный камень», восходящим к Ветхому завету: «Я полагаю в основание на Сионе камень, камень испытанный, краеугольный, драгоценный, крепко утвержденный...» (Книга пророка Исайи, гл. 28, ст. 16); ср. также: Псалтирь, гл. 117, ст. 22; Евангелие от Матфея, гл. 21, ст. 42; от Луки, гл. 20, ст. 17.

Стр. 275. *Но горе, через кого соблазн приходит.*— См. выше, стр. 321. Это евангельское изречение существенно для понимания нравственно-философской проблематики главы «У Тихона» с ее центральной темой исповеди Ставрогина.

Стр. 275. *...объясняет, что прекрасное и в обваренной ручке ребенка.* — Мотив обваренной ручки ребенка — устойчивый в творчестве Достоевского 1870-х годов (см. черновые материалы к роману «Подросток», записные тетради 1870-х годов, «Дневник писателя» за 1873., гл. III, «Среда», и др.). Возможно, он восходит к эпизоду периода новгородской ссылки А. И. Герцена, описанному в «Былом и думах» (ч. IV, гл. XXVII): «Горничная жены пензинского жандармского полковника несла чайник, полный кипятком, дитя ее барыни, бежавши, наткнулся на горничную, и та пролила кипяток; ребенок был обварен. Барыня, чтоб отомстить той же монетой, велела привести ребенка горничной и обварила ему руку из самовара ...» (см.: *Герцен,* т. IX, стр. 86).

Стр. 275. *Князь совершенно верует и в антихриста, и в спасение православием.* — См. примеч. к стр. 168.

Стр. 277. ... *составившееся где-нибудь в Швейцарии ∾ (о готовности ее к бунту, восстанию и проч.).* — См. выше, стр. 200—201.

Стр. 278. ... *и для возбуждения подвижности в Стеньке-Разиновской части населения* — т. е. в части населения, готовой к бунту. О С. Т. Разине см. в примеч. к стр. 146.

Стр. 278. *О разговоре с Коцебу.* — Смысл записи неясен. Возможно, речь идет об Августе Коцебу (Kotzebue, 1761—1819) — известном немецком драматурге и романисте, убитом в 1819 г. студентом Карлом Зандом.

Стр. 279. ... *о проекте в голове Нечаева о соединении нигилистов с крупным землевладением.* — См. примеч. к стр. 116.

Стр. 280. *Наш либерал по натуре лакей ∾ сапоги вычистить.* — Ср. примеч. к стр. 71, 169.

Стр. 281. «*Ив. Тургенев, Базаров, щенки на солнце*». — Смысл этой записи разъясняет текст романа (ч. II, гл. 1, «Ночь»), где встречается следующее высказывание Степана Трофимовича о Тургеневе, Базарове и современных нигилистах: «Я не понимаю Тургенева. У него Базаров это какое-то фиктивное лицо, не существующее вовсе; они же ⟨нигилисты, — *Ред.*⟩ первые и отвергли его тогда, как ни на что не похожее. ⟨...⟩ Посмотрите на них внимательно: они кувыркаются и визжат от радости, как щенки на солнце, они счастливы, они победители!» (см.: наст. изд., т. X, стр. 171; см. также выше, стр. 274—275).

Стр. 283. *Чтение о Слоньцевском.* — См. выше, стр. 286.

Стр. 284. *L'enfer est pavé de bonnes intentions.* — «Ад вымощен благими намерениями» (*франц.*). Выражение это приписывается английскому критику-просветителю Самуэлю Джонсону (1709—1784); ранее сходная мысль встречается у английского богослова Джорджа Герберта (1593—1632): L'enfer est plein de bonnes intentions et de bons souhaits (Ад полон благими намерениями и порывами).

Стр. 284. *Grattez le russe ∾ un tartare.* — «Поскоблите русского, и вы найдете татарина» (*франц.*); вариант: Grattez le russe et vous verrez le tartare (Поскоблите русского, и вы увидите татарина). Крылатая фраза эта приписывалась разным историческим лицам (Жозефу де Местру, Наполеону I, принцу де Линю и др.). У Достоевского встречается также в «Подростке» (см.:

наст. изд., т. XIII) и в «Дневнике писателя» (1876, июнь, гл. II, § 1, «Мой парадокс»).

Стр. 284. *Князь ∾ начал прямо говорить об антихристе.* — См. примеч. к стр. 168.

Стр. 285. *Ст⟨епан⟩ Троф⟨имович⟩: «Истребление лесов идея. ∾ Эта идея серьезнее, чем вы думаете».* — Ср. в «Дневнике писателя» за 1876 г. (июнь, гл. II, § 1, «Мой парадокс»): «Вот Россию безлесят, помещики и мужики сводят лес с каким-то остервенением. ⟨...⟩ А между тем, подите, попробуйте сказать что-нибудь о сокращении прав на истребление леса, и что услышите? ⟨...⟩ Тотчас же явятся два лагеря, и неизвестно еще, к чему примкнет либеральное, всё решающее мнение. ⟨...⟩ Кто-то сострил в нынешнем либеральном духе, что нет худа без добра, и что если и сведут весь русский лес, то всё же останется хоть та выгода, что окончательно уничтожится телесное наказание розгами, потому что волостным судам нечем уж будет пороть провинившихся мужиков и баб».

Стр. 286. *... я приехал в Россию кстати уж продать имение и разделаться.* Ср. стр. 289. *Спешу реализовать свое имение и убраться.* — Намек на И. С. Тургенева.

Стр. 287. *... и проводит мысль об уничтожении истории: пожары в Тюильри.* — Речь идет о дворце Тюильри в Париже, сгоревшем в 1871 г. во время сражения между войсками Парижской Коммуны и версальцами. Пожар Тюильри символизировал в глазах Достоевского опасность дальнейшего разрушения культурно-исторических ценностей Европы в ходе боев между буржуазией и «четвертым сословием». Эта тема устойчива в творчестве Достоевского 1870-х годов («Подросток», «Дневник писателя», записная тетрадь 1875—1876 гг. и др.). См. также: наст. изд., т. XV.

Стр. 287. *Телесное наказание уничтожится с уничтожением лесов.* — Ср. примеч. к стр. 285.

Стр. 287. *«Plus de moines que de raison».* См. выше, стр. 290.

Стр. 288. — *Несть свободы высшей, как себя одолевшему.*—Тема поучений апостола Павла, а позднее многих православных религиозных мыслителей, в том числе Тихона Задонского, епископа воронежского и елецкого, прототипа архиерея Тихона в «Бесах». О нем подробно см. в комментариях к «Житию великого грешника» (наст. изд., т. IX, стр. 511—513). См. также выше, стр. 238.

Стр. 288. *Убил ямщика — энтузиазм расстроенных нервов.* — Ср. выше, стр. 317.

Стр. 289. *... и рядом плутовство Стелловских...* — Стелловский Федор Тимофеевич (ум. в 1875 г.) — книгоиздатель, пользовавшийся в литературном мире дурной репутацией. А. Г. Достоевская пишет: «Стелловский был хитрый и ловкий эксплуататор наших литераторов и музыкантов (Писемского, Крестовского, Глинки). Он умел подстерегать людей в тяжелые минуты и ловить их в свои сети» (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания,* стр. 58). В подобное положение попал и Достоевский, когда после смерти брата, чтобы расплатиться с кредиторами последнего, продал в 1865 г. Стелловскому на кабальных условиях право издания своих сочинений с обязательством написать в короткий срок роман. Достоевский писал А. Н. Майкову о Стелловском 19 марта (1 апреля) 1871 г.: «Денег у него столько, что он купит всю русскую литературу, если захочет. У того ли человека не быть денег, который всего Глинку купил за 25 целковых?».

Стр. 289. *Мальчик, шато-д'икем...* — Эта запись намечает, по-видимому, эпизод с юным самоубийцей (ч. II, гл. 5, «Пред праздником»). Юноша из бедной семьи, приехавший из деревни в губернский город, чтобы купить приданое для сестры, прокутил в цыганском таборе вверенные ему деньги. Вернувшись в гостиницу, «спросил котлетку, бутылку шато-д'икему и винограду, бумаги, чернил и счет. Никто не заметил в нем ничего особенного; он был спокоен, тих и ласков. Должно быть, он застрелился еще около полуночи, хотя странно, что никто не слыхал выстрела, а хватились только сегодня в час пополудни и, не достучавшись, выломали дверь. Бутылка шато-д'икему была наполовину опорожнена, винограду оставалось тоже с полтарелки.

Выстрел был сделан из трехствольного маленького револьвера прямо в сердце» (см.: наст. изд., т. X, стр. 255). См. также выше, стр. 302.

Стр. 289. — *Кто: Сперанский или Карамзин? ∾ кто передовой: Сперанский или Карамзин?* — Антитеза «Сперанский — Карамзин» могла быть навеяна работой А. Н. Пыпина «Очерки общественного движения при Александре I», третий раздел которой был посвящен М. М. Сперанскому, а четвертый — Н. М. Карамзину (*BE*, 1870, №№ 6, 9), а также полемическим откликом Н. Н. Страхова на труд Пыпина в статье «Вздох на гробе Карамзина» («Заря», 1870 № 10, отд. II, стр. 207—232). Пыпин сочувственно оценивал реформаторскую деятельность М. М. Сперанского, уловившего веяние прогрессивных европейских идей XVIII в., и противопоставлял его Карамзину как охранителю консервативных традиций, противнику либеральных новшеств. Деятельность Сперанского не получила необходимой общественной поддержки, так как, по словам Пыпина, «огромное большинство самого общества действительно и не думало о каких-нибудь подобных требованиях, было довольно старинной и не искало никакой свободы. Доказательством был оракул этого большинства Карамзин» (*BE*, 1870, № 6, стр. 707). Для Страхова, напротив, «консерватизм» Карамзина свидетельствовал о его приверженности исконным русским устоям и началам, в то время как проекты Сперанского были данью модным в то время либеральным «западническим» увлечениям. «При своем огромном чтении и образовании, не поразительно ли, что Карамзин не нашел во всех европейских литературах таких юридических и политических понятий, к которым мог бы примкнуть всей душою? — восклицает Страхов. — Какая душевная чуткость обнаруживается в этом отвержении всего, что не было и не могло быть сродно с русскою жизнью! Во сколько раз в этом случае Карамзин выше Сперанского, который без раздумья и колебания отдался французской системе!» («Заря», 1870, № 10, стр. 220—221).

Стр. 289. *Христос умерший.* — Эта и некоторые другие записи восходят к сцене самоубийства Кириллова (ч. III, гл. 6, «Многотрудная ночь»). Возможно также, что запись «Христос умерший» навеяна картиной Г. Гольбейна-младшего «Мертвый Христос» (о ней см.: наст. изд., т. IX, стр. 399). См. также примеч. к стр. 305.

Стр. 290. — *Знаешь ли, что святой снял ризу?* — Речь, по-видимому, идет о христианской легенде, источник которой установить не удалось.

Стр. 290. — *Нет, видно, студента ∾ от Смоленска до Ташкента.* — См. выше, стр. 203, 303.

Стр. 291. *Liberté, égalité, fraternité.* Ср. выше, стр. 319, см. также: т. IX, стр. 458.

Стр. 291. *И виги и тори.* — См. выше, стр. 300.

Стр. 292. *Знайте ∾ а как алгебраическая формула по Тену.* — Речь идет о теории познания французского историка и философа — позитивиста Ипполита Тэна (Taine, 1828—1893), изложенной в его книге «Об уме и познании» (в русском переводе Н. Н. Страхова и с его предисловием книга Тэна была издана в Петербурге в 1872 г.; имелась в библиотеке Достоевского; см.: *Библиотека*, стр. 156). «Алгебраическая формула» приведена в первой главе («О знаках вообще и о подстановке») первой части («Элементы познания») названного труда Тэна.

Стр. 292. *Майор из верующего с зарей становится атеистом ∾ мне пересказывали.* — Ср. в окончательной редакции «Бесов» со словами майора, дяди «стриженной» нигилистки: « ... да и вообще я заметил, что днем всегда вера несколько пропадает» (ч. II, гл. 7, «У наших» — см.: наст. изд., т. X, стр. 307).

Стр. 292—293. *В 93 году Роган боялся ∾ хотя и дрожал.* — Роган Луи-Константэн (1730—1794) — представитель французской знати. Во время первой французской революции был обвинен в контрреволюционном заговоре против республики и гильотинирован. Шарлотта Корде (1768—1793) — убийца Марата, также была гильотинирована.

Стр. 293. *Этот город проклят — отрясаю прах.* — Выражение восходит к Новому завету: «А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, оттрясите прах от ног ваших»

(см.: Евангелие от Матфея гл. 10, ст. 14; Евангелие от Марка, гл. 6, ст. 11; Евангелие от Луки, гл. 9, ст. 5; ср.: Деяния апостолов, гл. 13, ст. 51).

Стр. 293. *Христос умер на кресте с мыслию о боге...* — Ср. с высказываниями о Христе Кириллова перед самоубийством в окончательной редакции «Бесов» (ч. III, гл. 6, «Многотрудная ночь» — наст. изд., т. X, стр. 471).

Стр. 294. *Вот Этот сказал, что ничто тайное (образ).* — Высказывание Христа в Евангелии: «Нет ничего тайного. что не сделалось бы явным; и ничего не бывает потаенного, что бы не вышло наружу» (Евангелие от Марка, гл. 4, ст. 22; Ср.: Евангелие от Матфея, гл. 10, ст. 26; от Луки, гл. 8, ст. 17; гл. 12, ст. 2).

Стр. 295. *Липутин критикует «Светлую личность».* — См. выше, стр. 203, 303.

Стр. 296. *Вот Фурье — это какое-то христианство без Христа.* — Ср. в «Дневнике писателя» за 1873 г., где Достоевский рассказывает об увлечении русской молодежи в 1840-е годы идеями утопического социализма: «Действительно правда, что зарождавшийся социализм сравнивался тогда, даже некоторыми из коноводов его, с христианством и принимался лишь за поправку и улучшение последнего, сообразно веку и цивилизации» (гл. XVI, «Одна из современных фальшей»). См. также записную тетрадь 1872—1875 гг. и подготовительные материалы к «Подростку» — наст. изд., т. XIV. Об отношении Достоевского к Фурье и фурьеризму см.: *Бельчиков*; см. также примеч. к стр. 71.

Стр. 296. *Chacun pour soi* — начало французской пословицы. В полном виде: Chacun pour soi et dieu pour tous — «Каждый за себя, а бог за всех». Эту пословицу Достоевский нередко цитирует, характеризуя буржуазную цивилизацию Запада. «А осмелитесь ли вы утверждать, — читаем в «Дневнике писателя» за 1880 г., — что „chacun pour soi et dieu pour tous“ есть только поговорка, а не общественная уже формула, всеми принятая на Западе, и которой *все* там служат и в нее верят? По крайней мере, все те, которые стоят над народом, которые держат его в узде, которые обладают землей и пролетарием и стоят на страже „европейского просвещения“. Зачем нам такое просвещение?» (*ДП*, 1880, гл. III, § 1, «Об одном самом основном деле»). Ср.: «Попробуйте-ка соединить людей в гражданское общество с одной только целью „спасти животишки“? Ничего не получите, кроме нравственной формулы: „Chacun pour soi et dieu pour tous“» (там же, § 3, «Две половинки»).

Стр. 302. *(NЗ. Смотри закладку — письмо Т. Филиппова).* — Филиппов Тертий Иванович (1825—1899) — знакомый и корреспондент Достоевского, участник кружка молодой редакции «Москвитянина» 1840-х годов, впоследствии член редакции «Гражданина», консервативный публицист, выступавший на страницах этого журнала по вопросам истории церкви.

Стр. 303. *Даже несчастный, слепой самоубийца 4 апреля ∾ слава богу!)* Речь идет о Д. А. Каракозове (см. примеч. к стр. 74).

Стр. 303. *...и не прятался, как Орсини ...* — Орсини Феличе, граф (1819—1858) — деятель итальянского национально-освободительного движения. 13 марта 1858 г. был казнен за покушение на жизнь Наполеона III.

Стр. 305. *Феодосий.∾О Феодосии в прежней речи.* Ср. стр. 306. *Феодосий: бога сыскать; О Феодосии;* стр. 307. *Св. Феодосий.* — Феодосий (ум. в 1054 г.) — игумен Киево-Печерского монастыря. В февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский характеризует его как носителя высоких нравственных идеалов русского народа. «А идеалы его ⟨народа, — *Ред.*⟩ сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и всё это в самом привлекательном гармоническом соединении» (см.: гл. I, § 2). Феодосий Печерский послужил Достоевскому одним из прототипов образа Тихона в «Бесах». Несомненно, что писатель был знаком с жизнеописаниями Феодосия (одно из них написано Нестором и опубликовано в кн. 3 «Чтений в Обществе истории и древностей российских...» за 1858 г.) и его учением, отражение которого можно найти в рассуждениях Тихона. Имя Феодосия упоминается также в черновых материалах к «Подростку» — см.: наст. изд., тт. XIV, XV.

С т р. 305. *На кресте распятый и разбойник.* — По евангельскому преданию, одновременно с Христом по обе стороны его были распяты два разбойника. Одному из них, раскаявшемуся, Христос сказал: «...истинно говорю тебе, ныне же будешь со мною в раю» (см.: Евангелие от Луки, гл. 23, ст. 43). Приведенная черновая запись, как и некоторые другие (см. примеч. к стр. 289, 293), в связном тексте романа восходит к богоборческой концепции Кириллова и намечает в ней «большую идею» — Христа, не нашедшего после смерти «ни рая, ни воскресения» (см.: наст. изд., т. X, стр. 471).

С т р. 306. *На кресте распятый: «Знаете, Кириллова поразила раз мысль».* — См. предыдущ. примеч.

С т р. 306. *Социалистов и нигилистов даже он бесспорно как идеал, кроме самых глупеньких.* — Ср. примеч. к стр. 178.

С т р. 306. *И вот этот идеал ∾ разумеется, без воскресения.* — См. примеч. к стр. 305.

С т р. 306. *Нет, лучше пусть я останусь несчастен ∾ чем счастливый с ложью.* — Достоевский перифразирует собственное высказывание в письме к Н. Д. Фонвизиной (февраль ст. ст., 1854) о Христе и истине — см. выше, стр. 297.

С т р. 307. — *Дайте зайца ...* — См. окончательный текст романа (ч. II, гл. I, «Ночь»), где эта мысль подробно развита Ставрогиным: «... чтобы сделать соус из зайца, надо зайца, чтобы уверовать в бога, надо бога» (т. X, стр. 200). Ср. с размышлениями Достоевского о «западной личности» и западном обществе в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863): «Чтоб сделать рагу из зайца, надо прежде всего зайца. Но зайца не имеется, то есть не имеется натуры, способной к братству, натуры, верующей в братство, которую само собою тянет на братство» (см.: наст. изд., т. V, стр. 81).

С т р. 308. *Таков Кириллов, русский идеалист ∾ (вроде Белинского: сначала решим о боге, а уж потом пообедаем).* — Достоевский, по всей вероятности, имел в виду «Воспоминания о Белинском» И. С. Тургенева (1869 г.). «Сомнения его, — пишет о Белинском Тургенев, — именно мучили его, лишали его сна, пищи, неотступно грызли и жгли его; он не позволял себе забыться и не знал усталости; он денно и нощно бился над разрешением вопросов, которые сам задавал себе. ⟨...⟩ Искренность его действовала на меня, его огонь сообщался и мне, важность предмета меня увлекала; но, поговорив часа два, три, я ослабевал, легкомыслие молодости брало свое, мне хотелось отдохнуть, я думал о прогулке, об обеде, сама жена Белинского умоляла и мужа и меня хотя немножко погодить, хотя на время прервать эти прения, напоминала ему предписание врача... но с Белинским сладить было нелегко. „Мы не решили еще вопроса о существовании бога, — сказал он мне однажды с горьким упреком, — а вы хотите есть!..“» (см.: *Тургенев, Сочинения,* т. XIV, стр. 28—29).

С т р. 308. ... — *«Гражданин» обязан представить картину.* — Возможно, что незавершенная статья «О том, кто здоров и кто сумасшедший. Ответ критикам», откуда взята приведенная черновая запись, предназначалась для журнала «Гражданин», редактором которого Достоевский был с начала 1873 по апрель 1874 г., или же для «Дневника писателя».

НАБРОСКИ И ПЛАНЫ

(Стр. 5—8)

⟨1⟩. ВЕЛИКОЛЕПНАЯ МЫСЛЬ. ИМЕТЬ В ВИДУ

(Идея романа. Романист)

(Стр. 5)

Печатается по черновому автографу: *ЦГАЛИ*, ф. 212. 1. 8, с. 54. См.: *Описание*, стр. 126.

Впервые напечатано: *Коншина*, стр. 78—79.

В собрание сочинений включается впервые.

Запись датирована 16(28) февраля 1870 г. «Идея романа» возникла в период, когда обдумывались планы первой части «Жития великого грешника» и начиналась работа над «Бесами». В наброске обобщены наблюдения Достоевского над современными писателю литературными кругами, в какой-то мере находят отражение его представления о себе самом и о состоянии тогдашней беллетристики.

Автобиографическая черта в характеристике «романиста» — припадки эпилепсии. Как раз в январе-феврале 1870 г., судя по записям в рабочей тетради к «Бесам», Достоевский страдал от усилившихся приступов болезни (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 187—188). Из мучительных обстоятельств собственной писательской жизни отнесено к «романисту» и то, что он «всю жизнь писал на заказ». А. Г. Достоевская, отводя от Достоевского традиционные в критике конца XIX в. упреки в том, что он недостаточно отделывал стиль своих произведений, в воспоминаниях пишет: «И редко кому приходит в голову припомнить и взвесить те обстоятельства, при которых жили и работали другие писатели и при которых жил и работал мой муж. Почти все они (Толстой, Тургенев, Гончаров) были люди здоровые и обеспеченные и имевшие полную возможность обдумывать и отделывать свои произведения. Федор же Михайлович страдал двумя тяжкими болезнями, был обременен большою семьею, долгами и занят тяжелыми мыслями о завтрашнем дне, о насущном хлебе». И далее, говоря о том, что Достоевский сам часто уже после опубликования того или иного произведения замечал в нем отдельные недостатки и его охватывала «истинная скорбь, скорбь художника, увидевшего ясно, в чем он ошибался, и не имеющего возможности исправить ошибку», А. Г. Достоевская поясняла: «Да, к несчастию, никогда не представлялось ему такой возможности: нужны были деньги для житья, для уплаты долгов, а потому приходилось, несмотря на болезнь, иногда на другой день после припадка, работать, торопиться, еле просматривать рукопись, только чтобы она была отослана к сроку и за нее можно было бы поскорее получить деньги» (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания,* стр. 213).

С И. С. Тургеневым, И. А. Гончаровым, А. Н. Плещеевым Достоевский был знаком еще с 1840-х годов, причем по разным причинам отношения между ним и этими писателями, так же как и с упоминаемым в плане романа М. Е. Салтыковым, были сложны: наряду с постоянным взаимным интересом друг к другу были периоды идеологической и творческой полемики, охлаждения (это можно сказать даже о дружбе с А. Н. Плещеевым, который как участник собраний петрашевцев стоял 22 декабря 1849 г. рядом с Достоевским на Семеновском плацу, позднее же был связан с лагерем «Современника» и «Отечественных записок»). Писатели эти, а также Л. Н. Толстой и И. С. Аксаков (как и во многих письмах Достоевского, где он говорит о себе), противопоставлены в данном наброске «романисту», впавшему в нищету, вследствие того что они пользуются большей материальной обеспеченностью и независимым положением, что обусловливает и отличие их мироощущения.

Высказывает «романист» и близкое к авторскому суждение об А. Ф. Писемском. В черновиках к «Идиоту» Достоевский записал: «Действительность выше всего. Правда, может быть, у нас другой взгляд на действительность 1000 душ, пророчества — фантаст⟨ическая⟩ действит⟨ельность⟩» (см.: наст. изд., т. IX, стр. 276). Ранее, сразу после выхода «Тысячи душ», Достоевский в письме к брату Михаилу от 31 мая ст. ст. 1858 г. также критически отозвался об этом романе: «Это всё старые темы на новый лад. Превосходная клейка по чужим образцам...».

С т р. 5. *Как его* ∞ *и М⟨илюко⟩вы* ⟨?⟩ *считают за ничто.* — Вероятно, имеется в виду семейство критика, историка литературы и педагога А. П. Милюкова (1817—1897). Достоевский был с ним в приятельских отношениях с 1840-х годов, но в 1867 г., в связи с перипетиями личной жизни Милюкова, его деспотизмом по отношению к дочери, писатель отзывается о нем иронически (см., например, письма Достоевского к Э. Ф. Достоевской от 16 (28) сентября и 11 (23) октября 1867 г.). Находясь в 1867—1871 гг. за границей, он время от времени получает от той же Э. Ф. Достоевской и Н. Н. Страхова

неблагоприятные известия о Милюкове. Так, в письме от 1 (13) сентября 1869 г. Страхов сообщал: «Милюков заведывает нынче „Сыном отечества“ и поместил там весьма гнусные отзывы о „Заре“. При каждой встрече он не может воздержаться, чтобы не выказать какою-нибудь шпилькою своей враждебности ко мне. На меня это действует очень мало, но если эта враждебность переходит в сферу дела, в котором не один же я заинтересован, то мне это внушает весьма черные мысли о человеческой породе» (*Д, Письма,* т. II, стр. 457). Позднее, вскоре после возникновения замысла о романисте, в письме к Страхову от 24 марта (5 апреля) 1870 г. Достоевский писал в ответ на сообщение его корреспондента о пренебрежительном отношении Милюкова к Л. Н. Толстому: «Неужели Милюков уже до *такого предела* доходит?». Об изображении Милюкова в «Бесах» в лице Виргинского см. стр. 216.

Стр. 5 ... *поругался с С⟨алтыковы⟩м* ⟨?⟩ Идейные расхождения «почвенника» Достоевского с М. Е. Салтыковым-Щедриным как одним из руководителей «Современника» резко обозначились к 1862—1863 гг. и отразились в ряде полемических выступлений писателей друг против друга (см. статьи Достоевского «Опять молодое перо», «Г-н Щедрин или раскол в нигилистах» и другие и примеч. к ним — наст. изд., тт. XVIII—XIX).

Стр. 5 ... *поэтическое представление вроде «Сна Обломова» о Христе*... Главу «Сон Обломова» (из романа И. А. Гончарова «Обломов») Достоевский встретил с восхищением еще в 1849 г., когда она впервые была опубликована (*ДП*, 1876, апрель, гл. I, § 2; С. Д. Яновский. Воспоминания о Достоевском. *РВ*, 1885, № 4, стр. 805). В черновиках «Преступления и наказания» намечался сон героя о Христе по образцу «Сна Обломова». Подобная же идея развивалась и в «Плане рассказа в „Зарю“» (см.: наст. изд., т. VII, стр. 166). В «Дневнике писателя» Обломов и Лаврецкий из «Дворянского гнезда» Тургенева определялись как типы, в которых все «вековечное и прекрасное» рождено соприкосновением «с народом». «Они, — писал Достоевский, — заимствовали у него его простодушие, чистоту, кротость, широкость ума и незлобие в противоположность всему изломанному, фальшивому, наносному и рабски заимствованному» (*ДП*, 1876, февраль, гл. I, § 2).

⟨2.⟩ МЫСЛЬ НА ЛЕТУ

(В губернский город приезжает фельдмаршал)

(Стр. 6)

Печатается по черновому автографу: *ЦГАЛИ*, ф. 212. 1. 8, с. 56. См.: *Описание,* стр. 126.

Впервые напечатано: *Коншина,* стр. 79—80.

В собрание сочинений включается впервые.

Основанием для датировки данной записи служит упоминание в ней казни Тропмана, на которой «была» героиня. Жан-Батист Тропман, убивший с целью ограбления семью Кинков, был казнен в Париже 7 (19) января 1870 г. Откликом на эту казнь в русской периодической печати явился очерк присутствовавшего на ней И. С. Тургенева «Казнь Тропмана», опубликованный в июньском номере «Вестника Европы» за 1870 г. В письме к Н. Н. Страхову от 11 (23) июня 1870 г. Достоевский изложил свои впечатления от чтения тургеневского очерка. Вероятно, вскоре после этого и был сделан данный набросок, так как в памяти Достоевского в это время еще были свежи детали казни и портрета преступника, воспроизведенные Тургеневым. В наброске читаем: «Описание казни. О том, что он был прелестен». Достоевский явно исходил здесь из обрисовки Тропмана Тургеневым (см.: *Тургенев, Сочинения,* т. XIV, стр. 161—163). Замысел, зафиксированный в данной заметке, перекликается с другими замыслами, относящимися к началу 1870 г, — ⟨Романа о князе

и ростовщике» и повести «Зависть» (см.: наст. изд., т. IX, стр. 122—125; т. XI, стр. 58—64).

Стр. 6. *Пустынник — Мария Египетская.* — Мария Египетская (VI в. н. э.) — христианская подвижница; согласно легенде, была в молодости блудницей; присоединилась к паломникам, шедшим в Иерусалим. Обратившись к богоматери, была ею допущена до Креста господня. После этого сорок семь лет провела в покаянии в пустыне Иорданской. О Марии Египетской писатель упоминает в письме к Ю. Ф. Абаза от 15 июня 1880 г., а также в романах «Преступление и наказание», «Подросток» и черновиках «Братьев Карамазовых».

⟨3.⟩ МЫСЛИ НОВЫХ ПОВЕСТЕЙ

(Стр. 6)

Печатается по черновому автографу: *ГБЛ*, ф. 93. I. 1/5, с. 121. См.: *Описание,* стр. 127.

Впервые напечатано: *Коншина,* стр. 290.

В собрание сочинений включается впервые.

«Мысли новых повестей» записаны в рабочей тетради Достоевского, включающей подготовительные материалы к «Бесам», которые датируются маем 1870 — июлем 1871 г. Записей другого периода эта тетрадь не содержит (за исключением неправильно вклеенного А. Г. Достоевской листа — см.: *Коншина,* стр. 400). Поэтому можно предположить, что и данная заметка была сделана в указанный период. Сюжетная ситуация о дворовой девушке, помещике и их незаконном ребенке получит впоследствии развитие в «Подростке».

⟨4⟩. НОВЫЕ ПОВЕСТИ

(Стр. 7)

Печатается по черновому автографу: *ИРЛИ,* ф. 100. 29500. ССХб. 19, с. 1. См.: *Описание,* стр. 130.

Впервые напечатано: *Гроссман, Жизнь и труды,* стр. 199.

В собрание сочинений включается впервые.

Замыслы двух «новых повестей» датируются скорее всего январем 1872 г. В наброске к первой из них упомянут чиновник фон Зон, жертва уголовного преступления, совершенного в Петербурге 8 ноября 1869 г. и получившего широкую огласку в конце 1869 — начале 1870 г. Уточнить время возникновения обоих замыслов помогает то, что зафиксированы они на начальной странице двух отдельных, вырванных из тетради листов. Остальные чистые страницы заняты подсчетами долгов и расходов. Над первым списком долгов проставлена дата «30 января». Далее названы фамилии кредиторов — Гинтерлах, Алонкин, Бабиков, Тургенев, Врангель, Гончаров и др. После 1870 г. временем составления списка мог быть только период после возвращения Достоевского из-за границы, когда он рассчитывался с прежними долгами (частично это были оставшиеся неоплаченными гонорары по „Эпохе“). В столбцах фигурирует и «мебель», покупка которой в кредит тоже относится к этой поре (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания,* стр. 205). Имя же «Надежда Михайловна», против которого стоит пометка «20 ⟨рублей⟩», доказывает, что издержки учитывались уже после женитьбы пасынка Достоевского П. А. Исаева, т. е. не ранее апреля 1871 г. (см.: там же, стр. 204). Фамилия К. И. Бабикова, поэта и беллетриста, сотрудничавшего во «Времени» и «Эпохе», ограни-

чивает возможные хронологические границы списка 21 июля 1873 г., днем смерти Бабикова. Таким образом, Достоевский мог начать составлять счета на этих листках 30 января 1872 или 1873 г. Наиболее вероятно, однако, первое предположение, так как к 1873 г. большая часть перечисленных долгов уже была выплачена. Незадолго до 30 января 1872 г. или в тот же день на предшествующей расчетам странице была, по-видимому, сделана запись о «новых повестях».

Героем первой из этих повестей является чиновник (или какой-либо другой неудачник), «бесталанный, дрянной», подстрекаемый самолюбием и самомнением, который то пытается застрелиться, то хочет обесчестить дочь генерала накануне ее свадьбы. План ее перекликается с «идеей» задуманного несколько месяцев спустя произведения о чиновнике, колеблющемся от скуки, после «пощечины», между желаниями поджечь, убить или удалиться от людей на необитаемый остров (см. выше, стр. 8).

Сюжет второй повести — «странствование» по Петербургу убежавших от отчима детей — составляет промежуточное звено между рядом аналогичных по теме набросков к «Идиоту» и «Подростку», в дальнейшем ставших зерном нового неосуществленного романа об отцах и детях (см.: наст. изд., т. IX, стр. 145; т. XIV, т. XV).

Стр. 8. *Ходил в какой-то клоак (вроде фон Зона)*. — Об убийстве фон Зона, содержателя петербургского притона шайкой заговорщиков во главе с Максимом Ивановым, см. выше, стр. 217—218.

Стр. 8. *Наедине с дочерью. Сцена, развить и т. д. (фантастический колорит, «Пик⟨овая⟩ дама»)*. — Достоевский высоко ценил «Пиковую даму» Пушкина, видя в ней гениальное осуществление близкого себе взгляда на роль фантастического элемента в искусстве. 15 июня 1880 г. он писал Ю. Ф. Абаза: «Фантастическое должно до того соприкасаться с реальным, что Вы должны *почти* поверить ему. Пушкин, давший нам почти все формы искусства, написал „Пиковую даму“ — верх искусства фантастического. И вы верите, что Герман действительно имел видение, и именно сообразное с его мировоззрением, а между тем в конце повести, т. е. прочтя ее, Вы не знаете как решить: вышло ли это видение из природы Германа, или действительно он один из тех, которые соприкоснулись с другим миром, злых и враждебных человечеству духов».

⟨5⟩. ИДЕЯ

(Чиновник, скучно)

(Стр. 8)

Печатается по черновому автографу: *ЦГАЛИ*, ф. 212. 1. 9, с. 10. См. *Описание*, стр. 127.

Впервые напечатано: *Коншина*, стр. 335.

В собрание сочинений включается впервые.

Запись сделана в тетради, которая содержит подготовительные материалы к последней части «Бесов», появившейся в ноябрьской и декабрьской книжках «Русского вестника» за 1872 г., заметки к «Дневнику писателя» и рецензиям, напечатанным в «Гражданине» 1873 г. Все эти наброски, так же как дневниковые записи Достоевского и регистрация припадков в той же тетради, относятся к 1872 г. (см. описание указанной тетради: *Коншина*, стр. 400). Серединой 1872 г. может быть датирован и настоящий замысел, находящийся в верхней части с. 10, среди планов «Бесов», который относится скорее всего к летней поре этого года (см. дату «26 июля»).

Намеченная в наброске сюжетная ситуация — чиновник, который, перенеся оскорбление («пощечину») и совершив убийство, мечтает об уедине-

ном «острове на Балтийском море», — варьирует мотивы, фигурировавшие в черновиках «Преступления и наказания», где упомянуты Жан Сбогар, а также морской разбойник граф Унгерн-Штернберг (см.: наст. изд., т. VII, стр. 86). В рукописях «Подростка» властелином необитаемого острова (наподобие того же Унгерна) будет воображать себя Аркадий Долгорукий (см.: наст. изд., т. XIV). В окончательном тексте романа получила развитие упомянутая в наброске сцена предполагаемого, но не состоявшегося «поджога». Мотив «пощечины» — один из давних, повторяющийся во многих замыслах Достоевского и разработанный в «Идиоте» и «Бесах», — должен был варьироваться и в произведении о чиновнике, в душе которого назревает бунт против мелочности и скуки его жизни.

Стр. 8. *Пружанская.* — Мария Орестовна (урожд. Евецкая, род. в 1850 — жена И. Х. Пружанского, студента Медико-хирургической академии, принимавшего участие в революционных волнениях 1869 г. и привлекавшегося к следствию по нечаевскому делу. Сама М. О. Пружанская в 1869 г. считалась политически неблагонадежной, так как оказывала помощь лицам «нигилистического направления». В ноябре 1871 г. выехала в Цюрих, где училась на медицинском факультете; защитив в 1873 г. диссертацию, вернулась в Петербург. Достоевский мог узнать о ней от Н. П. Сусловой (сестры А. П. Сусловой), связанной с революционным движением того времени, также учившейся в Швейцарии и еще в 1867 г. ставшей первой из женщин доктором медицины в России. По одному из планов «Подростка» в финале романа намечалась встреча с Н. П. Сусловой героя, испытавшего много «разочарований», всеми оскорбленного, мучительно искавшего своего пути. «Сколько сил и так односторонне направленных!» — формулировал свое впечатление от этой встречи подросток, ушедший, однако, от Сусловой «с умилением». Возможно, что в данном более раннем замысле предполагалась аналогичная встреча чиновника после всевозможных мытарств с М. О. Пружанской.

Стр. 8. *Пустота души нынешнего самоубийцы.* — Фраза эта, приписанная на полях, вдоль текста наброска, отнесена к нему предположительно. Возможно, что это самостоятельная заметка, в которой сжато зафиксирована мысль, позднее развитая в октябрьском и декабрьском выпусках «Дневника писателя» за 1876 г. Темой самоубийства открывается и другой близкий замысел этого года (см. выше, стр. 7). Как известно, вопрос о самоубийствах в это время чрезвычайно волновал писателя, так как начиная со второй половины 1860-х и в начале 1870-х годов волна их все нарастала. Отраженная в «Бесах» тема эта, вскоре разработанная в ряде опубликованных в 1873 г. в «Гражданине» статей Достоевского, переходит затем в роман «Подросток» (ср.: *Долинин,* стр. 133—142).

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ[1]

Места хранения рукописей

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград).
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

Печатные источники

Анненков — П. В. Анненков. Литературные воспоминания. Гослитиздат, М., 1960.
БВ — «Биржевые ведомости» (газета).
Белинский — В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, тт. I—XIII. Изд. АН СССР, М., 1953—1959.
Бельчиков — Н. Ф. Бельчиков. Достоевский в процессе петрашевцев. Изд. «Наука», М., 1971.
Бем, Личные имена — А. Л. Бем. Личные имена у Достоевского. В кн.: Сборник в честь на проф. Милетич за седемдесетгодишнината от рождението му (1863—1933). София, 1933.
Библиотека — Л. П. Гроссман. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. С прилож. каталога библиотеки Достоевского. Одесса, 1919.
Биография — Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883 (Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, т. I).
Борщевский — С. Борщевский. Щедрин и Достоевский. История их идейной борьбы. Гослитиздат, М., 1956.
ВЕ — «Вестник Европы» (журнал).
Вр — «Время» (журнал).
Г — «Голос» (газета).
Герцен — А. И. Герцен. Собрание сочинений, тт. I—XXX. Изд. АН СССР — «Наука», М., 1954—1966.
Гоголь — Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, тт. I—XIV. Изд. АН СССР, М., 1937—1952.
Гозенпуд — А. Гозенпуд. Достоевский и музыка. Изд. «Музыка», Л., 1971.
Горький — М. Горький. Собрание сочинений, тт. I—XXX. Гослитиздат, М., 1949—1955.
Государственные преступления — Государственные преступления в России в XIX веке. Т. I (1825—1876 год). СПб., 1906.

---

[1] В список не включены сокращения, совпадающие с сиглами, указанными в источниках текста к каждому произведению.

Гроссман, Биография — Л. П. Гроссман. Достоевский. Изд. 2-е, испр. и доп. Изд. «Молодая гвардия», М., 1965.
Гроссман, Жизнь и труды — Л. П. Гроссман. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. Изд. «Academia», М. — Л., 1935.
Гроссман, Семинарий — Л. П. Гроссман. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. ГИЗ, М.—Пгр., 1922.
Гус — М. Гус. Идеи и образы Ф. М. Достоевского. Изд. 2-е, доп. Изд. «Художественная литература», М., 1971.
Дело петрашевцев — Дело петрашевцев, тт. I—III. Изд. АН СССР, М. — Л., 1937—1951.
Д, Материалы и исследования — Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Под ред. А. С. Долинина. Изд. АН СССР, Л., 1935.
Добролюбов — Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений, тт. I—IX. Гослитиздат, М. — Л., 1961—1964.
Долинин — А. С. Долинин. Последние романы Достоевского. Изд. «Советский писатель», М. — Л., 1963.
Достоевская, А. Г. Воспоминания — А. Г. Достоевская. Воспоминания. Изд. «Художественная литература», М., 1971.
Достоевский, А. М. — А. М. Достоевский. Воспоминания. «Изд. писателей в Ленинграде», 1930.
Достоевский в воспоминаниях — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, тт. I—II. Изд. «Художественная литература», М., 1964.
Достоевский и его время — Достоевский и его время. Под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридлендера. Изд. «Наука», Л., 1971.
Достоевский и русские писатели — Достоевский и русские писатели. Традиции. Новаторство. Мастерство. Изд. «Советский писатель», М., 1971.
Достоевский — художник и мыслитель — Достоевский — художник и мыслитель. Сборник статей. Изд. «Художественная литература», М., 1972.
ДП — «Дневник писателя».
Д, Письма — Ф. М. Достоевский. Письма, тт. I—IV. Под ред. А. С. Долинина, ГИЗ — «Academia» — Гослитиздат, М.—Л., 1928—1959.
Зайцев — В. А. Зайцев. Избранные сочинения, т. I. Изд. Общества политкаторжан. М., 1934.
Звенья — Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV—XX вв., тт. I—IX. Изд. «Academia» — Госкультпросветиздат, М. — Л., 1932—1951.
И — «Искра» (журнал).
Кабе — Э. Кабе. Путешествие в Икарию. Изд. «Academia», М. — Л., 1935.
Кирпотин — В. Я. Кирпотин. Ф. М. Достоевский. Творческий путь (1821—1859). Гослитиздат, М., 1960.
Кирпотин, Достоевский в шестидесятые годы. — В. Я. Кирпотин. Достоевский в шестидесятые годы. Изд. «Художественная литература», М., 1966.
Ковалевская — С. В. Ковалевская. Воспоминания и письма. Изд. АН СССР, М., 1961.
Кони — А. Ф. Кони. Собрание сочинений, тт. 1—8. Изд. «Юридическая литература», М., 1967—1969.
Коншина — Записные тетради Ф. М. Достоевского. Подгот. к печати Е. Н. Коншиной. Комментарий Н. И. Игнатовой и Е. Н. Коншиной. Изд. «Academia», М.—Л., 1935.
Короленко — В. Г. Короленко. Собрание сочинений, тт. I—X. Гослитиздат, М., 1953—1956.
Лейкина — В. Р. Лейкина. Петрашевцы. М., 1924.
Лемке — М. К. Лемке. Политические процессы. Пб., 1907.
Лемке, Николаевские жандармы — М. К. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. Изд. 2-е. Пб., 1909.
Лемке, Очерки — М. К. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». Пб., 1908,

Лермонтов — М. Ю. Лермонтов. Сочинения, тт. I—VI. Изд. АН СССР, М. — Л., 1954—1957.
Лесков — Н. С. Лесков. Собрание сочинений, тт. 1—11. Гослитиздат, М., 1956—1958.
ЛН — «Литературное наследство», тт. 1—86. Изд. АН СССР — «Наука», М., 1931—1973. Издание продолжается.
Материалы и исследования — Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. I. Под ред. Г. М. Фридлендера. Изд. «Наука», Л., 1974.
МВед — «Московские ведомости» (газета).
Михайловский — Н. К. Михайловский. Литературно-критические статьи. Гослитиздат, М., 1957.
НВр — «Новое время» (газета).
Некрасов — Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, тт. I—XII. Гослитиздат, М., 1948—1953.
Нечаева, «Время» — В. С. Нечаева. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», 1861—1863. Изд. «Наука», М., 1972.
Никитенко — А. В. Никитенко. Дневник, тт.1 — III. Гослитиздат, М., 1955—1956.
Никольский — Ю. А. Никольский. Тургенев и Достоевский. (История одной вражды). София, 1921.
ОЗ — «Отечественные записки» (журнал).
Описание — Описание рукописей Ф. М. Достоевского. Под ред. В. С. Нечаевой. М.. 1957 (Библиотека СССР им. В. И. Ленина — Центр. Гос. архив литературы и искусства СССР — Институт русской литературы).
Пантелеев — Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. ГИХЛ, 1958.
ПВ — «Правительственный вестник» (газета).
Петрашевцы — Петрашевцы. Сборники материалов, тт. I—III. Под ред. П. Е. Щеголева, ГИЗ, М.—Л., 1926—1928.
Пирумова — Н. М. Пирумова. Бакунин. Изд. «Молодая гвардия», М., 1970.
Писарев — Д. И. Писарев. Сочинения, тт. 1—4. Гослитиздат, М., 1955—1956.
Произведения петрашевцев — Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. Госполитиздат, М., 1953.
Прометей — «Прометей». Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей», тт. 1—9, Изд. «Молодая гвардия», М., 1966—1972. Издание продолжается.
Прыжов — И. Г. Прыжов. Очерки, статьи, письма. М., Изд. «Academia», 1934.
Пушкин — Пушкин. Полное собрание сочинений, тт. I—XVII. Изд. АН СССР, М., 1937—1959.
РА — «Русский архив» (журнал).
РБ — «Русская беседа» (журнал).
РВ — «Русский вестник» (журнал).
РВед — «Русские ведомости» (газета).
РЛ — «Русская литература» (журнал).
РМ — «Русский мир» (газета).
РС — «Русская старина» (журнал).
РСл — «Русское слово» (журнал).
С — «Современник» (журнал).
Салтыков-Щедрин — М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений, в двадцати томах, тт. I—XV. Изд. «Художественная литература», М., 1965—1974. Издание продолжается.
Сб. Достоевский, I — Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник I. Под ред. А. С. Долинина. Изд. «Мысль», Пг., 1922.
Сб. Достоевский, II — Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Под ред. А. С. Долинина. Сборник II. Изд. «Мысль», Л.— М., 1924.
Семевский — В. И. Семевский. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. Изд. «Задруга», М., 1922.
СО — «Сын отечества» (газета).
СП — «Северная пчела» (газета).

Спасович — В. Д. Спасович. Сочинения, т. V, СПб., 1893.

СПбВед — «С.-Петербургские ведомости» (газета).

Спор о Бакунине и Достоевском — Спор о Бакунине и Достоевском. Статьи Л. П. Гроссмана и Вяч. Полонского. ГИЗ, Л., 1926.

Станкевич — А. Станкевич. Т. Н. Грановский. М., 1869.

Творчество Достоевского — Творчество Ф. М. Достоевского. Изд. АН СССР, М., 1959.

Творчество Достоевского, 1921 — Творчество Ф. М. Достоевского. 1821—1818—1921. Сборник статей и материалов. Всеукргиз, Одесса, 1921.

Ткачев — П. Н. Ткачев. Избранные сочинения на социально-политические темы в четырех томах. М., 1932.

Тургенев, Письма — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Письма, тт. I—XIII. Изд. АН СССР — «Наука», М.—Л., 1961—1968.

Тургенев, Сочинения — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения, тт. I—XV. Изд. АН СССР — «Наука», М.—Л., 1960—1968.

Успенский — Г. И. Успенский. Полное собрание сочинений, тт. I—XIV. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940—1954.

Фридлендер — Г. М. Фридлендер. Реализм Достоевского. Изд. «Наука», М.—Л., 1964.

Чернышевский — Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, тт. I—XVI. Гослитиздат, М., 1939—1953.

Чиж — В. Ф. Чиж. Достоевский как психопатолог. М., 1885.

Чирков, 1967 — Н. М. Чирков. О стиле Достоевского. Проблематика. Идеи. Образы. Изд. «Наука», М., 1967.

1926 — Ф. М. Достоевский. Полное собрание художественных произведений, тт. I—XIII. Под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. Госиздат, М.—Л., 1926—1930.

1956 — Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в десяти томах, Гослитиздат, М., 1956—1958.

Cahiers — «Cahiers du monde Russe et Soviétique» (журнал).

СОДЕРЖАНИЕ

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР*

*

Редакционная коллегия:

*В. Г. БАЗАНОВ (главный редактор),
Ф. Я. ПРИЙМА, Г. М. ФРИДЛЕНДЕР (заместитель главного редактора),
М. Б. ХРАПЧЕНКО*

Текст подготовили и примечания составили
Н. А. БИТЮГОВА, Н. Ф. БУДАНОВА, Т. И. ОРНАТСКАЯ,
Н. Л. СУХАЧЕВ, В. А. ТУНИМАНОВ, Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

Редактор XII тома В. Г. БАЗАНОВ

*

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том XII

Редакторы издательства *Н. Г. Герасимова, Е. А. Гольдич*
Оформление художников *С. Н. Тарасова* и *Л. А. Яценко*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректоры *Р. Г. Гершинская, А. И. Кац* и *Э. В. Коваленко*

Сдано в набор 13/VI 1974 г. Подписано к печати 21/I 1975 г. Формат бумаги $60 \times 90^{1}/_{16}$. Бумага № 1. Печ. л. $23^{1}/_{2}$=23,5 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 35,3. Изд. № 5697. Тип. зак. № 1479. М-25513. Тираж 200 000. *Цена 2 р. 30 к.*

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская ул., 26.